



ВЕРЕНИЦА
ЛИТЕР



К 60-ЛЕТИЮ
В. М. ЖИВОВА



Бейся, свечной язычок, над пустой страницей,
трепещи, пригинаем выдохом углекислым,
следуй – не приближаясь! – за вереницей
литер, стоящих в очередях за смыслом.

И. Бродский. Римские элегии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

ВЕРЕНИЦА ЛИТЕР



К 60-ЛЕТИЮ
В. М. ЖИВОВА



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 63.3(2)4
В 74

Редакционная коллегия:

А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован (отв. редактор), Р. А. Евстифеева

В 74 Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / ИРЯ РАН; Отв. ред.
А. М. Молдован. — М.: Языки славянской культуры, 2006. —
624 с.: ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0153-5

Сборник включает статьи по широкому кругу вопросов, связанных с изучением древнерусской письменности: эпиграфики, текстологии, кодикологии, исторической грамматики и лексикологии. В сборник вошли также статьи по истории русской литературы и культуры, истории русско-византийских отношений. Ряд статей посвящен вопросам лексической семантики, стиховедения, поэтики, языка художественной литературы. Представлены публикации текстов древнего и новейшего периода и мемуарные заметки. Сборник представляет интерес для лингвистов, литературоведов, историков и культурологов.

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-9551-0153-5



© Авторы, 2006

© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Алексеев.</i> Библия и типология литературных языков.....	7
<i>А. А. Зализняк.</i> Еще раз о надписи № 199 из Новгородской Софии.....	20
<i>Б. А. Успенский.</i> Владимир Мономах и апостол Павел	43
<i>Т. В. Рождественская.</i> Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде	46
<i>А. А. Гиппиус.</i> Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет	56
<i>Alan Timberlake.</i> «Не преступати предѣла братна»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle.....	97
<i>К. А. Максимович.</i> Трансформации неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха Болгарского (Опыт количественного описания).....	113
<i>А. А. Пичхадзе.</i> Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение <i>-тъ/-сть</i> в аористе	129
<i>Т. В. Пентковская.</i> Иерусалимский Устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI).....	147
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Древнеславянские переводы анафоры литургии Иоанна Златоуста в служебниках XI—XIV вв.	175
<i>П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава.</i> «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе	193
<i>М. Н. Шевелева.</i> Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях.....	215
<i>С. А. Иванов, А. М. Молдован.</i> Русская «душеполезная повесть» с участием Андрея Юродивого	242
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.</i> Заметки о дополнительных христианских именах и почитании святых в культуре средневековой Руси	273
<i>Е. Э. Бабаева.</i> <i>Простой путь</i> : история одного словосочетания	292

<i>А. А. Турилов.</i>	
«Читал» ли древнерусский книжник миниатюры лицевых рукописей? (Об одном фантоме в изучении лицевого книгописания).....	318
<i>Джованна Броджи.</i>	
Лазарь Баранович в польской и церковнославянской ипостаси.....	327
<i>Роланд Марти.</i>	
Петр I и Михаил Френцель-старший	341
<i>Helmut Keipert.</i>	
Wie gut konnte man <i>man</i> um 1730 ins Russische übersetzen?.....	358
<i>А. П. Майоров.</i>	
Славянизмы как средства канцелярского этикета в деловой письменности XVIII в.	388
<i>Иоахим Клейн.</i>	
«Птенцы учат матку»: Принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева	403
<i>Манфред Шруба.</i>	
Антимасонские комедии Екатерины II как драматический цикл.....	413
<i>Ю. В. Кагарлицкий.</i>	
Фигура наследника престола и репрезентации верховной власти в русской проповеди XVIII — первой половины XIX века	427
<i>Вернер Лефельдт.</i>	
Бисмарк и русский язык	449
<i>А. А. Плетнева.</i>	
О языке «масскультуры» пушкинской эпохи: лубочная Сказка о Бове	470
<i>М. Л. Гаспаров.</i>	
Ритмика русского 4-стопного хоря XVIII—XX вв.	487
<i>Е. В. Падучева.</i>	
Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации.....	498
<i>А. Д. Кошелев.</i>	
О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации	516
<i>М. И. Лекомцева.</i>	
Семиотика словообразования, или «Заклятие смехом»	571
<i>А. Г. Кравецкий.</i>	
«Социализм предреченный в образе Самсона»	579
<i>А. К. Жолковский.</i>	
«И на заре какой-то новой жизни...» Филологическая проза	604
Список научных трудов Виктора Марковича Живова.....	607

БИБЛИЯ И ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

А. А. Алексеев
СПбГУ

Словом *Библия* называют Св. Писание христиан либо Св. Писание, собранное в виде полного кодекса, как это имеет место в современной книгоиздательской практике. В статье речь идет о *Библии* в первом значении слова, то есть о Св. Писании. Это нужно отметить, потому что как полный кодекс Библия у славян появилась гораздо позже первых переводов Св. Писания: в Чехии это произошло в середине XIV в., у восточных и южных православных славян лишь в конце XV в.

Равным образом и термин *литературный язык* неоднозначен. Применительно к средневековью он обозначает язык письменных текстов, в значительной мере независимый от влияния обиходной речи. В новое время, в национальную эпоху — это стандартизованная омнифункциональная обиходная речь, закреплённая также и на письме.

Как литературное произведение, как памятник письменности Св. Писание занимает особое положение. Его первый перевод на тот или другой язык вызывает большие перемены в общественной жизни, поскольку сопровождается переходом от язычества к христианству. Для многих народов средневековой Европы это означало также переход от бесписьменной культуры к письменной и, таким образом, от доисторического состояния к историческому. Поэтому длительный процесс обычно многократных переводов Св. Писания на тот или другой язык, история его религиозного и культурного освоения представляет собою одну из важнейших сторон социальной истории всякого христианского народа. Но в данном случае будет обращено внимание лишь на два исторических момента, в которые особенно значимо и значительно отразился на судьбах литературного языка тот или иной способ общественной рецепции Св. Писания.

1. Перевод Библии и алфавит

Существует, как кажется, известная историческая закономерность, согласно которой алфавит для бесписьменного прежде народа создается лишь в

том случае, если миссионерская работа по распространению христианства в новой этнической среде сочетается с переводом Библии. Если в ходе миссии Св. Писание не переводится, новая христианская община вместе с религиозной доктриной усваивает готовый алфавит одного из соседних народов. Первым путем в культурной среде восточного Средиземноморья появились сирийское письмо эстрангело (I в.), готский (середина IV в.), затем армянский (около 406 г.) и позже грузинский алфавиты. Создание каждого из них было вызвано потребностями перевода Св. Писания для бесписьменного прежде народа и установлением литургии на местном языке. Напротив, распространение христианства в культурной среде западного Средиземноморья не сопровождалось переводом Писания, здесь не появилось новых алфавитов, но повсеместное применение нашел латинский алфавит.

Эта закономерность, как всякое сложное явление культуры, лишь более или менее намечена, в действительных исторических условиях ее реализация почти всегда осложнена привходящими обстоятельствами.

Во-первых, библейский перевод становится значимым фактором культуры лишь в том случае, если используется за богослужением, то есть является литургическим по своему функциональному назначению. Именно так произошло в странах христианского Востока. На христианском Западе переводы появились сравнительно рано, но в стенах церкви и за богослужением не употреблялись, служа целям «назидательного чтения».

Исторические обстоятельства развития письма на христианском Востоке оказываются регулярно связаны с библейским переводом. Так, коптское письмо исторически возникло как усвоение греческого алфавита, но при начале христианских переводов Библии в III в. оно подверглось систематическому «устроению», будучи впервые представлено в библейских рукописях IV в. [Steindorff 1950]. Эфиопское письмо, возникшее в середине I тыс. до н. э., было реформировано в IV—V вв. в Аксумском государстве при начале христианских библейских переводов; при этом письмо слева направо заменило прежнее справа налево, алфавитное письмо заменило консонантное. Готское письмо, созданное епископом Ульфилой, соединяет в себе греческие, латинские и рунические буквы. Между официальным обращением Армении к христианству в 304 г. и созданием Месропом Маштоцем алфавита около 406 г. прошло целое столетие, когда армянский язык в богослужении не изменялся.

Для алфавитов миссионерского типа характерна сложная конфигурация, использование религиозной символики в начертаниях букв и их названиях, точная передача фонематического состава языка. В свою очередь исторически усвоенные алфавиты хуже приспособлены для передачи звукового состава языков новых христианских народов. Всякие зачатки местной письменности

сти, если они существовали, уничтожаются при их усвоении как наследие язычества — так исчезли рунические письмена северо-германских народов.

Соединение нового алфавита с переводом Писания оказывается закономерным в силу требования обязательной рецитации библейских текстов за христианской литургией. Создание полного комплекта литургических текстов может занять десятилетия или даже столетия. Так, формирование латинской литургии в Риме было завершено лишь папой Дамасом (366—384), который не случайно выступил также инициатором нового перевода Библии, выполненного по его предложению Иеронимом. Но набор основных молитв для литургического и катехизического использования и известный набор библейских текстов для литургического чтения необходимы уже на первых шагах богослужения в новопросвещенных землях. Наличие литургии на собственном языке вело к значительной автономии всякой местной церкви, почему римский престол препятствовал ее развитию, тогда как христианский Восток воспринимал ее как норму, заложенную при самом основании церкви, когда апостолы проповедовали на всех языках вселенной (см.: Деян. 2:1—12), и принимал ее, хотя, может быть, не всегда охотно. При объединении в Римском патриархате множества народов и государственных образований именно языковое единство поддерживало его целостность. Единый язык обслуживал не только собственно церковные нужды, но также почти все иные сферы государственной и культурной жизни.

На фоне этой закономерности славянская языковая ситуация может быть лучше оценена в своей специфичности.

Глаголическое письмо обладает всеми признаками миссионерского алфавита: особым начертанием, напоминающим другие миссионерские шрифты [Прохоров 1992], символизмом [Кипарский 1968], хорошей передачей фонематического состава славянской речи [Дурново 1929]. Глаголица была создана для литургического перевода Св. Писания. Сегодня это обстоятельство кажется вполне очевидным, но стоит напомнить, что к такому пониманию положения вещей путь был долгий. «Гипотезе Шафарика» [Šafařík 1858] о первенстве глаголицы пришлось преодолеть значительное сопротивление традиции. Еще в начале XX в. А. И. Соболевский твердо отстаивал первенство кириллицы [Соболевский 1909]. Вместе с тем неоднократно высказывалось мнение о докирилловском происхождении глаголицы. По-видимому, уже в XIII в. в среде хорватского духовенства возникла легенда о том, что глаголицу изобрел Иероним Стридонский, который перевел при этом на славянский язык и саму Библию [Ягич 1910: 8; Вапас 1984: 193—198]. Легенда эта призвана была защитить глаголицу и славянское богослужение от притеснений со стороны римского престола. К VIII в. относил время создания глаголицы А. В. Исаченко [1963], полагая, что ее мог составить зальцбург-

ский епископ Виргилий (ок. 700—784), который уже в 770-е гг. занимался обращением славян, а написанную им космографию приписал Иерониму [Loewe 1951]. С этим предположением согласиться трудно: ни один из изобретенных Виргилием алфавитов не получил исторического существования, поскольку не был связан с переводом Св. Писания и установлением литургии на местном языке. Равным образом нет никаких оснований доверять сообщению Солунской легенды о небесном происхождении славянского алфавита. Это позднее по языку произведение стилизовано под Апокалипсис, изложение событий ведется от первого лица, которое носит имя Кирилла и является выходцем из Каппадокии. На основании косвенных соображений Г. М. Прохоров датирует события, описанные в ней, VII в. [Прохоров 1992]; он думает, что каппадокиец Кирилл не тождествен Кириллу Солунскому и был монофизитом. Тем самым просветительская активность восточно-христианских церквей ограничивается дохалкидонским периодом. Ведь основанием удревления глаголицы для Г. М. Прохорова служит то, что внешним обликом своим она напоминает шрифты IV—V вв., такие как армянский и грузинский, но также и более древний эфиопский, представляя для своей эпохи как бы анахронизм. Однако эфиопский алфавит с армянским разделены в своем рождении почти тысячелетием, и нет причин думать, что в IX в. могли действовать какие-то иные графические приемы. Именно в это время возникает греческий минускул, схожий с глаголицей по своему внешнему облику. После публикации наблюдений Чернохвостова [Кипарский 1968] становится очевидным, что смысловая обусловленность начертания глаголических букв играла ведущую роль в поисках внешнего оформления. В конце XIV в. просветитель коми-зырян Стефан Пермский также начал свою работу по переводу Писания с создания алфавита, но пермская азбука действительно не похожа на старые миссионерские шрифты. Кажется вероятным, что ее создатель не знал ни этих шрифтов, ни даже глаголицы и в своей работе опирался исключительно на кириллицу, используя ее элементы для нового письма.

Сомнения в первенстве глаголицы порождены, вероятно, тем обстоятельством, что православные славяне, теснее связанные с Византией, слишком легко и быстро отказались от нее. Причины этого скрываются в историческом и культурном развитии Болгарии, где глаголический алфавит уже в первой половине X в. стал вытесняться кириллицей, и это несмотря на бережное сохранение и приумножение славянской версии Св. Писания, развитие славянской литургии, удивительную активность в деле перевода на славянский язык богатой церковной письменности Византии и, наконец, на позицию Климента Охридского, до конца дней своих († 916) сохранявшего верность глаголическому алфавиту.

Кириллица представляет собою не что иное, как исторически усвоенный греческий алфавит. Допустимо думать, что ее победа над глаголицей в Болгарии могла быть обусловлена сильным византийским давлением в политической и культурной сферах, наличием значительного числа двуязычных и гречески образованных лиц. Но такое объяснение не кажется вполне удовлетворительным. Сходные условия были и в Сирии, и в Армении, где «национальные» алфавиты сохранились. Как ничто другое в языке, алфавит несет на себе знак культурной самостоятельности народа, воплощает собою сущность литературного языка. Иногда близкородственные языки различаются друг с другом заметнее всего своей орфографией или алфавитом (например, языки словацкий и чешский, сербский и хорватский), сохранению этих различий придается в обществе исключительное значение. Алфавит может даже отождествляться с языком. Так, у евреев эпохи рассеяния в синагогальном употреблении находили себе применение библейские переводы на языках тех народов, среди которых евреи жили, но записаны были эти переводы еврейским шрифтом. Некоторые западнорусские переводы польских текстов XVI—XVII вв. представляли собою почти только замену латинского алфавита кириллическим при сохранении всех лексических и грамматических черт оригинала [Соболевский 1903: 43]. Замена глаголицы на кириллицу в Болгарии X в. не могла пройти незаметно, шаг за шагом, постепенно; трактат черноризца Храбра о письменах служит свидетельством того, что вопрос об алфавите находил большой общественный отклик. Замена глаголицы на кириллицу могла быть осуществлена лишь по решению церковных властей, лишь после перевода литургических текстов из одного шрифта в другой. О том, что такая транслитерация литургических книг не может осуществиться стихийно и спонтанно, говорит вся церковная история хорват-глаголяшей.

Думается, переход от глаголицы к кириллице был осуществлен только потому, что греческое письмо было усвоено исторически и применялось в Болгарии задолго до появления там глаголических текстов и славянского богослужения. Из эпохи VII—IX вв. сохранились протобулгарские надписи — греческие по алфавиту и тюркские по языку. Разумеется, греческий алфавит мог также применяться во всех торговых и хозяйственных целях. Социальный верх болгарского государства состоял в это время из тюркского этнического элемента, подобно тому как на Руси он был германского происхождения. Крещение той и другой славянской страны привело к одинаковым этническим последствиям, а именно — к полной ассимиляции инородного этноса, к его растворению в славянском народе, в славянском языке. Решающим фактором оказалось то, что христианство явилось в славянском языковом воплощении, это немаловажно именно для Болгарии, где численность иноплеменной социальной верхушки была значительна и где она пользовалась

тюркским языком. Последствия христианизации в той форме, которую предложили Болгарии ученики Кирилла и Мефодия, были достаточно очевидны. По всей вероятности, отказ от «национального» славянского алфавита, глаголицы, и переход к кириллическому письму, лишенному по своей связи с греческим яркого «этнического» обличия, был результатом своеобразного межплеменного и межсословного компромисса. В свое время Г. А. Ильинский высказал соображение о том, что замена греческого языка богослужения на славянский могла быть произведена на съезде 893 г., который созван был князем Борисом после подавления боярского антихристианского движения, получившего поддержку верховной власти в годы княжения Владимира (891—893) [Ильинский 1931]. Источники, которые подтвердили бы эту догадку, отсутствуют, но исторический ход событий, последовавших после 893 г., заставляет считать ее приемлемой.

Наконец, Фрейзингенские листки, содержащие славянские тексты молитв в записи латинским алфавитом, также служат свидетельством исторического усвоения частью славян этого алфавита. Перевод некоторого числа обиходных молитв на местные языки без перевода целиком литургии и Св. Писания был обычен для практики римской католической церкви. При новом переходе к латинскому богослужению и отказу от славянской версии Св. Писания глаголица была закономерно вытеснена латинским шрифтом у славян-католиков. Вместе с этим для них была потеряна возможность использования местного языка для письменно-литературных целей. В Чехии этот период длился до XIV в., в Польше — до XVI в.

У хорват-глаголяшей на острове Крк глаголица сохранилась вместе со славянским богослужением и славянским текстом Св. Писания, поэтому она применялась также для внецерковных целей.

Значимость литературного языка на своей, автохтонной или национальной основе, знаком чего служит особый алфавит, видна из простого сравнения судеб двух славянских племен, оказавшихся в IX—X вв. в сходных социо-этнических обстоятельствах: славян, населявших Болгарию и Паннонию. И те, и другие оказались под властью неиндоевропейских народов — тюрков-булгар и алтайцев-мадьяр. Безусловно, судьба болгарских славян могла сложиться иначе, если бы в Болгарии не произошел переход на славянское богослужение и широкое применение славянского языка во всех сферах общественной жизни. Именно это привело к исчезновению собственно булгарского языка и почти мгновенной ассимиляции тюрков. Принятие латинского богослужения в Паннонии не дало немедленной победы ни одному из двух населявших ее этносов, но в позднейших исторических событиях, в которых приняли участие также немцы, славянское население было постепенно ассимилировано и, потеряв язык, безвозвратно исчезло. Выживанию венгерского

языка способствовала Реформация, породившая в XVI в. серию библейских переводов на этот язык.

2. Св. Писание и становление национального литературного языка

Возникновение национальных литературных языков было первым знаком заката европейского средневековья и приближения нового времени. В зависимости от исторических, социальных и культурных условий каждый народ приходил к этому своим путем и в свое время; становление некоторых литературных языков прошло через несколько этапов. Период формирования национальных литературных языков растянулся в Европе с XIII по XX век. Общим во всех случаях было: отказ от прежнего литературного языка, основанного на архаичной или этнически чуждой лингвистической системе и имевшего наднациональное (международное) функционирование, и выработка нового литературного языка внутринационального функционирования, основанного на лингвистических нормах живой обиходной речи. В отличие от старого литературного языка, новый должен был обладать полной функциональной универсальностью, то есть применяться во всех коммуникативных сферах.

Имелись две возможности формирования национального литературного языка. Первая из них представлена итальянской моделью, воплощенной в деятельности Данте (1265—1321) и Боккаччо (1313—1375): здесь новый литературный язык складывается в сфере художественной речи, беллетристики и поэзии, старый литературный язык остается достоянием церкви. Вторая возможность представлена немецкой моделью, воплощенной в деятельности Лютера (1483—1546): здесь новый литературный язык возникает в результате перевода Св. Писания на живой обиходный язык общества и народа, старый литературный язык отвергается целиком.

Для этой типологии важно, впрочем, одно дополнительное условие: применяется ли Библия в новом переводе для церковно-литургических целей или нет? Ведь именно чтение библейского перевода за общественным богослужением, его церковная рецепция в этой форме утверждает за ним статус Св. Писания, определяя социальную и религиозную значимость перевода. Французские и итальянские библейские переводы появляются уже в XIII в., печатные издания полных Библий выходят в 1471 г. (итальянский) и 1530 г. (французский), однако они не оказали существенного влияния на религиозное и культурное положение вещей в соответствующих странах, поскольку их назначением было домашнее назидательное чтение, неформальное истолкование латинского богослужения. Впрочем, даже такое применение Библии на народном языке не всегда было терпимо и, например, в течение двух столетий (1568—1768) публикация библейских переводов в Италии была вообще

запрещена. Die deutsche Bibel Лютера (1534) была далеко не первым изданием Библии по-немецки, ей предшествовали издание И. Ментелина 1466 г. со множеством переизданий, издание Г. Цайнера 1475 г., издание А. Кобергера 1483 г. и немало других. Особое положение лютеровской Библии объясняется тем, что она вошла не только в культурный, но и конфессиональный обиход как церковный текст, как текст протестантского богослужения. Следовательно, эту вторую модель можно назвать реформационной или протестантской.

Сходным образом сложилась история английской версии Св. Писания. Здесь за внеконфессиональным переводом Джона Виклифа (1382) последовал протестантский перевод Вильяма Тиндала (1525—1535) и несколько других протестантских переводов. Переводческая и редакторская деятельность завершилась в 1611 г. изданием Библии короля Иакова (King James Version), ставшей основой английского литературного языка нового времени [Вгусе 1961]. Реформация дала многим европейским народам то, чего они оказались лишены при первоначальном обращении к христианству: текст Св. Писания на своем, «народном» языке и национальный литературный язык. Деятели Реформации, занимаясь церковной реформой, решали проблему литературного языка.

В свою очередь итальянская модель также может быть названа по своей конфессиональной принадлежности католической. Здесь периферийное положение Св. Писания в сфере национальной письменности, основанной на национальном литературном языке, обусловлено тем, что в литургической практике римско-католической церкви в ту эпоху и позднее находил применение лишь латинский текст.

В истории развития славянских литературных языков можно выделить четыре культурно-языковых ситуации, которые получают надлежащую оценку через сопоставление с этими двумя классическими моделями. Понятно, что возникновение церковнославянского языка принадлежит другой эпохе и в данном случае не рассматривается. Именно он и был тем архаичным наднациональным языком старого типа, от которого отказались православные славяне в ходе выработки литературных языков на национальной основе.

а) *Предреформационный этап становления литературных языков.* Полный перевод Св. Писания на чешский язык завершился уже к середине XIV в., и как раз в связи с проблемами установления и редактирования библейского текста Ян Гус (1371—1415) выводит орфографические нормы чешского языка [Куас 1997: 77], открывая ему путь в широкое литературно-письменное обращение. Характерно, что образцом при введении диакритики ему служит еврейское письмо Библии [Ягич 1910: 41], что согласуется с его предреформационной позицией. В 1488 г. вышло печатное издание Чешской Библии (шестое полное издание Библии в Европе). Ситуация в Чехии типоло-

гически сходна с немецкой или английской, но предреформационные, или прореформационные настроения сказались в Чехии сильнее, чем где-либо в Европе; результаты их приобрели большую общественную значимость. Чешское влияние отразилось в Польше XIV — начала XVI в. в виде Флорианской псалтыри, Библии королевы Софии, трактатом об орфографии Якуба Паркоша (1440). На западнорусских землях, входивших тогда в Польское государство, Чешская библия послужила основой украинского перевода Песни песней в сопровождении кратких толкований [Алексеев 2002: 163—173] и печатной Библии белорусского просветителя Франциска Скорины. Возможно, к этой же культурно-исторической ситуации следует относить перевод с еврейского оригинала нескольких ветхозаветных книг, сохранившийся в известном Виленском кодексе начала XVI столетия (см.: [Altbauer 1992]). Во всех польских и западнорусских переводах Св. Писания сказывается стремление образовать литературный язык на народной обиходной основе. В Западной Руси таким путем в это время складывается *простая мова*.

б) *Эпоха Реформации и славянские литературные языки*. Оба литературных языка лужицких сербов, протестантов по исповеданию, сформировались в согласии с классической протестантской моделью. В 1548 г. появляется перевод Нового Завета и Псалтыри, выполненный пастором Миклошем Якубичей, затем перевод Катехизиса Лютера, выполненный пастором Вореяхом, далее в XVII в. создаются словари и грамматики.

Но Реформация оказала большое влияние на развитие литературных языков и тех народов, которые в своем большинстве оставались католиками, — чехов, поляков, словенцев.

В 1533 г. два священника-утраквиста Бенеш Опат и Петр Гзель опубликовали Новый Завет в переводе с греческого издания Эразма (1516), внося некоторые усовершенствования в орфографию Яна Гуса и сопроводив издание чешской грамматикой [Ягич 1910: 43—44; Peciřková 1998: 1179—1180]. В кругу реформационного движения Чешских братьев появился перевод Нового Завета, выполненный в 1564 г. Яном Благославом, а затем и печатная Кралицкая библия (1579—1593). Ветхий Завет для нее был переведен с еврейского оригинала в обход Вульгаты, подобно тому как это сделал Лютер. Одновременно появляется орфографический трактат Яна Благослава Deklagase (1571). Чешский язык в большой степени был освобожден от архаизмов, присущих ему в эпоху Яна Гуса. Кралицкая библия сохраняет свое нормативное значение для чешского языка вплоть до эпохи национального возрождения. Для чешских и словацких протестантов она является также конфессионально-церковным текстом.

Для словенского литературного языка еще большее значение приобрел перевод Св. Писания, опубликованный с 1550 по 1584 г. двумя протестанта-

ми — Приможем Трубаром и Юрием Далматином. Даже при наступившей вскоре контрреформации эта Библия сохранила свое религиозное значение, в частности, соответствующие пассажи включались из нее в католические лекционари [Крашовец 1998: 1041]. Это обстоятельство вместе с высокими стилистическими качествами позволило ей навсегда сохранить свое основополагающее значение для словенского литературного языка [Рогасник 1998].

Реформационные переводы в Польше XVI в. оставили свой след в виде издания типографом Яном Секлюцианом Нового Завета (1553) в переводе Станислава Мужинковского, причем к Евангелию от Матфея (1551) была прибавлена статья об орфографии. Брестская (или Радзивилловская) библия (1561), переведенная в своей ветхозаветной части с еврейского оригинала, в новозаветной — с греческого текста Эразма, была издана кальвинистами и отличалась ясным и точным слогом. Несвижская библия (1572), опубликованная сочинителем Симоном Будным, делала большой упор в языке на польское просторечие. Контрреформация проявила себя в Польше новым переводом с латыни Библии Якуба Вуека (1599), который в предисловии к изданию упрекал протестантских переводчиков за их стремление к красоте слога [Frick 1989: 200]. Имелось в виду требование, выдвинутое впервые Лютером в «Письме к переводчику» (Sendbrief zum Dolmetschen, 1530), чтобы библейский перевод обладал достоинствами литературного стиля.

Несколько протестантских переводов Св. Писания появилось в это время и на западнорусских землях: Пересопницкое евангелие (1556—1561), Евангелие Валентина Негалевого (1581) и др. Позже эта волна протестантских переводов докатилась и до Москвы, где в 1683 г. появился перевод Псалтыри, сделанный с оригинала Брестской библии Авраамием Фирсовым.

Несмотря на активность реформационных переводчиков в Польше, их деятельность сравнительно мало отразилась на судьбах литературного языка. Благодаря успеху католической контрреформации новые переводы не вышли за рамки внеконфессиональной литературной продукции, не получили церковной рецепции.

в) *Судьбы церковнославянского языка в XVI—XVIII вв.* У православных славян в XVI—XVIII столетиях сложилась своеобразная ситуация. Церковнославянский текст Св. Писания получает здесь в это время особо широкое распространение благодаря печатному изданию Острожской библии, которое осуществил в 1581 г. в Остроге на Волыни Иван Федоров. Это издание стало счастливым соединением двух стихий — консервативной любви к традиции, вынесенной Иваном Федоровым из Москвы, и либеральной религиозной толерантности, господствовавшей в то время в Польше, в условиях которой в течение двух десятилетий Библия была издана в своих главных конфессиональных формах: католической (Библия Леополиты, Краков, 1561), протес-

тантской (Брестская библия, 1563, Несвижская, 1572) и православной (Острожская, 1581).

На землях Волыни церковнославянский язык сохранял свой статус литературного языка, полученный им уже в Болгарии в X в., однако с конца XVI столетия предпринимаются очевидные попытки придать ему новый характер — всеобъемлющего литературного языка нового типа. Проявляется это следующим образом. Во-первых, издаются грамматики и словари церковнославянского языка. Это значит, что кодификация его начинает проводиться теми средствами, которые типичны для кодификации национального литературного языка. За основу грамматического кодекса принимаются нормы Острожской библии. Во-вторых, в XVI и XVII вв. существенно расширяется спектр книжных жанров, выходя за пределы церковно-религиозной проблематики. С европейских языков переводится большое количество научно-описательных сочинений, появляется беллетристика вплоть до любовного и авантюрного романа, входит в обычай частная переписка на церковнославянском языке. Есть сведения, что с конца XVII в. в учебных заведениях церковнославянский язык находил себе устное бытовое применение. Налицо, таким образом, расширение коммуникативного использования этого языка.

Наконец, в связи с расширением социального функционирования церковнославянского языка проводится его освобождение от архаических элементов, снятие тех лингвистических черт, которые создавали препятствия для его широкого использования. В результате он получил возможность восприниматься как письменная разновидность устной речи, а не как другой язык. Такое восприятие облегчалось тем, что никакой грамматической и кодификационной работы над языком бытового общения не проводилось, так что последний мог в большинстве случаев просто не восприниматься как нечто иное по своей природе, чем письменный церковнославянский язык. Подобная ситуация описана для обществ, где известна так называемая диглоссия.

На западнорусских землях такой язык сложился гораздо раньше и отчетливее в виде *простой мовы* благодаря тому, что последняя вобрала в себя много черт от письменного языка западнорусской канцелярии. В московской Руси применение *простого славенского* стало более заметно лишь в начале XVIII в. Во второй половине XVIII в. этот же язык получил распространение у сербов под именем *славяно-сербского*. В Болгарии упрощение церковнославянского языка начинается с конца XVI в. с так называемых *дамаскинов* и продолжается в разных формах до середины XIX в.

Таким образом, в областях применения церковнославянского языка как литературного первые опыты создания национального литературного языка заключаются в том, что в старые мехи вливают новое вино. Новый этап развития национального языка опирается на Библию, как это характерно для

протестантских народов, но Библия берется в старом переводе, восходящем к первой миссионерской эпохе. Это легко понять в связи с безусловной близостью языка славянской Библии к местным диалектам, которая не совсем была утрачена еще и в это время. Для победы классической немецкой модели было бы нужно, чтобы реформационные течения у православных народов имели больший размах, чем это было в действительности. Единственное значительное религиозное движение московской Руси, старообрядчество, было более консервативно в культурном отношении, чем церковное руководство. Для победы классической итальянской модели восточным и южным славянам не хватало развития светской внецерковной культуры.

г) Наконец, в эпоху национального возрождения с конца XVII в. структура славянских литературных языков претерпела громадные перемены. У одних народов были созданы новые литературные языки со светской внецерковной сферой функционирования, которые имели очень мало общего со старыми литературными языками: это словацкий, болгарский, сербский, хорватский, украинский, белорусский, русский, — лишь в последнем случае связь со старой письменной традицией довольно значительна. У других народов старые литературные языки подверглись большой переделке: полностью освобожденные от устарелых явлений в системе, они сблизилась с народной речью и соседними литературными языками европейских народов: это польский, чешский, лужицкие, словенский, — то есть те языки, которые в основном сформировались в эпоху Реформации. Сколько-нибудь серьезного значения Св. Писание не имеет в эту эпоху, даже если при создании новых литературных языков одновременно осуществлялся перевод священных текстов, как это было, например, в деятельности Вука Караджича. Нужно иметь в виду, что в церковном богослужении православные славянские народы и сегодня держатся подчас церковнославянского текста. Это в значительной мере устраняет Св. Писание из общественной жизни и отводит языку богослужения узкие рамки священного, сакрального языка.

Литература

- Алексеев 2002 — Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.
- Дурново 1929 — Дурново Н. Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*. 1929. Vol. 1. S. 48—85.
- Ильинский 1931 — Ильинский Г. А. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена кириллицей? // *Byzantinoslavica*. 1931. Vol. 3. S. 79—88.
- Исаченко 1963 — Исаченко А. В. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // *Вопросы славянского языкознания*. Т. 7. М., 1963. С. 263—292.

- Кипарский 1968 — *Кипарский В.* О происхождении глаголицы // Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 годишнина от смъртта му. София, 1968. С. 91—97.
- Прохоров 1992 — *Прохоров Г. М.* Глаголица среди мисионерских азбук // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 45. 1992. С. 178—199.
- Соболевский 1903 — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
- Соболевский 1909 — *Соболевский А. И.* Кириллица и Глаголица // Богословская энциклопедия. СПб., 1909. Т. 10. С. 214—218.
- Ягич 1910 — *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910.
- Altbauer 1992 — *Altbauer M.* The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262). Jerusalem, 1992.
- Banac 1984 — *Banac I.* Main Trends in the Croat Language Question // Aspects of the Slavic Language Question / Ed. by R. Picchio, H. Goldblatt. Vol. 1. New Haven, 1984. P. 189—259.
- Bruce 1961 — *Bruce F. F.* The English Bible. A History of Translation. London, 1961.
- Frick 1989 — *Frick D. A.* Polish Sacred Philology in the Reformation and the Counter-Reformation. University of California Press, 1989.
- Krašovec 1998 — *Krašovec J.* Slovenian Translations of the Bible // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1039—1072.
- Kyas 1997 — *Kyas V.* Česká bible v dějinách národního písemnictví. Vyšehrad, 1997.
- Loewe 1951 — *Loewe H.* Ein literarischer Widersacher des Bonifacius. Virgil von Salzburg und die Kosmographie des Aethicus Ister // Akademie der Wissenschaften und die Literatur in Mainz. Abhandlungen der geistes- und socialwissenschaftlichen Klasse. № XI. 1951. S. 899—988.
- Pecirková 1998 — *Pecirková J.* Czech Translations of the Bible // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1167—1200.
- Pogacnik 1998 — *Pogacnik J.* Dalmatins Bibelübersetzung (1584) als Ausgangsbasis für eine Vertextungs- und Erzählpraxis in der slowenischen Literatur // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1653—1670.
- Šafařík 1858 — *Šafařík P.* Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus. Prag, 1858.
- Steindorff 1950 — *Steindorff G.* Bemerkungen über die Anfänge der koptischen Sprache und Literatur // Coptic Studies in Honor of W. E. Crum. Boston, 1959. P. 189—214.

ЕЩЕ РАЗ О НАДПИСИ № 199 ИЗ НОВГОРОДСКОЙ СОФИИ

А. А. Зализняк

Институт славяноведения РАН, Москва

В феврале 2005 г. А. Ю. Чернов с помощью С. В. Трояновского организовал новую съемку надписи № 199 (по нумерации в книге [Медынцева 1978]) из Новгородской Софии. Фотографировал Е. В. Гордюшенков; создан комплекс из 12 фотографий этой надписи; их качество — исключительно высокое. Благодаря любезности А. Ю. Чернова я получил возможность ознакомиться с этими снимками (в виде компьютерных файлов).

Мой прежний анализ этой надписи в работах [Зализняк 2004: 242—247; 2005] был основан на фотографии, содержащейся в книге [Медынцева 1978: 278] и помещенной там же прориси. По качеству и информативности эта маленькая черно-белая фотография, вдобавок обедненная в типографской передаче, не идет ни в какое сравнение с великолепным цветным комплексом, который создал Е. В. Гордюшенков, где снимки при всех возможных направлениях света позволяют выявить почти любой штрих.

Как теперь видно, буквенные штрихи отличаются от фона (т. е. поверхности штукатурки) несравненно отчетливее, чем можно было представить себе по прежней фотографии. Вопрос о том, какова природа той или иной линии, решается теперь в безусловном большинстве случаев с полной определенностью, тогда как прежняя фотография часто позволяла об этом лишь гадать. Тем самым мы имеем теперь возможность выявить буквенный состав надписи намного более надежно, чем прежде.

Соответственно, ряд прежних предположений о том, какие буквы могли стоять в неясно видимых зонах, ныне оказалось возможным четко проверить. Одни из них подтвердились, другие — нет.

В связи с пересмотром ряда буквенных чтений в некоторых местах, естественно, изменились и толкования. В наибольшей степени это относится к последним строкам текста, где был максимум неясных точек; в этих строках интерпретационные новшества радикальны. Но имеются частные изменения и в отдельных точках остального текста.

Благодарю А. Ю. Чернова и С. М. Михеева за предоставленную мне возможность ознакомиться с их прочтениями данной надписи (сильно различающимися между собой). К сожалению, с большинством предлагаемых ими новых чтений и интерпретаций я не могу согласиться; но некоторые из них представляются мне безусловным шагом вперед.

Ныне имеется, таким образом, уже четыре варианта прочтения данной надписи: первоначальное прочтение А. А. Медынцевой [1978], мое прежнее (в [Зализняк 2004; 2005]), А. Ю. Чернова и С. М. Михеева (последние два пока еще не опубликованы). Свои соображения по поводу чтения некоторых трудных мест текста высказал также А. А. Гиппиус.

Как показывает сравнение этих решений, надпись можно разделить на две части — условно говоря, «легкую» и «трудную». Первая включает строки 2, 3, 4 и первую половину строки 5, вторая — всё остальное. В «легкой» части между авторами почти нет расхождений, все существенные проблемы здесь решены. Напротив, в «трудной» части расхождения столь велики, что итоговые интерпретации этой части у разных авторов не имеют почти ничего общего между собой.

Ниже излагается результат нашего нынешнего обследования надписи по новым фотографиям, с учетом всех предшествующих решений. Ввиду большой сложности изучаемого документа мы уже не претендуем в настоящей работе на окончательность предлагаемого решения. Для самых трудных мест мы ограничиваемся лишь обсуждением конкурирующих предположений, высказанных разными авторами.

При ссылках на новые фотографии Е. В. Гордюшенкова указываются их шифры (0001.pnf и т. д.).

Приводим наше нынешнее прочтение надписи Мед. 199. В квадратных скобках показаны неоднозначно читаемые буквы, в фигурных — затертые (что функционально равно зачеркиванию). Знаки (-), (...) показывают, что само наличие какой-то буквы (или букв) в данной точке устанавливается ненадежно. Буквы, идентификация которых вызывает значительные трудности, показаны тем же знаком -, что и полностью утраченные.

- 1 голоде железнъчь -(-)
- 2 камане [же] пьрь {си}
- 3 си меда [н] алл
- 4 голова лип [о] {в [а]}
- 5 ва [ч] елюсть -ъ зо-(...)
- 6 (-) ев- ахид [ьн] е ворож [и]
- 7 бесе сотона тат [е] м [ы] =

- 8 тарь нюдо безако=
 9 ньна а оу=
 10 л[ε]тє да -[а п]лє[ц]-
 11 в[ь]ати [вє]р[а] амнинъ
 12 р

Из общих свойств данной надписи следует прежде всего указать последовательный графический эффект $\text{ѣ} \rightarrow \text{е}$ (ср. *железньчь*, *медл[н]аа*, *бесе* и др.); иначе говоря, букву *ѣ* автор надписи не употребляет вообще. Такова картина в надежно читаемых частях надписи (соответственно, высказываемые иногда предположения о наличии ятя в реконструируемых частях надписи оказываются априори маловероятными).

С точки зрения графики и палеографии определенную проблему составляет различие в данной надписи букв *ѣ* и *ь*. Если оставить в стороне буквы, входящие в ненадежно толкуемые отрезки и в отрезки с неясным составом букв, обнаруживается вполне строгое распределение: *ѣ* имеет левую верхнюю засечку (основной пример — конечное *амнинъ*), а *ь* — нет; что же касается длины верхнего покрытия, то она в этом противопоставлении роли не играет (и реально сильно варьирует). Именно такой способ противопоставления букв *ѣ* и *ь* представлен, в частности, в значительной группе берестяных грамот домонгольского времени (например, в грамотах № 231, 424, 724, 834, 906, 913 из Новгорода, № 20 и 36 из Старой Руссы, № 9 из Смоленска).

По мнению А. Ю. Чернова, надпись написана не одним, а двумя (или даже более) почерками. Следует безусловно согласиться с ним в том, что две половины надписи написаны по-разному: в первой половине письмо мелкое, довольно аккуратное и спокойное, во второй — крупное и более грубое. И действительно не исключено, что это разные почерки. Однако этот факт далеко не столь очевиден, как может показаться при виде этих различий в размере и степени аккуратности. Хорошо известно, что размер — параметр в этом отношении несущественный. Степень аккуратности в принципе тоже может варьировать у одного и того же пишущего.

Если писали два разных человека, то в их почерках было поразительно большое число близких сходств. В частности, чрезвычайно близки по начертанию следующие буквы из первой и из второй половины надписи (в скобках указаны номера строк): *а* в *голова* (4) и в *тарь* (8); *в* в *липова* (4/5) и в *ворожи* (6); *д* в *голоде* (1) и в *да* (10); *е* в *меданаа* (3) и после *т* в *-лете* (10); *з* в *железн-* (1), в *-ъ зо-* (5) и в *безако-* (8); *л* в *голоде* (1) и в *-лете* (10) (почти полное совпадение); *о* в *голоде* (1) (2 раза) и в *безако-* (8); *р* в *пърьси* (2) и в *-тарь* (8) (почти полное совпадение); *ю* в лигатуре с предшествующей буквой

в *челюсть* (5) и в *шудо* (8). Практически одинаковы также все вхождения таких относительно простых букв, как *и* и *н*. Принципиально одинаковое строение имеют также *б* в *бесе* и в *безако-*, *ж* в *железн-* и в *ворожи*, *ь* после *ч* в *железньчь* и в *тарь* (и некоторые другие буквы). Наш список не включает многих букв просто потому, что их в надписи нет (или нет неповрежденных) или они встретились только в одной из половин текста.

Конечно, написание отдельной буквы не вполне устойчиво, возможны варианты. Например, заметно варьируют написания буквы *а*: штрихи, образующие петлю, здесь могут как сходиться книзу, так и идти параллельно или даже расходиться. Но эти вариации не соотношены с противопоставлением двух половин текста, они представлены в рамках каждой из двух половин. Аналогичную картину являют буквы *т* и *ь*. Поэтому, например, некоторое различие внешнего вида буквы *к* в *камане* и в *безако-* (других достоверных *к* в надписи нет) вполне может быть именно такой вариацией. Систематического различия между половинами текста не удастся выявить ни для одной буквы.

Показательно то, что совершенно неочевидно, в какой точке текста происходит смена почерков, если их два. В частности, можно пытаться провести границу после слова *сотона* (строка 7), или после отрезка *сото* в этом слове, или после отрезка *ахидь* (строка 6). Например, такой чрезвычайно специфический эффект, как появление в тексте отдельных букв удвоенной величины, нарастает в надписи постепенно: он наблюдается в основном во второй половине текста, но первые примеры представлены уже в строках 4—6 (*в* в *липова*, *ва* в *голова*, *д* в *ахидь*). В связи с этим А. Ю. Чернов построил чрезвычайно сложную (и столь же недоказуемую) гипотезу о том, что текст делится на почерки нелинейно (почерки частично «вклиниваются» друг в друга) и что в первой половине имеются даже отдельные буквы, принадлежащие руке второго автора.

Как будет видно ниже, содержание надписи не дает серьезных оснований видеть в ней два самостоятельных текста. Даже если принять маловероятную гипотезу о двух почерках, текст вполне может рассматриваться как единый.

Далее даем построчные комментарии. Элементы надписи, по поводу которых не появилось никаких новых данных, не комментируются.

Строка 1

Первая строка составляет, по нашей оценке, одно из двух самых трудных мест текста, не имеющих до сих пор вполне убедительного решения.

Первое слово надписи, первая и пятая буква которого прежде вызывали большие сомнения, на новых фотографиях ясно читается как *голоде*. Первая

буква есть явное *z*; усмотреть здесь *в* невозможно. Пятая буква есть столь же явное *д* (а не *л*): отчетливо видна вся платформа этого *д*.

Следует признать, что смысл этого слова пока что остается недостаточно ясным. С нашей точки зрения, здесь нужно считаться прежде всего с возможностью самого простого, с внешней точки зрения, решения: *голоде* — это не что иное, как Голод (персонифицированный). Иначе говоря, злой дух, которому посвящена надпись, именуется Голод. Что касается самой возможности переноса слова *голод* в сферу наименований лиц, ср. *Сыт голоду не разумеет* Костром. ([СРНГ 6: 314], с пояснением «о голодном человеке»). Но, к сожалению, каких-либо прямых свидетельств существования мифологической фигуры, именуемой Голод, мы указать не можем.

Таким образом, нельзя исключать, что для отрезка *голоде* со временем появятся и какие-то другие решения (скажем, найдется какой-то донныне неизвестный омоним слова *голод*, или какая-то буква будет признана написанной по ошибке); но необходимо подчеркнуть, что буквенный состав того, что реально стоит в надписи, устанавливается ныне вполне определенно.

А. Ю. Чернов, признавая, что в тексте читается *голоде*, высказывает предположение, что вначале здесь было написано *володе* ‘великан’, а позднее буква *z* была переправлена неким редактором из *в* (а именно, в ней было затерто лишнее), а буква *д* была им же переправлена из *т*. Понятно, однако, что, как всякая версия со столь далеко идущими предположениями, она остается в сфере гадательного. (Прочие решения не рассматриваем, поскольку они исходят из иной идентификации реально видимых букв.)

Для следующего отрезка текста ныне с достаточной определенностью подтвердился буквенный состав, данный в первоначальной публикации А. А. Медынцева: *железньчь*. Начертание букв *нь* свидетельствует о происходившей в этом месте правке: автор сперва написал *железь*, а затем вставил пропущенное *н*, частично переделав при этом букву *ь*. У буквы *ь* после *ч* чрезвычайно широкое покрытие, но это не превращает ее в *ъ*, поскольку отсутствует левая верхняя засечка.

Трудность составляют одна или две буквы, которые следуют за отрезком *железньчь* (и заканчивают строку). Буква после *чь* похожа на *л* (но со странным ломаным покрытием [с провалом посередине], тогда как у всех достоверных *л* в этой надписи покрытие прямое) или на *к* (у которого из-за повреждения не видно верха мачты). После этой буквы под мастикой видны следы некоей фигуры, имеющей вид перевернутой дельты. А. Ю. Чернов считает возможным принять эту фигуру за верх от буквы *ъ*, у которой не видно низа. Но это совершенно ненадежно, потому что у нормального ера левая верхняя засечка не должна доходить до смыкания с мачтой; кроме того, штрихи под мастикой, вообще говоря, могут и не относиться к нашей надписи.

Чтение А. Ю. Чернова: *железн[ъ] чь[ль]* = *желъзно чело* (вместо явного *железнь* он читает *железн[ъ]*, предполагая, что последняя буква недописана или не полностью видна). К сожалению, это решение не вызывает доверия, поскольку основано на произвольной интерпретации по крайней мере двух букв и, кроме того, ведет к признанию сразу трех замен *о, е* на *ъ, ь*, тогда как в остальной части надписи такие замены очень редки.

Более правдоподобно членение, принятое А. А. Медынцевой, — с выделением слова *железньчь*. Следующую за этим отрезком букву в этом случае можно трактовать как *к* и объяснять ее присутствие так же, как для букв *си* в конце строки 2 и букв *ва* в конце строки 4 (см. ниже), а именно, как то, что автор сперва собирался написать следующее слово *каманек* в той же строке, но передумал. (Присутствие в конце строки еще одной буквы, кроме этой, как уже указано, вообще сомнительно.)

Слово **желъзньчь*, насколько можно судить, в памятниках или говорах не отмечено. Но такое производное не противоречит словообразовательным нормам; с помощью суффикса *-ьч-ь* от основ прилагательных образуются: 1) названия лиц, например: *молодьць, удалць, чьрньць, хромць, простць, хьтрьць, поганць, бьгльць, мьртвьць*; 2) названия предметов, например: *гостинць, дьтинць, студеньць, кованьць* ‘выкованная бляха’, *прьсньць* ‘пресный хлеб’, *ржавьць* ‘ржавое болото, топь’, соврем. *леденец, саженец*. Таким образом, **желъзньчь* могло значить либо ‘железный, крепкий, могучий человек’, либо примерно то же, что соврем. *железяка, железина, железка*. В обоих случаях допустимо использовать в качестве перевода само слово *железнец*, поскольку его смысл и коннотации носителю современного русского языка достаточно понятны.

Что касается написания с *ч* (*железньчь*), то здесь имеются две возможности: 1) простой эффект цоканья; 2) *желъзньчь* — притяжательное прилагательное к *желъзньць*. Во втором случае строка должна пониматься не как ‘Голод-Железнец’, а как ‘Голод железнецкий’ или как ‘Голод Железнецович’ (что бы ни означало здесь странное «голод»).

Строки 2—4

Строка 2

Буква *е* после *каман* видна плохо, но все же идентифицируется однозначно (см. прежде всего 0009.nef). Весьма труден следующий отрезок (до слова *пьрь|си*). Наиболее вероятно здесь прочтение *камане [же]*; оно наилучшим образом согласуется с сохранившимися остатками букв (см. 0011.nef, где *е* в составе *же* видно лучше всего). Альтернативное прочтение *камане[к]* (с грамматической точки зрения допустимое) с остатками букв согласуется

существенно хуже. Что же касается принятого А. Ю. Черновым прочтения *камане[ни]*, то оно вдобавок еще и противоречит грамматике (должно было бы быть *каменьны* или *каменьне*).

А. А. Медынцева предполагала, что слог *нь* в *ньрь|си* написан в виде лигатуры. Но эта гипотетическая лигатура имеет совершенно неправдоподобный вид: мачты буквы *н* не параллельны, а резко сближаются книзу; верхняя перекладина буквы *н* микроскопической толщины и идет косо. С нашей точки зрения, лигатуры здесь нет, а буква *н* (очень широкая) стоит на своем правильном месте левее *ь*. То, что принималось за верхнюю перекладину лигатуры, — это верхняя засечка буквы *ь* вместе с тонким следом предшествующего движения писала.

После *ньрь* есть еще следы от букв *си* (этот факт установлен независимо друг от друга А. Ю. Черновым и мною). Перед нами явление, встречающееся и в рукописях: повторение слога при переходе на новую строку. В данном случае, правда, автор (или, может быть, кто-то другой) затер ставшие ненужными последние буквы строки.

Строка 4

Слово *липова* сперва было написано в этой строке полностью; но затем последние буквы (*ва*) были затерты — точно так же, как буквы *си* в строке 2.

Строки 5 и 6

Первая половина 5-й строки ясна: это *ва [ч]елюсть* (от *лип[о]ва [ч]елюсть*). Трудность составляют вторая ее половина и следующая строка.

Дело прежде всего в том, что здесь из-за повреждений и по другим причинам оказывается спорной идентификация целого ряда букв. Начнем с рассмотрения этих спорных букв.

На букву после *[ч]елюсть* приходится выбоина. Остались лишь слабые следы правой ее части, которые могли бы принадлежать букве *в*, *к* или, может быть, угловатому *с*.

Следующая буква — *ь* или *ь*. Нужно предпочесть *ь*, поскольку на левом конце верхней горизонтали все же имеется большой косою штрих, который в достаточной степени похож на засечку у буквы *ь* в *амнинь* (в последней строке).

Далее после ясного *ьзо* в верхней части строки стоит уголок острием кверху, как если бы автор начал писать островерхую букву (*л*, *а*, *я* или *д*) и недописал. Эта фигура немного похожа также на маленькую букву *р* (правда, не такого вида, как другие *р* в этой надписи). Следует ли рассматривать ее как некоторую недописанную букву или как функциональный ноль, неизвестно.

Дальше идет пустое пространство длиной примерно в две буквы, после чего стоит знак, верх которого поврежден, похожий на *ь* или на низ от *б* (он похож также на низ от *я*, но это для нас не представляет интереса, поскольку в надписи нет *я*тей). Сходство, правда, весьма неполное, и нет уверенности, что перед нами именно буква, а не часть некоей орнаментальной фигуры. Таким образом, приходится считаться с разными возможностями: 1) это вообще не буква или буква, но не относящаяся к нашему тексту; 2) это буква нашего текста (*б* или *ь*), причем либо она прямо следует за другими видимыми буквами, несмотря на пустоту, либо пустое место содержало какие-то буквы, которые ныне исчезли. Это создает значительную неопределенность в возможных решениях.

В начале строки *б* стоят ясно видимые буквы *е* и *б*, перед которыми имеется, правда, еще маленький штришок, похожий на верхнюю засечку от *с*. Имеются две возможности: 1) это просто случайный штрих; 2) это верх от какой-то буквы (скорее всего *с* или *е*), низ которой либо так и не был прочерчен, либо ныне стал по какой-то причине невидим. А. Ю. Чернов придерживается второй версии и читает здесь *с* (но тут следует учитывать, что штрихи под мастикой могут и не относиться к нашей надписи).

Сложную проблему составляет буква после *б*. Большая ее часть уничтожена выбоиной. Под выбоиной видны две пересекающиеся линии — низ от *С*-образного штриха и низ от *Э*-образного штриха. Если это настоящие буквенные штрихи, то, конечно, следует предпочесть реконструкцию *о*. Однако изучение этих штрихов при больших увеличениях (см. в особенности 0003.nef) показывает, что только *С*-образный штрих — настоящий буквенный (процарапанный и глубокий), а *Э*-образный — это широкая неглубокая продольная промятина. В отличие от *С*-образного штриха, эта промятина совершенно не процарапала и не раскрошила поверхность штукатурки, а только слегка вдавила ее. Такие же промятины есть на поверхности штукатурки в этой надписи и в других местах; одна из них (идущая с *С*-3 на *Ю*-В) находится, например, на продолжении вправо строки 5, по вертикали вверх от последней буквы (*ы* слова *мы|тарь*) строки 7.

Эти наблюдения показывают, что на изучаемом месте скорее всего стояло *е*; но все же не исключено и *о* (если у него левый штрих шел вниз значительно дальше, чем правый).

Приводим фрагмент снимка 0003.nef, включающий 2-ю и 3-ю буквы (*б*+?) строки 6, вместе с верхом нижележащего *б*.

Далее следует отрезок, заключенный между двумя выбоинами, который раньше читали как *анид* или *анид*.



Первая его буква ныне определенно должна быть идентифицирована как *a*. Для следующей буквы (т. е. пятой буквы 6-й строки, если считать первой букву *e*), как предположил уже С. М. Михеев, вместо прежнего чтения *n* ныне должно быть принято чтение *x*. Чтение *n* было натяжкой уже потому, что левая мачта оказывалась гораздо выше правой. А ныне стало, кроме того, видно, что перекладину этого предполагаемого *n* пришлось бы признать уходящей вверх далеко за пределы самой буквы. Дело в том, что раньше ту часть косого штриха, которая находится левее левой мачты, принимали за очень длинную спинку стоящей выше буквы *e*. Но на новых снимках (в особенности 0011, 0012, 0014.nef) ясно видно, что спинка у *e* нормальной длины, потом идет небольшой разрыв, после чего начинается элемент другой буквы, а именно, левый верхний штрих буквы *x*. Стало видно также, что предполагаемая правая мачта у *n* не доходит до верха строки (что раньше было неясно); это оказалась всего лишь вертикальная нижняя засечка у *x*.

Приводим фрагмент снимка 0011.nef, включающий 4—6-ю буквы (*axi*) строки 6.



Для восьмой буквы 6-строки (от которой сохранился лишь левый край) наиболее правдоподобна реконструкция [*ʃ*].

Девятую букву 6-й строки (левая часть которой уничтожена выбоиной) ныне уже нельзя реконструировать как *ш*: как теперь стало видно, это буква *n* (увеличенного размера). Тем самым я должен отказаться от своей прежней конъектуры *d[ʃu]e*.

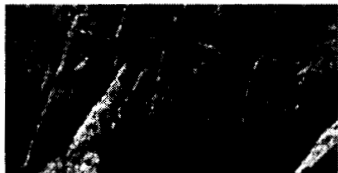
На десятой позиции стоит несомненное *e*.

Последующий отрезок в реконструкции А. А. Медынцевой читался как *во руки*, в моей прежней — как *вороже*. Ныне буквы *ворож* отождествляются вполне надежно. Как показывает детальное изучение этого места по всем новым фотографиям, в *ож* у обеих букв, с одной стороны, есть все штрихи, требуемые их конфигурацией (в частности, есть все элементы буквы *ж*, включая и левый нижний косой штрих, который раньше считали отсутствующим), с другой — нет ни одного лишнего штриха сверх этих. Особенность здесь лишь в том, что, судя по дистанциям между буквами, *o* перед *ж* почти наверное было втиснуто потом, а вначале его автор пропустил.

Не совсем надежно читается последняя буква этого слова: приходится выбирать между *и* и *e*. На первый взгляд, эта буква больше похожа на *e*: видимый вертикальный штрих чуть-чуть изогнут, имеется опускающийся вправо длинный язычок, второго вертикального штриха не видно (правда, соответствующее место повреждено). Однако против буквы *e* говорит хорошо видимая верхняя горизонтальная засечка, обычная для *и*, но ни разу не встречающаяся в данной надписи у *e*. А более тщательное изучение повреж-

денной зоны в правой части буквы позволяет обнаружить вторую такую же засечку вправо от первой (см. прежде всего 0009.pcf) и след второй мачты, тоже слегка изогнутой; штрих, который можно принять за язычок, служит перемычкой (несколько наклоненной вправо вниз) между мачтами. В результате предпочтительным оказывается чтение *и* (как у А. А. Медынцевой), а не наше прежнее чтение *е*.

Приводим фрагменты снимков 0009 и 0010.pcf, включающие последние 4 буквы (*рож*) строки 6:



Итак, мы можем теперь представить изучаемый отрезок в следующем виде:

[в]ъзо(-)(...)(-)еб-ахид[ь]неворож[и]

Перейдем к попыткам его разделения на слова и осмысления.

Прозрачнее всего конец: здесь легко выделяется слово *ворож[и]*. Привлекательна также версия с оценкой предшествующего *не* как отрицания: *неворож[и]*; но это уже гораздо менее надежно.

Сменив чтение *вороже* на *ворожи*, мы должны признать здесь глагол *ворожити* в форме 2-го лица ед. числа императива или 3-го лица ед. числа презенса (с диалектным отсутствием *-ть*).

Обратимся теперь к предшествующему отрезку. С буквы *а* (после поврежденного *е* или *о*) явно должно начинаться новое слово, поскольку как последовательность *ea*, так и *oa* внутри слова нереальны. Если выделено слово *ворожи* (без *не*), то мы получаем отрезок *ахид[ь]не*.

Независимо друг от друга С. М. Михеев и А. А. Гиппиус предложили здесь следующее решение: *ахид[ь]не* — это вариант слова *ехидьне*. С нашей точки зрения, это самое удачное из всех предлагавшихся для данного места решений.

В древнерусских книжных памятниках наименования ехидны и их производные засвидетельствованы только с начальным *е-* (или *ю-*): *ехидьна* (или *ехидьнъ*, муж. рода) и др. Но в народной речи такие слова обычно получали начальное *о-* вместо *е-*. Таким образом, для *ехидьна*, *ехидьнъ* в народной речи вполне нормальны были бы варианты *охидьна*, *охидьнъ*.

В нашем тексте мы находим, правда, вариант не с *о-*, а с *а-*. Оказывается, однако, что этот вариант хорошо засвидетельствован в современных русских говорах. Ср. [Даль I: 30]: *ахидъ*, *ехидъ* — злой, злобный, завистливый человек

(вятск., пермск.), скаред, скряга, жидомор (моск., нижегор.), пьяный, буйный, забияка, буян (влад.) и др.; *ахидный* — ехидный, злобный, коварный, лукавый, завистливый, злорадный. Также в [СРНГ 1: 296]: *ахид* и *ахид* (Перм., Костром., Яросл., Вят., Моск., Нижегор., Казан., Влад.), *ахидный* (Перм.) — в тех же значениях, которые указывает Даль.

Как можно видеть, слово характерно прежде всего для северновеликорусской зоны; следовательно, начальное *а-* в этом слове не может объясняться как эффект аканья. По-видимому, *а-* в этом иностранном слове есть результат гиперкоррекции, а именно, *охидьна*, *охидьнь* заменено на *ахидьна*, *ахидьнь* аналогично тому, как народные *Ондрѣи*, *Олександрѣ*, *Онанык* и т. д. в книжных текстах заменяются на *Андрѣи*, *Александрѣ*, *Ананика*, народные *ол(ъ)тарь*, *омбонъ*, *онафема*, *опракось* и др. — на *ал(ъ)тарь*, *амбонъ*, *анафема*, *апракось*. Применение этого правила могло приводить и к гиперкоррекции, ср., например, *амафоръ* в «Житии Андрея Юродивого» вместо правильного *омофоръ* (см. [Срезневский 1893—1903]). Для слов с первоначальным *е-*, разумеется, грамотная замена народной формы на литературную означала возвращение к варианту с *е-*, например, замену *Олисъи*, *опитимьк* на *Елисъи*, *епитимьк* и т. п. Но, конечно, в этих случаях были возможны и замены по наиболее общему правилу, т. е. *о-* на *а-* (а не на *е-*), например: *оксамитъ* на *аксамитъ* (из греч. ἑξάμιτος), **омьболь* на *амьболь* ‘улица, проход’ (из греч. ἔμβολος); ср. также *асеискыи* ‘ессейский’ (наряду с *осиискыи* и с *есеи*, *есъклинъ*) в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (см. [ИИВ 2004: указатель]) и *Авриви(д)* 13,7 (наряду с *Євривидъ* 104,13; 430,15) в «Пчеле» [Семенов 1893]. К последнему ряду примеров относятся и *ахидьна*, *ахидьнь*. Древность приведенных примеров свидетельствует о том, что и слово *ахидьнь* (с *а-*), сохранившееся в несколько преобразованном виде в современных говорах, могло возникнуть уже в древнерусскую эпоху.

Что касается грамматического значения словоформы *ахид[ь]не*, то здесь вне контекста в принципе имеется много возможностей (напомним, что *е* в данном документе может заменять *ѣ*): 1) Зв. ед. или диалектный И. ед. от варианта муж. рода *ахидьнь*; 2) ряд форм от варианта жен. рода *ахидьна*; 3) ряд форм от относительного прилагательного *ахидьныи* (ср. *ехидьныи* ‘ехиднин, относящийся к ехидне’ в Изборнике 1073 года) или от притяжательного прилагательного *ахидьнь*. Обоснованный выбор возможен лишь с учетом синтаксического контекста, а он пока еще неясен.

Сказанное верно для версии, при которой *не* входит в отрезок *ахид[ь]не*. Если же *не* трактуется как отрицание при *ворож[и]*, то мы имеем дело со словом *ахид[ь]*. В этом случае мы должны допустить, что предок современного диалектного *ахид* существовал уже в древнерусском; тогда словоформа *ахид[ь]* предстает как *ахид(е)* (с графической заменой *е* на *ь*) — Зв. ед. или

диалектный И. ед. (Теоретически можно еще допустить и слово женского рода *ахидь — в И. ед., без графической замены.) Однако предположение о том, что элемент -ьн- в заимствованном слове *ехидна* был воспринят как суффикс и мог отбрасываться уже в XII веке, представляется рискованным. Поэтому данную версию мы расцениваем как менее вероятную.

Остается самая темная часть изучаемого пассажа: [в]ъзо(-)(...)(-)еб-. Следует признать, что для нее пока что нет убедительного решения. Видимые буквы допускают целую серию принципиально допустимых версий, выбор между которыми затруднителен.

Версии без предположений о невидимых буквах (и без использования изолированного знака в конце 5-й строки):

[в]ъ зо[л]|еб[е] ахид[ь]не ворож[и] ‘в злобности ехидниной ворожи (или: ворожит)’. В этой версии предполагается слово *зълба* (синоним слова *зълба*), известное из Изборника 1073 года (л. 94): *зол’бы не дръжи* ([Срезневский 1893—1903] ошибочно дает для этого слова лемму с ъ: *зольба*; суффикс мог иметь только вид -ьб-а, но не -ьб-а, ср. *мольба*, *татья*, *съльба* и т. д.).

[в]ъ зо[л]|еб[е] ахид[ь]не ворож[и] ‘в злобе, ехидна, ворожи’.

[в]ъзо[р]|е б[о] ахид[ь]не ‘взгляд ведь ехиднин’ (или ‘взгляды ведь ехиднины’). *Ворож[и]...* (начинающее следующую фразу). В этой версии, правда, не очень уместно по смыслу слово *бо*.

Версии с предположением о букве *с* в начале 6-й строки (и с другими предположениями относительно невидимых букв):

[в]ъ зо[ль] | [с]еб[е] ахид[ь]не ворож[и] ‘во зло себе, ехидна, ворожи’. В этой версии предполагается известное из древнерусских памятников слово *зълъ* (еще один синоним слова *зълба*).

[в]ъ зо... (с предположением об утрате конца строки) | [с]е б[о] ахид[ь]не ‘в зо... (например, в золоте то-то или взор такой-то); ибо это ехидна’. *Ворож[и]...* (начинающее следующую фразу).

Вторую серию составляют версии с разделением *ахид[ь] не* (см. об этом выше), т. е. с синтагмой *не ворож[и]* (императив) и словоформой *ахид[ь]* (от гипотетического *ахидь или *ахидь). Для части перед *ахид-* при этом возможны почти все варианты, предложенные выше. Вот некоторые примеры версий данной серии:

[в]ъ зо[л]|еб[е] ахид[ь] не ворож[и] ‘в злобе, ехидна, не ворожи’;

[в]ъ зо... | [с]е б[о] ахид[ь] ‘в зо... (например, в золоте то-то или взор такой-то); ибо это ехидна’. *Не ворож[и] ...* (начинающее следующую фразу).

На наш взгляд, здесь недостаточно оснований для того, чтобы решительно предпочесть какую-то одну из этих версий. Ограничимся констатацией то-

го, что, несмотря на недостаточную определенность в реконструкции данного пассажа, основные образы, которые он добавляет к предшествующему тексту, достаточно ясны: это образ ехидны — символа злобности и образ ворожбы как действия описываемого демонического существа. Выбор между *ворожи* и *не ворожи*, несмотря на формальную противоположность этих прочтений, в действительности меняет всего лишь тональность текста: *не ворожи* есть прямолинейный способ сказать 'не ворожи', а *ворожи* передает весьма близкий к этому общий смысл тоньше — как '[хоть и] ворожи', '[пусть даже] ты ворожишь'.

Строки 7—9

Строка 7

Для трудного места на стыке строк 7 и 8 я теперь считаю необходимым вместо прежнего *татемь царь* принять чтение *татъ мытарь*, предложенное независимо друг от друга А. Ю. Черновым и А. А. Гиппиусом. Это определяется тем, что чтение *ц* для первой буквы 8-й строки, которое допускала прежняя фотография (из-за нечеткости этого места), ныне должно быть отвергнуто: на новых фотографиях ясно видно *т* (а не *ц*). Кроме того, буква после *тар* должна интерпретироваться как *ь*, а не как *ъ*: у нее нет левой верхней засечки.

Буква после *м* сильно повреждена; это может быть *ъ*, *ь* или *ы*. Как кажется, все же можно разглядеть (см. в особенности 0010.nef) некоторые элементы правого вертикального штриха и соединительного горизонтального, т. е. это почти наверное именно *ы*.

Трудную задачу составляет интерпретация буквы после *тат*: *е* или *ь*. Буква имеет вид *е*, к которому добавлен штрих, соединяющий кончик язычка с нижним концом спинки (у других *е* в этой надписи косой засечки на нижнем конце спинки нет). В результате букву можно понять и как *ь* с изогнутой, вопреки норме, мачтой. Не исключено, что перед нами *е*, переправленное в *ь*.

Строка 8

Относительно *тарь* (а не *царь* и не *тарь*) в начале этой строки см. выше.

С. М. Михеев принял мое чтение *зако|н-* (вместо чтения А. А. Медынцевой *-ъ ако | не*); далее он предложил объединить с этим стоящие левее буквы *бе* и читать *безако|ньно*. Эта идея представляется очень удачной. Только вместо *безако|ньно* следует читать *безако|ньна*: последняя буква здесь есть все же *а* (как читала и А. А. Медынцева), хотя, возможно, это *а* было переправлено писцом из написанного сперва *о*. Чтение *ньн* вместо *нен* (в *безако|ньна*) явно следует принять.

Между осмысленными отрезками *м[ы]тарь* и *безако|ньна* остается загадочный отрезок *иодо* (с сильно увеличенной буквой *д*). Никакого сколько-нибудь удовлетворительного лексического решения для этой загадки не находится.

Разгадка наступает в тот момент, когда мы обнаруживаем, что между буквами *и* и *о* в надписи имеется еще соединительная черточка, на которую раньше не обращали внимания. Учитывая, что в строке 5 слово *челюсть* записано с лигатурой букв *л* и *ю* (*у ю* нет самостоятельного левого вертикального штриха), мы понимаем, что и здесь перед нами лигатура такого же строения: *и* + соединительная черточка + *о* — это *ию*. Это значит, что в тексте стоит Зв. ед. *Июдо* и имеется словосочетание *Июдо безаконьна* (или *безаконьно*).

В этом словосочетании трудно объяснить окончание в *безаконьна* (см. об этом подробнее ниже). Но полная осмысленность самого словосочетания и присутствие его в древних текстах (равно как тот факт, что все предлагавшиеся до сих пор альтернативные решения гораздо менее правдоподобны) все же не позволяют сомневаться, что в тексте представлены именно эти слова.

В самом деле, данное словосочетание известно уже начиная со старославянского, ср. *безаконьнѣ же Юуда* (Пражские листки, л. 2а 12, см. [SJS 3: 72]); также в другой синтаксической реализации: *ω веле Х̄сово чловѣколюбик, ω веле Юудино безаконикѣ* [Супр.: 419].

Было распространено также аналогичное сочетание со словом *июдѣи*, с которым слово *Юуда* не могло не ассоциироваться; ср., в частности: *снѣ Бѣ живаго, его же распаша июдѣи безаконнѣи* [Василий Новый: 112а]; *еда когда осужсени буде^м с безаконными июдѣи* [Пандекты Антиоха: 496]. Как дополнительную иллюстрацию общеотрицательного значения слова *безаконными* можно привести еще: *да не прѣдолѣють ми змии безаконьныи противоу рабу твоюмоу* [Усп. сб.: 125г].

С другой стороны, существенно то, что в народном сознании слово *Юуда* с очень раннего времени могло восприниматься не как имя конкретного человека, а как обозначение демонического существа, непосредственно связанного с сатаной и бесами. Ср.: *какъ же глѣють, кко въвержень бы^с диаволь, связанъ тмами веригы тажьскыми зѣло, да тоу пребоудеть в моукахъ, проклатици, и съ Юудюю и съ бѣсы его* [Василий Новый: 148б]; *вопиа къ брати свои къ злымъ свѣтник(о)мъ, кко же Юуда къ жидомъ, тьснаса оугодити ѿцѣ своему сотонѣ* [Ипат. под 1175 г.: 207]. Так что в этом отношении надпись Мед. 199 находится вполне в русле народных древнерусских представлений.

Заметим, что над большой буквой *д* в *Июдо* имеется дополнительная горизонтальная черта, которая производит впечатление титла. Но других титл в

надписи нет, и в данном случае для титла нет какого-либо разумного оправдания. Скорее всего автор сперва поставил верхнее покрытие у буквы *д* слишком высоко, а потом решил исправить это, прочертив покрытие ниже — на уровне соединения косых штрихов.

Строка 9

О части *ньна* (в начале строки) см. выше.

Пятая буква (после *ньна*), как теперь стало видно, должна интерпретироваться как *а* (*а* не как *л* и не как *х*). Ее конфигурация — в основных чертах такая же, как у *а* в *тарь* (в 8-й строке): косые штрихи не сближаются, а заметно расходятся, наверху широкое покрытие. Хотя слева к покрытию подходит трещина, счесть само это покрытие трещиной нельзя: при большом увеличении хорошо видно (см. 0005.nef), что в некоторой точке трещина сменяется более широкой линией с продранными, как у всех буквенных штрихов, краями. Эта продранная линия проходит в нужном направлении, на нужной высоте и начинается и кончается там, где положено покрытие (как обычно в этой надписи, очень широкому).

После этого *а* стоит явное *о*, а правее его — буква, которую прежде читали как *р* и включали в состав предыдущей строки (что давало чтение *добр-*). Здесь я согласен с решением С. М. Михеева, включающего эту букву в 9-ю, а не в 8-ю строку и интерпретирующего ее не как *р*, а как зеркальное *у*.

Строки 10 и 11

Строка 10

Первые три буквы на прежней фотографии очень плохо отличались от дефектов поверхности, отсюда ненадежность прежних интерпретаций. Ныне эта зона видна вполне удовлетворительно: это либо *лет*, либо *льт*. Неясной остается лишь вторая буква: она совмещает некоторые элементы букв *е* и *ь*. Элементы *е*: спинка (правда, очень слабо изогнутая) с маленьким отворотом вправо внизу и язычок того же направления, что и язычок у *е*, стоящего на 4-м месте (после *т*). Элемент *ь*: маленькая дужка у конца «язычка», образующая вместе с этим «язычком» правую часть петли (однако тоненькая горизонтальная линия внизу буквы — это просто часть длинной царапины, уходящей далеко за пределы буквы).

К счастью, для понимания текста эта двусмысленность большой роли не играет, поскольку буквы *е* и *ь* могли заменять одна другую. В обоих случаях перед нами слова *а оул[е]те* (или *а оул[ь]те*) ‘а улетел’, ‘а если улетел’, ‘а коль скоро улетел’. Это аорист 2-го или 3-го лица ед. числа от *оулетѣти*, так что его можно понимать и как ‘а [если] ты улетел’, и как ‘а [если] он улетел’.

Очевидно, имеется в виду, что описанное в надписи бесовское чудовище может и улететь (исчезнуть).

Следуют ясно видимые буквы *да*, после чего идет сильно поврежденный отрезок предположительно из семи букв, о котором, как это теперь ясно, прежние фотография и прорись давали очень неполное и дезориентирующее представление.

Из этих семи букв полностью видна только одна: *е* на 5-й позиции. Перед ней буква, которая может быть только буквой *л* или правой частью от *м*. Но версия с *м* не проходит, поскольку тогда был бы виден также острый верх левого плеча буквы *м*, а реально в этом месте виден прямой угол — как верхний левый угол у *п*, *б* или *в*. Тем самым мы получаем *ле*.

На 2-й и отчасти 3-й позиции видна фигура, которую можно принять за *н* (с очень большой правой верхней засечкой). Но этому мешает косая черта в нижней части данной фигуры, видимая по крайней мере на некоторых из фотографий. Поэтому необходимо предпочесть другое решение: перед нами буква *а* и левый верхний угол *п*, *б* или *в*. Получаем *ап**ле*, *аб**ле* или *ав**ле*.

На 6-й позиции видны две мачты с засечками наверху, причем правая уходит далеко вниз; середина почти полностью разрушена. Наилучшее решение — *ц*. Буква *н* маловероятна, поскольку была бы видна часть перекладины. Буква *и* возможна, но пришлось бы признать увеличенную длину правой мачты случайностью.

Позиции 1-я и 6-я полностью уничтожены выбоинами. Таким образом, наиболее вероятны чтения *-[ап]ле[ц]-*, *-[аб]ле[ц]-*, *-[ав]ле[ц]-*.

Приводим фрагмент снимка 0010.nef, включающий 5 букв (по нашей реконструкции, *ап**ле**ц*) в конечной части строки 10 (у буквы *ц* в снимок не вошла нижняя часть правой мачты — она уходит далеко вниз, пересекая всю следующую строку):



Строка 11

В начале строки читается *б-ати*. Вторая буква (меньшего размера, чем прочие) повреждена выбоиной и недостаточно ясна. А. А. Медынцева предположительно читала ее как *ь*. Это чтение ныне следует признать самым вероятным, с той поправкой, что у автора данной надписи такое начертание воплощает букву *ь*, а не *ъ*. Последовательность *бьати* озадачивает. Оказывается, однако, что в надписи имеется еще одна существенная деталь (отмеченная

независимо друг от друга А. Ю. Черновым и мною): под буквой *б* четко написана буква *р* (такого же размера, как *б*). Она может быть только вставкой, поскольку 11-й строкой текст заканчивается (его заключает слово 'аминь'). Вставив это *р*, получаем безупречное *бърати*.

Теперь попытаемся соединить это *бърати* с предшествующим текстом. Мы имеем в настоящий момент: *а оулете да* -[ап]ле[ц]- (и другие варианты, см. выше) | *бърати*. Перебор возможных вариантов (из которых скольконибудь конкурентоспособных оказывается совсем мало) приводит к следующему решению: *а оулете да* (*н*)[*а п*]ле[ц](*и*) *бърати*... 'а улетел — так на плечи [нужно] брать ...'. Вместо *плечи* могло стоять и ед. число *плече*; вместо предлога *на* могло стоять *за* (хотя это и менее вероятно).

Строка кончается словом *амнинь*, с лишним *н* (как это и читала А. А. Мединцева).

Таким образом, для слова, обозначающего то, что следует брать на плечи, остается маленький участок последней строки между *бърати* и *амнинь* (частично поврежденный). Он заключает в себе четыре буквы (несколько меньшего размера, чем в слове *бърати*). На прежней фотографии этот участок был виден очень плохо, а на прориси в сущности вообще не отражен; соответственно, прежние гипотезы относительно этого места ныне можно уже не принимать во внимание.

На новых фотографиях этот участок виден гораздо лучше, но поверхность штукатурки здесь несколько истерта и «выветрена», поэтому трудности все еще остаются.

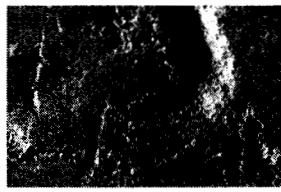
Из четырех позиций лучше прочих видна третья; на ней явно стоит буква *р* (см. прежде всего 0014.nef).

Удовлетворительно видна также буква на второй позиции (см. прежде всего 0010 и 0005.nef). Как и в случае со второй буквой строки 10, здесь возможно сомнение в том, что это: *е* или *ь* (к счастью, для смысла текста это разницы не составляет). Но предпочтительна все же идентификация ее как *е* (с той особенностью, что у нее практически прямая спинка и только легкий отворот вправо в самом низу символизирует изогнутость).

Буква на первой позиции перекрыта выбоиной (или скорее выщербиной); но по крайней мере на части фотографий (прежде всего 0005.nef, 0005, 0009 и 0010.tif) хорошо видны также собственные штрихи буквы, отличающиеся от границ выщербленного участка. И ясно видно, что это буква *в*.

Слабее прочих видна буква на четвертой позиции. Но все же на части фотографий (прежде всего 0010 и 0006.tif и 0010 и 0006.nef) четко прослеживаются основные элементы буквы *а*: наклонная спинка и два сближающихся книзу косых штриха (покрытия, если оно было, не видно).

Приводим фрагменты снимков 0010, 0014 и 0006.pnf, включающие части слова *вера* (*вер* или *ера*) из строки 11 (буква *в* лучше видна на первом, буква *е* — на первом и третьем, буква *р* — на втором; буква *а* видна на третьем):



Таким образом, искомое слово есть [в]ер[а]. То есть конечная фраза надписи гласит: *а оулете да (н)[а н]ле[ц](и) братьи [в]ер[а]* ‘а улетел — так на плечи [нужно] брать веру’. Следует полагать, что под верой здесь понимается христианская вера. Если это так, то вся фраза является ярчайшей демонстрацией мышления эпохи двоеверия.

Вся эта фраза имеет ярко выраженный народный характер. Синтагма *братьи в(ѣ)ра* — это хорошо известный оборот (в основном северновеликорусский) типа *вода пити*. Народной является и конструкция *а Р — да Q* ‘а раз Р — так Q’, а также употребление инфинитива в роли сказуемого.

Можно указать пример из Афанасия Никитина, замечательный тем, что он сходен с данной фразой не только по строению (в особенности в последней части, где представлено такое же *да* + инфинитив), но и по содержанию: *Ино, братие рустии християня, кто хоцет пойти в Ёндейскую землю, и ты остави свою вѣру на Руси, да воскликнув Махмета да поити в Гундустанскую землю*. Различие по содержанию лишь в том, что объявляется необходимой противоположная смена вер. Но принципиально одинаково то, что в обоих случаях речь идет не об истинности одной веры и ложности другой, а о том, что в сложившейся ситуации надлежит принять новую жизненную установку, новую линию поведения.

Итоги разбора

Полного перевода надписи на этот раз, ввиду того, что некоторые места все еще остаются недостаточно ясными, мы уже не предлагаем. Первая часть надписи гласит: ‘Голод(?)–Железнец(?), каменная грудь, медная голова, липовая челюсть’. Далее следует не имеющий полной расшифровки отрезок с упоминанием ехидны и ворожбы; возможные толкования: ‘в ехидниной злобности ворожи (или: ворожит)’; ‘в злобе, ехидна, ворожи’; ‘во зло себе, ехидна, ворожи’ (и другие, см. выше). Вторая половина надписи: ‘бес Сатана, вор-мытарь, беззаконный Иуда! А улетел — так на плечи [нужно] брать веру. Аминь’.

Как и в нашем прежнем прочтении, надпись понимается как описание идола, отождествляемого с Сатаной, и выступает как важное свидетельство древнерусского двоеверия. Из образов христианского происхождения добавились Иуда, а также мытарь.

Даже если принять маловероятную гипотезу о том, что в надписи не один, а два почерка (см. выше), видеть здесь два не связанных между собой текста нет достаточных оснований.

Пересмотренное чтение надписи требует новых лингвистических комментариев.

В отличие от прежнего прочтения надписи, ныне мы уже можем с определенностью указать в тексте древненовгородские диалектные черты: 1) цоканье (в [п]ле[ц](и) и, возможно, в *железньчъ*); 2) окончание И. мн. жен. ⟨-ѣ⟩ в *камане*. Вопрос о том, являются ли *голоде* и *бесе* в этой надписи словоформами И. падежа (что возможно только в новгородском диалекте), решается неоднозначно. То же верно и в отношении словоформы *ворож[ц]*, которая в принципе может быть диалектной формой презенса. См. также ниже о словоформах *мытарь* и *тате*. Напротив, усматривавшиеся ранее в тексте примеры наддиалектных форм в процессе пересмотра буквенных чтений отпали.

Отметим наличие в тексте аориста (*оул[е]те*); это может быть как элемент литературного языка, так и просто архаизм.

Основная лингвистическая трудность надписи — соединение в одном ряду вокативов и номинативов. Однозначный вокатив — *Июдо*. Однозначные номинативы — *Сотона*, *безаконьна* (возможно, переделано из *безаконьно*).

Наряду с этим имеется ряд словоформ, обладающих той или иной степенью неоднозначности. Так, *голоде*, *бесе* — это только вокатив в наддиалектном древнерусском, но вокатив или номинатив в древненовгородском диалекте. По другой причине неоднозначно *железньчъ* (если ч здесь равно ⟨ц⟩): Зв. ед. у этого слова был *железньче*, а в условиях возможной графической мены ъ—е это могло быть записано так же.

Словоформа *мытарь* — по канонической норме однозначный номинатив (а Зв. ед. здесь должен быть *мытарю*). Но велика вероятность того, что в древненовгородском диалекте такие словоформы могли подвергаться действию принципа «в мужском морфологическом роде Зв. ед. = И. ед.», актуального в этом диалекте для *о*-склонения, т. е. употребляться также и в вокативной функции. К сожалению, непосредственно проверить это предположение пока что не удастся, поскольку, если оставить в стороне слова на *-ць* и *-зь*, ведущие себя особо (а также непоказательное слово *Господь* в *i*-склонении), примеры употребления слов *jo*-склонения, равно как *i*-склонения, в вокативной функции очень редки; в частности, в берестяных грамотах они не встре-

тились вообще. Но некоторые примеры из книжных памятников (в основном северновеликорусских), по-видимому, указывают на именно такое их поведение в живой речи; ср., например, *врачь исцѣлиса самъ* в новгородском евангелии 1270 г., *радуиса царь иудѣискъ* в северновеликорусском евангелии 1357 г. (см. [Соболевский 1907: 191]).

Еще более сложный случай составляет *tate* (может быть, переделанное в *tatъ*). Если это написание равно *tatъ*, то ситуация здесь такая же, как для *мытарь*. Если же здесь действительно окончание *-e*, то *tate*, вероятно, следует истолковывать как вокатив, построенный по модели другого склонения (поскольку в народном языке исконный вокатив *tati* был неупотребителен).

Для дальнейшего анализа капитальное значение имеет правило о двучленных или многочленных вокативных синтагмах, согласно которому для части членов такой синтагмы допускается замена вокатива номинативом. Хорошо известен частный случай этого правила, касающийся синтагм из существительного и прилагательного, — правило о допустимости И. падежа прилагательного в вокативной синтагме (*цѣсарю иудѣискъ* и т. п.). Но общее правило распространяется и на синтагмы из двух или более существительных. Ср. такие примеры, как *Захария священниче* (Миняя 1095 г., см. [Соболевский 1907: 190]), *отвьързи ми зѣници, сынъ Давыдовъ съпаса нашъ* (Саввина Триодъ до 1226 г., см. [Там же]), *и ты и другии холопе Лоука Иванковичю* [Ипат. (1261), л. 284], *црю свѣтъ мои* [Ипат. (1288), л. 302 об.].

В нашей надписи имеется несколько двучленных синтагм интересующего нас типа. Сюда с очевидностью относятся *Иудо безаконьна* и *голоде железньчъ*. Но, с нашей точки зрения, так же построены и синтагмы *бесе Сотона* (то есть здесь не перечисление *бесе, сотона*, а цельное наименование 'бес [по имени] Сатана') и *tate мытарь* (что-то вроде 'воровской обиратель'). При такой трактовке оказываются объяснимыми странные, на первый взгляд, особенности в выборе падежей.

Предлагаемое грамматическое решение таково.

1. *Голоде железньчъ* допускает как номинативную, так и вокативную трактовку — и по форме (с учетом новгородского диалекта), и по смыслу. При этом слово *железньчъ* даже и в случае вокативной трактовки сочетания в целом может стоять в И. падеже — в силу указанного выше общего правила.

2. Исходя из интерпретации словоформы *ворож[и]* как императива, мы расцениваем нагромождение отрицательных наименований в строках 7—9 как имеющее вокативную функцию. Этот ряд состоит из трех двучленных вокативных синтагм: *бесе Сотона*, *tate мытарь*, *Иудо безаконьна*. Для двух из них непосредственно очевидно, что в них действует указанное выше

общее правило о постановке одного из членов вокативной синтагмы в номинативе вместо вокатива: *бесе* (Зв.) *Сотона* (И.), *Июдо* (Зв.) *безаконьна* (И.).

И лишь для синтагмы *тате мытарь* ситуация не столь прозрачна, поскольку падеж словоформы *тате* проблематичен (см. выше). Если *тате* выступает здесь в роли вокатива, то все проблемы снимаются: и эта синтагма тоже оказывается подчиненной общему правилу. Если это все же номинатив, тогда, по-видимому, мы имеем здесь дело с аттракцией к И. падежу непосредственно предшествующей словоформы (*Сотона*).

Нельзя ли, однако, принять трактовку *ворож[и]* как презенса ('ворожит')? В самом деле, получаемый в этом случае смысл представляется вполне возможным ('в злобности ехидниной ворожит бес Сатана, тать, мытарь'), и все члены ряда *бесе Сотона, тате, мытарь* без всяких проблем квалифицируются как номинативы. Но последующее вокативное сочетание *Июдо безаконьна* повисает в воздухе. Включить его в этот ряд, по-видимому, можно лишь тем крайне нежелательным способом, что *Июдо* будет признано прямой буквенной ошибкой (вместо *Июда*). Поэтому данная версия хотя и не исключается целиком, но должна быть признана менее вероятной.

Другая непростая лингвистическая проблема связана с окончанием *-а* в *безаконьна* (в вокативной синтагме *Июдо безаконьна*). По обычным правилам ожидалось бы *безаконьнь* или *безаконьнии* (в И. падеже, ср. выше). И написание *безаконьно* (которое, возможно, первоначально здесь присутствовало) могло как раз передавать (с графической меной *ъ—о*) вариант *безаконьнь*. (Другая формальная возможность для *безаконьно* состоит в том, что это Зв. ед. жен. [о проблеме женского рода см. ниже].)

Что же касается написания *безаконьна*, то крайне маловероятно, что представленное здесь неожиданное окончание И. ед. женского рода *-а* есть просто буквенная ошибка. По-видимому, оно отражает древнейший славянский синтаксис, когда при словах *а*-склонения, даже если они обозначают мужчин, прилагательное ставилось в женском, а не в мужском роде. Реликты такого синтаксического употребления в древнерусских памятниках встречаются; ср. *Старець любодѣи видимаѣ сотона естъ* («Мудрость Менандра», XIV—XV вв. [Слов. XI—XVII, 23: 65]). Для слов *сотона, иуда* такой синтаксис, вероятно, мог поддерживаться и тем, что в народных устах слово превращалось из имени собственного в имя нарицательное и при этом приобретало более размытое значение некоего отрицательного начала, уже не столь тесно связанное с исходным образом лица мужского пола.

В заключение полезно самокритично обсудить уроки, которые можно извлечь из этой неожиданно представившейся возможности поправить наше

прежнее чтение древнего документа, включавшее много конъектур и предположений.

Положительный результат этого испытания состоит прежде всего в том, что общий смысл надписи был установлен нами, насколько можно судить, правильно; даже последняя фраза, чтение которой изменилось наиболее радикально, оказалась все-таки в том же духе, что и прежде. Подтвердилась также часть моих прочтений, отличающихся от публикации А. А. Медынцевой (в частности, *ворож-*, *-закон-*).

Но для нас здесь важнее проанализировать отрицательный результат. Он состоит в том, что в целом ряде случаев отождествление конкретной буквы оказалось все же неверным (откуда, естественно, и неверные интерпретации на более высоких уровнях).

В надписи выделяется уверенно читаемая часть (почти полностью правильно прочтенная уже в публикации А. А. Медынцевой), куда входят строки 2, 3, 4, 5 (первая половина) и 7. Остальная часть — «трудночитаемая»; почти все ошибки сосредоточены именно здесь.

Заметим, что из букв, неверно прочтенных в нашем прежнем чтении, безусловное большинство выставлено нами в скобках (круглых, означающих чистую конъектуру, или квадратных, означающих неоднозначно восстанавливаемую букву). Иначе говоря, читатель здесь по крайней мере предупрежден о гипотетичности предлагаемого чтения.

Но несколько неверно прочтенных букв выставлено все же без скобок, например, *н* в качестве чтения пятой буквы строки 6. Примечательно, что практически все они «унаследованы» из первоначальной публикации А. А. Медынцевой. Этот факт заставляет задуматься о проблеме психологического давления, которое оказывает уже имеющееся прочтение документа (в особенности первоначальное прочтение) на все последующие. (И он возлагает дополнительную ответственность на первого публикатора нового документа, например, берестяной грамоты.) По-видимому, в этом отношении полезно в качестве контрольного теста предлагать прочесть изучаемый документ людям, не знакомым ни с какими его прежними прочтениями.

В целом же из этого анализа следует извлечь тот урок, что в ситуации, когда большой процент букв документа по той или иной причине виден недостаточно хорошо для однозначного отождествления, а сам документ имеет нестандартное содержание, вероятность безошибочного восстановления всего текста весьма невысока. В данном случае в «трудночитаемой» части надписи (т. е. за рамками указанных выше уверенно читаемых строк) доля таких букв на прежней фотографии достигала примерно 40 %. Как теперь ясно, это недопустимо высокий процент. Для сравнения укажем, что на новых фотографиях эта доля снизилась, по нашей оценке, примерно до 16 %.

Особого критического замечания требует то, что в моей прежней публикации предположительное чтение [ц] (в [ц]арь) использовано для хронологической оценки надписи без эксплицитного уточнения «при условии, что чтение [ц]арь верно». В результате предложенная хронологическая оценка выглядит как более окончательная, чем на самом деле. Ныне вместе с отменой указанного предположительного чтения отпало и хронологическое ограничение надписи снизу началом XIII века. Без этого ограничения вероятная вне-стратиграфическая оценка этой надписи — 2-я половина XII века.

Литература и источники

- Василий Новый — Василия Нового житие (по ркп. РГБ, ф. 98, № 162, 1-я пол. XV в.). Даль I—IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1956.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 233—287.
- Зализняк 2005 — *Зализняк А. А.* Заклинание против беса на стене новгородской Софии // *Язык. Личность. Текст: Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой.* М., 2005. С. 711—719.
- ИИВ 2004 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I—II. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.
- Пандекты Антиоха — Пандекты Антиоха по списку XV в. (ркп. ГИМ, Син. 3).
- Семенов 1893 — *Семенов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (Сб. ОРЯС. Т. 54, № 4).
- Слов. XI—XVII, 1 — — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1 —. М., 1975.
- Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Срезневский 1893—1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.
- СРНГ 1 — — *Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина.* Вып. 1 —. Л., 1966 —.
- Супр. — Супрасльская рукопись / Труд С. Северьянова. Т. I. СПб., 1904.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- SJS 1—51 — *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1958—1997.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Б. А. Успенский

Università Orientale di Napoli

Хорошо известно, что «Поучение» Владимира Мономаха непосредственно связано со Св. Писанием и святоотеческими текстами. Это отвечает самому заданию данного произведения — назидательного поучения к детям, написанного в духе христианского мировоззрения. Так, в частности, Владимир Мономах широко цитирует Псалтирь, а также сочинения Василия Великого, Иоанна Златоуста и других авторов. Произведение Владимира Мономаха много и тщательно изучалось с этой точки зрения (см. прежде всего исследования Протопопова, Шлякова, Ивакина, Орлова¹), и вопрос о библейских источниках «Поучения» казался в общем решенным. Тем не менее, существует один источник, который остался вне поля зрения исследователей, — это послания апостола Павла.

Владимир Мономах был, по-видимому, первым русским автором, рассказавшим о своей жизни. Естественно, что он должен был обращаться к образцам. Одним из таких образцов явилось для него Послание апостола Павла к Коринфянам.

Действительно, то место, где Мономах рассказывает о своих охотничьих подвигах и испытаниях, которым он подвергался, определенным образом напоминает рассказ Павла о страданиях, которые ему пришлось претерпеть.

Ср. у Мономаха: «А се в Черниговѣ дѣяль юсмь: конь диких своима рукама свазаль юсмь, в пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того иже по Рови ѣзда ималь юсмь своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура ма 2 метала на розѣх и с конемъ, олень ма одинъ боль, а 2 лоси одинъ ногами топталъ, а другии рогома боль, вепрь ми на бедрѣ мечь ѿталъ, медвѣдь ми у колѣна подъяклада оукусиль, лютии звѣрь скочиль ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже, и Бѣ неврежена ма съблюде. И с кона много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих...»².

¹ См.: [Протопопов 1874: 249—257; Шляков 1900: 209—258; Ивакин 1901: 90—96, 101—103, 308—311; Орлов 1946: 108—126].

² [ПСРЛ I: 251]

У Павла: «Въ троудѣхъ лише; въ ранахъ прѣболе; въ тъмницахъ лише; въ сьмъртъхъ множицею. Шт Июдей пать краты и четьри десате развѣ ѳединою прияхъ. Три краты палицами бьенъ быхъ, ѳединою каменьемъ побиша ма; три краты лодия испровърже са съ мьною, ноцъ и днѣ въ глоубинѣ сьтвори хъ. Поутъмь шьствыи мьножицею, бѣды въ рѣкахъ, бѣды ѳт разбойникъ, бѣды ѳт роженика, бѣды ѳт кзыкъ, бѣды въ градѣ, бѣды въ поуустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лъжибратии. Въ троудѣ и въ подвижении, въ забьдѣнии мьножицею, въ алчи и жажи, въ пощениихъ мьножицею, въ зимѣ и наготѣ» (II Кор. XI, 23—27)³.

В обоих случаях мы имеем перечисление событий — своего рода реестр — с точным указанием того, сколько раз случилось то или иное событие. Эта формальная характеристика, объединяющая данные тексты, не типична для автобиографического повествования, и мы вправе предположить, что Почтение Мономаха обнаруживает здесь влияние Послания к Коринфянам.

Как у того, так и у другого автора это перечисление событий дается в одном и том же контексте — в контексте обсуждения возможности похвальбы.

Рассказывая о своих приключениях, апостол Павел говорит о том, что они дают ему право хвалиться: он считает неразумным хвалиться «по плоти», т. е. превозносить свои труды и страдания, при том что описывая их, он общает истину. Предваряя свой рассказ, он говорит: «Паки глѣю, да не кто мьнить ма безоумна быти; аще ли ни, оубо понѣ акы ї немоудра приимѣте ма, да и азъ мало что похвалю са. Юже глѣю, не глѣю на гѣ, нъ кько въ безоумии, въ сей ипостаси хвалѣ. Понѣже мьнози хвалать са по плѣти, и азъ похвалю са» (II Кор. XI, 16—18)⁴. В заключение же он пишет: «Аще и похвалити са подобаеть, не ползѣю бо», — одновременно подчеркивая: «Аще бо въсхощю похвалити са, не боуду немоудръ; їстиною бо рекоу» (II Кор. XII, 1, 6). И далее: «Быхъ немоудръ хвала са; вы ма ноудисте. Азъ бо дьлжьнъ бѣхъ ѳт васъ сьставити са; ничимъже бо лишихъ са прѣжьнихъ аплѣ, аще и ничтоже юсмь» (II Кор. XII, 11). Общий вывод: объективно есть все основания для похвальбы, но нельзя хвалить себя — это должны делать другие: «о собѣ не похвалю са, тькмо о немоцѣхъ моихъ» (II Кор. XII, 5)⁵.

Эту тему обсуждает и Мономах, который, заканчивая рассказ о своих подвигах, подчеркивает, что он хвалит не себя, а Господа: «Да не зарите ми

³ Послание Павла цитируем по Христинопольскому апостолу середины XII в. (Львовский ист. музей, рук. 39) как наиболее близкому по времени написания к сочинению Мономаха. См. изд.: [Kaŕuŕniacki 1896: 176—177]. Ср. то же место по другим древнейшим спискам: [Воскресенский 1908: 126—129].

⁴ [Kaŕuŕniacki 1896: 176; Воскресенский 1908: 122—125]

⁵ [Kaŕuŕniacki 1896: 177—178; Воскресенский 1908: 132—141]

дѣти мои, но [читай: ни] инь кто прочеть, не хвалю бо сѧ, ни дерзости своея, но хвалю бѧ и прославляю млѣть юго, иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд ѿ тѣхъ часъ смѣртныхъ и не лѣнива ма былъ створилъ худаго на вса дѣла члвчскака потребна»⁶. Итак, и Павел и Мономах хвалятся, одновременно декларативно отказываясь от похвалы: в обоих случаях проблема похвалы трактуется диалектически.

Остается заметить, что обращение к тексту апостольского послания ни в коей мере не означает в данном случае подражания Павлу. Вообще речь не идет здесь о подражании какому бы то ни было сакральному образу, столь характерном для агиографического повествования. «Поучение» Владимира Мономаха — автобиографическое произведение, полностью лишенное агиографических моментов (в отличие, например, от Жития Аввакума). Послание Павла оказывается важным для Мономаха не в содержательном, а в функциональном (риторическом) отношении: оно воспринимается в данном случае не как модель поведения, а как образец повествования о себе самом.

Литература

- Воскресенский 1908 — *Воскресенский Г.* Древнеславянский Апостол. Вып. 3, 4 и 5: Послание апостола Павла к апостолам II-е, к галатам и к ефесянам по основным спискам четырех редакций апостольского текста с разночтениями из пятидесяти шести рукописей Апостола XII—XVI вв. Сергиев Посад, 1908.
- Ивакин 1901 — *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. I (Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки). М., 1901.
- Орлов 1946 — *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
- Протопопов 1874 — *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // Журнал Министерства народного просвещения. 1874, февраль. Ч. 171.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.
- Шляков 1900 — *Шляков Н. В.* Поучение детям Владимира Мономаха // Журнал Министерства народного просвещения. 1900, июнь. Ч. 329.
- Kaľuźniacki 1896 — *Kaľuźniacki Aemilianus.* Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII^o scripti. Vindobonae, MDCCCXCVI.

⁶ [ПСРЛ I: 251—252]. Ср. еще ранее у Мономаха: «Паче всего гордости не имѣйте в срѣци и въ оумѣ» [Там же: 245].

НОВОНАЙДЕННЫЕ НАДПИСИ-ГРАФФИТИ И РИСУНКИ ИЗ ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ НА ВОЛОТОВОМ ПОЛЕ В НОВГОРОДЕ*

Т. В. Рождественская
СПбГУ

О существовании древнерусских надписей-граффити в новгородской церкви Успения на Волотовом поле, с ее знаменитой фресковой живописью, стало известно в начале прошлого века, когда там в 1909—1910 гг. работала экспедиция по изучению и сохранению волотовской росписи, организованная Императорской Археологической комиссией. Храм, как известно, был почти полностью уничтожен во время Великой Отечественной войны. История изучения волотовских фресок, полная документация работ комиссии, а также фотографии фресок, которые были сделаны одним из участников экспедиции Л. А. Мацулевичем, опубликованы в 1978 г. в монографии Г. В. Вздорнова, посвященной исследованию живописи Волотова [Вздорнов 1978: 25]. На некоторых из этих фотографий можно разглядеть и процарапанные по фресковому слою надписи. До настоящего времени многие из них не сохранились. Поскольку основная задача экспедиции состояла в изучении, копировании и фотофиксации живописи, надписи-граффити, сохранившиеся к тому времени на стенах храма, не были предметом специального внимания и при фотосъемках фресок в кадр попадали случайно. Более других «повезло» многострочной надписи, которую Л. А. Мацулевич сфотографировал дважды — общим планом с нижней частью центральной сцены и отдельно [Вздорнов 1978: Документация. № 163.17, № 163.18]. Она находилась в нижней части развернутой композиции «Слово о некоем игумене, егоже искуси Христос во образе нищего» (чтение Пролога на 18 октября), расположенной на двух соседних стенах — южной и западной в юго-западном углу церкви. Г. И. Вздорнов отмечает, что «в ногах Христа, стоящего перед входом в монастырь, имелись многочисленные граффити, из которых наиболее обширной была следующая», и воспроизводит текст надписи со ссылкой на чтение А. А. Медынцевой. Ей же принадлежит и определение надписи как текста «из канонической

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 04-06-80180).

службы Иоанну Предтече» [Вздорнов 1978: Документация. № 163.6, № 163.7]. А. А. Медынцева предложила и наиболее вероятную дату надписи — первая половина XV в. [Там же]. Однако подробное палеографическое описание в публикации Г. И. Вздорнова отсутствует.

Обратимся еще раз к этому тексту (надпись 1, ил. 1). Он воспроизводится по сканировке негатива Л. А. Мацулевича¹. Выносные буквы и слоги помещаем в скобках в строке, за исключением слова «постра(да)въ» в начале 6-й строки, где слог «да» просто пропущен; несохранившиеся буквы обозначены отточием. Текст восстанавливается почти полностью:

память праведно... похвалами быва
еть тебе же довлѣеть свѣдѣтель
гнѣ пр(д)ча явилъ бо са еси вънстену
прркъ чтны яко водою кр(с)ти спо
добилса еси про(повѣ)дати по истинѣ
постра(да)въ блговистилъ еси иже въ адѣ
явльшегося плотью възем(л)ъще(г)[о] грѣхы
миру дающаго намъ и вел...ю мль

Память праведно(го) похвалами бывает, тебе же довлѣеть свѣдѣтель Г(оспод)не Пр(е)д(те)ча: явилъ бо са еси вънстену, пр(о)р(о)къ ч(ес)тны, яко водою кр(ести)ти сподобилса еси проповѣдати по истинѣ пострадавъ бл(а)говистилъ еси иже въ адѣ явльш(е)гося плотью въз(е)мл(ю)щего грѣхы миру дающаго намъ и вел(и)ю м(и)л(ос)ть.

Надпись представляет собой цитату — тропарь 2-го гласа Службы на Усекновение главы Иоанна Предтечи:

Памать праведнаго съ похвалами, тебѣ же довлѣеть свидѣтельство Господне, Предтече: показаль бо са еси воистинну и пророковъ честнѣйший, яко и въ струахъ крестити сподобилса еси проповѣданного. Тѣмже за истину пострадавъ радуаса, благовѣстилъ еси и сущимъ во адѣ Бога явльшагоса плотию, вземлющаго грѣхы мира, и подающаго намъ велию милость (Миняя празд. 29 августа).

В публикации Г. И. Вздорнова текст приводится в упрощенной орфографии. Необходимо также внести несколько поправок. Так, в отличие от чтения, предложенного А. А. Медынцевой, вместо слова «с(вя)тии» ясно читается «ч(ес)тны», вместо «уже во адѣ» — «иже въ адѣ», над словом «въземъшего» — над буквой м — видна выносная л, а между буквами з и м — очень слабо прочерченная ѳ.

¹ Негативы и фотографии Л. А. Мацулевича хранятся в его фонде в Фотоархиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Благодарю Г. В. Длужневскую за возможность воспользоваться материалами архива и за помощь в сканировании.

Палеография: в с треугольной верхней петлей, заходящей на нижнюю; д с длинными ножкам основы, выходящими далеко за строку, с небольшим и узким треугольником, левая сторона которого длиннее правой; и с косой перекладиной; а с маленькой петлей и длинной наклонной спинкой; ю с косой слева направо перекладиной в верхней части буквы; ѣ с наклонной высокой мачтой и пониженным коромыслом; трехчастное т; ѡ с остроугольной средней частью; р с изогнутой спинкой и овальной головкой; њ и ѣ с маленькими кузовами и высокими наклонными спинками; ы с ѣ; щ с узкой верхней частью и очень длинной ножкой; ч с чашкой «расщепом» на ножке. Все эти особенности начертаний распространяются с первой половины XV в. не только в рукописях, но и в берестяных грамотах [Зализняк 2000: 187, табл. 20; 202, табл. 29; 209, табл. 34; 211, табл. 35; 217, табл. 40]. Датировку, предложенную А. А. Медынцевой, можно расширить до середины столетия. **Графика и орфография** надписи характеризуется употреблением буквы ѣ при полном отсутствии диграфа оу; в начале слова и после гласных — ѣ; отметим единичное написание с ѣ = и (въиствену, ср. здесь же стандартную форму по истинѣ). Дважды встречается и = ѣ (свѣдитель, благовистилъ), отражающее переход ѣ > и, что находит соответствие в берестяных грамотах уже с середины XIII в. [Зализняк 2004: 26]. В окончаниях форм 3 л. наст. вр. — -тъ. Сохраняется старая форма Вин. пад. (грѣхы). При всей ориентации писавшего на церковнославянскую норму, надпись содержит живые языковые формы, характерные для новгородской зоны XV в. Ср. в Минее праздничной XV в. (РНБ, Соф. 372, л. 305): памѣ(тъ) правѣ(д)никѣ с похвалами ты(ж) довлѣ-ѣ(т) ти свѣ(д)ѣтельство / г(оспод)не пр(ѣ)дт(ѣ)че. тавилъ бо сѣ еси въ истиннѣ и пр(о)р(о)къ ч(ес)тнѣи/ши. тако въ быстрина(х) кр(с)ти/ти сп(о)билсѣ еси проповѣданнаго. тѣмъ(ж) за истиннѣ / пострада ра(д)ѣсѣ бл(а)говѣстилъ // (л. 305 об.) еси ни(ж) въ адѣ тавльшагосѣ / плотию. вземлюща грѣ(х) мирѣ / и дающаго на(м) велію м(н)л(о)сть; в Минее праздничной также XV в. (РНБ, Погод. 369, л. 340): памѣть пр(а)в(ѣ)дн(н)коу съ похвалами. тѣѣ же довлѣеть свѣдѣте/льство г(оспод)не пр(ѣ)дт(ѣ)че/. тавил бо сѣ еси вонстин(н)оу. пр(о)р(о)къ честнѣи/ши. тако в быстрина(х) кр(с)тити / сп(о)билсѣ еси проповѣданнаго / тѣмже за истинноу пострада / радѣсѣ. и бл(а)говѣстилъ еси / иже во адѣ бога тавльшагосѣ / плотию. вземлющаго грѣхы мирѣ // (л. 340 об.) и дающаго намъ велію м(н)л(о)сть.

В волотовской надписи имеется ряд словообразовательных и лексических разночтений как с текстами рукописных Миней XV в., так и с современным текстом тропаря: «праведного — праведнику; свѣдитель — свѣдѣтельство; водою — в быстринах — въ струяхъ», только в надписи присутствует форма 3 л. наст. вр. **бываеть**. После слова **свѣдитель** в надписи не видно никаких других букв, «писчая» поверхность стены ровная, без трещин и выбо-

ин, так что нет никаких оснований предполагать здесь недописанное или испорченное слово «свидетельство».

В настоящее время в результате проводившихся в 1990-х — начале 2000-х гг. архитектурно-реставрационных работ Успенская церковь восстановлена². В ходе реставрации удалось расчистить сохранившиеся участки стен с остатками росписи, на которых были обнаружены и несколько не известных ранее граффити — надписей и рисунков³. Из числа недавно обнаруженных после завершения реставрации Успенской церкви надписей, расположенных на столбах на поверхности фрескового слоя, на уровне человеческого роста, рассмотрим три. Все они имеют богослужебный характер.

Надпись 2 (ил. 2) расположена на северной плоскости юго-восточного столба на уровне человеческого роста, состоит из трех строк:

БЛАГЪ ЧЕ... БҮДИ Д...
АКО БЛАГЪ И ЧЕЛОВѢ...
БҮДИ ДѢРЖ...

Надпись воспроизводит фрагменты инципитов священнических возгласов службы Всенощного бдения на Шестопсалмие «яко благ и человеколюбец...» (БЛАГЪ ЧЕ...; АКО БЛАГЪ И ЧЕЛОВѢ...) и на утрене Великого Пятка «буди держава Царства Твоего» (БҮДИ Д...; БҮДИ ДѢРЖ...) [Настольная книга священнослужителя: 150].

Форма буквы ч с чашкой в виде «расщеп» и ѣ с высокой мятой и пониженным коромыслом характерны для почерков рубежа XIV—XV вв. и начала XV в. Написание «держава» с ѣ также обычно для этого времени.

На восточной плоскости юго-восточного столба расположена надпись 3 (ил. 3, 3а), состоящая из двух строк:

ДН(С)Ь ЦЕРКОВЕНАА ЗАВѢС... А ОБЛИЧЕНИ РАСПАДЕСА Б...ЗАКОННИКОМО І
СВОА ЛУЧА / СНАЦЕ (так!) КРЫЕТЬ ВЛАДЫКУ ...ДА РАСПИНАЕМА

Дне(сь) церковная завес(а н)а обличени распадется беззаконником и своя луча с(о)лнце крыеть, владыку (ви)дя распинаема.

Это стихира 1-го гласа утрени Великого Пятка: «Днесь церковная завеса на обличение беззаконных раздрается и солнце лучи своя скрывает, Владыку зря распинаема» [Триодь Постная: 440, 449]. Надпись заканчивается знаком ∴. Справа от него более мелким и тонким почерком процарапано имя Зѣновья в Вин. пад. Такие формы личных имен, записанных для поминания,

² Работы проводила реставрационная фирма ООО «Дар» под руководством Т. И. Анисимовой (Новгород).

³ Благодарю И. Ю. Анкудинова (Новгород), обратившего мое внимание на этот материал и всячески содействовавшего его фиксации и изучению.

сохранились на других участках стен (ил. 4): **Гр(нг)орѣга / Тимофѣ(га) / Трофима... / Агапна... / Прокопъ(га)... Иокима... / Генад(ьга)...**

Надпись 3 выполнена аккуратным ровным почерком. В слове **завѣс(а)** после буквы **с** — широкая трещина, уничтожившая следующие за ней две буквы — **а** и **н**, начинающую предлог **на** (**на обличени**). В слове **беззаконникомо** после **б** легко восстанавливается **е**. Дважды использована **ц** «зеркальная» (**церковенаа, с(о)лице**) с длинным хвостом и прямоугольной, почти квадратной чашкой. Для датировки показательны наличие **о** «широкого» («**обличени**») ⁴, **ч** с чашкой в виде «расщеп» на короткой ножке, а в слове **лѹча** — **ч** v-образного вида. Такие формы **ч, о** «широкого», **ч**-образная **ѹ** с перемычкой встречаются и в берестяных грамотах второй половины — конца XIV в. и начала XV в. [Зализняк 2000: 181, табл. 16; 189, табл. 21; 203, табл. 29]. После гласных — **к** (**крыкѣть, распинакма**), **ы** с **ъ, з** — с коротким полукруглым хвостом, резко отходящим вправо, **м** с горизонтальными плечиками. В слове **беззаконникомо** **е** = **ь**, конечная **о** = **ъ**. В форме 3 л. ед. числа наст. вр. **крыкѣть** — окончание **-тъ**.

Примечательно, что в надписи используются надстрочные знаки нотации, а над словами **завѣса** и **крыкѣть** еле заметны фитные начертания. То, что надпись нотирована, объясняет орфографию **церковенаа** и **б...законникомо**. По совокупности палеографических характеристик надпись можно датировать первой половиной XV в. По сравнению с рукописными текстами этой стихире в надписи есть ряд разночтений. Так, ср. в нотированном Стихираре новгородского происхождения первой половины XIII в. (РНБ, Соф. 96, л. 94) ⁵: **дньсь църкѣвнага завѣса на шблиценне распадѣса беззаконникомъ и свога лѹча сълице крыкѣть владыкѹ вида распинакма**. Здесь, как и в надписи, над словами **завѣса** и **крыкѣть** изображены фиты. Ср. также в Триоди Цветной второй половины XII в. (РНБ, Ф.п.1.75, л. 1 об.): **вм. завѣса — шпона; беззаконникомо — прѣстѹпникомъ; вида — зрл**. В сербской Триоди первой половины XIII в. (РНБ, Ф.п.1.68, л. 114 об.): **вм. распадеса — раздрасе**; в Орбельской Триоди второй половины XIII в. (РНБ, Ф.п.1.102, л. 177 нижней пагинации): **беззаконникомо — беззаконныхъ, крыкѣть — скры, вида — зрл**.

На северной стене юго-западного столба находится надпись 4 (ил. 5):

**ако швеча на закаленник
приведеса хъ цсарю ако
агнѣче...непорѣч...ное**

⁴ Расширение функций **ш** и **о** «широкого» в древнерусских рукописях происходит, по наблюдению М. Г. Гальченко, начиная с конца 10-х гг. XV в. [Гальченко 2001: 369].

⁵ Датировки рукописей приводятся по [СК XI—XIII].

пригвоздѣнъ нкрѣтъ ѿ безз
 коныхо муже грѣхо ради на
 шихъ чловѣколюбче

Яко овеча на закаление приведется Х(рист)е Цсарю, яко агнѣче... непороч(ь)ное пригвоздѣнъ н(а) кр(е)стѣ от беззаконныхъ мужъ грѣхъ ради нашихъ, чловѣколюбче!

Это тропарь той же утрени Великого Пятка. Ср. современный церковнославянский текст: «Яко овца на заколение веден был еси, Христе Царю, и яко агнец незлобивый пригвоздился еси кресту от беззаконных мужей, грех ради наших, чловеколюбче!» [Триодъ Постная 450]. Текст читается полностью, несмотря на небольшие дефекты на поверхности стены: после слова агнѣче и после буквы ч в слове непорѣч...ное. Учитывая характерную для этого нотированного текста мену ь — є — ѣ (швѣча, агнѣче, муже), здесь в равной степени могли быть как ь, так и є. Для палеографической датировки показательны є с язычком, слегка поднятым вверх, v-образная ч. Над словами «Х(рист)е» и «н(а) кр(е)стѣ» — титла. В слове цсарю ц «зеркальная». Так же, как и в надписи 5, здесь присутствуют знаки нотации, а над словами цсарю и муже — фиты. Запись тропаря относится к тому же времени, что запись стихирь, — к первой половине XV в. Более того, особенности в начертаниях букв д, ѣ, ч, «зеркальной» ц позволяют предположить, что и стихира, и тропарь могли быть написаны одной и той же рукой. Текст тропаря, как и стихирь на столбе церкви Успения, содержит ряд чтений, которые нуждаются в текстологическом анализе сохранившейся рукописной традиции Утрени Великого Пятка. Ср., например, в Стихираре XIII в. (РНБ, Соф. 85, л. 128): *яко швѣча на заколеніе. приведеса христе цѣсарю. и яко агнець непорочнѣ. пригвоздѣнъ на крѣстѣ. отъ беззаконныхъ мужъ. грѣхъ ради нашихъ чловѣколюбче /* (л. 128 об.). Все три богослужебные надписи обладают графико-орфографическими признаками, характерными для русских рукописей периода «второго южнославянского влияния». Распространение этих признаков в Новгороде М. Г. Гальченко относит к 30-м гг. XV в. [Гальченко 2001: 340]. Новонайденные богослужебные надписи из церкви Успения на Волотове, сделанные кем-то из клира для памяти певчим, отражают определенную редакцию службы, использовавшуюся в XV в. в Новгороде. По-видимому, это редакция текстов, существовавшая в Древней Руси до появления новых южнославянских редакций, составленных на Афоне и в Болгарии при официальном введении Иерусалимского устава в славянское богослужение. Правленные редакции Триоди, Миней, Служебника, Евангелия и др. появляются на Руси в конце XIV в. [Афанасьева 2004: 32—55; 123—127; Турилов 1998: 321]⁶. Надписи из

⁶ Благодарю Т. И. Афанасьеву за консультацию.

церкви Успения на Волотове, скорее всего, выполнены с богослужебных книг старой редакции. Это может свидетельствовать в поддержку гипотезы о распространении Иерусалимского устава в Новгороде не ранее 30-х гг. XV в. [Бобров 1991: 91 и сл.]. Однако высказанное предположение нуждается в привлечении более широкого круга рукописных источников.

Помимо двух надписей — тропаря и стихиры — на южной стене юго-восточного столба обнаружены рисунки-граффити: кресты различной формы, декоративные кириллические буквы, фигуры всадников, фрагменты плетеночного орнамента. Так, замечателен по своему художественному исполнению ряд декоративных букв, выполненных в двойном контуре с применением элементов «плетенки» (ил. 6). Их изысканные формы заставляют вспомнить приемы книжных мастеров, украшавших инициалами рукописный лист. Ниже этого ряда расположены фигуры всадников. Две из них составляют отдельную композицию (ил. 7). Впереди (слева) изображен человек на коне, держащий в седле другого. Голова всадника изображена схематично, а головной убор напоминает плат, что характерно скорее для женских изображений. Другая сидящая впереди фигура с перекинутыми на один бок коня ногами значительно меньше первой. Вполне допустимо, что автор рисунка изобразил женщину с ребенком. А за ними чуть выше на плоскости стены нарисован всадник с поднятым в левой руке мечом. Он словно пытается нагнать убегающую от него всадницу (?) с младенцем. Очевидно, перед нами сцена погони. Справа от фигуры догоняющего всадника очень мелкими буквами процарапана надпись, состоящая всего из одного слова: **макидоньскин** (надпись 5, ил. 8, 9). Местоположение надписи позволяет отнести ее к рисунку. Данных для палеографической датировки, конечно, мало. Отмечу лишь, что ярких признаков конца XV в. в ней нет. Поэтому и всю композицию можно датировать в пределах XV в. Судя по надписи, композиция несомненно имеет литературный источник. Как известно, сведения об Александре Македонском распространялись на Руси с XII в. благодаря переводу Александрии, входившей в состав хронографов [Лурье 1965: 146; Творогов 1987: 35—37], а также благодаря Пчеле, в которой содержатся краткие эпизоды из жизни и деяний Александра Македонского и Филиппа [Творогов 1987: 383]. С XV в. становится известна Сербская Александрия [Ванеева 1988: 21—25]. Отголоски этих сведений нашли отражение в рисунке неизвестного новгородского автора, безусловно обладавшего навыками художника. На этой же плоскости стены, на большом расстоянии от предыдущих изображений, волнистой линией контуром нарисована человеческая фигура. Справа от нее — ствол дерева с короткими ветками на макушке и двумя отростками справа. Изображены и корни в виде расходящихся влево и вправо от ствола линий со штриховкой. Рядом в верхней части рисунка — надпись, явно имеющая к не-

му отношение: сосна (надпись 6, ил. 10). Это изображение сосны, при всей схематичности, имеет явное сходство с реальным деревом.

Многочисленные рисунки, как и новонайденные богослужебные надписи на столбах Волотовской церкви, свидетельствуют о высокой книжной культуре и знакомстве с мастерством книжной миниатюры их авторов. Подобные рисунки обнаружены и в других храмах Новгорода — в Софийском соборе [Медынцева 1978: рис. 4, 7, 8, 9, 12, 15, 21, 22, 24, 25, 30, 32, 33, 67, 68, 72, 85, 87, 89, 94, 95, 98, 100, 103, 106, 107, 108, 116, 133, 135, 150], в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, в церкви Спаса на Нередице, Феодора Стратилата на Ручью [Рождественская 2000: 402—415], в церкви св. Георгия в Старой Ладогe [Васильев, Рождественская 2002: 371—387]. Богослужебные и цитирующие библейские тексты надписи-граффити сохранились и в других древнерусских храмах. Так, в Софии Киевской надпись XII в. (№ 172)⁷ цитирует, как установил А. А. Турилов, «хотя и в сильно фрагментированном виде, ...один из древнейших в славянской традиции отрывков ветхозаветных библейских текстов», представленных в паремии (вторая паремия в 5-ю субботу Великого Поста) и в четвертом варианте [Турилов 2000: 39—40]. К рубежу XII—XIII вв. относится фрагмент херувимской песни «Ныне силы небесные с нами невидимо служат...», найденный на обломках древней штукатурки при раскопках церкви Климента в Старой Ладогe [Рождественская 1992: 116]. В новгородской церкви Спаса на Нередице сохранилась запись начала XIV в., в которой цитируются стихи-припевы к тропарю «Иже в шестый день же и час», использовавшемуся в великопостной службе Шестого часа [Мусин 2000: 225]⁸, в церкви Феодора Стратилата на Ручью на скосе окна на хорах процарапана цитата из Псалтыри «в память вѣщнѹю бѹдетъ праведникъ отъ слѹха зла не ѹвонтса» (Пс. 111, 6—7), входящая в состав запричастного стиха, который поется по вторникам за литургией, а также на частных службах — пророкам, мученикам, преподобным или святителям [Рождественская 1992: 114].

Публикуемый материал из церкви Успения на Волотове представляет лишь часть сохранившихся в храме надписей, большинство из которых дошло до нас в сильно фрагментированном виде. Тропарь Службы Иоанну Предтече, стихира и тропарь Утрени Великого Пятка XV в. — еще один письменный источник для изучения русской богослужебной письменной традиции.

⁷ Нумерация дается по изд.: [Высоцкий 1976: 76].

⁸ Публикация текста (прорись) см.: [Рождественская 1992: 84]. По мнению А. Е. Мусина, представленный в этой надписи состав молитвословий Шестого часа свидетельствует о том, что «уже на рубеже XIII—XIV вв. клир Спасо-Преображенской церкви служит по Иерусалимскому уставу» [Мусин 2000: 226].

Литература

- Афанасьева 2004 — *Афанасьева Т. И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII—XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004.
- Бобров 1991 — *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. СПб., 1991. С. 78—98.
- Ванеева 1988 — *Ванеева Е. И.* Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 1. А—К. Л., 1988.
- Васильев, Рождественская 2002 — *Васильев Б. Г., Рождественская Т. В.* Надписи и граффити на фресках Георгиевской церкви // Церковь Георгия в Старой Ладогe: История, архитектура, фрески. Моногр. изд. памятника / Авт.-сост. В. Д. Сарыбьянов. М., 2002. С. 355—387.
- Вздорнов 1978 — *Вздорнов Г. И.* Вологово: Фрески церкви Успения на Вологовом поле близ Новгорода. М., 1978.
- Высоцкий 1976 — *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
- Гальченко 2001 — *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности: (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избр. работы. М., 2001. С. 325—382.
- Зализняк 2000 — *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). Т. X. М., 2000. С. 134—429.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Лурье 1965 — *Лурье Я. С.* Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 145—168.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978.
- Мусин 2000 — *Мусин А. Е.* О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI—XIII вв.: (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // Новгородский исторический сборник: 800-летию Нередицы посвящается. 8 (18). СПб., 2000. С. 215—239.
- Настольная книга священнослужителя — Настольная книга священнослужителя. Т. I. 2-е изд. М., 1992.
- Рождественская 1992 — *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI—XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская 2000 — *Рождественская Т. В.* Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов // Рисунки писателей: Сб. науч. ст.: По материалам конф. «Рисунки петербургских писателей». СПб., 2000. С. 402—415.
- СК XI—XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

- Творогов 1987 — *Творогов О. В.* Александрия Хронографическая; Пчела // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 35—37; 382—387.
- Триодь Постная — Триодь Постная. Ч. 2. М., 1992.
- Турилов 1998 — *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV—XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 321—337.
- Турилов 2000 — *Турилов А. А.* Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. С. 26—58.

ДВА НАЧАЛА НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ: К ИСТОРИИ КОМПОЗИЦИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

А. А. Гиппиус

Институт славяноведения, Москва

Понятия «Начальная летопись» и «Несторова летопись» и их иноязычные соответствия (the Primary Chronicle, die Nestorchronik) чаще всего употребляются в литературе как синонимичные названию «Повести временных лет» (ПВЛ) — киевского летописного свода 1113—1116 гг., легшего в основу нескольких региональных летописных традиций XII—XIII вв. и через их посредство влившего в общерусское летописание XIV—XVI вв. Между тем, если второй из этих терминов действительно имеет смысл лишь как другое название ПВЛ, то первый есть все основания трактовать более широко, обозначая таким образом всю совокупность памятников начального древнерусского летописания, включая ПВЛ и предшествовавшие ей летописные произведения. Понимаемая таким образом Начальная летопись представляет собой своего рода «гипертекст», охватывающий как реально дошедшие до нас тексты, так и памятники, гипотетически реконструируемые на их основе.

Как реально засвидетельствованный текст Начальная летопись представлена двумя основными вариантами. К первому относятся шесть полных списков ПВЛ (включая утраченный, но частично реконструируемый Троицкий), отражающих различные региональные рецепции свода 1113—1116 гг., но при этом демонстрирующих на удивление высокую степень стабильности текста, позволяющую ставить вопрос о реконструкции его исходного состояния и более или менее успешно его решать. Второй вариант представлен списками Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ), передающими тот вид Начальной летописи, в каком она читалась в составе новгородского владычного (архиепископского) свода XII—XV вв.¹ Происхождение новгород-

¹ Особую разновидность текста Начальной летописи представляют Софийская 1-я, Новгородская 4-я, Новгородская Карамзинская летопись и другие летописные памятники, восходящие к «Новгородско-Софийскому» своду первой половины XV в.

ского «извода» Начальной летописи и его соотношение с текстом ПВЛ остаются предметом дискуссии, ведущейся уже более столетия вокруг фундаментальной гипотезы А. А. Шахматова о Киевском Начальном своде. Согласно этой гипотезе, дошедшая до нас в НПЛ версия Начальной летописи не является переработкой ПВЛ, как это традиционно считалось, но отражает предшествующий ПВЛ и лежащий в ее основе киевский летописный свод 90-х гг. XI в. Свод этот, названный Шахматовым Начальным сводом, сохранил за собой данное обозначение и после того, как сам Шахматов установил, что в действительности он представлял собой лишь этап в истории текста Начальной летописи, которому предшествовали более древние летописные памятники. Несмотря на известное неудобство этого термина, мы будем использовать его, чтобы не усложнять и без того непростую номенклатуру памятников начального древнерусского летописания. Важно, однако, сознавать условность этого обозначения и не ассоциировать с ним представления о некоем исходном, «идеальном» прототипе ПВЛ, как это иногда делается.

Как всякое большое текстологическое построение, гипотеза Шахматова о Начальном своде имеет свой центр и периферию. Центр, ядро этой гипотезы составляет интерпретация Шахматовым соотношения текстов ПВЛ и НПЛ до статьи 6523 г. включительно, периферию же образуют предположения об отражении Начального свода в более поздних фрагментах НПЛ, а также времени и обстоятельствах использования этого свода в новгородском летописании.

В настоящей работе мы попробуем, оценив текущее состояние дискуссии о Начальном своде, примирить два центральных положения этой гипотезы с наиболее значительной из поправок к ней, сделанных в последние десятилетия. При этом нас будет интересовать исключительно центр шахматовской гипотезы, а не ее периферия. Для начала напомним, как соотносятся тексты ПВЛ и НПЛ в указанных хронологических рамках.

Датированной, анналистической части ПВЛ, начинающейся 6360 (852) г., под которым помещена хронологическая статья с подсчетом лет «от Адама... до смерти Святополчи» (1113 г.), предшествует не разделенная на годы доанналистическая часть, представляющая собой развернутое космографическое введение к истории Руси. Начав с рассказа о разделе земли сыновьями Ноя, Введение прослеживает древнейшие судьбы (восточного) славянства до ос-

В летописях этой группы текст Начальной летописи носит контаминированный характер, частично восходя к новгородской традиции, отраженной НПЛ, а частично — к полному тексту ПВЛ типа представленного в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях. Для проблематики настоящей работы специфические особенности «новгородско-софийской» версии Начальной летописи существенного значения не имеют.

нования Киева тремя братьями-полями и истории с хазарской данью. Эта общая нить изложения многократно перебивается этногеографическими перечнями и экскурсами, что придает композиции Введения чрезвычайную пестроту и мозаичность.

В НПЛ космографическое введение отсутствует, а его место занимает предисловие к «Временнику», имеющее заглавие: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князей и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстом, преже Новгородская волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како [воименовася]² Къевъ» [НПЛ 1950: 103]. Основные темы Предисловия: место Киева в ряду исторических городов, названных по именам их основателей; торжество христианства над язычеством в Русской земле, избранной Богом в «последние времена»; противопоставление «древних князей» и их дружин нынешним, обвиняемым в «несытстве» и несправедливых поборах; наконец, определение хронологических рамок предстоящего рассказа: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила цесаря до [Олексы]³ и Исакья» [Там же: 104]. За Предисловием начинается статья 6362 (854) г., имеющая заголовок «Начало земли Руской» и объединяющая под одной датой рассказы об основании Киева, походе руси на Царьград при царе Михаиле, хазарской дани, Аскольде и Дире, призвании варяжских князей и завоевании Киева Игорем и Олегом. В дальнейшем изложении НПЛ и ПВЛ существенно расходятся до статьи 6453 г., начиная с которой различия между двумя летописями приобретают более частный характер, сводясь к отсутствию в НПЛ отдельных пассажей, читаемых в ПВЛ (договоров с греками вместе с их нарративным обрамлением (6453, 6478), рассказов о четвертой мести Ольги (6453), подвиге юноши-кожемяки (6500), «белгородском киселе» (6505)).

Концепция Шахматова в ее «классической» форме, т. е. в том виде, в каком она изложена в работах 1908—1909 гг. и более поздних, объясняет указанное соотношение текстов следующим образом:

1) Текст НПЛ в части до 6523 г. в целом первичен по отношению к ПВЛ и отражает лежащий в ее основе Начальный летописный свод;

2) Предисловие к «Временнику» написано в Киеве в середине 90-х гг. XI в. и является предисловием к Начальному своду;

3) Отсутствующее в НПЛ космографическое введение отсутствовало и в Начальном своде; оно появилось в составе первой редакции ПВЛ, созданной в начале 1110-х гг.

² Испр. по Новгородской 4-й летописи; в НПЛ: *во имя назвася*.

³ Испр. по Троицкому списку НПЛ; в остальных: *Александра*.

В работах большинства учеников и последователей А. А. Шахматова — М. Д. Приселкова [1996 (1940)]⁴, Д. С. Лихачева [1947], А. Н. Насонова [1969], Л. В. Черепнина [1948] — его гипотеза принимается в единстве этих трех положений. Столь же полное ее отторжение, возвращающее рассмотрение проблемы к дошахматовскому состоянию, демонстрирует С. А. Бугославский [1941], видящий в версии НПЛ простое сокращение текста ПВЛ, предпринятое новгородским сводчиком XIII в. Между этими полюсами располагаются точки зрения авторов, подходящих к построению Шахматова более или менее избирательно. В минимальной степени его принимает А. Г. Кузьмин [1977], разделяющий только первый тезис Шахматова, и то отчасти: первичным относительно ПВЛ исследователь считает лишь текст НПЛ с 6453 г. Намного более близкую шахматовской позицию занял М. Х. Алешковский [1969; 1971]: разделяя первый и второй тезисы Шахматова, он считает отсутствие в НПЛ космографического введения результатом сокращения, осуществленного в новгородском своде 1220-х гг. Возможность сокращения в НПЛ вводных пассажей Начального свода допускает и О. В. Творогов [1976]. В последнее время на этом активно настаивает В. Я. Петрухин, считающий новгородским сочинением XIII в. и Предисловие НПЛ; с существенными коррективами исследователь принимает и первый тезис Шахматова, находя в ранних пассажах НПЛ многочисленные следы вторичной обработки протографического Начального свода [см.: Петрухин 1995: 69—74; 1998; 2000: 69—77].

Как видно уже из этого кратчайшего обзора, из трех тезисов Шахматова наиболее устойчивым к критике оказался первый, то есть само утверждение об отражении в тексте НПЛ до 6523 г. свода более раннего, чем ПВЛ, и лежащего в ее основе. Обосновывающая это положение аргументация Шахматова никем из его оппонентов опровергнута не была. Непоследовательность позиции В. М. Истрина по данному вопросу продемонстрирована Я. С. Лурье [1976]. Попытку С. А. Бугославского [1941] обосновать генеалогическую принадлежность «новгородского извода» ПВЛ Ипатьевской ветви ее рукописной традиции (чем, безусловно, опровергалась бы в корне основная идея Шахматова), нужно признать несостоятельной: приводимый исследователем список сходжений между НПЛ и Ипатьевской летописью не содержит ни одного заведомо вторичного чтения, которое могло бы свидетельствовать об их генеалогическом родстве; напротив, имеется ряд случаев, в которых безусловно первоначальным чтениям НПЛ соответствуют общие ошибки всех основных списков ПВЛ [см.: Timberlake 2001: 214—215; Гиппиус 2002: 120]. Оставаясь таким образом неуязвимой в этом важнейшем отношении, гипоте-

⁴ При ссылках на переиздания в скобках указывается год первой публикации работы.

за Шахматова была подкреплена и в ряде моментов уточнена О. В. Твороговым, предложившим детальный текстологический комментарий к соотношению текстов ПВЛ и НПЛ до 6523 г. [Творогов 1976]; в отдельной работе [Творогов 1974] исследователь продемонстрировал последовательное расхождение между НПЛ (Начальным сводом) и дополнительными по отношению к ней фрагментами ПВЛ в использовании хронографических источников (составитель Начального свода пользовался исключительно Хронографом по великому изложению, тогда как составитель ПВЛ, дополняя его, использовал только Хронику Георгия Амартола). С другой стороны, в [Гиппиус 2001] были приведены лингвистические факты, подтверждающие, что ряд отсутствующих в НПЛ пассажей, которые Шахматов считал вставками составителя ПВЛ, действительно являются таковыми, выделяясь по своим языковым характеристикам на окружающем фоне. Таким образом, основополагающий вывод Шахматова об отражении в младшем изводе НПЛ летописного свода, предшествующего ПВЛ, остается непоколебленным⁵.

То же, на наш взгляд, относится и ко второму тезису А. А. Шахматова: трактовка Предисловия НПЛ как написанного в Киеве в 90-х гг. XI в. и относящегося к Начальному своду представляется совершенно верной и в целом весьма убедительно обоснованной самим Шахматовым. Поскольку, однако, она имеет и своих противников (которым принадлежит хронологически последнее слово об этом тексте [Петрухин 1998]), придется рассмотреть этот вопрос подробнее, еще раз взвесив доводы обеих сторон.

О киевском происхождении Предисловия Шахматов заключает, во-первых, исходя из его тематики (текст открывается рассуждением об основании Киева) и, во-вторых, на основании наполненной киевскими реалиями фразы: «куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть...» [НПЛ 1950: 103]. Оппоненты Шахматова с этим не соглашаются. По мнению А. Г. Кузьмина [1977: 97], «так мог написать, конечно, новгородец XIII века». Ссылаясь на многочисленные сообщения Новгородской летописи о церковном строительстве, исследователь обходит молчанием важнейшие детали: эпитет *златоверхия* (купол Новгородской Софии был вызолочен лишь в 1408 г.) и упоминание гор, рисующее совсем не новгородский городской ландшафт. В. Я. Пе-

⁵ Интересная работа Т. Вилкул [2003], призванная, по замыслу автора, окончательно развеять гипотезу о Начальном своде, эту задачу не выполняет. Ограничивая свой анализ соотношением текстов НПЛ и ПВЛ с 6524 по 6623 г., автор подвергает критике периферийные части шахматовского построения (в которых, действительно, много противоречий) и совершенно не касается его центра.

трухин, сознавая серьезность этого аргумента, предлагает считать упоминание церквей на месте языческих капищ общим местом раннехристианской литературы и приводит интересную параллель из Козьмы пресвитера: «Кто ли не веселит ся, видя кр(е)сты на высоких местех стояща, на них же прежде жряху бесом человеци» [Петрухин 1998: 355]. Эта параллель, проливающая свет на общую структуру фразы, не снимает, однако, вопроса о деталях, в которые облекается данный топос: одно дело — «кресты на высоких местах», и совсем другое — «златоверхие каменнозданные церкви» и многолюдные монастыри «на горах». Более показательна в этом отношении другая параллель, недавно приведенная В. К. Зиборовым [1995: 137]: развивая тот же топос, она совпадает с Предисловием именно в деталях: «Капища разрушаахуса, и церкви поставляахуса, идоли съкрушаахуса, и иконы святых являахуса, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свящааше (...) *манастыреве на горахъ стаа, черноризьци явшаша*». Это — «Слово о законе и благодати» Илариона, и речь здесь идет уже безусловно о Киеве, расположение которого «на горах» многократно подчеркнуто летописью. Заметим также, что стремление свести рассматриваемую фразу к топосу, игнорируя ее киевские реалии, кажется в принципе непонятным: ведь непосредственно перед этим речь все равно идет о Киеве.

О времени написания Предисловия Шахматов пишет:

Предисловие составлено до татарского нашествия, ибо после 1240 г. в Киеве на время замирает и политическая и литературная жизнь. На время до татарского нашествия указывает и та картина богатого и цветущего христианского города, которую дает автор Предисловия, описывая современное ему состояние Киева. Эта картина заставляет нас усомниться в том, чтобы Предисловие относилось вообще к XIII в., ибо в начале его, в 1203 г. Киев был сожжен и разграблен половцами, предводительствуемыми Рюриком Ростиславичем и Ольговичами. Правда, Предисловие говорит, что «за наше несътьство навель Богъ на ны поганья, а и скоты наши и села и имѣния за тѣми суть», но в этих словах не усматривается конечного разорения страны и в особенности города Киева (...) Набеги половцев уже с конца XI в. вызывали сетования, сходные с теми, которые читаются в Предисловии [Шахматов I/1: 383].

А. Г. Кузьмин и В. Я. Петрухин, напротив, видят в «поганых» Предисловия монголо-татар: «За погаными теперь остались села и имущество современников. Так можно было ставить вопрос, вероятно, уже после 1237 г.» [Кузьмин 1977: 98; ср.: Петрухин 1998: 356]. И здесь позиция Шахматова выглядит намного более объективной. Как «ставили вопрос» после 1237 г. свидетели нашествия Батыя, известно: тогда речь шла уже не о скоте, селах и имуществе, но о сожженных дотла городах и гибели тысяч людей. Между тем

приводимое Шахматовым описание последствий половецкого набега 1093 г. в ПВЛ, действительно, весьма сходно с данным в Предисловии: летописец, хотя и упоминает опустевшие (не уничтоженные!) города и сожженные церкви, но говорит в первую очередь о разорении сел и утоне скота:

Лукавии сѣве Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы цркви запалиша огнемъ (...) городи вси опустѣша, села опустѣша; преидемъ пола, идеже пасоми бѣша стада конь, овца и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростыше звѣремъ жилища быша [ПСРЛ 1: 223—224].

Впрочем, даже по сравнению с этим описанием упоминание «поганых» в Предисловии кажется скучным на краски, что позволяет согласиться с М. Х. Алешковским, видящим в нем отклик на менее разорительные половецкие набеги самого начала 1090-х гг., последних лет княжения Всеволода Ярославича.

С впечатлениями монгольского нашествия В. Я. Петрухин связывает и эсхатологические мотивы Предисловия.

Характерно, что само введение к НПЛ начинается со слов: «Временник, еже есть нарицается летописание князей и земля Руския, и како избра Бог страну нашу на *последнее время*»: «последнее время» в христианской хронографической традиции предшествует концу света (...) Речь в Новгородской летописи, таким образом, идет не только о начале Русской земли, как в ПВЛ, но и о ее «погибели», как воспринималось в XIII в. монголо-татарское нашествие — ср. «Слово о погибели Русской земли», приуроченное к битве на Калке, и подробное описание этой битвы в НПЛ, начинающееся с эсхатологического пророчества Мефодия Патарского о народах, «яко скончанию времени явится (...) и поплѣнят всю землю» [НПЛ 1950: 264, цит. по: Петрухин 1998: 356].

Провозвестником того же «последнего времени» в НПЛ, согласно В. Я. Петрухину, выступает и падение «богохранимого» Царьграда, к повествованию о котором, включенному в летопись под 1204 г., отсылает последняя фраза Предисловия, обещающая довести изложение «до Олексы и Исакия».

Принять это построение затруднительно по ряду причин. Даже допустив, что все три упомянутых текста — Повесть о разорении Царьграда фрягами, рассказ о битве на Калке и описание Батыева нашествия — были объединены в составе НПЛ или во всяком случае получили в ней единое эсхатологическое осмысление под пером одного сводчика, работавшего в середине XIII в. (хотя текстологические данные, на наш взгляд, не подтверждают существования такого свода, см.: [Гишпиус 1999: 357—361]), трудно представить себе, чтобы этот сводчик, время работы которого отстояло от разорения Константинополя крестоносцами как минимум на треть века, написал бы, полагая верхний хронологический предел своего труда: «до сего лѣта... до Олексы и Исакия». Важнее, однако, другое: в самом Предисловии упоминание о «последних вре-

менах» не связано ни с нашествием поганых, ни с «Олексой и Исакием» — кроме заголовка оно появляется еще раз, предваряя уже цитированную картину процветания христианского Киева: «И тако бо есть промысль божи, еже явѣ в послѣдня [времена]⁶: куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах...». Эсхатологизм Предисловия окрашен в светлые тона: речь в нем идет не о мрачных знамениях близкого конца света, но о богоизбранности Руси как христианского царства «последнего времени», которому еще надлежит реализовать свое историческое предназначение. Ближайшую параллель к данному мотиву Предисловия представляет вводная часть «Чтения о Борисе и Глебе» Нестора:

Нъ югда самъ владыка Господь нашъ Исусъ Христосъ благию своєю призи на свою тварь, не дасть бо имъ погыбнути въ прельсти идолстѣи, нъ по мнозѣхъ лѣтехъ милосердова о своємъ созданыи, хотя и в послѣднѣи дъни присвоити къ своємю божеству [Абрамович 1916: 5].

Ср. у того же Нестора в Житии Феодосия:

И се же чюднѣе, якоже пишеть въ отьчскихъ кънигахъ: слабу быти послѣдньому родоу; сего же Хсъ въ послѣднимъ родѣ семь такого себе съдѣльника показа [УС: 72].

В «бодром», по меткому определению Шахматова, тоне Предисловия нет никакой обреченности, нет ничего, что намекало бы на «погибель» Русской земли, — напротив, его пронизывает вера автора в способность его страны преодолеть невзгоды (заметим, вполне умеренные), навлеченные на нее алчностью современных правителей, и, обратившись к праведной жизни, достичь благоденствия еще в «нынешнем веке»:

...никому же насилья творяще, милостиною оцвѣтуще, страннолюбимъ, въ страсть божи и правовѣрии свое спасение сдѣваючи, да и здѣ добръ по живем и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ [НПЛ 1950: 104].

Этот бодрый тон, как и утверждение богоизбранности Русской земли, определяет сходство рассуждений автора Предисловия с патетическим финалом описания половецкого нашествия в статье 1093 г. (которым, по Шахматову, заканчивался Начальный свод). Эсхатологический «оптимизм» Предисловия делает его плотью от плоти киевской литературы XI — начала XII в. (см. об этом качестве русской эсхатологии XI в.: [Алексеев 2002: 56—57]).

С исторической обстановкой Киева первой половины 1090-х гг. Шахматов связывает и критический пафос Предисловия, обличающего «нынешних» князей и их дружину. Датируя Начальный свод 1093—1095 гг., Шахматов считал главным объектом этих обвинений Святополка, которого, по свиде-

⁶ Восст. по Троицкому списку.

тельству Киево-Печерского патерика, в первые годы его княжения не раз обвинял в «несытстве» печерский игумен Иоанн (он, по Шахматову, и был составителем Начального свода) [Шахматов I/2: 385—386]. Важно, впрочем, что в самой ПВЛ наиболее яркие соответствия «обличительной» части Предисловия обнаруживаются под 1093 г. в посмертной характеристике Всеволода Ярославича. «Обличитель, — пишет Шахматов, — мог иметь в виду не одного Святополка, а также последние годы управления Всеволода Ярославича, его предшественника: одолеваемый старостью и болезнями, Всеволод “нача любити смысл уныхъ, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и, (и нача) негодовати дружины своая первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тиуни грабити, людей продавати”» (ПВЛ под 1093 г.). В самом начале Святополкова княжения, когда он сам еще не мог ухудшить положения своим собственным нестроительством, смысловые мужи говорят ему: “наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ”» [Там же: 386]. Эти фрагменты составляют столь явную параллель к словам Предисловия «ни творимых вир ни продаж вскладаху [на] люди»⁸ [НПЛ 1950: 104], что можно лишь удивляться позиции А. Г. Кузьмина, не усматривающего в летописных статьях 1092—1093 гг. «не только текстуального, но и идейного сходства со смыслом Предисловия» [Кузьмин 1977: 99]. В. Я. Петрухин признает это сходство «совершенно очевидным», но видит проблему в том, что «как раз этого повествования и нет в НПЛ, практически не описывающей правления Всеволода и Святополка» [Петрухин 1998: 355]. Однако проблема эта — мнимая: тот факт, что в соответствующей части НПЛ Начальная летопись использована лишь в кратких извлечениях, не имеет никакого отношения к содержанию Предисловия и его связям с киевскими реалиями последней трети XI в., отраженными в ПВЛ.

Считая Предисловие новгородским сочинением середины XIII в., оппоненты Шахматова, естественно, стремятся найти созвучные ему фрагменты в Новгородской летописи, и такие фрагменты, действительно, обнаруживаются. А. Г. Кузьмин указывает на статью 1230 г., в которой имеются два близких соответствия Предисловию. Ср.:

Предисловие

За наше несытство навель богъ на ны поганья, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ дѣль

6738 (1230) г.

...и за то богъ на нас поганья навѣдѣ, и землю нашу пуну положиша. <...>
Они трудишася събирающе, а си въ

⁷ Следует читать: «грабити люди и продавати».

⁸ Заметим, что сходство не ограничивается одними *продажами*; упоминание «творимых», т. е. назначаемых по ложным обвинениям, вир, соотносится со словами статьи 6601 г. «людемъ не доходити княже правды».

не останемъ. Пишетъ бо ся: богатство неправдою собираемо извѣтается. И паки: *сбираетъ, а не вѣсть, кому собираетъ я* [НПЛ 1950: 104].

трудъ ихъ внидоша; о таковыхъ бо рече духъ святыи: *събираетъ, а не вѣсть, кому собирает* [НПЛ 1950: 70—71].

Число текстуальных переключек между Предисловием и погодными статьями НПЛ можно увеличить: так, восклицание летописца в статье 6724 г. «Великъ е, братъе, промысль Божий!» [НПЛ 1950: 56] является очевидной репликой аналогичной фразы Предисловия: «Тако бо есть промысль Божиин!» Но о чем свидетельствуют подобные параллели? Только о том, что новгородские летописцы XIII в. не оставались равнодушны к повествованию о начальных веках русской истории, которым открывался владычный летописный свод, но в большей или меньшей степени использовали его как литературный образец, включая, естественно, и Предисловие⁹. Показательно, что почерпнутые из Предисловия топосы применяются в погодных статьях НПЛ по совершенно другим поводам, к совершенно другим ситуациям: восхищение божественным промыслом у автора Предисловия вызывает картина торжества христианства в еще недавно языческом Киеве, тогда как у автора статьи 6724 г. — чудесная победа новгородцев в битве на Липице; цитата из Псалтыри (38: 7) о тщете стяжания земных сокровищ, которая в Предисловии используется применительно к князьям и их дружинникам¹⁰, в статье 6730 г. характеризует погибших в ходе мятежа новгородских бояр, поплатившихся за собственное корыстолюбие. Иначе говоря, новгородские летописцы просто

⁹ Этим, кстати, новгородское летописание XIII в. отличается от летописания предшествующего столетия, практически не обнаруживающего литературной преемственности в отношении Начальной летописи. Признаки такой преемственности впервые появляются у летописца архиепископа Антония (которому принадлежит статья 6724 г.) и становятся особенно значительными под пером летописца архиепископов Спиридона и Далмата — пономаря Тимофея, чья эмоциональная и насыщенная «провиденциальным» комментарием литературная манера сформировалась под прямым воздействием статьи 1068 г. Начальной летописи, ощутимым и в статье 6738 г. НПЛ (см.: [Гиппиус 1997: 9—10; 1999: 346—349]).

¹⁰ Следует согласиться с В. К. Зиборовым [1995: 138], полагающим, что эта цитата, как и слова «тѣи бо князи не збираху многа имѣния», могут характеризовать не столько Святополка или Всеволода, сколько Святослава Ярославича. Они, действительно, переключаются со сказанным под 6583 г. о богатстве Святослава, которое после его смерти «распысая разню». Это, однако, на наш взгляд, не дает оснований датировать Предисловие 1070-гг., поскольку упоминание грабительских вири и продаж столь же определенно отсылает к концу 1080-х — началу 1090-х гг. (В. К. Зиборов странным образом вообще не упоминает этого ключевого аргумента А. А. Шахматова). По-видимому, упреки Предисловия носят не строго «адресный» характер, но имеют в виду последних Ярославичей, Святослава и Всеволода.

растаскивают Предисловие на цитаты. Совершенно иной характер носят параллели между Предисловием и статьей 1093 г. ПВЛ: здесь мы действительно имеем все основания полагать, что речь в обоих текстах идет об одном и том же ¹¹.

Ввиду этих различий особенно заметным становится полное отсутствие в Предисловии тем и мотивов, которые мы вправе были бы ожидать от текста, созданного в Новгороде XIII в., с его уникальным для Руси республиканским устройством, обостренным переживанием собственной независимости и, конечно же, культом святой Софии как паллады Новгородского государства, именно в это время достигшим своего расцвета. Имеющееся в тексте упоминание об историческом приоритете Новгорода только оттеняет это общее впечатление: как давно отмечено [Лихачев 1986 (1948): 175], фраза «преже Новгородчская волость и потом Киевская» выпадает из контекста заголовка, в котором речь идет об основании городов, и может с полным основанием считаться вставкой новгородского сводчика.

В общерусской перспективе столь же показательно отмечаемое Шахматовым молчание Предисловия о княжеских усобицах, которые автор XIII в. непременно сделал бы главным объектом своих обличений. «Составитель Предисловия не переживал, по-видимому, тяжких времен усобицы: язвы удельного строя еще не вскрылись, и не на них обращено его внимание» [Шахматов I/2: 384]. В данном отношении Предисловие вновь обнаруживает глубокое несходство со «Словом о погибели Русской земли», которое, хотя прямо и не называет «болезни», охватившей Русскую землю, имеет в виду, по

¹¹ Особый вопрос составляет параллель между словами Предисловия о старых князьях «отбараху Руския землѣ и нынѣ страны придаху под ся» [НПЛ: 104] и пассажем из обращения киевлян к княжеской братии в статье 6605 (1097) г. ПВЛ: «побарающе по Русьскѣи земли, нынѣ земли прискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую» [ПСРЛ 1: 264]. Шахматов [I/2: 387—388] считал этот пассаж зависящим от Предисловия, подкрепляя такую трактовку не только анализом двух контекстов, но и фактом позднейшего заимствования тех же слов Предисловия в послании на Угру Вассиана Рыло (1480). Несмотря на это, В. Я. Петрухин находит такое направление зависимости маловероятным; отмечая, что идея единства Русской земли органична именно для времени Мономаха, он склонен видеть здесь обратную зависимость — Новгородской летописи от ПВЛ [Петрухин 1998: 355—356; 2000]. Непонятно, однако, почему для выражения своей идеи автор статьи 6605 г. не мог воспользоваться риторической фигурой, заимствованной из Предисловия, в которой соответствующая фраза выглядит ничуть не менее органично. С другой стороны, предположение В. Я. Петрухина наталкивается на им же отмеченное отсутствие в НПЛ подробного повествования о времени правления Святополка: поскольку такую структуру Новгородская летопись имела уже в своде начала XII в., извлечь данный топос автору Предисловия, пиши он в Новгороде в начале XIII в., было бы просто неоткуда.

общему мнению исследователей, именно княжеские распри как главную причину ее «погибели» (ср.: [Петрухин 2000: 350—351]).

Дополнительный, хотя и второстепенный, интерес для выводов о времени и месте создания Предисловия представляет круг его источников и образцов и вообще литературный фон этого текста. Одним из главных источников Предисловия послужил, как показал Шахматов [I/2: 410], тот же Хронограф, использование которого прослеживается и в основном тексте отраженного НПЛ Начального свода. Это, если прямо и не доказывает принадлежности Предисловия Начальному своду, очень хорошо согласуется с таким предположением. В качестве наиболее вероятного образца для учительной части Предисловия Шахматов рассматривает «Слово о ведре и казнях Божьих», известное по Златострую и использованное в статье 6476 (1068) г. Начальной летописи [Там же]; приводится и яркая лексическая параллель: ср. «милостиною оцвѣтуше и страннолюбиемъ» в Предисловии и «братолюбиемъ цвѣтуше» в Слове.

Заметив, что выписки из Священного Писания могли быть заимствованы автором Предисловия из вторичных источников, Шахматов обращает внимание на цитату из книги Иова [22: 15] («Богатство неправдою собираемо извѣтается»), имеющуюся в Изборнике 1073 г., где она составляет отдельную главку (л. 76). Интересные параллели к Предисловию содержит и Изборник 1076 г. Примечательно, что они не разбросаны по всему тексту памятника, но выявляются, с одной стороны, во вводной статье, а с другой — в двух соседних главках в самом конце книги; не исключено, что образцом для автора Предисловия послужили именно эти тексты.

Предисловие

Вась молю, стадо Христово, с любовию приклоните уши ваши разумно...

Да отселѣ, братия моя возлюбленная, останемся от несътъства своего, нъ до волни будете уроки вашими, яко и Павелъ пишеть «емуже дань, то дань; емуже урокъ, то урокъ»; никому же насилья творяще, милостиною оцвѣтуше, страннолюбиемъ, въ страсть божию и правовѣрии свое спасение сдѣвающи,

Изборник 1076 г.

То мы, братия, поразоумѣмъ и послушаимъ разумныма оушима і поразумѣмъ силоу и поучение стъхъ книгъ Зоб.

Сѣоу мои и чадо, приклони оухо свое, послушаи оца своего 5

Немощныи милоуите, никогоже не съблазните, чюжеи чади не приближайте са и довѣльни будѣте оуроки вашими 250 об.

Отъвързѣмъ от себе всакоу злюбоу, ярость, клеветы, лъжоу, татьбоу, блоудъ, пианство, несытость, лихоимание. Та

да и здѣ добръ поживем и тамо вѣчнѣи
жизни причастьници будемъ.

вса оставльше, странноприкитиѣ да
сѣтажимъ, трѣзвѣниѣ, покорение, сѣмѣ-
рениѣ, вѣру праву истину отъ срѣца,
млѣстыню, любовь же да имамъ съ
всѣми 251

Да тѣми, братици, и сими подвигнѣмся
на поуѣ житици ихъ и на дѣла ихъ, и
поучаемъся вѣну книжьнымъ сло-
весемъ, творяще волю ихъ якоже ве-
лять, да и вѣчныи жизни достойни боу-
демъ 4 об.

Вместе с уже упомянутыми Словом о законе и благодати Илариона, сочинением Козьмы пресвитера, Читением и Житием Феодосия Нестора названные памятники создают вполне определенный образ того литературного контекста, которому принадлежит Предисловие: это контекст киевской литературы XI — начала XII в.

Выводить Предисловие за рамки этой эпохи не позволяет и важная лингвистическая характеристика текста — форма имперфекта *будяше*, выступающая во фразе «оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье». Данная форма представляет собой грамматический архаизм, который, будучи неоднократно засвидетельствован в оригинальных и переводных памятниках, относящихся к древнейшему пласту русской книжности (ПВЛ, Житие Феодосия Печерского, Изборник 1073 г., Слова Григория Богослова XI в., Хроника Амартола и др.), не представлен, насколько можно судить по выявленным до сих пор примерам, в оригинальных древнерусских текстах, созданных позднее начала XII в. (см. специально об этой форме: [Мустафина 1991]).

Единственной чертой Предисловия, действительно ведущей в XIII в., остается упоминание «Олексы и Исакия», в которых есть все основания видеть императоров Алексея и Исаака Ангелов, упоминаемых в Повести о взятии Царьграда (Шахматов, одно время видевший в них Алексея Комнина и его брата Исаака Севастократора, впоследствии сам вернулся к традиционной идентификации, ср.: [Шахматов 1/2: 390—394, 462]). Очевидно, однако, сколь ненадежен этот аргумент: в предисловии к такому тексту, как летопись, определение верхнего хронологического предела повествования оказывается в первую очередь объектом редактирования. Достаточно сказать, что в Тверском сборнике вместо имен Олексы и Исакия стоит имя великого князя Василия Ивановича [Алешковский 1981: 104]. Чтение НПЛ есть все основания связывать с подобной редактурой, одновременной включению в ее состав Повести о взятии Царьграда.

Итак, мы не видим никаких оснований для пересмотра шахматовской трактовки Предисловия как текста, открывавшего собой Киевский Начальный свод 1090-х гг. Второй тезис Шахматова, как и первый, остается в силе ¹².

¹² Уже после того, как данная статья была сдана в печать, появились работы [Петрухин 2006а; 2006б], в которых содержится ряд дополнительных аргументов, призванных подкрепить датировку Предисловия НПЛ XIII в. Принципиальный характер вопроса заставляет прокомментировать и их.

Большое значение В. Я. Петрухин придает тому обстоятельству, что в Предисловии Кий именуется «великим князем»: исследователь видит в этом отголосок рассуждений составителя ПВЛ о княжеском достоинстве Кия [Петрухин 2006а: 150; 2006б: 34]. Имеется в виду фраза Предисловия: «тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия...» [НПЛ: 103]. Это был бы очень серьезный довод, если бы «великимъ княземъ» не было индивидуальным чтением Толстовского списка НПЛ XVIII в., имеющим явно позднее происхождение. Совпадающие показания Троицкого списка НПЛ, Новгородской 4-й, Софийской 1-й летописей и Тверского сборника позволяют, между тем, с полной уверенностью считать первоначальным чтение «градъ великийи Кыевъ» (ср.: [Шахматов I/2: 408]). Таким образом, упоминание о княжеском достоинстве Кия в оригинале Предисловия, несомненно, отсутствовало: оно появилось лишь на этапе составления ПВЛ. Что же касается поправки ПВЛ с версией о Кие-перевозчике, то она, очевидно, как и считал А. А. Шахматов [Там же: 412], имеет в виду именно Предисловие, в котором эта версия называется в качестве основной («его же нарицають тако перевозчика бывша, инѣи же: ловы дяше около города» [НПЛ: 103]).

Также В. Я. Петрухин обращает внимание на то, что среди прецедентов наречения исторических городов именами их основателей Предисловие не упоминает, казалось бы, наиболее очевидного и близкого — Константинополя; он связывает это умолчание с написанием текста после взятия Царьграда фрягами в 1204 г. Однако упоминание в тексте Константинополя имеет другое, более простое объяснение: согласно Хронографу, бывшему источником Предисловия, Константин не основывал Константинополя — он лишь «обнови град Византии, древле созданъ Визомъ, царемъ тракиискимъ» [ЛЕР: 291]. Выстроенный русским летописцем ряд («Рим» — Рим, Антиох — Антиохия, Селевк — Селевкия, Александр — Александрия) могла бы пополнить пара «Виз — Византий», но она потребовала бы от автора специального экскурса, неуместного в данном контексте.

В том же пассаже Предисловия В. Я. Петрухин находит еще одно косвенное свидетельство его позднего происхождения. По поводу фразы: «Яко же древле царь Рим, назвася и во имя его город Римъ» он замечает: «Согласно древнерусским хронографам, в том числе и реконструируемому Хронографу по великому изложению, Рим был основан, естественно, *Ромом* (Ромулом), но не Римом (Ремом). (...) Приводимая Шахматовым параллель из Чудовского списка Еллинского летописца, где старшим братом, основавшим город, назван Рим, может прояснить источник Введения к НПЛ, который, однако, не связан с начальным летописанием» [Петрухин 2006а: 33]. Чтение

Совсем иначе обстоит дело с третьим положением Шахматова, согласно которому библейско-космографическое введение ПВЛ представляет собой дополнение к Начальному своду, сделанное составителем ПВЛ. По Шахматову, основной текст Начального свода начинался так же, как и первая статья НПЛ: «Въ лѣто 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ» [НПЛ 1950: 104]. Однако, как заметил еще А. И. Соболевский [1905: 102—103], начинающаяся с *живяху* фраза грамматически несуразна и производит впечатление вырванной из контекста, в котором ей должен был предшествовать рассказ о расселении славян, подобный читаемому в ПВЛ. Парируя это возражение, Шахматов указал на то, что в ПВЛ соответствующий пассаж выглядит еще более громоздко и тавтологично, обличая непервонаичальность текста, его сшивку из разных источников (ср.: «Подем же жившемъ ѡсобѣ и володѣющемъ и роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ» [ПСРЛ 1: 9]); вместе с тем он не мог не признать, что первая фраза НПЛ «в начале текста (...) несколько поражает» [Шахматов 1947: 154].

Последнее ощущение, возникающее, вероятно, у всякого непредвзятого исследователя, заставляло наиболее чутких к тексту последователей Шахматова искать объяснения очевидной ущербности начала НПЛ в рамках гипотезы о Начальном своде. Так, О. В. Творогов, комментируя первую фразу НПЛ замечает, что она предполагает «какой-то предшествующий рассказ, который, видимо, присутствовал в Начальном своде, но был опущен в НПЛ»; исследователь оговаривает, впрочем, что «предположение о начале Нач. свода, утраченном в НПЛ, не более чем догадка» [Творогов 1976: 7]. Намного более уверенно об усечении в НПЛ космографического введения писал М. Х. Алешковский [1971: 21—23; 44—46; 59]. Как на одно из свидетельств того, что введение присутствовало в «авторской» редакции ПВЛ (т. е. в терминах Шахматова — Начальном своде), он указал на идейную и текстуальную перекличку между рассказом Введения о сыновьях Ноя, поклявшихся «не пре-

Чудовского списка, на которое ссылается Шахматов («Римъ же, старѣи братъ Римовъ...») [Шахматов I/2: 410], безусловно является позднейшим искажением, однако думать, что Предисловие использовало именно этот текст, нет оснований: в Предисловии ничего не говорится о том, кем из братьев был основан Рим, а сказано лишь, что город получил свое название по имени «царя Рима», что полностью соответствует основному тексту Хронографа, где оба брата названы царями: «Потомъ же царствоваста брата два Ромъ и Римъ. Ромъ же старѣи братъ Римовъ, градъ створи и нарече имя ему Римъ» [ЛЕР: 78].

Аргументов, которые действительно подкрепляли бы взгляд на Предисловие НПЛ как памятник XIII в., в последних публикациях В. Я. Петрухина мы не нашли.

ступати в жребии братень», завещанием Ярослава Мудрого (1054 г.), содержащим аналогичную заповедь, и рассказом об узурпации Святославом киевского стола в 1073 г., в котором вновь вспоминается данный принцип. Ср.:

Введение: Сим[ъ же] и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, [и] жребьи мѣтавшѣ, не преступати никомуже въ жребии братень, [и] живахо[у] кождо в своей части.

6562: И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна¹³, ни сгонити...

6581: А Сѣославъ сѣде Киевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь ѿтню, паче же Бжѣю. Велии бо есть грѣхъ преступающе заповѣдь ѿца своего. Ибо исперва преступиша сѣнове Хамови на землю Сѣову и по 400 лѣт ѿмьщенье прикша ѿ Бга. Ѡ племени бо Сѣова суть Еврѣи [и]же избивше Хананѣиско племя всприкша свои жребии и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь ѿца своего и прии оубинство. Не добро бо есть преступати предѣла чюжего...

Поскольку завещание Ярослава содержит бесспорную отсылку к библейскому сюжету, по крайней мере первый и второй пассажи должны принадлежать одному пласту Начальной летописи¹⁴. Однако к какому именно? Не могли ли оба сюжета появиться в летописи лишь на этапе составления ПВЛ? Как бы мала ни была вероятность этого, исключить такую возможность нельзя. Решающее значение приобретает поэтому наблюдение В. Я. Петрухина, показавшего, что сама начальная фраза НПЛ «живяху кождо с родом своим...» построена по модели библейской «Таблицы народов», описывающей расселение «народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Быт. X: 5; 31), и, следовательно, может представлять собой лишь остаток усеченного космографического введения [Петрухин 1995: 73—74]. В полемике с автором этих строк, первоначально отстаивавшим шахматовское представление об исконности начала НПЛ, В. Я. Петрухин предложил также убедительное объяснение неорганичности соответст-

¹³ Ср. грамматически более точное соответствие в НПЛ [182]: «не преступати брату въ предѣль братинь».

¹⁴ В работе [Гиппиус 1994] я предпринял попытку отстоять шахматовское представление об исконности начала НПЛ, предположив, что библейский сюжет был вторично «подстроен» к рассказу о завещании Ярослава на этапе составления ПВЛ. На тот момент мне оставалась неизвестной принципиально важная работа [Franklin 1982], в которой показано, что принцип «не преступати в жребий братень» заимствован летописью из рассказа о сыновьях Ноя, восходящего к «Книге юбилеев» и читаемого в составе Изборника 1073 г. Это опровергает наше построение, не оставляя сомнений в том, что летописный рассказ о завещании Ярослава был с самого начала ориентирован на библейский сюжет.

вующего пассажа ПВЛ: она вызвана тем, что в повествование о расселении славян в этом месте вставлен рассказ о пути из варяг в греки и путешествии апостола Андрея (ср.: [Творогов 1976: 6]).

Таким образом, есть все основания считать отсутствие в НПЛ библейско-космографического введения результатом его искусственного усечения; в ПВЛ, следовательно, Введение появилось не впервые — как элемент композиции Начальной летописи оно должно было существовать еще в XI в.

Поучительным и забавным можно счесть то обстоятельство, что эта главная поправка к шахматовской гипотезе совпадает с точкой зрения, высказанной самим Шахматовым в одной из первых его работ о Начальном своде [Шахматов I/1 (1900): 183]¹⁵ и в дальнейшем им оставленной. Причина, побудившая Шахматова изменить мнение по данному вопросу, очевидна: ею стала новая трактовка Предисловия НПЛ как относящегося к Начальному своду (до 1908 г. Шахматов придерживался традиционного взгляда на этот текст как созданный в XIII в.). Придя к этому выводу и не допуская одновременного присутствия Предисловия и Введения в композиции Начального свода, Шахматов «пожертвовал» Введением, признав начало НПЛ исконным, вопреки его очевидной ущербности. Прямо противоположным образом теперь поступает В. Я. Петрухин, возвращаясь, ради восстановления композиционной целостности Начального свода, к устаревшему представлению о Предисловии как новгородском памятнике XIII в. Примирить шахматовскую трактовку Предисловия с тезисом об усечении в НПЛ космографического введения без особого успеха попытался М. Х. Алешковский: в реконструируемой им композиции свода 1090-х гг. («авторской» редакции ПВЛ) библейское введение следует за Предисловием, нарушая его связь с последующим текстом [Алешковский 1971: 96]. Искусственность такой реконструкции особенно бросается в глаза на фоне полного соответствия, в каком Предисловие, открывающееся рассуждением об основании Киева и обещающее повести изложение «от Михаила цесаря», находится с нынешним началом НПЛ, в котором рассказ об основании Киева синхронизован, как уже говорилось, с началом царствования Михаила III. Космографическое введение ПВЛ композиционно не находит себе места между этими текстами; можно утверждать, что Предисловие предназначалось для свода, в котором Введение, как и в НПЛ, отсутствовало.

¹⁵ Здесь читаем: «Думаю, что перед этими словами (т. е. фразой, с которой начинается НПЛ. — А. Г.) находилось некогда повествование о расселении народов после столпотворения вавилонского». И далее: «В дошедшей до нас редакции этого свода [Начального свода. — А. Г.] сохранилась приведенная выше фраза, восходящая, без всякого сомнения, к рассказу о столпотворении и расселении народов» [Там же].

Последний вывод вплотную подвел нас к формулировке положения, обоснование которого является главной целью настоящей статьи. В сочетании с уже принятыми нами тезисами он может означать только одно: замена космографического введения на Предисловие была произведена самим составителем Начального свода 1090-х гг. Эта возможность, насколько нам известно, до сих пор не рассматривалась; между тем она, как представляется, способна многое объяснить в истории текста ПВЛ.

Сформулированный выше тезис автоматически развертывается в гипотезу, согласно которой космографическое введение:

- 1) читалось в летописном памятнике, послужившем источником Начального свода;
- 2) было отброшено и заменено на Предисловие в Начальном своде;
- 3) было восстановлено в ПВЛ путем нового обращения к источнику Начального свода.

Предположение о таком зигзагообразном развитии текста, конечно, усложняет шахматовскую схему, однако в данном случае такое усложнение представляется вполне оправданным и даже необходимым.

То, что Начальный свод 1090-х гг. не представлял собой абсолютного начала русского летописания, но основывался на более ранних летописных памятниках, не вызывает сомнений. В схеме Шахматова его прямыми предшественниками в киевской летописной традиции выступают первый Киево-Печерский свод 1073 г. («Свод Никона») и Древнейший Киевский свод 1039 г. Наиболее осторожными из последователей Шахматова эти гипотетические своды, реконструкция которых опирается не на сравнительно-текстологические данные, а лишь на внутреннюю критику текста, воспринимаются скептически. Я. С. Лурье именно по этой причине не включает их в генеалогическое древо русского летописания [Лурье 1985: 197]. В той мере, в какой целью исследователя является проведение связей между реально дошедшими до нас летописными памятниками XI—XVI вв., такой подход безусловно оправдан: с этой точки зрения восстановление летописных этапов, предшествовавших Начальному своду, действительно не является текстологической необходимостью.

Между тем в плане истории сложения самой ПВЛ существование по крайней мере одного такого этапа устанавливается с полной достоверностью и не может не приниматься во внимание. Мы имеем в виду летописный памятник, в котором повествование о первых русских князьях до Владимира читалось без разделения на годовые статьи. О его существовании однозначно свидетельствуют многократно комментировавшие в литературе случаи разрыва хронологической сеткой ПВЛ цельных фраз своего источника (см.:

[Шахматов I/1: 83; Алешковский 1971: 64—65; 1976: 147—155; Творогов 1976: 20]). Поскольку те же случаи, и даже в большем количестве, представлены и в НПЛ, можно быть уверенным, что разбиение этого источника по годам было произведено уже в Начальном своде. Относить его к еще более ранней стадии, как это делал Д. С. Лихачев [ПВЛ 1996 (1950): 321—324], полагавший, что в годовые статьи материал был организован Никоном в своде 1073 г., нет достаточных оснований: тот факт, что в середине XI в. на Руси уже велось погодное летописание, еще не означает, что ретроспективное распространение анналистической формы на повествование о древних временах было осуществлено тогда же. Следует остаться при мнении Шахматова: «Имеется ряд оснований для признания хронологической сети Начального свода вставленной составителем этого свода, имевшим в своем распоряжении летопись, не расположенную по годам» [Шахматов I/1: 83]. Именно эта летопись, если верно наше предположение, и должна была начинаться с космографического введения.

Рассматривавшиеся в литературе варианты датировки этого памятника (Шахматов — 1073 г., Черепнин — 1072 г., Алешковский — около 1067 г.) располагаются в пределах конца 1060-х — начала 1070-х гг. Появление именно в эту эпоху летописного памятника, открывавшегося рассказом о разделе земли сыновьями Ноя, выглядит глубоко не случайным. В композиции ПВЛ рассказ о сыновьях Ноя выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он задает общую «библейскую» перспективу повествования о происхождении славян и Русской земли, возглавляет иерархию уровней космографического описания, спускаясь по ступеням которой, автор в конечном счете доходит до полян и основания Киева; с другой стороны, данный сюжет несет важную идеологическую нагрузку: именно здесь формулируется уже упоминавшийся принцип «не преступати в жребий братень», повторяемый затем в «завещании» Ярослава Мудрого и вновь вспоминаемый в связи с изгнанием Изяслава из Киева в 1073 г. Проведение параллели между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава естественно относить к периоду, когда на исторической сцене действовали сами Ярославичи. На такую возможность первым указал С. Франклин, обнаруживший общий источник летописного рассказа о разделе земли и изложения данного сюжета в Летописце Еллинском и Римском в Изборнике 1073 г. (28-й ответ Анастасия Синаита) [Franklin 1982: 8—11]. Отмечая актуальность библейского зачина ПВЛ для киевского политического контекста начала 1070-х гг., исследователь готов связать появление этого сюжета в Начальной летописи с реконструируемым А. А. Шахматовым Киево-Печерским сводом 1073 г. Вступая в противоречие с трактовкой этого летописного этапа самим Шахматовым, данное предложение, как видим, отлично согласуется с нашей схемой.

Отнесение космографического введения (в его исходном виде) к этапу летописной работы, соответствующему шахматовскому «своду 1073 г.», позволяет уточнить датировку этого этапа. По Шахматову, свод Никона 1073 г. заканчивался обличением Святослава, в очередной раз апеллирующим к истории сыновей Ноя. Считается, что все три пассажа, объединяемые этой параллелью, принадлежат перу одного автора. Об этом, казалось бы, действительно свидетельствует общность литературных источников трех фрагментов, исчерпывающе проанализированных С. Франклином¹⁶. Имеется, однако, важное обстоятельство, препятствующее атрибуции всех трех фрагментов одному летописцу. Третий из них содержит характерную ошибку, присутствующую во всех списках ПВЛ и безусловно восходящую к оригиналу статьи: Сим в нем оба раза назван Сифом. Невозможно представить себе, чтобы эту ошибку¹⁷ допустил тот же автор, который излагал библейский сюжет во Введении, неоднократно и правильно называя старшего из «Ноевичей». Объяснение этого противоречия в работе [Гиппиус 1994] является безусловно ошибочным (см. выше прим. 14). В контексте наших нынешних рассуждений следует предположить, что летописец, описавший изгнание Изяслава в 1073 г., развивал аналогию между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава, заданную его предшественником, но при этом спутал Сима с Сифом. Если так, то рассказ о сыновьях Ноя, как и содержащее аллюзию на него завещание Ярослава, читались в летописи, созданной до 1073 г. (в противном случае смерть Ярослава и изгнание Изяслава были бы описаны одним автором).

Представляется перспективной точка зрения Л. В. Черепнина [1948: 330—331], связывающего данный этап истории текста Начальной летописи с

¹⁶ Существенно, что комментарий летописца в статье 1073 г., будучи ориентирован на завещание Ярослава (об этом свидетельствует тот факт, что принцип «не преступати в жребий братень» выступает в нем, как и в завещании, с заменой «жребия» на «предел»), демонстрирует вместе с тем независимое пользование тем же источником, на котором основывается рассказ о сыновьях Ноя во Введении. С другой стороны, упоминание о нарушении Исавом заповеди отца показывает, что летописцу была понятна библейская «подоснова» завещания Ярослава, литературной моделью для которого, по всей видимости, послужило завещание Исаака из Книги юбилеев, вероятно, читавшееся в Хронографе по великому изложению (см.: [Franklin 1982: 14—15]).

¹⁷ В. Я. Петрухин [2003: 99] говорит в данной связи о «мнимой оговорке» летописца, объясняя встречающееся в древнерусской историографии замещение Сима Сифом тем, что от последнего, «по Библии, происходят все народы (...) и сам Иисус». Непонятно, однако, какой скрытый смысл мог иметь в виду летописец, делая предка Сифа родным братом его прямого потомка. Очевидно, мы все же имеем дело с путаницей, хотя и традиционной.

перенесением мощей Бориса и Глеба в 1072 г.¹⁸ Оставаясь пока не обоснованным текстологически, это предположение выглядит тем не менее чрезвычайно правдоподобно — особенно на фоне подлинной картины событий этих лет, которую открывают западные источники и которая принципиально отличается от рисуемой ПВЛ, представляющей конфликт между Ярославичами в 1073 г. как разразившийся внезапно. В действительности, как показывает А. В. Назаренко, «все непродолжительное второе княжение Изяслава Ярославича в Киеве было наполнено напряженной политической борьбой между киевским князем и его братьями, сидевшими в Чернигове и Переяславле» [Назаренко 2001: 528]. На фоне этой борьбы следует воспринимать и вышегородские торжества 1072 г. Политический подтекст этого акта, призванного продемонстрировать прочность «триумvirата» Ярославичей, составляло стремление Изяслава, ощущавшего крайнюю нестабильность своего положения в Киеве, закрепить сложившееся разделение Русской земли между ним и двумя его братьями. Освященный авторитетом Библии принцип «не преступати в жребий братень» приобретал в этой связи особую актуальность, дополняя главную политическую идею борисоглебского цикла, сформулированную в словах Бориса: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго: аще и ѿць ми умре, то съ ми буди въ ѿца мѣсто» [ПСРЛ 1: 132]. Замечательно, что обе эти идеи объединены в завещании Ярослава, наставляющего своих сыновей слушаться старшего, Изяслава, как отца («сего послушайте, яко* послушасте мене, да то вы будете в мене мѣсто») и «не преступати предѣла братна» [ПСРЛ 1: 161]. Завещание Ярослава оказывается, таким образом, текстом, связывающим библейский зачин Начальной летописи с повествованием о Борисе и Глебе, что делает появление всех трех текстов в своде, созданном в 1072 г., глубоко закономерным.

С библейской перспективой Введения теснейшим образом связана перспектива славянская. Как давно замечено, особо пристальный интерес Введение проявляет к западным славянам, с которых начинается рассказ о расселении славянского племени; при этом наиболее подробной характеристики удостоиваются «ляшские» племена. Принято считать, что сведения ПВЛ о западнославянских племенах почерпнуты ею из «Сказания о преложении книг» — реконструируемого А. А. Шахматовым западнославянского сочинения, на котором основывается также читаемый под 898 г. рассказ о создании славянской письменности [Шахматов 1940; Флоря 1985]. Не вступая в поле-

¹⁸ Заметим, что датировка Л. В. Черепнина хорошо согласуется с предположением А. А. Шахматова, согласно которому работа Никона над его сводом, завершившаяся в 1073 г., была начата еще в 1072 г. [Шахматов I/1: 297]. Учитывая это, будем условно обозначать данный этап как «свод 1072 г.».

мику с этой точкой зрения, заметим лишь, что, в отличие от самого рассказа о солунских братьях, несомненно использующего письменные источники, информацию Введения о западных славянах совсем не обязательно считать имеющей письменное происхождение: не только моравы, чехи и ляхи, но и отдельные «прапольские» племенные образования — мазовшане, поморяне, лютичи — были элементами актуального для киевского летописца XI в. этнического ландшафта Центральной Европы (достаточно сказать, что сообщения ПВЛ о походах Ярослава на мазовшан в 1041 и 1047 гг. являются первыми фиксациями данного этнонима в источниках [Исаевич 1982: 147]). В связи с этим нельзя не отметить, что из киевских князей XI в. самые тесные контакты с Польшей имел Изяслав Ярославич: состоя в близком родстве с Болеславом II, он неоднократно прибегал к его помощи и в своей борьбе за киевский стол опирался прежде всего на поляков. Кроме того, согласно гипотезе А. В. Назаренко [2001: 528, 559—577], как раз в 1071—1072 гг. Святополк Изяславич вступает в брак с дочерью чешского князя Спытигнева I, и таким образом в орбиту политических интересов киевского князя попадает и Чехия. Не с этим ли связан западнославянский «уклон» в освещении Введением свода 1072 г. истории славянства?

Столь же закономерным, как и появление космографического введения в «своде 1072 г.», выглядит, при ближайшем рассмотрении, отказ от него в созданном двадцать лет спустя Начальном своде¹⁹.

Характеристики Начального свода в литературе, как правило, выдвигают на первый план его «публицистическую» направленность, наиболее ярко сказавшуюся в Предисловии. Между тем место этого свода в истории сложения

¹⁹ Датировка Начального свода остается предметом дискуссий. А. А. Шахматов, полагая, что свод заканчивался статьей 6601 (1093) г., склонен был относить его составление к 1093—1095 гг. [Шахматов I/1: 30]. Чуть более раннюю дату предлагает М. Х. Алешковский. Отмечая, что систематическое ведение погодных записей в Печерском монастыре прослеживается с 1091 г. (с которого в ПВЛ начинается ряд дневных датировок с указанием часа), он относит создание Предисловия и начало работы Нестора над первой, «авторской» редакцией ПВЛ (соответствующей в схеме Алешковского шахматовскому Начальному своду) ко времени около 1090 г. Поскольку, как уже было сказано, критические выпады Предисловия могут иметь в виду не только и не столько Святополка, сколько его предшественников на киевском столе, Святослава и Всеволода Ярославичей, сдвиг датировки свода к началу 1090-х гг. представляется вполне оправданным. В то же время нельзя исключить, что к 1091 г. относится само начало летописной работы печерских монахов, которая могла параллельно вестись в форме погодных записей и в направлении создания летописного свода. Учитывая это и не решаясь выбрать между 1091 и 1093 г. как условными датами, довольствуемся размытой датировкой Начального свода началом 1090-х гг.

ПВЛ определяется в первую очередь своеобразием композиции его основного текста. В отношении к предшествующей летописной традиции, воплощенной в своде 1072 г., Начальный свод в его древнейшей части, которая нас сейчас интересует, характеризуется двумя основными композиционными новшествами. Это, во-первых, уже упоминавшееся введение хронологической сети в повествование о событиях IX и X вв. и, во-вторых, вставки из Хронографа в статьях 6362 и 6428 гг., описывающие набеги руси на Царьград при царях Михаиле и Романе. Обе инновации неотделимы одна от другой, поскольку сами первые даты, 6362 и 6428, имеют хронографическое происхождение (см.: [Шахматов I/1: 83—84]).

Введение в текст вставок из Хронографа, рисующих русь как жестоких варваров, убивающих и грабящих христиан, вполне отчетливо обозначает новую идеологическую перспективу, в которой составитель Начального свода строит свою версию начала русской истории, — это византийская, имперская перспектива. В ней определяется и дата «начала земли Русской» — вычисленный (неверно) на основе Хронографа год воцарения Михаила III, при котором русь совершает свой первый поход на Царьград, начиная таким образом отсчет своего исторического бытия. Современные исследователи ПВЛ справедливо подчеркивают символический аспект выбора такого «начала», предполагая, что на Руси историческая фигура Михаила III ассоциировалась с последним царем «Откровения Мефодия Патарского», имеющим явиться и установить свое праведное царство в преддверии конца света [Данилевский 1995: 105 и сл.; 2004: 260; Петрухин 2003: 104—105]²⁰. По словам В. Я. Петрухина, «поход Руси оказался как бы вписан в эсхатологический контекст этого царства (...) В летописной традиции этот эсхатологический контекст обернулся **началом** истории нового народа». Правомерность такой трактовки лучше всего подтверждает Предисловие к Начальному своду (которому В. Я. Петрухин упорно отказывает в этом статусе), обещающее рассказать о том, «како избра Богъ страну нашу на послѣднѣе время», и начинающее этот рассказ «от начала Рускы земля... от Михаила цесаря» [НПЛ 1950: 104].

Вставкой Начального свода Шахматов не без основания считает и фразу, которой в НПЛ заканчивается рассказ об основании Киева полянами: «...бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани» (о возможной причине отсутствия этих слов в ПВЛ см. ниже). Как указывает Шахматов, «эти слова извлечены, как кажется, из Речи философа (“и по дия-

²⁰ Об эволюции этого образа, восходящего к ветхозаветному пророчеству Даниила [12: 1], и его «исторических» преломлениях в византийской и болгарской историко-апокалиптической литературе см.: [Милтенова и Тълкова-Займова 1996: 65—69, с указанием более ранней литературы].

волю научению, ови рощениемъ и кладяземъ и рѣкамъ жьряху и не познаша Бога”); соответствие им находится и в Предисловии к Нач[альному] св[оду]» [Шахматов I/1: 359]. Диссонирующий с предшествующей характеристикой полян как «мужей мудрых и смысленых», этот пассаж отражает, конечно, не «новгородский патриотизм» (что готов допустить В. Я. Петрухин [1995: 74]), а «универсалистски-христианский взгляд на дохристианское прошлое» [Живов 2002: 178], то есть, по существу, ту же византийско-христианскую историческую перспективу; в отношении полян он выполняет функцию, аналогичную той, какую вставки из Хронографа выполняют в отношении руси, представляя ее на заре ее истории как врага христианского мира. В эпически героизирующее изложение своего источника, рисовавшего полян изначально «мудрыми и смыслеными», а русь в лице ее вождя Олега — «мудрой и храброй», Начальный свод внес «снижающие» акценты, оттенив тем самым величие божественного промысла, за сто с небольшим лет сделавшего из варваров и «невегласов» «новых людей христианских».

Еще одним проявлением ориентации Начального свода на Хронограф и, соответственно, византийскую модель истории, являются внесенные в текст вместе с годовыми датами заголовки, разделяющие повествование по княжениям: «Начало княжения Святославля» (6454), «А се княжение Ярополче» (6480), «Начало княжения Володимеря» (6488)²¹; в этот ряд, возглавляя его, входит и заголовок статьи 6362 г. «Начало земли Русской». Такое членение повествования имитирует традиционное для византийской хронографии разделение истории на царства и царствования, при этом аналогом «Начала земли Русской» оказываются заглавия больших хронографических разделов: «Начало царства Римьскаго», «Начало царства Царяграда», «Начало царства крестьянскаго» [ЛЕР: 74, 178, 283]. Русская земля также мыслится таким образом как своего рода царство, с чем корреспондирует включение в Пре-

²¹ О том, что этот ряд заголовков восходит к Начальному своду, а не привнесен редактором НПЛ, свидетельствует воспроизведение заголовка «Начало княжения Святославля сына Игорева» в ПВЛ. Остальные заголовки, включая и «Начало земли Русской», составителем ПВЛ были опущены. А. А. Шахматов возводил заголовки НПЛ к Древнейшему своду 1039 г. [Шахматов I/1: 359, 364, 371 и др.]. Оснований для этого мы не видим. Характер включения заголовков в текст вполне однозначно показывает, что они вносились вместе с датами. См. особенно следующий контекст, в котором группа [заголовок + дата] разрывает цельную фразу источника: «И прииде Святославъ к порогомъ, и не бѣ лзѣ проити; и ста зимовати в Бѣлобережьи; и бѣ гладь великъ, по полугривнѣ голова конячья. Веснѣ же приспѣвши. А се княжение Ярополче. В лѣто 6480. Поиде Святославъ в пороги, и нападе Куря, князь Печеннѣжьскыи, и убиша Святослава» [НПЛ 1950: 124.]

словии Киева в ряд мировых городов, названных в честь основавших их «царей и князей»: «Рима» (Ромула), Антиоха, Селевка, Александра²².

Вполне логичной выглядит на этом фоне и условная синхронизация первого похода руси на Царьград при царе Михаиле с основанием Киева, к рассказу о котором формально относятся в НПЛ дата 6362 г. и заголовок «Начало земли Русской». В. Я. Петрухин [1995: 72; 2000: 74—75] находит такую композицию противоречивой: коль скоро русь в Начальном своде (НПЛ) не отождествлялась с полянами, считает он, основание Киева не должно было рассматриваться в нем как «начало Русской земли». Отсюда с необходимостью вытекает вывод о значительной переработке текста Начального свода в НПЛ. «Можно считать очевидным, — пишет В. Я. Петрухин, — почему новгородский летописец XIII в. — составитель НПЛ — поместил вслед за главкой о начале Русской земли киевскую легенду. В греческом хронографе и использующей его данные ПВЛ русь — это войско, осадившее Царьград, а для новгородца начала XIII в. Русь — это, прежде всего, Русская земля, как называли в Новгороде в эпоху раздробленности округу Киева» [Петрухин 1995: 72]. НПЛ, как полагает исследователь, и дает ответ на вопрос о происхождении Русской земли в узком, актуальном для Новгорода смысле этого понятия: «Кий основал Киев, а от полян “до сего дне... суть кыяне” — киевляне» [Там же].

С этим рассуждением вполне можно было бы согласиться, если бы фраза «от них же суть кыяне», действительно выражающая точку зрения новгородца, восходила к протографу НПЛ. Между тем в таком виде она читается лишь в одном из ее списков — Комиссионном. В Толстовском списке (заменяющем в данном случае утраченное начало Академического, копией которого он является) это место выглядит иначе: «от них же суть нынѣ поляне и до сего дне». В Троицком списке находим третий вариант: «от нихже суть Киевѣ поляне и до сего дни» [НПЛ 1950: 513]. Такое соотношение чтений позволяет с полной уверенностью восстанавливать в качестве протографического для НПЛ чтение Троицкого списка, отличающееся от чтения основных списков ПВЛ лишь порядком слов (*поляне Киевѣ vs. Киевѣ поляне*) [Шахматов I/2: 941]. Таким образом, главное свидетельство переработки составителем НПЛ его киевского источника оказывается ложным: новгородская перспектива возникает в рассказе об основании Киева лишь в XV в., под пером писца Комиссионного списка.

²² Характерно, что этот перечень исторических аналогий включает одних лишь царей, тогда как Кий, в представлении составителя Начального свода, не был и князем. Смысл упоминания в этом контексте князей наряду с царями («в имена царевъ тѣхъ и князей тѣхъ») заключается, по-видимому, в подчеркивании самой аналогии между царством и княжением, принципиально важной для летописца.

Столь же мало оснований усматривать эту перспективу в заголовке «Начало земли русской». Как мы уже видели, он стоит в НПЛ не изолированно, но входит в ряд других аналогичных главков, появившихся в Начальной летописи одновременно с разбиением ее на годовые статьи. Заглавие статьи 6363 г. не только не искажает композиции Начального свода, но, напротив, во многом организует ее. Это заглавие следует понимать предельно широко, в равной степени относя его к основанию полянами Киева как будущей столицы Русской земли и появлению самой руси (не отождествляемой летописцем с полянами) в центре цивилизованного мира. Постулируемая одновременность этих «начальных» событий, ни в коей мере не предполагая исходной тождественности полян и руси, сталкивает их в пространстве летописного текста как два главных компонента будущего синтеза, результатом которого становится «Русская земля» (в широком, а не в узком смысле!) с центром в «полянском» Киеве. Этот синтез и составляет содержание первой статьи Начального свода, объединяющей под одной датой события от основания Киева полянами и первого похода руси на Царьград до завоевания Киева Игорем, в результате которого название «Русь» распространилось, среди «прочих», и на киевских полян («и бѣша у него варязи мужи, словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася Русью» [НПЛ 1950: 107])²³. В этом смысле заголовков «Начало земли Русской» может быть отнесен ко всей статье 6362 г. Пересматривать точку зрения Шахматова, видевшего в начальных пассажах НПЛ довольно точное воспроизведение текста Начального свода, на наш взгляд, оснований нет.

Как видим, специфические черты композиции Начального свода — заимствование из Хронографа описаний двух походов руси на Царьград, вставка пассажа о язычестве полян, разбиение повествования по княжениям, вычисление даты «начала земли Русской» и введение самого этого понятия — характеризуют идеологическую программу его составителя довольно отчетливо. Эта программа, обоснование которой дано в Предисловии, ориентирована на модели византийской хронографии и апокалиптики и рассматривает историю Русской земли в перспективе, которую можно определить как «имперско-эсхатологическую».

Космографическое введение свода 1072 г. в эту перспективу не вписывалось, оно реализовало иной сценарий включения истории Киевской Руси в

²³ В понимании этой фразы мы полностью согласны с В. Я. Петрухиным, демонстрирующим необоснованность построения Шахматова, согласно которому в Начальном своде, в отличие от ПВЛ, русь не отождествлялась с варягами и последние сами «прозвались» Русью, придя в Киев [Петрухин 1995: 76—81].

контекст всемирной истории — сценарий, делавший акцент не на «начале», а на происхождении, истоках Русской земли, древности ее этнической истории, восходящей к библейскому разделению языков. Этот этногенетический интерес составителю Начального свода был чужд, история избранной Богом в «последние времена» Русской земли для него не нуждалась в предыстории — ее естественное было начать «с чистого листа», в момент первого появления руси у стен Константинополя. Главное «открытие» составителя Начального свода — «начало земли Русской» — стоило того, чтобы сделать его абсолютным началом летописи. В этой ситуации — и, как представляется, только в ней — отказ от космографического введения был вполне оправданным композиционным решением.

Нужно заметить, что в принципе два подхода совсем не исключали один другого: в Хронографе по великому изложению, послужившем, по-видимому, источником обоих сводов, имперская перспектива соединялась с библейской, служила ее естественным продолжением. Аналогичным образом и «начало Русской земли» вполне возможно было встроить в композиционный каркас свода 1072 г. (что впоследствии и сделал составитель ПВЛ). Однако составителем Начального свода эта перспектива была избрана в качестве единственной; обосновав ее в Предисловии, он уже не мог не отказаться от космографического Введения — между Предисловием и «началом Русской земли» последнее, как уже было сказано, просто не находило себе места.

Усечение в Начальном своде космографического введения свода 1072 г. может отчасти объясняться и утратой последним своей политической актуальности. В период единовластия Всеволода, последнего оставшегося в живых из сыновей Ярослава, история сыновей Ноя с их клятвой «не преступати в жребий братень», в свое время служившая идеологическим основанием триумvirата Ярославичей, на время утраила свою злободневность, уступив место другому, очерченному выше кругу идей.

Нам уже приходилось высказывать мысль о возможной приуроченности создания Начального свода к наступлению «юбилейного» 6600 (1092) г., вызвавшего на Руси мощный всплеск эсхатологических ожиданий [Girrius 2003]. Создание свода в преддверии этого рубежа или непосредственно после него способно объяснить и общий интерес его составителя к абсолютной хронологии, и тему «последнего времени» в Предисловии, и привязку «начала земли Русской» к воцарению Михаила III. Для последней, впрочем, в обстоятельствах этого момента можно указать еще и дополнительное основание. На рубеже «седьмого века седьмой тысячи», когда дни престарелого Всеволода были уже сочтены, киевский стол вот-вот должен был занять — и занял его в первый же год нового столетия — князь (Святополк Изяславич), чье христианское имя было Михаил. Это обстоятельство не могло не стать

предметом эсхатологической рефлексии: актуализируя предание о последнем царе Михаиле, оно заставляло вспомнить и о Михаиле III, при котором Русь впервые заявила о себе в мировой истории. Стечение имен, событий и дат создавало почву для возникновения историографической схемы, представляющей историю Русской земли — избранной страны «последнего времени», — простирающейся «от Михаила цесаря» до «благоверного князя Михаила» (как будет позже назван Святополк в сообщении о его смерти [ПСРЛ 2: 275])²⁴. Космографическое введение и с точки зрения этой кольцевой композиции оказывалось совершенно излишним.

Отказ от Введения с его библейским зачином был, конечно, весьма радикальным композиционным решением. Нужно, однако, иметь в виду, что с тем же радикализмом и прямолинейностью составитель Начального свода действовал и в других случаях, например, когда разбивал рассказ о полянах вставкой из хронографа о походе руси или хронологически упорядочивал изложение своего источника, разрывая годовыми датами цельные фразы. Можно сказать, что композиция Начального свода в его древнейшей части, будучи подчинена определенной идеологической схеме, носила во многом эскизный, экспериментальный характер, который впоследствии пришлось преодолевать составителю ПВЛ.

Предположение о восстановлении космографического Введения в ПВЛ на основании свода 1072 г. может показаться искусственным и малоправдоподобным. Таким, однако, оно выглядит только с точки зрения модели, представляющей процесс создания летописных сводов в виде цепи, в которой каждое следующее звено связано лишь с предыдущим. Ничто не заставляет нас сковывать себя этой сомнительной презумпцией. Нет никаких оснований полагать, что после создания Начального свода его главный летописный источник был уничтожен или утрачен. Нужно иметь в виду, что шахматовская трактовка этого источника как Первого Киево-Печерского свода («Свода Никона») является не единственно возможной — убедительную альтернативу ей составляет точка зрения М. Х. Алешковского, связывающего этот текст с окружением Изяслава Ярославича. Ничто не мешает думать, что свод 1072 г., легший в основу Киево-Печерского Начального свода, благополучно сохранялся в монастырской или княжеской библиотеке к моменту составления ПВЛ и находился в числе тех разнообразных исторических материалов, кото-

²⁴ Заметим, что мы не знаем, каким было первоначальное определение верхней хронологической границы повествования в Предисловии Начального свода (т. е. что читалось в нем вместо слов «до Олексы и Исакия»); но, если прав Шахматов и поводом к составлению свода стало вокняжение в Киеве Святополка [Шахматов I/2: 400], то такая ее реконструкция кажется вполне вероятной.

рыми располагал новый сводчик, создавая свой труд. Составитель ПВЛ имел возможность сопоставлять свои источники и должен был оценивать их сравнительные достоинства с точки зрения задач, которые он перед собой ставил.

Перед ним лежали две летописи, существенно расходившиеся между собой в их начальных частях. Одна из них имела вид, хорошо знакомый нам по НПЛ. Соответствующая часть второй летописи представляла собой не разделенное на годы повествование, открывавшееся космографическим введением, подобным читаемому в ПВЛ, но, вероятно, намного более кратким. От рассказа о разделе земли сыновьями Ноя эта летопись переходила к расселению их потомков в своих «жребиях» после разрушения башни, находила славян среди потомков Иафета и, описывая их расселение в Центральной и Восточной Европе, подводила к основанию Киева тремя братьями-полями — сюжету, с которого начинался первый летописный памятник.

Ни одна из этих летописей не могла удовлетворить составителя ПВЛ, располагавшего, помимо них, широким кругом дополнительных источников и намеревавшегося представить собственную, расширенную версию начала русской истории. Для такого расширения анналистическая структура Начального свода представляла намного более удобную основу, чем монотематическое повествование свода 1072 г. отождествление «начала Русской земли» с первым появлением руси у стен Константинополя в царствование Михаила III также не могло не импонировать составителю ПВЛ, для которого отношения Руси с Византией составляли стержень ее ранней истории (вспомним о вставленных им в летопись договорах с греками).

Между тем отсутствие в Начальном своде космографического введения должно было представлять в глазах составителя НПЛ существенный недостаток его композиции. «Имперско-эсхатологическая» идея обернулась в Начальном своде резким сужением этногеографического горизонта, ограничением его рамками Русской земли как самодовлеющей «страны последнего времени». Составителя ПВЛ это категорически не устраивало: этническая география была его коньком, списки народов и племен, их древние перемещения, происхождение названий, обычаи и нравы — все это живо интересовало его. Выстроенная в своде 1072 г. схема «Ной — Иафет — славяне — поляне» составляла идеальную канву для сообщения разнообразных сведений об этих предметах.

Итоговая композиция древнейшей (до 6453 г.) части ПВЛ наилучшим образом объясняется, на наш взгляд, как результат синтеза композиционных схем двух предшествующих ей летописных сводов. В ее датированной (анналистической) части ПВЛ базируется на тексте Начального свода, распространяя и перерабатывая его; в своей недатированной части она воспроизводит —

в сильно расширенном виде — композицию свода 1072 г. Само же разделение текста на недатированное Введение и анналистическую часть составляет специфическую особенность композиции самой ПВЛ (в древнейшей части свода 1072 г. даты отсутствовали вообще, а Начальный свод начинал свое изложение с первой даты).

Логика преобразований, которым текст Начального свода подвергся при составлении ПВЛ, убедительно прослежена О. В. Твороговым [1976]. Заимствовав из Начального свода идею отсчета исторического существования Русской земли от воцарения Михаила III, составитель ПВЛ вычислил правильную, как ему казалось (в действительности же — опять ошибочную), дату начала этого царствования — 6360 г., под которой и поместил составленную им хронологическую статью. Поход руси на Царьград, имевший место, согласно его источнику, «в 14-е лето Михаила цесаря», он отнес к 6374 г., сделав его предводителями Аскольда и Дира, а их самих — боярами Рюрика. Вследствие этих текстуальных перемещений рассказы об основании Киева и хазарской дани, в Начальном своде условно синхронизированные с походом руси, лишились этого хронологического репера, отойдя в недатированную часть нового свода²⁵.

С этими композиционными трансформациями связано и переосмысление введенного в Начальном своде понятия «начала» Русской земли. Рассуждения о его содержании в ПВЛ [Петрухин 1999; 2003: 105] упускают из виду то обстоятельство, что само это понятие, играющее столь важную роль в композиции НПЛ (Начального свода), в ПВЛ отсутствует: речь в ней идет лишь о «прозвании» Русской земли, под которым понимается, с одной стороны, появление руси на страницах византийской хронографии при царе Михаиле, а с другой — распространение ее имени на территории, оказавшейся под властью варяжских князей. Между тем, в Начальном своде «прозвание» Русской земли составляло, как мы видели, лишь один аспект ее «начала» — другим,

²⁵ Переписать эти рассказы составитель ПВЛ мог как из Начального свода, так и из свода 1072 г. Располагая текстом НПЛ и не располагая текстом свода 1072 г., мы, естественно, готовы предпочесть первую возможность. Между тем вторая представляется текстологически не только не менее, но даже более вероятной, если принять во внимание следующую деталь. Уже упоминавшаяся фраза о язычестве полян («бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани»), которую Шахматов обоснованно считает вставкой Начального свода, отсутствует в ПВЛ. Составитель ПВЛ с его «полянским патриотизмом» мог, конечно, опустить эти слова своего источника как несоответствующие проводимой им тенденции; смущает только, что исключенными приходится в таком случае признавать слова, которые в самом Начальном своде являются вставкой. Если же предположить, что составитель ПВЛ на всем протяжении недатированной части своего труда использовал в качестве основного источника свод 1072 г., необходимость в допущении такого совпадения отпадает.

столь же важным его аспектом является основание Киева как будущей столицы Русской земли.

Масштабы переработки, которой подвергся в ПВЛ текст Начального свода в пределах до 6453 г., дают основания думать, что и вводные пассажи свода 1072 г. были «восстановлены» в ней со значительными дополнениями. Считая свод 1072 г. основой недатированной части ПВЛ, мы можем лучше понять сложную внутреннюю структуру космографического Введения, — точнее, отсутствие в этом тексте жесткой структуры, постоянные повторы и перебои изложения, которые трудно целиком отнести на счет специфики жанра космографического описания (ср.: [Петрухин 1995: 24]) или объяснить одной лишь неискusstвостью летописца, с трудом справляющегося с новой для него ролью компилятора (ср.: [Живов 2002: 174]), хотя оба фактора, несомненно, играли здесь свою роль. Все сказанное позволяет решительно присоединиться к точке зрения М. Х. Алешковского [1971: 21—23] и А. Г. Кузьмина [1974: 39—41], говорящих о наличии во вводной части ПВЛ двух слоев, соответствующих двум этапам работы над текстом. В рамках нашей схемы первый слой Введения восходит к своду 1072 г., тогда как второй образует распространения, сделанные при составлении ПВЛ.

Два наиболее крупных содержательных блока, вставленных составителем ПВЛ, определяются вполне уверенно. Первый из них образует уже упоминавшееся описание пути из варяг в греки и Сказание об апостоле Андрее. Второй, еще более крупный блок начинается пассажем о княжеском достоинстве Кия («Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кии есть перевозникъ былъ...») и завершается рассуждением о нравах и обычаях диких народов, основанным на цитате из Амартола (заканчивая словами: «елико во Ха̄ кр̄тихомся и во Ха̄ ѡблекохомса») ²⁶.

²⁶ Второй блок, разделяющий читаемые и в НПЛ рассказы об основании Киева и о хазарской дани, трактуется как вставка ПВЛ подавляющим большинством исследователей, начиная с Шахматова. Что же касается первого, то, хотя его вставной характер также общепризнан, место данного блока в истории текста Начальной летописи остается предметом дискуссий. Поскольку схема Шахматова не позволяла считать этот блок вставленным в оригинале ПВЛ, его приходилось отрывать от первого блока и относить ко второй, сильвестровской редакции 1116 г. [Приселков 1996: 81; Лихачев 1947: 170; Рыбаков 1963: 226, 284] или же к редакции 1118 г. (последнее предполагает М. Х. Алешковский, относящий к этой редакции и все другие вставки в доаналистической части ПВЛ [Алешковский 1971: 46]). Оба объяснения не выдерживают критики. Шахматовская трактовка рукописи Сильвестра как особой редакции ПВЛ, представлявшей собой результат переработки ее не дошедшей до нас первой редакции, не подтверждается новейшими исследованиями (см. из последних работ: [Русинов 1997; 2003; Timberlake 2001]). Что же касается «постсильвестровской» ре-

Большой интерес представляет вопрос о границах первой вставки, окончание которой, как уже говорилось, практически совпадает с началом НПЛ. Есть все основания согласиться с О. В. Твороговым, предполагающим, что слова «живаху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ и странахъ» могли следовать в первоначальном тексте за описанием расселения славянских племен [Творогов 1976: 7]. Считая таким образом, О. В. Творогов полагает, что сам этот рассказ заканчивался словами «...и нарекоша [ся] Сѣверь». Между тем начальные слова НПЛ идеально смыкаются не с этой, а со следующей фразой: «И тако разидеса словѣньскыи изыкъ». Продолжение этой фразы в ПВЛ («тѣмже и грамота прозваса словѣньскаю») отсылает к читаемому под 6406 г. Сказанию о славянской грамоте, представляющему собой добавление ПВЛ к тексту Начального свода. Отнеся эту отсылку к тексту вставки (что правомерно, поскольку прямо за ней начинается описание пути из варяг в греки), получаем фразу, посредине которой, видимо, и было усечено в Начальном своде космографическое Введение:

«*И тако разидеса словѣньскыи изыкъ / и живаху кждо с родмъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще кждо родмъ своимъ». Достоверность такой реконструкции подтверждается сопоставлением с построенным по той же модели пассажем о сыновьях Ноя: «Сим[ъ же] и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, [и] жребьи метавше, не преступати никомуже въ жребии братень, [и] живахо[у] кождо въ своеи части».

С большими трудностями сопряжена реконструкция начальных пассажей свода 1072 г., до конца рассказа о расселении славян. Следует думать, что соответствующий фрагмент ПВЛ также содержит вставки, сделанные ее составителем. Как показал Шахматов, в рассказах о разделении земли сыновьями Ноя и вавилонском столпотворении ПВЛ соединяет текст Амартола с текстом «неизвестного» хронографа (по В. М. Истрину, Хронографа по великому изложению). Шахматов считал, что эти источники компилировал сам состави-

дактуры 1118 г. (существование которой представляется мне доказанным Шахматовым, вопреки критике этой гипотезы в работах [Müller 1967; Творогов 1997; Timberlake 2001]), то она в начальной части ПВЛ отразилась лишь в летописях ипатьевской группы (и, в силу контаминации, также в Радзивилловской летописи), но не в Лаврентьевской летописи. Поскольку оба рассматриваемых блока читаются во всех списках ПВЛ, они не могли появиться в редакции 1118 г. и должны восходить к ее первоначальной редакции. Именно так склонен трактовать эти вставки О. В. Творогов [1976], допускающий, что они могли быть сделаны в текст Начального свода, не сохранившийся в НПЛ; сходной точки зрения придерживается и В. Я. Петрухин [1998: 357]. Наша трактовка отличается от этой лишь иным пониманием интерполируемой основы, в которой мы видим текст не Начального свода, а свода 1072 г.

тель ПВЛ. Настаивая на текстологической двуслойности Введения, естественно, вслед за М. Х. Алешковским и А. Г. Кузьминым, относить заимствования из Амартола ко второму слою текста, что в рамках нашей схемы равносильно признанию их вставками ПВЛ. Тот факт, что начало Хронографа по великому изложению остается неизвестным и пока не поддается реконструкции, значительно затрудняет расслоение текста. Тем не менее, кажется весьма вероятным, что основанное на тексте Амартола подробное описание «частей» Сима, Хама и Иафета в своде 1072 г. отсутствовало и он ограничивался самой краткой их характеристикой.

Стратификация дальнейшего рассказа (до слов «и тако разидеса словѣньскыи кызыкъ») обречена носить еще более гипотетический характер²⁷. Однако, каким бы ни было соотношение слоев на этом участке, есть все основания полагать, что часть свода 1072 г., соответствующая космографическому введению ПВЛ и послужившая его основой, была совсем невелика по объему и представляла собой самый краткий очерк «генеалогии» киевских полян в библейской космографической перспективе.

Восстанавливая библейско-космографическое введение свода 1072 г. в составе своего труда, составитель ПВЛ вполне мог, вообще говоря, руководствоваться одним лишь стремлением к полноте этногеографического описания и целостности композиции, которую он не без основания полагал нарушенной в своем главном источнике — своде 1090-х гг. Возможно, однако, что в его действиях был и идеологический резон. Ко времени составления

²⁷ Возможно, в частности, что вставной характер носит сообщение о разрушении столпа, с указанием точных размеров его «останка» — 5433 локтя, и последующем расселении сынов Сима, Хама и Иафета. Думать так позволяет не только характерная для манеры составителя ПВЛ тавтологичность этого фрагмента («по размѣшенъи же кызыкъ», «по размѣшенъи же столпа и по раздѣленьи кызыкъ») но и, особенно, тот факт, что слова «и сѣмѣси Бѣ кызыкы, и раздѣли на 70 и 2 кызыка, и расѣсѣи по всеи земли» находят прямое продолжение во фразе «Ѡ сихъ же 70 и 2 кызыкы бѣ кызыкъ Словѣнескъ, Ѡ племени Афетова», не имеющей антецедента для *сихъ* в предыдущей фразе. Похожа на вставку и идентификация славян с нориками («нарци, еже суть словени»): она связана с традицией пространных космографических описаний [Ведюшкина 1998] и перекликается с упоминанием славян рядом с Илириком в описании «жребия» Афета, которое, как уже было сказано, само является, по-видимому, вставкой ПВЛ. Вставное происхождение может иметь в таком случае и фраза, локализующая славянскую «прародину» на Дунае (интерес к Дунаю и Илирику составитель ПВЛ проявляет неоднократно, в частности, в Сказании о преложении книг под 6406 г.). С такой ее трактовкой корреспондирует то обстоятельство, что следующее упоминание дунайских славян, вместе с примыкающим к нему пассажем о хорватах, сербах и хорутанах, разрывает рассказ о расселении западного славянства, явно относящийся к древнейшему пласту Введения. Все это, впрочем, не более чем догадки.

ПВЛ библейский зачин свода 1072 г., от которого в свое время отказался Начальный свод, снова сделался актуален. Политическую ситуацию эпохи вновь определяло соотношение трех главных фигур, на этот раз в поколении внуков Ярослава Мудрого: Владимира Всеволодовича (Мономаха) и двух старших Святославичей, Олега и Давыда. Именно эти три князя организуют в 1115 г. новое перенесение мощей Бориса и Глеба. В хронологических рамках, определяющих дату создания ПВЛ (1113—1116 гг.), в этом событии естественно, вслед за Л. В. Черепниным [1948: 309—311], видеть наиболее вероятный импульс к составлению нового летописного свода. Возвращение ПВЛ к композиции свода 1072 г., составленного по случаю первых борисоглебских торжеств, получает в таком случае дополнительную идеологическую мотивацию, а тема «трех братьев» вновь оказывается «спутником» борисоглебской темы.

С другой стороны, у составителя ПВЛ был и повод для нового, углубленного обращения к историческим судьбам славянства, совершенно не интересовавшим составителя Начального свода. Как мы видели, появление славянской перспективы в своде 1072 г. и преимущественный интерес его составителя к западным славянам могли быть обусловлены связями Изяслава Ярославича с Польшей и Чехией. Аналогичным образом, интерес составителя ПВЛ к Дунаю и дунайским славянам может объясняться дунайскими притязаниями Владимира Мономаха, нашедшими свое выражение в двух военных предприятиях 1116 г.²⁸ На возможную связь этих событий с «дунайскими» пассажами Введения указывал М. Х. Алешковский [1971: 44—46] (см. также: [Горский 2003]); трактовка соответствующих фрагментов как вставок ПВЛ в текст свода 1072 г. делает эту связь еще более вероятной.

Излагавшаяся до сих пор схема, согласно которой библейско-космографическое введение свода 1072 г. подверглось усечению в Начальном своде 1090-х гг. и было в сильно расширенном виде восстановлено в ПВЛ, оставляет без ответа один весьма важный вопрос. Приступая к обоснованию этой гипотезы, мы, намеренно упрощая ситуацию, исходили из того, что у Начального свода 1090-х гг. был по крайней мере один прямой предшественник. Между тем есть все основания согласиться с Шахматовым в том, что таких предшественников у него было по крайней мере два. Цепочка связанных прямой преемственностью летописных памятников, приведшая к созданию ПВЛ, по-видимому, не заканчивается сводом 1072 г., но уводит в эпоху Ярослава Мудрого, а может быть, и еще глубже. В работе [Гиппиус

²⁸ «В се же лѣто иде Леонъ царевичъ, зать Володимеръ, на куръ ѿ [sic!] Олексия цра, и вдаса го[ро]довъ ему дунаискихъ нѣколко (...) Въ се же лѣ князь великий Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю» [ПСРЛ 2: 283—284].

2001] мы, опираясь на лингвистические данные, признали не лишенными оснований высказывавшиеся в литературе предположения [Черепнин 1948; Тихомиров 1979 (1960)] о возникновении нарративного ядра будущей ПВЛ в очень раннюю эпоху, еще при Владимире. С чего начинали свое изложение эти древнейшие предшественники ПВЛ? И правы ли мы, относя появление космографического введения с его библейским зачином к своду 1072 г.? Может быть, эта композиция вообще является исконной для Начальной летописи?

Возможность разрешить эти сомнения предоставляет заключительный пассаж статьи 6430 г. НПЛ, не имеющий соответствия в ПВЛ и при этом явно восходящий к Начальному своду:

Игорь же съдѣше в Києве княжа, и воюя на Древяны и на Угличе. И бѣ у него воевода, именовъ Свѣнделдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадѣшется единѣ град, именовъ Пересѣчень; и сѣде около его три лета, и едва взя. *И бѣша сѣдѣще Угличѣ по Днѣпру вѣнизь, и посемь приидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо.* И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: «се даль еси единому мужевѣ много...» [НПЛ 1950: 109] (продолжение этого рассказа читается в НПЛ под 6453 г.; о причинах этого разрыва см.: [Творогов 1976: 20; Гиппиус 2002: 156—159]).

Комментируя данный пассаж в связи с проблемой хронологии княжения Игоря, К. Цукерман обратил внимание на важную деталь, ускользнувшую от внимания А. А. Шахматова: выделенная фраза представляет собой несомненную интерполяцию [Zuckerman 1995: 262]. Исследователь не останавливается на текстологических импликациях этого наблюдения, между тем для истории текста Начальной летописи данная вставка оказывается исключительно информативной. Выпадая из своего непосредственного контекста, «справка» об улицах находит очевидные параллели в космографическом введении ПВЛ, выглядя как одиночное вкрапление того же самого этногеографического дискурса (ср.: «словѣни же ѿви пришедше сѣдоша на Вислѣ... тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру...» [ПСРЛ 1: 6]). Эта вставка не могла быть сделана в отказавшемся от Введения Начальном своде, составителю которого, как мы видели, этот дискурс был чужд. Следовательно, она должна восходить к своду 1072 г. Но если составитель последнего выступает в данном случае как интерполятор, то и Введение должно быть признано добавлением, сделанным им к тексту более раннего памятника. Очевидно, описав расселение восточнославянских племен во вводной части своего труда, составитель свода 1072 г. не назвал среди них улочей (они действительно отсутствуют в соответствующем пассаже ПВЛ); встретив их затем в рассказе об Игоре, он в той же манере сообщил, что знал об этом племени.

Текстологическая вторичность «библейского» варианта начала Начальной летописи, соотносимого, как мы видели, с также имеющим ветхозавет-

ный прототип завещанием Ярослава, подтверждается наблюдениями над другими «сюжетными» библеизмами ПВЛ. В отличие от «скрытых библеизмов», которые новейшие исследователи усматривают в тексте ПВЛ буквально на каждом шагу, круг эксплицитных библейских аллюзий, содержащихся в начальной части Повести, ограничен, по существу, тремя случаями: отсылкой к истории Моисея в рассказе о хазарской дани, сравнением Ольги с царицей Савской в рассказе о поездке ее в Константинополь и параллелью с Соломоном в пассаже о женолюбии Владимира. Все три примера есть основания относить к одному текстовому пласту (ср. особенно идентичные способы введения первых двух сопоставлений: «Се же сбьса все (...) яко [и] при Фаравонѣ црї Еюпетьстѣмь еда приведоша Моисѣя предъ Фаравона...» и «Се же бы ꙗкоже при Соломанѣ приде црца Ефиопьскаа к Соломану...» [ПСРЛ 1: 17, 62]). При этом первая и вторая параллели уверенно квалифицируются как вставки в первоначальный рассказ (см. относительно эпизода с хазарской данью: [Гиппиус 2001: 154]²⁹; относительно рассказа о крещении Ольги: [Кузьмин 1977: 334—341; Мюллер 2000: 46—47; Баловнев 2000: 16; Гиппиус 2001: 178; Шайкин 2005: 51—54]). Таким образом, эксплицитное обращение к Библии как источнику прецедентов русской истории оказывается так же вторичным для Начальной летописи, как и ее библейский зачин.

С чего же в таком случае начинался летописный памятник, легший в основу свода 1072 г.? Мы не можем найти для него более подходящего и правдоподобного начала, чем реконструируемое Шахматовым для Древнейшего Киевского свода (которому стадияльно и соответствует этот текст): «Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь...» [Шахматов I/1: 359]. К такой реконструкции Шахматов приходит, отбросив доставившую ему столько хлопот первую фразу статьи 6362 г. НПЛ («живяху кождо съ родомъ своимъ...»), трактуемую как добавление На-

²⁹ О вставном происхождении библейской параллели в рассказе о хазарской дани сигнализирует употребленная в вводящей эту параллель фразе новая форма аориста *рекоша* — единственная на семь старых форм *рѣша*, представленных в этом рассказе. С этим корреспондирует дублировка между открывающим вставной пассаж оборотом «якоже и бысть...» и тем же оборотом в конце рассказа. В. Я. Петрухин, оспаривая нашу аргументацию, замечает, что «старые и новая форма аориста чередуются в этом рассказе, а не просто вводят в него “параллель с Моисеем”» [Петрухин 2003: 102]. Очевидно, имеется в виду еще одна словоформа *рекоша* данного пассажа Лаврентьевской летописи («мы са доискахомъ оружьемъ одиною стороною *рекоша* саблами, а сихъ оружье обоиду ѿстро рекше мечь»). Между тем, как мы отмечаем в своей работе [Гиппиус 2001: 174, прим. 17], данное написание представляет собой очевидную опisku (вм. *рекше*), отсутствующую в Новгородской Карамзинской летописи, которая в остальном в точности повторяет формоупотребление Лаврентьевского списка, подтверждая его текстологическую неслучайность.

чального свода. Теперь мы можем сказать, что это странное «добавление» в действительности представляет собой остаток космографического Введения свода 1072 г. Отказавшись от Введения, составитель Начального свода, по существу, вернулся к композиции Древнейшего свода, подобно тому как составитель ПВЛ позже вернулся к композиции свода 1072 г. Конечно, о «возвращении» здесь можно говорить лишь условно, имея в виду воспроизводство определенной композиционной схемы, а не ее текстуальное и идеологическое наполнение, которое в обоих случаях оказывается новым на новом этапе развития текста.

История формирования композиции начальной части ПВЛ предстает перед нами, таким образом, как своего рода колебательный процесс: мы наблюдаем как бы несколько движений маятника, с увеличивающейся амплитудой раскачивающегося между двумя вариантами начала летописного повествования: «от Кия, Щека и Хорива» и «от Сима, Хама и Иафета». Первый из этих вариантов, «киевский», является для Начальной летописи исходным и получает новую жизнь в Начальном своде 1090-х гг. Второй, «библейский» вариант впервые появляется в своде 1072 г. и впоследствии восстанавливается в ПВЛ. Можно сказать, что с точки зрения структуры их начальных пассажей соотношение Начального свода и ПВЛ воспроизводит в расширенном виде, на новом витке спирали, реконструируемое соотношение Древнейшего свода и свода 1072 г.

В заключение еще раз напомним, что предложенная в данной работе реконструкция истории композиционных преобразований древнейшей части Начальной летописи является прямым следствием, вытекающим из соединения нескольких положений, которые мы считаем доказанными нашими предшественниками. Примирить эти положения между собой принципиально невозможно в рамках «сокращенной» картины истории начального летописания, ограничивающей ее Начальным сводом как непосредственным предшественником ПВЛ. Эта невозможность сама по себе является, на наш взгляд, сильнейшим свидетельством правоты А. А. Шахматова, рассматривавшего открытый им Начальный свод 1090-х гг. лишь как одно из звеньев в цепи предшествовавших ПВЛ летописных памятников XI в.

Литература и источники

Абрамович 1916 — *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Алексеев 2002 — *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.

- Алешковский 1969 — *Алешковский М. Х.* Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1969. С. 15—40.
- Алешковский 1971 — *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
- Алешковский 1976 — *Алешковский М. Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. Вып. 2. М., 1976. С. 150—162.
- Алешковский 1981 — *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104—111.
- Баловнев 2000 — *Баловнев Д. А.* Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5—46.
- Бугославский 1941 — *Бугославский С. А.* «Повесть временных лет»: списки, редакции, первоначальный текст // Старинная русская повесть: Статьи и исследования. М.; Л., 1941. С. 7—37.
- Ведюшкина 1998 — *Ведюшкина И. В.* «Нарцы еже суть словене» // Восточная Европа в древности и средневековье: X чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 13—16.
- Вилкул 2003 — *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный Свод // *Ralaeoslavica*. 2003. Vol. 11. P. 5—35.
- Гиппиус 1994 — *Гиппиус А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и мат-лы симпозиума. М., 1994. С. 136—141.
- Гиппиус 1997 — *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997. С. 3—72.
- Гиппиус 1999 — *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 345—364.
- Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игорев: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. № 2. P. 147—181.
- Гиппиус 2002 — *Гиппиус А. А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. № 1. P. 63—126.
- Горский 2003 — *Горский А. А.* Забытая война Мономаха // *Родина*. 2002. № 11—12. С. 98—101.
- Данилевский 1995 — *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101—110.
- Данилевский 1997 — *Данилевский И. Н.* Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: Сб. статей в честь чл.-корр. РАН С. М. Каштанова. Ч. 1. М., 1997. С. 172—220.
- Данилевский 2004 — *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Живов 2002 — *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
- Зиборов 1995 — *Зиборов В. К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. Л., 1995.

- Исаевич 1982 — *Исаевич Я. Д.* Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 144—166.
- Истрин 1924 — *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Изв. ОРЯС. Т. 24. 1924. С. 207—251.
- Кралик 1963 — *Кралик О.* Повесть временных лет и легенда Кристиана // ТОДРЛ. Т. 19. 1963. С. 176—191.
- Кузьмин 1974 — *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 37—47.
- Кузьмин 1977 — *Кузьмин А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- ЛЕР — Летописец Еллинский и Римский. Т. I. Текст. СПб., 1999.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947.
- Лихачев 1986 — *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
- Лурье 1976 — *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Вып. 2. М., 1976.
- Лурье 1985 — *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. 1985. С. 190—205.
- Милтенова и Тьпкова-Займова 1996 — *Милтенова А., Тьпкова-Займова В.* Историко-апокалиптическая книжность в Византии и средневековья България. София, 1996.
- Мустафина 1991 — *Мустафина Э. К.* Редкая форма имперфекта глагола *быти* в литературном языке Древней Руси // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С. 55—61.
- Мюллер 2000 — *Мюллер Р.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX—XII вв. М., 2001.
- Насонов 1969 — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под. ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Петрухин 1995 — *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин 1998 — *Петрухин В. Я.* К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 354—363.
- Петрухин 1999 — *Петрухин В. Я.* «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 220—226.

- Петрухин 2000 — *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 93—112.
- Петрухин 2006а — *Петрухин В. Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 33—41.
- Петрухин 2006б — *Петрухин В. Я.* Киевская легенда и историческое пространство // Восточная Европа в Древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 17—19 апреля 2006 г.: Мат-лы конференции. М., 2006. С. 149—153.
- Приселков 1913 — *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XII—XIII вв. СПб., 1913.
- Приселков 1996 — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- ПСРЛ 1—2 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926; Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Русинов 1997 — *Русинов В. Н.* Послание инок Поликарпа к игумену Акиндину и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 1997. С. 4—23.
- Русинов 2003 — *Русинов В. Н.* Летописные статьи 1051—1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. История. 2003. Вып. 1 (2). С. 111—147.
- Рыбаков 1963 — *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Легенды. М., 1963.
- Соболевский 1905 — *Соболевский А. И.* Древняя переделка Начальной летописи // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Март. С. 100—105.
- Творогов 1974 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 24. С. 99—113.
- Творогов 1976 — *Творогов О. В.* Повесть временных лет и начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3—26.
- Творогов 1997 — *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция Повести временных лет? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203—209.
- Тихомиров 1979 — *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- УС — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Флоря 1985 — *Флоря Б. Н.* Сказание о преложении книг на славянский язык: источники, время и место написания // Byzantinoslavica. 1985. Т. 46. С. 12—130.
- Черепнин 1948 — *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. 1948. С. 293—333.
- Шайкин 2005 — *Шайкин А. А.* Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI—XVI вв. М., 2005.
- Шахматов 1/1—2 — *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. Кн. 2: Раннее русское летописание XI—XII вв. СПб., 2003.

- Шахматов 1940 — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9—150.
- Franklin 1982 — *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1—25.
- Gippius 2003 — *Gippius A.* Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // *Ruthenica*. Т. II. Київ, 2003. P. 154—171.
- Müller 1967 — *Müller L.* Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. S. 171—186.
- Timberlake 2001 — *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1. С. 219—238.
- Zuckerman 1995 — *Zuckerman C.* On the date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Études Byzantines*. 1995. Vol. 53. P. 237—270.

«НЕ ПРЕСТУПАТИ ПРЕДѢЛА БРАТНА»: THE ENTRIES OF 1054 AND 1073 IN THE KIEV CHRONICLE

Alan Timberlake

University of California at Berkeley

But if You Depart from *HIS* Fear,
and cast these My *Instructions* behind Your Backs;
then know, that You shall Perish in Your own Iniquities,
and I shall (thus far) be clear
in my Conscience concerning you.

John Pennyman

In the entry for 1054, the chronicle tells us that, on his deathbed, Iaroslav Vladimirovich assigned his sons to various cities, «и тако раздѣли имъ градъ», giving them a general admonition, «заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна ни сгонити» [Lvr 161.19—21]. In the entry for 1073, when Sviatoslav and Vsevolod drove Iziaslav from Kiev, the chronicle accuses them of violating that instruction, «И сѣдоста на столѣ на Берестовомъ· преступивше заповѣдь ѡтню» [Lvr 182.25—26]. A little later on, the entry of 1073 repeats the accusation against Sviatoslav, «Сѣдославъ сѣде Къевѣ прогнавъ брата своего· преступивъ заповѣдь ѡтню» [Lvr 183.5—6], and turns this earthly act into a more profound transgression of God's will, «паче же Бжью· велии бо есть грѣхъ [преступати] заповѣдь ѡца своего» [Lvr 183.6—8]. Thereafter 1073 cites an apparent Old Testament parallel involving Noah and his progeny. The passage uses the verb «преступити/преступати» twice more, and ends with a final judgment, «не добро бо есть преступати предѣла чужего» [Lvr 183.14—15]. There is an obvious similarity between Iaroslav's deathbed admonition of 1054 «не преступати предѣла братна» and the chronicler's concern in 1073 not to «преступати заповѣдь ѡтню».

The similarity between 1054 and 1073 has led to the suspicion that the two entries were composed or edited by the same chronicler [Шахматов 1908: 420], and it is therefore natural to ask when the entries were composed and which chronicler was responsible. These questions intersect with A. A. Shakhmatov's hypothesis that the history of chronicling in Kiev was defined by a series of six

editorial episodes, to use an inclusive term for occasions on which a chronicler compiled and (or) edited the chronicle. To critique Shakhmatov's hypothesis in brief: Shakhmatov posited three editorial episodes, or redactions, of the *Povest' vremennykh let* in the eleventeens, of which only the first was a substantive episode, and that occurred specifically in the interval of 1113—16. Shakhmatov also posited three episodes for the eleventh century, prior to the *Povest' vremennykh let* in the narrow sense of the term. Of these three, an episode in 1039 is plausible, if it is understood to be the occasion on which the *druzhina* tales from yester years were first recorded. Shakhmatov posited another, more extensive, editorial episode in the early 1090s. He termed the episode and the resulting chronicle the *Nachal'nyi svod*. Shakhmatov claimed that the *Nachal'nyi svod* was preserved in the «younger redaction» of the First Novgorod Chronicle (hereafter, «Nvg1»). Though it is still not universally acknowledged [Ostrowski 2003; Вилкул 2003], Shakhmatov's hypothesis can be verified by various textual facts, among them the way the recovery of Gleb's abandoned body is reported by Nvg1 and Anonymous's *Skazanie o svv. muchenikakh Borise i Glebe*. Both Nvg1 and the *Skazanie* report that Gleb's body emitted light seen by passers-by and both invoke Psalm 33:21/34:20 to explain how the Lord protects the righteous. In contrast, the *Povest' vremennykh let* omits any mention of the light and the quotation from the Psalms and, as if in compensation, adds a prayer to the thaumaturgic brothers. The readings shared between Nvg1 and the *Skazanie*, because they differ from the reading of the *Povest' vremennykh let*, can only be explained by assuming that the two texts derive from a stage of the chronicle distinct from and older than the *Povest' vremennykh let*: in other words, the *Nachal'nyi svod*. Shakhmatov's hypothesis implies the algorithm that a reading shared by Nvg1 and the *Povest' vremennykh let* goes back to the *Nachal'nyi svod*, whereas a reading found only in the *Povest' vremennykh let* and not in Nvg1 was added during 1113—1116, with the exception of passages which the Novgorod tradition has modified during the transmission of the chronicle to the middle of the fifteenth century.

Before proceeding further, it will be useful to mention a correction to Shakhmatov's view of the *Nachal'nyi svod*. Shakhmatov thought of the *Nachal'nyi svod* as the culmination of the period of activity of one scribe, which he localized to the interval from 1093 to 1095 [Шахматов 1908: 11]. In fact, the *Nachal'nyi svod* cannot have been the end of the activity of a scribe [Timberlake 2001]. Evidently one and the same began to write at the end of the 1080s (the style of 1087 differs from 1088) and continued at least until 1106, when the chronicler mentioned that he recorded tales from the voevoda Ian. Among these tales was the tale of the two sorcerers whom Ian dispatched. Inasmuch as Ian's tale was entered under 1071 and is found in Nvg1, it must have been entered in the act of editing the

Nachal'nyi svod. That is to say, one and the same chronicler entered annals continuously from the end of the 1080s at least through 1106 and, early in his career, edited the Nachal'nyi svod.

Thus two of the three editorial episodes posited by Shakhmatov in the eleventh century are plausible. That leaves only a possible editorial episode in 1073. It was then, according to Shakhmatov, that Nikon returned from Tmutarakan (around 1067) and collected tales from 1061 through 1073 into a new compilation. If there were such an editorial episode, Nikon might have used the opportunity not only to compile tales but also to edit 1054. In this way an editorial episode in 1073 might explain the similarity of language and ideology between 1054 and 1073 mentioned above: the commandment not to «преступати/преступити предѣль братень/заповѣдь ѡтню». In this way the discussion of 1054 and 1073 intersects with more general questions about the composition and editing of the chronicle.

To pursue these questions, we need first to review what has been established about textual sources for the entries of 1054 and 1073. 1054 belongs to the venerable and timeless genre of testament or instruction to children. In typological terms, the core of this genre is an authority — at once familial, societal, and sacral — who, as he approaches and contemplates death, gives practical and moral dictates to his children to guide them from beyond the grave. While there is a common core, and while topoi and quotes repeat, there is also considerable diversity and historical specificity in this genre, as is obvious by inspection of such diverse instructions as Vladimir Monomakh's Pouchenie and John Pennyman's late seventeenth-century Instruction to His Children. In the case at hand, as Simon Franklin observed [Franklin 1982], the specific qualities of Iaroslav's testament of 1054 are reminiscent of the testament of the Old Testament patriarch Isaac recorded in the Book of Jubilees (though not in Genesis). As is evident from the English translation of the extant Ethiopic text of Jubilees [Jubilees 36: 3—17]¹, Isaac announces his imminent departure from this world, adjures his sons to live in peace, which will bring prosperity, and cautions them against strife, which will lead to destruction; he warns against idolatry. The testament ends with the narrator's assertion that Isaac divided his dominions. Except for obvious differences — Iaroslav's testament omits the warning against idolatry — the components of the two testaments are the same. It is unlikely that the Book of Jubilees as such was known in Kiev [Franklin 1982: 16]. More likely, Isaac's testament found its way to Kiev as a fragment embedded in a compendium. The intermediate text or texts have not been identified, but it is likely that Iaroslav's testament derives, at whatever degree of remove, from Isaac's testament in the Book of Jubilees.

¹ The text was originally composed in the second century BC, in Hebrew, translated into Greek, from Greek into Latin (preserved in fragments) and Ethiopic (preserved in full), which served as the basis for the English translation [Jubilees, 2—4].

In order to appear under 1054, Iaroslav's testament, based on Isaac's testament, had to be worked into the chronicle at some time. In principle, the testament could have been inserted directly as the entry was first composed shortly after Iaroslav's death or it might have been interpolated during a later editorial episode into an existing entry. There are indications in the text that the testament was in fact added later to an existing entry. The entry of 1054 begins with an assertion of Iaroslav's demise, «Престависа великѣи князь Русьскѣи Юрославъ». Then after he is already dead, the chronicle returns him to life, «еще бо живущю юму· нареди снѣи свою рекъ имъ» [LvГ 161.1—3]. This backtracking indicates that the text that follows — the testament — was inserted. Next, as noted above, Iaroslav's testament concludes with the statement «раздѣли имъ грады», echoing the coda of Isaac's testament in the Book of Jubilees: «And he divided all his possessions between the two on that day» [Jubilees 36: 12]. Immediately before that, there is a list of the cities to which the five sons were assigned. The same list is also stated under 1055, in the concise matter-of-fact fashion characteristic of the early laconic chronicle entries². Evidently the division of lands was originally recorded after Iaroslav's death (the date 1055 is not original) and was copied back into the testament, where it supplies specificity to the coda, «раздѣли имъ грады». In this way, the division of patrimony stated under 1054 is dependent on and later than the division of patrimony stated under 1055. That means there are two layers of text here, and in particular, the division of lands stated under 1054 must have been interpolated into an existing text³.

In 1054, the narrator's assertion that Iaroslav divided the patrimony, «и тако раздѣли имъ грады», is followed immediately by the narrator's paraphrase of Iaroslav's instruction to his children, «заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна· ни сгонити». As we will see shortly, this participial clause beginning with

² The year 1055 is specified in the Hypatian chronicle and Nvg1, and therefore can be assumed to go back to the Nachal'nyi svod, though the date is omitted from the Laurentian tradition. Presumably the list was already in place before entries were assigned dates in the Nachal'nyi svod, and that is why the list, which originally followed the funeral, is given (somewhat anachronistically) under the year following the death and funeral.

³ There is an additional reference to the division of lands among Noah's sons in the preamble to the Povest' vremennykh let, which has no analog in the (rather different) preamble to Nvg1. Accordingly, this reference to Noah must have been added during the editorial episode that created the Povest' vremennykh let, along with the whole new preamble of the Povest' vremennykh let, with its attempt to place Slavdom in Byzantine cosmography. That would mean that the same source texts were used twice — once in an editorial episode earlier than the Povest' vremennykh let and again in the Povest' vremennykh let. But there is really nothing unusual in that. Thus for example, Hamartolos was used in the Nachal'nyi svod in the omens of 1065 and in the Povest' vremennykh let in various places. Gippius [Гиппиус 1994] discusses the two mentions of Noah.

«заповѣдавъ» was likewise inserted, though it has a different source. There is an additional piece of evidence, discussed below, which indicates that the description of Iaroslav's funeral at the end of 1054 was edited. Overall, 1054 has been edited significantly. And given the concern with the theme of «преступати/преступити предѣлъ братень/заповѣдь ѡтню» in 1054 and 1073, it is natural to conclude that the editing of 1054 was done by the same individual who composed or edited 1073.

The entry of 1073 begins with a criticism of Sviatoslav and Vsevolod for violating boundaries, which turns into a cautionary tale that harks back to Old Testament times. According to 1073, Noah divided his patrimony among his sons, but Ham's son Canaan encroached on Shem's dominion of Palestine, for which transgression his lineage was punished 400 years later, when the Israelites, as descendants of Shem, defeated Canaan and reclaimed their rightful heritage:

исперва преступиша снове Хамови· на землю Сиѡву· и по ·у· лѣ· ѡмъщенъе
прикша ѿ Ба· ѿ племени бо Сиѡова суть· Еврѣи же избивше Хананѣиско
плема· всприкша свои жребии· и свою землю [Lvт 183.8—12].

As Simon Franklin observed, the story is not found in Genesis, but derives from Anastasius of Sinai (Quaestio XXVII of Interrogationes et responsiones)⁴. Slavic translations of this passage are extant in two well-known texts, the Izbornik of 1073 and, in abridged form, the Letopisets ellinskii i rimskii (= «EL»)⁵. These two texts share idiosyncrasies of translation and therefore go back to a common Slavic translation [Franklin 1982: 5]. Both contain a warning not to violate the patriarch's testament:

КЛАТВОУ ИМЪ | ПОВЕЛѢ ВЪДАТИ ОЦЪ | ТАКОЖЕ НИКОМОУЖЕ | НЕ ПОСТОУПАТИ НА
ВРА | ТНЬ ЖРѢБНИ· ПРѢ | СТОУПАЖШТЕМОУ | ЖЕ КЛАТВЪНОК ЖЕ | ЗАПОВѢДАННИК
ПОГЪ | ВИТИ

as the Izbornik states it⁶. Parenthetically it could be noted that 1054's «заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна· ни стонити» seems to derive from this phrase, further evidence that 1054 was edited at some time later than 1054. Then both Slavic texts assert that Ham's Canaan invaded Shem's dominion of Palestine, in violation of this commandment. Earlier in Anastasius's Quaestio, God promises a banishment of 400 years for such violations, in the words of the Izbornik:

БѢ РЕКЪИ· ПРѢСЕЛЕ | НО БОУДЕТЬ СѢМА ТВО | К НА ЗЕМЛЮ ШТЪЖЖ | ДО ЧЕТЪРЬ
СЪТЪ ЛѢТЪ | [Izb 137^б]

⁴ And then from Epiphanius of Cyprus, and in turn from the Book of Jubilees [Franklin 1982].

⁵ The passage from Anastasius in the Izbornik extends for approximately 15 folio columns, from 136^{va} through 140^{ra}, of which EL [fol. 6^v, 8^r—9^v, pp. 6—7] includes approximately the last 9 columns of the Izbornik (equivalent to 138^{ra}—140^{ra}).

⁶ [Izb 139^{va}], similarly in [EL 7]; identification in [Franklin 1982: n. 24].

and then goes on to discuss Abraham's exile of 430 years. This passage is preserved in the *Izbornik*, but EL omits approximately 40 % of Anastasius, and in particular omits the figure of 400 years and the discussion of Abraham's fate. Since the chronicle mentions 400 years («по ·у· лѣ· ѿмъщеньє·прикша»), it must have been the *Izbornik*, not the EL, which was the source for the resonance of Anastasius in 1073, including the references to «преступити заповѣдь» [Franklin 1982:10]⁷.

To this point we have followed Franklin in identifying the sources of borrowings in 1054 and 1073. The arguments cited above — Iaroslav's testament being a reflex of the Book of Jubilees and the internal seams in 1054 — demonstrate that 1054 was edited at a later time. The entries of 1054 and 1073 are preserved in Nvg1 as well as in the *Povest' vremennykh let*. Following Shakhmatov's reasoning, that means that these entries took this form at some time earlier than the *Povest' vremennykh let*, either in 1073 or the 1090s. At first glance, everything might seem to fall into place under Shakhmatov's hypothesis that there were an editorial episode in 1073. Along these lines, one might suppose that the editor of 1073 edited 1054, inserted the testament, and wrote the entry of 1073, reproaching Sviatoslav and Vsevolod for violating Iaroslav's testament and going on to the Old Testament parallel quoted from the *Izbornik*. Is this what actually happened? Two considerations argue against this interpretation.

The first consideration is chronology. The source for the motif of «не преступати», as just noted, was the *Izbornik* of 1073. If the *Izbornik* arrived in Kiev in 1073 and if the major editorial episode occurred in 1073, the chronicler of 1073 would have to have devised the technique of working with Byzantine sources instantaneously. It is worth noting that the chronicler had to develop a technique for using source texts — not just copying them, but paraphrasing them and working them into commentary on the events. Thus Izb «клатвоу имѣ | повелѣ въдати оцѣ | такоже никомоу же | не постопати на бра | тнь жрѣбни» became «заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна · ни сгонити»; Izb «прѣселе | но боудеть сѣма тво | к на земаю штжжж | до четърь сътъ лѣтъ» became 1073 «по ·у· лѣ· ѿмъщеньє·прикша». That is a step requiring some sophistication and, almost certainly, time. We have no evidence that this had been done before 1073, and it is unlikely that the technique could have been developed overnight.

The second consideration is that the entry of 1073 is composed of two types of discourse, represented visually in the transcription below by degrees of indentation⁸:

⁷ Franklin cautions: «We cannot say whether the Primary Chronicle borrowed directly from the 1073 manuscript, or from another copy of the *Izbornik*, or already from an EI-type compilation». Such caution, while in general advisable, seems unnecessary in this instance: it would indeed be remarkable if the *Izbornik* of 1073 were preceded in Kiev by a distinct compilation containing Anastasius's *Quaestio XXVII*.

⁸ [Lvr 182.20—183.8], emended Radziwiłł.

- <a> Въздвиге дѣволъ котору въ брати сеи Юрославичихъ·
 бѣвши распри mezi ими·
 <c> бѣста съ себе Стославъ со Всеволодомъ· на Изаслава·
 <d> изиде Изаславъ ис Кѣева·
 <e> Стослав же и Всеволодъ видоста в Кѣевъ· мѣца· марта ·кв· ·
 <f> И сѣдоста на столѣ на Берестовомъ·
 <g> преступивше заповѣдь ѡтню·
 <h> Стослав же бѣ начало выгнанью бра̑ню·
 <i> желак болшее власти·
 <j> Всеволода бо прелести·
 <k> гл̑а· ꙗко Изаславъ сватитса со Всеславомъ· мѣсла на наю· да аще
 ꙗго не [варивѣ] им̑ть [насъ прогнати]
 <l> и тако взостри Всеволода на Изаслава·
 <m> Изаслав же иде в Лахы со имѣньѣ̑ многы̑·
 <n> гл̑а ꙗко симъ налѣзу вои·
 <o> еже все възаша Лахове оу него· показавше ꙗму путь ѡ себе·
 <p> а Стославъ сѣде Кѣевѣ·
 <q> прогнавъ брата своего·
 <r> преступивъ заповѣдь ѡтню· паче же Бж̑ю·
 <s> велии бо естъ грѣ̑ [преступати] заповѣдь ѡца̑ своего·

The clauses written as less indented above (<c—f>, <m—o>) report the basic facts: Sviatoslav and Vsevolod drove Iziaslav from Kiev and Iziaslav sought an alliance with the Poles, who betrayed him. Other clauses, written with greater indentation above, comment on and evaluate the events: <a—b>, <p—s> (at least <q—s>), and <g—l>.

Whenever two modes of discourse are visible, it suggests that the two layers were composed at different times. There are grammatical and lexical indications that the passage has in fact been edited. In <a—b>, the lexemes «распра» and «котора», while they might seem to be banal cliches, have a restricted and specific distribution in the chronicle. They occur together in Iaroslav's testament in 1054, «аще ли будете ненавидно живуще· в распрахъ и которающеса» [LvT 161.8—10], already shown to be an interpolation. They also occur together in 1093: «и възаста mezi собою распра и которы» [LvT 219.7—8]. The fact that the conjunct «распра и котора» occurs in 1093 shows that this phrase belongs to the discourse of the Nachal'nyi svod. Thus when this conjunct appears in 1054 and 1073, it was inserted by the editor of the Nachal'nyi svod. In the segment <p—s>, clauses <r—s>, certainly belong to the interpolated discourse, and even clause <p>, though it might seem to be just the coda to <m—o>, is probably an addition, since it repeats the content but contradicts the dual number of <f> above, as if the editor has forgotten that, earlier, two princes sat in Kiev.

Within the middle clauses <g—l>, the verb «(пре)льстити» in <j> invites suspicion, in general because it expresses a judgmental attitude atypical of the *druzhina* (the source of the factual narrative here and elsewhere throughout the chronicle) and more specifically because of the way it is used in the account of the murder of Iaropolk in 980. In 980, Vladimir sent emissaries to Iaropolk's voevoda Blud to help him do away with Iaropolk. As Blud responded positively to Vladimir's overtures, the chronicler homilizes on the evil of deceit. The discourse begins with the phrase «ω знак лестъ члвчѣка» [LvT 76.26], an obvious seam in the text, and then cites two Psalms; Psalms are not characteristic of *druzhina* narrative. The homily uses the verb «(пре)льстити» four times and the noun «лестъ» five. This homily is clearly an insert, as is the subsequent comment «горьше сѹ такоуи бѣсовъ· кѣко и Блудъ· предасть княза своего· прѣймъ ѿ него чѣти многы· съ бо бѹ повиненъ крови тои» [Нур 65.6—8]. That assertion places the blame on Blud and exonerates Vladimir, when at the beginning of the entry, the chronicle had stated clearly that Vladimir initiated the plot by making overtures to Blud. It also allows Vladimir to rationalize his behavior with the phrase «не кѣзь бо почаль братью бити но ѡнъ» [LvT 76.22—23]. That phrase resonates with Iaroslav's rationalization for killing Sviatopolk: «не кѣ почяхъ· избивати браѹ· но ѡнъ» [LvT 141.12—13]. The coincidence of wording suggests that one and the same editor inserted this phrase in both places. Stating that evil men are worse than demons («горьше сѹ такоуи бѣсовъ») is likewise reminiscent of a passage in the Boris and Gleb cycle, «золъ бо члвкъ тѣсасъ на злое не хужи естъ бѣса» [LvT 135.12—13], which occurs in conjunction with an insert from Hamartolos about Ahab⁹ and must be itself an insert; because it derives from Hamartolos, it dates to the *Nachal'nyi svod*. These editorial interventions in 980, where the motif of deceit is pervasive, suggest that the story of Vladimir's accession has two layers: an original *druzhina* narrative was overlaid by an editor with the motif of «льстити/лестъ».

If the motif of deceit was introduced into 980 by an editor, it is likely by extension that other instances of this motif elsewhere in the chronicle were also introduced by the same editor. With this background, we return to the middle clauses <g—l> of 1073. These clauses assign blame to Sviatoslav and exonerate Vsevolod, using the verb «прельстити» («Стослав же бѣ начало выгнанью браѹ· (...) Всеволода бо прелсти· глѣ· (...)»), and most likely belong to a separate chronological layer later than the original *druzhina* narrative¹⁰. Thus, the phraseology of 1073 suggests that there are two layers of text and that the layer of commentary has been added during an editorial episode.

⁹ The reference to Ahab derives ultimately from 1 Kings 22:20—21, but it can be shown to be derived more immediately from Hamartolos [Истрин 1920: 92].

¹⁰ As Eremin [Еремин 1947: 66] noted.

The events of 1073 involve the triumvirate of Iaroslavichi and raise questions about the sympathies of the chronicler during this tumultuous decade. It is natural to compare the treatment of the brothers here with the treatment of them in Nestor's *Zhitie Feodosiia*¹¹. Nestor's *Zhitie* reports that Feodosii refused to go to a feast celebrating the triumph of Sviatoslav and Vsevolod over Iziaslav («на трапезоу велъзавелннѣ» [USb 58a.23—24]), on the grounds that their triumph was illegitimate («неправдѣн(о) соущѣ изгѣманикѣ» [USb 58a.19—20]). Feodosii's position is presented as principled, and the *Zhitie* does not differentiate between Sviatoslav and Vsevolod in terms of degree of blameworthiness. If this episode in the *Zhitie* represents the actual attitude of the Cave Monastery towards the princes in the 1070s¹², and if all of the entry of 1073 were written in 1073, the chronicle should have reproached Vsevolod and Sviatoslav equally for deposing Iziaslav. The fact that the chronicle apologizes for Vsevolod suggests that lines <g—l> were not composed concurrently with the events in 1073. The history can be reconstructed as follows. The original narrative, due to the *druzhina*, asserted that Sviatoslav and Vsevolod acted together to displace Iziaslav («внидоста»; «и сѣдоста»). Inheriting this text, a later editor preserved the factual narrative, but attempted to mitigate Vsevolod's guilt by appealing to deceit («Всеволода бо прелести»). This was done at some later time when the chronicler felt the need to glorify Vsevolod and keep his name clear of blame.

That time would have been during Vsevolod's reign from 1078 to his death in 1093. The chronicle throughout the 1080s reports with approval numerous deeds of Vsevolod and his son Vladimir Monomakh¹³. For example, in 1084 Vsevolod makes Vladimir replace two Rostislavichi, and in 1085 he sends Vladimir against Iaropolk. Indeed, the chronicle remains favorably disposed to the house of Vsevolod even after Vsevolod's death in 1093 into the reign of Sviatopolk. Vladimir's refusal to pursue the throne on the death of his father is presented as noble [Lvr 217.21—218.6]. When Vladimir Monomakh and Sviatopolk debate how to respond to the threat posed by the Polovtsy in 1093, Vladimir's restraint is characterized as sensible, Sviatopolk's desire to attack as imprudent [Lvr 219.17—26].

Especially telling in this regard is the encomium to Vsevolod on his death in 1093. The encomium, while largely composed of *topoi* — he was gracious to the poor, to the clergy and monks; he was abstemious — includes one striking assertion: on account of his virtues, «тѣмъ любимъ бѣ ѿцемъ своимъ». The encomium

¹¹ The story of 1073 extends from 57d.25 to 58b.28 in USb; related is USb 60a.18—60b.18.

¹² Arguably the political attitudes are more complex than the account of the *Zhitie* would suggest.

¹³ As Eremin [Еремин 1947: 66—69] noted.

to Vsevolod then shifts its perspective away from the current time and returns to the time of Iaroslav; it becomes an extended testimony and blessing of Vsevolod spoken as if by his father Iaroslav:

ѿко глѣти ѿцю к нему снѹ мой· благо тобѣ ѿко слышю ѿ тобѣ кротость· и радуюса· ѿко ты покоиши старость мою· аще ти подасть Бѣ приѣти власть стола моего· по братьи своеи· с правдою а не с насильемъ [Lvr 216.11—16].

This is no longer pure *topos*. The passage looks back over the last fifty years and pronounces Vsevolod's accession to the throne to be meet and proper, because it was foreordained in Iaroslav's blessing, presented anachronistically a half century after his death. The continuation of this blessing is no less amazing:

то кгда Бѣ ѿведеть та ѿ житъки сего· да лажеши идеже азъ лагу оу гроба моего· понеже люблю та паче браї твоєѹ [Lvr 216.16—19].

The assertion that Iaroslav favored Vsevolod among all his sons shows how partial the chronicle in 1090s was to Vsevolod and his progeny.

The version of Iaroslav's testament written in 1093 by the scribe of the *Nachal'nyi svod* can be compared to the end of the entry of 1054, which describes Iaroslav's funeral. According to 1054, it was Vsevolod who buried Iaroslav. The other brothers were absent, while Vsevolod was attending his father:

Изаславу тогда в Туровѣ князѣцю а Стославу въ Вододимирѣ (sic!)· а Всеволодѣ тогда оу ѿца.

And why was Vsevolod with Iaroslav? For the reason that Vsevolod «бѣ бо любимъ ѿцмъ· паче всеѿ братьѹ· егоже имаше [присно] оу себе»¹⁴. This remarkable assertion could not have been written in 1054. A chronicler writing in 1054 could not have made judgments about the dying patriarch's relative preferences among his heirs, and certainly could have not expressed a preference for the third eldest son. This statement would have also been inconceivable around 1073, assuming for the moment that there was an editorial episode in 1073: if there had been an episode in 1073, and if the chronicler were true to the sentiments of the *Zhitie Feodosiia*, he should have favored Iziaslav, glorified in the *Zhitie* as «хѣ|любьца нже по истн|нѣ бѣлюбьца» [USb 58a.1—3], not Vsevolod, who was complicit in the evil doings of 1073. The language «бѣ бо любимъ ѿцмъ паче всеѿ братьѹ» could have been written only by a chronicler who favored Vsevolod and who would have been free to express his bias after the demise of Iziaslav and Sviatoslav. Such was the chronicler who wrote Vsevolod's encomium under 1093, who stated the very same sentiment, «понеже люблю та паче браї твоєѹ». It follows that the funeral in the entry of 1054 was composed or significantly revised

¹⁴ [Нур 150.20—23], «присно» from Lvr.

by the same individual who wrote Vsevolod's necrology in 1093: that is, the individual who edited the *Nachal'nyi svod*. Indeed, the third person of 1054's «бѣ бо любимъ ѿцмъ паче всеи братьи» appears to paraphrase the first person of 1093, «люблю та паче браи твоєи».

There is another important textual resonance that connects 1054 and 1073 indirectly to Vsevolod. In 1078, Vsevolod and Iziaslav faced a common enemy in Oleg Sviatoslavich and Boris Vseslavich. As Iziaslav agreed to join forces with Vsevolod, he says:

аще будетъ на причастье в Русскѣи земли· то ѿбѣма· аще лишена будевѣ то ѿба· азъ слою главу свою за та· и се рѣ оутѣши Всеволода [Lvt 200.27—201.2].

In the subsequent battle, Iziaslav was killed. Iziaslav's loyalty to his brothers is revisited a little later in the same entry of 1078, which records Iziaslav's extended speech to Vsevolod:

Всеволоду пришедшю· побѣжену к нему· не рѣ юму колико ѿ ваю прияхъ· не вдасть зла за зло· но ѿгѣши рѣ· келмаже ты брате мой показа ко мнѣ любовь· введе ма на столь мой· и наре ма старѣшину собѣ· се азъ не поману злобы первыи· ты ми еси братъ· а к тобѣ· и положю главу свою за та· еже и бы· не рѣ бо юму колико зла створиста мнѣ· и се нонѣ тобѣ са склочи· не рѣ се кромѣ мене· но на са перека печаль братню· показак любовь велику· свершак апла глща· оутѣшаите печальныи по истинѣ· аще что створилъ есть в свѣтѣ семь· етеро согрѣшеные· ѿдастьса юму· *занеже положи главу свою за брата своего· не желак болшее волости ни имѣныи хота болша· но [за] братню ѿбиду*¹⁵ (italics added).

Why does Iziaslav consider it his obligation to lay down his life for the brother? The answer is to be found in 1054. Immediately after the narrator tells us that Iaroslav issued his instruction, «заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братна· ни стонити», the chronicle reports that Iaroslav laid a special obligation on his eldest son Iziaslav:

рекъ Изаславу· аще кто хоцеть ѿбидѣти брата своего· то ты помагаи егоже обидать [Lvt 161.21—23]¹⁶.

In 1078, Iziaslav does exactly that, laying down his life to help his brother who has suffered injury. Someone has dared to «ѿбидѣти брата своего», in the words of 1054, and Iziaslav dies «за братню ѿбиду», in the words of 1078. Furthermore,

¹⁵ Lvt 202.26—203.12, «за» from Radziwiłł.

¹⁶ In Jubilees the eldest son receives the largest inheritance («And he divided all his possessions between the two on that day and he gave the larger portion to him that was the first-born» [Jubilees 36.12]), in 1054, the greatest obligation.

the chronicler responsible for 1078 refers to 1073 as well as to 1054: the praise for Iziaslav in 1078, «не желяк болшее волости ни имѣньк хота», resonates with and contrasts with the reproach of Sviatoslav in 1073, «Сѣослав же бѣ начало выгнанью браню желяк болшее власти» [LvГ 182.26—28]. Also, in 1078 Iziaslav is quoted speaking to a second person dual («створиста мнѣ»); at that point the actual addressee is Vsevolod, so the dual number echoes the dual number of Sviatoslav and Vsevolod, who did evil to Iziaslav in 1073 («сѣдоста на столѣ на Берестовомѣ»). Obviously, the discourse in 1078, which rationalizes Vsevolod's responsibility for Iziaslav's death, could not have been composed in an editorial episode in 1073. But 1078 as well as 1054 and 1073 could have been composed or edited during the Nachal'nyi svod of the 1090s.

What we have seen, then, is a nexus of language connecting 1054 and 1073, which announce the theme of the sanctity of the paternal distribution of patrimony among brothers, and a nexus of entries that praise or exonerate Prince Vsevolod (1054, 1073, 1078). Neither nexus could have arisen during an editorial episode in 1073. It is unlikely that the theme of the sanctity of patrimony, which dominates 1054 and 1073, was written in 1073, for two reasons: this discourse was based on Byzantine sources not yet assimilated as of 1073; and the language of 1073 resonates with other passages (980, 1015) edited during the Nachal'nyi svod. The nexus of entries praising or exonerating Vsevolod includes 1093 and 1078, which could only have been composed in the Nachal'nyi svod. But 1054, both in the testament («живуще в распрахъ и которающеса») and in the funeral («бѣ бо любимъ оцѣмъ паче всек братѣмъ»), also reeks of the Nachal'nyi svod, and the apology for Vsevolod in 1073 has the ethos of a period of chronicling favorable to Vsevolod, which is to say, the Nachal'nyi svod. Overall, the two nexuses of motifs must have been formulated in an editorial episode later than 1054 and 1073. That time could only be the Nachal'nyi svod at the beginning of the 1090s.

The entry of 1054, then, was edited during the Nachal'nyi svod, and so were the related entries of 1073 and 1078; the encomium of 1093 was composed by the same chronicler who edited the Nachal'nyi svod. This result, interesting in and of itself, is significant for two larger reasons, which can be framed in terms of Shakhmatov's approach to the issues (though the discussion is not intended as a polemic with Shakhmatov). The first issue has to do with the time when Byzantine texts became available and used by chroniclers. We know that one of the major texts, Sviatoslav's *Izbornik*, appeared in Kiev around 1073, but (as stated above) it could not have been used immediately on its arrival in Kiev. It would be used eventually, in the Nachal'nyi svod, or one and a half or two decades after 1073; that interval of time seems to be the sufficient time to assimilate a new set of texts. Shakhmatov was of course interested in determining when Byzantine texts were used in the history of Kievan chronicling. He documented that Byzantine texts

were used in the *Povest' vremennykh let* and possibly in the *Nachal'nyi svod*, though on the latter point, Shakhmatov's legacy is somewhat confusing. Shakhmatov claimed at several points that the *Nachal'nyi svod* did *not* make use of the chronicle of Hamartolos. Yet he did say that the *Nachal'nyi svod* used a «chronograph»¹⁷. And in his study of sources (published posthumously in 1940), he identified the list of ancient omens under 1065 as derived from Hamartolos. Because this list is found in *Nvg1*, it dates to the *Nachal'nyi svod*. Thus at least in the final years of his life Shakhmatov seems to have recognized that the *Nachal'nyi svod* did use Hamartolos and (by extension) other Byzantine sources. Stepping back from the question of Shakhmatov's position, the fact is that both the *Nachal'nyi svod* and the *Povest' vremennykh let* did use Byzantine sources, notably Hamartolos. But — and this ultimately was Shakhmatov's intuition — Byzantine sources were not used throughout the history of chronicling in Kiev and were not used earlier than the *Nachal'nyi svod*. That claim is impossible to prove directly; it may yet turn out that some part of the chronicle written before the *Nachal'nyi svod* will show evidence of quoting Byzantine literature. But we have just seen a case that looked as if it might be exactly an instance of this kind: Byzantine literature was cited in 1054 and 1073, but it turns out that these entries could not have been composed before the *Nachal'nyi svod*. Whenever this scenario plays out — a quotation from a Byzantine source that seems to date to an early time then turns out instead to date to the *Nachal'nyi svod* — it provides support for the hypothesis that Byzantine literature was not used earlier than the *Nachal'nyi svod*.

The second issue concerns the question of whether there was an editorial episode in 1073. Shakhmatov, having observed the similarity between 1054 and 1073, asks when 1073 and the surrounding entries were committed to writing. Shakhmatov notes that the entries of the 1060s include factual details that could not have been remembered after twenty years in the 1090s, for which reason, says Shakhmatov, these entries could not have been written down in the *Nachal'nyi svod* [Шахматов 1908: 420]. Shakhmatov then hypothesizes that 1054 and 1073 and the adjacent entries from 1061 through 1073 were compiled by the monk Nikon, who had just returned to Kiev from exile in Tmutarakan [Шахматов 1908: 420—424]. There is much that could be said about Shakhmatov's hypothesis, but two observations should suffice. First, for the same reason that the events of the 1060s could not have been compiled in the 1090s, the events of the 1060s and earlier could not have been written down all at once in 1073, since it is not likely that Nikon or his eyewitness sources could have remembered dates and events a decade or more after the events.

¹⁷ [Шахматов 1908: 6, 394—395]. Here Shakhmatov suggests that the *Povest' vremennykh let* used Hamartolos while the *Nachal'nyi svod* used another (not further identified) «хронографический источник» [Шахматов 1916: xxii].

Second, a more general issue is Shakhmatov's tacit assumption that factual narratives were recorded all at once, by a single scribe and his more general (again, tacit) assumption that the predominant mode of composition of the chronicle was compilation. In fact, there is good evidence that these events from 1050 through 1087 were not recorded all at once. Under 1050, the first date — day of the month and the month — for a mundane event is attested in the *Povest' vremennykh let*¹⁸. If one examines the different phrases used to express dates from 1050 through 1088 (up to the beginning of the *Nachal'nyi svod*), it is possible to define four segments: 1050—1060, 1061—1069, 1072—1076, 1077—1087 [Timberlake 2005]. Each segment has a distinct pattern of usage and therefore implies a distinct chronicler. This suggests that the events of those forty years were entered by as many as four chroniclers, each of whom, we can presume, recorded the salient events for each year as he learned them from eyewitness participants. The division into segments defined by the expression of dates does not fit with the period of activity of Nikon. Nikon's interval of interest supposedly extended from 1061 to 1073, but there is a boundary at 1072, and the next interval extends from 1073 through 1076; the bulk of this period and 1073 are then in different segments. It follows that a single scribe (such as Nikon) could not have been responsible for the period from 1061 through 1073. More generally, the entries from 1050 through 1087, which have the feel of «современные записи» (to use Shakhmatov's term), were written in an accretive annalistic fashion over an extended period of time, by a series of chroniclers. What we see in this extended period, and especially in 1054, 1073, and 1078, is text that has two layers, the earlier a factual narrative derived from reports of the *druzhina*, written down in an annalistic fashion, year after year, and the later a commentary imposed by a later editor in the 1090s.

Once we attribute the nexus of 1054, 1073, and 1078 to the *Nachal'nyi svod*, it would be misguided to hypothesize an editorial episode in 1073 to account for the similarity between 1054 and 1073. Strictly speaking, showing that a compilation in 1073 is misguided in this instance does not completely eliminate the possibility that there could have been an editorial episode in 1073. But, in the same vein as above, we have an instance here of editorial intervention that at first glance seems to support the hypothesis of a certain editorial episode, but on closer examination turns out not to be evidence for such an episode. Again, as with the possibility that

¹⁸ Not including here the date of Vladimir's death under 1015 in the encomium to Vladimir, an insert from the *Nachal'nyi svod*. Shakhmatov [Шахматов 1908: 432, *passim*] thought the dating of events began in 1061, but there is a date in the entry of 1050 in the Hypatian chronicle, which must be original (there is no reason why it would have been added decades later to the Hypatian chronicle). 1052 has a date in *Nvg1*; the narrative of the event, though not the date, is preserved in the *PVL*, and so the dating and the event must have been in the *Nachal'nyi svod*.

Byzantine literature was used earlier than the Nachal'nyi svod, potential evidence in favor of a hypothesis turns out to be counterevidence. That does not render the hypothesis of 1073 impossible, and it may turn out yet that there is evidence for an editorial episode in 1073. But the connections examined above point to the Nachal'nyi svod rather than to 1073, and this instance of frustrated evidence undermines Shakhmatov's hypothesis of an editorial episode in 1073.

And if we agree that there was, in all likelihood, no editorial episode in 1073, the Nachal'nyi svod becomes all the more important as the episode in which the chronicle as we know it took its characteristic shape. It was during the Nachal'nyi svod, and only then, that the understanding of the history of Rus in its relationship to divine providence was imposed on the chronicle.

If I may conclude on a personal note: although our friendship and collegial relationship began only «в послѣдняя времена», it is a honor and a pleasure for me to offer this essay to Viktor Markovich, to acknowledge my gratitude for hours of what have been for me gold-domed conversation on Hamartolos to Trollope and matters in between.

Источники

- EL = Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Вступит. ст., археогр. обзор и критич. аппарат подгот. О. В. Твороговым. СПб., 1999.
- Нур = Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Репр. воспр. изд.: М., 1995.
- Izb = Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. Т. 2. М., 1983.
- Jubilees = The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. With Introduction and Critical and Explanatory Notes to the Several Books. Vol. 2 / R. H. Charles, tr., ed., intr. Oxford, 1913.
- Lvr = Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1926. Репр. воспр. изд.: М., 1997.
- Nvg1 = Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. Репр. воспр. изд.: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.
- USb = Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Литература

- Вилкул 2003 — Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. № 11. 2003. С. 5—35.
- Гиппиус 1994 — Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения. Т. 3. Тез. и мат-лы симпозиума. М., 1994. С. 136—141.

- Еремин 1947 — *Еремин И. П.* Повесть временных лет. Л., 1947.
- Истрин 1920 — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг., 1920.
- Шахматов 1908 — *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Repr.: Russian Reprint Series. Vol. 59. The Hague; Paris, 1967.
- Шахматов 1916 — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Вводная часть: Текст. Примечания. Пг., 1916. Repr.: Slavistic Printings and Reprintings. Vol. 98. The Hague; Paris, 1969.
- Шахматов 1940 — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // Тр. Отд. древнерусской литературы. Т. 4. 1940. С. 11—150.
- Franklin 1982 — *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. Vol. 15. 1982. P. 1—27.
- Ostrowski 2003 — *Ostrowski D.* Introduction // The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. D. Ostrowski. Vol. 10. Pt. 1. Cambridge (Mass.), 2003. P. xvii—lxvi. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts.)
- Pennyman 1706 — *Pennyman J.* A Short Account of the Life of Mr. John Pennyman; with Some Writings &c. (Relating to Religious and Divine Matters.) Made Publick for the Weal and Benefit of All Mankind. 2nd ed. London, 1706.
- Timberlake 2001 — *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Рус. яз. в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 196—218.
- Timberlake 2005 — *Timberlake A.* Intervals of the Kiev Chronicle (1050—1110) // Zeitschrift für slavische Philologie. 64. 2005 (in print).

ТРАНСФОРМАЦИИ НЕЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ВИЗАНТИЙСКОГО «ШЕСТОДНЕВА» В ПЕРЕВОДЕ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО (Опыт количественного описания)

К. А. Максимович

ИРЯ РАН, Москва

Исследователи древнейших славянских переводов с греческого не раз обращали внимание на способы передачи греческих инфинитивных конструкций средствами славянского языка. Известно, что синтаксис инфинитива в греческом и славянском имеет мало общего — отсюда понятен научный интерес именно к переводу греческих инфинитивных конструкций, отсутствующих в славянском: *accusativus cum infinitivo*, *nominativus cum infinitivo*, субстантивированный инфинитив и субстантивированный *accusativus cum infinitivo* (в том числе в составе предложных сочетаний)¹. Наоборот, способы трансформации при переводе греческих причастий почти не привлекали внимания исследователей — вероятно, в силу презумпции функциональной идентичности причастий в греческом и славянском языке². Однако есть основания полагать, что при переводе греческих причастных и инфинитивных оборотов на славянский язык применялись весьма схожие переводческие приемы. Данное обстоятельство позволяет рассматривать такие обороты как единый тип *неличных* конструкций. В недавнем историко-филологическом

¹ Так, существуют отдельные наблюдения над переводами греческих оборотов *acc. c. inf.*, *acc. c. part.* и др. в евангелиях, Псалтыри и других старославянских памятниках [Pastrenek 1903; Horálek 1954: 159—166; Rothe 1960; Haderka 1964; Pasnerová 1964], «Хронографии» Иоанна Малалы, «Александрии» [Чернышева 2000], в «Иудейской войне» Иосифа Флавия [Höcherl 1970: 145—146]. Глава «*Problematika překládání řeckých účelových infinitivů v staroslověnštině*» из монографии Й. Курца [Kurz 1972: 70—79] посвящена трансформациям греческих целевых конструкций с субстантивированным инфинитивом.

² Монография Р. Вечерки об активных причастиях в старославянском языке [Večerka 1961] описывает собственно славянский узус, почти не уделяя внимания переводческой технике.

исследовании «Закона судного людем» нами был описан своеобразный переводческий прием, впервые опробованный в переводах славянских первоучителей. Речь идет о трансформации греческих *неличных* (инфинитных) конструкций (причастных и инфинитивных оборотов) в славянские конструкции с *личными* (финитными) формами глагола [Максимович 2004: 109—112].

Аналитическая обработка славянских памятников с этой точки зрения представляется весьма перспективной. Такой анализ может дать важную информацию об отличиях славянских переводческих школ не столько в отношении используемой лексики (литература об этом достаточно обширна), сколько в отношении грамматики (литература практически отсутствует). Необходимо в первую очередь обратить внимание на пропорцию трансформированных и нетрансформированных (калькированных и/или сохраненных) конструкций.

Рассмотрим вначале нетрансформированные конструкции. Предположим, что в некоем переводном тексте общее количество неличных конструкций равно w (очевидно, это число не обязательно должно равняться числу неличных конструкций W оригинала этого текста, поскольку однозначное соответствие между ними возможно только при идеальном буквализме перевода, который достижим лишь в теории). Число w складывается из числа w_1 неличных конструкций оригинала, воспроизведенных в переводе (такое воспроизведение не всегда может считаться калькированием, ср. [Максимович 2004: 111]), и числа w_2 неличных конструкций, созданных переводчиком и не восходящих к оригиналу. Отношение чисел w_1 и w_2 между собой и каждого из них к числу w может дать первичную информацию для количественного описания грамматики любого древнего перевода.

Аналогично можно поступать и с трансформированными конструкциями. Предположим, при переводе было сделано q трансформаций неличных конструкций в личные. Число q складывается из q_1 трансформаций инфинитивных оборотов, q_2 трансформаций причастных оборотов, q_3 , q_4 , q_5 ... прочих трансформаций. В свою очередь, каждое из слагаемых включает в себя трансформации пассивных и активных (медиальных) инфинитных форм. Подсчет и установление процентного соотношения таких трансформаций создает «статистический портрет» конкретного переводного текста и позволяет по мере накопления данных из других памятников помещать переводы с близкими характеристиками в рамки конкретных переводческих школ.

Наша статья, разумеется, не претендует на решение столь масштабной задачи. Цель работы гораздо скромнее — исследовать закономерности перевода греческих неличных конструкций на материале одного крупного пере-

водного памятника, принадлежащего ранней эпохе славянской книжности. В этом отношении «Шестоднев» (далее Шест.) в переводе Иоанна экзарха Болгарского (IX—X вв.) является как раз одним из наиболее подходящих объектов изучения³. Параллельно предпринимается попытка установить индивидуальные характеристики переводческой техники этого надежно атрибутированного текста, с тем чтобы использовать эти данные в сравнительных исследованиях переводческой техники других авторов и тем самым создать статистическую базу для истории древнейшего книжного языка славян. Разумеется, любые лингвистические исследования на материале древних текстов возможны только с привлечением текстологически корректных изданий. В этом отношении «Шестоднев» Иоанна Экзарха выгодно отличается от многих других памятников, поскольку существует его образцовое научное издание, подготовленное Р. Айтцетмюллером [Aitzetmüller I—VI]⁴. Из-за огромного объема материала и невозможности вместить его в рамки одной статьи все подсчеты пришлось ограничить первыми тремя томами издания.

Обозначим неличную конструкцию литерами NF (non-finite), а личную (лично-глагольную) — F (finite) (использование английских терминов носит условный характер). Тогда трансформация при переводе любой неличной конструкции в любую личную будет обозначаться как NF > F (ср. II, 275: *οἱ δὲ ταῦτα περὶ θαλάσσης λέγοντες* — иже се о мори глаголюхть); трансформация неличной активной конструкции в личную активную — NF_{act} > F_{act} (I, 75: *θεοῦ τὸ εἶναι, κτισμάτων δὲ τὸ γίνεσθαι* — богов бо ксть лѣпо присно быти, а зъданию бывати); трансформация неличной пассивной конструкции в личную активную — NF_{pass} > F_{act} (III, 207: *τοὺς ὑποχαιόμενους λέβητας ἐννοήσας* — егда котльль подъгниѣцахть); трансформация неличной пассивной конструкции в личную пассивную — NF_{pass} > F_{pass} (II, 225: *πάσης τῆς οὐσίας ... ἀπαναλωθείσης* — въ кдинъ съставъ все сѧ съкжта); трансформация неличной активной конструкции в личную пассивную — NF_{act} > F_{pass} (I, 65: *ἀκυβέρνητα καὶ ἀδιοίκητα εἶναι τὰ σύμπαντα (ἠπατήθησαν)* — вес правления и строкниа все имъ сѧ ксть сътворило). Соответственно при трансформациях личных конструкций в неличные обозначения меняются места: F > NF и т. д. Сохранение в переводе личной или неличной конструкции оригинала обозначается F > F (II, 225: *ἓνα γὰρ ὑποτίθενται οὐρανόν* — кдино бо

³ Важное значение трудов Экзарха для изучения синтаксиса древнейшего книжного языка славян подчеркивал, в частности, Х. Бирнбаум, специально изучавший инфинитивные и партиципальные конструкции в «Шестодневе» [Birnbäum 1971].

⁴ Том VII не учитывается, поскольку содержит словоуказатель, составленный Л. Садник. Далее при ссылках на это издание указывается только том (римская цифра) и страница.

мѣнати небо); $NF > NF$ (II, 259: *διαχωρίζον ἀνὰ μέσον ὕδατος καὶ ὕδατος* — раздѣляющіи посредѣ воды и воды). Безличные конструкции с инфинитивными оборотами обозначаются литерами IP (impersonal). Сокращения частей речи следуют общепринятой норме: adj., subst., part. и т. д.

При подсчетах не учитывались греческие неличные обороты с пассивными причастиями, т. к. материал дает основание полагать, что их регулярная трансформация в личные пассивные конструкции ($NF_{part.pass.} > F_{pass}$) связана с определенным насилием над славянским синтаксисом. Дело в том, что для славянского языка (и в книжно-письменном, и в разговорно-бытовом регистрах) пассивные лично-глагольные конструкции (F_{pass}) были менее характерны, чем для греческого⁵. Это явление было обусловлено, как представляется, структурно-морфологическими особенностями славянского глагола, в парадигме которого не было специальных личных форм пассивного залога, а пассивность выражалась иными (паллиативными) средствами: использованием глаголов с *сА* или сочетанием пассивных причастий (исконно отглагольных прилагательных) с личными формами глагола быти [Гавранек 1963; Иванова-Мирчева 1977: 46]. В силу того, что славянский язык не располагал особыми формами пассива в парадигме переходных глаголов, греческие конструкции с пассивными причастиями при переводе, как правило, не трансформировались в пассивные лично-глагольные (исключения: [II: 225] и, возможно, другие), а либо сохранялись (подавляющее большинство примеров), либо опускались [III: 221, 227, 251, 257 и др.], либо переходили в активные и возвратно-медиальные (личные и неличные). Яркие примеры трансформации греческих конструкций с пассивным инфинитивом в славянские активные демонстрирует материал древнейших евангелий и Супрасльской рукописи, исследованный К. Гадеркой [Haderka 1964: 521—522] (правда, автор не объясняет причин этого интереснейшего грамматического феномена). Полученные нами данные позволяют заключить, что в книжном славянском языке трансформация $NF_{part.pass.} > F_{pass}$ была затруднена или невозможна в отличие от $NF_{part.pass.} >$

⁵ Ср. нередкие в Шест. трансформации $F_{pass} > F_{act/med}$ и $NF_{part.pass.} > F_{act/med}$ — I: 17 (*τιμηθέντες* — почѣсть принимѣше), 23 (*ἐλάττω ὠφθη* — охочѣвъ прѣсѣхнѣ), 27 (*μὴ δαπανομένην* — *сА* не коньчактъ ни оскѣдѣктъ), 123 (*ἀπετυφλώθησαν* — ослѣпоша), 141 (*κινώμεθα... βαρυνόμεθα... φερώμεθα* — поидемъ... тажѣци ксѣмъ... поидемъ), там же (*τὸ ἠναγκασμένον* — кже по нжѣди бѣвактъ), 257 (*ἀριθμομένης* — чѣтемъ) и др.; II: 27 (*οὐκ ἐπίστεύθη* — не виша кмоу вѣрѣ ѡли), 29 (то же), 35 (*ἐξ ὧν ἐδοξάσθη* — нмѣже славно лице кмоу бѣстѣ), 37 (*δοξάζεται* — слава прикмактъ), 43 (*λυθῆ ἢ φλεθῆ* — изгоритѣ и растечетѣ *сА*), 45 (*λέγεται* — глаголютъ друзии), 49 (*στενομένην* — не провиктъ), 53 (*τοῦ γενομένου* — кгоже то хощешн вѣкоуцити), 89 (*κατηλλάγη* — простилъ бѣ), 93 (*τελεῖται* — вѣдетъ); III: 5 (*συνήπτο* — коупно то бѣ), 219 (*φαίνεται* 'кажется' — (мы) видимъ) и мн. др.

$NF_{part.pass.}^6$, $NF_{part.pass.} > Adj., Subst.^7$, $NF_{part.pass.} > NF_{part.act/med}^8$ или $NF_{part.pass.} > F_{act/med}^9$. Для партиципиальных конструкций с активными и медиальными причастиями ($NF_{part.act/med}$) подобного ограничения в выборе трансформации не существовало, поскольку в употреблении активных причастий, а также активных личных конструкций греческий и славянский узусы демонстрируют далеко идущий параллелизм (хотя и не полную идентичность). Поэтому в славянском равно возможны трансформации $NF_{part.act.} > F_{act}$, $NF_{part.act.} > NF_{part.act.}$, $F_{act} > F_{act}$. В силу сказанного, рассмотрение конструкций с пассивными причастиями ($NF_{part.pass.}$) создало бы неравные условия для подсчета трансформаций типа $NF_{part.pass.} > NF_{part.pass.}$ (предпочтительная) и $NF_{part.pass.} > F_{pass}$ (затрудненная). Для наших целей мы сочли допустимым производить подсчеты на материале греческих партиципиальных оборотов только с активными и медиальными причастиями, количество которых в оригинале Шест. вполне репрезентативно и достаточно для любых статистических операций.

Пассивные инфинитивные обороты, в отличие от причастных, напротив, учитывались наравне с активными, поскольку для этих конструкций, в отличие от партиципиальных, не характерна трансформация $NF > NF$ (т. е. калькирование или функциональный параллелизм). В самом деле, чуждые славянскому синтаксису греческие обороты асс. с. inf., ном. с. inf. и inf. subst. (субстантивированный инфинитив) у Экзарха (и вообще в ранней болгарской книжности), как правило, не калькируются, а заменяются эквивалентными безличными ($NF > IP$) или личными ($NF > F$) конструкциями. Это не относится к пассивному инфинитиву в составном глагольном сказуемом: простейшие функции инфинитива (в том числе функция предикатива) в славянском узусе

⁶ Ср. I: 19 (*ῥιπιζομένη... ἄουμένη* — мжтнмо... поривакмо), 21 (*μικχινόμεναι... σμικχινόμεναι* — продлѣжакми... окращакми), там же (*ἀρουμένη... σπειρομένη... φουτομένη* etc. — орема... стѣкма... садна etc.), 35 (*χορηγούμενον* — дамъ) и др.; II: 29 (*γνωρίζομενος... δοξαζόμενος* — знакмъ... славимъ), 35 (*δεδοξασμένη* — прославакно), 43 (*πεπληρωμένος* — исплѣненъ), 47 (*φουγόμενον* — искроботано соухостниж), 71 (*ὀρώμενος* — видимъ), 85 (*σαλεύομενα* — зъывакма), 91 (*θηρδαίς*, ошибочно вместо *δεχδαίς* — принатъ), 93 (*τὸ ῥηθέν* — глаголанок), 249(3) и др.; III: 145 (*τεταγμένον* — въчинкнъль), 161 (*ἀφωρισμένοις* — отължченъхъ), 167 (*τὸ συναγόμενον* — събърано, *ὑπερέτρημένοι* — раставакнъ), 169 (*συναλασθέντος* — съгнанѣ съвъвши), 235, 241, 247 и др.

⁷ I: 223 (*ὀφειλομένην* — подовьно); II: 41 (*ῥηαιωμένος... κεχαυωμένος* — рѣдѣкъ... слабъ); III: 155 (*ἐπιζητηθέντων* — въпросж), 157 (*τοῖς κτιζομένοις* — зъданию), 183 (*ἀναμειγμένην* — съмѣсьнж), 215 (*οἱ πεπλανημένοι* — прѣльстѣнници), 223 (*τῶν φουμένων* — садъ); 229 (*τοῖς ἀρχομένοις* — повнннъимъ), 239 (*βαρυνόμενος* — зѣво тжжъка), 271 (*διηρημένα* — разънага, *ἐκτεταμένοι* — въскоко).

⁸ I: 69, 251, 253; II: 31, 45, 217, 227, 259, 267, 279; III: 155, 161, 181, 199, 201, 223, 227, 231, 237, 243, 251, 267(2), 269, 281, 291, 295.

⁹ II: 237; III: 169, 207(2), 221, 223, 227, 251, 275(3), 279(2), 291, 305.

были полностью параллельны греческому, а потому трансформации $NF > F$ или $NF_{pass} > NF_{act}$ были необязательны. Впрочем, и здесь иногда наблюдаются колебания в залоге — так, в одном месте трансформация $NF_{inf.pass.} > NF_{inf.pass.}$ (*ἔδει δευδῆναι* > **вѣаше подоба павити сѧ**), повторившись дважды, уступает место трансформации $NF_{inf.pass.} > NF_{inf.act.}$: **вѣаше подоба показати** [II: 23, 25]; в другом месте греческий медиальный или пассивный инфинитив при переводе без видимых причин трансформируется в активный инфинитив или причастие: I: 135 (*ἔπρεπε... τοῖς... σώμασιν... περιέχεσθαι* > dat. c. inf. act. **подоба вѣаше... тѣлесемъ... имѣти**); *οὐ δύναται... ἀντιλαμβάνεσθαι* ‘не может восприниматься’ > **не можетъ... разоумѣти** [II: 53]; *ἱεροσύνην ἐνδύσασθαι* ‘облечься в священство’ > **икреискжж имѣти чьсть** [II: 67], *τὴν Ἱερκαλίαν οἴονται τινες καὶ τὴν Κασπίαν περιγεγράφαι καθ’ ἑαυτάς* > **мьнать же дрозжин** **Урканьскок кзеро и Каспинскок кзеро о севѣ стоуще** [III: 179] и т. п.

Инфинитивные конструкции, подобно participialным, демонстрируют в двух языках некоторую асимметрию. Так, если в греческом пассивный инфинитив свободно употребляется в обороте асс. с. inf., то славянский синтаксис предпочитает в эквивалентной (не калькированной) конструкции IP + dat. c. inf. активный (иногда возвратно-медиальный) инфинитив ($NF_{inf.pass.} > IP_{inf.act./med.}$)¹⁰. Греческий пассивный инфинитив может в переводе трансформироваться в активный, меняя тем самым всю конструкцию — ср. трансформацию асс. с. inf. с пассивным инфинитивом в предикативный активный инфинитив: *οἰκονομήσας μικρὰ ταῦτα λεχθῆναι* букв. ‘устроив таковое малое быть сказанным’ > **χοῦδαа** (в изд. *χοῦδαα*) **си словеса оустроилъ изглаголати** (II: 287); трансформация той же (но субстантивированной) греческой конструкции с пассивным инфинитивом в субстантивированный активный инфинитив: *τὸ εἶσω τῶν ὄρων περιγεγράφαι τὴν θάλασσαν* — **кже вѣнжтръ прѣдѣлъ описати** **море** (III: 161). Таким образом, у Экзарха наблюдается тенденция к исключению пассивных форм не только в личных конструкциях, но и в инфинитивных оборотах. Наконец, в связи с неразвитостью славянского лично-глагольного пассива (ср. выше) в личных конструкциях Шест. содержит активные глагольные формы там, где в греческом асс. с. inf. используется пассивный инфинитив (трансформация $NF_{inf.pass.} > F_{act}$)¹¹.

¹⁰ Ср. I: 125, 131, 135, 139; II: 81; III: 243 (исключения — I: 125, 139; II: 85).

¹¹ Ср. I: 131 (*ἔδει* + acc. c. inf. pass. > **вѣсть подоба** + inf. act.), 217 (acc. c. inf. pass. > F_{act}), 219 (то же), 261 (*ᾧστε* + acc. c. inf. pass. > F_{act}), 263 (*ᾧστε* + acc. c. inf. pass. > да + F_{act}), 265—267 (*ᾧστε* + acc. c. inf. pass. > **нъ** + F_{act}); II: 31 (nom. c. inf. pass. > F_{act}), 225 (acc. c. inf. pass. > F_{act}), 233 (nom. c. inf. pass. > F_{act}) и др. (исключения: II: 233(2), 237). Иногда греческий (медιο-)пассивный инфинитив трансформируется при переводе в активное причастие — ср. II: 165 (acc. c. inf. med.-pass. > acc. c. part. act. — 2); III: 179 (то же — 2).

І. Партиципиальные конструкции

Part. act./med. К этой группе отнесены также причастия от отложительных глаголов типа *βούλομαι*, *δέχομαι*, *δύναμαι*; учтены gen. abs. и другие причастные обороты, а также перевод активного причастия именем существительным¹² и прилагательным¹³; не учтен перевод имен причастиями¹⁴. Ссылки даются на страницы в издании Р. Айтцетмюллера (исключительно нечетные номера страниц объясняются особенностями издания). Номера повторяются в тех случаях, когда на одной странице находилось несколько разных синтаксических конструкций, на которые мы сочли нужным специально указать в скобках — например, (gen. abs.), (acc. c. part.), (part. conj. = participium conjunctum) и т. п. Если конструкции были однотипные, мы просто указывали в скобках их количество — (2), (3) и т. п. В случае двойных помет типа (gen. abs. > dat. abs.) первая часть обозначает конструкцию греческого оригинала, а вторая — ее славянский эквивалент.

ЛИЧ. — I: 9, 19, 27 (gen. abs. — 2), 37(3), 41(2), 51 (gen. abs. — 2), 59 (gen. abs.), 59, 65, 67(2), 69, 79, 87, 103, 105, 115, 123(2), 129(3), 133, 135, 137, 139 (gen. abs.), 141(3), 143 (gen. abs.), 143, 213, 221(2), 223, 227(4), 229, 231, 233, 243(2), 245(2), 249, 251, 257(2), 259(2), 263(2), 269(2); II: 1, 21, 29, 45, 49, 81, 83, 91(2), 183, 187, 217, 219, 221, 225(2), 229, 233, 243, 249 (gen. abs.), 257(2), 259, 261, 263, 267, 275(3), 279, 281, 283(2), 285; III: 25, 37, 147, 149, 151(2), 155—157, 157, 159(4), 163, 165(2), 167, 169, 171, 173, 179(2), 185, 195, 197(2), 197 (gen. abs.), 203 (gen. abs.), 207(2), 213, 217(3), 219, 221, 227, 233, 243, 247, 253, 257, 259, 263, 265, 267, 273, 279(3), 281(2), 283(3), 291, 295, 305(3).

ПРИЧ. — I: 7(3), 9, 19, 21(2), 23, 25, 27 (gen. abs. > dat. abs. — 3), 29 (gen. abs. > dat. abs. — 2), 33(8), 35(8), 37, 39(3), 41(3), 55, 59(2), 65(2), 67(3), 69(2), 69, 75(4), 77(2), 79(3), 87(2), 89(5), 91(2), 93, 97, 99 (gen. abs.), 103, 105(2), 107, 109 (gen. abs. — 4), 111, 111 (part. conj. > dat. abs.), 113(2), 115(3), 117(3), 121, 123(3), 125(3), 127(2), 131(2), 133(4), 135(2), 137(2), 143, 149, 165, 179(2), 191, 213 (part. conj.), 219, 221(4), 225(2), 229, 235(5), 237 (acc. c. part. > acc. c. part.), 237, 243, 245, 247(2), 251 (gen. abs. > dat. abs.), 251(2), 255, 263(3), 265, 269; II: 5 (part. conj. — 2), 19, 25, 27(2), 29(2), 31(6), 33(2), 35, 37(3), 39(3), 41(2), 45(2), 47, 51, 67(3), 69(2), 71(3), 75, 83(4), 85 (gen. abs. > dat. abs.), 89(2), 89 (gen. abs. > dat. abs.), 91(5), 91 (gen. abs. > dat. abs.), 95(2), 105, 169, 185, 187, 191, 207(3), 217(2), 219(2), 227(2), 229, 231, 235, 237(2), 239(4), 241, 241 (gen. abs. > dat. abs. — 2), 245, 249, 251—253, 253(2), 255, 259(2), 261(4), 263, 265

¹² I: 221 (отгл.); II: 35, 271; III: 3(2), 209, 249 (отгл.), 303.

¹³ I: 223(2), 227, 243, 259; II: 83, 241, 287, 289; III: 173, 177, 181, 185(2), 189(2), 193, 197, 199, 210, 225, 227, 253, 255, 263, 265, 297, 301, 303.

¹⁴ I: 37.19, 20; II: 37, 83 и др.

(gen. abs. > dat. abs.), 265, 267 (acc. c. part. > acc. c. part.), 269(2), 271(2), 273 (acc. c. part. > acc. c. part. — 3), 273 (gen. abs. > dat. abs.), 275 (род. приименный > dat. abs. — 2), 275 (gen. abs. > dat. abs.), 275, 277 (род. приименный > dat. abs.), 277(2), 279 (gen. abs. > dat. abs. — 2), 279, 281 (gen. abs. > dat. abs. — 2), 283(3), 283—285, 285(3), 287 (part. subst. > **нже** + эловое причастие без связки — 2), 289; **III**: 1, 9, 77(2), 143(3), 145(5), 147(2), 149(2), 151(3), 155, 157(2), 161(5), 163(3), 165, 173(2), 173 (gen. abs. > dat. abs.), 175 (part. act. > **въ немъже** + эловое причастие с **сѧ** без связки), 179, 183(2), 187, 191, 193 (part. conj. > part. conj. — 2), 193, 195 (part. conj. > part. conj.), 195 (gen. abs. > dat. abs. — 2), 195(2), 197(2), 197 (part. attr. (nom. sg.) > dat. abs.), 199, 201(5), 205, 207(3), 209(3), 211(4), 211, 213(4), 215(2), 217, 219(2), 221, 223 (gen. abs. > part. conj.), 223(5), 225(2), 227(3), 229, 231, 233(2), 235(3), 235 (gen. abs. > dat. abs.), 237 (то же), 237, 241, 243, 245(3), 247(2), 249, 251, 253(3), 255, 255 (part. conj. > part. conj. — 2), 257, 261, 263(3), 265(4), 267(3), 269, 273, 275(2), 281, 283, 297, 299(3), 301(2), 303(3), 305(2).

ПРИЛ.: **I**: 223(2), 227, 243, 259; **II**: 83, 241, 287, 289; **III**: 173, 177, 181, 185(2), 189(2), 193, 197, 199, 210, 225, 227, 253, 255, 263, 265, 297, 301, 303.

СУЩ.: **I**: 221 (отгл.); **II**: 35, 271; **III**: 3(2), 209, 249 (отгл.), 303.

ИНФ.: **III**: 281(2).

ФРАЗА: **II**: 209; **III**: 291 (part. med. > придаточное следствия: да + **IP** + inf.: *ἐμφανίζομενα* 'виднеющиеся (о мелких насекомых в янтаре)' — **ДА ЗНАТИ Ъ КСТЪ**).

Пропуск причастия при переводе (некоторые примеры): **I**: 19, 21, 31, 35, 143, 224, 233, 249; **II**: 27, 41, 53, 217, 233, 235, 239(2), 265(2); **III**: 117, 143, 153(2), 157, 163(2), 169, 177, 193, 195, 205, 209, 221, 229, 235, 253, 259, 295 (уравновешивается многочисленными случаями употребления причастий без соответствия в оригинале, ср. ниже).

Добавление причастия при переводе (некоторые примеры): **I**: 133, 143, 239(2), 247, 249, 251, 253, 255 (acc. c. part.), 257 (part. conj. — 2); **II**: 1 (part. conj. — 3), 29, 33 (acc. c. part.), 45, 49; **III**: 143 (part. conj.), 163 (part. conj.), 231, 281.

II. Инфинитивные конструкции

Inf. (учитывались греческие конструкции acc. c. inf., nom. c. inf., dat. c. inf., inf. subst., предложные конструкции).

ЛИЧ. (придаточные дополнительные, следствия, цели и т. д.): **I**: 7(3), 11, 25, 27, 57 (*ᾠσθη* + inf.), 59 (acc. c. inf.), 65 (то же), 75 (inf. subst. — 2), 91 (то же), 99 (acc. c. inf.), 109 (целевое *ὑπέρ* + acc. c. inf.), 125 (inf. subst. > inf. praedic. при мод. гл.), 135 (acc. c. inf.), 137 (inf. subst.), 139 (acc. c. inf.), 139

(inf. subst.), 141 (субст. асс. с. inf.), 217, 219, 225 (ὄσπε + inf.), 233 (субст. асс. с. inf.), 239(2), 241 (асс. с. inf.), 245 (то же), 249 (ὄσπε + inf.), 261 (ὄσπε + асс. с. inf.), 261—263 (ὄσπε + асс. с. inf. > да + F), 265—267 (ὄσπε + асс. с. inf. > нѣ + F), 267 (inf. subst.); II: 31 (nom. с. inf.), 91 (inf. praedic. в целевом значении > придаточное цели), 165 (асс. с. inf.), 225 (асс. с. inf.), 227(3), 233 (nom. с. inf.), 233 (асс. с. inf.), 233 (subst. асс. с. inf.), 235, 237 (subst. асс. с. inf.), 241 (асс. с. inf.), 243 (ἔδει + асс. с. inf. > да + F), 245 (то же), 249 (subst. асс. с. inf.), 251 (асс. с. inf.), 253 (то же), 263 (то же), 265 (то же), 269 (ὡς + асс. с. inf. > **ѡкоже** + F), 269 (асс. с. inf. > **ѡкоже** + F), 269 (subst. асс. с. inf. — 2), 269—271 (inf. subst.), 275 (асс. с. inf. > именное предложение с пропуском сказуемого!), 275 (асс. с. inf. > бессоюзное дополнительное придаточное), 279, 287 (ὄσπε + inf. > да + целевое придаточное), 287 (ὄσπε + inf. > **то** + придаточное следствия — 2), 289 (ὄσπε + асс. с. inf. > да + придаточное цели); III: 153, 153 (nom. с. inf. > да + придаточное дополнительное), 155 (πρίν + асс. с. inf. > **донѣдеже** + придаточное времени), 157 (nom. с. inf. > IP + dat. с. inf.), 161 (ἔδει + асс. с. inf. > **подоба бѣаше** + dat. с. inf. — 3), 163 (nom. с. inf. > IP + dat. с. inf.), 165, 177 (асс. с. inf.), 185 (inf. subst.), 205 (διά + inf. subst. > **нмѣже** + F), 211 (асс. с. inf.), 219 (то же), 235 (ὄσπε + inf. — 2), 237 (то же), 247 (πρίν + асс. с. inf. > придаточное цели), 251 (асс. с. inf.), 265 (то же), 279(3) (то же), 281 (то же), 303.

БЕЗЛ.: III: 303.

ИНФ.: I: 13, 17, 99, 121, 125 (ἀνάγκη + асс. с. inf. > **нѣжда** + dat. с. inf.), 131, 135 (dat. с. inf. pass. > dat. с. inf. act.), 139 (ἀνάγκη + асс. с. inf. pass. > **нѣжда кстѣ** + dat. с. inf. act.), 139 (асс. с. inf. pass. > dat. с. inf. pass), 185, 223 (χρηί + асс. с. inf. > **кстѣ** 'можно, должно' + dat. с. inf.), 235—237 (inf. subst. > **ѡкоже** + inf. — 7), 241 (ὄσπε εἶναι > **ѡкоже бѣти**), 265 (субст. инф. > **кже** + инф.); II: 75 (асс. с. inf. при δεῖ > dat. с. inf. при **подоба**), 81 (δέον + асс. с. inf. pass. > **подоба бѣ** + dat. с. inf. act.), 85 (ἀνάγκη + асс. с. inf. pass. > **нѣжда кстѣ** + dat. с. inf. pass.), 165 (асс. с. inf. > dat. с. inf. при **подоба**), 183 (ἀνάγκη + асс. с. inf. > **нѣсть лѣзѣ** + dat. с. inf.), 245 (ὄσπε + асс. с. inf. > **ѡкоже** + dat. с. inf.), 273 (то же), 273 (асс. с. inf. > dat. с. inf.!), 287 (асс. с. inf. pass. > inf. predic. act.); III: 1 (δεῖ + асс. с. inf. > **подоба ктѣ** + dat. с. inf.), 145 (асс. с. inf. > inf. subst.), 161 (subst. асс. с. inf. pass. > **кже** + subst. inf. act.), 171 (ἔδει + асс. с. inf. med.-pass. > **бѣсть подоба** + dat. с. inf. med.), 173, 191 (субст. инф. > **ѡкоже** + асс. с. inf.), 199 (асс. с. inf. > асс. с. inf.), 203 (ὡς + inf. > **ѡкоже** + inf.), 207 (ἔστιν ἰδεῖν > **видѣти кстѣ**), 221 (асс. с. inf. > асс. с. inf.), 233 (асс. с. inf. > IP + dat. с. inf.), 235 (ὄσπε + inf. > **ѡкоже** + inf. — 2), 243 (асс. с. inf. > IP + dat. с. inf. — 2), 287 (ὄσπε + inf. > **ѡкоже** + inf. — 3).

ПРИЧ. (в славянском обычно конструкция асс. с. participio): I: 25 (в греч. асс. с. inf.), 71 (то же), 103 (то же), 111 (то же), 113 (inf. subst. > **кже** + part.!), 121 (асс. с. inf. — 2), 219 (асс. с. inf.), 265 (inf. subst. > part. conj.); II: 165 (асс.

с. inf. med.-pass. > acc. с. part. med.-pass.), 165 (acc. с. inf. med.-pass. > acc. с. part. act. — 2), 223 (*ωστε* + inf. > *αко* + dat. abs.), 227 (acc. с. inf. > acc. с. part.), 239 (*ως* + inf. > *αкоже* + dat. abs.), 267 (acc. с. inf. > acc. с. part.), 269 (то же), 273, 279 (acc. с. inf. > acc. с. part.); III: 1, 179 (acc. с. inf. > acc. с. part. — 2), 197 (то же), 199 (то же), 213 (то же), 215.

ОТГЛ. СУЩ.: I: 77, 93, 127, 221 (в греч. *πρίν* + inf.); II: 97 (в греч. *πρό* + inf. — 3), 233 (в греч. nom. с. inf.), 267 (в греч. inf. subst.); III: 153 (в греч. inf. subst.), 159 (то же), 185 (то же), 195 (то же), 211 (то же), 239 (в греч. субст. acc. с. inf.), 249 (в греч. acc. с. inf.), 261 (в греч. inf. subst.).

Передача в Шест. греческих конструкций с активными причастиями

общее число переведенных конструкций	лич. (NF > F)	прич. (NF > NF)	инф. (NF > NF)	сущ.	прил.	фраза
606	154 (26 %)	411 (68 %)	2 (0,3 %)	8 (1,3%)	29 (5 %)	2 (0,33 %)

Передача в Шест. греческих инфинитивных конструкций

общее число	лич.	инф.	прич.	безл.	отгл. сущ.
181	90 (50 %)	47 (26 %)	26 (14 %)	1 (0,6 %)	17 (9,4 %)

Подсчеты калькированных конструкций требуют некоторого комментария. Мы не относили к калькам конструкцию «дательный самостоятельный» (dat. abs.), поскольку не доказано, что эта конструкция была чужда славянскому (диалектному) синтаксису — наоборот, типологические параллели (в частности, наличие оборота «дательный самостоятельный» в балтийских языках, а также в готском) свидетельствуют скорее в пользу исконности данной конструкции в (пра)славянском, ср. [Stanislav 1934: 1; Birnbaum 1971: 40—41]. Строго говоря, не является калькированной и славянская конструкция acc. с. part. — в тексте Шест. она сплошь и рядом передает не греческий acc. с. part., как можно было ожидать, а конструкцию acc. с. inf. [Birnbaum 1971: 43, 45]¹⁵.

¹⁵ Причину такой трансформации К. Гадерка видел в том, что славянский инфинитив, в отличие от греческого, не имел перфектных форм, а потому не мог выражать действие, предшествующее действию управляющего глагола. Наоборот, наличие в славянском языке причастий прошедшего и настоящего времени позволяло решить эту задачу [Haderka 1964: 522—523]. Несмотря на оригинальный и остроумный характер предложенного К. Гадеркой объяснения, оно оставляет в стороне способность

Передачу греческого асс. с. inf. в безличных модальных конструкциях посредством dat. с. inf. также едва ли можно считать калькой в строгом смысле этого термина. К. Гадерка рассматривает эту славянскую конструкцию как «собственное средство» старославянского языка, возникшее под влиянием «иноязычного импульса» [Haderka 1964: 531]. Однако приведенный им большой материал славянских рукописей позволяет объяснить эту конструкцию из собственно славянского языкового развития. Так, согласно убедительной гипотезе Гадерки, первоначально дат. п. в этой конструкции зависел от глагола, требующего косвенного дополнения в дат. п. (тип **повелѣти, вѣровати** и т. п.). Как пишет сам автор, «конструкция дат. с инф. возникла из тех оборотов, в которых дополнение управляющего глагола в дательном падеже является субъектом действия, называемого инфинитивом» [Там же: 513]. В первоначальной конструкции, состоящей из дат. п. косвенного объекта при сказуемом и предикативного инфинитива (**повели ми отъврѣци сѧ** — Лк IX: 61), связь между объектом и сказуемым постепенно трансформировалась в связь объекта в дат. п. и инфинитива, т. е. в особый оборот dat. с. inf. (**тримн жзгыкы ксть бѣ повелѣлъ книгамъ быти** — Храбр.). Подобная синтаксическая эволюция не предполагает обязательного «иноязычного импульса», тем более что ее следы отмечены в живых западнославянских языках [Там же].

Наоборот, допустимо считать кальками конструкции **іакоже** + inf. с дательным агента, даже если у нее нет ожидаемого греческого соответствия *ὡς* + асс. с. inf. (I: 227, 243, 253, 259) и **іакоже** + inf. на месте греческого inf. subst. (I: 235—237 — 7). Данные кальки можно считать *нормативными* в том смысле, что они уже укоренились в языке и могли использоваться независимо от оригинала, в отличие от *калек* *оказаиональных*, мотивированных конструкцией переводимого греческого текста.

Кальки партиципальные — 4: I: 255 (*ὡς* + gen. abs. > **іакоже** + dat. abs.); II: 95 (*μὴ διαλείπωμεν ἀγιάζοντες* — **не прѣстанимъ свѣтаще**), 279 (*ὡς* + gen. abs. > **іакоже** + dat. abs.); III: 269 (*παύομαι* ‘прекращаю’ + part. > **прѣпочивати** + part.).

Кальки инфинитивные — 31: I: 19 (*ἔστιν ἰδεῖν* > **видѣти ксть**), 99 (*ὡς* + inf. > **іакоже** + inf.), 121 (*φάσκοντες εἶναι* > **глаголюще сѧ быти**), 185 (*ὡς* +

славянского языка передавать предшествование при помощи личных конструкций и, как следствие, необязательность замены греческого инфинитива славянским причастием. Кроме того, в славянских конструкциях асс. с. part. причастие используется не только для передачи предшествующего действия (прич. пр. вр.), но и для передачи одновременного действия (прич. наст. вр.), о чем гипотеза Гадерки также умалчивает. Таким образом, вопрос о подлинных причинах трансформации греческого асс. с. inf. в славянский асс. с. part. пока остается без ответа.

φαίνειν > **ѡкоже свѣтити**), 235—237 (inf. subst. > **ѡкоже** + inf. — 7), 241 (*ῥωστε εἶναι* > **ѡкоже бѣти**), 265 (inf. subst. > **ѡже** + inf.); III: 145 (acc. c. inf. > inf. subst.), 161 (subst. acc. c. inf. pass. > **ѡже** + inf. act.), 191 (субст. инф. > **ѡкоже** + acc. c. inf.: *δύναμις... τοῦ ἀναμιχρῆσαι ἑκάστῳ πρὸς ἑκάστον* — **ѡкоже нзмѣсити сѧ кождо кѣ кождоуждо**), 199 (acc. c. inf. > acc. c. inf.), 203 (*ὡς* + inf. > **ѡкоже** + inf.), 207 (*ἔστιν ἰδεῖν* > **видѣти кѣтъ**), 221 (acc. c. inf. > acc. c. inf.), 235 (*ῥωсте* + inf. > **ѡкоже** + inf. — 2), 287 (*ῥωсте* + inf. > **ѡкоже** + inf. — 3), 291 (part. med. > придаточное следствия: *да* + IP + inf.: *ἐμφαινόμενα* ‘виднеющиеся (о мелких насекомых в янтаре)’ > **да знати ѡ кѣтъ** — нормативная калька с греч. *ἔστιν ἰδεῖν*, ср. I: 19; III: 207); 297 (*ἴδοις ἄν* > **видѣти кѣтъ**) (то же) + **ѡкоже** + inf. с дат. агента без греческого соответствия *ῥωсте* + acc. c. inf. — I: 227, 243, 253, 259 (*ὡς* + gen. abs.).

Партиципиальные кальки

Общее число переведенных причастных оборотов	Из них калек	Пропорция калек к общему числу переведенных оборотов
606	4	0,7 %

Инфинитивные кальки

Общее число переведенных инфинитивных оборотов	Из них калек	Пропорция калек к общему числу переведенных оборотов
181	31	17,1 %

Таким образом, надежно установленных синтаксических калек (то есть конструкций, однозначно чуждых славянскому синтаксису) в первых трех томах Шест. немного — всего 35 случаев, или 4,4 % от общего числа учтенных неличных оборотов с греческими соответствиями¹⁶.

Подавляющий перевес инфинитивного калькирования над партиципальным объясняется природой кальки — она воспроизводит чуждую конструкцию. Между тем именно инфинитивные конструкции греческого языка являются наиболее чуждыми для славянского синтаксиса (ср. вступление к статье и выводы ниже).

К синтаксическим можно добавить окказиональную морфологическую кальку-причастие, ср.: *γινόμενον* > **бѣвакмо** (обычная для Шест. основа — **бѣвакѣц-**) [III: 211].

¹⁶ Х. Бирнбаум полагал, что Экзарх не калькировал греческий оборот acc. c. inf. [Birnbbaum 1971: 42]. В действительности такие кальки в Шест. встречаются, хотя и очень редко, ср. [III: 199, 221].

Изложим выводы работы.

1) Данные Шест. показывают, что Иоанн Экзарх охотно воспроизводит греческие причастные конструкции (68 % всех случаев — в том числе *part. conjunctum*), но гораздо реже поступает так же с инфинитивными оборотами (25% случаев). Специальные инфинитивные обороты греческого языка (*асс. с. inf.*, *пом. с. inf.*, субстантивированный инфинитив, субстантивированный *асс. с. inf.*, инфинитив при союзах *πρίν* 'прежде чем' и *ὥστε* 'так что') передаются в славянском переводе, как правило, другими глагольными формами или отглагольными существительными; наоборот, инфинитив в своей обычной функции (при модальных глаголах и в безличных конструкциях, в том числе с дательным агенса) используется в Шест. без ограничений. Причину этого можно видеть в синтаксической асимметрии исходного (греческого) и переводящего (славянского) языков — в позднепраславянском синтаксисе, вероятно, имелись аналоги почти всех греческих причастных оборотов, зато аналоги большинства греческих инфинитивных конструкций отсутствовали. Системная неразвитость славянского инфинитива по сравнению с греческим¹⁷ вынуждала переводчика постоянно отклоняться от оригинала и прибегать к альтернативным средствам, которые имелись в его родном языке, — прежде всего к замене неличных конструкций личными ($NF > F$). Соответственно, в случае с Иоанном Экзархом налицо системная ориентация на выразительные средства переводящего языка, характерная для тех переводов, которые в теории перевода принято называть адекватными, а в литературной критике — удачными¹⁸. Процент калькированных конструкций, позволяющих говорить о влиянии греческого синтаксиса, чрезвычайно мал (см. п. 4).

2) Ограниченность арсенала инфинитивных конструкций в славянском приводила к тому, что Иоанн Экзарх часто переводит инфинитив причастием, но никогда — причастие инфинитивом¹⁹. Вместо греческого *асс. с. inf.* в

¹⁷ Х. Бирнбаум характеризует русский инфинитив как «совершенно беспризнаковый» (*absolut merkmallos*) [Birnbau 1971: 40]. Такая характеристика частично оправдана только в отношении книжного стиля; в разговорном русском языке функции инфинитива весьма разнообразны, ср. [Потебня 1958: 335—430; Спринчак 1960: 172—181].

¹⁸ Убедительное доказательство этого тезиса дано в блестящем исследовании А. Леграйд [Læg Reid 1966], которая отметила многочисленные случаи сохранения в труде Экзарха греческих риторических фигур и не менее многочисленные случаи отклонения от оригинала.

¹⁹ Единственное исключение, которое удалось найти (III: 281), объясняется очень вольным переводом греческой конструкции *асс. с. part.* славянским придаточным с инфинитивом в предикативной функции при гл. *начати*, не имеющем греческого соответствия.

Шест. широко используется другая неличная конструкция — асс. с. part., в том числе без опоры на греческий оригинал (I: 153, 155, 189, 213, 217 и др.). В принципе нельзя исключать ее проникновение в славянский книжный синтаксис под греческим влиянием [Virtbaum 1971: 43, 45].

3) Данные Шест. позволяют сформулировать следующее ОБЩЕЕ ПРАВИЛО теории перевода: *если синтаксис перевода демонстрирует регулярное отклонение от оригинала при отсутствии аналогичных конструкций в языке оригинала (т. е. в исходном языке), то данное синтаксическое явление отражает разговорно-бытовой узус переводящего языка. Это правило действительно для любых переводов — как древних, так и современных. В лексике правило действует лишь ограниченно, поскольку лексико-семантическое отклонение от оригинала может отражать индивидуальную (в том числе ошибочную) интерпретацию или терминологическое творчество переводчика без всякой связи с бытовым узусом, ср. семантические трансформации при адаптирующем, замещающем и обобщающем типах перевода [Максимович 2004: 40—47].*

СЛЕДСТВИЕ ИЗ ПРАВИЛА: *при значительном объеме перевода и наличии большого числа единообразных отклонений от оригинала, поддающихся статистической обработке, исследуемый переводной текст может быть источником для изучения не только книжного, но и разговорно-бытового узуса²⁰.*

Данный вывод подтверждается материалом не только Шест., но и других славянских (древнерусских) книжных памятников. Так, в недавней монографии В. М. Живова сформулировано важное теоретическое правило о том, что нормализация в книжном языке не распространяется на синтаксис и лексику. «В силу этого синтаксическое построение текста и наполняющий его лексический материал оказываются куда более непосредственно связанными с коммуникативной установкой текста, чем в современных литературных языках с их нормативным синтаксисом и словарем» [Живов 2004: 49]. Таким образом, отсутствие (строгой) нормативности в синтаксисе книжных памятников облегчает проникновение в них диалектно-разговорных элементов. Ср. вывод К. Гадерки, основанный на анализе огромного фактического материала старославянских текстов: «Переводчики древнейшего периода старославянского языка бережно относились к своеобразным чертам, свойственным славянскому синтаксису, и не колебались отступать от подлинника» [Haderka 1964: 531].

4) Кальки с греческого в Шест. немногочисленны (4,4 % от общего числа переведенных конструкций). Их анализ показал, что чаще всего калькирова-

²⁰ Этот подход плодотворно использован в работе [Минчева 1985].

лись не партиципальные, а инфинитивные конструкции; среди последних, в свою очередь, наиболее распространены кальки субстантивированного инфинитива и консекитивного оборота с *ὡςτε* (*ὡς*) + inf.²¹

5) Чрезвычайное разнообразие в переводе ограниченного набора греческих неличных конструкций характеризует перевод Шест. как творческий и весьма свободный. Даже в тех местах, для которых найдены греческие образцы, перевод изобилует авторскими вставками и пропусками и часто сбивается на вольный пересказ оригинала — ср. I: 9, 37, 41, 61, 71, 75, 135, 143, 223, 225, 227, 239, 247, 249, 251; II: 93, 95, 239, 247; III: 149, 151, 153, 173, 199, 229, 265, 271, 275 (указаны только частные отклонения от оригинала без учета крупных авторских вставок в текст)²². Подобная техника совершенно не свойственна другому крупному переводу Экзарха — «Богословию». Различие в технике перевода можно объяснить различием в жанре — как свидетельствуют древние болгаро-преславские переводы XIII слов Григория Богослова, Слов Афанасия Александрийского против ариан, богословские тексты Изборника 1073 г. и др., византийские богословские сочинения обычно переводились близко к оригиналу — вероятно, с целью избежать обвинений в ереси [Иванова-Мирчева 1977: 38]. Космологические сочинения, подобные «Шестодневу», могли переводиться более свободно, поскольку их тематика, связанная исключительно с «этим миром», вполне допускала индивидуальные трактовки и, как следствие, более персонализированный стиль перевода.

Литература

- Гавранек 1963 — *Гавранек Б.* Залог (*genega verbi*) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 15—100.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
- Иванова-Мирчева 1977 — *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX—X до XIV века // *Palaeobulgarica*. Т. I. 1977. № 1. С. 37—48.
- Максимович 2004 — *Максимович К. А.* **ЗАКОНЪ СОУДЪНЫИ ЛЮДЪМЪ**: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.

²¹ К аналогичным выводам пришли Х. Роте (на материале Супрасльской рукописи) [Rothe 1960: 113—115] и Л. Пацнерова (на материале славянского перевода Евангелия) [Pacnerová 1964: 548—549, 550—551].

²² Ср. также [Läg Reid 1966: 18, 22, 50, 55, 57, 62, 63, 66 и др.].

- Минчева 1985 — *Минчева А.* Предложните конструкции в «Шестоднева» на Йоан Екзарх в светлината на българския исторически синтаксис // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. 27—28. Нови Сад, 1984—1985. С. 479—485.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958.
- Спринчак 1960 — *Спринчак Я. А.* Очерк русского исторического синтаксиса: (Простое предложение). М., 1960.
- Чернышева 2000 — *Чернышева М. И.* К проблеме возникновения и развития синтаксической синонимии в раннеславянских переводах с греческого языка // *Folia slavistica* Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 146—152.
- Aitzetmüller I—VI — *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaameron des Exarchen Johannes. Bde I—VII [Bd. VII: Wortregister von Linda Sadnik]. Graz, 1958—1975.
- Birnbaum 1971 — *Birnbaum H.* Zum infiniten Ausdruck der Prädikation bei Johannes dem Exarchen // *Studia palaeoslovenica. Josepho Kurz septuagenario dedicatum.* Praha, 1971. S. 37—47.
- Haderka 1964 — *Haderka K.* Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом в старославянских и церковнославянских памятниках // *Slavia. Roč. XXXIII.* 1964. S. 505—533.
- Höcherl 1970 — *Höcherl A.* Zur Übersetzungstechnik des altrussischen «Jüdischen Krieges» des Josephus Flavius. München, 1970.
- Horálek 1954 — *Horálek K.* Evangeliáře a čtveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia. Praha, 1954.
- Kurz 1972 — *Kurz J.* Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslověnského jazyka. Praha, 1972.
- Lägreid 1966 — *Lägreid A.* Der rhetorische Stil im Šestodnev des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1966 [= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, Bd. 4].
- Паснерová 1964 — *Паснерová L.* Синтаксис инфинитива в старославянских евангельских кодексах с точки зрения техники перевода // *Slavia. Roč. XXXIII.* 1964. S. 534—557.
- Pastrnek 1903 — *Pastrnek Fr.* Die griechischen Artikelkonstruktionen in der altkirchenslavischen Psalter- und Evangelienübersetzung. I // *Archiv für slavische Philologie.* Bd. 25. 1903. S. 366—391.
- Rothe 1960 — *Rothe H.* Unpersönliche Regentia mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen // *Slovo.* T. 9/10. 1960. S. 105—128.
- Stanislav 1934 — *Stanislav J.* Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine // *Byzantinoslavica.* T. V. 1933—1934. S. 1—112.
- Večerka 1961 — *Večerka R.* Syntax aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961 [= *Spisy University J. E. Purkyně v Brně. Filosofická Fakulta*, 75].

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: ПРИРАЩЕНИЕ *-ТЬ/-СТЬ* В АОРИСТЕ¹

А. А. Пичхадзе
ИРЯ РАН, Москва

Каждый автор может выбрать то, что ему больше нравится, примкнуть к унаследованной традиции или преобразовать ее.

[Живов 2004: 142]

В старославянских памятниках форма 2—3 лица единственного числа аориста от глаголов *пати*, *(на)чати*, *(за-, рас)плати*, *клати*, *жити*, *(оу)мрѣти*, *(про)стрѣти*, *(по)жрѣти*, *пити*, *вити*, *пѣти* имела приращение *-тъ*, от глаголов *быти*, *дати*, *пастн* — приращение *-сть*. У перечисленных глаголов форма 2—3 л. ед. ч. аориста была безударной, и приращение использовалось для того, чтобы придать ей самостоятельный ударный статус. Формы с приращением употребляются довольно последовательно в древнейших канонических старославянских памятниках и ряде среднеболгарских и древнесербских текстов [Ван-Вейк 1957: 314—315; Дыбо 2000: 304—308]. Однако уже в восточноболгарской Супрасльской рукописи формы аориста от перечисленных глаголов по большей части не имеют приращения, за исключением форм *бысть* и *дасть* [Ван-Вейк 1957: 314—315]. Такое же соотношение наблюдается в преславских редакциях библейских текстов. Так, в Евангелии от Иоанна в преславском полном апракосе (типичный представитель этой редакции — Юрьевское евангелие) формы с приращением довольно регулярно заменяются на формы без приращения, кроме форм *бысть* и *дасть*, которые, напротив,

¹ В статье использованы материалы, полученные в ходе работы над проектом 5.23 «Древние восточнославянские памятники в русской и восточнославянской письменности» программы ОИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте» и проектом «Корпус древнерусских переводов XI—XII вв.» программы ОИФН РАН «Филология и информатика» (гос. контракт 10002—251/ ОИФН—2/241—242/150604—526 от 28.05.04).

почти всегда сохраняют приращение [Алексеев 1998: I 12, 32; IV 12, 40; V 9; VI 11; VIII 20, 52, 53; XI 6, 14; XIII 5, 12; XIX 1, 27, 30, 38; XXI 13].

В отличие от южнославянских диалектов, восточнославянские говоры не знали аориста с приращением. Об этом свидетельствует материал древнейших русских летописей. Ниже в таблице 1 приводятся данные об употреблении в Лаврентьевском летописном своде 1377 г., Ипатьевском своде ок. 1425 г. и Новгородской I летописи по Синодальному списку XIII—XIV вв. форм аориста 2—3 ед. глаголов, которые в старославянских текстах имеют приращение (адреса по изданиям: [ПСРЛ I; ПСРЛ II; Насонов 1950]). На первом месте (перед косой чертой) указано количество форм без приращения, за косой чертой — число форм с приращением. Возвратные формы на **-сѧ** суммируются с коррелирующими невозвратными формами каждого глагола, если он употребляется без **-сѧ**. Для Повести временных лет (ПВЛ) данные приводятся по Лаврентьевскому списку, а в местах, приходящихся на лакуны, — по Радзивиловской летописи. По указанным изданиям цитируются и разночтения: к Повести временных лет и Суздальской летописи (Сузд) — по Радзивиловской и Академической летописям (РА), к Киевской (Киев), Галицкой (Гал) и Волынской (Вол) летописям — по Хлебниковскому и Погодинскому спискам (ХП). В Повести временных лет учитывались только случаи, где Лаврентьевский и Ипатьевский своды сходятся между собой по наличию или отсутствию приращения, а также те формы аориста 2—3 ед. Лаврентьевского списка, которым в Ипатьевском списке соответствуют другие грамматические формы (аорист мн. ч., причастие, имперфект, перфект). Если словоформа пропущена в Лаврентьевском своде, но имеется в Ипатьевском, она включалась в подсчеты. Поучение Владимира Мономаха, в котором употребляются только формы без приращения (да 249, вѧсѧ 253, отъѧ 253, сѧ вынѧ 241, оуѧре 247, 249, 250), не представлено в таблице. В Сузд выделяются две части — Владимирский (до 1206 г.) и Ростовский летописные своды. В Новгородской I летописи (НовГ) существенных отличий между первым и вторым почерком не наблюдается, поэтому данные приводятся по всей летописи целиком.

Таблица 1

	ПВЛ	Киев	Сузд(Вл)	Сузд(Рост)	НовГ	Гал	Вол
быти	0/passim	37/passim	1?/passim	2(+1?)/passim	14/passim	5/passim	passim
избыти	1/0	0/1		2/0			
перезыти		1/0	1/0				
презыти	0/2	0/3		0/1	1/0		
събытисѧ	0/10	1/6	1/2	0/2	0/1		1/0

	ПВЛ	Киев	Сузд(Вл)	Сузд(Рост)	НовГ	Гал	Вол
ДАТИ	1/14	52(+12)/ 12(+22)	16/1	5/4	9/7	6/10	11/0
ВЪДАТИ	3/11	21/4	7/0	1/0	15/0	1/20	
КЪДАТИ	1/2	1/0	0/1	0/1	4/1		
ВЫДАТИ					1/0	1/0	
ОТЪДАТИ		15/0	4/0	1/0		2/1	
ПЕРЕДАТИ		1/0				1/0	
ПОДАТИ		1/0				1/0	
ПОПРОДАТИ		1/0	1/0				
ПРОДАТИ	2/8	4/3			1/0	1/2	1/1
ПРОИДАТИ		2/1					
РОЗДАТИ		1/0				1/0	3/0
ПАТИ	7/2	8/1	1/2	1/0	2/0	6/0	
ВЪЗАТИ	15/0	31/0	6/0	6/1	19/0	19/2	7/0
ВЪСПРИАТИ	1/0			0/1			
ВЫПАТИ	1/0	1/0					1/0
БЫПАТИ					1/0		
ЗАПАТИ	9/0	10/0	4/0		4/0		
НЗАПАТИ	2/0					1/0	
НАПАТИ	1/0						
ОБАПАТИ		0/1				1/0	
ОТАПАТИ	2/0	7/0	3/0	2/0	3/1	1/0	
ПЕРЕПАТИ	7/0	1/0		1/0			
ПОДЪПАТИ	1/0	1/0			1/0		
ПОПАТИ	13/0	31/0	7/0	0/1	10/0	11/0	1/0
ПРИПАТИ	14/3	19/2	4/2	1/0	13/1	24/1	3/0
СЪНАПАТИ		2/0			2/0	1/0	
ОУПАТИ		2/0			1/0	1/0	
НАЧАТИ	77/0	75/3	12/3	8/0	9/0	28/2	30/2
ПОЧАТИ	23/0	47/0	15/0	1/0	6/0	7/0	8/0
ЗАЧАТИ	0/1	1/0		0/1			
РАСПАТИ	0/2			0/1			
ВЪСПАТИ	1/0						
НАПАТИ	1/0						
КЛАТИ	1/0						
ЗАКЛАТИ			0/1				
ОУМРЕТИ	26/0	14/0	1/0	1/0	6/0	6/1	2/0
НЗМРЕТИ							5/0
ПРОСТРЕТИ	1/0		1/0				
ОБИТИ				0/1			
СЪНВСТИ	0/1						

ПВЛ: **бы** 197 (**бысть** Ип); **избы** 42 (Р), **избысть** 278 (**избы** Ип); **събыса** 17 (**събыстьса** А Ип), **събыстьса** 78 (**събыса** Ип), 87, 101 (3 раза), 119, 211, 212 (3 раза), 216; **пребысть** 104, 164; **да** 78 (**дасть** Ип), 126, 157 (**дада** в Ип), **дасть** 24, 27, 37 (Р), 61, 67 (2 раза), 79, 93, 96, 100, 120, 166, 267 (**оуда** Ип), 268, 279; **въда** 75, 154 (**да** Ип), 159 (**дасть** Ип), 205 (**дасть** РА, **вдасть** Ип), 227, 274 (**вдасть** Ип), **въдасть** 89, 93 (2 раза), 96 (**дасть** РА Ип), 116, 124, 130 (**дасть** РА Ип), 154, 155, 166 (**дасть** Ип), 202 (нет в Ип), 239 (**вда** РА Ип), 269 (**дасть** Ип), 274 (**вда** Ип); **възда** 202, **въздасть** 28, 119; **преда** 77 (**предасть** Ип), 86 (2 раза), **предасть** 22, 59 (**преда** Ип), 102, 160, 162, 187, 188, 189, 223; **та** 1 (2 раза); 172, 195, 205, 227 (**таша** в Лавр, **та** РА Ип), 257, **татъ** 197 (нет в Ип), 275; **възъа** 23, 59, 65 (2 раза), 69, 71, 82, 88 (**възатъ** Ип), 94, 116, 147, 154 (мн. ч. в Ип), 194, 196, 232 (РА, мн. ч. в Ип), 284; **въсприа** 207 (**въсприатъ** РА), **въсприатъ** 192 (**въсприа** Ип), 195 (**въсприа** РА Ип); **вына** 123; **зата** 81, 123 (**та** Ип), 144, 146, 166, 205 (2 раза), 271, 281; **изъа** 261 (2 раза); **наша** 29 (Р); **отъа** 201, 237 (**въа** Ип); **переша** 76 (**приша** Ип), 124, 150 (**приша** Ип), 203, 237 (нет в Ип), 272 (**приша** РА Ип), 273; **подъша** 103; **поша** 29 (Р), 45 (в Ип. причастие), 76, 90, 92, 93, 146, 193, 226 (РА), 240 (2 раза), 282, 283; **приша** 20, 23, 30 (Р), 42 (Р), 71, 75, 87 (**пришатъ** Ип), 89 (2 раза), 96, 104 (**пріатъ** Х, в Ип лакуна), 136, 145, 149, 157, 183, **пришатъ** 160, 191, 207 (**приша** Ип), **пришатъ** в Ип 74 (в Лавр нет); **нача** 17, 23, 30, 44, 45 (2 раза), 54 (2 раза), 64, 71, 72 (2 раза), 74, 79, 87, 94, 98 (2 раза), 97 (2 раза, в Ип первое — мн. ч.), 99, 103 (3 раза), 118 (2 раза), 121, 127, 132, 133 (3 раза), 139, 140 (2 раза), 141, 142, 143, 144, 147, 148 (РА), 151, 156, 157, 158, 160 (3 раза), 179 (2 раза), 187, 193, 194 (2 раза), 195 (2 раза), 196 (2 раза), 217 (2 раза), 220, 240 (2 раза), 257 (2 раза), 258, 259 (2 раза), 260, 261, 266, 267 (2 раза), 269, 279 (2 раза, в Ип нет второго), 283; **поча** 22, 24, 42 (Р, 2 раза), 71, 121 (**нача** Ип), 122, 150, 156, 157, 159, 179 (**нача** Ип), 192, 195 (**нача** РА Ип), 196, 198 (2 раза, второй раз **нача** Ип), 215, 218 (**нача** Ип), 235, 237, 269, 271; **зачатъ** 93 (**зача** Ип), 102; **распатъса** 104, 203; **въспа** 30 (Р, мн. ч. в Ип); **напа** 239; **класа** 97; **оумре** 20, 39 (Р), 45, 68, 90, 92, 93, 96, 97 (2 раза), 113, 130, 132, 149, 150 (2 раза), 155, 166, 174, 205, 207, 208, 215, 272, 273, 274; **простреса** 223; **сънѣсть** 89; в Ип 151 **житъ** (в Лавр **живе**).

Киев: **бы** 292, 300, 326, 335 (2 раза), 336, 356, 361, 362, 385, 389, 391, 424, 435, 436, 440, 441 (**бѣ** XII), 441, 447, 462, 463 (2 раза), 465, 469, 476, 478, 500, 501, 531, 552, 608, 651, 654, 663 (**было** XII), 671, 705, 707; **избысть** 644; **перевы** 386; **прѣвысть** 291, 383, 553; **събыса** 405, **събыстьса** 553, 563, 574, 577, 668, 690; **да** 294, 297, 303 (2 раза), 310 (2 раза), 312 (3 раза), 330, 332 (**дасть** XII), 340 (2 раза), 366 (**дасть** XII), 367, 369, 388, 394, 404, 445, 454, 473, 479 (2 раза), 488, 493, 497, 504, 519, 520, 521, 524, 525, 526 (2 раза), 527, 533, 546, 562, 568, 571, 580 (2 раза), 624, 628, 633, 658, 660, 662, 674, 687, 688, **даша** 309 — видимо, вместо **да** (**да** XII), **дасть** 284, 295, 310 (буд.?), 322, 405 (буд.?), 477, 521 (4 раза), 543, 545, 567, 636; **въда** 283, 299, 316, 324, 394, 406, 482, 483 (2 раза), 488, 492 (3 раза), 493, 496, 525, 528, 566, 570, 594, 612, **въдасть** 283 (2 раза), 300, 528; **възда** 644; **отъда** 284, 300, 313 (2 раза), 314, 317, 337, 477, 478, 485, 613, 658, 659, 688, 708; **переда** 624; **пода** 525; **попрода** 579; **преда** 353, 644, 655 (**предасть** XII), 667, **предасть** 294, 609, 706; **прида** 479, 494, **придасть** 521; **розда** 702; **та** 272, 431, 484 (2 раза), 489, 501, 520, 668, **татъса** 711; **възъа** 283 (2 раза), 285 (2 раза), 286, 301, 311, 339 (3 раза), 384, 406 (2 раза), 459, 473, 482, 497, 502, 522, 523, 525, 526 (2 раза), 529, 532 (2 раза), 552, 599, 624, 629, 663; **вынаса** 281; **зата** 292, 308,

330, 359, 403, 460, 484, 502 (2 раза), 602; **обгъятъ** 483; **отгъа** 330 (2 раза), 403, 479, 485, 551, 702; **переша** 411; **подгъа** 567; **поша** 273, 276, 285, 319, 335, 361, 367, 368, 383, 395, 403, 406, 447 (2 раза), 464, 465, 468 (2 раза), 482, 485, 486 (2 раза), 488, 527, 528, 598, 618 (2 раза), 625, 659, 661; **приша** 299, 308, 316, 444 (2 раза), 471, 473, 478, 481, 485, 524, 572, 586, 617, 624, 629, 633, 634, 666, **пришатъ** 445, 712; **сгъна** 439, 618; **оуша** 600, 609; **нача** 1, 264, 268, 278, 283 (2 раза), 291, 299, 302, 304, 316, 320 (2 раза), 357, 361, 374, 380, 381, 392, 393, 398 (2 раза), 404, 413, 437, 438, 442, 448, 455, 458, 463, 464 (2 раза), 465, 472, 473 (2 раза), 479, 483, 486, 487 (2 раза), 488 (2 раза), 490, 493, 496, 499 (2 раза), 502, 508, 512, 513, 515 (2 раза), 519, 520, 525, 526, 529, 531 (2 раза), 532, 535, 538, 539, 541 (2 раза), 542, 543, 559, 569, 571, 590, 680, **начатъ** 475, 483, 587; **поча** 278, 302, 306, 316, 327, 332, 338, 343, 384 (2 раза), 401, 406, 409 (2 раза), 425, 437, 449, 475 (2 раза), 476, 477, 480, 498, 511, 569, 578 (3 раза), 592, 593 (2 раза), 609, 615, 654 (2 раза), 662, 664, 669, 679, 683, 685 (2 раза), 686 (2 раза), 695, 699 (2 раза); **зача** 599; **оумре** 285, 286 (3 раза), 287 (2 раза), 288, 318, 391, 511, 525, 527, 653, 665.

Сузд1: **бы** 396 в киноварном заголовке; **перобы** 313; **сгъбыса** 329 (**сгъбыстьса** РА), **сгъбыстьса** 356, 363; **да** 301, 302, 304, 308, 309, 322, 326, 329 (**дасть** РА), 348, 355, 366 (2 раза), 383, 389, 419, 422, **дасть** 344; **вгъда** 294 (**вгъдасть** Р), 302, 304, 345, 348, 365, 370; **вгъдасть** 406; **отгъда** 310, 311, 328, 407; **попрода** 367; **ша** 387, **шатъ** 333, 365; **вгъза** 291, 292, 312, 342, 355, 388; **заша** 298, 314, 328, 339; **отша** 314 (2 раза), 355; **поша** 300 (2 раза), 328, 341, 374, 390, 420; **приша** 292, 294, 346, 387, **пришатъ** 347 (**приша** РА), 400; **нача** 300, 307, 312, 329, 333, 337 (2 раза), 339, 344, 347 (2 раза), 403, **начатъ** 334, 336, 343; **поча** 297, 302, 312, 323, 326, 327, 337, 343, 346, 351, 352, 388, 389, 412, 423; **заклатъ** 349; **оумре** 325; **простреса** 383.

Сузд2: **бы** 444, 453 (если не стерся выносной), 465; **нзбы** 445, 446; **пребысть** 479 (Житие Александра Невского); **сгъбыстьса** 428, 431; **да** 429, 434 (2 раза), 436, 462, **дасть** 433 (2 раза), 450 (2 раза); **вгъда** 436; **вгъдасть** 452; **отгъда** 467; **ша** 445; **вгъза** 435, 436, 456, 465, 466, 469, **вгъзатъ** 441; **вгъспришатъ** 479 (Житие Александра Невского); **отша** 448, 452; **переша** 483; **пошатъ** 450; **приша** 440; **нача** 429, 430, 431, 461, 465, Житие Александра Невского: 478 (2 раза), 479; **поча** 467; **зачатъ** 431; **распатъса** 439; **оумре** 450; **овнтъ** 466.

Новг1: **бы** 21, 25, 26, 27, 29, 55 (2 раза), 64, 67, 69, 71, 74, 76 (2 раза); **перобы** 60; **сгъбыстьса** 90; **да** 27, 52, 53, 56, 65, 72, 81, 89, 99, **дасть** 28 (2 раза), 61 (2 раза), 78, 89, 96; **вгъда** 26, 32, 37 (2 раза), 43, 44 (2 раза), 50, 56 (2 раза), 60 (2 раза), 68, 78, 86; **вгъза** 46, 69, 71, 85, **вгъдасть** 84; **выда** 85; **преда** 63; **ша** 50, 54; **вгъза** 17, 20, 23, 25, 36, 40, 46, 50, 52 (2 раза), 55, 59, 64, 72 (2 раза), 73, 78, 90, 99; **выаса** 68; **заша** 36, 54, 78, 94; **отша** 34, 50, 75, **отшатъ** 86; **подгъа** 96; **поша** 20, 21, 35, 39, 40, 50, 56, 57, 70, 77; **приша** 26, 29, 40, 42 (2 раза), 44, 52 (2 раза), 54 (3 раза), 58, 60, **пришатъ** 28; **сгънаса** 52, 75; **оуша** 69; **нача** 15 (2 раза), 21, 36, 76, 82, 87, 88, 95; **поча** 17, 21, 53 (2 раза), 62, 77; **оумре** 22 (2 раза), 27, 29, 72, 82.

Гал: **бы** 741, 750, 787, 825, 852 (**бысть** XII); **да** 721, 723, 728, 746, 766, 821, **дасть** 716, 735, 738, 748, 750, 766, 792, 793, 805, 822; **вгъда** 748, **вгъдасть** 721, 737, 782, 783 (2 раза), 787, 788 (2 раза), 792 (2 раза), 794, 809, 810, 813, 830, 831, 835, 837, 839, 848; **выда** 830; **отгъда** 858, 862, **отгъдасть** 809; **переша** 748; **пода** 852; **преда** 779, **предасть** 829 (2 раза); **розда** 771; **ша** 722, 727, 731, 782 (2 раза), 847; **вгъза** 720, 730, 749, 750, 753, 758, 766, 770, 777 (2 раза), 781, 782, 785, 786, 822, 838 (2 раза), 847, 851, **вгъзатъ** 781,

782; **нѣдѣ** 792; **обѣдѣ** 863; **отѣдѣ** 731; **поѣдѣ** 720, 729, 731, 732, 752 (2 раза), 787, 809, 818, 860, 861; **прѣдѣ** 719, 721 (2 раза), 728, 729, 732, 746 (2 раза), 750, 754, 763, 766, 770, 771, 772, 778, 788, 789, 793, 808, 817, 824, 827 (2 раза), **прѣдѣтъ** 812 (**прѣдѣ** XII); **сѣдѣ** 757; **оѣдѣ** 809; **начѣ** 748, 775, 806, 807, 843, 848, 850 (5 раз), 851 (2 раза), 857 (2 раза), 858 (5 раз), 859 (2 раза), 860, 861 (3 раза), 863 (2 раза), **начѣтъ** 779, 786; **почѣ** 730, 781, 853 (**начѣ** XII), 859, 861 (2 раза), 862; **оѣдѣ** 731, 752, 771, 809, 810, 859, **оѣдѣтъ** 764.

Вол: **сѣдѣ** 892 (**сѣдѣтъ** XII); **да** 872 (2 раза), 905, (по X: 925 — 2 раза, 926 — 6 раз, в Ип лакуна); **прѣдѣ** 923, **прѣдѣтъ** 918; **роѣдѣ** 914 (2 раза), здесь же **роѣдѣ** вместо **роѣдѣ** (**роѣдѣ** XII); **вѣдѣ** 867, 873 (2 раза), 874, 882, 888, 890; **вынѣдѣ** 875; **поѣдѣ** 883; **прѣдѣ** 874, 887, 908; **начѣ** 867, 870 (2 раза), 871, 875 (2 раза), 876, 877, 883, 885, 889, 897, 899 (2 раза), 900, 902, 909 (3 раза), 913, 914 (2 раза), 916, 917, 928 (2 раза), 930, 932, 936, 938, **начѣтъ** 877, 901 (**начѣ** XII); **почѣ** 865 (2 раза), 867, 868, 881, 884, 885, 917; **оѣдѣ** 891, 895; **нѣдѣ** 893, 894, 895 (3 раза).

Более или менее регулярно в летописях употребляются только формы **выдѣ** и **дадѣ**, от остальных глаголов формы аориста с приращением появляются лишь спорадически. Вероятно, употребительность форм **выдѣ** и **дадѣ** поддерживалась авторитетом широкого круга церковнославянских памятников, в том числе и восточноболгарских по происхождению, в которых приращение в остальных формах не использовалось. Приращение в аористе глагола **быти**, несомненно, укоренилось на восточнославянской почве благодаря тому, что позволяло отличать аорист от формы-связки в составе сослагательного наклонения. Напротив, приращение в аористе глагола **дати** создавало омонимию с формами настоящего-будущего времени, и поэтому здесь его позиции были заметно слабее: формы с приращением преобладают только в самом архаичном летописном своде — Повести временных лет и в Галицком летописце, составитель которого стремился подражать Хронографу и по этой причине обильно вводил в свой текст церковнославянские элементы [Генсьорьский 1961].

В Галицком летописце формы с приращением от **дати** и его производных равномерно распределены по всему тексту, а формы от остальных глаголов тяготеют к центральной части летописи (такое же тяготение можно отметить и во Владимирском своде). В Повести временных лет аорист **дадѣ** также распределяется равномерно, а остальные формы с приращением сконцентрированы главным образом в Речи Философа (с. 87—104) и в рассказах о Киево-Печерском монастыре (с. 160, 184—189), т. е. в текстах, инородных по отношению к летописному повествованию. В Лаврентьевском списке всего два раза зафиксирован аорист **зачѣтъ**, и обе фиксации приходятся на Речь Философа; здесь же встретилась одна из двух отмеченных форм аориста **распѣтъ**. Из 11 фиксаций аориста **вѣдѣтъ** 4 приходятся на Речь Философа, из 8 фиксаций аориста **прѣдѣтъ** одна приходится на Речь Философа, 5 — на рассказ о Киево-Печерском монастыре. Из трех форм аориста **прѣдѣтъ**, зафиксированных в Лаврентьевском списке, две встречаются в рассказах о

Киево-Печерском монастыре. В Речи Философа и в рассказах о Киево-Печерском монастыре Лаврентьевский и Ипатьевский списки часто расходятся: **зачатъ** Лавр 93 = **зача** Ип 80, **приа** Лавр 87 = **приатъ** Ип 74 (здесь же еще одна такая же форма, пропущенная в Лавр), **вза** Лавр 88 = **взатъ** Ип 75, **всприатъ** Лавр 192 и 195 = **въсприа** Ип 183 и 186. Можно предположить, что в общем источнике обоих списков во всех этих случаях читались формы с приращением, которые устранялись при переписке, поскольку воспринимались как не вполне соответствующие летописному стилю.

Формы с приращением в летописях часто употребляются в библейских цитатах (Сузд 431, 439) и клише, заимствованных из церковнославянского: **хвалу и славу бѣ въздасть** ПВЛ 28, **гѣ въздасть** НовГІ 84, **бѣ не вдасть** ПВЛ 130, **бѣ дастъ** Сузд 433 (дважды), **бѣ отъятъ** НовГІ 86, **предасть дшю свою** Киев 609 и 706, Вол 918 и т. п. Глаголы, характерные для церковнославянских текстов, — **събытиса, перебыти, предати, въздати, распати**, — образуют формы с приращением чаще других. Напротив, никогда не имеют приращения глаголы, редкие в текстах южнославянского происхождения (**почати**) или имеющие формальные восточнославянские особенности (приставку **вы-**, полногласие): **вынатиса, перебыти, передати, переати, роздати**. Все это свидетельствует о том, что аористные формы с приращением были чужды восточнославянскому узусу и попадали в летописи либо в составе вставок из церковнославянских текстов, либо в составе традиционных церковнославянских клише, либо — достаточно редко — воспроизводились в качестве приметы книжного стиля.

В отличие от более или менее единообразного употребления аористного приращения в летописях, в церковнославянских памятниках, происхождение которых связано с Киевской Русью, наблюдается самое разнообразное отношение к приращению — от практически неукоснительного употребления до практически полного отказа от него. В таблице 2 приведены данные памятников, в которых приращение используется очень последовательно, почти как в старославянских текстах. Правда, в этих памятниках приращение часто опускается в глаголах **оумрети — прострети — пожрети**, но в этом глагольном типе уже в старославянском в аористе по аналогии с презенсом вставлялся вторичный **-ь-** в корне, так что форма становилась двусложной и необходимость в приращении, которое придавало бы ей самостоятельный акцентный статус, отпадала [Ван-Вейк 1957: 314—315]. К числу памятников, близких к старославянским по употреблению приращения в аористе, принадлежат переведенные с греческого Хроника Георгия Амартола, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, а также оригинальные киевские произведения XI—XII вв.: Слово о законе и благодати митрополита Илариона, Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами и Житие Феодосия Печерского.

Хроника Георгия Амартола была переведена не раньше 963 г. и не позже середины XI в.; о месте перевода ведутся споры, поскольку в памятнике соседствуют южнославянские и восточнославянские элементы, однако значительное число русизмов заставляет признать, что перевод выполнен для древнерусской аудитории [Пичхадзе 2002а]. Христианская топография по многим языковым параметрам близка Хронике Амартола, но число лексических болгаризмов в памятнике невелико; создается впечатление, что Христианская топография продолжает переводческую традицию Хроники Амартола, но уже в приближенном к древнерусскому языковому узусу варианте [Пичхадзе 2002б: 167]. Некоторые языковые особенности Хроники Амартола и Христианской топографии (в том числе систематическое употребление приращения в аористе) разделяет Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, переведенное на рубеже XI—XII вв. и также содержащее восточнославянские лексические элементы наряду с болгаризмами. Все три памятника связаны с южнославянской традицией, по-видимому, имеющей западноболгарские корни и сохраняющей ряд архаичных особенностей, присущих кирилло-мефодиевским текстам [Пичхадзе (в печати)].

Оригинальные киевские памятники второй половины XI — начала XII в. ориентированы на кирилло-мефодиевские образцы и во многом близкие к ним консервативные переводы — такие, как Хроника Амартола и Толковое Евангелие. Таблица 2 показывает, насколько близки по употреблению форм аориста с приращением Хроника Амартола (ХГА, адреса приводятся по изданию [Истрин 1920]), Христианская топография Козьмы Индикоплова (Козьма, по изданию [Гольштенко, Дубровина 1997]), Толковое Евангелие (ТЕ, исследовалось в объеме Евангелия от Луки по изданию [ВМЧ Окт. 4—18: 1135—1511], причем подсчитывались только формы в составе толкований), Слово о законе и благодати митрополита Илариона (СлИл, по изданию [Молдован 1984]), Сказание о Борисе и Глебе с Чудесами и Житие Феодосия Печерского (по Успенскому сборнику XII—XIII вв., см. издание [Князевская, Демьянов, Ляпон 1971]). Поскольку между Сказанием и Житием Феодосия различий в употреблении аориста с приращением не наблюдается, их данные суммируются в графе УСб-р (русские тексты Успенского сборника). Адреса приводятся только для памятников, изданных без словоуказателя.

Таблица 2

	ХГА	Козьма	ТЕ (Лк.)	СлИл	УСб-р
БЫТИ	0/passim	8/135	passim	1/22	4/passim
ИЗБЫТИ	2/0				1/0
ПРЕБЫТИ	0/passim	0/1	0/3		0/7

	ХГА	Козьма	ТЕ (Лк.)	СлИл	УСб-р
СЪБЪГНСА		0/1	0/3	0/3	1/1
ДАТИ	1/31	0/3	1/2	0/2	0/2
ВЪДАТИ	1/0	1/6	4/1		1/4
ВЪЗДАТИ	0/1	0/1			1/0
ОТЪДАТИ	0/2	1/2			1/1
ПОДАТИ	0/2		0/1		0/3
ПРЕДАТИ	1/8	0/2	0/1	1/0	1/5
ИАТИ	0/13				
ВЪЗАТИ	1/24	0/7	0/2		0/3
ВЪНАТИ	0/1	0/1	0/1		
ВЪСПРИАТИ	0/2	0/6	0/9		0/1
ЗААТИ			0/1		
ИЗАТИ		0/1			
ОБИАТИ	0/1				0/1
ОБАТИ	0/1		0/2	0/1	
ОТАТИ	0/2	1/3	0/1?		1/0
ПОАТИ	1/17	0/1	0/3		1/1
ПРЕАТИ	1/2				2/0
ПРИАТИ	(1)/77	0/24	0/20	0/5	6/9
СЪНАТИ					3/1
НАЧАТИ	0/28	0/11	0/3	0/1	4/41
ЗАЧАТИ			0/3		1/0
РАСПАТИ	0/5	0/1	0/5		
ЗАПАТИ			0/1		
КЛАТИ	0/4				
ЗАКЛАТИ	0/1				
ПРОКЛАТИ	0/5	1/1			
ОУМРЕТИ	passim/19(+1?)	5/0	3/0		1/2
ПРОСТРЕТИ	1/0	4/0			
ПОЖРЕТИ		1/0			
ЖИТИ	0/20	0/1			0/1
ПОЖИТИ	1/5	0/2			
ОБИТИ	1?/0				
ПИТИ	1/1		0/1		
ИСПИТИ				1/0	
ВЪСПЕТИ	1/0				
ИСТИ	0/2				
ПОИСТИ	0/2				

ХГА: нзбы 546.10; 557.13; даса 376.21, дасть(са) 92.8; 134.13; 135.1; 184.2; 188.8; 191.23; 196.8; 199.16; 205.10; 208.15; 213.10; 269.9; 273.22; 280.4; 289.15;

347.12; 411.1; 426.24; 428.6; 474.18; 506.12; 508.18; 515.11; 522.20; 528.4; 530.18; 539.17; 550.1, 19; 551.13; 559.13, неясно 383.8; **вѣда** 437.4; **вѣдасть** 366.2; **отъдасть** 539.10; 570.24; **подасть** 541.20; 546.6; **преда** 318.5, **предасть** 175.8; 411.19, 26; 459.30; 478.19; 510.25 (2 раза); 542.7; **итъ** 47.3, 11; 205.18; 434.1; 449.30; 505.21; 509.27; 532.15; 535.14; 536.8; 543.25; 548.23; 549.27; **вѣза** 535.21, **вѣзатъ** 46.17; 95.10; 127.1; 131.18, 19; 153.15; 154.2; 175.6; 188.21; 200.23; 202.5; 211.10; 238.5; 268.16; 335.18; 366.7; 373.24; 434.15; 449.3; 510.1; 518.19; 523.30; 529.15; 541.21; **вѣнатъ** 274.14; **вѣсприятъ** 201.16; 536.26; **обѣатъ** 287.16; **обниатъ** 549.19; **отатъ** 44.23; 178.3; **поа** 376.18, **поатъ** 31.6; 34. 18, 20, 21; 46.10; 54.5; 92.25; 100.9; 128.23; 129.9; 373.27; 436.11; 530.17; 533.14; 551.6; 568.19, 28, неясно 546.9; **преа** 75.7, **преатъ** 46.24; 295.22; **приа** 368.8 (**приатъ** в остальных списках), **приатъ** 31.15, 36.28; 38.21; 75.7; 78.5; 111.16; 112.9; 136.7; 137.7; 157.4, 8; 188.5; 189.7; 190.14; 201.20; 204.11; 210.23; 215.7, 25; 222.20; 230.3; 280.11; 290.11; 296.1, 15; 300.4; 303.25; 305.6; 312.20; 321.15; 322.16; 324.29; 336.3; 345.5; 353.30; 366.3 (2 раза); 374.22; 375.17; 376.3; 396.14; 400.23; 411.7 (2 раза), 22; 419.3; 428.13; 433.21; 434.6; 437.4; 450.8; 456.11, 28; 457.5; 465.3; 482.26; 484.14; 485.6; 486.5; 491.17; 499.23; 501.17; 508.26; 511.14; 518.26; 524.15; 526.28; 534.25; 535.2; 537.8, 23; 538.9; 549.16, 17; 561.7; 562.23; 566.24; 567.13, вместо **обрѣтъ** 553.22, неясно 555.19 (причастие?); **начатъ** 29.3; 34.6; 41.3; 59.28; 70.17; 139.6; 171.9; 215.22; 217.8; 218.5; 235.6; 247.4; 309.20; 316.10; 369.17; 376.9; 378.4; 401.5; 411.21; 435.17; 469.16; 470.29; 482.26; 489.21; 491.16; 501.3; 507.7; 515.3; **распатъ** 215.4; 218.9, 15; 260.13; 408.16; **клатъ** 103.5; 344.26; 401.25; 554.19; **заклатъ** 94.17; **проклатъ(са)** 54.16; 382.5; 399.24; 472.6; 501.27; **оумре** 406. 13 (**оумретъ** в некоторых списках) и мн. др., **оумретъ** 82.3; 192.23; 282.16; 301.7; 312.5; 320.4, 9; 405.14, 25; 474.16; 498.8; 501.6; 506.17; 524.9; 528.22; 534.12; 545.15; 563.11; 565.12, **оумерь** 439.5 (**оумре**, **оумретъ** в других списках); **простре** 501.21; **житъ** 53.6, 18, 20, 22, 24; 54.26; 57.6, 7, 8, 9; 58.10; 59.25; 81.5; 85.26; 92.20, 21; 93.28; 94.2, 3; 438.8; **пожи** 101.26, **пожитъ** 90.14; 167.19; 226.11; 322.2; 449.25; **пастъ** 96.24; 188.9 (**падаше** в остальных списках); 191.2; **поасть** 138.27; 141.18; **пи** 97.16, **питъ** 97.1; **вѣспѣ** 208.3; **обитие** 516.11 — возможно, вместо **обитъ**, *ἐνετίληθεν*.

ТЕ: **превысть** 1151, 1152, 1185; **съвыстьса** 1184, 1211, 1471; **да** 1209, **дасть** 1156, 1209; **вѣда** 1311, 1412, 1413 (2 раза), **вѣдасть** 1235; **подасть** 1457; **предасть** 1494; **вѣзатъ** 1190, 1389; **вѣнатъ** 1404; **вѣсприятъ** 1150, 1192, 1344, 1353, 1372 (2 раза), 1420, 1477, 1493; **затъ** 1302; **обатъ** 1146, 1183; **отъятъ** 1488 (прич.?); **поатъ** 1146, 1221, 1228; **приатъ** 1132, 1145, 1151 (2 раза), 1162, 1179, 1183, 1185, 1190, 1233, 1248, 1305, 1333, 1369, 1413, 1418, 1452, 1470, 1490, 1494; **начатъ** 1201, 1267, 1366; **зачатъ** 1143, 1161 (2 раза); **распатъ** 1154, 1164, 1179, 1229, 1493; **запатъ** 1464; **оумре** 1156, 1221, 1222; **питъ** 1457.

Обращает на себя внимание, что на первую половину текста Хроники Амартола приходится всего один случай аориста без приращения — **преа** 75.7, остальные формы без приращения встречаются только начиная со стр. 318. Видимо, к концу памятника писцы чаще отбрасывали приращение под давлением более распространенного узуса; можно предполагать, что в первоначальном переводе Хроники приращение в аористе употреблялось еще

более последовательно, чем в дошедших до нас списках. Очень любопытно «рационалистическое» распределение форм без приращения в Толковом Евангелии: они встретились только у глаголов **дати** и **въдати**, у которых приращение создавало неудобную омонимию с настоящим-будущим временем; в этом отношении Толковое Евангелие представляет собой противоположность Супрасльской рукописи и преславской традиции, где приращение сохранялось прежде всего у **быти**, **дати** и их производных.

В Слове митрополита Илариона, Сказании о Борисе и Глебе с Чудесами и Житии Феодосия форм без приращения не намного больше, чем в кирилло-мефодиевских текстах или Хронике Амартола и близких к ней переводах. Совершенно очевидно, что именно эти тексты служили образцами для киевских книжников — ведь древнерусскому языку приращение в аористе было чуждо. Но в XI в. на Руси были известны и другие переводные церковнославянские тексты, в которых приращение употреблялось уже не регулярно, не как нормативное окончание определенного круга глаголов, а скорее как дань традиции, как стилистическая примета. Достаточно сравнить данные оригинальных древнерусских памятников в составе Успенского сборника с остальными текстами, входящими в его состав, чтобы увидеть, насколько строже соблюдали старое правило о приращении киевские книжники XI — начала XII вв., чем болгарские переводчики X в., которым принадлежит основной массив текстов Успенского сборника. В таблице 3 данные по всем текстам Успенского сборника за вычетом древнерусских суммированы в графе УСб, рядом с ними представлены данные двух болгарских переводов X в. — Синайского патерика (СП, по изданию [Голышенко, Дубровина 1967])² и Хроники Иоанна Малалы (ХИМ, по изданию [Истрин 1994]). Во всех трех случаях можно наблюдать распределение, близкое к тому, что отмечено в Супрасльской рукописи и преславской редакции Евангелия от Иоанна: с приращением чаще всего употребляются глаголы **быти**, **дати** и их производные, односложный аорист глагола **ѣти** обычно получает приращение, в то время как его производные и глагол **начати** приращение утрачивают, а у глагола **оумрети** оно отмечается лишь в единичных случаях. Такое распределение могло восприниматься восточнославянскими книжниками как компромисс между последовательным употреблением приращения в кирилло-мефодиевских памятниках и полным отсутствием приращения в их собственном узусе. Поскольку этот вариант употребления аористных форм был поддержан авторитетом южнославянских памятников, получивших очень широ-

² В словоуказателе к Синайскому патерику [Dumitrescu 1976] многие аористные формы от **оумрети** и **дати** и его производных по ошибке отнесены к настоящему-будущему времени.

кое распространение на Руси, он был усвоен древнерусскими книжниками в качестве одного из нормативных. В частности, он представлен в древнерусском переводе Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (ИИВ), выполненном в юго-западной Руси, по всей вероятности, в XII в. В таблице 3 данные этого памятника по изданию [История Иудейской войны 2004] сопоставляются с данными Успенского сборника (за вычетом древнерусских текстов), Синайского патерика и Хроники Малалы.

Таблица 3

	УСБ	СП	ХИМ	ИИВ
БЫТИ	29/passim	18/passim	6/passim	8/passim
ИЗБЫТИ	0/2		2/0	5/0
ПОБЫТИ	0/1			
ПРЕБЫТИ	12/14	7/11	3/11	3/7
ПРИБЫТИ	0/1			
СЪБЫТИСА	0/2			
ДАТИ	6/60	0/29	5/13	5/18
ВЪДАТИ	5/6	0/4	8/4	46/16
ВЪЗДАТИ	0/2	1/0		0/1
ВЪДАТИ				1/0
ИЗДАТИ		0/1		
ИПРОДАТИ				2/0
ОТЪДАТИ	3/4		1/0	8/3
ПОДАТИ	3/1	0/3	0/1	1/0
ПРЕДАТИ	2/15	0/8	7/3	6/8
ПРОДАТИ				1/0
ПРОДАТИ	1/0			1/0
РАЗДАТИ			1/0	
ЩАТИ	2/5		1/9	4/14
ВЪЗДАТИ	16/8	20/4	13/1	30/3
ВЪНАТИ	0/2			
ВЪСПРИАТИ	0/1			
ЗАЩАТИ		1/0		
ИЗЩАТИ		3/1		1/0
НАЩАТИ	1/0			
ОБИЩАТИ				1/0
ОБАТИ	1/1		1/0	5/0
ОБОУЩАТИ				2/0
ОТЩАТИ	1/2		1/1	10/2
ПОДЪЩАТИ	3/1			3/1
ПОЩАТИ	5/1		34/3	8/3

	УСб	СП	ХИМ	ИИВ
преати	2/1			
приати	37/21	5/5	56/7	34/3
сънати	1/2		1/0	
начати	18/25	39/21	26/0	29/1
въчати		2/0		
зачати			0/1	
почати	1/0			3/0
распати(са)	0/2			3/0
каати	0/2	0/7	2/2	3/0
закати	1/0	1/0	0/1	1/0
прокати	1/2			1/0
оумрети	33/0	21/4	62/1	17/0
обоумрети			1/0	
прострети		1/0		2/0
пожрети				1/0
жети	0/3	1/0		
ожети	1/1			
пожети	0/1			
прижети			1/0	1/0
обити	0/1			
повити	0/1			
пити	0/2			
испити				2/0
пѣти	0/1			
въспѣти	3/0			
ясти		0/2		
појати	0/2			

ХИМ: бы 86, 118, 135, 136, 262 (2 раза); нзвы 151, 343; превы 25, 151, 275, пре-
 бысть 85, 114, 118, 131, 137, 312, 313, 340, 341, 343, 355; да 82, 181 (вар. дасть), 224,
 229, 315, дасть 178, 183, 189, 226, 227, 316, 335, 336, 338, 339, 351, 357, 359; въда
 111, 121, 122, 146, 231, 280, 310, 315, въдасть 112, 141, 149, 174; отъда 183; подасть
 273; преда 262, 279, 307, 314, 318, 336 (вар. предасть), 347, предасть 26, 268, 354;
 разда 348; та 194, тать 83, 111, 134, 148, 192, 342, 343, 344, 360; възъа 75, 86, 89, 102,
 180, 182, 226, 227, 273, 276, 335, 349, 353, възъать 282; ова 194; отъа 28, отъаать
 270; поа 18, 24, 25 (2 раза), 74 (2 раза), 75 (2 раза), 79, 84, 89, 90, 111, 120, 124, 131,
 178, 180, 183, 187, 220 (3 раза), 222, 224, 231, 232, 314, 315, 337, 344, 349 (2 раза), 359,
 поатъ 89, 173, 319; приа 25, 27, 70 (вар. приатъ), 75, 79, 89, 103, 106, 115, 123, 124,
 132, 133, 136, 138, 141, 144, 145, 147, 172, 174, 183, 194 (2 раза), 196, 220, 226 (3 раза),
 228 (2 раза), 229, 232, 233, 276, 280 (2 раза), 281 (2 раза), 307, 311, 312, 313 (2 раза),
 314, 315 (2 раза), 316, 334, 337 (5 раз), 338, 350, приатъ 174, 270, 274 (вар. приа),

279, 282, 313, 315; **съна** 355; **нача** 27, 76 (вар. **начатъ**), 81, 87, 89, 104, 139, 185, 186, 188 (3 раза), 221, 229, 264, 274, 275 (2 раза), 314, 317, 320, 334, 338, 339, 342 (2 раза); **зачатъ** 197; **класа** 310, 340, **клатъса** 115, 149; **заклатъса** 171; **оумре** 26, 27, 83, 85, 87 (3 раза), 89 (2 раза), 110, 113 (3 раза), 114, 115, 127, 131, 142, 145, 172, 180 (2 раза), 181, 182, 195, 222, 224, 230, 231 (2 раза), 234, 263, 270, 275 (2 раза), 279, 281 (2 раза), 303 (3 раза), 304 (2 раза), 307, 308 (3 раза), 309, 311 (2 раза), 312, 315, 316 (2 раза), 319, 320, 336 (2 раза), 342, 343, 350, 356, **оумретъ** 281; **ооумре** 145; **прижи** 82.

Как и в восточноболгарских текстах, в Истории Иудейской войны регулярно употребляется приращение в аористе глагола **быти**, формы с приращением преобладают у глагола **дати**, у имеющих неполногласную приставку глаголов **пребыти** и **предати** и в односложном аористе глагола **яти**. Остальные глаголы, за исключением **въдати**, имеют приращение лишь в единичных случаях, включая и глагол **начати**, — по этой позиции, как и по некоторым другим, История Иудейской войны оказывается ближе всего к Хронике Иоанна Малалы.

Помимо консервативного и компромиссного варианта использования приращения в аористе, в древнерусских церковнославянских текстах представлен и восточнославянский вариант — практически полное отсутствие приращения. Этот вариант характерен для трех переводных памятников — Чудес Николая Мирликийского, Александрии и Жития Андрея Юродивого. Житие Андрея Юродивого было переведено не позже середины XII в., по-видимому, в «северо-западной части восточнославянской территории» [Молдован 2000: 17, 102]. Восточнославянское происхождение Александрии также не вызывает сомнений; по словоупотреблению этот памятник обнаруживает систематическое сходство с Житием Андрея Юродивого [Пичхадзе, в печати]. Язык Александрии древнейшей редакции выделяется своей архаичностью; видимо, перевод возник не позже XI в. [Там же]. Как будто имеется текстологическое свидетельство того, что Александрия переведена по крайней мере раньше Истории Иудейской войны: одна из вставок в Истории, не имеющая соответствия в греческом оригинале, судя по всему, восходит к Александрии [Там же]. Вопрос о происхождении цикла Чудес Николая Чудотворца пока остается непроясненным; в некоторых чудесах встречаются русизмы, в других — южнославянизмы, и состав цикла варьирует по спискам [Соболевский 1980: 141—142; Макеева 2003: 243]. В таблице 4 приводятся данные об употреблении аористных форм в Александрии (Ал, по изданию [Истрин 1893]), Житии Андрея Юродивого (ЖАЮ, по изданию [Молдован 2000]) и циклу из восьми чудес Николы (ЧНик) по древнейшему списку Торжественника XII в. (РНБ Ф.п. I 46, л. 66а—76б, по электронному изданию [Макеева 2004]).

Таблица 4

	ЧНик	Ал	ЖАЮ
БЫТИ	10/11	1/8	20/18
ПРЕБЫТИ			1/0
СЪБЫТИСА		1/0	1/0
ДАТИ	0/1		1/0
ВЪДАТИ		7/0	12/0
ВЪЗДАТИ			1/0
ОТЪДАТИ	0/1		
ПОДАТИ			2/0
ПРЕДАТИ	1/0		
ДАТИ	1/0		4/0
ВЪЗДАТИ	3/1	3/0	11/0
БЫНАТИ		1/0	
ЗАДАТИ			2/0
ИЗДАТИ	2/0		
ОБАТИ		2/0	
ПОДАТИ	2/0		5/0
ПРИДАТИ	1/0	6/0	2/0
НАЧАТИ	8/0	9/0	50/1
ЗАПАТИ			1/0
ЗАКЛАТИ			1/0
ОУМРЕТИ		2/0	
ИЗМРЕТИ			1/0
ПРОСТРЕТИ		1/0	1/0

Ал: **бы** 19, **бысть** 11, 17, 18, 22, 74, 92, 102, 103; **събыса** 22; **въда** 27, 46 (2 раза), 55 (2 раза), 102, **въздаа** вместо **въда** 49; **въза** 9, 22 (2 раза); **бына** 8; **оба** 36, 55; **приа** 28, 29, 30, 49, 66, 102; **нача** 11, 13, 14, 22, 29, 36, 50, 59, 104; **оумре** 18, 22; **простре** 103.

Все три формы с приращением, отмеченные в Чудесах Николы (**въздатъ** 66г12, **ѡдасть** 66г14 и **дасть** 68а9), приходятся на первое чудо цикла в списке Торжественника XII в. — чудо о трех воеводах, которое не входит в устойчивое ядро из шести чудес, сохранившихся во всех древнейших списках памятника [Макеева 2003: 234—235]. За вычетом этих трех случаев можно констатировать, что памятники последней группы употребляют приращение только в аористе глагола **быти**, причем в Чудесах Николы даже у этого глагола формы без приращения так же частотны, как и формы с приращением, а в Житии Андрея Юродивого формы без приращения преобладают. Такая практика не соответствует не только консервативному и компромиссному ва-

риантам распределения аористных форм глаголов с безударным корнем, но и летописной норме: приращение здесь не только не воспроизводится в соответствии с традицией, но и не расценивается как стилиобразующий церковнославянизм. В представлении книжников, создававших тексты этой группы, приращение в аористе не входило в набор признаков, обязательных для церковнославянского текста, и опора на восточнославянский узус в данном случае казалась столь же допустимой, как, например, написание **ж** на месте церковнославянского **жд**.

Таким образом, в древнерусской письменности можно наблюдать по меньшей мере четыре варианта употребления приращения в аористе. В летописях приращение используется редко, в основном в церковнославянских вкраплениях в летописный текст или как стилистическая примета. В древнейших церковнославянских произведениях киевской книжности и в группе переводов XI — начала XII в., специфической особенностью которых является наличие как южнославянских, так и восточнославянских лексических элементов, приращение употребляется почти так же последовательно, как в старославянских текстах (за исключением Супрасльской рукописи). Совершенно очевидно, что эти переводы, в числе которых такие авторитетные памятники, как Хроника Амартола, Христианская топография Козьмы Индикоплова и Толковое Евангелие, служили образцами для древнерусских книжников. В период становления церковнославянской письменности на Руси старая кирилло-мефодиевская традиция воспринималась не только через богослужебные тексты, ее поддерживали переводы, возможно, выполненные на Руси выходцами из южнославянских областей, где сохранялись архаичные языковые особенности и/или архаичные литературные традиции.

Параллельно в восточнославянской письменности утверждается принцип распределения форм с приращением, характерный для восточноболгарских текстов X в., согласно которому приращение более или менее последовательно употребляется у глаголов **быти**, **дати** и их производных и опускается у остальных глаголов. Восточноболгарское распределение было ближе древнерусскому узусу и со временем получило широкое распространение; оно было усвоено древнерусским летописанием, которое воспроизводит его в русифицированном виде, употребляя приращение преимущественно в тех же формах, что и восточноболгарские тексты, но лишь спорадически.

Наконец, в некоторых церковнославянских древнерусских памятниках приращение практически не употреблялось. Эти памятники возникли одновременно с теми, которые последовательно используют приращение. Дистанцированность по отношению к южнославянской традиции употребления приращения отличает эту небольшую группу текстов не только от большинства древнерусских церковнославянских памятников, но и от летописей. Считать

отсутствие приращения случайным совпадением индивидуальных пристрастий переводчиков мешает глубокое языковое сходство Александрии и Жития Андрея Юродивого, которое можно объяснить только принадлежностью к одной литературно-языковой традиции. Учитывая, что Житие Андрея Юродивого, по всей вероятности, переведено на северо-западе, можно было бы предположить, что отсутствие приращения — черта региональной церковнославянской нормы; однако в Новгородской I летописи приращение употребляется, и, следовательно, возникает вопрос, почему восточнославянский вариант был реализован именно в церковнославянских памятниках. Возможно, ситуация с приращением в аористе — не единственная, в которой древнерусские церковнославянские памятники более последовательно отражают восточнославянские языковые особенности, чем летописи.

Вероятно, радикальная ориентация на восточнославянский узус явилась реакцией определенного круга книжников на вариативность в окончаниях 2—3 ед. аориста глаголов с безударным корнем в церковнославянских текстах; кроме того, у многих глаголов формы с приращением оказывались омонимичными формам настоящего-будущего времени или пассивных причастий. Придание восточнославянским формам без приращения статуса нормативных открывало путь к унификации, устраняя как двусмысленность, так и вариативность.

Литература и источники

- Алексеев 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 1998.
- Ван-Вейк 1957 — *Ван-Вейк А.* История старославянского языка. М., 1957.
- ВМЧ Окт. 4—18 — Великие Миней Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 4—18. СПб., 1874.
- Генсьорський 1961 — *Генсьорський А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961.
- Гольштенко, Дубровина 1967 — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Гольштенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.
- Гольштенко, Дубровина 1997 — Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Гольштенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.
- Дыбо 2000 — *Дыбо В. А.* Морфологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
- История Иудейской войны 2004 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I—II. М., 2004.

- Истрин 1893 — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследования и текст. М., 1893.
- Истрин 1920 — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Пг., 1920.
- Истрин 1994 — *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Репринтное изд., подгот. М. И. Чернышевой. М., 1994.
- Князевская, Демьянов, Ляпон 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
- Макеева 2003 — *Макеева И. И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002—2003. М., 2003. С. 228—310.
- Макеева 2004 — *Макеева И. И.* «Чудеса Николая Мирликийского» [Электронный ресурс, Ижевск, Удмуртский гос. ун-т, 2004]. Режим доступа: <http://manuscripts.ru>
- Молдован 1984 — *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. М., 1984.
- Молдован 2000 — *Молдован А. М.* «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Насонов 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. С. Насонова. М.; Л., 1950.
- Пичхадзе 2002а — *Пичхадзе А. А.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002. С. 232—249.
- Пичхадзе 2002б — *Пичхадзе А. А.* Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI—XIII вв. // Рус. яз. в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 147—170.
- Пичхадзе, в печати — *Пичхадзе А. А.* К группировке древнейших переводов с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // ТОДРЛ. Т. 59 (в печати).
- ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Соболевский 1980 — *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147.
- Dumitrescu 1976 — *Dumitrescu M.* Синайский патерик. Указатель слов и форм. Т. I—II. București, 1976.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ УСТАВ В РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ П. ФЕКУЛЫ (FEKULA-VI)

Т. В. Пентковская

МГУ

Иерусалимский устав (далее — ИУ), регламентирующий богослужение Православной Церкви на протяжении столетий, был составлен в Палестине в X—XI вв. Уже в XI в. этот текст был переведен с греческого на сирийский язык, а в конце XII в. — на арабский и грузинский языки. Во второй половине XIII в. ИУ в различных своих редакциях становится основным богослужебным уставом в Константинополе и на Афоне [Пентковский 2004: 153—162].

В XIV в. появляются четыре независимых южнославянских перевода ИУ — два болгарских (так называемый перевод старца Иоанна, выполненный на Афоне в начале XIV в., и перевод болгарского патриарха Евфимия Тырновского второй половины XIV в.) и два сербских (перевод архиепископа Никодима 1319 г. и перевод инока Романа 1331 г.); все четыре перевода восходят к разным редакциям греческого текста¹.

Литургические реформы и связанный с этим приток новых богослужебных текстов захватили и Русь, где в XIV в. появился собственный перевод ИУ, представляющий, по выражению И. Мансветова, «местно русскую переработку греческого типика» [Мансветов 1885: 273]. Этот перевод (далее — ИУ-р) представлен, в частности, в списке ГИМ, Син. 329 (XIV в.)², данные которого используются в настоящей работе. Установлено, что русский перевод ИУ восходит к так называемой «базовой» редакции ИУ [Пентковский 2004: 168].

Наконец, в русской рукописи рубежа XIV—XV вв. из бывшей коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) содержится еще одна особая версия ИУ³. Исследова-

¹ Подробнее об этих переводах см.: [Пентковский 2004: 162—168].

² Описание рукописи см. в [Горский, Невоструев 1869: 282—288].

³ В настоящее время местонахождение данной рукописи неизвестно, однако ее микрофильм хранится в Хиландарской исследовательской библиотеке (США, Колумбус, Огайо). Описание рукописи см. в: *Slavic Manuscripts from the Fekula Collection: a Description*. Columbus, 1983. P. 43—48. Текст Fekula-VI исследуется по копии микрофильма, любезно предоставленной сотрудниками Хиландарской исследовательской библиотеки.

ние литургических параметров этого текста показало, что он отражает ту же греческую редакцию («келлиотско-киновияльную») ⁴, что и сербский перевод Романа 1331 г., однако текстологически отличается от данной сербской версии, что позволяет считать его отдельным переводом ИУ [Пентковский 2004: 168].

В переводе, представленном в Fekula-VI, отмечены следующие русские памяти ⁵: Въ тѣ́ днь престависѣ стѣ́и митрополитѣ́ московскѣ́и петръ́ всѣ́а рѹ́си (20 декабря, 57 б); оуспѣ́не прѣ́бнаго́ вѣ́ща наше́ феѡдосиѣ́ игѹ́мена печерскаго́ (3 мая, 86 б); вѣ́рвѣ́тенъе телеси стѣ́о стѣ́ла леѡнтина еѣ́па ростовскаго́ (23 мая, 89 а); оуспѣ́не цѣ́ра володимера· на́рѣна́ въ стѣ́вмъ крѣ́щеньи васильѣ́а· и равна а́пѣ́амъ просѣ́вѣ́тившаго рѹ́сьскю землю стѣ́имъ крѣ́щениемъ (15 июля, 94 г); оуѣ́вненъе стою́ мѹ́ку во́риса и глѣ́ба (24 июля, 96 б).

Если литургическое изучение Fekula-VI позволило выявить его место среди многочисленных славянских версий Иерусалимского Устава, то лингвистически этот текст все еще остается практически не изученным. Неясно, является ли он независимым переводом, выполненным на Руси, или же представляет собой русскую переработку южнославянского перевода (к числу таких переработок относится редакция, отраженная в рукописи РГАДА, ф. 381 (Син. Тип.), № 45 XIV в., источником которой послужил ранний болгарский перевод старца Иоанна [Пентковская 2004а: 241], и русские редакции ИУ XV в., восходящие к «Оку церковному» [Мансветов 1885: 274—276; Прохоров 1988: 80—81; Пентковский 2004: 168]). Чтобы определить место Fekula-VI в русской традиции, необходимым представляется анализ лингвистической нормы этого текста и его сопоставление как с ранней русской версией ИУ (ИУ-р), так и с поздней русской традицией ИУ, восходящей к южнославянским источникам, которую отражает, например, рукопись ГИМ, Усп. 5-перг. (XV в.), содержащая редакцию ИУ, сформированную уже при митрополите Киприане [Пентковский 1993: 235]. При этом в ряде случаев целесообразно привлечь данные южнославянских переводов ИУ.

Важную роль для характеристики лингвистической нормы богослужебного текста играет литургическая лексика. Выбор лексем для перевода определенного греческого термина и их распределение позволяет достаточно уверенно охарактеризовать принадлежность рассматриваемого перевода к той или иной переводческой традиции, выявить преимущественную ориентацию переводчика на местную (локальную) или, наоборот, на стандартную церков-

⁴ Эта греческая редакция ИУ была составлена, по всей вероятности, в начале XIV в. на Афоне. О ее литургических особенностях см.: [Пентковский 2004: 160]. Точный греческий оригинал Fekula-VI в настоящее время не выявлен, поэтому при подведении параллелей к славянскому тексту используются несколько греческих источников.

⁵ При этом специфические южнославянские памяти в Fekula-VI отсутствуют.

София, ЦИАИ, № 44, XIV в.) — находим только термин *въходъ*, а в сербских переводах ИУ использование локальной лексемы *исходъ* также ограничивается немногими случаями. Сходство с переводом Fekula-VI в данном случае демонстрируют и два перевода «Диатаксиса» Филофея Коккина XIV в., один из которых имеет предположительно русское происхождение (Д-1), а другой связывается с переводческой деятельностью патриарха Евфимия Тырновского (Д-2) [Пентковский 1993: 225—226]: оба они используют только стандартный термин *въходъ* [Панова 2005: 26—27].

Ориентацию на стандартную литургическую терминологию обнаруживает Fekula-VI и в случае перевода термина *ἡ συναπτῆ*: как и во всех переводах ИУ, за исключением ИУ-р, мы находим здесь древний славянский термин *дыаконства*: тѧ по скончаньи ексаплѧма глѧть дыаконства и възглашение 5 б — ЦИАИ 857 *εἶτα ποιεῖ τὴν συναπτὴν καὶ ἐκφωνεῖ* 8 v⁶; на кчюждо статью глѧть дыаконства маллаа 5 в — ЦИАИ 857 *ποιεῖ συναπτὴν μικρὰν* 8 v⁷; иервѣи дыаконства маллаа и поминаеть всѣ преже оусопшии ѡиць и брѧи нашии 18 в — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ὁ δὲ ἱερεὺς μνημονεύει ἐν τῇ μικρᾷ συναπτῇ πάντων τῶν προεχομένων ζώντων πατρῶν ἡμῶν καὶ ἀδελφῶν ἡμῶν*; тѧ глѧ дыаконства великаа 140 г; дыаконства маллаа 105 в — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ἐν δὲ ταῖς συναπταῖς* 62 г; *взиваю же ѡ иервѧ на кобнждо ставѧ мѧла дыаконства и поминае прѧ оумершии ещѧ и нѧ дыаконствѧи ·Г·іа пѧ и ·С·іа тако поминае* 106 а — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ἐν δὲ ταῖς συναπταῖς πάσαις τῆς στιχολογίας καὶ τοῦ κανόνος μνημονεύονται πάντες οἱ προαπελθόντες πατέρες καὶ ἀδελφοὶ ἡμῶν* 62 г; *вшѧшо же іервѧ възвалтарь глѧ дыаконства великаа 138 а — РГАДА, БМСТ/ин. 77 εἰσερχομένου δὲ τοῦ ἱερέως ἐν τῷ βήματι, ποιεῖ συναπτὴν μεγάλην* 87 v; *творить іервѧ, дыаконства маллаа 138 б — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 γίνεται συναπτῆ μικρὰ* 87 v.

При этом встречающаяся в Fekula-VI лексема *уктенья*, как правило, соответствует греческому *ἡ ἐκτενή*: и створить *вбзѧнаа уктенья* 3 а⁸ — ЦИАИ 857 *καὶ ποιεῖ τὴν συναπτὴν ἐκτενήν* 6 v; по сѧ уктѧа · ѡпѧ 139 г — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *εἶτα ἐκτενή καὶ ἀπόλυσις* 88 г и т. д., за исключением: и по скончанн пѧма *взиваеть уктѧа великаа ѡ сѧла* 2 в — ср. ЦИАИ 857 *πληρομένου δὲ τοῦ ψαλμοῦ, γίνεται συναπτῆ μεγάλη ὑπὸ τοῦ διακόνου* 6 v, отражающим, по всей вероятности, влияние традиции, закрепленной в ИУ-р. Таким образом, единичный случай использования в Fekula-VI выражения *великаа уктѧа*, характерного

⁶ Ср.: ИУ-р тѧ октѧа великаа миромь гѧ помолимса 18 а.

⁷ Ср.: ИУ-р глѧть са ѡ попа октенья маллаа паки паки 18 в.

⁸ Не вполне ясно, чем вызван в данном случае объектный им. п.: инерцией переписчика, связанной с тем, что в большинстве случаев это слово встречается именно в им. п., неверным прочтением сокращения греческого подлинника или же интерференцией со стороны диалектных структур. Последнее ввиду характера текста представляется менее вероятным.

для более ранней русской традиции при передаче *συναπτή μεγάλη*, сопоставим с единичными случаями появления в этом же памятнике терминологического русизма *взходъ* вместо стандартного *взходъ*.

В редакции ГИМ, Усп. 5-перг. находим конкуренцию терминологии, общей для всех славянских редакций ИУ, и принятой в ИУ-р терминологии: тѧ· по скончѧи, еѧѡѧлмѡ· твори ѧеренъ вѧкое дѧкѡнство· мирѡ ꙗко помолимъ л. 9; дѧкѡн глѧ· дѧкѡнства малла л. 7; и по коеиѡ ка глѧ, ѧеренъ дѧкѡнства малла л. 9 об., но тѧ октѧ малла л. 5 об.; глѧ, ѧеренъ или дѧкѡн· октѧ вѧкоу· мирѡ ꙗко помолимъ л. 7.

Близко к ГИМ, Усп. 5-перг. по рассматриваемому параметру подходит киприановская редакция Литургии Преждеосвященных Даров, в которой одновременно используется термин *октенья* в значении 'дьяконство' и собственно *дыаконство*: РНБ, Сол. 1018/1127 по еѧ дѧконъ, глеть, октенью· мврѡ ꙗко помолимса л. 45, но дѧконства малла л. 50 об.; дѧконства л. 53 об. [Афанасьева 2004: 194—199]. Характерно, что киприановская редакция Литургии Преждеосвященных Даров, подобно русской редакции ИУ ГИМ, Усп. 5-перг., составлялась на базе текста Литургии, близкого к редакции Евфимия Тырновского [Афанасьева 2004: 118]. В более ранних южнославянских редакциях Литургии Преждеосвященных Даров, включая афонскую, используются только термины *дыаконства*, *дыаконьници*⁹.

С южнославянской традицией связывает перевод Fekula-VI передача термина *ἡ ἀγριπνία*, для которого систематически используется эквивалент (всенощное) *вздѣвние*: Ѡ вѧвнѧи всенощнѧиъ вѧваемѧиъ чрезъ все лѧто 7 б; на вѧвнѧихъ 7 г, 143 в, 154 б; на вѧвнѧи 13 г, 14 в, 16 г, 24 г, 27 б, 45 б дважды, 53 в, 62 б, 91 а, 99 б, 103 г, 104 г, 106 в, 108 г, 124 в, 145 б, 146 в, 147 г, 150 б, 151 б, 154 а; вѧвнѧа рѧ 60 г, 68 г; прѧ вѧвнѧа 24 в дважды; егда вѧвнѧеть вѧвнѧа гѧкаѧ 25 г; вѧвнѧе 48 б, 51 б, 51 в трижды, 62 б, 63 б, 64 в, 72 б, 72 г, 73 г дважды, 76 в, 77 в дважды, 84 в, 84 г, 86 г, 149 а; егда хошетъ вѧйти вѧвнѧе 24 в; также егда же вѧдетъ всенощное· тогда вѧвнѧе ѡпѧ 7 б. Примечательно, что при наличии родительного приименного в греческом тексте для рассматриваемого перевода не характерна конструкция с притяжательным прилагательным; в нем конкурируют модели с родительным приименным *трѡда рѧ вѧвнѧа* 5 а, 7 а, 30 б, 46 б, 124 б и дательным приименным: *трѡда рѧ вѧвнѧю* 82 а, 123 г, 124 в; *трѡда рѧ прѧ вѧвнѧа* 13 в; *слѡ вѧвнѧю* 146 в, 148 б, 150 в; по вѧвнѧю 147 г. В единичных случаях в Fekula-VI отмечается и грецизм, также свойственный южнославянской традиции: и прочихъ агрипниихъ 7 б; сице во творимъ на всакни вѧрѧ· по агрипниихъ по вѧвнѧи 25 г¹⁰.

⁹ См. тексты Литургии Преждеосвященных Даров, изданные в [Афанасьева 2004: 134—193].

¹⁰ Этот случай, возможно, представляет собой внесение в основной текст рукописи исправления при одновременном сохранении прежнего варианта.

Преимущественное использование собственно славянского термина *вѣдѣние* объединяет перевод Fekula-VI с поздними южнославянскими переводами ИУ и прежде всего с переводом Евфимия Тырновского [Пентковская, в печати-а]. При этом в отношении передачи *ἡ ἀγρυπία* Fekula-VI не согласуется с традицией, характерной для ИУ-р, где данный термин передается как *всенощное пѣние* [Пентковская, в печати-б]; вместе с тем, этот текст объединяется с поздними русскими редакциями ИУ, в которых под влиянием южнославянской традиции также закрепляется термин *вѣдѣние*.

Рассматриваемый случай можно охарактеризовать как выбор переводчиком стандартной (применительно к церковнославянской традиции в целом) и одновременно «поздней» (применительно к русской традиции) лексемы.

Перевод греческого *ὁ κανδηλάπτης* в Fekula-VI дважды сопровождается глоссой: *идеть кандиловжигатель · сирѣ параклисиархъ 1 а* — ЦИАИ 857 *ἀπέρχεται ὁ κανδηλαρπτης 5 v*; *идеть пакы кандиловжигатель · рекше пономѧ 1 в* — ЦИАИ 857 *ἀπέρχεται ὁ κανδηλάπτης 5 v*. Печатный Типикон (РГАДА, БМСТ/ин. 77) также не имеет здесь глоссы. Далее в тексте Fekula-VI слову *ὁ κανδηλάπτης* соответствует *параклисиархъ*, например: *при чѧ десатѣ входи параклисиархъ · и створи метанье игумену и иде и оудараѣ въ вило · вѣ · ши 116 б* — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *περὶ δὲ ὡραν, ἰ'· εἰσέρχεται ὁ κανδηλάπτης καὶ ποιήσας μετάνοιαν, ἄπεισιν εἰς τὸ σήμαντρον καὶ κρούει, ιβ' 69 г*; *при чѧ же · ѣ · оудараѣ параклисиаръ въ вило · ѣ · жь 112 г* — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *περὶ δὲ ὡραν γ' κρούει τὸ σιδηρὸν γ' ὁ κανδηλάπτης 67 г*; *параклисиархъ же исходитъ прѣ нала и клеплѣ въ великое вило 114 г* — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ἐξέρχεται δὲ ὁ κανδηλάπτης καὶ κρούει τὸ μέγα σήμαντρον 68 г*; *параклисиархъ же створи покло игумену · идеть и оудараѣ въ вило 113 в* — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ὁ δὲ κανδηλάπτης, βαλὼν τὴν συνήθη μετάνοιαν τῷ προεστῶτι, ἀπέρχεται καὶ κρούει τὸ σήμαντρον 67 v*. Подобный способ передачи греческого *ὁ κανδηλάπτης* характерен для поздних русских редакций ИУ, например, для ГИМ, Усп. 5-перг., тогда как в ИУ-р представлен особый способ передачи *ὁ κανδηλάπτης*, не встречающийся в других славянских переводах, — грецизм *кандилаптисъ*, *кандилаптъ*. В переводах старца Иоанна, Романа и Евфимия используется калька *кандиловжигатель*, а в переводе Никодима *кандиложежъ* и *въжизаеи кандила* [Пентковская 2004а: 245].

Случаи, когда при переводе определенного греческого термина в славянской традиции применяется как собственно славянская лексема, так и грецизм, можно разделить на три группы в зависимости от того, каким образом выбор реализуется в рассматриваемом переводе ИУ.

А. Из двух возможных вариантов избирается (или явно предпочитается) славянская лексема.

Для обозначения особого вида литургической утвари (*ὁ δίσχος*) в Fekula-VI применяется только славянская лексема, а грецизм отсутствует: и *взимають*

чѣнное древо на блюдѣ 27 б — ср.: ЦИАИ 857 *καὶ λαμβάνουσι τὸ τίμιον ξύλον* 37 г; (иерей) взимаетъ крѣтъ с блюдо на главѣ своен 28 в — ЦИАИ 857 *αἶρει τὸν τίμιον σταυρὸν ἐκ τῆς ἀγίας τραπέζης μετὰ τοῦ δίσκου ἐπὶ τῆς κεφαλῆς* 37 в; српю же оцготовану аналогу съ брачинѣ приходить иерѣви и поставла блюдо со крѣто на немъ 28 г — ЦИАИ 857 *καὶ ὄντος ἡντρεπισμένου τετραποδίου, τίθεται ὁ δίσκος ἐπάνω αὐτοῦ* 12 в; иерѣви полагаѣ чѣнзи крѣтъ на блюдѣ 29 в — ЦИАИ 857 *ὁ ἱερεὺς ἀποτίθησι τὸ τίμιον ξύλον ἐν τῷ δίσκῳ* 38 г; и дѣ еклнснархъ иерѣви съ параклнснархѣ въ сѣдохранлнницю | вземлю чѣнное древо съ свѣщамн и с каднлнницею на блюдѣ поющѣ сѣи гн люди своа 121 б — в ЦИАИ 857 нет соответствия словам «на блюде» 142 г, ср. 37 в; (иерей) чѣнзи крѣтъ взимаетъ с каднлнницею на блюдѣ 122 а; | потѣ взимаетъ (крест) иерѣвѣ на блюдѣ и ѿноситъ въ стѣнн валтарь 122 г — ср.: ЦИАИ 857 *εἰς οὕτως λαβὼν αὐτὸν μετὰ δίσκου σὺν τῇ θήκῃ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, ἐξέρχεται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ βήματος... καὶ ἀπέρχεται εἰς τὰς βασιλικὰς πύλας* 142 в. Это свидетельствует об определенной унификации вариантов и одновременно сближает по данному признаку перевод Fekula-VI с ИУ-р, в котором также встречается в литургическом употреблении только лексема блюдо (за исключением одного случая). Грецизм *дискосъ* в данном употреблении характерен для южнославянской традиции и зависящей от нее поздней русской традиции ИУ [Пентковская, в печати-а].

Отмечены в Fekula-VI и единичные грецизмы на фоне систематического употребления славянского термина. Так, при регулярном употреблении лексемы *павечерница* в следующем случае зафиксирован грецизм: *прѣвнаго же маркиана слѣ поетъ на вподипнѣ* 70 а, ср., например: на *павечерницѣ* 116 в — ср. *τῶν ἀποδείπνων* 69 г. Этот грецизм также в виде единичных употреблений на фоне собственно славянского термина характеризует и южнославянские переводы ИУ.

Б. Вариативность грецизма и славянского эквивалента. При общей ситуации вариативности некоторое преобладание может получать как славянский термин, так и грецизм.

Так, греческому термину *ἡ μετάνοια* в Fekula-VI соответствуют две лексемы: грецизм *метанье* и его славянский эквивалент *поклонъ* (а также *поклоненье*), причем славянский вариант преобладает: и *творить метанье игчменч* 5 б; *створивъ метанье прѣ нимъ* 5 г; и *творимъ вси метанье единою* 6 в, *тѣ створъ метанье игчменч* 8 в, ср. 12 в; и *створъ метанье игчменч* 116 а; но не *творимъ* же на *всаки стисѣ* *поклона* 6 в; *вез поклоновъ* 13 в, 81 б, 82 а, 83 б, 112 а, 129 в, 129 г; *поклонъ* 15 в, 15 г дважды, 81 б, 82 а, 107 в, 111 б, 129 а; и *творить поклѣ* *·г·* на *срѣ* 19 в; *·г·* *поклѣ* 82 б, 82 г, 83 а, 83 б, 112 в трижды, 129 г, 130 а трижды; *·е·* *поклѣ* 83 б, ср. 112 б; и *тѣ* *творить поклонъ до земля* 112 в; *поклонъ* 113 а, 113 в, 113 г, 114 а, 114 б, 114 в, 114 г, 115 а, 115 б, 115 г, 116 а, 116 б трижды, 129 в; на *конечномъ* *поклонъ* 113 б; *съ поклоны* 128 в; по *конечнѣ* же *поклонен* 15 г; *игчменч* на *прѣ*

створшю поклоненье съ еръѣ створшимъ въздвижѣе 29 в. Такая же картина наблюдается и в южнославянских переводах ИУ.

В ИУ-р грецизм *метание* отсутствует, а употребляется только термин *поклонъ* и *поклонение*. Судя по всему, этот грецизм начинает активно использоваться в русской традиции именно в период второго южнославянского влияния, сначала в текстах южнославянского происхождения, а позднее и в оригинальных русских сочинениях (так, он встречается в текстах Кирилло-Белозерского сборника XV в., в Скитском Патерике в составе Великих Миней Четых и пр.) [Срз. II: 129; СлРЯ XI—XVII вв. 9: 123].

Характерно, однако, что и в данном случае предпочтение в Fekula-VI отдается собственно славянскому варианту, так же, как в поздних русских редакциях ИУ, восходящих к южнославянским источникам (Усп. 5-перг. и РГАДА, ф. 381, № 143) [Пентковская, в печати-а].

Наоборот, при передаче греческого *ἡ στιχολογία* в Fekula-VI преобладает грецизм: *взвичнаѣ стѣлоѣ* 26 г, 28 а, 33 г, 51 в, 70 б, 76 в, 81 б дважды, 83 в, 84 г, 86 а, 87 а, 91 б, 93 г, 94 б, 94 в, 95 б, 95 в, 95 г, 96 б, 96 в, 96 г, 97 г, 98 в, 98 г, 99 а, 103 г, 104 г, 106 в, 106 г, 108 г, 109 а, 129 а, 147 а, 147 г, 148 б, 148 г, 150 б, 150 в, 153 б, 154 а, 154 в; *вѣръ стѣлоѣ не взываѣ* 46 б, 68 г, ср. 99 б; *вез стѣлоѣ* 82 а; *стѣлоѣ* 82 в; *везъ стѣлоѣ* 83 а; по *стѣлоѣ* 156 б, но *взыѣ стѣслоѣ* 26 в, 32 г, 34 г, 35 а, 35 б, 35 в, *стѣслоѣ* 129 а. То же касается и перевода глагола *στιχολογέω*: *вѣръ не стѣлогисчѣ* 30 б, 149 б, 150 а; на *вѣрни стѣлогисчѣ* *влжнъ мѣ* 84 в, ср. 91 а, 151 б, 151 в; и *стѣлогисчѣ ѿ пѣ* 121 а — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *στιχολογοῦμεν δὲ καὶ τὴν ἐβδόμην ὠδὴν* 73 г; како *стѣлогисчють пѣ* 121 а — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *πῶς στιχολογεῖται αἱ ᾠδαὶ* 73 г. Данная ситуация типична для поздних версий ИУ, а в ИУ-р отмечаются только стихословье и стихословити, а варианты *стихологнѣ* и *стихологисати* не встречаются.

При передаче греческого *ἀλφάβητος* в Fekula-VI в равной мере используется грецизм и славянская калька: и *входѣ въ цркъвъ поуще* и *прѣѣ стѣръѣ ѣже счть* по алфавитѣ 4 а—б¹¹ — ЦИАИ 857 *τὰ κατὰ ἀλφάβητον* 8 г; азбуквоници 53 в; *кѣ стѣръ вѣка канѣ ѣже счъ* по алфавитѣ 123 г; по алфавитѣ творенье *иусифово* 148 г. Сходная ситуация обнаруживается и в южнославянской традиции, и в поздних русских редакциях [Пентковская, в печати-а]. В ИУ-р, однако, грецизм отсутствует.

В. Из двух возможных вариантов избирается (или явно предпочитается) грецизм.

Так, в соответствии с греческим *ὁ πολυέλεος* в Fekula-VI регулярно используется грецизм *полиелеѣ* 14 г, 20 в, 25 б, 28 а, 33 г, 34 в, 44 б, 45 г, 48 в,

¹¹ Ср.: ИУ-р и *поуще възходимъ в цркъвъ* и ставше *посредѣ цркъви* и *поемъ азбуквоники* 16 б.

51 в, 60 а, 60 б, 64 б, 67 в, 70 б, 72 г, 74 а, 75 б, 75 г, 76 в, 77 г, 80 б, 82 в, 83 в, 84 г, 86 б, 87 а, 91 б, 92 б, 99 в, 106 г, 109 а, 126 б, 143 г, 149 в, 150 б, 151 в и только один раз встречается славянская калька *многомилостивъзи*: *прилагаѣ* же и *многомилостивъзи* на *вдѣвнѣхъ* 7 г. Это кардинально отличает перевод Fekula-VI от ИУ-р, в котором систематически используется термин *многомилостивъзи* и лишь один раз встречается *полюе* 53 в. Напротив, по этому признаку Fekula-VI сближается с поздними русскими редакциями ИУ, особенно с редакцией Усп. 5-перг., в которой на фоне регулярного употребления *грецизма* *полѣлеу* отмечаются единичные случаи использования славянского эквивалента [Пентковская, в печати-а].

В соответствии с греческим *ὁ ἐξάψαλμος* (*τὸ ἐξάψαλμον*) в Fekula-VI всегда используется *грецизм*, форма которого отражает среднегреческое произношение: *ексап̄лмо* 11 г, 12 г, 45 г, 67 в, 124 а, 132 г, 143 в, 144 в, 150 в, 160 в дважды, 165 г; до *скончѣа* *ексап̄лмѣ* 160 г; съ *ексап̄салмомъ* 12 а; по *ексап̄лмѣ* 17 в, 106 а, 124 г, 128 а, ср.: 154 в; *ексап̄лмъ* 60 а, 135 б; по *скончѣа* же *ѣап̄лма* *зываютъ* *дыаконства* 111. В данном переводе не зафиксирована славянская калька *шестопсалмиѣ*, характерная для перевода Евфимия Тырновского и сербских переводов ИУ.

Грецизм *ексап̄салмъ* (*ексап̄салмо*) отмечается в южнославянских богослужбных текстах, он также был воспринят и ранней русской традицией, о чем свидетельствует перевод Студийско-Алексиевского устава XI в. [Пентковская 2004а: 239]. Характерно, что в ИУ-р нормативным является использование *грецизма* в начальной форме *ексап̄салмъ*, что является для славянской традиции вариантом более архаичным. В болгарских переводах ИУ конкурируют оба термина (*славянский* и *грецизм*), причем если в более раннем переводе старца Иоанна предпочтение отдается *грецизму*, то в Черепишском типике преимущественно используется *славянский* вариант (за немногими исключениями). В форме *ексап̄салмо* *грецизм* регистрируется в поздней русской традиции ИУ, в частности, в ГИМ, Усп. 5-перг.

Для передачи *ἡ λιτή* в Fekula-VI используется исключительно *грецизм* *литѣа*: и *взѣинаѣа* *лиѣа* *въ* *притворѣ* 17 г, 18 б, 22 в, 104 б, 144 а, 144 в, 144 г, 146 а, 146 г, 148 в, 150 г, 155 а, 156 в — ЦИАИ 857 *καὶ ἡ συνήθης λιτή ἐν τῷ νάρθηκι* 163 г; на *литии* 27 в, 64 в — ЦИАИ 857 *εἰς τὴν λιτήν* 31 г; *твори* *взѣинѣю* *лию* 82 б — ЦИАИ 857 *ποιούμεν τὴν συνήθην λιτήν* 64 г; *а* *въе* *исходѣи* *твораше* *лию* *въ* *притворѣ* 112 г; *престаетъ* же *таже* в *притворѣ* *литиа* *ѡ* *вчерашниѣа* *ѣкниѣа* *срѣ* *до* *нѣли* *фоминъ* 130 в. *Славянский* эквивалент *исхождение*, характерный для русской традиции (только он встречается в ИУ-р, а в поздних русских редакциях он используется наряду с *грецизмом*), здесь не зафиксирован.

Только *грецизм* используется в данном переводе в соответствии с *ὁ ἐκκλησιαάρχης*: *егда* *еклисиархъ* *хощетъ* 108 б — *ὅταν ὁ ἐκκλησιαάρχης βούληται*

(64 v) и т. д. Это отличает Fekula-VI от ИУ-р, в котором греческому $\acute{o} \text{ἐκκλησιάρχης}$ соответствуют два термина, грецизм и славянская калька, причем славянский эквивалент преобладает: ГИМ, Син. 329 ѣклицсархъ 45 б, 175 б, 201 г, 242 г; ѡ клисарха 197 а; и ѡклицсарха 235 г; но ѡрквиначальникъ 46 г, 47 а, 47 б, 79 а, 139 г, 141 б, 193 б, 200 б, 268 в; съ ѡрквиначальникѡ 127 б, 220 в; до ѡрквиначальника 235 а.

Грецизмом передается в Fekula-VI и лексема $\acute{o} \text{ἀήρ}$ в специфически литургическом значении ‘пелена, которой покрываются покрытые покровцами потир и дискос на литургии’: $\text{ѣрѣи же възъвизають покровъ ѡ стѣхъ даровъ. и покрывають ѥ съ аеромъ}$ 115 г — РГАДА, БМСТ/ин. 77 $\alpha\acute{\iota}\rho\epsilon\iota \delta\acute{\epsilon} \acute{o} \text{ ἱερεὺς τὰ καλύμματα ἐκ τῶν ἀγίων, καὶ σκεπάζει αὐτὰ, μετὰ τῆς ἀναφορᾶς, ἥτοι ἀέρος}$ 68 v¹². Примечательно, что грецизм находится в составе глоссы в редакции Евфимия Тырновского: ЦИАИ № 44 $\text{възымаетъ же ѣрен покровъ еже ѣ аеръ ѡ стѣхъ даровъ}$ 479. Использование грецизма при глоссировании собственно славянского слова в ЦИАИ № 44 свидетельствует о том, что для южнославянской традиции термин аеръ является таким же лексическим регионализмом, каким для русской традиции является, например, термин въходъ .

В ИУ-р, однако, в данном случае используется славянская лексема въздѡухъ : ГИМ, Син. 329 $\text{възываетъ же сѣненкъ ова судара ѡ стѣхъ}$ по обычаю и $\text{покрывають паки ѣдинѣмъ обовыеть се же кестъ дискосъ и потиръ. или въздѡухомъ}$ 211 г. В поздних русских редакциях ИУ также находится славянский эквивалент: РГАДА, ф. 381, № 143: $\text{възываетъ ѣрени покрѡ ѣ ѣ възухъ}$ 143 а; ГИМ, Усп. 5-перг.: в $\text{тѡ время, ѡкрывае сѣнникъ покровци ѡ стѣхъ даровъ и покрывають ѥ, въздѡухѡ}$ 226 об. Любопытно в этой связи, что подобное расхождение в выборе терминологии отмечается и в двух переводах Диатаксиса патриарха Филофея: в болгарском переводе систематически используется грецизм аеръ в соответствии с $\acute{o} \text{ἀήρ}$, тогда как в предположительно русском переводе это слово передается как въздѡухъ [Панова 2005: 46—47].

Грецизм аеръ характерен для афонской редакции Литургии Преждеосвященных Даров: РНБ, Соф. 531 и $\text{полагае на (т. е. Святые Дары) ѣрени. по обычаю на стѣи трапезъ, и покрываетъ ѣренимъ (!) ничтоже надъ ними гла}$ 95 об.; егда же видить $\text{ѣ дѣлконъ в'ложиша рвкж по аеръ. и прикоснѣвшася стѣж хлѣбж в'згла}$ Воньмѣмъ 99—99 об. [Афанасьева 2004: 190, 192].

Более сложный случай представляет собой использование в Fekula-VI двух синонимичных грецизмов в соответствии с одним словом греческого оригинала: $\text{и прише ѣрѣи полде чѣнзи и кртъ на рѣоуготовленѣи тетраподи. сирѣ на аналогни. покровенъ сѣшю емъ съ врачинѣ}$ 122 а — ср.: ЦИАИ 857 καθεῖσε

¹² Ср.: ЦИАИ 857 $\acute{o} \delta\acute{\epsilon} \text{ ἱερεὺς αἶρει τὰ καλύμματα ἐκ τῶν ἀγίων, καὶ σκεπάζει αὐτὰ τῆ ἀναφορᾶ ἥγουν τῷ ἀερί}$ 137 г.

προετρεπισθέντος τετραποδίου, τίθησιν αὐτὸ ἐπάνω καὶ θυμῶ κυκλόθεν 142 v; сущю же о҃готовану аналогѹ сѹ врачинѣ приходити нерви и поставла̄ блюдо со крѣтѹ на немъ 28 г — ср. ЦИАИ 857 καὶ ὄντος ἡντρεπισμένου τετραποδίου, τίθεται ὁ δίσκος τίμιος σταυρὸς ἐπάνω αὐτοῦ 37 v¹³; и вземъ чѣнзи крѣтѹ в рѹкѹ своею нага. и стаеть прѣ аналогиемъ зра кѹ в'стокѹ 28 г — ЦИАИ 857 καὶ λαβὼν ἐπὶ χειρᾶς τὸν τίμιον σταυρὸν γυμνὸν μετὰ βασιλικῶν κλάδων ἴσταται ἔμπροσθεν τοῦ τετραποδίου βλέπων κατὰ ἀνατολᾶς 38 г¹⁴.

Для болгарской традиции в этом случае характерно употребление грецизма тетраподъ (ὁ τετράπους). Именно он отмечается в переводе старца Иоанна: ЦИАИ 201 и о҃крашеноу тетраподоу. полагаѣ дискосъ врѣхоу его л. 31, и стои прѣ тетраподѹ зра на възѣ л. 31 и в переводе Евфимия Тырновского: ЦИАИ, № 44 и полагаѣ дискосъ сѹ крѣтѹ на тетрапѹ л. 130; стои прѣ тетраподѹ л. 130. В сербских переводах ИУ находим кальку: БАН 67 (перевод Никодима) и в҃готованоу со҃цѹ четвороногѹ посрѣ цр҃кве поставляѣтсе блюдо съвыше него л. 27 об., стаѣ прѣ четвороногимъ зре на вѣтѹ л. 28; РНБ, Ф.п.I.26 (перевод Романа) и со҃цѹ о҃готованоу ·д·роножцоу. полагаѣтсе блюдецѹ сѹ покровцѣ врѣхоу ѣ л. 79, станеть прѣ четвороножцѣ. зре на вѣтѹ л. 79.

Особый перевод ὁ τετράπους находится в ИУ-р: ГИМ, Син. 329 нерви же полагаѣт чѣное древо на блюде врѣху стола 47 б; ср. список того же перевода ВОКМ, № 4378 прише прѣ стѣна двери прео҃готовану столу тако положить врѣху стола л. 83.

В русской традиции ИУ зафиксирован и грецизм тетраподъ — в редакциях, восходящих к южнославянским источникам. Так, в редакции РГАДА, ф. 381, № 45, обнаруживающей зависимость от перевода старца Иоанна, находим: и о҃крашену сущю тетраподу. полагаѣт дискѹ врѣху ѣ л. 149 об., и стои прѣ тетраподѹ зра на възѣ л. 150. В поздней русской редакции ИУ он сопровождается глоссой аналои: ГИМ, Усп. 5-перг. и прише иереи, полагаѣ чѣнзи крѣтѹ на прео҃готованѹи тетраподѹ, сирѣ на аналои, покровеноу со҃цѹ емв, сѹ врачинѣ л. 235 об. Этот фрагмент практически полностью совпадает с цитированным выше Fekula-VI, л. 122 а. Такое совпадение свидетельствует, возможно, о наличии некоего общего источника для двух рассматриваемых текстов, однако этот вопрос еще нуждается в специальном исследовании.

Подобный случай одновременного употребления двух терминов обнаруживается и в сербском переводе Никодима: София, БАН 67 и в҃готованоу со҃цѹ четвороногѹ посрѣ цр҃кве поставляѣтсе блюдо съвыше него. мнит же се четверонога ана-

¹³ Ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 καὶ ὄντος ἡντρεπισμένου τετραποδίου, τίθεται ὁ τίμιος σταυρὸς ἐπάνω αὐτοῦ 12 v.

¹⁴ Ср. РГАДА, БМСТ/ин. 77 καὶ λαβὼν ἐπὶ χειρᾶς τὸν τίμιον σταυρὸν γυμνὸν μετὰ βασιλικῶν ἴσταται ἔμπροσθεν τοῦ τετραποδίου βλέπων κατὰ ἀνατολᾶς 12 v.

логи глѣ̄ 27 об., однако его терминология не совпадает в данном случае с Fekula-VI и ГИМ, Усп. 5-перг.

Для поздних русских редакций ИУ, впрочем, более обычным является употребление термина *аналон* в соответствии с *ὁ τετραπόυς*: ГИМ, Усп. 5-перг. приходѣ̄ иерен до сѣ̄ цркви близь мало стѣ̄ дверѣ̄и тамо оуготованъ, аналогоч, и чѣ̄тною паволокою покровенъ л. 99; идеже оуготовленъ аналон л. 235 об.; і двѣ̄е оукрашеноу аналоу с паволокою л. 243 об.; оуготованоч соущочу аналогоч хлѣ̄бѣ̄ и виноу по обыно л. 254; РГАДА, ф. 381, № 143 тамо во оуготованъ аналоу четвероножнѣ̄ и чѣ̄тною паволокою покровенъ л. 42 а.

Таким образом, по употреблению лексем *тетраподъ* и *аналогъ* для перевода *ὁ τετραπόυς* Fekula-VI сближается с поздними русскими редакциями ИУ, восходящими к южнославянским источникам, и расходится с ИУ-р.

Рассмотренный материал показывает, что практически во всех случаях перевод Fekula-VI демонстрирует сходство с южнославянской (по преимуществу поздней) традицией, отличаясь от русской, представленной в ИУ-р. Это сходство проявляется в одной группе случаев в выборе грецизма, в другой группе случаев — в выборе собственно славянского эквивалента, в третьей — в наличии вариативности «южнославянского» типа. Ситуация размежевания с более ранней русской традицией характерна для периода южнославянского влияния, причем наиболее полно она изучена в области орфографии (см., например: [Гальченко 2001]). Однако, несмотря на существенные изменения орфографических принципов в этот период, в области практической орфографии эти изменения все же проводятся не всегда последовательно и чаще всего сопровождаются процессами адаптации к существовавшей на протяжении веков русской традиции (так обстоит дело, в частности, с распределением *жд* и *ж* на месте **dj* в период XV—XVI вв.) [Живов 2004: 47]. Нечто подобное можно обнаружить и в сфере литургической терминологии (при всем несходстве орфографического и лексического уровней). Так, в ряде случаев перевод Fekula-VI демонстрирует адаптацию к русской литургической традиции на терминологическом уровне. Примеры единичного употребления лексем, характерных для русской литургической традиции, были названы выше; есть и случаи систематической адаптации. От южнославянских переводов Fekula-VI отличается, например, способом передачи греческого *ὁ ναρθηξ*. Здесь, как и в ИУ-р, эта лексема последовательно передается как *притворъ*: въ притворѣ̄ 83 б, 104 б, 105 а, 112 г, 130 а, 130 в дважды, 136 а, 144 а дважды, 145 б; въ притворѣ̄ 118 б, 137 в, 158 а; кашлати же или плюнчѣ̄ти или всако ѿ̄ своего мѣ̄ста престѹпѣ̄ти или прѣ̄нти ѿ̄ вѣ̄шна̄ притвора въ цркъвь внѣ̄ти егда поетѣ̄ сѣ̄апѣ̄мо не имать никто̄ ѿ̄ власти 160 в.

Во всех южнославянских переводах ИУ при передаче *ὁ ναρθηξ* используется лексема *папрть* (*припратъ*, *папратъ*, *прапрть*), а в редакции старца Иоанна

Напротив, в ИУ-р последовательно употребляется лексема *єдиночадъзи*, что объясняется, по всей вероятности, отсутствием связи этого перевода с южнославянскими правленными редакциями богослужебных текстов. В поздних южнославянских переводах ИУ (например, в переводе Евфимия Тырновского) и зависящих от них русских редакциях унифицировано употребление нового термина *єдинородъзи* [Пентковская, в печати-а].

Сопоставление *Fekula-VI* с поздней русской традицией обнаруживает как значительное сходство в выборе литургической терминологии, так и определенные различия. Сходство состоит в преимущественном выборе стандартных / общецерковнославянских / «поздних» лексических вариантов (ср. положение об оппозиции «правых» / «левых» вариантов в морфологии в работе [Гиппиус 1989]), что свидетельствует о реализации в обоих случаях лексической нормы, связанной с процессом второго южнославянского влияния. Типологически, таким образом, перевод *Fekula-VI* принадлежит к поздней русской традиции, отличаясь от перевода ИУ-р практически полным отказом от маркированно локальных вариантов. Вместе с тем, между поздними русскими редакциями ИУ и *Fekula-VI* имеются и существенные отличия, четко выявляющие характер лексической нормы рассматриваемого перевода: в то время как поздние русские редакции ИУ демонстрируют в различных пропорциях адаптацию терминологических вариантов, принятых в русской традиции XIV в. (прежде всего, в ИУ-р), и в ряде случаев используют закрепленные этой традицией лексемы в качестве нормативных, *Fekula-VI* тяготеет к высокой степени стандартизации терминологии, отказываясь от локальных вариантов¹⁷ (исключение составляет, пожалуй, только лексема *притворъ* для передачи *ὁ νόθος*).

Возникает вопрос: с чем связано такое тяготение к воспроизведению нормы, свойственной прежде всего южнославянской традиции? Это может быть обусловлено как прямой зависимостью от южнославянского источника (в этом случае текст *Fekula-VI* представлял бы собой русскую переработку некоего южнославянского перевода), так и общей ориентацией на современное переводчику и, по всей вероятности, более престижное для него употребление. Четкий ответ на этот вопрос в настоящее время дать затруднительно, однако следует отметить в языке перевода наличие некоторых специфических словообразовательных моделей и активность определенных лексем.

¹⁷ Под локальными вариантами подразумеваются здесь не лексические регионализмы в узком смысле, выявленные в работе [Соболевский 1980] и в целом ряде работ последних десятилетий (см., например: [Молдован 1994; Пичхадзе 1998]), а такие лексемы, относящиеся к сфере литургической терминологии, которые, будучи известными церковнославянскому языку различных редакций, закрепляются по преимуществу лишь в одной традиции — в данном случае в русской.

Так, обращает на себя внимание частая употребительность в Fekula-VI лексем с корнем **kъsn-*, в основном наречий¹⁸: 1) *косоно*: тѧ̅· стопъзѧ̅ мога на прѧ̅· поюще велегѧ̅но и *косоно* 112 в — ср. РГАДА, БМСТ/ин. 77 *τοῦτο δὲ λέγομεν ἐκ τρίτου μεγαλοφώνως καὶ ἀργῶς* (67 г, ср.: ЦИАИ 857, 147 v); да поеть еклесиархъ ексапѧ̅мо или оучензиѧ̅ мнѧ̅ иакоже есть възично *косоно* и елико мощно есть съ скрѧ̅шеньѧ̅ же и възниманьѧ̅ 160 в; поеть же са *косоно* и съ гѧ̅мъз велегѧ̅но 111 б — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 *καὶ τὰ λοιπὰ μετὰ πρᾶξας καὶ ἴσης τῆς φωνῆς πάντες* 66 v;

2) *покосноно*: да въдеть же лиргниѧ̅ стъзиѧ̅ нѧ̅ли порано вѧ̅рна же *покосноно* трѧ̅да рѧ̅ вѧ̅дъвнѧ̅ 7 а — ЦИАИ 857 *ἔστω δὲ ἡ λειτουργία τῆς ἁγίας κυριακῆς ταχύτερον διὰ τὸν κόπον τῆς ἀργυρίας, τὸ δὲ λυχνικὸν βραδύτερον* 9 v¹⁹;

3) *покоснѧ̅*: тѧ̅ ше дъз клеплѧ̅ тажкѧ̅ · вѧ̅ · покоснѧ̅ 1 в²⁰ — ЦИАИ 857 *εἶτα ἀνερχόμενος κρούει τὰς βαρέας σχολαίως* 5 v; оудараѧ̅ параклесиархъ первѧ̅е тажкѧ̅ покоснѧ̅ 9 г—10 а; наипѧ̅ же прѧ̅чскниѧ̅ пѧ̅всни ѧ̅ всѧ̅хъ со вниманьѧ̅ и покосноноу пѧ̅тѧ̅зи да възивають· тако̅ и стѧ̅лоѧ̅ пѧ̅трѧ̅ кротко да възиваетъ и тонко· и тихимъ гѧ̅мъз 160 г;

4) *оукоснѧ̅ти*: но аще и оукоснѧ̅тъ· егда приспѧ̅ють пригнѧ̅ ... възизнѧ̅ поклѧ̅ 15 б.

Образования с корнем **kъsn-* отсутствуют в ИУ-р, однако зафиксированы в южнославянских переводах ИУ, в частности, в переводе Никодима 1319 г.: *поксно* (БАН 67, 105 об.); в переводе Евфимия (ЦИАИ 44): *въ пнѧ̅ · ѧ̅ · нѧ̅ на ѧ̅рни*, *клеплѧ̅ покъсно за вѧ̅рнѧ̅го радѧ̅ оуѧ̅вшенѧ̅а* 464; и *поѧ̅ са велегѧ̅но съ пѧ̅внѧ̅емъ късно* 465; · г̅ · *метѧ̅ велѧ̅ твораще по сѧ̅ же и дръвѧ̅ · вѧ̅ · твориѧ̅, късно за еже изравнѧ̅тисѧ̅ въсѧ̅емъ* 467.

В числе названных дериватов от корня **kъsn-* особенного внимания заслуживают наречия с приставкой *по-*, имеющие значение сравнительной сте-

¹⁸ Прилагательное **kъsnъ* 'медленный' и глагол **kъsnѧ̅ти* 'медлить' имеют продолжение в болгарском, македонском, сербохорватском, словенском языках, то есть на славянском юге и юго-западе; данные о наличии этих лексем в западных славянских языках отсутствуют в ЭССЯ. В русском языке развиты другие значения этих лексем: *косный* 'невосприимчивый к новому, отсталый', *коснеть* 'пребывать в неподвижности, в состоянии застоя; делаться косным; делаться малоподвижным, негибким; неметь' [ЭССЯ 13: 246—247]. Не зафиксированы дериваты от этого корня со значением 'медленный', 'медлить' в современных русских говорах [СРНГ 15: 57—61]. По всей вероятности, в современном русском языке это церковнославянизм.

¹⁹ Ср.: ГИМ, Син. 329 *възываетъ же литургиѧ̅ ранѧ̅е трѧ̅да радѧ̅ всенощнаго вечерна же поздѧ̅внѧ̅* (22 в); ГИМ, Усп. 5-перг. *да въывѧ̅ же литургиѧ̅ нѧ̅лнаѧ̅ поранѧ̅е трѧ̅да рѧ̅ вѧ̅дъвнѧ̅ · вѧ̅рна же попоздѧ̅внѧ̅е* (л. 10); РГБ, Сев. 27 (перевод Романа) *выкаетъ же, литургиѧ̅ в' стъѧ̅е нѧ̅ле, поскоро за трѧ̅удѧ̅ вѧ̅дъвнѧ̅ · вѧ̅рнѧ̅а поздѧ̅но, къ ноци* (л. 15); *творимъ же, и оуѧ̅рно, по агринѧ̅и поздѧ̅но* (л. 23).

²⁰ То же в ГИМ, Усп. 5-перг.: и оудараѧ̅ въ вѧ̅кое дръво тажкѧ̅ · вѧ̅ · покосноноу поаи непорѧ̅чны (л. 6).

пени (покоюно), которым в ИУ-р соответствует сравнительная степень на *ēje без этой приставки (поздътѣ), а в переводе Романа как образования по той же модели, что и в Fekula-VI (поскоро), так и образования, формально представляющие собой позитив (по̀зно). Такого рода образования со значением сравнительной степени отмечены в Fekula-VI и от других наречий: възвѣаетъ лиргина порану в дѣтѣ рѣ 60 г. Они фиксируются здесь наряду со сравнительной степенью наречий, образованной по модели по + компаратив: тѣ ·ѣ·е повзыше мало 2 в; възвѣаемъ повзыше мало 2 в²¹ — ср.: ЦИАИ 857 ἀναρροῦμεν μικρόν 6 в. Ср.: ГИМ, Усп. 5-перг. възвѣаетъ стѣ сѣи повыше 6 об. — ср.: ЦИАИ 857 ἀναρροῦεὶ τὸν στίχον ὑψηλότερον 6 в; възвѣаемъ повыше мало л. 7; РГБ, Сев. 27 повыше мало 9 об.; и подвижеть стѣ, высочае 9 об.

Для древнейшего периода у лексемы покоюно словарями отмечается лишь значение 'в подходящее, в должное время' Мин. 1096 (сент., л. 52) [Срз. II: 1114]. Однако подобную модель образования компаратива от качественных наречий находим, например, в современном болгарском языке: *по-често*, *по-трудно* и т. д.

На современной южнославянской диалектологической карте выделяют несколько зон с различными структурными типами образования сравнительной степени наречий, в числе которых модель по + старая синтетическая форма компаратива (формы типа *повече*), модель по + позитив (*по-много*, *помногу*), являющаяся наиболее аналитической, а также позитив, имеющий значение сравнительной степени (*много*) [Цыхун 1981: 199—205]²². Таким образом, наличие в переводе Fekula-VI наречия покоюно со значением сравнительной степени на фоне частотного употребления лексем с корнем *kъsn- следует, по всей вероятности, считать южнославянизмом.

В лексике Fekula-VI обращает на себя внимание также употребление глагола токѣмитиса 'уравниваться' и существительного оутѣкменьѣ 'уравнение, выравнивание': по сѣ творимъ другѣи покло ·дѣ· излехка оутѣкменьѣ рѣ 112 б; і потѣ ·ѣ· [поклонов] кротко и сѣ възмолвьѣ ·зѣ еже токѣмитиса всѣмъ ·твораче и на конечномъ поклонѣ какѣ прѣ пѣно вѣи ·глюще мѣ 113 б — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 διὰ τὸ ἰσάζειν πάντα 70 г; иво токѣмитѣ преломѣ хлѣвѣзи и сѣ красолѣ (!)²³ вина 137 а, ср. тѣ ·вѣзѣнѣна ·г· покло ·вѣкѣна и прочѣ ·ѣ· кротко с равенстью 117 в.

²¹ Ср. ИУ-р поемъ възше малы 14 а.

²² Отличие балканославянских форм по + позитив от структурно идентичных форм типа полесского *пóдалеко* 'далековато' состоит в ясно выраженной «компаративной функции» *по* в балканской зоне, то есть в грамматической формализации этого элемента [Цыхун 1981: 190—191].

²³ Ср.: *красо(в)уля* 'монастырский кубок, кружка, чаша'; укр. *красоуля*, *красовуля* 'кубок', сербск.-цсл. *красоволици*, *красоволь* 'мера' из среднегреч. *κрасοβόλιον* 'rosulum vinarium' [Фасмер II: 368].

Данное словообразовательное гнездо весьма активно в сербском переводе Никодима (София, БАН 67): и истакмаѣтсе чинь 123; ѿери же молитсе и творимь поклоны показуемоу оуставъ прѣже легко. зане токмиѣтсе (!) всѣмь. тѣ прѣстоицимъ 109; и творимь поклоны ·еи· такоже прѣже описасе· лекко и токмо 109 об. Напротив, в ИУ-р такие образования отсутствуют.

В параллель этому употреблению можно привести истѣкмѣти, истѣкмѣю ‘сравнивать’: симъ же образоу поубае намъ истѣкмѣти добродѣтелнаѣ дѣла (Исихия пресвитера к Феодулу словеса душеполезна), а также истѣкмѣти ‘ехаеquate’: имаши ли толико съгрѣшенїа его, елико възложити сиъ въ мѣрило и и истѣкмѣти съ чѣтнож моеж крѣвиж, аже на крѣствѣ виса излазъ его рѣ (Беседы папы Григория) и истѣкмѣти са ‘уподобляться’ (Исихия пресвитера к Феодулу словеса душеполезна) [Срз. I: 1156]. Ср. современное сербско-хорватское *такмен* ‘равный, являющийся ровней’ [Толстой 1957: 929].

В переводе регулярно используется прилагательное *рядовни*, соответствующее греческому *ἐνορδίνος*, характерное как для южнославянских переводов ИУ, так и для современных южнославянских языков: тогѣ глѣ или *рядовна* (108 б) — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *τοῦ ἐνορδίνου* (64 в); *рядовна глса* (105 б) — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *τοῦ ἐνορδίνου ἥχου* (62 г). Ср. с.-х. *редовни* ‘рядовой, обычный, очередной’ [Толстой 1957: 823], болг. *редовен* ‘постоянный, обычный’ [Бернштейн 1986: 580].

Обращает на себя внимание и использование в Fekula-VI выражения *до излаза* ‘до конца’: и до излаза августѣ мѣца (154 в) — ср. РГАДА, БМСТ/ин. 77 *δι' ὅλου δὲ τοῦ αὐγούστου* 99 г. В памятниках отмечается только *излазъ* ‘выход’ в Посл. Епиф. 1415 г. по сп. XVII в., во Второзаконии XVI.3 по сп. РГБ (Тр.-Серг.) нач. XV в.; в значении ‘vestibulum’ в Житии Порфирия 47 из Минеи Четьи за февраль по сп. XV в. из собр. МДА, № 584; есть это слово у Иоанна экзарха Болгарского [Сл.РЯ XI—XVII вв. 6: 160; Срз. I: 1060].

В СРНГ отсутствует (вып. 12). Продолжения **ъzlazъ* со значением ‘выход’ зафиксированы в современном болгарском, македонском и сербохорватском языках [ЭССЯ 9: 41]. В болгарских диалектах отмечено также *излез* ‘излизане, свършване, край’ [БЕР II: 36]. Ср. с.-х. *излазити* ‘истекать, миновать, проходить’ [Толстой 1957: 264].

К нелитургическим грецизмам данного перевода принадлежит заимствование *псарина* (ср. *τὸ ὀψάριον*), форма которого отражает свойственную живому греческому языку утрату предударной начальной гласной (*ὀψάριον* > *ψάρι*) — процесс, происходивший в ранневизантийский период [Browning 1969: 63]: аще ѿ монастырь не общежительскѣи да взимають браѣи тѣстѣе и питѣе изъ виньница монастырьскѣи въ своѣи кѣльѣи. даеѣт же са тѣстѣе сицево псарина и хлѣбъзи и вино доброе 25 в—г. Ср. *побаѣ* же вѣти· како чрѣ вса постѣи стѣина ·в·жъ· принахѣ тѣсти рзивоу· на влговѣщѣе прѣзѣка· и в не цвѣносночю 119 а — *δεῖ εἰδέναι, ὅτι ἐφ' ὄλην*

τὴν ἁγίαν τεσσαρακοστὴν, παρελάβομεν ἐσθίειν ὀψάριον τῇ ἑορτῇ τοῦ εὐαγγελισμοῦ καὶ τῇ κυριακῇ τῶν βαΐων 72 γ²⁴.

В греческих рукописях ИУ различных редакций лексемы τὸ ὀψάριον и ὁ ἰχθύς употребляются вариативно, как, например, в следующем случае: (ИУ 1528 г.) ἀλλ' οὐδὲ τοῦ Λαζάρου, ἢ τῇ βαϊοφόρῳ ὀρίζει καταλύει τοὺς πιστοὺς ὀψάριον ὁ κανών· οὐδὲ τῷ μεγάλῳ σαββάτῳ ἐσθίομεν ἔλαιον ἢ ἰχθύας [Дмитриевский 1917: 323]. Возможно, с подобной вариативностью и могло быть связано употребление грецизма в Fekula-VI наряду с обычной славянской лексемой.

Появление подобного рода грецизмов, ориентированных на живой язык, характерно для текстов, созданных в контактной греческо-славянской зоне [Пентковская 2004в; Николова 2004: 66—73], то есть на славянском юге или в межславянских и славяно-греческих центрах.

Итак, использование специфических лексем, характерных именно для южнославянских языков, наличие сравнительной степени наречия, образованной по южнославянской модели, а также употребление грецизма из числа «бытовых» может свидетельствовать о связи перевода Fekula-VI с южнославянской (возможно, сербской) традицией²⁵.

Обратимся теперь к некоторым грамматико-синтаксическим особенностям перевода. Fekula-VI входит в группу поздних редакций ИУ, в которой дв. ч. при согласовании (координации) глагола-сказуемого с подлежащим, обозначающим двух лиц, не используется²⁶.

При этом выбор формы ед. или мн. ч. при координации глагола с существительным-подлежащим зависит от ед. или мн. ч. в греческом тексте, сопоставление различных списков которого, в свою очередь, отражает вариативность в выборе форм ед. и мн. ч.: попъ же съ пареклисиархомъ исше̑ изъ влѣтара·

²⁴ Ср.: ЦИАИ 857 δεῖ εἶδέναι, ὅτι ἐφ' ὅλην τὴν ἁγίαν τεσσαρακοστὴν ἀπαξ παρελάβομεν ἐσθίειν ὀψάριον ἐν τῇ ἑορτῇ τοῦ εὐαγγελισμοῦ· τινὰ δὲ τῶν τυπικῶν δις ὀρίζουσι τοῦτο· τῇ τοῦ εὐαγγελισμοῦ καὶ τῶν βαΐων 140 г.

²⁵ Впрочем, от сербских переводов ИУ рассматриваемый текст отличается своей терминологией: так, сербским переводам ИУ не свойственны такие грецизмы, как екскапсало, тетраподъ (их место занимает шестипсалоуъ и четвероногъ соответственно). В свою очередь, в Fekula-VI не употребляется термин исходъ, свойственный сербской традиции, при том что в русских рукописях данного периода можно обнаружить совмещение всех трех существующих в славянской традиции терминов: такова, например, Триодъ Постная РГБ, ф. 304.I (Тр.-Серг.), № 26: ісхѣ̑ с кадилицею· і свѣщникѣ̑ 44 в; і вѣзѣ (!) вѣходъ вѣзъ еуѣангѣльа съ свѣщамѣи и кадилицею 68 а-б; вѣхѣ̑ вѣзъ еуѣльа 88 в; вѣхѣ̑ прѣ̑ 102 а.

²⁶ Это так называемый 4-й тип употребления дв. ч. — в конструкции с двумя именами [Жолобов, Крысько 2001: 47]. О важности этого типа контекстов для интерпретации процесса утраты дв. ч. см.: [Живов 2004: 80—82].

и створше поклѣ прѣ стѣими дѣверми. такоже и на вѣа лика по единомуу. и идеть и станеть на своемь мѣстѣ 2 б — ЦИАИ 857 *ὁ δὲ ἱερεὺς μετὰ τοῦ κανδηλάπτου ἐξελεύων τοῦ ἁγίου θυσαστηρίου καὶ ποιήσας μετένοιαν κατέναντι τῶν ἁγίων θυρῶν ὡσαύτως καὶ εἰς τοὺς χοροὺς πρὸς μίαν ἀπέρχομενοι* (в РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ἀπερχόμενος ἴστανται*) (в РГАДА, БМСТ/ин. 77 *ἴσταται*) *εἰς τὸ στασίδιον αὐτῶν* б г.

идеть по сѣ дѣяконѣ и покланяеть сѣ игуменѣ или мѣстѣ ѣ. и вше въ влтарь и ввлачаютъ въ стѣльскаѣ вѣѣ. исшѣше же въ црковь творять вѣѣ с кадилницю 2 г — ЦИАИ 857 *ἀπέρχεται ὁ ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος, καὶ ποιοῦσι μετένοιαν τῷ προεστῶτι· καὶ εἰσελεύοντες, ἀλλάσσουσι τὴν ἱερατικὴν στολὴν ἐν τῷ διακονικῷ· καὶ ἐξελεύοντες ἐν τῷ ναῷ εἰσοδεύουσι μετὰ τοῦ θυμιατοῦ* б в. Колебания в употреблении ед. или мн. ч. глагола в славянском переводе могут быть вызваны согласованием только с существительным в им.п./согласованием по смыслу (несколько лиц). Обращает внимание также и одинаковый перевод конструкций Nom. + (*μετὰ* + Gen.) и Nom. + *καὶ* + Nom. с помощью конструкции, содержащей тв. п. социативный с предлогом сѣ (если только это не отражение иного греческого чтения во втором случае).

Не используются формы дв. ч. глагола и в поздней русской редакции ГИМ, Усп. 5-перг.: иерен же сѣ параклесиѣрхѣ изшѣ ѿ стѣго влтарѣ. и створше поклѣ прѣ стѣими дѣверми. такоже и на вѣа лика по единомуу. и идѣѣ и станѣѣ на свой мѣстѣ л. 5; тоѣа, идѣѣ, иерен сѣ дѣяконѣ. и покланяютъ игуменѣ, или мѣстоу ѣ. и вше въ стѣи олтарь. облачаютъ въ сѣныа одежа ... и дѣѣе творѣ вѣхѣ л. 5.

Отсутствуют эти формы и в переводе Евфимия Тырновского: ЦИАИ 44 *ἱερεῖς сѣ кандиловъжигателѣ изшѣше ѿ стѣго влтарѣ и сѣтворивъ метаніѣ прѣ стѣими дѣѣими пѣвно и к ликѣ по едином и шѣ станѣ на мѣстѣ своѣ л. 15; приходѣи иерен сѣ дѣяконѣ и творѣ²⁷ метаніѣ игуменѣ или мѣстоу его л. 16.*

Подобная ситуация зафиксирована и в обоих переводах Диатаксиста: и в Д-1, и в Д-2 в конструкциях, описывающих действия двух субъектов, используются формы единственного или множественного числа глаголов, формы двойственного числа полностью отсутствуют в текстах, в чем, по-видимому, проявляется ориентация на язык подлинника: *приходить* иерен с дѣякономъ (Д-1) — *приходить* иерен же и дѣякѣ (Д-2) — *ἔρχονται ὁ τε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος*; *покланяютъ* дѣяконъ сѣ ереомъ (Д-1) — ср. *τῶν* *поклонѣса* тѣи же, и сѣеннѣ сѣзгди его (Д-2) — *προσκυνήσας αὐτὸς τε καὶ ὁ ἱερεὺς κατόπιν αὐτοῦ*. При этом для передачи греческих конструкций с соединительным союзом *καὶ* в значении совместности в Д-1 используется творительный социативный с предлогом сѣ, а в Д-2 копируется греческая структура, то есть используется союз и, объединяющий участников совместного действия [Панова 2005: 139].

²⁷ и здесь исправлено на *а*, то есть отражается колебание переписчика в выборе ед. или мн. ч. координируемой формы.

Практически не используется дв. ч. и в правленных редакциях Литургии Прежесвященных Даров (правда, небольшой объем не позволяет выявить установки книжников в полной мере): так, в афонской редакции при стабильном использовании в контекстах данного типа ед. и мн. ч. форму дв. ч. находим в единственном случае в окружении форм мн. ч.: РНБ, Соф. 531 (XV в.) вх^оди сценникъ, и дѣаконъ и творѣ метаніе игжменъ или мѣстѣ его тѣ творѣ прѣ стыми двѣрми метаніа ѿг^о и клиросома по единомъ и тако вх^одѣта в стыи жертвеникъ и измѣнившѣ сценничьскаѣ вдѣжѣ глаголюще на ними таже по обычаю вх^одѣ прѣ стѣю трапезѣ л. 85—85 об.; іереи же съ дѣакономъ ѿшедше стѣють прѣ стѣю трапезою (л. 90); и тѣ вх^одѣ [дѣякон] съ іеремъ, и преносѣ стѣа л. 95 об. [Афанасьева 2004: 183—190]. Такое употребление дв. ч. показывает синонимичность форм дв. и мн. ч., которые выступают как морфологические варианты категории множественности (ср. [Живов 2004: 82]). В редакции митрополита Киприана дв. ч. отсутствует даже при подлежащем, выраженном счетной формой: РНБ, Сол. 1018/1127 (XV в.) дѣакон же покади сценника и вѣ стыи влтарь и ставше вѣа прѣ стым прѣтлѣмъ поклоняются л. 44 об.—45 [Афанасьева 2004: 194].

В предшествующей же славянской редакции Литургии дв. ч. появляется в ожидаемых случаях: ГИМ, Увар. 574 (сер. XIV в., сербск.) днѣ ... внидѣ в влтарь съ попомъ и поклонитасѣ ѿг^о и изидеть л. 102 об.; и поклонитасѣ ѿг^о л. 159 [Афанасьева 2004: 154].

Более ранние сербские переводы ИУ также используют в данных контекстах дв. ч.: ГИМ, Воскр. 9-перг. (перевод Никодима) иереи же и паракли^тархъ изыш^а ѿ стго ѿтара, и створ^а мета^е прѣ стыми двѣрми такоже и къ странамъ по ѿг^о и ѿшша станета на своѣ мѣсто л. 3 об.; вх^одитъ иереи и днѣ и створита мета^е игомену^ю или мѣстоу его такоже прѣ рѣкѣ л. 4 об.

РГБ, Сев. 27 (перевод Романа) іереи же съ канловжигателѣ изыш^адшаа стымъ жр^твникѣмъ, и сътвориша метаніе прѣ стыми двѣрцами, тако и къ вѣвма ликома по єдиноу, ошѣша стоита на мѣстѣ ихъ л. 9 об.²⁸; вх^оди іереи, и днѣ, и творита мѣни^е, прѣстатѣ ли мѣстоу его и вшѣша вблачита сценночю вдѣжю в дѣаконицѣ и исх^одита вѣ црковѣ на исх^о л. 10.

Не вполне ясным в этом отношении является перевод старца Иоанна. В ЦИАИ 201 отсутствует начало текста, а рукопись этого перевода Jegus. GOR. 13 (XIV в.) нам недоступна. Однако соответствующий фрагмент имеется в Хил. 165 (XIV в.) — сербской переработке перевода старца Иоанна: Хил. 165 иереи же съ паракли^тархомъ изыш^а изъ стго влтара створитъ метаніе прѣ стыми двѣрми такоже и на вѣ странѣ по єдинои шѣ станеть на своємъ мѣстѣ л. 2 об. Согласование в данном контексте по ед. ч., чему, по всей вероятности, спо-

²⁸ При этом последнее местоимение стоит в форме мн. ч.

собствовало то, что второй субъект действия, имеющий подчиненное значение, обозначается с помощью конструкции съ + тв. п. Однако в следующем случае появляется дв. ч. глагола; правда, неясно, является ли это дв. ч. отражением особенности архетипа или появилось в результате сербской редакции. Вторая возможность не может быть полностью исключена, так как в том же фрагменте находим регионализм *исходъ* в значении 'вход священнослужителей в алтарь', который характерен именно для сербских переводов ИУ и, как кажется, не встречается в болгарских: *идеть по· и дидань· и творита метание настоещоу·му или мѣстоу него· какоже прѣже рено бы· и вблачитсе въ вдѣ·жоу стльскою· и вышѣ въ црковь и творить исходъ съ кадил'ницею и прѣ ними· два свѣщника съ ламбадами идета съ ѿкрывенами главами· вбѣ же странѣ поета самогласно 3 г. В рассматриваемом фрагменте зафиксировано также правильное употребление дв. ч. глагола при подлежащем, выраженным сочетанием числительного 'два' ('оба') с существительным (так называемое конгруэнтное дв. ч. [Жолобов, Крысько 2001: 47]).*

Формы дв. ч. глаголов содержит в составе данной модели также ИУ-р: ГИМ, Син. 329 *нерѣи же с кандилапѣтѣ исходита ѿ жертвенника и ствараеѣт поклонение купно предъ стѣми дверьми ·г·жѣ и на овѣ странѣ по единою· и идзи станета на своихъ мѣстѣхъ 13 г; по семь нерѣи и дьяконъ творита исхождение въ притворъ 14 г.*

Множественное число глагола-сказуемого используется также в Fekula-VI и при его координации с подлежащим, выраженным сочетанием числительного и существительного в дв. ч.: и по скончѣи патѣ стѣ глѣютъ вба лика вкѣ ·а· 117 б — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *μετὰ δὲ τῆν συμπλήρωσιν τῶν πεντεστίχων, λέγουσιν οἱ δύο χοροὶ ἑμοῦ τὸν πρῶτον στίχον 69 v.* Наиболее ранние примеры употребления глаголов в форме 3 л. мн. ч. при парных обозначениях зафиксированы в переводных памятниках XII в., что объясняется следованием грамматическим особенностям греческого оригинала: си оубо дъва еретика· пелагини и келестинъ рѣша — *ὡς φασι* (Ефремовская Кормчая, 281 б). Со второй половины XIII в. примеры такого рода встречаются регулярно, что свидетельствует о семантическом переосмыслении форм дв. ч. [Жолобов, Крысько 2001: 142—143].

Итак, по особенностям употребления форм дв. ч. Fekula-VI отличается от ИУ-р и более ранних южнославянских переводов ИУ, демонстрируя вместе с тем сходство с поздней болгарской (с переводами ИУ и Диатаксиса, связанными с кругом Евфимия Тырновского, афонской редакцией Литургии Преждеосвященных Даров) и поздней русской традицией (редакция ГИМ, Усп. 5-перг., киприановская редакция Литургии Преждеосвященных Даров и предположительно русский перевод Диатаксиса).

Следующие синтаксические особенности, характерные для Fekula-VI, также выявляют принадлежность реализованной в нем нормы к позднему типу.

Так, греческая конструкция *μετά* + род. п., имеющая орудийное значение, часто переводится в Fekula-VI с помощью конструкции *съ* + тв. п.: и *прекрѣтивъ крѣтѣобразно* съ кадилицею прѣ ѡлтаремъ идееть и покаждаетъ иконѣ стго егоже есть хрѣ 1 г — ср.: ЦИАИ 857 *καὶ ποιήσας σταυρὸν μετὰ τοῦ θυμιατοῦ κατέναντι τοῦ ἱλαστηρίου, ἀπέρχεται καὶ θυμῶ τὴν εἰκόνα τοῦ ἁγίου* б г; егда же ствараеть по крѣтѣ съ кадилицею и поклонитѣ и покланаетѣ с нимъ и параклисиархъ 2 а — без соответствия в ЦИАИ 857; творить с кадилицею крѣтѣ 2 а — ЦИАИ 857 *χαράττει τὸν σταυρὸν μετὰ τοῦ θυμιατοῦ* б г; и створить крѣтѣ ·ѣ· с кадилицею 2 а — ЦИАИ 857 *καὶ ποιεῖ σταυροὺς τρεῖς μετὰ τοῦ θυμιατοῦ* б г; и знаменашю нервью крѣтѣ в нѣль ·ѣ·жъ съ крѣтмъ чѣнѣ 28 г — *σφραγίζοντος τοῦ ἱερέως ἐν ταῖς ἐν ἄρξεσι μετὰ τοῦ τιμίου σταυροῦ* 12 в; и по семь блѣваетъ нерви людѣ съ еѡльемъ 5 г.

Традиционным способом передачи значения средства и орудия в славянских памятниках являлся творительный беспредложный: в старославянских памятниках нет убедительных примеров употребления творительного падежа с предлогом *съ* в значении орудия и средства [Ходова 1960: 126—129; Бауэрова 1963: 291—293]. Ср. тв. п. беспредложный в орудийном значении, характерный для ИУ-р: ГИМ, Син. 329 и вшедъ во олтарь када стѣю трапезу г·жъ крѣтмъ 13 в; по семь дыконъ начертѣ крѣта кадиломъ възъгласить 14 в — РГАДА, БМСТ/ин. 77 *εἶτα ὁ διάκονος χαράττων σταυρὸν μετὰ τοῦ θυμιατοῦ λέγει* б в; нерви же въземъ ѣдинъ хлѣвъ и тѣмъ прекрѣтитъ и прочаѣ хлѣвъ 16 в; тѣ прекрѣтитъ стѣю трапезу кадиломъ 17 в.

В ГИМ, Усп. 5-перг. встречаются обе модели: дѣакѣ же знаменаѣ кадилѣ къ цркымъ дверѣ крѣтаобразно л. 7; и пакы приходѣ къ цркымъ дверѣ, знамена кадилѣ крѣтаобразно л. 7 об.; но егда сътворѣ иерей крѣтѣ с кадилѣ л. 6; знаменаѣ с кадилѣ крѣтѣ зрѣ къ възтокѣ л. 6 об.; и ставъ прѣ стѣю трапезою и знаменаѣ с кадилѣ крѣтѣ л. 6 об.; и въз хлѣвъ единъ в десночю рѣчкѣ и твори с нимъ крѣтѣ нѣ прочими хлѣвы л. 8; по цѣловѣи же стго еѡлѣа блѣветъ иерей ·брѣю· съ еѡлѣемъ л. 9 об.

Греческая модель *μετά* + Gen. в орудийном значении передается конструкцией *съ* + тв. п. и в двух переводах Диатаксиса патриарха Филофея: творить с нею крѣтѣ (Д-1) — творить съ неж крѣтѣ (Д-2) — *ποιεῖ μετ' αὐτῆς σταυρὸν*; имѣща звѣздачъ накрѣтѣ с покровцемъ (Д-1) — ср. имашь звѣздаж съ покрѣвалъ (Д-2) — *ἔχοντα τὸν ἀστερίσκον μετὰ τῶν καλυμματίων* с. 76. При этом в обоих переводах есть случаи использования тв. п. беспредложного в указанном значении: покрѣвъ его ѣдинѣ покровцемъ (Д-1) — и съ единѣ покрѣвалѣ покрѣвъ (Д-2) — *καὶ καλύψας αὐτὸ μεθ' ἐνὸς τῶν καλυμματίων*; дыакѣ приемлѣ сѣво рѣками стое влюдце (Д-1) — дѣаквнъ възѣ рѣкама стѣин дѣскокъ (Д-2) — *ὁ διάκονος λαβὼν μετὰ χειρὸς τὸν τε ἅγιον δίσκον* [Панова 2005: 131—133].

Появление предложной конструкции на месте творительного беспредложного в болгарских переводах отражает сужение функций и утрату творительного беспредложного в среднеболгарский период [Чешко 1970: 202]. Для поздней

русской традиции это прием грецизации текста, усвоенный, не в последнюю очередь, благодаря южнославянским переводам, редактировавшимся на Руси.

В рассматриваемом переводе представлены различные способы передачи греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом. Так, конструкция *πρὸ τοῦ* + inf. + Acc., выражающая значение предшествования во времени, передается в Fekula-VI отглагольным существительным с предлогом: прежде захода сачнаго I а — ЦИАИ 857 *πρὸ τοῦ δῦναι τὸν ἥλιον* 5 v; *πὸ βαετὶ εκκλισηρχу прѣ клепаньна вѣрни възпримати си в рѣкѣ оставѣ* 17 б — ЦИАИ 857 *δεῖ τὸν ἐκκλησιαρχην, πρὸ τοῦ σημάσαι τὸν ἐσπερινοῦ ἀναλαμβάνειν ἐπὶ χεῖρας τὸ παρὸν τυπικὸν* 14 v.

Конструкция *μετὰ τὸ* + inf. + Acc., имеющая значение следования после чего-либо, передается в Fekula-VI несколькими способами:

а) существительным с предлогом: по заходѣ же пакзи сачнѣмъ I а — ЦИАИ 857 *μετὰ τὸ δῦναι τὸν ἥλιον* (5 v); по цѣловѣи еѣла и игуменовѣ іерѣевѣ 138 г — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 *μετὰ δὲ τὸ πληρωθῆναι τὸν ἀσπασμόν* 88 г; и по помазѣи стго масла · поѣ · д · чѣ I вѣваѣ конѣнзи ѿпѣ 34 б — ЦИАИ 857 *μετὰ δὲ τὸ δοθῆναι τὸ ἅγιον ἔλαιον γίνεται τελεία ἀπόλυσις* 42 г.

б) калькой по *εже* + inf. + Dat.: по *εже ѿпоустити оутреню и дѣ в кѣльа своа* 16 г — ЦИАИ 857 *μετὰ τὸ ἀπολύσαι τὸν ὄρθρον... ἀπερχομεθα ἐν τοῖς ἰδίοις κελλίσις* 17 г; *вз вѣкзи по назнаманѣть игумѣ възвѣдитѣла въз цркви · иже на всакомъ чтѣн · по *εже прочети мало чтѣшемъ · и възтаѣ ѿ своѣ мѣста и творить поклѣ · г · на срѣ* 19 б-в²⁹ — ср.: ЦИАИ 857 *τῇ μεγάλῃ νηστείᾳ σφραγίζει ὁ προεστὼς ἐξυπνιστὴν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ · ὃς ἐν ἐκάστῃ ἀναγνώσει μετὰ τὸ ἀναγνῶναι μικρὸν ἀνίσταται τοῦ ἰδίου τόπου καὶ ποιεῖ τρεῖς μετανοίας εἰς τὸ μέσον* 20 г; по *εже починѣти же намъ мало*³⁰ *взжизаѣ параклисиархъ кандила вса* 137 а — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 *μετὰ δὲ τοῦ συμφάσαι ἡμᾶς ἄπτει ὁ кандηλάπτης πάσας τὰς кандήλας τοῦ ναοῦ* 87 г³¹; *пѣваѣ вѣти* *иako* по *εже влѣвити іерѣю · егдѣ поѣ хъ воскрѣ · кадѣ тои стѣю трапезоу* 141 б — ЦИАИ 857 *δεῖ γινώσκειν ὅτι μετὰ τὸ εὐλογῆσαι τὸν іерέα, ἐν τῷ ψάλλεσθαι τὸ Χριστὸς ἀνάστη, θυμιᾶ τὴν ἁγίαν τράπεζαν* 158 v; по *εже възтати намъ ѿ трапезы I мало почивше клеплѣ в малое I поѣ павѣрна · ѣ · пѣмъ* 157 б — ср.: ЦИАИ 857 *μετὰ δὲ τὸ ἀναστῆναι τῆς τραπέζης, σημαίνει τὸ μικρὸν καὶ ψάλλομεν τὰ ἀπόδειπνα* 170 v, ср. 99 v; по *εже реци · д · стѣри* 171 в — ЦИАИ 857 *μετὰ γὰρ το; εἰπεῖν τὰ τέσσαρα στιχηρὰ* 84 v; I по *εже внити іерѣю въз црквь глѣ · слѣ · 187 а — ср.: ЦИАИ 857 μετὰ δὲ τὸ εἰσελθεῖν τὸν іерέα εἰς τὸ іερατεῖον, δόξα* 103 г; по *ѣ реци іерѣю · хъ възкрѣ · г · 187 в — ЦИАИ 857 μετὰ τὸ εἰπεῖν τὸν іерέα**

²⁹ Ср.: ЦИАИ № 44 *вз великжа, ѿтницж, назнаменаваѣ прѣстатель вѣдница въз цркви · иже на коежо чтеніе по *εже прочети мало възтаѣ ѿ своего мѣста и творѣ · г · метѣ на срѣ* 71.*

³⁰ Эти слова зачеркнуты, а внизу приписано другим почерком, что братии нельзя спать, пока читаются Деяния Апостолов.

³¹ Ср.: ЦИАИ 857 *μετὰ δὲ τὸ συμφάσαι ἡμᾶς ἀνάστη ὁ кандηλάπτης ἄπτει πάσας τὰς кандήλας* 154 v.

... τὸ Χριστὸς ἀνέστη ἐκ γ' 104 г; на вѣкої вѣрни· по еже по̀дѣти їервю· і по еже рещи ем҃ꙋ сѣѣ стѣви и єдиносꙋщнѣї глѣ хъ воскрѣ 187 г — ср.: ЦИАИ 857 ὁ δὲ ἱερεὺς ἐν τῷ νόθῳ μετὰ τὸ θυμιάσαι ἅπαντας κατὰ τάξιν... λέγει Δόξα τῇ ἁγία καὶ ὁμοουσίῳ 155 г. См. также 105 в; 115 а; 132 а; 145 б; 157 г; 158 а; 165 в; 166 а.

в) конструкцией по внегда (по егда) + inf. + Dat.: по внегда рещи попу ꙗко твое є цр҃тво глѣ ги помил҃ꙋи ·ви· 13 а; по внегда створити иервю ꙗлло· глѣмъ хъ воскрѣ ·҃҃· кротко 144 в; і по егда цѣловати всѣ ч҃тнзи кр҃тъ· и по вкропити водою· възвращає са поюще тр҃о и кѡ 68 а.

Конструкция διὰ τὸ + inf. + Acc., имеющая значение причины, передается в Fekula-VI калькой за еже + inf. + Dat.: сии оуставъ звѣає вѣрни· егда нѣ прѣвсц҃нана· иво не приахѡ ѡвзичаа творити прѣвсц҃нѣю даже и до срѣ· за еже постити всѣмъ по преданью 115 б — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 αὐτὴ ἡ ἀκολουθία γίνεται τοῦ λυχνικοῦ, μὴ οὔσα προηγιασμένη μέχρι τῆς τετάρτης, διὰ τὸ νηστεύειν ἐκ παραδώσεως πᾶσαν τὴν ἀδελφότητα 68 в; гл҃це ·мѡ· и потѡ ·ви· кротко и сѣ възмольє· за еже токѣмитиса всѣмъ 113 б — РГАДА, БМСТ/ин. 77 λεγομένης εὐχῆς· ὁμοίως καὶ τὰς λοιπὰς, ἰβ', ἀργῶς διὰ τὸ ἰσάζειν πάντας 67 в³². См. также: 8 в; 10 б; 14 в; 25 г; 200 а.

Наличие калькированных конструкций, передающих различные формы греческого субстантивированного инфинитива, — черта, свойственная поздним версиям ИУ (переводу Евфимия Тырновского и русским редакциям типа ГИМ, Усп. 5-перг.). Таким образом, и по рассмотренному параметру перевод Fekula-VI принадлежит к позднему типу славянских переводов.

В Fekula-VI встречается также калькирование пассивных конструкций с предлогами ὑπὸ и παρὰ: и по скончѣи пѣма звѣають вкѣтѣа великаа ѡ стѣла 2 в — ср. ЦИАИ 857 πληρωμένου δὲ τοῦ ψαλμοῦ, γίνεται συναπτὴ μεγάλη ὑπὸ τοῦ διακόνου 6 в; по єѣ Ѡктенья ѡ ер҃ва 21 б; четѣ тетрѡєѣ ѡ иер҃ва 128 а, однако чаще данная греческая конструкция передается беспредложным творительным падежом: по скончѣи же єѣпѣма звѣають дыаконства иер҃ѡ 111 б — ср.: РГАДА, БМСТ/ин. 77 εἶτα συναπτὴ ὑπὸ τοῦ διακόνου 66 г; а ѡглашѣа стѣтѡва ч҃ч҃тѣ непрѣмѣнно· на всѣ срѣ и паѡѡ· стѣна ·м·тница· еклѣсиархѡ или иг҃мено 112 г — РГАДА, БМСТ/ин. 77 τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου, ὑπὸ τοῦ προεστῶτος ἢ ὑπὸ τοῦ ἐκκλησιάρχου ὡς προέγραπται 67 г; по зѣамбовнои же мѣтѣв даєтѣ бл҃гословѣє иер҃вемъ 136 г — РГАДА, БМСТ/ин. 77 μετὰ δὲ τὴν ἀπόλυσιν, δίδεται τὸ κατακλαστὸν ὑπὸ τοῦ ἱερέως· εἶδ' οὕτως γίνεται ἡ εὐλόγησις τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου 87 г. На фоне регулярного использования калькированных инфинитивных конструкций такой способ выражения субъекта в пассивной конструкции, совпадающей с тем, который применяется в древних текстах, выглядит архаизацией.

³² Ср.: ЦИАИ 44 ·҃҃· метѣ велиї творѣще по сї же и др҃в҃гї ·ви· творїи, кѣсно за еже изравнѣтиса възѣмъ 467.

В отличие от Fekula-VI, оба перевода Диатаксиса используют при передаче данной конструкции только $\bar{\omega}$ с род. п.: $\sigma\epsilon\mu\upsilon\zeta$ же $\gamma\lambda\epsilon\mu\upsilon\zeta$ $\bar{\omega}$ $\epsilon\rho\epsilon\upsilon\alpha$ (Д-1) — $\sigma\epsilon\mu\omicron\upsilon\zeta$ же $\gamma\lambda\epsilon\mu\omicron\upsilon\zeta$ $\bar{\omega}$ $\iota\epsilon\rho\epsilon\alpha$ (Д-2) — $\tau\acute{o}\upsilon\tau\omicron\upsilon\delta\epsilon$ $\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma$ $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\iota\epsilon\rho\epsilon\omega\varsigma$ [Панова 2005: 140]. Предпочтение предложно-падежной конструкции отдается и в ИУ-р, например: ГИМ, Син. 329 и $\beta\upsilon\lambda\alpha\iota\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\bar{\omega}$ $\delta\upsilon\delta\alpha\kappa\omicron\upsilon\alpha$ $\sigma\iota\mu\alpha\pi\tau\iota$ $\beta\epsilon\lambda\iota\alpha$ $\sigma\iota\rho\epsilon\upsilon\tau\eta$ $\sigma\omicron\upsilon\kappa\omicron\upsilon\pi\lambda\epsilon\mu\iota\epsilon$ $\sigma\epsilon$ же $\kappa\epsilon\tau\eta$ $\omicron\kappa\tau\epsilon\tau\alpha$ 14 а — ср.: ЦИАИ 857 $\kappa\alpha\iota$ $\gamma\acute{\iota}\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ $\sigma\upsilon\mu\alpha\pi\tau\eta$ $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta$ $\acute{\upsilon}\pi\omicron$ $\tau\omicron\upsilon$ $\delta\iota\alpha\kappa\omicron\upsilon\sigma\upsilon$ 6 в.

Рассмотренный материал показывает, что синтаксические особенности Fekula-VI существенно отличаются от особенностей ИУ-р и вместе с тем обнаруживают значительное сходство с особенностями, представленными в южнославянских / поздних версиях ИУ. Это проявляется в реализации определенных грамматико-синтаксических показателей (отказ от употребления дв. ч. при координации глагола-сказуемого с подлежащим, выраженным сочетанием двух существительных), калькировании греческих конструкций с предлогом *μετά*, а также конструкций с субстантивированным инфинитивом. Сходство рассматриваемого перевода ИУ с южнославянскими может быть типологическим (следование общим нормативным требованиям как в лексике, так и в синтаксисе), но вероятнее, что оно объясняется наличием у этого текста некоторых южнославянских источников. Однако это предположение еще нуждается в дополнительном основании.

Примечательно и то, что более сложному в литургическом отношении типу редакции — «келлиотско-киновияльной», — переводившейся на втором этапе литургических реформ в славянских странах [Пентковский 2004: 169], отвечает и более поздний тип языка, характеризующийся наличием усложненных (грецизированных) синтаксических конструкций и грецизацией лексики.

Как уже было сказано, некоторые особенности лексического плана как будто бы указывают на то, что архетип перевода может иметь южнославянское происхождение. В таком случае на русской почве могла быть осуществлена переработка, выразившаяся во введении ряда русских памятней, упоминании обычая святить вербу, а также в появлении некоторых лексических регионализмов (типа *въходъ*), которые, однако, не занимают здесь такого места, как в редакциях типа Усп. 5-перг., сходство с которыми Fekula-VI в отношении языка заслуживает внимательного рассмотрения.

Сокращения

БАН — Библиотека Академии наук (София)

БМСТ/ин. — Библиотека Московской синодальной типографии, иностранный отдел.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.)
 ЦИАИ — Църковно-исторически архивен Институт при българска Патриаршия (София)

Литература

- Афанасьева 2004 — *Афанасьева Т. И.* Славянская Литургия Преждеосвященных Даров XII—XV вв.: Текстология и язык. СПб., 2004.
- Бауэрова 1963 — *Бауэрова М.* Беспредложный творительный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 287—311.
- БЕР I—VI — Български етимологичен речник. Т. I—VI. София, 1971—2002.
- Бернштейн 1986 — *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1986.
- Гальченко 2001 — *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М.; СПб., 2001. С. 325—382.
- Гиппиус 1989 — *Гиппиус А. А.* Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 93—110.
- Горский, Невоструев 1869 — *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. Рукописи богослужебные. Ч. 1. М., 1869. С. 282—288.
- Дмитриевский 1917 — *Дмитриевский А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 3 (первая половина). Ч. 2. Пг., 1917.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
- Жолобов, Крысько 2001 — *Жолобов О. Ф., Крысько В. Б.* Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М., 2001.
- Йовчева 2004 — *Йовчева М.* Новоизводният славянски Октоих по най-ранния препис в кодексите 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синай // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 205—234.
- Максимович 2001 — *Максимович К. А.* Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Рус. яз. в научном освещении. 2001. № 2 (2). С. 191—224.
- Мансветов 1885 — *Мансветов И.* Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885.
- Молдован 1994 — *Молдован А. М.* Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. 1994. № 2. С. 69—80.
- Момина 1992 — *Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. 1992. Т. 45. С. 200—219.

- Николова 2004 — *Николова Н.* Билингвизмът в българските земи през XV—XIX век. Шумен, 2004.
- Панова 2005 — *Панова С. И.* «Диатаксис» патриарха Филофея Коккина в кругу родственных текстов (характеристика переводческих принципов и лексико-синтаксической нормы): Дипломная работа (машинопись). М.: МГУ, 2005.
- Пентковская 2004а — *Пентковская Т. В.* Переводы византийско-славянской контактной зоны XIII—XIV вв: литургическая терминология // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 235—248.
- Пентковская 2004б — *Пентковская Т. В.* Житие Василия Нового в Древней Руси: проблемы оригинала и перевода // Вестник МГУ. Сер. 9 (филология). 2004. № 1. С. 75—96.
- Пентковская 2004в — *Пентковская Т. В.* Грецизмы и их славянские эквиваленты в южнославянских и восточнославянских переводах XI—XIV вв. // Славяне и их соседи. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 95—110.
- Пентковская, в печати-а — *Пентковская Т. В.* Русские редакции Иерусалимского Устава нач. XV в. и их соотношение с евфимиевской редакцией (литургическая лексика) // Търновска книжовна школа (в печати).
- Пентковская, в печати-б — *Пентковская Т. В.* Ранняя русская редакция Иерусалимского устава, ее лингвистический характер и место в славянской переводной традиции // ТОДРЛ. Т. 59 (в печати).
- Пентковский 1993 — *Пентковский А. М.* Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия // Символ. № 29. 1993. С. 217—238.
- Пентковский 2001 — *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Пентковский 2004 — *Пентковский А. М.* Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004. С. 153—171.
- Пичхадзе 1998 — *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1998. С. 475—488.
- Прохоров 1988 — *Прохоров Г. М.* Афанасий (в миру Андрей) Высоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI вв. Ч. 1. Л., 1988. С. 79—81.
- Славова 2003 — *Славова Т. Д.* Ответ на вызов (по поводу статьи К. А. Максимовича «Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов» в связи с изданием *Pavlova R., Bogdanova S. Die Pandekten des Nikon vom Schwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung. T. 1—2. Frankfurt am Main, 2000*) // Рус. яз. в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 260—278.
- Сл.РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—. М., 1975—.
- Соболевский 1980 — *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 134—147.

- Срз. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1989.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. Л., 1966—.
- Толстой 1957 — *Толстой Н. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
- Фасмер II — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. СПб., 1996.
- Ходова 1960 — *Ходова К. И.* Значение творительного беспредложного в старославянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения. Т. XIX. М., 1960. С. 101—158.
- Цыхун 1981 — *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск, 1981.
- Чешко 1970 — *Чешко Е. В.* История болгарского склонения. М., 1970.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—. М., 1974—.
- Browning 1969 — *Browning R.* Medieval and Modern Greek. London, 1979.
- Pavlova 2000 — *Pavlova R., Bogdanova S.* Die Pandekten des Nikon vom Schwarzen Berge (Nikon Černogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung. Т. 1—2. Frankfurt am Main, 2000.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ АНАФОРЫ ЛИТУРГИИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА В СЛУЖЕБНИКАХ XI—XIV ВВ.¹

Т. И. Афанасьева
СПбГУ

Литургия Иоанна Златоуста — основная литургия Византийской и Русской церквей — уже долгое время привлекает пристальное внимание ученых различных отраслей гуманитарных наук. История происхождения и формирования этой службы в византийском церковном обряде не раз была предметом серьезных историко-литургических исследований прошлого столетия [см., например, Meester P. de 1908; Engberding 1937; Khuri-Sarkis 1962; Jacob 1968; Mateos 1965—1970; Taft 1991]. Изучение славянского перевода литургии Иоанна Златоуста на базе многочисленных рукописных источников впервые было предпринято в конце XIX в. С. Д. Муретов исследовал и опубликовал некоторые наиболее важные части литургии: последования проскомидии, Великого входа и причащения [Муретов 1895; 1895а; 1897]. А. Петровский описал эволюцию славянского последования литургии с XII по XVI в. [Petkovskij 1908]. Однако из-за изменения датировок многих служебников исследование А. Петровского сейчас во многом устарело. После революции изучение славянского перевода литургии Иоанна Златоуста было полностью прервано и до сих пор эта литургия остается очень мало изученной: не выявлены типы чинопоследования и причины изменений состава службы, неизвестны основные редакции славянского текста, нет критического издания литургии. В настоящее время интерес к славянскому переводу литургии все более возрастает и появилось несколько публикаций славянских служебников с комментариями, подготовленных Ю. И. Рубаном [Рубан 1996; 1998; 2005]. Некоторые важные с догматической точки зрения литургические элементы службы подробно рассмотрены в статьях А. С. Слуцкого [Слуцкий 2000; 2005].

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 05-04-04147а и Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 04-06-80180.

Последование литургии Иоанна Златоуста в славянских служебниках XII—XIV вв. не соответствует греческим формулярам² литургии этого же периода. Славянские списки гораздо пространнее греческих: в них подробно описываются обряд проскомидии (приготовления хлеба и вина перед литургией), Великого входа (обряда перенесения Даров на престол) и причащения. Литургия в древнерусских служебниках начинается с подготовительных молитв священника перед службой, греческие оригиналы которых до сих пор не выявлены. В состав литургии в древнерусских списках входят особые молитвы, греческие оригиналы которых имеются в восточных литургиях, прежде всего в литургии апостола Иакова [Муретов 1897: 4—5, 10, 13, 25—26, 39]. Последования литургии весьма вариантны, все списки имеют различный набор молитв.

В состав литургии у славян включались самостоятельные последования, которые в византийской традиции не входили в Евхологий. Так, последование проскомидии в Византии было отделено от последования литургии и включалось в канонические сборники³. В славянских служебниках последование проскомидии в большинстве списков вписано в начало службы. Вполне вероятно, что и греческое последование причащения также могло составлять отдельную статью и не включаться в Евхологий, но его еще предстоит выявить. Таким образом, последование славянской литургии Иоанна Златоуста не является монолитным текстом, оно интерполировано, и изучение его следует проводить в несколько этапов. Следует вычленил из состава последования тексты, которые могли записываться отдельно от литургии в других богослужебных или канонических книгах. Необходимо установить функциональное назначение некоторых молитв восточного происхождения в чинопоследовании литургии. И наконец, важно выявить соотношение между славянскими и греческими текстами службы.

В настоящей статье остановимся на последней из перечисленных задач и проанализируем наиболее стабильную по составу часть литургии Иоанна Златоуста — анафору (евхаристическую молитву, по прочтении которой предложенные на престоле хлеб и вино становятся Телом и Кровью Иисуса Христа). Анафора — наиболее древняя часть литургии, сформировавшаяся к IV в. Она состоит из следующих основных частей: 1) прославление и благодарение Бога (префацио), 2) воспоминание установления таинства Евха-

² Термин «формуляр» (от французского термина *formulaire* 'последование') введен в русскоязычные работы по исторической литургике проф. М. Арранцем и употребляется преимущественно для греческих служб, входящих в Евхологий.

³ Один из таких уставов проскомидии был найден Н. Ф. Красносельцевым в греческой кормчей XIII в. Vat. gr. 1167 [Красносельцев 1885: 63—64].

ригии (анамнесис), 3) призывание Святого Духа для освящения даров (эпиклесис), 4) молитвы за живых и усопших (интерцессию) [Успенский 2003: 261].

Исследования византийского Евхология, предпринятые в 60—90-е гг. XX столетия А. Жакобом, М. Арранцем, Р. Тафтом, С. Паренти и многими другими специалистами в области исторической литургики, показали, что в IX—X вв. в Византии проходила литургическая реформа, в результате которой чинопоследования многих служб, входящих в Евхологий, подверглись исправлению. Основной причиной проведения реформ стала победа иконопочитания, после которой, начиная с патриаршества Мефодия (840—847), стал формироваться так называемый «новый Евхологий». Реформа проводилась постепенно и с XI в. стала распространяться на периферию — в Палестину, на Синай и в Южную Италию [Тафт 2000: 64—67]. А. Жакоб, изучая греческие списки литургии Иоанна Златоуста, выявил, что в результате реформ она стала основной литургией Византийской церкви: в греческих евхологиях она стала записываться перед литургией Василия Великого, а анафора литургии Иоанна Златоуста подверглась стилистической правке и ассимиляции с анафорой литургии Василия Великого [Jacob 1968: 26]. Новая редакция анафоры появилась к началу нового тысячелетия и постепенно вытеснила старую редакцию из употребления [Parenti 1991a: 151].

Славянские переводы богослужебных текстов периода создания славянской письменности приходились на время реформ в византийском богослужении, поэтому они являются важными источниками для византийско-славянских исследований. Древнейшим источником славянского перевода литургии являются листки из Синайского глаголического служебника конца XI в. [публикации: Срезневский 1863: 22—44, Frček 1939: 602—611, Nahtigal 1942: 339—345], один из которых содержит заключительные части анафоры литургии Иоанна Златоуста — эпиклесис и интерцессию. Полные тексты литургии сохранились только с конца XII в.

Мы использовали 22 служебника XII—XIV вв., содержащих литургию Иоанна Златоуста древнерусской редакции: ГИМ Син. 604, Син. 605, Син. 598, Син. 600, Щук. 745, Воскр. 7, Воскр. 8; РГБ Рум. 398, Рум. 399; РГАДА Син. тип. 40, Син. тип. 41; РНБ Соф. 518, Соф. 520, Соф. 522, Соф. 523, Соф. 524, Соф. 526, О.п.І.4, О.п.І.5, Q.п.І.7, Q.п.І.67, Солов. 1017/1126. Древнерусская редакция выделена нами путем коллаций 60 славянских списков литургии XII—XV вв. Эта редакция была распространена на Руси до исправления богослужебных книг во второй половине XIV в., предпринятого византийским патриархом Филофеем и его последователями в славянских странах — афонскими книжниками, патриархом Евфимием Тырновским и митрополитами Алексием и Киприаном. Древнерусская редакция, как уже было сказано

выше, характеризуется стабильным текстом основных литургических молитв, однако состав последования литургии этой редакции неустойчив.

Также мы использовали древнейшие южнославянские списки литургии Иоанна Златоуста конца XIII в., содержащие дореформенные последования: болгарский список из служебника ГИМ Хлуд. 117 и сербский список из служебника-конволюта РНБ Q.п.1.48. Существует еще один «дофилофеевский» болгарский список литургии ГИМ Увар. 46 начала XIV в., но в нем текст анафоры принадлежит более позднему сербскому почерку и содержит исправленный текст афонской редакции, поэтому мы не будем использовать этот список в данной работе. Южнославянские списки XIII в., так же как и русские, содержат последование проскомидии в начале последования, но в отличие от русских имеют описание облачения священников. Хлуд. 117 содержит последование причащения, а в Q.п.1.48 оно отсутствует. Ни один южнославянский список не имеет в своем составе особых молитв из восточных литургий.

В таблице 1 мы приводим текст фрагмента анафоры из Синайского служебника (по изданию Р. Нахтигала), по одному из списков древнерусской редакции РНБ Соф. 526 XIV в.⁴ и по южнославянским служебникам ГИМ Хлуд. 117⁵ и РНБ Q.п.1.48 конца XIII в.⁶, чтобы наглядно продемонстрировать различия переводов.

Таблица 1

Синайский служебник [Nahtigal 1942: 343]	Соф. 526, л. 21	Хлуд. 117, л. 16	Q.п.1.48, л. 30
Пакзы приносимъ тебѣ словесънѣжъ снѣжъ і бесквѣрнѣжъ слоужьбѣжъ і молимъ ти са и мольбѣзѣ дѣнемъ и просимъ і тебѣ са мо- лимъ послѣди дѣхъ твои стѣзи на нѣзи і на прѣдълежѣщаа дарѣзи сина	Еще приносимъ ти словесную сию и бескверную слоужьбу и молимъ та и мила са дѣнемъ и просимъ низъпосли дѣхъ твой стѣзи на нѣзи и на прѣдълежѣщаа дарѣзи сина	Еще приносимъ ти словесънѣжъ снѣжъ несквѣрнѣжъ слоужьбѣжъ и молимъса и просимъ и тебѣ са мили дѣнемъ послѣ дѣхъ твои стѣзи на нѣзи и на прѣдълежѣщаа дарѣ сина	И еще приносим ти словесную сию бескверную слоужьбу . и милъ се и припаданемъ и мили се дѣнемъ низъпосли дѣхъ твой стѣзи на нѣзи и на прѣлежене дарѣзи сине и на все лю твое

⁴ Датировка рукописи по [ПС XI—XIV: 256], № 1239.

⁵ Датировка рукописи по [ДПС XV: 24—26].

⁶ Датировка рукописи по [СК XI—XIII], № 396.

<p>И възскланѣса по знаменаѣвъ стѣзи дарзи гла Сътвори оубо хлѣвъ съ Драгое тѣло ха твоего прѣложь дѣхомь стѣзимь твоимь дн амин</p>	<p>по знаменають стѣзи дарзи крѣтообразно г Створи оубо хлѣво съ честное тѣло ха твоего</p>	<p>Ппѣ знаменають гла Створи вбо хлѣво съ чѣстное тѣло ха ба ншего прѣложи е дѣхомь стимь</p>	<p>и възсклоньсе иерѣби г и знаменають стѣзи дарзи гла И створи оубо хлѣвъ съ чѣтвное тѣло ха твоего дыак аминь</p>
<p>А еже въ чаши сени Драгѣжъ кровь ха твоего прѣложь дѣхомь стѣзимь твоимь дн амин</p>	<p>чашю знаменага гли И еже въ чаши сени чѣтнѣю кровь ха твоего третьене обоѣ прекрѣсти Преложь дѣхмь твоимь стѣзимь</p>	<p>А еже въ чаши чѣтнага кровь ха твоего прѣложи е дѣхомь стѣжимь днѣ обоѣ прѣкрѣститѣь (так!) гла Причастимеса стому дѣху амин Помани ма вѣлко. Ппѣ ре поманеть на въ в цѣрѣстѣви своемь аминь</p>	<p>А еже в чаши сиеи чѣтнѣю кровь ха твоего дыа аминь Прѣложь дѣхомь твоимь стѣжимь днѣ аминь</p>
<p>Бже изльѣса мирзскааго ради спснѣвъ въ жизнь въчѣнѣжъ дн аминь</p>	<p>—</p>	<p>—</p>	<p>—</p>
<p>Ппѣ таи Бко възѣти приемлящимъ въ въдрость дѣши въ оставление грѣховъ въ причастие стѣаго твоего дѣха въ свѣрѣшение цѣрѣтва въ дѣрѣзновение еже к' тебѣ не въ сѣдѣ ни въ осѣжѣдение</p>	<p>поклоньса по мо таи Ако възѣти намъ приемлющимъ въ водрость дѣши во отѣпѣщение грѣховъ и въ причастие стѣго твоего дѣха въ цѣрѣтѣвна исполнение* въ дѣрѣзновение еже к тебѣ не въ сѣдѣ ни во осѣжѣение</p>	<p>днѣ прочѣта- имена живимъ и мрѣвимъ ппѣ м Ако ви въ (так!) причащающимъ са въ мѣрѣсть дѣши и въ ѡпѣщение грѣховъ въ причастие стѣмоу твоемоу дѣху въ вскрѣшение цѣрѣстѣвию и въ дѣрѣзновение иже к тебѣ не въ сѣдѣ ни въ осѣжѣение</p>	<p>иерѣби млѣтѣсе Акоже възѣти причѣщеюшимъсе въ въдрость дѣши въ вставление грѣховъ въ въщѣение стѣго твоего дѣха въ испѣлнение цѣрѣтва нѣснаго . въ дѣрѣзновение еже к тебѣ не въ сѣдѣ или въ восѣжѣение</p>

<p>Пакзы приносимъ тебѣ словеснѣиже снѣж слѣужбѣ о оумерзшихъ въ вѣрѣ братрѣхъ нашихъ отцихъ патриархѣхъ прѣцѣхъ аплѣхъ проповѣдникѣхъ евѣстѣхъ мчницѣхъ исповѣдникѣхъ постыникѣхъ и всѣкомъ дсѣ праведнѣ вѣроуж оумерзшемъ</p>	<p>еще приносимъ ти словесную службу о почивши въ вѣрѣ праоцихъ оци па- триархѣхъ прѣцѣхъ аплѣхъ проповѣдникѣхъ благовѣстникѣхъ ** мчницѣхъ исповѣдникѣхъ постыникѣхъ и всакомъ дсѣ въ вѣрѣ скончавшимьса</p>	<p>Пакы приносим ти словеснѣиже снѣж слѣужбѣ о почивши въ вѣрѣ прѣвѣщѣ ѿщѣ патриархѣхъ прѣркѣ и аплѣ проповѣдникѣхъ евѣистѣ и мчнникѣ и всѣко дсѣ въ вѣрѣ почившимь</p>	<p>и еще приносимъ ти словесную сию слѣужбу о почивши въ вѣрѣ праѣщѣ ѿщѣ патриархѣхъ прѣркѣ аплѣ проповѣд- никѣхъ юѣистѣ мнѣхъ исповѣдникѣхъ постыникѣхъ и о всацѣмъ дсѣ праведнѣмъ въ вѣрѣ скончав- шемьсе</p>
<p>Възгласение Израдно о прѣствѣ чистѣи прѣславнѣи блгвенѣи влѣдчци нашен брци и приснодѣвѣ марии</p>	<p>Възгласѣ Израдно о прѣствѣ и прѣчтѣи прѣблагословенѣи влѣдчци нашѣи бци приснодѣвѣ марии</p>	<p>Ппѣ възгласѣ Израдно о прѣствѣ и чѣтѣи и прѣблагословенѣи влѣдчци нашѣи бци о приснодѣвѣи марии</p>	<p>Израдно прѣствѣи и чѣтѣи и прѣблагенѣи влѣдчци нашѣи бци и приснодѣвѣ марии</p>
<p>Дѣ диптоуха о оумерзшихъ ппѣ таи О стѣмъ иоанѣ прѣвѣчи крѣтитѣи и о стѣхъ прѣславнѣихъ аплѣхъ и стѣмъ семь имѣ и всѣхъ стѣхъ твоихъ ихъже мѣтвами посѣти насъ бже</p>	<p>дѣѣ поминаетъ имѣна оумерзши по мо таи Стѣхъ нѣнѣихъ силъ стѣго и славнаго прѣрка и прѣдтѣа и крѣла иоана и стѣхъ прѣхвалѣихъ*** аплѣ и стѣго сего имѣ негоже дѣнь памѣть творимъ и всѣ стѣи твои ихъже мѣтвами посѣти насъ бже</p>	<p>Стѣхъ силъ нѣенѣи и стѣго имѣ прѣрка прѣдѣтѣчѣ крѣла и стѣхъ прѣславнѣи аплѣ и стѣхъ ѿщѣ нѣихъ архѣипѣкоупѣ василина великаго гилгорѣи и бгословѣца имѣ златооумѣстаго нерарѣхаа николѣа и стаго имѣ ...</p>	<p>крѣви млѣтѣсе Стѣго иоана прѣрка и прѣвѣтѣе и крѣла стѣхъ и прѣславнѣи аплѣ и стѣго имѣ негоже памѣть творимъ и всѣ стѣихъ твоихъ ихъже мѣтвами посѣти на бже</p>
<p>Ѳ помани всѣа оумерзшаа и покои ѣа</p>	<p>Помани гѣи оумерз- шихъ рабѣхъ своихъ</p>	<p>И помани всѣхъ оумерзши о</p>	<p>и помени все оумерзшѣе о</p>

ВЪ МѢСТѢ СВѢТЛѢ ИДЕЖЕ СИВЕТЬ СВѢТЪ ЛИЦА ТВОЕГО	И ВСА ОУСОПШАЯ О ОУПОВАНИИ ВЪСКРСЕНІА ЖИЗНИ ВЪЧНІА И ПОКОИ ІА ИДѢЖЕ ПРИСВЩАЕТЬ СВѢТЪ ЛИЦА ТВОЕГО	ВПАНИ ЖИЗНИ ВЪЧНІА ПОИ ИХЪ ИДЕЖЕ ПРИСВЩАЕТЬ СВѢТЪ ЛИЦА ТВОЕГО	НАДЕЖИ ВЪСКРСЕНІА ЖИЗНИ ВЪЧНІЕ И ПОКОИ ИХЪ ИДѢЖЕ ПРИСВЩАЕТЬ СВѢТЪ ЛИЦА ТВОЕГО
ПАКЪ МОЛИМЪСА ПОМАНИ ГИ ВСЕ ЕПИСКОПСТВО ПРАВОВѢРНОЕ ПРАВАЦЕ СЛОВО ТВОЕІА ИСТИНЪІ ВСѢКО ПОПЪСТВО И ДИАКОНСТВО ЕЖЕ О ХЪ И ВСѢКЪ СВЩЕНЪІ ЧИНЪ	Еще молим ти са помани ги всако кѣпѣство право- вѣрнѣ прѣвѣщѣхъ слово твоеіа истиннѣ и всако прозвучѣрѣство іаже о хъ дыаконостѣво и всакого сщнѣскаго чина	Паки ѡнимъ ти са помани ги всѣко епісѣпѣство право- вѣрнѣ прѣвѣщѣхъ слово твоеіа истиннѣ и всѣко поповѣство иже о хъ дыаконостѣво и всѣ мнишѣски кѣрѣски чинѣ	И кѣще ѡнимъ ти се помѣни ги всако кѣпѣство правовѣрнѣхъ и прѣвѣщѣхъ слово твоеіа истиннѣ и всако иерѣвѣство и кѣже ѡ хъ дыаконостѣво и всакого свщѣннѣчѣ- скаго чиноу
ПАКЪ ПРИНОСИМЪ ТИ СЛОВЕСНЪЖЪ СІА СЛОУЖЕЖ О ВСЕЛЕНЪИ И О СТЪИ КАФОЛИКИИ АПѢСЦЪИ ЦРКВЕ И ЗА СЩАІА ВЪ ЧИСТОТѢ ТЪВЛЕСНЪИ И ГОВѢ..	и кѣще приносимъ ти словеснѣю сію слѣужѣ о вселенѣи стѣи и сѣворнѣи апѣстѣи цркви и о вѣ чѣтѣтѢ и чѣтѢ житни живѣщѣхъ	Паки приносимъ ти словеснѣжъ сіа слѣужѣж и о все- ленѣи стѣи сѣворнѣи апѣсцѣи цркви о сѣщѣи вѣ чистѣтѢ и вѣ смѣренѣ живѣтѢ живѣщѣи	и кѣще приносимъ ти словеснѣю сію слѣужѣвоу ѡ вселенѣи и ѡ стѣи своѣи и сѣворнѣи и апѣсцѣи цркви ѡ прѣвѣзѣвѣющѣхъ вѣ чѣтѣтѢ и чѣтѣи жи

Примечания

* Только один список древнерусской редакции ГИМ Син. 605 начала XIV в.⁷ сохраняет чтение, тождественное глаголическому служебнику, — въ свѣршеніе црѣства. Списки ГИМ Син. 600 1400 г. и Воскр. 8 XIV в.⁸ содержат чтение въ наслѣдніе црѣства нѣснаго.

** Рукописи Син. 600 и Воскр. 8 имеют вариант еѣлиствѣхъ.

*** Рукописи Син. 600 и Воскр. 8 имеют вариант прѣславнѣхъ.

⁷ Датировка по [ПС XI—XIV: 222], № 598.

⁸ Датировка по [ПС XI—XIV: 255], № 1231.

Отметим сразу же, что в древнерусских списках этого фрагмента тексты рубрик (описания действий священнослужителей) гораздо более варианты, чем тексты, произносимые священником. Например, действия иерея во время освящения хлеба имеют следующие описания:

Син. 605 и влѣтъ стѣна дары първоуе тѣло гла

О.п.І.5, Q.п.І.67, Щук. 745 поп знаменаеть стѣна дары

Соф. 523, Соф. 524 и възклоньса поп знаменаеть стѣна дары гла се

При сравнении славянских переводов анафоры мы не будем специально останавливаться на таких разночтениях, так как тексты в рубриках всегда вариантнее, чем в молитвах, и не являются существенными для изучения славянских переводов литургии.

Итак, между приведенными текстами имеются два типа различий. Первый указывает на различия греческих текстов, с которых были выполнены славянские переводы. Эти различия отражают вариантность византийской литургической традиции — как обрядовую, так и текстовую. Второй тип указывает на различия в славянском переводе, восходящем к одному греческому чтению. Рассмотрим подробнее эти различия.

Различия, отражающие варианты византийской литургической традиции

Редакции анафоры. Процесс перехода литургии Иоанна Златоуста на основное место в византийском богослужении сопровождался редактурой текста анафоры. Основные исправления, внесенные в текст, можно разделить на три категории: 1) приведение текста анафоры Златоуста к единообразию с анафорой литургии Василия Великого путем заимствования из последней отдельных слов и выражений, 2) некоторые стилистические исправления, 3) структурные изменения в повествовании об установлении таинства евхаристии с целью приведения к единообразию с текстами синоптических евангелий и 1Кор. 11. 24, а также упразднение из эпиклесиса призывания Святого Духа на хлеб и создание трехчастной структуры эпиклесиса по модели литургии Василия [Parenti 1991a: 151—152]. Процесс заимствований из литургии Василия в литургию Златоуста привел к расширению варьирования текста, особенно в южноитальянских евхологиях. На рубеже X—XI столетий была предпринята работа по унификации новых вариантов в анафоре и созданию *textus receptus*, который фиксируется в константинопольских евхологиях с XI в. Древнеславянские переводы отражают отдельные этапы исправления анафоры. Проследим их на примерах.

1. Когда священник произносит слова призывания Святого Духа на дары (вторая и третья строки в таблице), то по глаголическому списку он произно-

сит фразу «и преложи Духом Твоим» дважды — один раз за хлеб и следующий раз за вино. Эта особенность характерна для греческих списков южноитальянского происхождения Барберини 336 VIII в. [Parenti, Velkovska 1995: 35—36], РНБ Греч. 226 (евхологий Порфирия Успенского) X в., л. 24—24 об., Г.β.VII [Passarelli 1982: 74], Г.β.IV, а также для палестинских евхологиев Sinai. gr. 959, Sinai. gr. 961 и отражает древнюю редакцию текста анафоры [Parenti 1991: 173—174]. Древнерусские списки и Q.п.I.48 содержат новую константинопольскую рецензию анафоры, где фраза «и преложи Духом Твоим» произносится один раз за хлеб и вино вместе. Хлуд. 117 отражает в этом фрагменте смешанную традицию: фраза «Преложи Духом Святым» произносится два раза за хлеб и за вино, т. е. так, как в глаголическом тексте. Далее священник перекрестит дары, как предписывается в новой редакции анафоры, но произносит при этом другие слова: «Причастимся Святому Духу».

2. Глаголический список имеет особенность, свойственную евхологиям южноитальянского происхождения X—XI вв., в частности, Г.β.VII, Г.β.IV, Г.β.XV, Messina gr. 160, заключающуюся в том, что в текст эпиклесиса литургии Иоанна Златоуста попадает фраза из эпиклесиса литургии Василия Великого *Ѣже изльъса миръскааго ради спъниъ въ жизнь въчьнжж* (четвертая строка в таблице 1) [Parenti 1991: 174—175]. Древнерусские и южнославянские списки такой вставки не содержат и, следовательно, не зависят от этой локальной византийской традиции.

3. Глаголический служебник отражает чтение древней редакции анафоры *въ съвръшение црътва* — *εις βασιλειας πληρωμα* (пятая строка в таблице), тогда как новая константинопольская рецензия имеет чтение *εις βασιλειας ουρανων πληρωμα* [Parenti 1991: 174]. Как видно из приведенных выше текстов, старая редакция анафоры сохраняется в различных славянских переводах довольно долго. Все списки древнерусской редакции имеют старый вариант анафоры. Только две рукописи Син. 600 и Воскр. 8 содержат чтение *въ наслъднѣ црътва нѣнаго*, которое отражает новую редакцию анафоры, где вариант *наслъднѣ*, скорее всего, вторичен. Наиболее ранний болгарский список также содержит древний вариант, но испорченный вторичным чтением *вскръшениѣ*. Q.п.I.48 отражает новый вариант, который, по-видимому, стал широко распространяться только при исправлении текста вследствие богослужебной реформы XIV в., и чтение из новой константинопольской редакции было усвоено повсеместно.

4. Начало анафоры, префацио и анамнесис, отсутствует в глаголическом списке. Поэтому дальнейшее сравнение редакций анафоры будет производиться на основании кириллических списков. Для новой константинопольской редакции анафоры литургии Иоанна Златоуста характерен определенный набор чтений, который поддерживается южнославянскими списками литургии. Древнерусские списки отражают как поздние, так и более ранние

чтения. Вот эти примеры (перечень основных отличий византийских редакций анафоры приводится по [Jacob 1968: 493]):

Таблица 2

Древняя редакция анафоры	Новая редакция анафоры (textus receptus)	Древнерусская редакция	Хлуд. 117, Q.п.1.48
Σὲ ὑμνεῖν, σοὶ εὐχαριστεῖν, σὲ προσκυνεῖν / Σὲ ὑμνεῖν, σὲ εὐλογεῖν, σοὶ εὐχαριστεῖν, σὲ προσκυνεῖν	Σὲ ὑμνεῖν, σὲ εὐλογεῖν, σὲ αἰνεῖν, σοὶ εὐχαριστεῖν, σὲ προσκυνεῖν	ТА ПѢТИ ТА БАГВИТИ ТЕБЕ БАГОДАРИТИ ТЕБЕ КЛАНАТИСА ТА ПѢТИ ТА ХВАЛИТИ ТЕБѢ КЛАНАТИСА О.п.1.4 тебе пѣти тебе багвити тебе кланатиса *	Хлуд. 117 — лакуна Q.п.1.48: тебе пѣти тебе бѣвити тебе хвалити тебе багодарити тебѣ поклонатисе
Μετὰ τούτων καὶ ἡμεῖς τῶν δυνάμεων	Μετὰ τούτων καὶ ἡμεῖς τῶν μακαρίων δυνάμεων	СЪ СИМИ И МЪЗИ БЛЖИЗИМИ СИЛАМИ СЪ СИМИ И МЪЗИ ВЪЖТЕНЗИМИ** СИЛАМИ	СЪ СІ-МЪЗИ БЛАЖЕННИИ СИЛАМИИ
ὅς τὸν κόσμον οὕτως ἠγαπήσας	ὅς τὸν κόσμον σου οὕτως ἠγαπήσας	Иже миръ свои тако възлюбси	Иже миръ свои тако възлюбси
Τῇ νυκτὶ ἢ παρεδίδου ἑαυτὸν / Τῇ νυκτὶ ἢ παρεδίδου ἑαυτὸν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς	Τῇ νυκτὶ ἢ παρεδίδοτο μᾶλλον δὲ ἑαυτὸν παρεδίδου ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς	В ноцъ въз нюже предашеся за мирскзи животъ	Хлуд. 117: въ ноцъ въз нѣже прѣдашеся паче себе прѣдашеся за животъ въсего мира Q.п.1.48: въ ноцъ въз нюже прѣданъ възиваше паче же самъ прѣдашеся за мирскзи животъ
Ἐκλάσεν καὶ ἔδωκεν	ἀγίασας κλάσας ἔδωκεν	Осѣщъ преломль дасть	Усѣщъ и прѣломль дасть

Примечания

* Наличие в служебниках РНБ Соф. 518, ГИМ Син. 598, РГБ Рум. 399 трех глагольных форм вместо четырех, характерных для остальных списков древнерусской редакции, не свидетельствует о сохранении следов старой редакции анафоры в древ-

нерусской редакции. Скорее всего, это ошибочный пропуск глагола *бл̑годарити* при переписке.

** Наличие в некоторых списках древнерусской редакции РНБ О.п.1.5, Q.п.1.67, Q.п.1.7, ГИМ Син. 598, РГБ Рум. 398 разночтения *вжтвнзми* следует, на наш взгляд, рассматривать как вторичное, появившееся в результате ошибки переписчика, поскольку оба слова пишутся под титлом и имеют схожий набор букв. Также следует признать вторичным и ошибочным вариант *нбснзми* в РНБ Соф. 518 и О.п.1.4.

1) Вариант рукописи РНБ О.п.1.4 XIV в.⁹ *та пѣти та хвалити тебѣ кланя- тиса*, на наш взгляд, передает наиболее архаичное чтение редакции анафоры, поскольку греческий глагол *εὐχαριστεῖν* в ранних славянских памятниках достаточно часто переводится как *хвалити* [Афанасьева 2004а: 73; Славова 1989: 113]. Остальные древнерусские списки отражают более поздний вариант *сѣ ѡмнѣив*, *сѣ еὐλογεῖв*, *сои εὐχαριστεῖв*, *сѣ проошнѣив*, представленный во многих евхологиях южноитальянского происхождения X—XII вв. Греч. 226, Messina. Gr. 160, Z.δ.Π, Vat. gr. 1970, а также в палестинском евхологии XII в. Ottoboni.434. [Jacob 1968: 496]. Рукопись Q.п.1.48 разделяет чтение *textus receptus* новой константинопольской редакции анафоры *сѣ ѡмнѣив*, *сѣ еὐλογεῖв*, *сѣ айвѣив*, *сои εὐχαριστεῖв*, *сѣ проошнѣив*.

2, 3, 5) Все древнерусские и южнославянские списки отражают варианты новой редакции. Только древнерусский список ГИМ Воскр. 7 1380 г. содержит варианты древней редакции анафоры *съ сими и мзи силами, иже миръ свои възлюбви*.

4) Древнерусская редакция отражает вариант старой редакции анафоры *παρεδίδου ἑαυτὸν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς*, встречающийся в южноитальянских евхологиях Vat. gr. 1970 XII в. [Korza 1998: 27] и Messina gr. 160 XI в., а также в палестинских евхологиях Sinai gr. 958 XI в. и Sinai. gr. 961 XI—XII в. [Parenti 1991a: 132, 142], тогда как южнославянские служебники имеют вариант *textus receptus*: *παρεδίδото μᾶλλον δὲ ἑαυτὸν παρεδίδου ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς*.

Итак, древнеславянские переводы анафоры относятся к различным литургическим традициям. Глаголический служебник отражает старую константинопольскую редакцию анафоры и близок южноитальянским греческим евхологиям VIII—XI вв. Сходство некоторых служб, входящих в Синайский евхологий, — Великого освящения воды на Богоявление и молитв Коленопреклонения в Пятидесятницу — с южноитальянскими последованиями были установлены нами ранее [Афанасьева 2003: 15—24; 2004: 25—45], и это свидетельствует о том, что листки Синайского служебника и Синайский евхологий относятся к одной и той же литургической традиции. Древнерусские списки литургии отражают процесс становления новой редакции анафоры, когда наряду с архаичными вариантами имеется значительное число вариантов новой

⁹ Датировка рукописи по [Гранстрем 1953: 48].

редакции X—XI вв. Сербский список Q.п.1.48 полностью зависит от *textus eserptus*. Западноболгарская рукопись Хлуд. 117 наряду с архаичными чтениями, разделяющими чтения Синайского служебника, имеет и поздние варианты.

Поминование братии. Редкой особенностью Синайского служебника следует признать поминование братии на интерцессию (седьмая строка в таблице 1): *Пакъзъ приносимъ тебѣ словесънѣжъ сиѣхъ слоужьбѣхъ о оумеръзшихъ въ вѣрѣхъ братрѣхъ нашихъ.* В списках древнерусской редакции и в южнославянских текстах поминование в этом месте анафоры не отмечено. По-видимому, глаголический служебник отражает монастырскую практику поминований, которая в большинстве евхологиев не фиксируется.

Поминование бесплотных сил. В Синайском служебнике и в Q.п.1.48 поминование небесных сил отсутствует. Все древнерусские списки литургии и Хлуд. 117 имеют это поминование в интерцессию (восьмая строка в таблице 1). Эта литургическая практика, по-видимому, была локальной и недолговременной. В большинстве греческих евхологиев упоминание о бесплотных силах в интерцессию отсутствует. Лишь в некоторых южноитальянских евхологиях X в., например, в евхологии Порфирия Успенского (РНБ Греч. 226) на л. 25 читается: *Τῶν ἀγίων ἀρχαγγέλων Μιχαήλ καὶ Γαβριήλ...*, в Г.β.VII — *τῶν τιμίων ἀσωμάτων ἐπουρανίων δυνάμεων...* [Passarelli 1982: 75]. Известно такое поминование в некоторых списках литургии апостола Иакова, в частности в Россанском XI—XII в., в литургии Василия Великого из рукописи Британского музея № 2749 XII в. [Swainson 1884: 290, 83]. По мнению С. Д. Муретова, поминование ангелов на евхаристии, а затем и на проскомидии с богословской точки зрения ошибочно и имеет случайное историческое происхождение [Муретов 1897а: 85, 96]. В славянских источниках это поминование фиксируется с конца XII в. и начинает вытесняться только при исправлении богослужебных книг по Иерусалимскому уставу.

Языковые различия

Сравнивая славянские разночтения в тексте анафоры при одном и том же греческом чтении, мы можем охарактеризовать технику перевода фрагментов и соотнести эти данные с техникой перевода различных славянских книжных школ, выявленной при изучении других славянских памятников.

Как показывает большинство разночтений, древнерусские списки литургии носят следы преславской правки текста. Основным признаком преславской переводческой школы — стремление не только к смысловому, но и формальному соответствию перевода греческому оригиналу. Это проявляется в следующих заменах (чтение Синайского служебника на первом месте, древнерусской редакции — на втором):

1. послаи: низъпослаи κατάλεμψον. Для преславских книжников было характерно учитывать при переводе морфемную структуру греческого слова, и приставочные греческие слова передавались приставочными славянскими [Иванова-Мирчева 1977: 45].

2. еѣстѣхъ: блговѣстницѣхъ εὐαγγελιστῶν; каѣоликии: съборнѣи καθολικῆς. В данных разночтениях наблюдается тенденция к замене грецизмов первоначальных переводов их славянскими эквивалентами. Такие замены последовательно проводились преславскими книжниками [Алексеев 1999: 166].

3. оумеръшемъ: скончавшимъса τετελειωμένου; оумершаа: оуспшаа κελοιμημένων; оумеръшихъ: почившихъ ἀναπαυσσάμενων. В данных парах отчетливо прослеживается стремление к разграничению при переводе греческих синонимов. Подобные замены были свойственны более поздним славянским переводам, когда был накоплен определенный филологический опыт. Преславские книжники заботились о формальном и смысловом соответствии перевода и подобрали славянский эквивалент каждому греческому корню. Тенденция к более точному переводу греческого слова наблюдается в вариантах прѣславныхъ: прѣхвалныхъ πανευφημῶν — здесь греческому εὐφημος ('восхваляющий, хвалебный') подбирается определенное славянское соответствие, а прѣславныи сохраняется как перевод греческого εὐδοξος.

4. Тенденция к более точной передаче грамматической и синтаксической структуры оригинала проявляется в вариантах вѣрѣ оумеръшемъ: въ вѣрѣ скончавшимъса ἐν πίστει τετελειωμένου, а также в примерах въ съвръшение цѣтва: въ цѣтвѣи исполнение εἰς βασιλείας πλήρωμα, где второй вариант точнее передает порядок слов греческой фразы.

5. драгое тѣло: чѣстное тѣло τίμιον σῶμα; драгжѣ кровь: чѣстную кровь τίμιον αἷμα. Подобное варьирование отмечено в текстах Псалтыри. Для древнейшей редакции, представленной Синайской псалтырью, характерно чтение драгъи, в преславской Чудовской псалтыри произведена замена этого слова на чѣстнъи, которое использовалось для передачи греческого τίμιος при дальнейших исправлениях текста [Карачорова 1989: 199].

Итак, древнерусская редакция анафоры отражает более поздний славянский перевод, чем глаголический служебник. Однако некоторые списки древнерусской редакции имеют разночтения с остальными копиями. Например, рукопись Син. 605 содержит ряд архаичных чтений (они на первом месте, на втором — чтения остальных списков редакции):

иночадъи: ѣдиночадъи. Вариант иночадъи свойствен древнейшей редакции Псалтыри [Погорелов 1901: LVII], древнейшим глаголическим спискам Евангелия [Старославянский словарь 1994: 262],

хвалоу въздавъ: блгодаривъ εὐχαριστήσας. Подобное варьирование с промежуточным вариантом похвалити отмечено для древнейшей и более поздних

редакций Евангелия [Славова 1989: 113]. Отметим, что в этой рукописи представлено слитное чтение, т. е. совмещающее оба варианта хвалоу въздавъ благодаривъ, тогда как другие списки имеют чтение благодаривъ. Отметим также, что чтение хвалоу въздавъ содержится в этом месте в Хлуд. 117. Службник имеет, как указано в таблице 1, чтение свършение, тождественное Синайскому службнику (остальные списки: исполнение, а Син. 600 и Воскр. 8 — вторичное чтение наследие).

Также периферийные и весьма древние чтения содержатся в рукописях РНБ О.п.І.4 и ГИМ Воскр. 8. Их мы приводим на первом месте, чтение остальных списков на втором:

не обатзи мзксью: недомзклимзи αλερινότος, где более ранний перевод прибегает к описательной передаче значения слова [Иванова-Мирчева 1977: 45],

цртво дасть градоушче: цртво дарова хоташче възти тѣν βασιλείαν έχαρίσω тѣν μέλλουσαν, где форма будущего времени хоташче възти более поздняя и свойственна преславским переводчикам [Кирило-Методиевска енциклопедия 2003: 321],

хвалоимъ та: благодаримъ та еὐχαριστοῦμεν [Славова 1989: 113].

Таким образом, рукописи Син. 605, Воскр. 8 и О.п.І.4 отражают некоторые периферийные чтения, не вошедшие в ядро редакции. Эти чтения свидетельствуют о том, что на Руси были известны другие славянские переводы литургии, но в условиях контролируемой рукописной традиции [Алексеев 1999: 48—51] чтения этих переводов были со временем вытеснены из употребления и как рудименты сохранились в некоторых рукописях. О смешанном характере древнерусской редакции свидетельствуют также многие чтения, свойственные кирилло-мефодиевским переводам, а не преславским текстам, например: възскръшение (вместо пресл. възстание, ἀνάστασις), свѣдѣтельство (вм. пресл. послоушьство). Также в тексте анафоры древнерусской редакции варьируются слова кирилло-мефодиевского и преславского лексического фонда: оставление: ѿпущение ѿфесиς [Славова 1989: 41, 100—101, 83], оупование: надежа ёлліс [Карачорова 1984: 56].

Южнославянские списки литургии более разнообразны, чем русские. Болгарская рукопись Хлуд. 117 чаще сохраняет чтения, свойственные Синайскому службнику, — послѣ, свръшение, еѣлиеть, прѣславныхъхъ, но зачастую эти чтения испорчены редакторскими конъектурами. Вместе с тем Хлуд. 117 имеет более поздние чтения, которые содержатся в древнерусской редакции (чѣстнаѣ, съборнѣи) и в правленых редакциях литургии (правопращихъ). Сербский список литургии в рукописи Q.п.І.48 гораздо ближе к древнерусской редакции, количество совпадений с древнерусской редакцией превышает совпадения с Хлуд. 117: низпосли, испльнение, скончавшемьсе, оуспшение. Общее чтение для Хлуд. 117 и Q.п.І.48 правопращихъ (Син. служ. и др.-рус. пращихъ)

ὁρθοδοξῶν свидетельствуют о распространении нового варианта перевода этого слова, который впоследствии вошел во все правленные редакции литургии.

Итак, мы проанализировали наиболее стабильную по составу часть литургии Иоанна Златоуста — анафору. Ко времени создания славянской письменности структура анафоры уже устоялась, но текст ее подвергся в IX—X вв. стилистической правке в результате реформы византийского Евхология. Древнейшие славянские литургические источники XI—XIV вв. позволяют нам приблизительно охарактеризовать основные редакции ранних славянских переводов. Глаголический служебник, фрагмент которого сохранился в Синайских листках XI в. содержал, по всей видимости, анафору древней константинопольской редакции, т. е. восходил к греческому тексту IX в. Древнерусские списки XII—XIV вв. в большинстве случаев отражают новую константинопольскую редакцию анафоры, но имеют ряд архаичных чтений периода становления новой редакции. Формирование новой редакции в Византии было постепенным процессом и сопровождалось появлением большого числа вариантов. На рубеже X—XI вв. в Константинополе была предпринята работа по унификации разночтений и созданию *textus recertus* анафоры литургии Иоанна Златоуста. Таким образом, греческий оригинал анафоры древнерусской редакции следует отнести к периоду, предшествующему созданию *textus recertus*, т. е. до конца X в. Южнославянские переводы анафоры периода восстановления славянской письменности после византийского завоевания восходят к *textus recertus* новой константинопольской редакции конца X — начала XI в., но в рукописи Хлуд. 117 удерживается ряд архаичных чтений, восходящих к древнему глаголическому протографу, близкому Синайскому служебнику (А. А. Турилов указал на связь рукописи Хлуд. 117 с глаголической традицией по палеографическим особенностям [ДПС XV: 24—26]).

В древнерусской редакции наблюдаются языковые замены, свойственные преславским переводам. Значит, на Руси имели обращение копии с восточно-болгарских служебников, составлявшихся на основе константинопольских формуляров переходного периода. Вместе с тем на Руси были известны и более ранние западноболгарские переводы, чтения которых фрагментарно сохранились в некоторых списках, прежде всего в Син. 605, Воскр. 8, Воскр. 7 и О.п.14. Таким образом, древнерусская редакция — это смешанная редакция, вобравшая в себя чтения разных южнославянских переводов: первоначально и более позднего преславского.

Как видно из текста Q.п.1.48, древнерусская редакция оказала влияние на сербский текст литургии (что вполне согласуется с выводами В. А. Мошина о формировании рашской книжной школы с привлечением русских источников

[Мошин 1998: 67—68]), при этом использовались греческие оригиналы с новой константинопольской редакцией анафоры. Рукопись Хлуд. 117 содержит наибольшее число архаических чтений, восходящих к эпохе первых переводов, но многие из этих чтений испорчены редакторскими конъектурами. Вместе с тем рукопись носит следы правок по более поздним греческим источникам.

Литература

- Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Афанасьева 2003 — *Афанасьева Т. И.* Молитвы Коленопреклонения в Пятидесятницу в славянских служебниках XI—XVI вв. // *Palaeobulgarica*. 2003. № 4. С. 15—24.
- Афанасьева 2004 — *Афанасьева Т. И.* Чинопоследование Великого освящения воды на Богоявление в славянских служебниках XI—XV вв. // *Palaeobulgarica*. 2004. № 3. С. 25—45.
- Афанасьева 2004а — *Афанасьева Т. И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров: Текстология и язык. СПб., 2004.
- Гранстрем 1953 — *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1953.
- ДПС XV — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993.
- Иванова-Мирчева 1977 — *Иванова-Мирчева Д.* К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX—X до XIV в. // *Palaeobulgarica*. 1977. № 1. С. 37—49.
- Карачорова 1984 — *Карачорова И.* Лексиката на Чудовския псалтыр и преславската редакция на старобългарските богослужбни книги // *Български език*. 1984. № 34. Вып. 1. С. 53—61.
- Карачорова 1989 — *Карачорова И.* Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 6. София, 1989. С. 130—245.
- Кирило-Методиевска енциклопедия 2003 — *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т. III. София, 2003.
- Красносельцев 1885 — *Красносельцев Н. Ф.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885.
- Мошин 1998 — *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // *Русь и южные славяне: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина*. СПб., 1998. С. 7—113.
- Муретов 1895 — *Муретов С. Д.* Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «устава литургии» константинопольского патриарха Филофея. М., 1895.
- Муретов 1895а — *Муретов С. Д.* К материалам для истории чинопоследования литургии. Сергиев Посад, 1895.
- Муретов 1897 — *Муретов С. Д.* Последование проскомидии Великого входа и причащения в славяно-русских служебниках XII—XIV в. М., 1897.
- Муретов 1897а — *Муретов С. Д.* О поминовении бесплотных сил на проскомидии. М., 1897.

- Погорелов 1901 — *Погорелов В.* Псалтыри: Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 3. М., 1901.
- ПС XI—XIV — Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 177—272.
- Рубан 1996 — *Рубан Ю. И.* Служебник Варлаама Хутынского // Учен. зап. Российского Православного ун-та ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 99—129.
- Рубан 1998 — *Рубан Ю. И.* Древнейшая русская литургия // София. Новгород, 1998. № 4. С. 11—14.
- Рубан 2005 — *Рубан Ю. И.* Служебник Антония Римлянина. СПб., 2005.
- СК XI—XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв., хранящихся в СССР. М., 1984.
- Славова 1989 — *Славова Т.* Преславска редакция на кирило-методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. № 6. С. 15—128.
- Слуцкий 2000 — *Слуцкий А. С.* Диалог священнослужителей после Великого Входа в славянских служебниках XIII—XIV вв. // Христианский Восток. 2000. Т. 2. С. 242—254.
- Слуцкий 2005 — *Слуцкий А. С.* Византийские литургические чины «Соединения Даров» и «Теплоты»: Ранние славянские версии // Византийский временник. № 64. 2005. (в печати).
- Срезневский 1863 — *Срезневский И. И.* Отрывки из древнего глаголического служебника // Записки имп. Академии наук. 1863. Т. IV. Кн. 1. С. 22—44.
- Старославянский словарь 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). М., 1994.
- Тафт 2000 — *Тафт Р.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
- Успенский 2003 — *Успенский Н. Д.* Византийская литургия. Анафора. М., 2003.
- Engberding 1937 — *Engberding H.* Die syrische Anafora der Zwölf Apostel und ihre Paralleltexpte // Oriens Christianus. Série 3. Vol. XII. 1937. S. 213—247.
- Frček 1939 — *Frček J.* Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française // Patrologia Orientalis. T. 25, fasc. 3. Paris, 1939.
- Jacob 1968 — *Jacob A.* Histoire du formulaire grec de la liturgie de Saint Jean Chrysostome. Louvain, 1968.
- Khuri-Sarkis 1962 — *Khuri-Sarkis G.* L'Origine syrienne de l'anaphore byzantine de saint Jean Chrysostome // L'Orient Syrien. № VII. 1962. P. 3—68.
- Korza 1998 — *Korza K.* L'Eucologio di Santa Maria del Patire di Rossano. Codice Vaticano Gr. 1970. Roma, 1998.
- Mateos 1965—1970 — *Mateos J.* Evolution historique de la liturgie de Saint Jean Chrysostome // Proche-Orient Chrétien. № 15. 1965; № 16. 1966. № 20. 1970. P. 333—351; 3—18, 133—161.
- Meester P. de 1908 — *Meester P de.* Origines et le développement du texte grec de la liturgie de saint Jean Chrysostome // ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΙΚΑ. Studi e ricerche intorno a S. Giovanni Crisostomo, a cura del comitato per il XV centenario della sua morte. Roma, 1908. P. 245—358.

- Nahtigal 1941—1942 — *Nahtigal R.* Euchologium Sinaiticum. T. 1—2. Ljubljana, 1941—1942.
- Parenti 1991 — *Parenti S.* Influssi italo-greci nei testi eucharisti bizantini dei «Fogli Slavi» del Sinai XI sec. // *Orientalia Christiana Periodica*. № 57. Roma, 1991. P. 145—177.
- Parenti 1991a — *Parenti S.* Osservazioni sul testo dell'Anaforandi Giovanni Crisostomo in alcuni eucologi italo-greci (VIII—XI sec.) // *Ephemerides Liturgicae*. 1991. № 105. P. 120—154.
- Parenti, Velkovska 1995 — L'Eucologio Barberini gr. 336. A cura di Stefano Parenti e Elena Velkovska. Roma, 1995.
- Passarelli 1982 — *Passarelli G.* L'Eucologio Crytense G. b. VII (sec. X). Θεσσαλονίκη, 1982.
- Petrovskij 1908 — *Petrovskij A.* Histoire de la rédaction slave de la liturgie de S. Jean Chrysostome // ΧΡΥΣΟΣΤΟΜΙΚΑ. Studi e ricerche intorno a S. Giovanni Crisostomo, a cura del comitato per il XV centenario della sua morte. Roma, 1908. P. 859—928.
- Swainson 1884 — *Swainson C. A.* The Greek Liturgies Chiefly from Original Authorities. Cambridge, 1884.
- Taft 1991 — *Taft R.* A History of the Liturgy of St. Jean Crisostome. Roma, 1991.

«РУССКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ» В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

П. В. Петрухин
ИРЯ РАН,
Д. В. Сичинава
ВИНИТИ РАН, Москва

1. Вводные замечания

«Русским плюсквамперфектом» в работах по истории русского языка именуют глагольную форму, состоящую (согласно традиционным представлениям) из перфекта вспомогательного глагола *быти* и действительного причастия прошедшего времени на *-л-*. По причинам, о которых будет сказано ниже (см. раздел 5), мы предпочитаем в данном случае говорить о причастии с двумя вспомогательными глаголами (связками). В памятниках преобладает усеченная форма (с одной связкой, типа *ходилаь бытьь*); это связано с тем, что чаще всего «русский плюсквамперфект» встречается в третьем лице, где в древнерусском перфекте связка нередко отсутствует (а для форм, отмеченных в не книжных текстах, это практически регулярное правило: [van Schooneveld 1959: 134—140; Горшкова, Хабургаев 1997: 326, Зализняк 2004: 177—178]). В тех редких случаях, когда «русский плюсквамперфект» встречается в первом или во втором лице, в раннедревнерусский период употребляются два вспомогательных глагола — типа *ходилаь есмь бытьь* (см. ниже в разделе 4 примеры 7, 8, 10), в более поздних памятниках возможна утрата связки также и в этих формах (см. там же пример 11).

Традиционное название «русский плюсквамперфект» подчеркивает, что данная форма, не представленная в старославянском, была свойственна живой речи средневековых восточных славян. Действительно, она, как правило, используется в тех регистрах древнерусской письменности, где более всего находит отражение разговорный язык соответствующего времени (деловые и бытовые

¹ Во время работы над статьей П. В. Петрухин находился на стажировке в Германии (Georg-August-Universität Göttingen) по стипендии фонда А. фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung).

памятники, в частности берестяные грамоты) или, по крайней мере, допускается интерференция с разговорным узусом (ср. летописи, где значительная доля употреблений «русского плюсквамперфекта» приходится на прямую речь)².

Из всех древнерусских прошедших времен «русский плюсквамперфект», пожалуй, наименее изучен; насколько нам известно, практически нет специальных работ, посвященных ему. Можно присоединиться к словам С. К. Пожарицкой: «В работах по исторической морфологии русского языка описание эволюции плюсквамперфекта обычно занимает ничтожно малое место; притом в разных работах часто используются одни и те же цитаты как из письменных памятников, так и из записей диалектной речи» [Пожарицкая 1996: 269]. И тому, видимо, есть две причины: 1) редкость этой формы (так, согласно [ДГ XII—XIII: 461], все отмеченные в текстах XII—XIII вв. употребления ограничиваются четырьмя примерами); 2) неясность ее семантики, которая явным образом не вписывается в рамки общепринятых представлений о плюсквамперфекте.

Однако в последнее время оба эти обстоятельства претерпели изменения: во-первых, благодаря находкам и новому прочтению берестяных грамот несколько увеличился корпус примеров; во-вторых, новейшие исследования в области типологии плюсквамперфекта позволили по-новому взглянуть на устройство данной грамматической категории в целом и интересующей нас древнерусской формы в частности.

Задача настоящей работы — рассмотреть «русский плюсквамперфект» в одном ряду с аналогичными грамматическими показателями других европейских языков (некоторые из этих показателей уже неплохо изучены). Мы не стремимся дать здесь исчерпывающее описание семантики этой формы или, тем более, привести полный список ее употреблений, скажем, в памятниках раннего периода. Однако, как нам представляется, анализ «русского плюсквамперфекта» в типологическом освещении закладывает основу для дальнейшей работы в этом направлении.

Изучение семантики древнерусских глагольных времен в типологической перспективе — особая лингвистическая задача, разработка которой только начинается. Мы используем так называемый «подход Байби—Даля» (см. работы [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994; Dahl 2000]), согласно которому в различных языках мира грамматические показатели, обнаруживающие формальное и семантическое сходство, образуют устойчивые типы показателей (*cross-linguistic gram types*); иными словами, морфологическое устройство и семантика грамматических показателей идут рука об руку.

² О понятии регистра в древнерусской письменности см.: [Живов 1996: 31—41].

2. О семантике плюсквамперфекта

Согласно традиционным воззрениям, плюсквамперфект обозначает 'предшествование в прошедшем' или 'давнопрошедшее'. Однако проводившиеся с начала 1970-х годов типологические исследования глагольных систем языков мира показали, что в действительности плюсквамперфект обладает целым рядом дополнительных нетривиальных значений, устойчиво представленных в генетически не связанных между собой языках, и более того, что значения 'давнопрошедшее' и даже в некоторых случаях 'предшествование в прошедшем' не являются непременно атрибутами формы, обладающей характерными признаками плюсквамперфекта.

Так, в работах ([Comrie 1985; Dahl 1985; Шошитайшвили 1998а; Плуногя 2001], обобщающий список значений с примерами см. также в [Сичинава 2003]) установлено, что в большинстве языков мира плюсквамперфект, помимо значения предшествования в прошедшем (т. е. сочетания таксиса, или относительного времени, и абсолютного времени) и не всегда отделимых от него употреблений, связанных с переносом семантики перфекта в план прошедшего ('событие, актуальное в некоторый момент в прошедшем' и 'результатирующее состояние в прошедшем'), имеет дополнительные значения, которые связаны с помещением ситуации в семантическую зону, ограниченную от момента речи. В частности, это значения «аннулированного результата» (в контекстах вроде *Построили и разорили Трою*), «прекращенной ситуации» (*Некогда он был медиком, сейчас же он гробовщик*) и «прерванного действия» (*Пошел было, да воротился*). К этой группе значений близки значения контрфактического условия и/или следствия (*Если бы у мальчика были деньги, он купил бы подарок для девочки*), эвиденциальное значение (связанное с непрямой засвидетельствованностью того, о чем идет речь, с передачей информации «из вторых рук») и так называемое экспериенциальное³.

³ Казалось бы, экспериенциальное значение выбивается из этого ряда, поскольку обозначает, напротив, связь с настоящим: «данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей» [Comrie 1976: 58], или, в несколько более узком понимании, «агенту приписываются некоторые качества или некоторые знания в связи с прошлым опытом» [Bybee et al. 1994: 62]: *Выдала ли ты моего брата? Ему случилось есть эту пищу*. Действительно, в большинстве языков здесь выступает форма перфекта, маркирующая связь с настоящим; однако «плюсквамперфектная стратегия» все же засвидетельствована в целом ряде генетически не связанных языков, например, адыгейском или корейском (значительный материал собран в неопубликованной работе [Вострикова 2005]). Это объясняется тем, что экспериенциальность нередко связана с действием, которое в настоящем, как правило, уже не осуществляется (т. н. «неактуальный экспериенциал»: *Когда-то я играл на роле*), «опыт» здесь противопоставляется «практике». Сущест-

До сих пор обстоятельно не изучены дискурсивные функции плюсквамперфекта, т. е. связанные со структурированием монологического или диалогического текста и местом данного события в пространстве текста (применительно к английскому материалу см. [Caenapeel 1995; Lascarides, Asher 1993], относительно типологического материала важные указания есть в [Dahl 1997] и [Plungian, van der Auwera, in print]). О таком специфическом типе дискурса, как нарратив, известно, что здесь плюсквамперфект не всегда указывает просто на некоторое событие, предшествующее основной линии повествования: он может также обозначать события, «посторонние» по отношению к событиям основной линии (out-of-sequence в терминологии Т. Гивона), а кроме того, употребляется в зачине повествования, сигнализируя о принадлежности всего нарратива плану «неактуального прошедшего». Последняя функция названа одним из авторов настоящей работы ([Сичинава 2001; в печати]) функцией «сдвига начальной точки».

Таким образом, в большинстве языков мира плюсквамперфект — это не только прошедшее (пусть даже предшествующее некоторому другому событию в прошлом), а «прошедшее и не настоящее», прошедшее, не продолжающееся в настоящем и не релевантное для него (ср. понятие «текущей нерелевантности» — *current irrelevance* — применительно к значению аннулированного результата в работе [Dahl, Hedin 2000]). Для обозначения этого феномена использовались термины «закрытый временной интервал в прошлом» (*past temporal frame*) — в работах [Dahl 1985] и [Squartini 1999] и «сверхпрошлое» (*superpassé*, «зона сверхпрошлого») — в работах [Arnavielle 1978] и [Плунгян 2001]. В уже упоминавшейся статье [Plungian, van der Auwera, in print] для указанного множества значений предложено название «непродолженное прошедшее» (*discontinuous past*).

3. «Сверхсложные формы» как ареально-типологический феномен

Форма «русского» плюсквамперфекта входит в ряд структурно и семантически аналогичных глагольных форм, распространенных в целом ряде языков Европы.

Речь идет о формах плюсквамперфекта, состоящих из вспомогательного глагола в форме перфекта и причастия прошедшего времени — или, что в большинстве случаев то же самое, образующихся из аналитических форм перфекта путем прибавления причастия прошедшего времени вспомогательного глагола.

вуют языки, где перфект выражает «актуальный опыт», а плюсквамперфект — «неактуальный» (например, итальянский: [Maiden, Robustelli 2000: 293]); впоследствии это значение, вероятно, обобщается как экспериенциальность вообще.

Данные формы привлекают интерес исследователей начиная с классической работы [Foulet 1925], посвященной французскому языку. Во французской грамматической традиции такие времена называются сверхсложными⁴ (*temps surcomposés*). Их распространение засвидетельствовано на значительной части романской территории⁵, а также в нидерландском, немецком (особенно южные диалекты) и идиш; сверхсложные формы развились также в баскском языке ([Naase 1994: 282]; степень романского влияния, учитывая то, что в Иберии подобные формы практически не засвидетельствованы, здесь неясна). Наконец, что особенно важно, и среди славянских языков «русский плюсквамперфект» не одинок: сверхсложные формы плюсквамперфекта существуют в словацком, сербохорватском, словенском и болгарском⁶ и ранее существовали в польском и чешском (ср. соответствующие разделы в статьях издания [Славянские языки 2005]; о плюсквамперфекте в некоторых славянских языках см. также работу [Молошная 1996]).

Несмотря на то, что по сверхсложным формам в отдельных языках существуют важные работы, содержащие много фактического материала (прежде всего [Foulet 1925; Cornu 1953; Engel 1996] о французском, [Holtus 1995] о всех романских, подытожившая достаточно объемную группу работ разных исследователей монография [Litvinov, Radčenko 1998] о немецком), системных замечаний о семантике сверхсложных форм, насколько нам известно, ранее не делалось (в содержательных обзорах [Abraham 1999] и [Thieroff 2000] эти формы приравниваются к «обычному» плюсквамперфекту). Между тем, их семантика отражает совершенно четкий специфический круг значений, который — как увидим ниже — находит прямые соответствия в «русском плюсквамперфекте».

⁴ В русскоязычной литературе, например в [Романские языки 2001], термин *surcomposés* передается как *сверхсложные*; во всяком случае, очевидно, что русская лингвистическая терминология не знает такого разнобоя, какой характерен для европейской (в [Holtus 1995] перечисляются 8 французских терминов, 7 немецких, 6 итальянских — и даже этот список, как мы убедились, неполон). Мы следуем этому употреблению, калькирующему наиболее распространенный термин — фр. *formes surcomposées*, принятый к тому же в до сих пор, на наш взгляд, не превзойденной работе Люсьена Фуле.

⁵ Практически везде, кроме иберо-романских языков и диалектов южной Италии, где долгое сохранение синтетического аориста (а в португальском и плюсквамперфекта) с двух сторон «сдерживало» дальнейшее распространение аналитических форм прошедшего.

⁶ В болгарском языке эти формы принадлежат к парадигме «пересказывательного» («заглазного») наклонения; см. недавнюю монографию [Levin-Steinmann 2004] (где проводятся, в частности, типологические параллели с западноевропейскими «сверхсложными» формами).

Как показывают наблюдения в [Сичинава 2002], сверхсложные формы в языках Европы передают, как правило, не традиционно считающиеся основными значения плюсквамперфекта — таксисное и ‘результатирующее состояние в прошедшем’, а именно вышеочерченный (см. раздел 2) круг дополнительных значений из «зоны сверхпрошлого». Особенно характерны значения ‘прекращенной ситуации’ и ‘аннулированного результата’⁷.

В литературном французском языке форма *passé surcomposé* обозначает непосредственное предшествование и фактически эквивалентна по значению форме *passé antérieur*, отличаясь от нее лишь в регистровом плане: *passé antérieur* используется в основном в письменных текстах, а *passé surcomposé* — в устной речи. Однако в южных диалектах французского эта форма регулярно передает другие значения, в том числе значение ‘аннулированного результата’ и ‘прекращенной ситуации’, ср.:

(1) *Il a eu coupé, ce couteau* [Foulet 1925: 232].

‘Он резал, нож-то’ [а теперь не режет] (‘прекращенная ситуация’);

(2) *Il nous l’a bien eu dit, mais on a oublié* [Bleton 1982: 35].

‘Конечно, он нам это говорил, но мы это забыли’ (‘аннулированный результат’).

Значение ‘аннулированного результата’ свойственно также сверхсложной форме в немецком языке, так называемому Perfekt II, ср.:

(3) *Hier hast du deine Hundemarke wieder. Hab sie ganz vergessen gehabt.* (Remarque).

‘Вот твой жетон для собаки⁸. Я совсем о нем забыл’ [«жетон был некогда забыт, а теперь уже нет»] [Thieroff 1992: 214; Sherebkow 1971: 28].

Характерно, что, насколько можно судить, сверхсложные формы типа *passé surcomposé* обычно появляются на той стадии эволюции языковой системы, когда простые претериты (по крайней мере, перфективный претерит — аорист, — как в романских языках) начинают постепенно вытесняться (бывшим) перфектом. Так, во французском языке форма *passé surcomposé* вошла в широкое употребление в XVI в., когда *passé composé* в разговорном языке стал вытеснять *passé simple* (что в конечном счете привело к тому, что употребление этой последней формы ограничилось письменным нарративом) [Salkie 1989].

⁷ Кроме того, сверхсложный плюсквамперфект (по крайней мере романский) имеет экспериенциальные употребления.

⁸ Значок, который прикрепляется к ошейнику и показывает, что хозяин заплатил налог на собаку; так герои Ремарка иронически называют солдатский жетон.

Здесь невозможно не провести аналогию с древнерусским. Ведь хотя, как известно, среди историков русского языка нет единого мнения относительно времени исчезновения аориста, имперфекта и «книжного» плюсквамперфекта в восточнославянском и прихода им на смену универсальной формы прошедшего времени на *-л-* (бывшего перфекта) (см. об этом, в частности: [Klenin 1993], тот факт, что сам процесс имел место, не подлежит сомнению. Более того, как представляется, изучение восточнославянской сверхсложной формы в типологической перспективе может способствовать прояснению хронологии данного процесса.

В этом смысле очень показателен цюрихский немецкий (Züritüütsch). Как пишет М. Сквартини [Squartini 1999], пяти формам системы прошедших времен, представленных в стандартном немецком (Perfekt, Präteritum, Plusquamperfekt, Perfekt II, Plusquamperfekt II), в Züritüütsch соответствуют всего две — перфект со связкой, функционирующий как простое прошедшее, и «сверхсложный» плюсквамперфект, состоящий (как «русский плюсквамперфект», *passé surcomposé* и другие подобные формы) из перфекта вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени. При этом данная форма передает результирующее значение (4) и значение аннулированного результата («reversed result»), по Сквартини (5), ср.:

(4) *Won ich en bi go sueche, hät er scho züglet ghaa.*

‘Когда я стал его искать, он уже уехал’ (результативное значение);

Контекст: говорящая перепутала имена в списке, но затем заметила ошибку и исправила ее:

(5) *Ich ha s verwächslet ghaa.*

‘Я (было) перепутала это [но теперь ошибка исправлена]’ (результат ошибки аннулирован).

Наконец, аналогичную картину можно наблюдать и в одном из современных славянских языков — сербохорватском. Согласно исследованию [Thomas 2000: 119], в этом языке *л-*форма (совершенного и несовершенного вида) в настоящий момент практически вытеснила аорист и имперфект из разговорного языка, ограничив их употребление некоторыми письменными регистрами; соответственно, различия между «классическим» плюсквамперфектом, образованным при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*on beše napisao*) и сверхсложным плюсквамперфектом (*je bio napisao / bila napisala*), также носят стилистический характер, однако частотность второго гораздо выше (первый служит для «архаизации текста»). При этом сверхсложная форма не используется в таксисном значении ‘предшествование в прошлом’, а в значении ‘результатирующее состояние в прошлом’ употребляется факультативно наряду с *л-*формой. Единственное значение, для пере-

дачи которого непременно требуется использовать эту форму, — значение ‘аннулированного результата’, ср.:

(6) *Ja sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?*

‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

Таким образом, «сверхсложный» плюсквамперфект возникает в глагольной системе, где утрачен (или почти утрачен) аорист (или, как в славянских языках, аорист и имперфект) и, как следствие, разрушена (или почти разрушена) система «последовательности времен». При этом «классический» плюсквамперфект уступает место молодой сверхсложной форме, однако последняя уже не имеет таксисного значения предшествования, но передает другие значения из «зоны сверхпрошлого» [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera, in print], такие как ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’.

4. Семантика «русского плюсквамперфекта» в типологическом освещении

Согласно Г. А. Хабургаеву [1978: 51], «русский плюсквамперфект» указывает на «действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) “отмененное” или нереализованное, прерванное и т. п.» (разрядка Г. А. Хабургаева).

Иначе описывает значение этой формы А. А. Зализняк [2004: 176], по мнению которого ее основная функция «состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило, это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист». В частности, ни в одном из употреблений «народного» плюсквамперфекта в берестяных грамотах А. А. Зализняк не обнаружил значения, сходного со значением современной конструкции с частицей *было*.

Несмотря на кажущееся противоречие, на наш взгляд, оба эти подхода дополняют друг друга, причем их синтез возможен именно в свете вышеизложенных типологических сведений. Действительно, значение «русского плюсквамперфекта» не сводится ни к «прерванному» или «отмененному» действию (как у современной русской частицы *было*), ни к простому прошедшему: это прежде всего значение ‘неактуального прошедшего’, откуда и подчеркнутое отсутствие связи с настоящим, и указание на недостижимость результата или его отмену последующими действиями/событиями.

Показателен следующий пример из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку:

- (7) *Исакий же рече: «Се уже прелстил ма еси былъ, дѣволе, сѣдлаца на едином мѣствѣ; а уже не имам са затворити в пещерѣ, но имам та побѣдити, хода в манастирѣ»* (ПВЛ, л. 65 об.; 6582/1074 г.)

(Контекст: Исакию, жившему отшельником в пещере, явились бесы в образе ангелов и заставили поклониться себе, после чего сказали: «Нашъ еси, Исакие, уже!». После этого Исакий два года пролежал без движения и выжил только стараниями Феодосия Печерского, который ухаживал за ним. Его возвращение к жизни летописец описывает как второе рождение: Исакий «аки младенець» учился есть, говорить, понимать человеческую речь, вставать на ноги и ходить, его насильно приводили в церковь и т. п. Вполне придя в себя, Исакий решил не возвращаться в пещеру, а поселиться с остальной братией в монастыре.)

Таким образом, событие, к которому отсылает здесь сверхсложный плюсквамперфект, имело весьма ощутимые результаты, что делает несколько проблематичным использование частицы *было* в данном контексте. Данной фразой Исакий не пытается отрицать сам факт «прелести» (в древнерусском значении этого слова), но решительно проводит черту между своим прошлым и настоящим, прежней жизнью, где имела место «прелесь», и новой. Характерно, что показатель *былъ* представлен только в Лаврентьевском списке ПВЛ: в более поздних списках находим *прелстилъ еси*.

Для следующего примера из Новгородской Первой летописи по Синодальному списку еще менее вероятно подстановку в переводе вместо сверхсложной формы современной конструкции с *было*, так как использование этой частицы с глаголами несовершенного вида лексически очень ограничено (в основном кругом глаголов желания, намерения и т. п., ср.: [Шошитайшвили 1998б: 70]):

- (8) *томъ ж лѣт кнѧзь ярославъ преж сѧ рати понде въ пльсковѣ съ посадникомъ иванкомъ и тѣмачьскѣмъ вачеславѣ и съзшавше пльсковичи, ѧко идеть к нимъ кнѧзь, и затвориша са въ городѣ, не поуща к собѣ. кнѧзь же постоѧвъ на дѣвровнѣ възпати са в новгородѣ, промѣкла бо са вѣсть баше си въ пльскове, ѧко везеть оковъ, хота ковати вацьшене мочъ, и пришьдѣ створи вѣче въ владчнѣ дворѣ, и реч ѧко не мѣналъ несмь до пльсковичъ грѣба ничево же, нъ вездъ несмь съѧвъ въ коровьихъ даръ, паволокъ и овоць, а они ма обьщѣствовали* (НПЛ, л. 104; 6736/1228 г.)⁹.

С семантикой 'неактуального прошедшего' связана также присущая данной форме функция «сдвига начальной точки». Как пишет А. А. Зализняк, в этом случае фраза, содержащая «русский плюсквамперфект», «относит пове-

⁹ Мы использовали электронный текст НПЛ, подготовленный А. А. Гиппиусом и В. С. Гольшенко.

ствование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 2004: 176]. Такое употребление отмечено в нескольких берестяных грамотах [Там же]; наиболее яркий пример — новгородская берестяная грамота № 724 (1166/1167 гг., согласно [НБГ 1990—1996: 25]) — практически единственный (из обнаруженных до сих пор документов) достаточно длинный не книжный нарративный текст столь раннего времени, начинающийся так [Зализняк 2004: 350]:

- (9) *Ѡ Савы покланяе къ братыи и дрѣжинѣ. Оставили ма были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первомѣ пѣти послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья въ в[ѣ]ре ѡрокль...*

Как уже говорилось выше (раздел 2), такое употребление вполне нормально для плюсквамперфекта ряда европейских языков (например, немецкого [Шендельс 1970: 106—107] или итальянского¹⁰).

Самыми частотными для древнерусской сверхсложной формы, видимо, являются употребления с семантикой ‘отмененного результата’, причем это значение явно просматривается и в тех примерах, которые А. А. Зализняк интерпретирует как содержащие простое «аористическое» прошедшее. Так, в следующем примере (ср. [Зализняк 2004: 176]) речь идет об измене крестному целованию (присяге), а значит, результат события, к которому отсылает сверхсложная форма, аннулирован:

- (10) *Хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ, а хрѣтъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ [Ипат., 6668/1161 г., л. 182—182 об.].*

Аналогичный пример Зализняк [Там же] приводит из грамоты Василия II Темного (здесь уже в первом лице утрачена связка *еси*) где говорится об отмене принятого ранее решения:

¹⁰ В итальянском нарративе нередко в плюсквамперфекте строится «вступление» к рассказу (несколько предложений), а дальнейшее повествование ведется в *passato remoto*: Don Camillo si era lasciato un po' andare durante un fervorino a sfondo locale con qualche puntatina piuttosto forte per quelli là e così, la sera dopo, attaccatosi alle corde delle campane perché il campanaro l'avevano chiamato chi sa dove, era successo l'inferno. ‘Дон Камилло [накануне] малость увлекся, обличая местные нравы и в особенности «тех самых, которые», и вот, тем же вечером, как только он ухватился за колокольные веревки, ибо звонарь уехал (букв.: его позвали) бог знает по какому делу, случилось нечто ужасное’ (Giovannino Guareschi, «Inseguimento su strada»). В русском переводе требуется введение наречия типа *накануне*, передающего информацию, выраженную в оригинале плюсквамперфектом, иначе возникает впечатление, что дается некая ситуация, актуальная для основной линии повествования. Авторы признательны Ольге Гуревич за данный пример.

- (11) *Что и^x села в Радонѣжи ..., и къзъ кня³ велики велѣлъ быⁿ своему волостелю радонѣжскому в тѣ^x и^x селе^x ... хрестыиⁿ и^x судити. И нонича [есми ихъ пожа]лова¹, своему есми волостелю хрестыиⁿ их в тѣ^x ихъ селехъ ... судити не велѣлъ [АСЭИ, 1, № 260, 1455—1462 гг.].*

То же, на наш взгляд, верно и относительно того единственного примера среди берестяных грамот, в котором, по мнению А. А. Зализняка [2004: 175], «русский плюсквамперфект» передает таксисное значение предшествования другому действию в прошлом, т. е. выступает в функции, свойственной «книжному» плюсквамперфекту¹¹:

- (12) *Съ урадѣса <-диса> Аковъ съ Гюрьгьмо и съ Харѣтономъ по бѣсудьнои грамотѣ, что былъ возалъ Гюрьгѣ грамоту в ызьбѣжънои пшьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ [грамота № 366].*

«Бессудная грамота — правая (т. е. подтверждающая правоту) грамота, выдаваемая судьей истцу в случае, если ответчик не явился в назначенный срок в суд. Грамота № 366 — составленный при свидетелях документ о том, каким именно образом было осуществлено взыскание по выданной судьей Гюргию и Харитону грамоте» [Зализняк 2004: 613]. Поскольку в судебном процессе поставлена точка, бессудная грамота (и акт ее выдачи), естественно, утрачивает юридическую силу.

Примечательно, что «русский плюсквамперфект» вообще не отмечен в типичном для книжной формы плюсквамперфекта значении ‘результатирующее состояние в прошедшем’ (ср.: [Петрухин 2004]). Это является характерной чертой сверхсложного плюсквамперфекта не только в древнерусском языке, но и в средневековой чешской письменности [Чернов 1961: 11].

Чрезвычайно характерно для семантики этой формы, что в том единственном известном нам случае, когда «русский плюсквамперфект» встретился в памятниках с глаголом необратимого результата (*умръти*), речь идет о смерти, за которой последовало чудесное воскресение из мертвых:

- (13) *И влѣзучи естъ во врата градка того (Вифании), на деснѣй руцѣ естъ пещера, и въ той пещерѣ естъ гробъ святаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ (Хождение игумена Даниила, цит. по [van Schooneveld 1959: 136]).*

Имеется в виду «ретроспекция со времени второй жизни Лазаря на тот период, когда он был мертв» [Там же]; форма *умерлъ былъ* говорит о хорошо

¹¹ В отличие от сверхсложной формы, выражающей прежде всего нетаксисные значения, для книжного древнерусского плюсквамперфекта, состоящего из вспомогательного глагола в форме имперфекта или «имперфективного аориста» и л-причастия, значение предшествования другому событию в прошлом является основным.

известной читателям Даниила первой смерти Лазаря, после которой Иисус воскресил его; просто *умерль* означало бы, что воскресения не было.

5. Сверхсложные формы и проблема аддитивных показателей «ретроспективного сдвига» / «неактуального прошедшего»

Со сверхсложными формами связано множество загадок: каково их происхождение? почему именно такая структура? именно такой набор значений? и т. д. В случае с восточнославянскими языками возникает еще один вопрос: действительно ли современная русская конструкция с *было* (и аналогичные конструкции в украинском и белорусском) восходит к «русскому плюсквам-перфекту» (как предполагал, например, Г. А. Хабургаев [1978])?

Можно выдвинуть гипотезу (она предложена в неопубликованной работе одного из соавторов [Сичинава 2002]), согласно которой сверхсложные конструкции следует рассматривать не как комбинацию из вспомогательного глагола в форме перфекта плюс причастие прошедшего времени, а как перфект плюс специальный показатель «ретроспективного сдвига»: так, форма типа *j'ai eu lu* (в южнофранцузских диалектах) — это перфект *j'ai lu* плюс показатель «ретроспективного сдвига» *eu* (а не *j'ai eu + lu*, как принято считать)¹²; в таком случае восточнославянское *везль есмь былъ* — это *везль есмь* плюс *былъ* (а не *везль + есмь былъ*).

Термин «ретроспективный сдвиг» [Плунгян 2001] (ср. также термин «ретроспективное время» в [Коваль, Нялибули 1997]) обозначает лингвистический феномен, наблюдаемый в широком спектре генетически не связанных друг с другом языков «с преимущественной грамматикализацией аспектуальных, а не темпоральных противопоставлений» [Плунгян 2001: 108]. Показатель «ретроспективного сдвига» отличается от обычных временных показателей тем, что он присоединяется не к неохарактеризованной в темпоральном (и/или аспектуальном) плане глагольной основе, а к глагольной форме, уже имеющей определенную видо-временную интерпретацию; функция же показателя «ретроспективного сдвига» заключается в том, что он «сдвигает» обо-

¹² Среди аргументов в пользу такой точки зрения — использование сверхсложными формами, например, в южнофранцузских диалектах [Foulet 1925; Hill 1984], ретороманском [Liver 1982] и идиш [Gold 1998] одного и того же причастия прошедшего времени как для переходных, так и для непереходных глаголов, при том что обычный перфект требует в первом случае причастия от глагола *иметь*, а во втором — от глагола *быть* (впрочем, в цюрихском немецком эта дифференциация сохраняется, а для древнерусского данный критерий просто нерелевантен); кроме того, в пользу этой трактовки говорят и некоторые наблюдения просодического характера, согласно которым второй вспомогательный глагол приобретает известную автономию [Jolivet 1984].

значающую ситуацию назад по временной оси. Возникающие в результате формы могут иметь классическое плюсквамперфектное значение предшествования другому событию в прошлом, но, кроме того, для них практически обязателен (в отличие от плюсквамперфекта «европейского типа») и набор других значений из «зоны сверхпрошлого», а именно: 1) отдаленное прошлое; 2) ситуация, которая больше не имеет места; 3) ситуация, результат которой был аннулирован; 4) ирреальное условие [Плунгян 2001: 82].

Как можно видеть, по крайней мере два значения из этого набора — ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’ — свойственны и сверхсложным формам, в том числе и «русскому плюсквамперфекту» (в ряде языков сверхсложные формы принимают также и другие значения из перечисленных выше, но в данном случае нас это менее интересует). Если же принять во внимание гипотезу о том, что сверхсложные формы на самом деле представляют собой «ретроспективизированный» при помощи специального показателя перфект, то их типологическое сходство с теми формами, о которых пишет В. А. Плунгян (анализирующий главным образом материал неиндоевропейских языков, где соответствующие показатели формально устроены иначе), оказывается достаточно убедительным.

В этой связи в новом свете предстает история современной русской частицы *было* (в конструкциях типа *пошел было*), которую В. А. Плунгян [2001] также причисляет к показателям ретроспективного сдвига. Ее семантика в общих чертах связана со значениями ‘прерванного действия’ (*пошел было, но вернулся*) и ‘аннулированного результата’ (*согласился было*) — при глаголах совершенного вида, а также (реже) ‘прекращенной ситуации’ (*хотел было*) — при глаголах несовершенного вида. Подробнее о данной конструкции см. специально посвященные ей работы [Varentsen 1986; Шошитайшвили 1998б; Князев 2004]. Практически общепринятой является гипотеза о том, что она восходит к «русскому плюсквамперфекту» [Хабургаев 1978] (впрочем, существует также предположение о влиянии финно-угорского субстрата, ср. [Шошитайшвили 1998а]). Если же рассматривать *был-* в формах типа *везль есмь былъ* как показатель ретроспективного сдвига, модифицирующий семантику обычного перфекта со связкой, то становится очевидно, что специфика функций этого показателя в общем сохранилась с древнейших времен, когда были написаны первые восточнославянские тексты; формальные изменения состояли в утрате перфектом связки, а показателем *был-* — согласования (подобно, например, условной частице *бы*, которая в раннем древнерусском имела полную парадигму спряжения)¹³; семантика, претерпев некото-

¹³ В современном украинском семантически полностью аналогичная частица *був, була, було, були* сохранила согласование [Chinkarouk 1998], так же в современ-

рые изменения, сохранила наиболее характерные черты — значения недостигнутого и аннулированного результата.

Любопытно в этой связи, что, согласно предположению А. А. Зализняка [1993: 285—286], *был-* в составе «русского плюсквамперфекта» функционировал как энклитика, в то время как в независимом употреблении это была акцентно самостоятельная словоформа — энклиномен (аналогичная ситуация — со связкой *есть, суть*). Данная особенность сохранилась у словоформ *был, было* «в современных выражениях, исторически восходящих к плюсквамперфекту: *жил-был у бабушки...; он было пошёл, да раздумал*» [Там же] (аналогичным образом отчасти сохранила древние просодические свойства современная частица *бы* [Там же: 298]). Хотя это наблюдение не может служить аргументом при определении грамматического статуса показателя *был-* в составе «русского плюсквамперфекта» (являлся ли он причастием в составе связки-перфекта или автономным показателем), оно безусловно указывает на еще один важный аспект преемственности между древней формой и новой.

6. Конструкции — наследники «русского плюсквамперфекта» в современных русских говорах

Ценным свидетельством истории формального и содержательного развития русских плюсквамперфектных показателей являются севернорусские говоры (Архангельской и частично Вологодской областей). Речь идет о представленных в них конструкциях с согласованной или несогласованной частицей *было* (*был, была, были*)¹⁴. Семантика их богаче и нетривиальнее, чем у похожей конструкции в современном литературном языке. Ее подробному анализу посвящены две работы С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 1991; 1996].

Оказывается, что подобные конструкции выражают набор значений, близкий к набору значений древнерусского плюсквамперфекта, а кроме того, соответствующий типологически семантике сверхсложных форм в языках Европы.

Прежде всего отметим, что в говорах конструкция, восходящая к плюсквамперфекту, выступает преимущественно «в простом предложении с одним сказуемым» [Пожарицкая 1991: 789], то есть в контекстах, как отмечает автор, нетипичных для реализации таксисного значения. И действительно,

ном белорусском [Анічэнка 1957: 179]. Вопрос о том, когда показатель *был-* утратил согласование в говорах, легших в основу современного русского литературного языка, остается открытым.

¹⁴ Согласованная частица характерна для северных районов Архангельской области и отражает, очевидно, более старое языковое состояние, несогласованная — для южных говоров данного ареала, находящихся ближе к великорусскому центру, куда также распространилась эта инновация [Пожарицкая 1996: 271]

лишь очень немногие из этих примеров могут быть интерпретированы как воплощающие ‘предшествование в прошедшем’, но при этом они все так или иначе передают значение ‘неактуального прошедшего’ или ‘аннулированного результата’.

Значение неактуального прошедшего («основное значение этой глагольной формы — разрыв с настоящим, отдаленность от настоящего, которое не является прямым результатом действия или события, обозначенного плюсквамперфектной формой») [Пожарицкая 1991: 792], «показ разрыва с настоящим, отделенности от настоящего, неактуальность результата действия для момента речи» [Пожарицкая 1996: 273]):

- (14) *В Мосеево вся деревня была сгорела.*
- (15) *Все комсомольцы были разорили.*
- (16) *Сколько-то тоже был он ведь сидел, а потом-то всю жизнь председателем работал.*
- (17) *Кудряшка была пела ходила¹⁵ померла уж.*
- (18) *Я тоже на Татьяну-ту ругалась-то была.*

Что же касается значения аннулированного результата, характерного для конструкции с частицей *было* в литературном языке, то оно, согласно Пожарицкой, в обсуждаемых говорах представлено в меньшинстве случаев (хотя и значительном):

- (19) *Сын-от женился был на учительнице, да затил — она его выгнала.*
- (20) *Така бывалошина чистенка-та стар была, вся заросла была, дак вот дед-от подчистил.*

Не исключено, судя по указанию на «большую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]), что значение «сдвига начальной точки» также представлено в анализируемом материале. К сожалению, в обсуждаемых статьях не приводятся фрагменты текстов (только отдельные предложения), а диагностировать дискурсивные функции той или иной глагольной формы можно лишь располагая полным текстом или, по крайней мере, достаточно широким контекстом примера. В цитируемых С. К. Пожарицкой примерах «введение ситуации прошедшего времени» совмещено с семантикой ‘прекращенной ситуации’:

¹⁵ Перед нами так называемый «двойной глагол», от которого целиком (а не от какого-то одного из двух) образуется рассматриваемая диалектная конструкция. Явление «сериализации», или «двойных глаголов» (типологически хорошо известное), в русском языке связывается с финно-угорским субстратом (ср. применительно к русскому материалу [Вайс 2003]).

- (21) *У меня мама-то было была.*
 (22) *Было у нас еропорт был воде.*

Особенно интересен с типологической точки зрения тот факт, что несогласуемое *было* функционирует в целом ряде говоров как «глагольный детерминант» [Пожарицкая 1991: 791], присоединяющийся не только к словоформам прошедшего времени, но и настоящего и будущего времени, а также предикатива и сигнализирующий перенос ситуации в неактуальный временной план. Это демонстрируется также и «акцентным усилением *было*» [Там же] — совершенно сходным с акцентной автономизацией второго вспомогательного глагола в некоторых европейских сверхсложных формах. Перед нами не что иное, как единообразный показатель ретроспективного сдвига:

- (23) *А он как валят было косит, дак скосит, что выбреет.*
 (24) *А хлеба-то где было возьмешь?*
 (25) *Я сама делала лопату, нету было.*

С. К. Пожарицкая отмечает, что «употребление *было* в качестве глагольного детерминанта едва ли следует связывать с историей русского плюсквамперфекта» [1991: 791].

Действительно, здесь можно предполагать прежде всего контактное (а также, вероятно, субстратное, со стороны несохранившихся диалектов) влияние финно-угорских языков. В современных пермских и волжских языках в качестве показателя ретроспективного сдвига выступают неизменяемые формы вроде удмуртского *вал* (этимологически — также ‘быть’ в прошедшем времени): этот показатель присоединяется к словоформам всех трех времен — прошедшего, настоящего и будущего — с аналогичным эффектом [Серебренников 1960: 121—126]. В удмуртском языке сочетание *вал* и формы перфекта либо простого прошедшего дает две синонимичные формы плюсквамперфекта, развивающие значения, свойственные «неактуальной» семантической зоне, а именно «аннулированный результат» (26) и «неактуальное прошедшее» / «давнопрошедшее» (27):

- (26) *Мон со пала мынэм вал но, шоер сюрес кузя отчы мыныны уг луы вылэм.*
 ‘Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдешь’;
 (27) *Кураськись вераз вал мыным. Ключи гуртысь Устинэн луэм со уж.*
 ‘Нищий мне об этом рассказывал. Случилось это дело с Устином из деревни Ключи’.

Сочетание *вал* с формой будущего времени означает «многократное действие в прошлом» [Серебренников 1960: 125] — так же как и русское диалектное *было возьмёшь* (или литературное *возьмёшь бывало*):

- (28) «*О макем жингрес, макем чебер та греческий кыл!*» — *шувьлоз вал со*.
 ‘«О как звучен, как прекрасен греческий язык!» — говорил он’.

Сочетание *вал* с формой настоящего времени дает так называемое «прошедшее длительное», которое употребляется в том числе и «в целях создания общего фона, на котором разворачивается ряд других действий» [Серебренников 1960: 127]:

- (29) *Мы нэнэным Изей гуртэ мынйськом вал. Нюлэскы вуим, но шур сьорысен пумитамы беглойёс потйзы.*
 ‘Шли мы с матерью в деревню Изей. Когда мы пришли в лес, из-за реки навстречу нам вышли беглецы’.

Аналогичные показатели ретроспективного сдвига есть также в коми-зырянском (*вöлі*, образует с перфектом плюсквамперфект, а с презенсом прошедшее длительное время, имеющее и употребления с семантикой ‘прекращенная ситуация’) и в марийском (*ыле*, функции те же); оба эти показателя, как и удмуртское *вал* и русское *было*, представляют собой «застывшую форму» третьего лица единственного числа глагола ‘быть’.

Тем не менее близость семантики *было* как аддитивного показателя к типологически известной семантике плюсквамперфекта (и «русского плюсквамперфекта» в частности) очевидна, и в любом случае подобное развитие нельзя списывать всецело на счет контактного или субстратного влияния. Перед нами скорее результат конвергенции, «встречного движения» славянских и финно-угорских форм с близкой семантикой, причем ситуация в обсуждаемых говорах уже ближе к финно-угорским.

Отметим, кстати, что сказочный зачин *жили-были*, который нередко считают прямым наследником древнерусского плюсквамперфекта, скорее всего, также является калькой с аналогичной финно-угорской конструкции, что убедительно показано в монографии [Ткаченко 1979]. Вместе с тем в древнерусском языке, как мы уже видели, плюсквамперфект с *был* — имел зачинную семантику («сдвиг начальной точки»), так что «встречное движение» конструкций разных языков не исключено и здесь (ср. также [Сичинава, в печати]).

Таким образом, материал современных северных говоров демонстрирует сохранение семантической зоны, характерной для «русского плюсквамперфекта». С другой стороны, в говорах гораздо шире отражено значение ‘прекращенной ситуации’, чем значение ‘прерванного действия’ или ‘действия с аннулированным результатом’. Последнее обстоятельство отличает диалектную форму как от сверхсложного показателя древнерусских письменных памятников, так и от конструкции с частицей *было* современного русского ли-

тературного языка, где значения недостигнутого или аннулированного результата являются основными.

Надо признать, что для объяснения этого различия нам не хватает сведений о семантике древнерусской сверхсложной формы, прежде всего о том, могла ли она передавать значение 'прекращенной ситуации'. В зависимости от ответа на этот вопрос возможны следующие альтернативные интерпретации данных севернорусских диалектов:

- положительный ответ означал бы, по-видимому, что диалектные формы унаследовали и сохранили до наших дней набор значений «русского плюсквамперфекта», а в современном литературном языке он подвергся сильной редукции;
- в случае отрицательного ответа надо полагать, что северные говоры прошли особый путь развития, связанный с обобщением значения 'недостигнутый или аннулированный результат' в сторону 'неактуального прошедшего' вообще, литературный же язык непосредственно продолжает ситуацию, засвидетельствованную в древнерусских памятниках.

В обоих случаях существенную роль мог играть финно-угорский субстрат: в первом способствуя консервации древней семантики, во втором стимулируя развитие новых значений.

Типологические соображения говорят, скорее, в пользу первого решения: в большинстве языков, где у плюсквамперфекта представлено значение 'аннулированный результат', оно сопровождается также и другими типами употреблений, связанными с неактуальным прошедшим (ср. [Dahl 1985]). И действительно, как мы видели (раздел 4), у «русского плюсквамперфекта» имеется значение 'сдвиг начальной точки', а кроме того, и его «антирезультативные» [Плунгян 2001] употребления далеко не всегда похожи на употребления современной частицы *было*.

Однако возможен и третий вариант: значение 'неактуального прошедшего' было свойственно восточнославянской сверхсложной форме на раннем этапе, затем было утеряно и вновь «возродилось» на русском севере под финно-угорским влиянием. Такая картина выглядит вполне правдоподобной, если иметь в виду известную роль циклических процессов в жизни языка.

Несомненно, самостоятельной чертой северных говоров является развитие типологически известной для западноевропейских языков (но отсутствующей в литературных славянских) тенденции к появлению единообразного показателя ретроспективного сдвига. Последнему, по всей видимости, способствовало субстратное и/или контактное влияние финно-угорских языков.

7. Заключение

Мы проанализировали древнерусский сверхсложный плюсквамперфект на фоне типологически близких к нему (и структурно, и семантически), но возникших независимо глагольных форм в европейских языках. Оказывается, что давно привлекавшие внимание исследователей особенности этой формы — ее неупотребительность в «собственно плюсквамперфектных» контекстах «предшествования в прошедшем» и «результатирующего состояния в плане прошедшего», загадочные «абсолютные», казалось бы, немотивированные употребления, проблема связи с современной «антирезультативной» конструкцией типа *пошел было* — находят точные или чрезвычайно близкие параллели в материале неродственных языков. Эти соответствия показывают, что форме, образуемой при помощи специфической морфологической техники (перфект вспомогательного глагола или, что то же самое, дополнительный вспомогательный глагол), преимущественно свойственны значения, связанные не с упорядочиванием временной последовательности повествования, а прежде всего со специфической семантикой зоны «неактуального прошедшего».

Очевидно при этом, что, для того чтобы прояснить ряд вопросов, связанных с «русским плюсквамперфектом», в том числе возникших в свете типологических данных, необходимо продолжить исследование этой формы.

Литература и источники

- Анічэнка 1957 — *Анічэнка У. В.* Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV—XVI ст.ст. // Учен. зап. Мозырского педагогического ин-та. Вып. 1. 1957.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1—3. М., 1952—1964.
- Вайс 2003 — *Вайс Д.* Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 2 (6). С. 37—59.
- Вострикова 2005 — *Вострикова Н. В.* Типология средств выражения экспериенциального значения: Дипломная работа. МГУ, 2005.
- Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.
- ДГ XII—XIII — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Князев 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы: слово, текст, культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296—304.

- Коваль, Нялибули 1997 — *Коваль А. И., Нялибули Б. А.* Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- Молошная 1996 — *Молошная Т. Н.* Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индо-европеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 564—573.
- НБГ 1990—1996 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.
- НПЛ — Новгородская харатейная летопись / Изд. М. Н. Тихомирова. М., 1964.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Т. 1—2 / Подгот. текста, перев. и примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. (2-е изд.: СПб., 1996).
- Петрухин 2004 — *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. Vol. 28. 2004. С. 73—107.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. Vol. LXIII, fasc. 4. 1991. С. 787—799.
- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования*. 1991—1993. М., 1996. С. 268—279.
- Романские языки 2001 — *Языки мира: Романские языки* / Под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. М., 2001.
- Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. М., 1960.
- Сичинава 2001 — *Сичинава Д. В.* Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 89—114.
- Сичинава 2002 — *Сичинава Д. В.* Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: Дипломная работа. МГУ, 2002.
- Сичинава 2003 — *Сичинава Д. В.* К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // *Вопросы языкознания*. 2003. № 5. С. 40—52.
- Сичинава (в печати) — *Сичинава Д. В.* «Сдвиг начальной точки»: использование некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Дискурсивные категории (в печати).
- Славянские языки 2005 — *Языки мира: Славянские языки*. М. 2005.
- Ткаченко 1979 — *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
- Хабургаев 1978 — *Хабургаев Г. А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ. Сер. 9, Филология*. 1978. № 4. С. 42—53.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.

- Шендельс 1970 — Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Шошитайшвили 1998а — Шошитайшвили И. А. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе: Дисс. ... канд. филол. наук / РГТУ. М., 1998.
- Шошитайшвили 1998б — Шошитайшвили И. А. Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня. 1998. 3/4. С. 59—78.
- Abraham 1999 — Abraham W. 1999. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia Linguistica*. 1999. XXXIII/1. P. 1—18.
- Arnavielle 1978 — Arnavielle T. Remarques sur l'emploi du plus-que-parfait de l'indicatif en français moderne // *Mélanges de philologie romane offerts à Charles Camproux*. Vol. 2. Montpellier: Centre d'études occitanes, 1978. P. 615—621.
- Barentsen 1986 — Barentsen A. A. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. 1986. Vol. 8. P. 1—68.
- Bleton 1982 — Bleton P. La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*. 1982. 27/1. P. 31—70.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*. 13. 1989. 1. P. 51—103.
- Bybee et al. 1994 — The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world / Ed. by J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Chicago; London, 1994.
- Caenepeel 1995 — Caenepeel M. Aspect and text structure // *Linguistics*. 1995. 33/2. P. 213—53.
- Chinkarouk 1998 — Chinkarouk O. Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le Langage et l'Homme*. 1998. XXXIII/1. P. 39—53.
- Comrie 1976 — Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 — Comrie B. Tense. Cambridge, 1985.
- Cornu 1953 — Cornu M. Les formes surcomposées en français. Bern, 1953.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Dahl 1997 — Dahl Ö. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam, 1997. P. 97—114.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. The tense-aspect systems in European languages in a typological perspective // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ed. by Ö. Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 3—25.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event relevance // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Ed. by Ö. Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 385—402.
- Engel 1996 — Engel D. M. Le passé du passé // *Word*. 1996. 47/1. P. 41—62.
- Foulet 1925 — Foulet L. Le développement des formes surcomposées // *Romania*. 1925. 51. P. 203—252.
- Gold 1998 — Gold E. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*. 1998. 90/2. S. 227—236.
- Haase 1994 — Haase M. Tense and aspect in Basque // *Tense Systems in European Languages* / Ed by R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen, 1994. (Linguistische Arbeiten, 308).

- Hill 1984 — *Hill J. K.* 'A la recherche des temps perdus': the double-compound forms of the verb in present-day French // *Word*. 1984. 35/1. P. 89—112.
- Holtus 1995 — *Holtus G.* Zur Verbreitung der formes surcomposées in den romanischen Sprachen // *W. Dahmen et al. (Hrsgb.), Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen*. 1995. S. 85—114. (Romanistisches Kolloquium VIII).
- Jolivet 1984 — *Jolivet R.* L'acceptabilité des formes surcomposés // *Le français moderne*. 1984. 52. P. 159—182.
- Klenin 1993 — *Klenin E.* The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists / Ed by R. A. Maguire, A. Timberlake*. Bratislava, August—September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus, Ohio, 1993. P. 330—343.
- Lascarides, Asher 1993 — *Lascarides A., Asher N.* A Semantics and Pragmatics for the Pluperfect // *Proceedings of the Sixth Conference on European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Utrecht, 1993. P. 250—259.
- Levin-Steinmann 2004 — *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen *l*-Periphrase. München, 2004. (Slavistische Beiträge, 437).
- Litvinov, Radčenko 1998 — *Litvinov V., Radčenko V.* Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen, 1998.
- Liver 1982 — *Liver R.* Manuel pratique de romanche, sursilvan-vallader. Précis de grammaire suivi d'un choix de textes. Chur, 1982.
- Maiden, Robustelli 2000 — *Maiden M., Robustelli C.* A Reference Grammar of Modern Italian. L., 2000.
- Plungian, van der Auwera (in print) — *Plungian V. A., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung = Language Typology and Universals* (in print).
- Salkie 1989 — *Salkie R.* 1989. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // *Journal of Linguistics*. 1989. Vol. 25. 1. P. 1—34.
- van Schooneveld 1959 — *van Schooneveld C. H.* A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. 's-Gravenhage, 1959.
- Sherebkow 1971 — *Sherebkow W. A.* Doppelt zusammengesetzte Zeitformen in Deutschen? // *Deutsch als Fremdsprache*. 1971. 8. S. 27—29.
- Squartini 1999 — *Squartini M.* On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 1999. 3. P. 51—89.
- Thieroff 1992 — *Thieroff R.* Das finite Verb in Deutschen: Tempus-Modus-Distanz. Tübingen, 1992. (Studien zur deutschen Grammatik, 40).
- Thieroff 2000 — *Thieroff R.* On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // *Ed. by Ö. Dahl. Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; New York, 2000. P. 265—308.
- Thomas 2000 — *Thomas P.-L.* Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // *Passé et parfait / Ed. by A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger*. Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 117—131. (Cahiers Chronos, 6).

НЕКНИЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ФОРМАМИ ГЛАГОЛА *БЫТИ* В ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

М. Н. Шевелева

МГУ

0. Одной из особенностей некнижного диалектного синтаксиса, периодически проникающей в тексты гибридного регистра, являются конструкции с «избыточными» личными формами глагола *быти* в грамматически законченных высказываниях, имеющих свой глагольный предикат-сказуемое. Это конструкции с «избыточным» *есть*, вносящим значение удостоверительности, конструкции с *буде(т)* и конструкции с формами прошедшего времени глагола *быти*, среди которых есть и русский плюсквамперфект, и двупредикатные структуры с самостоятельным бытийным глаголом. Все эти конструкции находят соответствие в северо-западных русских говорах и отражаются в памятниках с достаточно раннего времени. Большой частью это памятники, представляющие гибридную разновидность церковнославянского языка: разные типы интересующих нас конструкций встречаются в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого (XII в.), язык которого явно отклоняется от стандартного церковнославянского, в нем широко отражаются северо-западные диалектизмы на всех уровнях [Шевелёва 2001; 2002], очень употребительны конструкции с *есть* в Сказании о Константинополе (XIV в.), Хождении Стефана Новгородца (XIV в.), зафиксированы рассматриваемые структуры в Повести временных лет по Лаврентьевскому (Лавр.) и Ипатьевскому (Ипат.) спискам, в Киевской летописи по Ипат. списку, в Житии Михаила Клопского второй редакции (XV в.), близком к гибридной традиции, в некоторых других текстах XV—XVI вв. [Шевелёва 1993; 2002]. Известны такие конструкции и в некнижных текстах — юридических, деловых и бытовых (Уставе новг. кн. Всеволода XIII в., Псковской судной грамоте XV в., в новгородских пергаменных и берестяных грамотах XII—XV вв. и др. [Зализняк 2004: 181, 143, 176—177]).

По преимуществу это памятники новгородского или псковского происхождения, что вполне согласуется с диалектной локализацией рассматриваемых

мых конструкций, однако единичные случаи таких структур известны и в текстах не северо-западных — очевидно, первоначальная зона распространения этих конструкций (или, по крайней мере, зона действия грамматических механизмов, приводящих к их возникновению) была шире современной. Впрочем, и в современных говорах конструкции с «избыточными» *есть* и *был(а, о)* известны и за пределами основной территории их распространения [Кузьмина, Немченко 1968: 149, 159; Обнорский 1953: 160; Шапиро 1953: 160—161 и др.], а конструкции с неизменяемым *было* в значении нереализованного действия и с условным *буде* — и в литературном языке.

Очевидно, рассматриваемые структуры представляют собой сформировавшуюся в древнерусский период особенность живого разговорного языка; наиболее последовательное оформление большинство этих структур получает в говорах северо-западной зоны. Будучи принадлежностью не книжного синтаксиса, эти структуры спорадически проникают в гибридные церковнославянские тексты: «Открытость для отдельных элементов не книжного синтаксиса... становится характерной чертой гибридного регистра» [Живов 2004: 67]. Рассматриваемые структуры с глаголом *быти* явно относились к числу таких синтаксических русизмов (диалектизмов), которые, хоть и не слишком часто, встречаются в книжных текстах, не ориентированных на канонические образцы.

Надо иметь также в виду, что эти структуры с формами глагола *быти* неоднородны. Они неоднородны в современных говорах, и отмечаемые в памятниках примеры тоже представляют разные диалектные конструкции. Неоднородны эти структуры, очевидно, и по происхождению, хотя в большинстве своем они формируются, судя по всему, еще в раннедревнерусский период.

Диалектное *есть*, которое может включаться в высказывание с глаголом в любой временной форме, бывает и самостоятельным бытийным предикатом (*Ребята есть курят, Есть телята-то хромлют* 'Существуют такие, которые...', *У меня есть ведро стоит* 'имеется' и под.), и модальной удостоверительной частицей (*Матка говорила есь, Тамочка есь речка была, Пасет коров ходит есть* и др.) (примеры из: [Кузьмина, Немченко 1968; Трубинский 1975]; из полевых записей С. К. Пожарицкой). О происхождении этой удостоверительной частицы высказывались разные мнения: одни исследователи предполагают ее генетическую связь со старым перфектом [Шапиро 1953: 160; Кузьмина, Немченко 1968: 157—158], другие возводят частицу *есть* к «сдвоенным» конструкциям с *есть* — самостоятельным бытийным предикатом [Борковский 1949: 177—178; Трубинский 1975]. Наиболее вероятно, что диалектная частица *есть* может быть двоякого происхождения: прежде всего она восходит к связке древнерусского перфекта, превратившейся в неизменяемый модальный показатель — частицу со значением индикативности,

подчеркивания реальности существования данного факта (аналогично тому, как превращался в модально-временные частицы вспомогательный глагол других древних аналитических форм — *бы*, *будет*, *было* — см. о них [Хабургаев 1978]), однако в части случаев частица *есть* может восходить и к полнозначному бытийному глаголу двупредикатных структур, трансформировавшемуся при соответствующем порядке слов в частицу (см. подробнее: [Шевелёва 2002]). Все эти типы конструкций с *есть* — и с полнозначным глаголом в сдвоенных структурах, и с удостоверительной частицей — оформляются достаточно рано и фиксируются уже в памятниках XII—XIII вв.

Неоднородны и структуры с формами прошедшего времени глагола **быти**. В современных говорах конструкции с *был(-а, -о, -и)* при форме прош. времени полнозначного глагола в большей своей части представляют русский плюсквамперфект (*Земля была высохла, но опять промокла; У ней была бохла голова; Отец был потонул; Дети-то сыновья уж подучились были* и т. д. — примеры из: [Мансика 1915: 162; Горшкова, Хабургаев 1981: 339; Пожарицкая 1996], т. е. структуру исконно морфологическую, сохраняющую старую форму восточнославянского плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в перфекте, утратившим в 3-м л. связку еще в раннедревнерусскую эпоху. Формы русского плюсквамперфекта с раннего времени встречаются в памятниках, в том числе в названных выше Житии Андрея Юродивого, Киевской летописи, новгородских пергаменных и берестяных грамотах. В дальнейшем вспомогательный глагол может терять согласование с основным, застывая в неизменяемой форме *было*, что ведет к разрушению морфологической формы и превращению *было* в модально-временную частицу. Кроме того, часть конструкций с *был, -а, -о*, очевидно, изначально представляли собой двупредикатные синтаксические структуры с самостоятельным бытийным глаголом (*Тут была часовня у них стояла; Было ловили рыбу; Вот было раньше как робили* и под.) [Пожарицкая 1991; 1996]; в неначальной позиции такое независимое *было* — так же как *есть* — тоже может превращаться в частицу.

Вопрос об отражении всех этих структур в памятниках еще очень мало исследован. Надо иметь в виду, что отражение их в книжном языке может быть не только непосредственным, как русского плюсквамперфекта, изредка проникающего в древнерусские летописи и другие тексты гибридного регистра, но и опосредованным — некнижной конструкции в книжном морфологическом оформлении, т. е. с заменой некнижного прошедшего на *-л* аористом или имперфектом. Некоторые наблюдения по поводу конструкций такого рода в северо-западных книжных текстах XIV—XVI вв. уже делались [Шевелёва 1993]. Однако вопрос о типах этих проникающих в памятники структур еще во многом неясен, как неясен и вопрос о спектре значений древнерусского плюсквамперфекта, что принципиально важно для разграни-

чения формы плюсквамперфекта и двупредикатной конструкции с самостоятельным бытийным глаголом.

Еще менее исследован вопрос о генезисе и отражении в памятниках конструкций с *буде(т)*.

Все это требует изучения материала памятников разного времени.

Существенный интерес в этом отношении представляют данные псковских летописей. Как известно, псковские летописи отличаются широким отражением особенностей живого языка и псковских диалектизмов на всех уровнях, включая морфологию и синтаксис. Особенно богат некнижными чертами и всеми видами черт диалектных Строевский список (Строев.) Псковской 3-й летописи (XVI в.), причем синтаксис этого текста очень близок некнижному, свободно пропускает характерные для живого языка построения, в том числе и разговорные конструкции со служебными словами [Зализняк 2004а: 103—108, 199—200]. Высокая степень «проницаемости» для живого диалектного языка делает псковские летописи, с одной стороны, образцом гибридных текстов XV—XVI вв. «крайнего» типа, максимально открытых для разговорных вариантов (что отличает их, например, от летописей Центральной Руси того же времени), с другой стороны — в высшей степени информативным источником в плане отражения живого псковского диалекта XV—XVI вв.

Рассмотрим материал Псковской 2-й летописи (Пск. 2-я лет.) по Синодальному списку кон. XV в. и Псковской 3-й летописи (Пск. 3-я лет.) по Строевскому списку 2-й пол. XVI в., касающийся интересующих нас конструкций (по изд. под ред. А. Н. Насонова [Пск. лет., 2, 1955]).

Конструкции с формами презенса глагола *БЫТИ*

1. Конструкции с «избыточным» *есть* нечасто встречаются в псковских летописях, но все-таки такие случаи в Строев. списке Пск. 3-й лет. представлены.

1.1. В записях под 1472 г. и 1473 г. в Пск. 3-й лет. отмечаются употребления *есть* в нарративных контекстах прошедшего времени в схожем синтаксическом окружении — с предшествующим причастием прош. времени и последующей личной формой прош. времени:

И бывши посадники наши есть недели 3, о мироу не оучи[ни]ли¹ с немѣцкым послом ничего (1473 г., л. 158 об.);

Того же месяца по грѣхом нашим въ 21 день стоавше в Ловоти есть оучанов съ 40 много врѣмя, и выеха на Илмврѣ озеро (1472 г., л. 148).

¹ Знак [] — восстановлено по Архивскому 2-му списку.

Вряд ли *есть* выступает здесь в роли связки при причастии: хотя для северо-западных говоров и нормально употребление *есть* при причастиях прош. времени, такие структуры являются предикативными и имеют перфектное значение (типа *есть вставши, есть ушодшы, Я выросши есть на почтовику, Тут медведь е рывши* и под. [Кузьмина, Немченко 1968: 165; Кузьмина 1993: 142—150, 178—179; Трубинский 1984: 16—19]). В нашем же случае причастие выступает в деепричастной функции и никакой связи с настоящим не выражает — контексты чисто нарративные, обозначающие смену последовательных событий в прошлом. Временное значение формы *есть* здесь не выражено — оно противоречило бы семантике контекста.

По всей видимости, перед нами та самая удостоверительная частица *есть*, известная в говорах северо-запада, которая выражает модальное, а не временное значение и вводится в синтаксически законченное высказывание любого временного плана.

Замечательно, что продолжение второго из этих контекстов содержит еще одно такое же удостоверительное *есть* — на этот раз в конструкции без причастия, с основным глаголом в л-претерите:

...и выеха на Илмѣрь озеро, и ноци наставши велию ветроу и вси оучани и лодии потопи без вестн, есть человекъ боле 200 истопло новгородцовъ (1472 г., л. 148).

Здесь перед нами не перфект со связкой 3 л. (*есть истопло*), хотя внешне эти формы и оказались согласованными: во-первых, потому что в Строев. сп. Пск. 3-й лет. связка в 3-м л. перфекта вообще не употребляется — как в живом языке, во-вторых, потому что контекст не имеет перфектного значения — он, как и в предыдущих случаях, нарративный и не обозначает связи с настоящим (а формы 3 л. перфекта со связкой, встречающиеся в книжных текстах и изредка проникающие в летописи, например в составе точных или неточных цитат, обычно возможны в ненарративном режиме), в-третьих — начальная фразовая позиция *есть* указывает на то, что это не связка перфекта, поскольку связка ведет себя как энклитика.

Обращает на себя внимание, что во всех этих случаях за *есть* следует количественное словосочетание со значением приблизительного количества (*недели 3, оучанов съ 40, человекъ боле 200*).

По всей видимости, удостоверительное *есть* в этих конструкциях восходит к полнозначному бытийному глаголу 'имеется, существует'. Временное значение *есть* фактически утрачивается, основным значением формы становится модальное — значение реальности существования данного факта. Сходную трансформацию значения мы имеем в современном русском языке у формы *будет* в конструкциях типа *будет тысячи с две, будет человек око-*

ло ста (ср. в БАС: «Предположительное определение количества (времени, меры, веса и т. п.)» ... *Шатов нам сосед, и ста верст не будет до его имени*. С. Аксаков [БАС, т. 1, 730]). *Будет* в таких конструкциях, утратив временное значение, тоже выражает значение модальное — вероятности, и эти структуры тоже могут вводиться в контексты разного временного плана (в разговорной речи — и в нарративный контекст прошедшего) в качестве вводных конструкций. Наши конструкции типа *есть оучанов съ 40, есть человек боле 200* по значению, очевидно, близки современным *будет судов с 40, будет человек больше двухсот* с той разницей, что модальное значение формы *будет* — это значение высокой степени вероятности, а значение формы *есть* — это значение реальности существования, достоверности. Т. е. синтаксическое устройство контекстов *стоавше в Ловоти есть оучанов съ 40...* аналогично современным *простояв в Ловоти судов будет (наверное, очевидно) с 40..., бывши посадники наши есть недели 3...* — ср. совр. разг. *пробыв посадники наши недели будет (наверное, вероятно) три...* Синтаксически здесь *есть*, как и *будет* в аналогичных структурах, фактически уже превращается из независимого предиката вводной конструкции в модальную частицу, причем если *будет* в таких конструкциях ≈ ‘очевидно, наверное, вероятно’, то *есть* ≈ ‘действительно, на самом деле, прямо’: *есть оучанов съ 40* ≈ ‘прямо (на самом деле) судов с 40’ и под.

Эти конструкции, особенно введенные в контекст прошедшего, явно принадлежат разговорному синтаксису. В случае с *есть* они, очевидно, диалектные — судя по тому, что частица *есть* с таким модальным значением известна в северо-западных говорах: хотя точных диалектных соответствий этих конструкций с *есть* пока обнаружить не удалось, предположение о существовании в говорах, имеющих достоверительную частицу *есть*, таких конструкций с модальным *есть*, которые известны в литературном языке с модальным *будет*, — учитывая параллелизм развития *есть* и *будет* (см. об этом ниже) — кажется вполне вероятным.

В пользу того, что такое *есть* при количественных сочетаниях развилось из его самостоятельного предикативного употребления с тем же модальным значением, возможно, свидетельствует еще один пример Пск. 3-й летописи, хотя он не вполне надежен:

А прежде того въ Псковѣ и за много время таково посоль не бывалъ, ничимже се ему было не оудобрити; в тья 2 недели есть Пскову 60 рублевъ кое в чемъ от него оприч дарово[во] серебра 20 роублевъ (1476 г., л. 177).

Есть здесь не является избыточным, однако временного значения настоящего оно не выражает. Либо перед нами употребление *есть* вместо *было есть* (вследствие описки?) — хорошо известной в северо-западных говорах конст-

рукции с той же удостоверительной частицей *есть*, но из связки перфекта (см.: [Кузьмина, Немченко 1968: 129; Шевелёва 2002: 66—67]), либо это такое же, как рассмотренное выше, *есть* с индикативным значением при количественном сочетании, но в самостоятельном синтаксическом употреблении (типа «*60 рублей будет Пскову [пришлось заплатить]*»).

Все приведенные контексты с *есть* при количественных сочетаниях сохраняются и в Архивском 2-м списке Пск. 3-й летописи (разночтений в этих пунктах в издании не указано). В Пск. 2-й летописи текст этих записей под соответствующими годами отсутствует.

1.2. Еще одна конструкция с «избыточным» *есть*, встречающаяся в Пск. 3-й летописи, тоже восходит к самостоятельному предикативному употреблению *есть* — это конструкция с вопросительно-относительными местоимениями и частицей *ни*. Приведем эти примеры:

Чего и искони въ Псковѣ колко ни есть князеи было, а того не бывало (1476 г., л. 174);

И бысть се псковичемъ не любо... понеже николи не бывало от князеи великих ни от королевъ, колко ни ихъ бывало в Литовскои земли, которѣи ни есть великое княжение дръжали, а ти вси на съездъ пановъ слали, а сами не бывали (1471 г., л. 139 об.);

А посадники псковски и Псковѣ емоу на всих 12 пригородах даши намѣстниковъ держяти и соудови его намѣстникомъ, на которых ни боуди, и из вековъ княжии намѣстники не бывали, колко ни есть княжеи(-зеи) бывало во Псковѣ, а намѣстники княжии были толко на 7 пригородах псковских (1467 г., л. 119).

Все эти структуры имеют обобщенно-уступительное значение и употребляются в сходном синтаксическом контексте (все построение имеет значение типа: ‘Такого никогда не бывало. Сколько ни было (какие ни были, бывали, случались и т. д.)..., а такого не бывало’). От современных конструкций типа *кто (бы) ни..., что (бы) ни..., сколько (бы) ни..., где (бы) ни...* и под. наши структуры Пск. 3-й летописи отличаются именно наличием этого «лишнего» *есть*, ср. совр.: *сколько князей ни было, а такого не бывало* и под.

Как показал А. А. Зализняк, частица *ни* в таких сочетаниях с вопросительно-относительными местоимениями и наречиями синонимична более древней противительной частице *нъ* в функции релятивизатора при местоимении (наречии) [Зализняк 2004а: 198—201]. Строев. список Пск. 3-й летописи богат примерами конструкций с таким *ни* в контекстах с глаголами в разных формах: *котори ни были, а ти вси добри здорови* 1470 г., л. 128 об.; *на которых ни боуди...* 1467 г., л. 119; *вси своа что ни боуди старины свои по-*

имал 1471 г., л. 146 об.; что ни оучинится на том съезде, а емоу с тым гнати гонцом 1473 г., л. 158 об и др.; среди них есть и архаичные структуры, где ни отделено от глагола другим словом, что бесспорно свидетельствует об энклитическом характере этой частицы, примыкающей к предшествующему местоимению (наречию): *о коемъ ни князи прислете* 1472 г., л. 150 об., *гдѣ ни котормоу боудет пригоже* 1473 г., л. 160, *колко ни ихъ бывало* 1471 г., л. 139 (см. [Зализняк 2004а: 199—200]). Некоторые из этих примеров сосуществуют в одном контексте с нашими примерами с избыточным *есть* — см. выше второй и третий приведенные контексты (под 1471 г. и 1467 г.).

В наших конструкциях с *есть* порядок следования компонентов всегда один и тот же: местоимение + *ни* + *есть* — по всей видимости, он закреплен. При этом *есть* не согласовано по числу с основным глаголом, что хорошо видно во втором примере: *каторѣи ни есть великое княжение дръжали* 1471 г., л. 139 об., — где основной глагол стоит во множественном числе.

Не исключено, правда, что ко времени написания Строев. списка глагол **быти** уже утратил спряжение в презенсе и формы множ. числа *суть* не существовало, однако скорее всего в значении полнозначного глагола ‘имеется, существует’ на северо-западе эта форма была живой по крайней мере до XV в. включительно (см. такую форму в новгородской берестяной грамоте № 19 XV в. [Зализняк 2004: 180, 644—645]; см. об этом [Шевелёва 2002: 63—64]). Наша запись под 1471 г. скорее всего отражает употребление XV в., т. к. Строев. список в основной своей части, кажется, хорошо сохраняет текст своего источника XV в.

Есть в таких конструкциях явно изначально было полнозначным бытийным глаголом ‘имеется, существует’, структуры типа *что ни есть, колко ни есть* имели значение ‘всё, что есть (имеется)’, ‘все, сколько есть (имеются)’. Такие структуры типа (*все*), *что ни есть* до сих пор возможны в русском языке. Они возможны были, как следует из приводимых А. А. Зализняком примеров, и в древнерусском, причем не только с частицей *ни*, но и с архаичной частицей *нѣ* (*но*), при этом в примерах древних конструкций с *нѣ* (*но*) бытийный глагол является единственным сказуемым предложения: *А что са остане(т) золото или серебро или иное что но есть, то все моеи княгинѣ* (Духовная Дмитрия Донского 1389 г.); *По погостомъ и по слободамъ, гдѣ нѣ соуть хр(и)стиане* (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных) [Зализняк 2004а: 191—192]. Показательно наличие в Уставе Владимира в данной конструкции правильной формы мн. ч. *суть*.

Формы *есть, суть* в этих примерах употребляются точно так же, как в Пск. 3-й летописи употребляются другие глагольные формы (в том числе и от **быти**) в рассматриваемых конструкциях с местоимением (наречием) и частицей *ни*, ср.:

а инии в гридьници котори ни были, а ти вси добри здорови 1470 г., л. 128 об;
вси своа что ни боуди старины свои поимал 1471 г., л. 146 об. и под.

Во всех этих случаях конструкции с местоимением (наречием) + *ни* (архаичное *нъ*, *но*) выступают в зависимом предложении, определяющем имя, часто местоимение с обобщенным значением. В Пск. 3-й летописи формы прош. времени *были* (*было*, *бывало* и под.) в таких построениях сохраняли свою самостоятельность, о чем свидетельствуют примеры, где *ни* отделено от этой глагольной формы каким-то словом: ...*полонъ псковскеи всь, что ни оу нихъ было* 1471 г., л. 143; ...*ни от королевъ, колко ни ихъ бывало в Литовскои земли* 1471 г., л. 139 об.

Есть, по-видимому, в таком употреблении свою самостоятельность утрачивает. Об этом свидетельствует не только закрепленный порядок слов (местоимение + *ни* + *есть*), но и то, что *есть* в наших контекстах из Пск. 3-й летописи оказывается «лишним». Местоимение с примыкающей к нему частицей *ни* относится к основному глаголу, а *есть* оказывается привязанным к этому комплексу в постпозиции к *ни*. По-видимому, *есть* здесь уже превращается (или на пути превращения) в энклитическую частицу, причем частицу приименную, связанную с предшествующими местоимением и частицей *ни*. Очень похоже, что эти структуры типа *что + ни есть* находятся здесь на том же пути развития, который пройдут структуры типа *что + ни буди*, где *буди* превращается в частицу и срастается с предшествующим *ни* в единый приместоименный формант (о развитии комплексов постпозитивных частиц таких конструкций в форманты типа *-нибудь*, диал. *-набудь*, *-нинабудь* и др. см. [Зализняк 2004а: 201]). Семантическое различие между *есть* и *буди* в этих структурах, как и в рассмотренных в пункте 1.1 конструкций с *есть* и *будет*, модальное — реальности или вероятности.

Показательно, что в Пск. 3-й летописи аналогичные конструкции с *буди* имеют тот же закрепленный порядок слов: *вси своа что ни боуди старины поималъ* 1471 г., л. 146 об., *на всих 12 пригородах... на которых ни боуди* 1467 г., л. 119, *о каковых ни боуди церковных вещей* 1468 г., л. 121.

По всей видимости, Пск. 3-я летопись отражает ситуацию, когда структуры типа *что ни буди* и *что ни есть* развивались аналогичным образом и были синтаксически сходны.

Лишь в одном случае *боуди* не примыкает непосредственно к *ни* — в этом единственном случае после местоимения с последующим *ни* следуют *есть* + *боуди*: *и что ни есть боуди пищали и стягъ* 1471 г., л. 144 об. (в Архивском 2-м списке — *буди есть*). Это еще один пример с интересующим нас «избыточным» *есть*. *Буди* и *есть* здесь, кажется, очень близки по функции. Скорее всего, перед нами соединение сходных по своей роли частиц, аналогичное

слиянию их в комплексы типа диал. *-нинабудь*: на базе рассматриваемых местоименных сочетаний могли формироваться разные комбинации близких по значению постпозитивных частиц (в значении *-нибудь* — диал. *-ни*, *-но*, *-ино*, *-нибудь*, *-набудь*, *-нинабудь* и др.) [Зализняк 2004а: 200—201]. Интересно, что Архивский 2-й список Пск. 3-й лет. сохраняет эту «удвоенную» конструкцию Строевского списка, но с обратным порядком следования компонентов: *буди* ставится на первое место, *есть* завершает всю последовательность. Возможно, эта перестановка указывает на изменение грамматического (и про-содического) статуса *есть* и *буди*: если для времени написания Пск. 3-й лет. он одинаков (а может быть, комбинация *ни есть* даже более устойчива), то в XVII в. *буди*, вероятно, уже заняло позицию после *ни*, сливаясь с ним в единый формант. Вытесненное на последнее место *есть* остается, видимо, более свободным.

1.3. Рассмотрим случаи «избыточного» употребления связки *быти* в презенсе.

Связка 3 л. *есть* (*суть*) в псковских летописях практически не употребляется — как в составе перфекта, так и при именном сказуемом (например: *сила немецкая готова* Пск. 3-я лет., 1463 г., л. 103 об. — в Пск. 2-й лет. так же, л. 205 об.). Исключения составляют лишь редкие случаи в воспроизведенных фрагментах текста (цитатах): из стандартных ц.-слав. текстов (...*понеже врага царскааго аще кто хранит, соупостать ему есть* Пск. 2-я лет., 1481 г., л. 216) или из вставленной в текст летописи деловой грамоты, где представлена, видимо, устойчивая формула (*И князь великою отписа свою грамотоу, и присла во Псковъ и за печатию своею: то есть дѣло велико, хотим о том [с] своим отцомъ горазно мышлвити...* Пск. 3-я лет., 1463 г., л. 110 об.).

Связки 1 и 2 л. в Псковских летописях в нормальном случае употребляются как показатели лица — синтаксические синонимы личных местоимений (см.: [Хабургаев 1978: 43; Зализняк 2004: 179]): *Рад есми вас боронити* Пск. 2-я лет., 1460 г., л. 203 об. (ср. аналогично в Пск. 3-й лет.: *рад есмь стояти и боронити дом святыа троицы и вас свою вотчину Псковъ* 1473 г., л. 159, ...*понеже приобижени есме много и водою и землею и головами* Пск. 2-я лет., 1460 г., л. 203, *а про то есмь оу великого князя по три дни на очех не были* Пск. 3-я лет., 1463 г., л. 101, *Как еси самъ, господинъ, преже сего былъ в дому святви троицы* Пск. 3-я лет., 1469 г., л. 122 об., *а что его есте государемъ собъ назвали и за него есте задали, и соудоу его в васъ в Великомъ Новегороде быти* Пск. 3-я лет., 1477 г., л. 181 и др.

Все эти формы употребляются как энклитики. Семантическая эквивалентность их личным местоимениям явно проявляется в приводимом А. А. За-

лизняком контексте из Пск. 3-й лет. с *есмы* при форме презенса: *Язь царевна повестоую, что есмы нынѣ на дорогу ехати хоцю* 1472 г., л. 155 [Зализняк 2004: 107]. В этом случае связка *есмы* не является избыточной в интересующем нас смысле: *есмы* здесь выражает значение 'я', демонстрируя изменение грамматической семантики всех связок 1—2 л. (сужение ее до значения лица — см.: [Хабургаев 1978; Зализняк 2004: 107]).

На этом фоне единичные примеры со связкой при наличии местоимения кажутся застывшими клише: *а мы есмы тыя грамоты, государь, по твоему словоу послали от себѣ* (Пск. 3-я лет., 1477 г., л. 184 об). Употребление местоимения здесь связано с его эмфатическим подчеркиванием в характерной конструкции с союзом *а*, энклитическое *есмы* фактически дублирует значение *мы*, возможно, еще более усиливая эмфазу. Очень похоже, что формально совпадая со старым перфектом со связкой, в летописном тексте XV—XVI вв. эта структура получает новую грамматическую интерпретацию. *Мы есмы* явно работает как единое, вероятно, устойчивое сочетание, по значению, очевидно, близкое к 'мы же', 'мы ведь' — *есмы* фактически выполняет здесь роль частицы. Причем связано это сочетание скорее всего не с живым языком, а с книжной (в том числе летописной) традицией, ср., например, в Суздальской лет. по Лавр. списку: *Мы есмы ци не князи же* 1185 г., л. 134 об., ср. в Степенной книге XVI в., где текст сознательно редактировался с целью окнижнения: *Мы есмы вольнии людие — великии Новгород* ПСРЛ, XXI, с. 530 (вместо: *вольные есмы люди Великии Новгород* в Никоновской летописи под 1471 г., ПСРЛ, XII, с. 126).

Еще в одном примере со связкой и местоимением дублирование местоимения (*яз*) и связки (*есмы*) возникает, очевидно, за счет того, что местоимение с начальным союзом *а* оказывается фактически в позиции именительного темы, отделенного ритмико-синтаксическим барьером от последующей части высказывания (о ритмико-синтаксических барьерах см. [Зализняк 1993: 286—287]): *а яз // к вамъ есмы отпущен великим княземъ воеводою приехал, а оуже есмы приехал здесь* (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 141). *А яз* здесь тоже воспроизводится как готовое клише, вынесенное в позицию темы, синтаксис последующего высказывания не отличается книжностью (бессоюзное соединение двух предикатов в первой части контекста, присоединительная функция второго союза *а*, соответствующая правилам расположения энклитик постановка *есмы*).

Особого внимания требуют конструкции с «избыточной» связкой 2-го л., прежде всего — со связкой *есте*. В Пск. 3-й лет. таких случаев много, есть они и в Пск. 2-й лет. Большая часть этих примеров приходится на конструкции с сослагательным наклонением.

В псковских летописях достаточно широко представлено образование сослагательного наклонения с помощью ставшей уже неизменяемой частицы *бы* и связки *есте* (или *еси*), выражающей значение лица, — по модели *бы есте* (*еси*) + -л-. А. А. Зализняк называет такие структуры «сослагательным наклонением II», отмечая их в поздних берестяных грамотах [Зализняк 2004: 143], см. также [Хабургаев 1978: 45—46].

Первый тип конструкций с такими образованиями — без личного местоимения, связка здесь выражает значение лица, выполняя роль местоимения:

...*Великии Новгород вамъ кланяется, чтобы есте нам помогли противу великого князя, а крестное бы есте ѿблование правили* (Пск. 3-я лет., 1456 г., л. 89);

...*чтобы есте со мною на конь оусегли сими часы* (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 141);

а то бы есте знаючи поленили (Пск. 3-я лет., 1478 г., л. 190);

также бы есте князю Ярославу денгоу наместничю ослобонили (Пск. 3-я лет., 1476 г., л. 170 об.);

...*бише емоу челомъ, чтобы еси, господинъ, пожаловать, дал бы еси намъ от князя великого и от себѣ намѣстника* (Пск. 3-я лет., 1460 г., л. 96) и др.

Обычно энклитические компоненты этих образований следуют после местоименного слова (*что бы есте, то бы есте, того бы есте, тогда бы есте, также же бы есте*), чаще всего — после *что*, с которым *бы* обнаруживает тенденцию к слиянию. Аналогичные конструкции с «сослагательным наклонением II» отмечаются и в новгородских берестяных грамотах втор. пол. XIV в. [Зализняк 2004: 143]. Особенно частотны в Пск. 3-й лет. такие образования 2 л. мн. ч. — со связкой *есте* (11 случаев против двух случаев 2 л. ед. ч.).

Второй тип конструкций с «сослагательным наклонением II» включает личное местоимение 2-го л. — это конструкция *вы бы есте* + -ли. Эта конструкция едва ли не более употребительна, чем без личного местоимения (Пск. 3-я лет. — 12 случаев, Пск. 2-я лет. — 1 случай), по всей видимости, она воспроизводится как устойчивая формула:

а вы бы есте посломъ нашимъ дали поуть по своей вотчине к великому князю (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 131 об.);

а вы бы есте за нас противъ великого князя на конь оусегли (Пск. 3-я лет., 1470 г., л. 131 об.);

а вы бы есте над нами свое милосердие оучинили (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 143);

и вы бы есте то все князю Ярославю ослобонили (Пск. 3-я лет., 1475 г., л. 167);

и вы бы есте мене слушали, а емоу вѣрили (Пск. 3-я лет., 1476 г., л. 171);

а вы бы есте, отчина моя Псковь, в самъ Ильинъ день на конь оуссегли (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 142);

и вы бы есте, братья наша, въскорѣ загнали Псковь прежде немецъ (Пск. 2-я лет., 1343 г., л. 174 об.) и др.

Введение местоимения *вы* здесь явно связано с его подчеркиванием, обычно вызванным противопоставлением или сопоставлением, что проявляется и в постановке его после союза *а* или *и*. Ср. экспликацию этого сопоставления:

а кого ни к вам о своих дѣлехъ прислю, и вы бы есте мене слушали, а ему вѣрили (Пск. 3-я лет., 1476 г., л. 171);

А язъ тоа самъ хочю соудити здесь, а вы бы есте тоую выням грамотоу подрали (Пск. 3-я лет., 1468 г., л. 122).

Вопрос состоит в том, почему при введении личного местоимения сохраняется и связка *есте*, которая здесь, в отличие от конструкций без местоимения, оказывается совершенно избыточна — из слова со значением ‘вы’ *есте* фактически превращается в частицу. Вопрос в том, какова семантическая нагрузка этой частицы.

Как уже говорилось, конструкция *а (и) вы бы есте* явно устойчива. Складывается она, вероятно, довольно рано: в Пск. 2-й лет. она зафиксирована в записи под 1343 г. (см. выше). Известен и более ранний пример этой конструкции в Киевской летописи по Ипат. сп. под 1187 г. (л. 228): *не могу поѣхати одинъ. а полкъ мои пѣшь. вы бы есте мнѣ повѣдать дома же дотолѣ ити* — правда, здесь нет союза *а (и)* и отсутствует противопоставление, эмпфаза на местоимении менее выражена, чем в наших примерах XIV—XV вв. По-видимому, здесь эта конструкция уже сложилась, но характер устойчивой формулы она приобретает позднее.

Связка *есте* в этой конструкции с личным местоимением с самого начала была избыточна и должна была отходить на роль актуализирующей частицы. Введение союза приводит к усилению эмпфатического подчеркивания местоимения и фразеологизации всего комплекса *а вы бы есте*, в просодическом отношении представляющего собой одно фонетическое слово с объединенными вокруг ударного *вы* проклитикой и энклитиками, — это должно было способствовать закреплению *есте* в роли частицы.

Может быть, в семантике этой частицы был компонент выражаемого обычно связкой 1—2 л. значения лица. Дублируя значение местоимения, она тем са-

мым его подчеркивала, усиливая эмфазу (нечто близкое значению совр. рус. усилительных частиц *же, и, ведь*). Такую же усилительную функцию, как говорилось выше, можно предположить для *есмы* в устойчивом клише *мы есмы*. Не исключено, что *есте* в формуле *а вы бы есте* получает ту же нагрузку, однако более вероятным кажется, что главным в значении *есте* здесь становится другое.

Если формула *мы есмы* представлена в псковских летописях единичным примером и связана скорее всего с книжной традицией (что подтверждается и книжной формой связки *есмы*, в отличие от широко представленных в Пск. 3-й лет. диалектных вариантов *есме, есмя, есмо*), формула *а вы бы есте* частотна и вряд ли является книжной. Контексты, в которых она представлена, книжностью совсем не отличаются — по синтаксису, ориентированному главным образом на ситуационный принцип (см.: [Живов 1998: 221—222; 2000: 574—575; 2004: 66—67]), с некнижными способами соединения предикативных единиц и некнижными средствами связи (союзы *а, что*, в том числе и вводящие вынесенную в начало высказывания тему), с некнижными конструкциями (*а кого ни к вам о своих дѣлех прислю, и вы бы есте...* Пск. 3 лет., 1476 г., л. 171, *которое боудете преступили пред княземъ Ярославом, и вы бы есте...* Там же, л. 170—170 об.); по лексике (*подрали, ослобонили* и др.); по наличию ярких псковских диалектизмов (*на конь оусегли* Пск. 3-я лет., 1470 г., л. 131 об. и 1471 г., л. 142). Более вероятно поэтому, что и конструкция *а вы бы есте* принадлежит некнижной традиции.

В таком случае ставшее частицей *есте* могло соотноситься с диалектной частицей *есть*, выражающей значение удостоверительности. Это значение подчеркивания достоверности данного факта типа ‘действительно’, ‘в самом деле’ вполне сочетается с нашим контекстом сослагательного наклонения — оно усиливает просьбу, подчеркивает ее настоятельность: *а вы бы есте...* ≈ ‘а вы бы, действительно’, ‘а вы бы, в самом деле’. В таком контексте элемент со значением индикативности становится удостоверительно-усилительным.

Возможность соотнесения формы *есте* с *есть* вполне вероятна благодаря их формальному сходству. В псковских летописях встречаются случаи взаимной мены *есть / есте*, подтверждающей возможность функционирования *есте* в роли *есть*: *...и всему Пскову вотчинѣ своєї повѣстоуеть, что есть отчина моя присылали ко мнѣ моего намѣстника своего князя пьсковского о своих дѣлехъ бити челом, а хотѣли есте с моим намѣстником вместе посылати болишихъ людей посадников бити челомъ* (Пск. 3-я лет., 1464 г., л. 111 об.) — *есть* вместо *есте* при л-форме, причем в конструкции с обращением; ср. различие в приведенной выше (раздел 1.1) конструкции *есть* + количественное сочетание: *стоавше в Ловоти есть уганов съ 40* Пск. 3-я лет., 1472 г., л. 148 — в Архивском списке *есте*. Показательно, что такие мены встречаются и в других памятниках, причем даже в более ранних, ср. в По-

вести временных лет по Лавр. списку: *се оуже есть покорилсѧ мнѣ*, 946 г., л. 16 об. (в Радз. и Акад. списках *есте*).

В условиях превращения *есть* в неизменяемое слово, утратившее значение лица, *есте* могло восприниматься как его возможный фонетический вариант. Вероятность такого восприятия подтверждается данными современных говоров, где известны фонетические варианты слова *есть* с конечными гласными: *ести, естя, есте*, ср.: *жара така была ести* Лен. обл.; *Василий работал естя*; *так-то молчит всё боле естя* Лен. обл.; *Здесь красиво естя* Красн. Бор.; *рожь-то естя вытажа* Прионеж.; *ушодиши есте*; *она же здесь вышевши есте* (замуж); *усадьба есте дадена тама* Лен. обл. (примеры из: [Кузьмина, Немченко 1968: 159—163; 1971: 192—193; Кузьмина 1993: 178—179]).

В нашей формуле *а вы бы есте*, где *есте* уже не выражает значения лица, оно тем более могло восприниматься как вариант формы *есть*.

Показательно, что вариантность форм связки с разными конечными гласными известна в псковских летописях и в 1 л. обоих чисел, причем та же самая вариантность обнаруживается и в новгородских берестяных грамотах, и других источниках — по всей видимости, это факт живого языка. В 1 л. мн. ч. в псковских летописях встречаются формы *есме* (самая частотная, псковский диалектизм), *есмя*, *есмо*, *есмы* (очевидно, книжная), *есми* (совпадающая с формой 1 л. ед. ч.), ср.:

и тоє писано, что хотѣли есме слати к тобѣ своему государю бити челом..., да за тѣмь есмѣ не послали, что не пропустит Великий Новгород (Пск. 3-я лет., 1463 г., л. 110—110 об.);

...прибижени есме много и водою и землею и головами (Пск. 2-я лет., 1460 г., л. 203) и др. (примеры с *есме* см. также выше);

что есмя зашли мечем, того ся сступаем (Пск. 3-я лет., 1242 г., л. 3 об.);

ино о томѣ на него не жаловалися, блюглися есмо болюа оуспалки на себѣ (Пск. 3-я лет., 1476 г., л. 176);

Мы есмы тья грамоты, государь, по твоемоу словоу послали (Пск. 3-я лет., 1477 г., л. 184 об. — о формульности этого контекста см. выше);

что есми по два лѣта тои земли хлѣбѣ имали и воды ловили, а темѣ кормили князя великого силу (Пск. 3-я лет., 1465 г., л. 114 об.).

В новгородских берестяных грамотах зафиксированы формы: *есме* (и в ранних, и в поздних грамотах с нач. XII в. по кон. XIV в.); *есомо* (и *есомъ*) (№ 357, XIV в.); *есмы* (в грамотах XII в., ориентированных не на древненовгородский диалект); *есми* (в грамотах кон. XIV в.) [Зализняк 2004: 139].

Интересно, что в случае варианта *есми*, отмеченного и в Пск. 3-й летописи, и в поздних берестяных грамотах, налицо совпадение с формой 1 л. ед. ч. — такого рода омонимия была вполне реальна и могла явиться «побочным результатом» фонетического совпадения форм 1 ед. и 1 мн. *есмь* и *есмь* [Зализняк 2004: 139]. Этот факт возможности существования в XIV—XVI вв. омонимичных форм связки, возникших вследствие их фонетического совпадения, свидетельствует в пользу вероятности интерпретации *есте* в рассматриваемой формуле как *есть*.

В 1 л. ед. ч. в псковских летописях употребляются формы *есмь* и *есми* (последняя, как мы видели, могла быть омонимична 1-му л. мн. ч.):

рад есмь стояти и боронити дом святыа троицы (Пск. 3-я лет., 1473 г., л. 159);

рад есми вас боронити (Пск. 2-я лет., 1460 г., л. 203 об.);

Рад есми отчиноу свою оустроенъ держати (Пск. 3-я лет., 1474 г., л. 166 об.);

И яз князь великои хотячи межси вами миру и тишине, воеводы есми своего не даль, им есми ходити на васъ не вельль (Пск. 3-я лет., 1464 г., л. 112) и др.

В берестяных грамотах отмечены варианты: *есмь*, *есъмь* (или *есьмо*), *есми* (в основном XIV в.) [Зализняк 2004: 138].

Как мы видим, вариантность форм связки с разными конечными гласными и без гласного была явлением живым, особенно после падения редуцированных, — даже в том случае, если она приводила к омонимии. Причина этого была, очевидно, в энклитическом статусе этих форм. В современных говорах эта вариантность сохранилась у формы *есть* — единственной оставшейся из всей парадигмы спряжения и ставшей неизменяемой. Превращение связки *есть* в неизменяемую удостоверительную частицу происходит, как мы знаем, уже в древнерусскую эпоху [Шевелёва 2002].

Подтверждением тому, что *есте* в формуле *а вы бы есте* могло переосмыслиться как удостоверительная частица *есть*, является контекст из Пск. 3-й лет. с точно таким же *есте*, но вне сослагательного наклонения:

Аже вы есте приехавъ къ Псковоу приконциваете миръ опръче местера то вѣдаете вы (1474 г., л. 163 об.).

Есте здесь введено в совершенно законченное высказывание с личным местоимением и глаголом в презенсе и никакого значения, кроме усилительно-удостоверительного, не несет — введено оно здесь может быть только как модальная частица. Форма связки 2 л. мн. ч. *есте*, употребляемая при место-

имени *вы* (возможно, закрепляясь в этом сочетании), становится в летописной традиции вариантом диалектной частицы *есть*.

Конструкции с формой *будеть*

2. В Пск. 3-й лет. отмечено два случая «избыточного» употребления формы *боудеть*:

А того бы есте не бещест[во]вали, которѣи оу васъ боудеть начнет творити силно, то язъ въдаю, а васъ свою вотчинуо жалоую (1472 г., л. 149 об.);

Того же лѣта выведоша Немець из Юрьева и з женами и з дѣтми, и сведоша их иных в Нижней Новъгород, а иныхъ в Узлець, а не въдаем за што богъ въсть, измѣнивъ прямое слово, што воеводы дали им, как Юрьевъ отворили, // што было их не изводить изъ своего города или будет они измѣну чинили (1565 г., л. 235 об. — 236).

Случаи эти неоднотипны.

Поскольку о конструкциях с несогласованным *будет* в памятниках и современных говорах писали меньше, чем о конструкциях с *есть*, сначала несколько слов об истории этой формы. В основе своей синтаксические функции и судьба формы 3 ед. формы буд. времени глагола **БЫТИ** *будет* сходны с функциями и судьбой формы *есть*.

2.1. Как известно, в древнерусском языке *будеть* могло употребляться и в роли полнозначного глагола, и в роли связки, в том числе в составе так называемого «будущего сложного П» (*буду* + *-л-*). Конструкция «*буду* + *-л-*» имела модальное значение возможного обнаружения результата какого-либо действия в будущем («приблизительно: ‘если окажется, что [нечто уже произошло]’») [Зализняк 2004: 134]; см. также [Горшкова, Хабургаев 1981: 297—298]), поэтому предложенное для нее А. А. Зализняком название «предположительное наклонение» [Зализняк 2004: 134, 177] наиболее удачно. Как хорошо показал Г. А. Хабургаев, это модальное значение конструкции «*буду* + *-л-*» обусловлено значением самой формы *буду* — модальным по своей природе: и в сочетании с причастием на *-л-*, и в свободном употреблении *буду* всегда выражает модальное значение «возможного обнаружения признака (действия, состояния) в будущем», т. е. «*будет* — это ‘обнаружится, проявится’» [Горшкова, Хабургаев 1981: 298]. В составе конструкции «*буду* + *-л-*» связка переживает ту же судьбу, что и вспомогательный глагол других древних аналитических форм с *-л-* причастием, — теряет согласование и превра-

щается в неизменяемое модальное слово *будет* (*буде*) [Хабургаев 1978: 49—50; Горшкова, Хабургаев 1981: 310].

Примеры утратившего согласование *будет* при *-л-*форме известны в памятниках с XVI в. [Никифоров 1952: 181; Кузнецов 1953: 256; Хабургаев 1978: 50]. Наш контекст из Пск. 3-й лет., читаемый под 1565 г. (*или будет они измѣну чинили*), именно такой природы. *Будет* здесь из связи в составе «предположительного наклонения», теряя согласование, превращается в модальную частицу с тем же значением предположительности, близкую по функции условному союзу.

Речь в этом контексте идет о выселении немцев из Юрьева вопреки данному обещанию ‘чтобы их не выводить (выселять) из своего города, если не окажется (*или* здесь — ‘в противном случае’, *или будет* — ‘если не окажется [наоборот]’), что они совершали измену’.

Перед нами употребление *будет* в роли модальной частицы, развившееся из конструкции предположительного наклонения «*буду* + *-л-*» — аналогично тому, как развилась модальная индикативная частица *есть* из структуры «*есть* + *-л-*» (перфекта).

2.2. В памятниках с кон. XVI в. и в говорах широко представлено употребление неизменяемого слова *будет* (*буде*) в роли условного союза. Такие конструкции становятся характерной чертой синтаксиса деловых и юридических текстов XVII в., ср.:

А будет у него роду не станетца или станетца, а выкупать не пахотять, ...взять по той же цѣне. Ворон. д., 2, 1620 г.; *Да будет у ково перед росписью лишние люди и лошади об(ъ)явятца, и Офонас(ъ)ю с товарищи тѣх лишних людей и лошади переписать.* Астр. д. № 3005, 1654 г.;

ср. в Уложении 1649 г., где эта структура оказывается одним из основных способов оформления «казуса»:

А будет у кого у ратных людей на государеве службе запасов и конских кормов не станет... А у кого будет хлебных запасов или конских кормов сверх домашних расходов в лишке не будет, и у таких хлебных запасов и конских кормов по указной цене ни у кого не имати. Уложение, VII, 21 (цит. по: [Живов 2004: 75]);

ср. в оглавлении Уложения 1649 г.:

Боудеть ратные люди идучи на г^сдреву слоужбу, оучнуть кому насильство чинити. Гл. VII, 6; *Боуде^м с слоужбы, збежитъ иноземець, или иной какой кормовой человекъ, или стрелец, или казакъ, или даточный человекъ.* Гл. VII: 9 и др. [Хрест.: 291].

Тот же условный союз *буде* известен в литературном языке вплоть до XX в. и до сих пор существует в говорах (см., например: [Шапиро 1953: 99]).

Одни исследователи связывают происхождение условного союза *будет* (*буде*) с этой же конструкцией «буду + -л-» [Кузнецов 1953: 256—257; Горшкова, Хабургаев 1981: 310], в других работах справедливо отмечается возможность появления этого союза из самостоятельного предикативного *будет* [Лавров 1941: 44—46; Никифоров 1952: 181] (приводятся примеры, аналогичные приведенным выше). По-видимому, условный союз *будет* (*буде*) восходит прежде всего именно к независимому употреблению полнозначного *будет* (как уже говорилось, всегда выражавшего модальное значение ‘обнаружится, проявится, окажется’), бессоюзно связанного с последующей частью высказывания. Такие структуры с препозитивным бытийным глаголом, «вводящим» последующую ситуацию, известны в памятниках и в говорах с разными временными формами глагола **быти**: и с *есть*, и с *было* (см.: [Шевелёва 2002: 65; Пожарицкая 1996: 276—277]). Если *есть* таких двупредикатных структур — это ‘существует [такое]’, *было* — ‘существовало, было [такое]’, то *будет* — это ‘обнаружится, окажется [такое]’. В начальной фразовой позиции такой вводящий ситуацию самостоятельный бытийный глагол обнаруживает тенденцию к превращению в союз — так произошло с *будет*, как и с *есть* в сочетании с *ли* (*если*, ср.: «Наш союз *если* — не что иное, как соединение формы *есть*, составляющей некогда самостоятельное предложение, с союзом *ли*» [Соболевский 1907: 266]).

Все приведенные выше примеры из памятников XVII в. и им подобные с условным *будет* — именно такого происхождения, и связь их с двупредикатными структурами с полнозначным дейктическим *будет* еще вполне ощутима — скорее всего, они отражают некоторую переходную стадию, живой процесс превращения независимого предиката в союз.

Независимое *будет* с тем же значением могло находиться и не в начальной позиции — в роли вводной предикативной единицы. Неначальная позиция для союза не характерна, хотя в разговорном синтаксисе допустима, ср. построения типа: *Ты придешь если ко мне... Он если придет поздно..., Он придет поздно если...* [Рус. разг. речь 1973: 394—397], неначальная позиция возможна и для диалектного условного союза *буде*, ср.: *Дам крынку, приостоялось будё* арх. [Шапиро 1953: 99]. Такого же рода примеры с неначальным условным *будет* встречаются и в текстах XVII в., ср. в приведенном выше примере из Уложения 1649 г., VII, 21:

А у кого будет хлебных запасов или кормов... в лишке не будет, ср. также: А чего боудеть на немь доправить боудеть немощно, и то велѣть доправить на порутчикахъ его, гл. X [Хрест.: 294].

И все-таки интерпозиция гораздо более характерна для модальной частицы, чем для союза, поэтому *будет* в подобных случаях скорее превращается в модальную частицу со значением предположительности (подобно тому как *есть* аналогичных конструкций могло превращаться в частицу со значением удостоверительности [Шевелёва 2002: 65]) или, может быть, в модальное служебное слово, совмещающее функции условного союза и частицы (то же, видимо, происходило с неизменяемым *будет* из предположительного наклонения — см. выше раздел 2.1). Наличие в современных говорах модальной частицы *буде* ‘вероятно, наверное’ (ср.: я *буде* утром позвоню; одна тут *есть* дак пять *буде* было / *буде* всех уж сдала в детдом арх. [Пожарицкая 1997: 129]) указывает на возможность развития значения этого слова в сторону собственно показателя модальности (без функции союза).

Такое же модальное значение, кстати, имеет *будет* в рассмотренных выше конструкциях со значением предположительного количества (типа *верст будет с сорок*) — опять же аналогично конструкциям с *есть* (см. раздел 1.1).

Наш первый пример из Пск. 3-й лет. с интерпозитивным «избыточным» *будет* (*которѣи оу васъ боудеть начнеть творити сильно, то язъ въдаю* 1472 г., л. 149 об.) аналогичен приведенным из Уложения 1649 г. (широкий контекст см. выше). *Боудеть* здесь можно трактовать и как союз ‘если’, и как модальную частицу со значением предполагаемой возможности обнаружения ситуации (≈ ‘кто-нибудь [если] у вас вдруг (окажется) станет творить насилье, то...’) — поскольку условность в таких построениях передается самой конструкцией с препозитивным местоимением *которыи* (*кто, что* и под.), ср. в Уложении 1649 г.: *А которые исцы и ѿвѣтчики съ судовъ слатца не оучнутъ...* гл. 18, *Которые люди оучнутъ ратнымъ люде^м продавати людскіа и конскіа кормы дорогою ценою*. Оглавл., VII, 7 [Хрест.: 295, 291] и под. Не исключено также, что *будет* в нашем примере еще сохраняет свою предикативную самостоятельность.

В связи с этим обращает на себя внимание достаточно ранняя датировка этого контекста: он читается в Пск. 3-й лет. под 1472 г. Строевский и Архивский 2-й списки здесь дают одинаковое чтение. И хотя в Пск. 2-й и Пск. 1-й лет. эта запись отсутствует (под 1472 г. там содержится только одно краткое известие, тогда как в Пск. 3-й статья 1472 г. занимает лл. 147 об. — 151 об.), есть основания предполагать, что она восходит к источнику кон. XV в. (о двух источниках Пск. 3-й лет. — общем для всех псковских летописей и еще одном, особом, — см. [Насонов 1941: XLI—XLII]).

Оказывается, такие структуры с модальным несогласованным словом *будет* в интерпозиции, хорошо известные по памятникам XVII в., существовали уже в XV в.

Конструкции с формами прошедшего времени глагола *БЫТИ*

3. В псковских летописях встречаются и конструкции с «лишними» формами прош. времени глагола **БЫТИ**, причем разного характера: как русский плюсквамперфект, так и конструкции с самостоятельным бытийным глаголом.

3.1. Достаточно употребительна «сдвоенная» конструкция с препозитивным «вводящим» последующую ситуацию *бысть* — совершенно аналогичная рассмотренным конструкциям с «вводящим» *будет* (как и с *есть*, см. раздел 2.2). Бытийный глагол во всех этих случаях представляет собой самостоятельную предикативную единицу со значением ‘было, случилось (существует, окажется) [так]’. В Пск. 2-й лет. такой пример один, в Пск. 3-й лет. их девять, из них два в записях XIV в. и семь в записях XV в., ср.:

Тоя же весны в Петрово говѣние, мая 25, бысть в Новегородѣ в ночь наиде туча дождевая страшна зѣло (Пск. 2-я лет., 1420 г., л. 188);

Бысть же в то розратье грѣхъ ради наших бяше моръ золь на людех во Псковѣ и в Изборскѣ (Пск. 3-я лет., 1341 г., л. 25 об.);

И бысть пред заутрени неизречено силно тресноу громъ велми и велика молния (Пск. 3-я лет., 1470 г., л. 127 об.);

И бысть в субботу в полдень оударихася на нихъ новгородская рать торонь (Пск. 3-я лет., 1471 г., л. 144);

И по том бысть к вечеру даль богъ тихо и опять свѣта исполнено (Пск. 3-я лет., 1470 г., л. 128 об.) и др.

Такие конструкции с «вводящим» *бысть* в значении ‘случилось [так]’ известны и в других памятниках, в том числе и в книжных, ср., например: *И бы^с възлеже с нима и приимъ хлѣбъ блг^свивъ преломле и дакле има* Евангелие РГАДА, МГАМИД № 759, XIV в., л. 3 и др.

В псковских летописях эта структура производит впечатление устойчивой, близкой к формульной. Возможно, она не является специфически некнижной: прош. время бытийного глагола здесь закрепляется в книжной морфологической форме аориста *бысть* (впрочем, наиболее соответствующей динамике летописного повествования — значению ‘случилось [далее следует сообщение о происшедшем событии]’). Однако синтаксически эта бессюзная структура вполне соответствует некнижной организации текста, и аналогичные конструкции с самостоятельным *было*, вводящим ситуацию прошедшего времени, известны в северных говорах, ср.: *Было ловили рыбу; Там еще было не заходили; Было у нас эропорт был воде* арх. (см. об этом: [Пожарицкая 1996: 276—277]).

Скорее всего, в стандартные церковнославянские тексты такие конструкции проникают лишь спорадически (ср. приведенный пример из Евангелия РГАДА, МГАМИД № 759 *И бы^с възлеже с нима* — в других списках читается *бысть яко възлеже*), в гибридном же тексте псковских летописей они абсолютно нормальны и даже устойчивы.

Вряд ли эти конструкции являются исключительно диалектными, однако в северо-западных говорах они широко представлены и отражаются в северо-западных памятниках, см.: [Шевелёва 1993]. Как мы видим, употребительна конструкция с «вводящим» *бысть* и в псковских летописях, особенно в Пск. 3-й лет.

3.2. В Пск. 3-й лет. встречается **русский плюсквамперфект** — структуры с формой *было* (*были*) при -л-форме смыслового глагола, при этом разные по значению. Во всех зафиксированных случаях (их 8) бытийный глагол согласован со смысловым.

3.2.1. В двух случаях плюсквамперфект не имеет относительного значения предшествования другому действию в прошлом — обозначенное им действие относится к тому же временному плану, что и действия, выраженные в данном контексте другими претеритами:

А вельане вси здоровы быша, ни одинъ не врежен, развеа были изымали руками одного вельянина Ключа, инъ оу нихъ оубъжалъ на Кобыльи быстры (1406 г., л. 49 об.) — формы *были изымали* и *оубъжалъ* обозначают синхронные действия, плюсквамперфект лишь подчеркивает временную дистанцию с настоящим;

Тоя же тамъ лѣта силно было в осень дожгя сло <шло> много, ино христиане по селом многи по всемъ волостем ржи не жяли (1476 г., л. 167 об.) — *было* <ш>ло и *не жяли* здесь тоже принадлежат одному временному плану. Этот пример особенно показателен, т. к. плюсквамперфект стоит в самом начале записи — аналогичное употребление русского плюсквамперфекта известно в берестяных грамотах, ср. начало грамоты № 724 (XII в.) *оставили ма были людье* и др. [Зализняк 2004: 176].

Вообще говоря, в этом контексте нельзя исключать понимания *было* как самостоятельного бытийного глагола, а не компонента русского плюсквамперфекта. *Было* здесь может быть вводной предикативной единицей с действительным значением указания на ситуацию ‘имело место [такое событие]’ — аналогичным значением «вводящего» *бысть* (*будет, есть*), но в интерпозиции (ср. выше о подобном употреблении *будет* раздел 2.2). Такие структуры возможны в разговорном и диалектном синтаксисе, ср.: *Там еще было не за-*

ходили; Вот тогда было стали держать опеть арх., ср. с презенсом: *Гороху своего было нарастёт, не покупали; А хлеба-то где было возьмешь?* арх. [Пожарицкая 1996: 275—277].

Однако скорее все-таки в нашем контексте из Пск. 3-й лет. представлен русский плюсквамперфект: позиция *было* здесь точно соответствует месту энклитики, каковой была форма *был* (-а, -о, -и) в составе плюсквамперфекта [Зализняк 1993: 285—286] (и эта закономерность выдерживается во всех прочих примерах русского плюсквамперфекта в Пск. 3-й лет., см. ниже), и главное — употребление этой структуры в начале сообщения с последующим переходом на -л-претерит (обозначающий действия того же временного плана) идеально совпадает с аналогичным употреблением плюсквамперфекта в берестяных грамотах и в примере из Пск. 3-й лет. под 1406 г.

По-видимому, подобная начальная позиция — это один из характерных типов употребления русского плюсквамперфекта, причем, судя по данным берестяных грамот, один из наиболее древних. Плюсквамперфект здесь реализует значение прошедшего, отстоящего во времени от настоящего, и введение его в начало рассказа сразу маркирует эту временную дистанцию, относя все сообщение к далеко отстоящему от момента повествования прошлому (см. об этом: [Зализняк 2004: 176]), — поэтому последующие временные формы уже в этой маркировке не нуждаются. Вспомогательный глагол *был* (-о, -и) в таком употреблении русского плюсквамперфекта выполняет роль показателя временной дистанции между прошлым и настоящим, отсутствия между ними связи — т. е. обнаруживает семантическое сближение с действительным самостоятельным *было*, но грамматически, в отличие от последнего, самостоятельным не является. Причины такого развития значения русского плюсквамперфекта, видимо, в самой эволюции формы связки *быль есть* > *быль*, т. е. процесс этот относится к раннему времени, — но это уже предмет особого обсуждения.

3.2.2. Во всех прочих случаях (их 6) русский плюсквамперфект в Пск. 3-й лет. имеет относительное временное значение, причем везде обозначенное им действие оказывается противопоставленным настоящему времени повествования, поскольку оно аннулировано следовавшим за ним действием в прошлом. Это то самое значение «отмененного», или «прерванного» прошедшего, которое Г. А. Хабургаев считал основным значением русского плюсквамперфекта [Горшкова, Хабургаев 1981: 338—341]:

...и оубиша 33 немецъ, а инии разбѣгошася по лѣсу ранены, а что были полонили или кони или снасти, а то все вороначани отъяша (1408 г., л. 54 об.);

и взяша миръ по старине по псковской воли по новгородскому доскончанью (sic), что были новгородци имали миръ в первое разратье со псковичи с одного, а нынѣ потому же за неделю по Ильине дни и без Новагорода, занеже новгородци не помогоша (1410 г., л. 57);

А псковичи в тья часы почаша по Полоницю новую стѣнку опять заробати по старинѣ от старого Възнесения к рѣце, которая была в пожарѣ выгорѣла (1471 г., 140 об.);

А в Двине истопоша москвич много, а шли были за Двиною на добытокъ (1518 г., л. 205);

Лѣта 7070-го царевы и великого князя воеводы, которые были збиралися на Литву, как Литва от Тарбаса отошла... ходили воевати за вельянь... (1562 г., л. 226 об.);

А от Полтеска князь велики пошел на другой недѣли великого поста к Москвѣ; а которая были в городѣ жили люди Жидове, и князь велики велѣл их и с семьями в воду в речную въметати (1563 г., л. 230 об.).

Во всех этих случаях действие, обозначенное плюсквамперфектом, «отменяется» действием, которому оно предшествует и которое направлено противоположно ему, — между событиями основного временного плана в прошлом и предшествующего, выраженного плюсквамперфектом, возникают отношения противопоставления.

В части этих примеров плюсквамперфект образован от глаголов сов. вида, в части — от глаголов несов. вида; независимо от вида значение русского плюсквамперфекта здесь остается одним и тем же: это значение «отмены» предшествующей ситуации (результата какого-то действия или обычного положения дел) — или прерывание действия. Точно так же не зависит от вида современная конструкция с *было*, которая к этому значению плюсквамперфекта восходит (ср. *пошел было, но вернулся; хотел было, но передумал*). Возникает это значение «отмененного» прошедшего, видимо, из сочетания свойственного русскому плюсквамперфекту значения дистанцирования от настоящего (которое легко могло развиться в значение противопоставления) и относительного значения предшествования другому действию в прошлом.

Обращает на себя внимание, что в Пск. 3-й лет. случаев такого значения русского плюсквамперфекта большинство (шесть против двух случаев значения давнего прошлого), причем три из этих 6 случаев принадлежат поздним записям XVI в. Скорее всего, это значение формы *быль* + -л- вторично по отношению к значению «отстоящего» от настоящего прошлого. Очень возможно, что оно или формируется несколько позднее, или хотя бы позднее стано-

вится употребительным и приобретает роль основного значения русского плюсквамперфекта — по крайней мере, в северо-западных говорах. Напомним, что в берестяных грамотах примеров этого значения русского плюсквамперфекта, в отличие от значения давнего прошлого, пока не встретилось [Зализняк 2004: 177]. Кстати, и сейчас «отмененное прошедшее» является основным значением плюсквамперфекта не во всех говорах (в архангельских говорах, например, как известно архаичных, оно значительно уступает по частотности значению давнепрошедшего — «отделенности от настоящего» [Пожарицкая 1996: 272—274]).

Однако по данным Пск 3-й лет. в псковской диалектной системе к XVI в. значение «отмененного прошедшего» стало доминирующим значением русского плюсквамперфекта.

В последнем нашем примере (под 1563 г.: *а которыа были в городѣ жили люди...* — см. выше) *были* в принципе может быть и полнозначным бытийным глаголом 'имелись, находились' в двупредикатной конструкции, аналогичной разговорным и диалектным типа: *еще тоже тут дом был стоял, Кудряшка была пела ходила померла уж, Старик был ловил там пеледей* арх. и под. [Пожарицкая 1996: 275]. В таких случаях вопрос о статусе форм *был, была, были* нельзя решить без знания интонационного членения фразы и просодической характеристики этих форм [Там же]: полнозначное *был (была, были)* акцентно самостоятельно и отделено паузой от последующей части высказывания (ср. *Старик был/ ловил там пеледей*), в отличие от энклитического и не имеющего после себя паузы *был (были)* в составе плюсквамперфекта. Наш пример из Пск. 3-й лет. допускает оба прочтения, так что статус формы *были* здесь нельзя определить однозначно. Однако надо специально подчеркнуть, что ничто не противоречит интерпретации этого контекста как русского плюсквамперфекта: место *были* точно соответствует позиции энклитики — как и во всех остальных примерах, сама конструкция с плюсквамперфектом после относительного местоимения *а которыа были в городѣ жили* является в Пск. 3-й лет. самым частотным контекстом употребления плюсквамперфекта (ср.: *которыи были збиралися на Литву 1562 г., которая была в пожарѣ выгорѣла 1471 г., а что были полонили 1408 г. и др.*) — и значение здесь полностью соответствует значению остальных примеров, представляющих «отмененное прошедшее». В любом случае перед нами некнижная синтаксическая структура, но второе решение кажется более вероятным.

Как мы видим, в области конструкций с «избыточными» формами глагола **быти** псковские летописи, и особенно Пск. 3-я лет., дают разнообразный и показательный материал по отражению структур живого диалектного синтаксиса.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Борковский 1949 — *Борковский В. И.* Синтаксис древнерусских грамот: Простое предложение. Львов, 1949.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Живов 1998 — *Живов В. М.* Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации. М., 1998. С. 212—247.
- Живов 2000 — *Живов В. М.* О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 573—581.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.
- Зализняк 1993 — *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2004а — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.
- Кузнецов 1953 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.
- Кузьмина 1993 — *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Кузьмина, Немченко 1968 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // *Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу.* М., 1968. С. 144—170.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Лавров 1941 — *Лавров Б. В.* Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М., 1941.
- Мансикка 1915 — *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // *Изв. Отд. русского языка и словесности.* 1914. Т. XIX. Кн. 4. Пг., 1915. С. 143—173.
- Насонов 1941 — *Насонов А. Н.* Введение. О списках псковских летописей // *Псковские летописи.* Вып. 1. М.; Л., 1941. С. III—LXIII.
- Никифоров 1952 — *Никифоров С. Д.* Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952.
- Обнорский 1953 — *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Пожарицкая 1991 — *Пожарицкая С. К.* О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в северно-русском наречии // *Revue des Études slaves.* 1991. LXIII (4). P. 787—799.

- Пожарицкая 1996 — *Пожарицкая С. К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1991—1993 гг.* М., 1996. С. 268—279.
- Пожарицкая 1997 — *Пожарицкая С. К.* Русская диалектология. М., 1997.
- Пск. лет., 2, 1955 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- Рус. разг. речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.
- Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.
- Трубинский 1975 — *Трубинский В. И.* К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // *Северно-русские говоры.* Вып. 2. Л., 1975. С. 148—162.
- Трубинский 1984 — *Трубинский В. И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
- Хабургаев 1978 — *Хабургаев Г. А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ. Сер. 9, Филология.* 1978. № 4. С. 42—53.
- Хрест. — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.
- Шапиро 1953 — *Шапиро А. В.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
- Шевелёва 1993 — *Шевелёва М. Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом **БЫТИ** и их диалектные соответствия // *Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева.* М., 1993. С. 135—155.
- Шевелёва 2001 — *Шевелёва М. Н.* Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. Клавдии Васильевны Горшковой.* М., 2001. С. 199—216.
- Шевелёва 2002 — *Шевелёва М. Н.* Судьба форм презенса глагола *быти* по данным древнерусских памятников // *Вестник МГУ. Сер. 9, Филология.* 2002. № 5. С. 55—72.

РУССКАЯ «ДУШЕПОЛЕЗНАЯ ПОВЕСТЬ» С УЧАСТИЕМ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

С. А. Иванов

Институт славяноведения РАН, Москва

А. М. Молдован

ИРЯ РАН, Москва

Публикуемый ниже текст из русской книжности Нового времени известен нам в списках конца XVI—XVIII вв. В нем говорится о человеке по имени Софоний, который по наущению жены убил ради наследства своего отца, а потом и мать, озлившись на ее проклятия. Покинутый ангелом-хранителем, он устрасился содеянного, и поскольку никакой священник не мог отрешить его от такого греха, бежал в пустыню и скитался там в поисках покаяния. Вскоре он встретил в пустыне старца Аполлония и поведал ему свою историю. Аполлоний не смог ему помочь и направил его к другому пустыннику, по имени Талион (вар. Италион). Но и этот старец оказался не в силах отпустить такой грех и посоветовал обратиться к Андрею Юродивому, который, как сказано в повествовании, ходил *въ градѣ скитѣ*. Когда Андрей увидел грешника и догадался о его преступлении, он стал яростно избивать его палкой, но тот, по совету Талиона, не отступал, терпя побои. И на следующий день, едва оправившись от ран, он снова пришел к Андрею и снова был избит до полусмерти. Так повторилось и на следующий день, и когда Софоний, чуть живой, пытался встать и не смог, ангел-хранитель вдохнул в него силы, и он устремился к церкви Богородицы и дождался выхода Андрея. После этого Андрей смилостивился и повел грешника в храм Пантократора, где и представил явившемуся им сонму небесных сил и святых, среди которых были родители грешника. Сначала они с гневом отвергли просьбу сына о прощении, но, вняв увещаниям Иисуса Христа, простили его. История заканчивается пострижением грешника в монастырь.

Рассказ написан по мотивам «Жития Андрея Юродивого» и в нескольких списках включен в текст этого жития в статусе похвального «слова» святому Андрею Юродивому по случаю праздника Покрова, о чем говорят его заглавия: *Слово на покровъ стѣнъ вѣцы стѣго андрѣа хрѣта ради оуродиваго*¹⁰, похвално...; *Слово похвално и чудесно стѣго и прѣднго андрѣа иже хрѣта ради оуроди-*

ваго цареградскаго чудотворца...; Слово похвално на покрѣ престѣмъ бѣцы сѣаго андрѣа хрѣта ради юродиваго и т. п. Однако по своему содержанию этот текст относится к весьма популярному в Средние века жанру «душеполезных историй». Они во множестве включались в прологи и минеи, но составляли подчас и целые самостоятельные сборники. Традиционно зачисляемые по ведомству агиографии, «душеполезные истории», однако, никогда не имеют главным героем святого. Последний может выступать в качестве второстепенного персонажа, как и в нашем случае. Но при этом и главный персонаж не персонифицирован, а скорее типизирован, несмотря на исключительность его истории. Его имя — Софоний — упомянуто лишь один раз в начале, в дальнейшем он именуется только «грешник». Это роднит рассказ с западноевропейскими новеллами, в которых действуют безымянные герои. В списках текст встречается под разными довольно пространственными названиями, но при всех различиях постоянным элементом заглавия является слово... о многогрѣшнѣ члѣцѣ, а в списке РНБ ОЛДП, Q. 58 эти слова написаны и по верхнему полю страниц в качестве колонтитула. Можно полагать поэтому, что текст был известен русским читателям именно под названием «Слово о многогрешном человеке» (далее СМЧ). В поле зрения ученых он до недавнего времени не попадал¹.

В византийском репертуаре «душеполезных историй» есть сюжет, который можно обозначить как «примирение живого с мертвым» [Halkin 1984: № 1318y; 1322d; 1322ea; cf.: Wortley 2001: 59—60]: два диакона поссорились, и один из них умер, а другой испытывал душевные страдания по поводу того, что не успел с ним помириться; диакон обращается со своей бедой к пустынною, но тот заявляет, что вызвать умершего для примирения не в его силах. Далее варианты византийской легенды разнятся: в одном случае пустынный посылает диакона в Константинополь, к «хартуларию» (то есть мелкому чиновнику) Никите [Halkin 1988: 199]. Другой извод легенды более извилист: пустынный заявляет, что диакон должен отправиться на гору, где растет каштановое дерево, и там подкарауливать знаменитого своими аскетическими подвигами старца; когда диакон после трех дней ожидания застигает старца, тот оказывается женщиной, умертвившей свою плоть до такой степени, что ее пол перестал играть какую бы то ни было роль; однако даже столь экзотичная святая не может вызвать мертвого для примирения — она велит диакону разыскать в Константинополе «сотника» [Delehaye 1934: 262—263]. Таким образом, в обоих случаях читателя подготавливают к встрече с каким-то исключительным, наивысшим святым — и тем больший контраст являет искомый персонаж, особенно «сотник», которого диакон обнаруживает за буд-

¹ Впервые о нем было сообщено в работе [Молдован 2000: 117—119].

ничными хлопотами по снаряжению флота. «Законспирированный» святой сперва отнекивается, но в конце концов дает согласие помочь диакону, ведет его ночью в храм, двери которого чудесным образом отворяются, и внутри обнаруживается в одном случае — умерший брат [Delehaue 1934: 265], а в другом — ангельский хор, из которого вызывают умершего [Halkin 1988: 200—202]. История заканчивается примирением.

Автор СМЧ, очевидно, имел в виду этот сюжет, представленный и в переводных славянских патериках [Николова 1980: 279—285], однако ни одно из используемых им собственных имен не фигурирует в византийских источниках. Ни имени Талион, ни города Скит в греческом ареале не зафиксировано вовсе, старца Аполлония патеричная литература не знает (знает лишь Аполлоса); да и второе имя Софония — Дектарим (Нектарий?) выглядит искусственно. Все это не более чем стилизация под греческий антураж, и даже храм Спаса Вседержителя, хоть и может восходить к константинопольскому Пантократору, не фигурирует в традиции «душеполезных историй». Что касается церкви Богородицы, то упоминание о ней в СМЧ может восходить к византийской легенде [Halkin 1988: 201], а может отсылать и к знаменитой сцене явления Богородицы Андрею Юродивому и его другу Епифанию в церкви Богородицы во Влахернах, на основании которой был установлен праздник Покрова — не случайно в некоторых списках СМЧ помещено среди «слов» на Покров.

Наиболее интересна в СМЧ фигура Андрея Юродивого. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего сюжет о примирении живого с мертвыми его жите нам не сообщает — однако там есть эпизод, когда Андрей ночью чудесным образом отворил двери церкви Богородицы на Форуме, чтобы войти туда для молитвы [Молдован 2000: 1850—1884; The Life 1995, II: L. 1291—1305]. Этот эпизод, по всей видимости, производил большое впечатление на древнерусского читателя жития Андрея, поскольку именно он (совершенно незначительный для агиографа) был в числе немногих выбран для изображения в клейме житийной иконы [The Life 1995, I: 197]. Есть, однако, и более важные причины для появления в нашем памятнике Андрея Юродивого. Дело в том, что сам этот агиографический тип вырос из гораздо более ранних житийных историй о «тайных слугах Господа» [Ivanov 1998: 188—194]. Мораль их состоит в том, что главным праведником зачастую оказывается тот, кто таковым совсем не кажется: в «душеполезных повестях» это обычный с виду мирянин.

Но самым главным «тайным слугой», несомненно, является юродивый, в котором, по правилам агиографического жанра, люди также не должны усматривать святости до самой его смерти. Связка «пустынный — тайный городской святой», присутствующая в нашей повести, хоть и не представлена в житии Андрея, зато наличествует в другом знаменитом памятнике агио-

графии — житии Симеона Юродивого, получившем хождение на Руси в XVI в. Таким образом, можно заключить, что СМЧ находится в струе восточнохристианской агиографической традиции, хотя и не имеет прямых аналогий среди дошедших памятников. Тем не менее о том, что и такие тексты в Византии существовали, свидетельствует одна латинская средневековая повесть. В ней рассказывается о том, как некий священник за грехи был отлучен от церкви. Ему открылось, что прощение он может получить лишь у отшельника, подвижающегося в Египте (вспомним, что Скит из нашего рассказа — это на самом деле не город, а название египетской пустыни). Но когда проклятый добрался паломником до Египта, старец заявил, что снять отлучение он не может, что это под силу лишь одному юродивому в Александрии. Тотто и снял проклятие, заступившись за священника перед Богородицей [Mus-safia 1896: 26—28]. Можно предполагать, что в этой легенде в той или иной форме было использовано какое-то не дошедшее до нас византийское житие.

До сих пор мы говорили лишь о второй части повести, то есть о поисках примирения Софония с родителями. Теперь пришла пора сказать несколько слов о первой половине сюжета — ледящей душу истории про дурную жену, подговорившую героя убить его родителей. Никаких прямых аналогий этому мотиву в греческой агиографии не усматривается. Есть, правда, легенды, в которых герой убивает родителей нечаянно, по ошибке — но там жена героя разделяет с ним его горе [ср.: Николова 1980: 102]. То же можно сказать и о западноевропейской агиографической традиции [Dorn 1967: 90]. Нигде мы не находим мотива сознательного убийства по сговору.

Более вероятно, что этот сюжет пришел из христианской фольклорной среды и представляет собой литературную обработку устного предания. Об этом свидетельствует множество примет, но прежде всего необычайная насыщенность текста троичной символикой (в том числе числами, кратными трем): 1) главный персонаж обращается за помощью последовательно к *трем* носителям сверхъестественных способностей — при этом, в соответствии с эпическими правилами, каждый из них отсылает героя к следующему, как более сильному; 2) до встречи с Аполлоном герой скитается в пустыне *пятнадцать* дней; 3) Талиона он находит через *три* дня; 4) Андрей Юродивый испытывает грешника битьем в течение *трех* дней, 5) нанося ему *тридцатью по трикраты* ударов² ежедневно. Явно фольклорное происхождение имеет и наивная софистика, вложенная в уста Иисуса Христа, который, увещевая ро-

² В основном списке Ол 54: *тридес(т)ю по трйкраты* 233 об. 13, но далее сказано, что Андрей нанес грешнику сначала *тридцать рань*, потом еще *л̄ ра(н)*. Данные других списков также расходятся в девятиричном и десятиричном счислении при указании на количество полученных грешником ударов, но неизменной остается кратность трем.

дителей грешника, говорит им: «Если бы не убил вас сын ваш, вы бы не стали причастниками моему небесному царствию и не сподобились бы мученического лика». В то же время автор СМЧ хорошо знал Священное Писание и, размышляя над тяжестью преступления героя, к месту вспомнил библейские слова Ламеха: **ОН ЖЕ СТРАХѸ^М ШВЫА^Т ПОРАЗЪМНѸ^М ДШН СВОЕН ПРЕПНОЕ ТВОРЕНІЕ ПРЕ БГОМЪ. СЕДМІЮДЕСА^Т СЕДМИЦА^М ПРЕГОРЪЛЕЕ МЪХА** (в остальных списках правильно: **прегорѣ ламеха**) 231 об. 14—17 (ср.: «если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» Исх. 4, 24).

В повести нет ничего, что могло бы указывать на ее переводный характер. Имена героев стилизованы под иностранные, но они не похожи на греческие и не имеют прямых соответствий в латинской традиции. Некоторые детали свидетельствуют о том, что ее автор незнаком со средиземноморскими реалиями (например, пустыню Скит он считает городом, а **скоропиѸ** у него представлена как змея, которая **газы^К свои пощраѣ^Т на чѣка гадъ смерътныи изліати** 230 об. 18—231,2³). Лексика и синтаксис СМЧ роднят его с русскими литературными, историческими и т. п. сочинениями XVI—XVII вв.

Таким образом, будучи оригинальным русским сочинением, СМЧ причудливо соединило в себе агиографию и фольклор. Очень естественно, что сюжет о запредельном преступлении требовал и запредельного искупителя. Таковым должен был стать именно Андрей Юродивый, чья популярность на Руси в XVI в. достигла апогея. Можно полагать, что и создание СМЧ относится к этому времени.

В настоящее время нам известно о существовании семи списков СМЧ:

Ол 54 РНБ, ф. 536 ОЛДП, Q. 54. Житие Андрея Юродивого, полуустав посл. четв. XVI в. (вод. зн. «Рука» Neawood 1950, 2559 (1583 г.); л. 9—12, 188 — XVIII в.). 278 л. По листам запись: ...**трофимова сѣна макѡва старинаѸ дѣда и оца ево трофима...** [Лопарев 1893: 92 (датирует рукопись 1-й пол. XVII в.)]. СМЧ (л. 229 об. — 237) находится в составе «Жития Андрея Юродивого» в качестве отдельной главы после слов «...**тогда въстанетъ начало волѣзни**» (л. 229; ср. [Молдован 2000: 5176—5177]). Начало СМЧ выделено таким же киноварным инициалом, как и начала всех глав ЖАЮ, при этом первая строка на л. 229 об., предназначенная для заглавия, осталась не заполнена). После СМЧ на л. 237 «в подбор» написано заглавие следующей главы ЖАЮ: **о нечѣтвѣ^М а цѣи** (нач. **Тогдаже въстанетъ. анралихъ нѣкто...**). Текст ЖАЮ кончается на л. 278, на обороте которого наклеен раскрашенный рисунок — полнофигурное изображение Андрея Юродивого.

³ Ср. змея *Скоропея* в русской фольклорной традиции [Власова 2000: 197; СРНГ 38: 101; СлРЯ XI—XVII вв. 24: 247 и др.].

- Сл РНБ, ф. 717. Сол. 837/947. Сборник патристический. 1-я пол. XVII в. 4°. П/у. III + 321 л., л. 194 об. — 200 об.: Слово ст҃а адрѣя ѹродиваго о неко҃м чл҃ке грѣшнѣ во граде скитѣ.
- О РНБ, ф. 536 ОЛДП, Q. 58. Житие Андрея Юродивого. Рукопись поморского письма, полуустав XVII в. со множеством лицевых изображений. 3 + 232 л. [Лопарев 1893: 97]. Л. 228 об. — 232: Слово на покровъ ст҃ѣи вѣцы ст҃аго андрѣа хр҃та ради оҹродиваго^ω, похвално во градѣ скитѣ о многогрѣшнѣм чл҃цѣ прежде страшнаго^ω сѹда на сп҃сеніе дш҃и его. После СМЧ — заключающая ЖАЮ запись его автора Никифора (л. 232 об.).
- Р РГБ, ф. 218, собр. ОР № 1129. Житие Андрея Юродивого. 18 x 14,5. I + 197 л. П/у. 1693 г. Л. 191—196 об. — Слово на покровъ ст҃ѣи богородицы, ст҃аго андрѣа хр҃та ради оҹродиваго. похвално во градѣ скитѣ о многогрѣшнѣм чл҃вцѣ. прежде страшнаго сѹда на сп҃сеніе дш҃и его. После СМЧ на л. 197 — заключительная авторская запись Никифора.
- Карг 118 БАН, Каргоп. 118. Сборная рукопись. XVIII в. (40—70-е гг.). 8°. 526 л. П/у и скоропись разных поч. Л. 88 об. — 99: слово похвално и чюдесно ст҃го и прѣднго андрѣа иже хр҃та ради ѹродиваго цареградскаго чюдотворца, гаже содегася во граде в ранѣ, како юноша отца и мать уби, а жены своея, лукаваго навождением, послуша⁴. На л. 99 об. запись: выписано и҃с книги старописанныя в десть трѣцы сергіева мнѣря повѣсть дш҃еполезна.
- Кг БАН, Каргоп. 20. Кучепалдский сборник. XVIII в. (50-е гг.). 8°. 435 + II л. П/у. Получен в д. Кучепалда Каргопольского р-на в 1965 г. [Бубнов 1984: 82]. Л. 216 об. — 225: Изъ книги андрѣа ѹродиваго во граде скитѣ слово похвално на покрѣ престѣи вѣцы ст҃аго андрѣа хр҃та ради ѹродиваго ш многогрѣшнѣм чл҃вцѣ на спасеніе дш҃и его прежде страшнаго сѹда. Перед СМЧ (л. 198—216 об.) — Слово похвално на ст҃ын покров стѣи вл҃ццы нашеа вѣцы и прѣодвы мр҃ин (нач.: Сладчайшїи оубв во временехъ весна. и во звѣздахъ слнце такв и в праздницехъ. вжїихъ оҹгѣникъ. мтрѣ г҃на праздники и торжества). После СМЧ (л. 225—236) — Слово похвальное чт҃номѹ покровѹ пречѣтѣи вл҃ццы нашеа вѣца и прѣодвы мр҃їа твореніе смиреннаго іеромонаха пахомїа (нач.: Понеже убо чл҃чскїи родъ. свыче прадники стѣихъ с похвалами праздновати...). Таким образом, СМЧ

⁴ В описании рукописи этот рассказ указан как «Слово из Жития Андрея юродивого цареградского» [Бубнов 1984: 71].

помещено в эту рукопись в качестве одного из «слов» на Покров Богородицы.

П РГБ, ф. 228, Пискарь. 104 (М539). Житие Андрея Юродивого, XVIII в.

Как известно, с распространением на Руси книгопечатания наиболее авторитетные книги — богословские и богослужебные — начинают тиражироваться печатным способом. Переписка книг становится менее ответственным делом; требование тождества текста перестает быть императивом. Известные нам списки СМЧ демонстрируют это новое отношение к переписываемому тексту, при котором писец позволяет себе «подправлять» текст, руководствуясь своими представлениями о нормативности. В каждом из списков, помимо небольших пропусков, вставок и перестановок, содержится значительное количество мелких лексико-грамматических вариантов (вроде *возлежащи* — *лѣжащи*, *оухпнвса* — *оухпнвшиса*, *данныа* — *вданныа* и т. п.⁵). По некоторым из этих разночтений списки могут быть сгруппированы следующим образом: в одной текстологической группе оказываются более древние списки Ол 54 и Сл, в другой — О, Р и П, к последним тесно примыкает Кг. К сожалению, характер этих разночтений в большинстве случаев не позволяет определить, какой из вариантов первичен, но чтения первой группы все же чаще производят впечатление исходных. Поэтому в качестве основного списка для издания выбран относящийся к этой группе список Ол 54, который датируется нами посл. четв. XVI в. и является старшим из списков СМЧ. Несмотря на относительную древность этого списка, многие его индивидуальные чтения являются следствием деградации исходного текста. Чтения, по которым этот список совпадает со вторым по древности списком Сл, с большей степенью вероятности могут быть отнесены к архетипу повести.

Список Карг 118 представляет весьма вольную и существенно расширенную редакцию текста СМЧ. Степень отличия этой редакции от других списков СМЧ столь значительна, что ее невозможно описать в форме разночтений к основному списку. Поэтому в предлагаемой публикации текст этой редакции приводится полностью. По представленной в ней версии, Софонием звали не самого главного героя, а его отца, и указано имя матери, отсутствующее в остальных списках, — Евпраксия. Старец *талнионъ* или *италнионъ* в одном случае из четырех назван в этом списке *виталнионъ* (94 об. 10), что производит впечатление случайности, так как, во-первых, это имя не менее необычно, чем *талнионъ* или *италнионъ*, а во-вторых, далее этот старец снова

⁵ Особенным разнообразием вариантов отличаются формы причастий-деепричастий: *погубалаа* — *погубаляущи* — *погубяюща* — *погубяюще*; *хотаще* — *хота* — *хотан*; *вводаа* — *въводащи* — *вводаще* и т. п.

именуется талионъ. Городом, в который герой приходит для встречи с Андреем Юродивым, оказывается здесь не Скит, как в остальных списках, а Царьград. Родители грешника в финале произносят слова, которых нет в исходном тексте: «Господь Бог простит тебя, чадо, в нынешнем веке и в будущем». И Андрей Юродивый произносит в этом тексте пространное наставление, советуя грешнику отречься от мира и принять монашеский сан — так развернуто содержащееся в исходном тексте СМЧ скупое сообщение о том, что грешник ушел из церкви, **прощеніе получивъ ѿ грѣха стымъ андрѣемъ, и наказанъ бывъ ѿ стго многими дшеполезными словесы.**

В этой редакции обращает на себя внимание сравнительная малочисленность сокращаемых слов. Так, полностью пишутся обычно сокращаемые в списках словоформы: **рече, спасеніе, благослови, глаголанне, господіе** и др. В списке встретились диалектные формы дат. и местн. ед. существительных *а-склонения на -ы: **обѣщася жены своѣа** (жене своей) л. 91, 16—17; **бывшъ емѣ въ гостѣвы оу теста своего** л. 90 об.5.; зафиксированы не известные по другим источникам слова **злопронырливны** (злопронырливными 89 об. 10), **злаласкателны** (злаласкателными л. 90, 16). Показательно для характеристики среды, в которой могла появиться эта редакция СМЧ, что близкое по словообразовательной структуре слово **злопреступны** зафиксировано только у Аввакума [СлРЯ XI—XVII вв. 6: 29].

«Слово о многогрешном человеке»

по ркп. Ол 54 (посл. четв. XVI в.)

229 об.

- 1 Нѣкѣи члкъ ѿ блгородноу роди-
 2 телю роженсѧ. во блгочестїи
 3 именѣ^М софони, дектарѣ^М.
 4 сїе нареченъ. единъ чады^н
 5 снѣ възлюбленъ родителю
 6 своею. и воспитанъ в до-
 7 брѣ наказанїи, и възрасто^М
 8 донде мѹжества. и по дѣи-
 9 ствоу дїаволю прелюбодѣга-
 10 нїе твораше. и в такоу^М любо-
 11 дѣганїи много безаконьствѹѧ
 12 и начаша многооумилеными
 13 словесы оувѣщевати, къ за-
 14 конномѹ совокупленїю брака,
 15 и восхотѣста дати за него дщѣ^Р
 16 нѣкоего члка именѣ^М славна и
 17 богата село. он же шещаса

2 роженсѧ : воспитанъ О Сл Кг П Р | 3 именѣ^М : нма емѹ О Кг П Р | дектарѣ^М : так Сл (и исправлено из о) дектаромъ Кг деткарам О Р | 4 нареченъ : наречѣся Сл | 4 единъ чады^н : единочадын О Сл Кг П Р | 5 снѣ : доб. сын Кг | родителю : оу родителю О Сл Кг П Р | 6 и : нет О Кг П Р | 6-7 в добрѣ наказанїи : в наказанїи добрѣ О Кг П Р в наказанїи Сл | 8 донде мѹжества : мѹжества доде Сл | 10 твораше : твораше О Сл Кг Р | такоу^М : таковомъ О Кг П Р тако^М Сл | 10-11 любодѣганїи : прелюбодѣганїи Кг | 11 безаконьствѹѧ : доб. потомъ же оувѣдаша родители его О Сл Кг П Р | 12 начаша : доб. того Кг | 12-13 многооумилеными словесы (Ср. 233 об., 8) : многоумилными словесы О П Р многими словесы умилными Сл умилными словесы Кг | 13 оувѣщевати : оувѣщевати О П Р увѣщати Сл доб. его О Кг П Р | къ : нет Сл | 15 дати за него : емѹ дати О Сл Кг П Р | 16 именѣ^М : нет О Кг П Р зачеркнуто Сл

230

- 1 имъ с велики^М желаніемъ хо-
 2 ташце законномъ браку сово-
 3 кѣпитиса. но завистникъ
 4 дѣволъ искони родѣ хрѣтїтань-
 5 скомъ не хотѣ добра дѣша члѣчъ-
 6 скаа погоубааа. и свода нѣ
 7 во адова жилища. аки и про-
 8 нырливый змѣи многоказне-
 9 ными пѣтьми вода члѣкы в па-
 10 гѣбоу. не по мнози же временї
 11 по совокѣпленїю брачномъ. же-
 12 ны. жены его родителїе ѿць
 13 и мѣи еа. начаша дщери свое^н
 14 глаѣти с прилежанїемъ многи^М.
 15 поощрающї и глѣюще. дабы оу-
 16 бїенъ былъ ѿць мойжа еа. сї-
 17 та же ѿ злоначалны^х женъ едина
 18 пронырлива и лѣкава. оучащи

1 хоташце : хотѣ О Кг П Р | 5 хотѣ : хотѣи О Кг П Р | 5-6 дѣша члѣчъскаа : члѣчъскїа дѣша
 О Сл Кг П Р | 6 погоубааа : погубаающї О Р погубаающа Сл погубаающе Кг | 7 адова
 жилища : адово жилище О Сл Кг П Р | 7 и : нет О Сл Кг П Р | пронырливый : нет О Сл
 Кг П Р доб. онѣ О Кг П Р доб. онѣ Сл | 8 многоказнеными : многокозненными О Сл Кг
 П Р | 9 пѣтьми : пѣти О Сл Кг П Р | вода : ввода Кг въводащи О П Р вводаще Сл |
 члѣкы : члѣка О Кг П Р | 11-13 жены. жены его родителїе ѿць и мѣи еа : со женою члѣка
 того О Сл Кг П Р | 13 начаша : доб. родители О Кг П Р доб. родители Сл | 14 глаѣти :
 доб. отецъ и мати еа О Сл Кг П Р | 14-15 с прилежанїемъ многи^М. поощрающї : и
 притѣжанїе^М многимъ поощрающе Кг и притѣжанїемъ многимъ поощрающе О П
 Р нет Сл | 15 и глѣюще : нет Сл | 17 женъ едина : едина жена О Кг П Р | 18 оучащи :
 учаше Сл

230 об.

- 1 мѹжа своего на оубѣиеніе ро^{Дн} тела
 2 его, дѣшеговное кровопроли^{Тн} е.
 3 сице оубо возлежащи ен с мѹжѣ^М
 4 своимъ. нача емѹ льстити
 5 аки змѣа прелѹкаваа, охапн-
 6 вса о вын его глѹщи много с ла^С-
 7 катѣльными словесы оувѣща-
 8 ваа его, да аще оувѣши ѿца
 9 своего, и бѹдеши наслѣдникъ
 10 притѣжанію его тогдаже і ро-
 11 дителіе данныа емѹ жены. не-
 12 ѿстѹпно оуслажающе его мно-
 13 гими словесы при свѣтлы^Х вестѣ-
 14 дахъ. он же поникъ очима.
 15 и постражда въ дѣи свои мно-
 16 гою скорбію зело. тогдаже дѣта-
 17 волъ оуспѣшно на зло аки конь
 18 ржетъ. і аки и скоропѣа газы^К

2 его : своего на О Кг П Р | 3 возлежащи : лѣжащи О Кг П Р | ен : доб. на ложи О Сл Кг П Р | 4 своимъ : доб. н О Кг П Р | 5 прелѹкаваа : лѹкаваа О Кг П Р | охапнвса : охапнвшса О Кг П Р | 6 вын : выю О Кг П Р | много с ла^Скатѣльными : многоласканными О Сл П Р | 6-8 много с ла^Скатѣльными словесы оувѣщаваа его : нет Кг | 7 оувѣщаваа : оувѣщала О Сл П Р | 9 наслѣдникъ : доб. всемѹ О Кг П Р | 10 тогдаже і : тогда О Кг П Р | притѣжанію : стѣжанію Кг | 11 данныа : вданныа О Кг П Р | 12 оуслажающе : оувѣщеваяюще О Р ѹвѣщающе Кг | его : нет Сл | 13 при свѣтлы^Х вестѣдахъ : въ пресвѣтлыхъ вестѣд^Х О Кг Р пресвѣтлы^Х вестѣдъ Сл | 15 постражда : пострада О Кг П Р постража Сл | 17 оуспѣшно : ѹспѣшнын Кг | конь : доб. н мѣскъ Кг (написано в квадратных скобках) | 18 н : нет Сл Кг

231

1 свои пощра^т на ч^лка гадъ смерть-
 2 тнын изл^пати, влек^щи на
 3 вест^вданое и скар^вданое его по-
 4 мышленіе, і об^вщася родіте-
 5 лемъ жены своеа, с дер^зно-
 6 веніемъ оубили ѿца своего,
 7 не по мнози же времени и в^ста
 8 и оуби ѿца своего, и в то^м час^тѣ
 9 подвигнушася ѿ пр^тла іс^хв^а
 10 вонн^ст^ва ар^хаг^гельскаа съ-
 11 кр^вшены^м ср^дцемъ, и пріемлю-
 12 ще на рамы своа неповинн^ю
 13 дш^в оубіенаго. с н^вжею рал^в-
 14 чающ^ся ѿ телесн. и несоста ю
 15 къ вл^дц^ѣ х^в оут^вшающе его. И
 16 вид^ѣ м^ти его таковое оуби-
 17 ство немл^тивное ѿ своего сна
 18 ко ѿц^в его. и съ слезами неѿ-

1 пощра^т: поштра^л О Кг П Р поштра^т Сл | ч^лка: доб. того О Кг П Р | 1 смер^тнын: доб. хота О Кг П Р | 2 влек^щи: доб. его О Сл Кг П Р | 4 і об^вщася: иже са об^вща прис^вб^внымъ О Кг П Р ен же ся обеща с^вг^вно Сл | 6 оубили: об^вщася оубити О Кг П Р оубити Сл | 7 же: нет О П Р | и: нет О Сл П Р | 7-8 не по мнози же времени и в^ста и оуби ѿца своего: нет Кг | 9 подвигнушася: двигнушася О П Р двиг^шася Кг | 10 ар^хаг^гельскаа: ар^ханг^лст^ни лица О Кг П Р ар^хаг^гельст^н і аг^лст^н Сл | 10-11 съкр^вшены^м ср^дцемъ, и: со ^вкрашены^м в^тенцемъ О Сл Кг П Р | 12 неповинн^ю: неповиннаго О Кг П Р | 13 оубіенаго: доб. бес правды О Кг П Р | 13 н^вжею: н^вждею О Кг П Р | 14 несоста ю: несоша дш^в О Сл Кг П Р | 15 его: еа О Сл Кг П Р | 15-16 і вид^ѣ: вид^ѣв^ѣ же О Сл П Р и вид^ѣвше Кг | 15 х^в: доб. и Кг | 16 оубиство: оубіеніе О Сл Кг П Р | 17 немл^тивное: немл^тивно Кг немлостивное О П Р | 18 его: нет О Кг П Р | слезами: доб. г^люще Кг

231 об.

1 стѹпно молашисѧ прѣ^д стѹю ико-
 2 ною прѣчтыѧ бжїѧ мѣре. дабы
 3 съкроушенъ былъ снѣ ѧ ѿ лица
 4 земли во дно адоу. паки же с ни^м
 5 оубїица дїаволъ изначала.
 6 неоуклонно прельщаѧ дшѹ его
 7 на оубїиство мѣре своеѧ. и
 8 нѹждашесѧ дша его. Не хотѧ-
 9 ше клатвы слышати мѣри
 10 своеѧ. ни слезъ терпѣти.
 11 по мнози же времени оубїи ма-
 12 терь свою. и в том^м часѣ ѿстѹпи
 13 ѿ него аггѧлъ хранитель дшѹ ѧ.
 14 он же страхѹ^м шьбѧ^т поразѹмнѣ^в
 15 дшѹ свои препное творенїе прѣ^д
 16 бгомъ. седмїюдесѧ^т седмица^м
 17 прегорѣлее мѣха. и паде ниць
 18 на земли. горци плакаса о со-

1 стѹю : нет Сл | 2 бжїѧ мѣре : бгомѣре О Кг П Р | 2 прѣчтыѧ : доб. бцы Сл | 4 дно адоу :
 дно адово О Кг П Р адово дно Сл | паки же с ни^м : слыи же О Кг П Р си же Сл | 5 оубїица
 : члкоубїица Кг | дїаволъ изначала : изначала дняво^а Сл | 8 нѹждашесѧ : ѹжасесѧ О
 Кг П Р | 9 клатвы слышати : слышати клатвы О Кг П Р | 10 ни слезъ : і злѣ Сл | 10
 терпѣти : доб. не може О П Р не можаше Кг | 11 по мнози же : не по мнозѣ же О Сл Кг
 П Р | 13 ѧ : доб. и зннѹ адъ прїати дшїю его О Сл Кг П Р | 14 шьбѧ^т : доб. бывѣ О Сл Кг
 П Р | 14 поразѹмнѣ : поразѹмѣв О Кг П Р поразѹмѣ Сл | 15 препное : престѹпное О П Р
 престѹпно Сл Кг | 16 седмица^м : седмицею О Кг П Р | 17 прегорѣлее мѣха : прагорѣе
 ламеха О прегорѣе ламеха П Р Сл (в слове прегорѣе первое ѧ написано по смытому а)
 горѣѧ ламеха Кг | паде : паде^с Сл Р падѣ Кг | 18 на земли : на землю О Кг П Р | о : доб.
 своихъ Кг | согрѣшенїихъ : согрѣшенї Сл

232

- 1 грѣшенїихъ, акн ношнаа
 2 мѣла не землю паде, и неви^д ма
 3 бысть прѣ^д свѣтомъ, тако
 4 сен дѣшнгоубитель, прѣ^д бѣго-
 5 родны^м стадо^м х^вымъ, същими
 6 х^ртѣаны посрамленъ бысть,
 7 лежаше скорбѣа о недооумѣнїе^м
 8 гресѣ своемъ. и не можаше ка-
 9 мо нти ни сѣмо швамо. оустра-
 10 ши бо са дѣша его в немъ, сїце бо
 11 стѣын аггелъ хранитель его мо-
 12 лашеса къ христѣу о немъ дабы
 13 живъ былъ. і невреженъ въ е-
 14 зеро шгненое, и моленїемъ ста^г
 15 аггела хранителя своего, рѣ-
 16 кама оградивъ стѣ^м скипетро^м,
 17 и побатъ его бы^с ѿ великаго па-
 18 денїа и своего греха. и съвлекъ

2 паде : падеть О Кг П Р | 3 тако : доб. и О Сл Кг Р | 7 лежаше : доб. же Сл |
 7 недооумѣнїе^м : недоумѣнїо^м Сл неудобнемъ Кг | 9 ни сѣмо швамо : ні сѣмо ні овамо
 Сл ни семо ни швамо Кг ни онамо О П Р | 9-10 оустраши бо са : острави бо са О П Р
 острабѣ бо са Сл шкорви бо са Кг | 10 сїце бо : сїце оубо О Сл Кг П Р | 11 стѣын : нет
 О Кг П Р | 11 его : нет О Сл Кг П Р | 13 живъ : дивъ Кг | былъ. і : нет О Сл Кг П Р |
 невреженъ : не вверже^н былъ О Сл Кг П Р | 16 оградивъ : оградѣнъ О Кг П Р | 17 и :
 нет О Сл Кг П Р | его : нет О Сл Кг П Р | 18 и : нет О Сл Кг П Р

232 об.

- 1 с себѣ свѣтлыа своа ризы, і о-
 2 блечеса в хѣдыа роуѣнища. и
 3 начатъ искати помощника
 4 о согрешенїи дшїи своен. не мо-
 5 жаше бо его нї единъ ѿ прозвї-
 6 теръ разрѣшити ѿ грѣха то,
 7 і нзыде скитагаса в пѣстыни, еї,
 8 днен. и обрете стопы члческы.^а
 9 и потече радѣгаса. и обрѣте
 10 в пѣстыни блженаго аполо-
 11 нїа, и пакн постиже его. и
 12 паде емѹ на ногѹ повѣдал грехи
 13 своа. съ слезами молаше его.
 14 дабы емѹ ѿпоустилъ согрѣше-
 15 нїа его. прпѣныи же рече емѹ,
 16 каа грѣхи имѣеши чадо на себѣ,
 17 онї же исповѣда емѹ согрешенїа

1 с себѣ : *нет* О Кг П Р с себя Сл | свѣтлыа своа ризы : ризы своа свѣтлыа О Кг П Р
 свѣтлыа ризы своа Сл | 5 прозвїтеръ : презентеръ О Кг П Р | 5 бо : *нет* Кг | 6 ѿ
 грѣха то : ѿ грѣха Кг его грѣха О П Р | 7 і : *нет* Кг | скитагаса в пѣстыни : в пѣстыню
 скитагаса О Кг П Р скитаяся в пѣстыню Сл | *доб.* ндѹщѹ же емѹ по пѣстыни (в
 пѣстыни Ѣл) О Сл Кг П Р | 9 и обрѣте : обрѣтая Сл | 10 в пѣстыни блженаго : блжнна^ѣ
 в пѣстыни Сл | 11 пакн : *нет* О Кг П Р | 13 своа : *доб.* и О Кг Р | 14 ѿпоустилъ :
 простилъ О Кг П Р | 16 каа : кїа О Сл Кг П Р | имѣеши чадо : чадо имѣеши О Кг П Р |
 17 исповѣда емѹ : рече О Кг П Р повѣда емѹ Сл

233

- 1 своа вса. како Ѡца и мѣрь оубѣ.
 2 и рѣ емѹ блженым старець. не
 3 могѹ азъ Ѡ сего грѣха прости-
 4 ти тѣ чадо. но покажѹ ти чѣлка.
 5 въ приморїи именѣ талїонъ бла-
 6 женным. сїце тростїю коле-
 7 блемын іако да тѣмъ обрацѣ^ш
 8 спсїтелеа дшїи своен. и блго-
 9 словнвъ его и Ѡпѹстнвъ с мї-
 10 ромъ. онъ же вѣскоре пѹтъше-
 11 ствоваше. г. днїи. и по трѣ^х
 12 днѣхъ оврѣте чѣлка стара по гла-
 13 нїю старчю, и начатъ въпро-
 14 шати его старець. Ѡкѹдѹ есї
 15 чѣче и камо градеши. онъ же гла
 16 емѹ, Ѡче стын дозде прїндохъ
 17 къ твоен стыни, давы ма
 18 еси простила о согрешенїи мое^м

1 вса : нет О Кг П Р | оубѣ : оубнаѣ О Сл Кг П Р | 3-4 Ѡ сего грѣха прости ти тѣ чадо : чадо Ѡ сего прости ти О П Р чадо о сего грѣха прости ти Сл Кг | 5 въ приморїи : нет О Кг П Р | талїонъ блаженный : блжнны тално Сл | талїонъ : италїо О П Р итталїо Кг | блаженный : при мори ходаща О Кг П Р | 6 сїце : іакоже О Кг П Р | тростїю : тростьми Сл | 7 іако : нет О Сл П Р | да тѣмъ : да того О Кг П Р | 8 спсїтелеа дшїи своен : дшїи своен спасителеа О Кг П Р спсїненедшїи своен и Сл | 8-9 блгословнвъ : блгословн О Сл Кг П Р | 9 и Ѡпѹстнвъ : Ѡпѹсти О Сл Кг П Р | 11 г. днїи. и : и по семъ О Кг П Р и пото^м Сл | 11-12 по трѣ днѣхъ : по трїю днїю О Сл Кг П Р | 12 стара : нет О Сл Кг П Р | 13 старчю : старческомъ О Сл Кг П Р | 13 начатъ : нача О Кг П Р | 13-14 въпрошати его старець : старець вопрошати его О П Р вопрошати его Сл старець вопрошати Кг | 15 онъ же : нет О Кг П Р и Сл | 16 стын : гнѣ О Сл Кг П Р | 18 еси : нет Сл | о согрешенїи мое^м : Ѡ согрѣшенїи монхъ О Сл Кг П Р

233 об.

- 1 б̄л̄жє́нныи же таліонъ рѣ̄ емѹ,
 2 нѣсмь азъ помагатель согрѣ-
 3 шеніемъ твои^М чадѹ. но пока-
 4 жѹ ти чл̄ка въ граде ските нага
 5 ходища. б̄л̄женнаго андрѣа
 6 оүродиваго х̄а ради да то и ти по-
 7 можетъ, с̄тъи же таліонъ
 8 начатъ казати его многооү-
 9 мнаными словесы, г̄ла сице.
 10 чадѹ аще т̄а стрѣти^Т б̄л̄жє́нныи
 11 андрѣи въ вратѣ^Х градныхъ.
 12 и оүчнѣ^Т т̄а оүчащати ранами,
 13 тридесѣю по три^Ккраты на дн̄ь.
 14 тако творѣ тебѣ^С сіе по .г. дни,
 15 оүрѣчаѣ тѣло твое ранами хо-
 16 т̄а дш̄ѹ твою очистити ѿ гре-
 17 ховъ. и толико т̄а казнитъ
 18 оүчащаѣ т̄а ранами. и дого-

1 таліонъ : итталіонъ О Кг П Р | 2 нѣсмь азъ : нѣсть есмь О Сл П Р азъ нѣсмь Кг | 3 чадѹ : нет О Сл Кг П Р | 4 ти : тебе О П Р ти тебе Кг | 6 оүродиваго х̄а ради : х̄а та ради оүродиваго О Кг Р | 6 да : доб. аще к немѹ дондеши О Кг Р доб. аще Сл П | 6-7 ти поможетъ : поможетъ ти Сл ти покаже^Т П | 6 и : нет П | 7 таліонъ : итталіонъ О Кг Р итталіонъ П | 8 начатъ казати : наказа его О Кг Р наказа^В его П нача наказывати Сл | 8-9 многооүмнаными : многоүмилєными П | 10 чадѹ : доб. да Сл | т̄а стрѣти^Т : стрѣти^Т т̄а Сл встрѣтитъ т̄а О П Р встрѣтитъ Кг | 11 въ вратѣ^Х градныхъ : во градыхъ вратѣхъ О Сл Кг П Р | 12 и : доб. ще (так!) П | оүчнѣ^Т т̄а : аще т̄а начнетъ О Кг Р аще т̄а үчнѣ^Т Сл | оүчащати : оүчашати П | 13 тридесѣю по три^Ккраты : тридесѣтью по трикраты Сл тридесѣтью по трижды О Р ти деѣю по^Т трижды П тридесѣтью по трижды Кг | дн̄ь : доб. и О Кг П Р | 14 тако : токо П | творѣ тебѣ^С : творящѹ тебѣ^С П творящѹ ти О Кг Р творяща^Т Сл | тебѣ^С сіе : ти си П | 15 хот̄а дш̄ѹ твою очистити ѿ греховъ. и толико т̄а казнитъ оүчащаѣ т̄а ранами. и догонитъ т̄а : да аще и до того добѣтъ т̄а оүчащаѣ ранами, и О Сл Кг П Р | 15 оүрѣчаѣ : үдарѣѣ Кг доб. тако О Сл Кг Р

234

- 1 НИ ТѦ ДО ПОСЛѢДНАГО ИЗДЫХАНИ,^а
 2 НО ТЫ ЧАДО НЕ МОЗИ ЕМУ ШВѢТА
 3 ДАТИ, ДА НЕШТѢПНО ЗА НИМЪ
 4 ПЪТЬШЕСТВЪИ, И Ъ ЧЕТВѢТЫ^н
 5 ДНЬ ЧТО ТИ ПОВЕЛИ^т СЪТВОРИТИ
 6 И СЪТВОРИ ЕМУ, И ПО БЛГОСЛО-
 7 ВЕНІЮ СЪАГО СТАРЦА ТАЛІОНА,
 8 ПОИДЕ Ш НЕГО ПЪТЬ СВОИ РАДЪІА,^с
 9 И ІАКО ОУБО ПРИХОДАЩУ ЕМУВЪ
 10 СКИТЪ ГРА^д ВЪ ВРАТА, И СТРѢ-
 11 ТЕ ЕГО БЛАЖЕННЫИ АНДРЕИ И РЕ^ч Е^{мб}.
 12 Ш ЗЛИИ И СКВЕРНАВИИ РАБЕ, ПО-
 13 ЧТО СЪМО ПРІИДЕ. ХОТѦ СКВЕРНА-
 14 ВИИ СВОИИ ДѢЛЫ НАПОЛНИТИ
 15 ГРА^д СІИ. И ПРОСМРАДИТИ МѢСТО
 16 СІЕ СТОЕ. ОН ЖЕ НИКАКОЖЕ МОЖА^{ше}
 17 ЕМУ ШВѢТА ДАТИ. БЛАЖЕНЫИ^ж Е
 18 АНДРЕИ СЪ ІАРОСТІЮ НАЧА^т ЕГО БИ^{тн}

2 ЕМУ : доб. ШВѢЩАТИ І КГ | 3 да : нет П | 4 ПЪТЬШЕСТВЪИ : шество^н (так!) П | 5-6 СЪТВОРИТИ И СЪТВОРИ ЕМУ : тако И СОТВОРИ О КГ Р ТО И СОВОРИ П тако СОТВОРИ ЕМУ СЛ | 5 ДНЬ : нет СЛ | ТИ ПОВЕЛИ^т : ПОВЕЛИ^т ТИ СЛ | 7 СЪАГО : ТОГО СЛ | ТАЛІОНА : ИТТАЛІОНА О КГ Р | 8 Ш НЕГО : нет О КГ П Р доб. В О СЛ КГ П Р | 9 И ІАКО : ІАКО^ж О КГ Р ІАКО П104 | ОУБО : нет СЛ | ПРИХОДАЩУ : ВХОДАЩУ КГ | 9-10 ВЪ СКИТЪ ГРА^д ВЪ ВРАТА : ВО ВРАТА ГРАДУ СКИТУ О КГ Р ВО ВРАТА ГРАДА ТОГО СКИТА СЛ ВО ВРАТА ГРАДА КРИТУ Пискарь | 10 СТРЕТЕ : ОУСТРЕТЕ О Р УСРЕТЕ КГ СРЕТЕ П | 11 ЕГО : доб. ТУ СЛ | 12 СКВЕРНАВИИ : СКВЕРНЫИ О СЛ КГ П Р | 13-14 СКВЕРНАВИИ СВОИИ ДѢЛЫ : СКВЕРНАИ СВОИИ О СЛ КГ П Р | 15 ПРОСМРАДИТИ : ПОСМРАДИТИ О П Р ПОСМРАДИ КГ | 16-17 НИКАКОЖЕ МОЖА^{ше} ЕМУ : НЕ МОЖАШЕ ЕМУ НИКАКОЖЕ О СЛ КГ Р НЕ МОЖАШЕ ЕМУ П | 17 ДАТИ : доб. И ПА^д НА НОГУ ЕГО ПРОСЯ ПРОЩЕННЯ СЛ | БЛАЖЕНЫИ^ж Е : І БЛАЖЕНЫИ П | 18 НАЧА^т : НАЧА О КГ П Р

234 об.

- 1 ЖЕЗЛОМЪ, И ДАСТЬ ЕМУ ТРИ"
 2 ДЕВАТЬ РАНЪ. СІЕ ОУБО ШНЪ СТРА-
 3 ЖДА И НЕУСТУПНО ВЪСЛѢСТВО-
 4 ВАША ЕМУ. І ПАКИ ВТОРОЕ НАЧА^Т
 5 БИТИ ЕГО. И ДАСТЬ ЕМУ. Л. РА.^Н
 6 ОНЪ ЖЕ НЕУКЛОНОНО ШЕСТВОВАШЕ
 7 ЕМУ ВЪСЛѢ^Д. ТАКОЖЕ ЕМУ СЪТВО-
 8 РИ И ВЪ ВТОРЫН ДНЬ ТЕМЪ ЖЕ О-
 9 БРАЗО^М И ВЪ ТРЕТІИ ЖЕ ДНЬ КАЗНИ^В
 10 ЕГО ТАКОЖЕ И ДАСТЬ ЕМУ ДЕВАТЬ-
 11 ДЕСА^Т ОУДАРЕНІИ. И ДОГНА ЕГО ДО
 12 ПОСЛѢДНАГО ИЗДЫХАНІА. И О-
 13 СТАВИ ЕГО ЕДВА ЖИВА СЪЩА. ПО-
 14 ШИДЕ ЖЕ БЛЖЕНЫИ АНДРѢИ ВЪ ГРА^Д
 15 КЪ ХРАМУ СТѢИ БЦИ. ОНЪ ЖЕ НЕ
 16 МОЖАШЕ ДВИГНУТИСА Ш РАНЪ,

1 три"девать : тридеса^Т О Кг Р | 2 сіе : сице О Кг Р | 2 стражда н : нет О Сл Кг П Р |
 2 оубо : во Сл | 3 въслѣствоваша : вослѣдствоваше О Р послѣдствоваше Кг П
 вослѣдъ шествоваше Сл | 4 второе нача^Т : нача второе О П Р второе нача Сл нача^Т
 второе Кг | 5 л. : тридесать Кг тридесать же О Р тридес^Т Сл трид^Ж дев^Т П | 5 ра^Н : доб.
 тако^Ж (таж Пискарь. 104) сотвори ему и третицею О П Р доб. тако же сотвори ему и в
 третію третицу Кг доб. тако же и сотвори ему третицею Сл | 5 ему : доб. еще Сл | 7
 ему въслѣ^Д : вослѣдъ его О Кг Р | ему сътвори : сътвори ему О Кг П Р | 8-11 темъ же
 образо^М и в третіи же днь казни^В его такоже и дасть ему деватьдеса^Т оудареніи. и
 догна его : в третіи же день бнвъ его сице вельми, да^Ж н О Р в третіи же днь бнвъ его
 сице вельми и Кг і в третіи днь. бн^В его сице даже и Сл і в^В трети^Ж день бн^В его сице
 даже П | 12 послѣднаго : слѣднаго Кг | н : нет О Сл Кг П | остави : оставивъ О Сл П
 Р | 13 едва : еле О Сл Кг П Р | съща : доб. н О Кг Р | 13-14 пошиде (так!) : понде О Сл Кг П
 Р | 14 же : нет О Кг Р | блженныи : стын О Кг П Р | 15 стѣи : стыа О Кг П Р | онъ же : доб.
 грѣшныи О Кг П Р | 16 можаше : доб. ни Сл

235

- 1 ни послѣдовати стѣомѹ андрѣю.
 2 Ѡ очашенїа ранѣ, съжалив же^с
 3 о не^м аггелъ гнѣ хранитель дшн е,^г
 4 и коснѹса телеси его, и вѣ тѣм^м
 5 часѣ избавленъ бы^с волѣзни и
 6 ранѣ, и не чюташе на тѣле свое^м
 7 нї единого оударенїа. и вѣста^в
 8 течаще акн левъ вѣсла^д блажена^г
 9 андрѣа. и прїиде къ храмѹ пре-
 10 стѣви влчци нашен бѣцы, и сто-
 11 ящѹ емѹ оу вра^т црковныхъ, о-
 12 ждающѹ же стѣомѹ андрѣю
 13 нс храма стѣа бѣца, и гла емѹ
 14 нди вѣсла^д мене члче, содолѣлъ
 15 бо еси сѹпостатныа враги сво^а.
 16 сице оубо да покажѹ ти вса бы-
 17 вѣша мчнїа живота твоего,

1 послѣдовати : вослѣствовати О Кг Р вслѣствовати П полѣдствовати вослѣ^д Сл |
 2 очашенїа : оучашенїа О Сл Кг П Р | ранѣ : вѣннаго О Сл Кг П Р | 2-3 съжалив же^с :
 нзжаливъ си О Кг Р но ѡжалив П но зжалнѣ Сл | 3 о не^м : нет О Сл Кг Р | хранитель
 дшн е : дшн его хранитель О Кг П Р | 4 и коснѹса : коснѹса О Кг П Р | 5 волѣзни и : Ѡ
 оучашенїа ранѣ О Кг Р оучашеннѣ ра^н П Ѡ учашеннѣ ра^н Сл | 6 тѣле : раме О Сл Кг П Р |
 7 вѣста^в : нет О Сл Кг П Р | 8 акн : ако О Кг Р | 10 влчци нашен : нет О Кг П Р | влчци
 нашен бѣцы : вѣцы влчце ншѣ^н Сл | 10-13 и стоящѹ емѹ оу вра^т црковныхъ, ожидающѹ
 же стѣомѹ андрѣю нс храма стѣа бѣца : нет О Кг Р | 11-12 ожидающѹ же стѣомѹ
 андрѣю : ждѹщѹ емѹ (емѹ нет Пяскар. 104) блжннаго адрѣа. семѹ же стѣомѹ нсходящѹ
 Сл П | 13 емѹ : доб. стѣн Кг | 14 вѣсла^д мене члче : за мною О Кг П Р | содолѣлъ :
 одолѣлъ О Кг Р одолѣ П | 15 бо : доб. ты Кг доб. ны О П Р | еси : есть П | 16 оубо : бо П

235 об.

- 1 сїи же емѸ показавшѸ. и пон-
 2 доста къ храмѸ б҃га сп҃са вседерѸ-
 3 житела. сице оубо емѸ шестъ-
 4 твѣющоу ношцїю. и внидоста
 5 внѣтрѣ ст҃го храма. і ѡсобѣ бо
 6 имѣ двери Ѡверзостася и ѣжего-
 7 стася свѣщци, и бы̄ внезапѸ
 8 трѣ̄ и грѣ̄м̄ страшень. и по трѣ̄с̄^б
 9 поставишася прѣ̄тле, тѣ̄ бо
 10 прѣ̄стоиаше прѣ̄таа б҃ца, и прѣ̄-
 11 теча гнѣ̄ крѣ̄тль. и с нї̄м̄ апльскїи
 12 лікѣ. и кїиждо вса Ѡсобѣ Ѡ сво-
 13 нхѣ лікѣ, такоже и Ѡ избра-
 14 нны̄х̄ его стада̄ стоиаше. ликѣ
 15 прѣ̄бны̄х̄ Ѡцѣ̄. и с нї̄м̄ патрїархѣ̄,
 16 и мчнческыи соборѣ̄. и прочаа
 17 вса ст҃ыа. и гла̄ емѸ ст҃ыи а-

1 сїи : сїа О Сл Кг П Р | 1 пондоста : поведе его О Сл Кг П Р | 2 б҃га сп҃са : г҃да б҃га О Кг П Р
 г҃да б҃га сп҃са Сл | 3 сице : сїа же О Сл Кг П Р | 3 емѸ : нет Кг | 3-4 емѸ шестъ твѣющоу :
 шѣтвѣющѸ емѸ П | 4 внидоста : внидоша Кг | 5 і ѡсобѣ : о себѣ̄ О Кг П Р | 5-6 і ѡсобѣ бо
 имѣ двери Ѡверзостася : двери ѡворнстася сами о себѣ̄ Сл | 6 Ѡверзостася :
 Ѡверзошася О Кг П Р | ѣжегостася : вжегошася Кг | 8 трѣ̄ и грѣ̄м̄ страшень : страшень
 трѣ̄ О Сл Кг П Р | по трѣ̄с̄^б : нет Кг | 9 поставишася : поставиша Кг | прѣ̄тле : доб. и сице
 г҃да б҃га и саде на прѣ̄толѣ̄ О Сл П Р и сице г҃да б҃га и саде Кг | 10 прѣ̄таа : таа О Кг Р
 нет П | 10 прѣ̄стоиаше : прѣ̄стоиаци П | и : нет П | 11 гнѣ̄ крѣ̄тль : іваннѣ̄ крѣ̄тль гнѣ̄ О Кг
 П Р | 11-12 апльскїи лікѣ : апл̄ О Сл Кг П Р | 12 и : нет О Кг П Р | 12 кїиждо : кѣ̄до О Сл Кг
 П Р | Ѡсобѣ (так!) : ѡсобѣ̄ О Кг П Р осб̄^{бс} Сл | 15-16 Ѡцѣ̄. и с нї̄м̄ патрїархѣ̄, и мчнческыи
 соборѣ̄ : патрїархѣ̄ и ст҃итель и мчнкѣ̄ О Кг П Р парїархѣ̄ и ст҃ль и мчнческия Сл |
 17 ст҃ыа : нет О Сл Кг П Р | гла̄ : глаше О Сл Кг П Р | ст҃ыи : блженыи О Сл Кг П Р

236

1 ндрѣи, видиши ли что члче си
 2 семѹ же ѿвѣщаѡшѹ. стѣче бо-
 3 жїи не вижѹ ничтоже. и рече емѹ
 4 блженныи андрѣи. оуслыша гб
 5 аггела своего хранащаго тѧ.
 6 о дши твоеи молащасѧ. того
 7 млтвою ѿверзита сѧ очи твои.
 8 и прозрѣв то^м часѣ и рече стѣмоу
 9 андрѣю. ѿ сего часа вижѹ стѣче
 10 бжїи и гб бга вседержителя,
 11 и прчтѣю его мтрѣ влчцѹ бцѹ
 12 и пртчю, и аплы, и прочи^х всѣ^х
 13 стѣ^х и родителен своихъ вижѹ
 14 сиѹ же еси оубилъ, и на^д глава^х
 15 ихъ аггли венци держаще, бла-
 16 женныи же андрѣи рече емоу. при-
 17 стѣпи чадо к родителема свои-
 18 ма съ слезами, и проси оу нихъ

1 члче си : *нет* О Сл Кг П Р | 3-4 и рече емѹ блженныи андрѣи : и рече блженныи андрѣи Сл
 блженныи^х рече андрей П блженныи же рече О Кг Р | 5 своего хранащаго тѧ : твоего
 хранителя О Сл П Р хранителя твоего Кг | 6 того : того^м О Кг П Р | 7-8 ѿверзита сѧ очи
 твои. и прозрѣв то^м часѣ : прозриши О Сл Кг П Р | 9 андрѣю : *доб.* многогрѣшныи члкъ
 О Сл Кг Р многогрѣшныи рабѣ | члкъ П | 9-10 вижѹ стѣче бжїи и : оче стѣи виждѹ О Сл
 Кг П Р | 10 вседержителя : *нет* О Сл Кг П Р | 11 влчцѹ бцѹ : *нет* О Сл Кг П Р | 12-13 прочи^х
 всѣ^х стѣ^х : прочаи стѣи всѧ Кг прочаи всѧ О Сл П Р | 14 сиѹ же : ихъ же О Сл Кг П Р |
 еси : есмь Кг | и : *нет* О П Р | на^д (так!) : на О Сл Кг П Р | 16 емоу : *нет* О Кг П Р | 17
 чадо : *нет* О Сл Кг П Р

236 об.

- 1 прощенїа. и сїце по гла҃хъ ст҃го.
 2 пристѣпи и паде имъ на нозн
 3 ихъ гла҃хъ. гдѣе родителѣе мон.
 4 простите ма окашаннаго. впа-
 5 дшаго в грѣхъ си. иже есмь деръ-
 6 знѣль оубити васъ. они же
 7 съ гнѣвоѡ ѡвещаша емѡ. не мо-
 8 жевѣ простити тебе. ни в сеѣ
 9 вѣще в будѡщемъ. и ре имъ бла-
 10 женныи андрѣи. пондевѣ прѣ
 11 всемѣтнѣваго б҃га. онѣмъ же прї-
 12 шедшимъ. и сташа прѣ вседе-
 13 ржителѣе б҃гомъ, и ре имъ все-
 14 мѣтнѣвыи гѣ сице. аще не оуби
 15 васъ единочадныи снѣ вашъ.
 16 не бысте были причастницы
 17 моему немому црѣвїю, и мѡ-
 18 ченїческому ликоу не бысте спо-

2 пристѣпи : пристѣпаль О Кг П Р | имъ на нозн : на ногѡ ихъ О Кг Р на нозн Сл имѣ на ногѣ^х П | 4 окашаннаго : *нет* О Сл Кг П Р | 4-5 впадшаго в грѣхъ си : впадшаго в сен грѣхъ Кг впадшемъ в семъ грѣсѣ^х О Сл П Р | 5-6 иже есмь деръзнѣль оубити васъ : еже есмн васъ дерзнѣль (дерзну^а ва^{сѣ} Сл; дерзну^х П) оубити О Кг П Р | 6 они же : *доб.* его Кг | 7-8 не можевѣ простити тебе : не простимъ рекоша Кг | 9 вѣще : *доб.* ни О Сл Кг П Р | 10 пондевѣ : вындевѣ О Кг П Р | вы идите Сл | 11-12 прїшедшимъ : нзшедшимъ О Сл Кг П Р | 12-13 вседержителѣе : всемилостнѣвыи Сл | 14 гѣ : ісѣхъ хрѣ^стѡ б҃гѣ нашъ О Кг П Р б҃гѣ нѣсѣ хрѣсѣ сице Сл | оуби^а : *доб.* бы О Сл Кг П Р | 15 снѣ вашъ : вашъ сынъ О Р | 16 бысте : вы есте О Сл Кг Р | 17 немому црѣвїю : црѣвїю немому О Сл Кг П Р | 18 не бысте сподобленн : не бы сподобленн есте О Кг Р не сподобленн бы есте Сл сподобленн быте П

237

- 1 ДОБЛЕНИ БЫЛИ, И ПО ГЛѸ ГНЮ В ТѸ^М
 2 ЧАСТѸ ПРОСТИША ЕГО РОДИТЕЛИ Е.
 3 И ВСИ НЕВИДИМИ БЫСТА. ТОКМО
 4 ЧЛКЪ ОНЪ ВСТАШАСА СЪ БЛЖЕНЫ^М
 5 АНДРѸЕМЪ. І ИЗЫДЕ ПРОЩЕНІЕ
 6 ПОЛУЧИВЪ Ѡ ГРѸХА СТЫМЪ АНЬ-
 7 ДРѸЕМЪ, И НАКАЗАНЪ БЫВЪ Ѡ
 8 СТГО МНОГИМИ ДШЕПОЛЕЗНЫМИ
 9 СЛОВЕСЫ. И З ДОБРЫМИ ДѸБЛЫ Ѡ-
 10 НДЕ В ПУСТЫНЮ. И ПОСТРЖЕ^С
 11 И БЫ^С ЧЕРНОРИЗЕЦЪ, ИЗРАДЕНЪ.
 12 БГЪ НАШЕМУ СЛВА.

2 ^ГЕ: нет О Сл Кг П Р | 3 БЫСТА: БЫША О Сл Кг П Р | 4 ЧЛКЪ ОНЪ ВСТАШАСА: ЕДИ ОСТАСА
 О Сл Кг П Р | 5 І: нет О Кг П Р | 5-6 ПРОЩЕНІЕ ПОЛУЧИВЪ: ПРОЩЕНЪ О Сл Кг П Р | 6 ГРѸХА:
 ДОБ. ТОГО О Сл П Р ДОБ. ТОГО МЛТВАМИ Кг | 6-7 АНДРѸЕМЪ: ДОБ. ОУРОДИВЫМЪ ХРТА РАДИ
 О Кг П Р ХРТА РАДИ УРОДИВЫ^М Сл | 7 БЫВЪ: нет О Кг П Р БЫСТЬ Сл | 9 З: нет О Кг П Р |
 ДѸБЛЫ: ДѸТЕЛЬМИ О Сл Кг П | ѠНДЕ: І НДЕ О Сл Кг Р ІДЕ П | 11 И БЫ^С ЧЕРНОРИЗЕЦЪ,
 ИЗРАДЕНЪ: нет О Кг П Р | ЧЕРНОРИЗЕЦЪ ИЗРАДЕНЪ: МИН^Х ЧЮДЕ^Н. НЕ ПО МНОЗЕ ЖЕ ВРЕМЕНИ КО
 ГДУ ОНДЕ. И ПОГРЕВЕНЪ БЫСТЬ НАСТАНИКО^М СВОИМЪ. ЦРТВНЕ НЕНОЕ НАСЛѸДИ. І ВЕНЕ^П ПРИЯ^Т О
 РУКИ ГДНЯ Сл | 12 СЛВА: ДОБ. ВСЕГДА НИГѸ, И ПРНО И ВО ВѸКИ ВѸКО^М АМИНЪ О П Р | 12 БГЪ
 НАШЕМУ: БГЪ НАШЕМУ (зачеркнуто) ЕМУ^Ж СЛВА НИГѸ И ПРНО І ВВ ВѸКИ ВѸКОМЪ АМИНЪ Сл.

Особая редакция «Слова о многогрешном человеке»
по ркп. Карг 118 (40—70-е гг. XVIII в.)

88 об.|| Бѣ нѣкѣи члкъ ѿ блго|родныхъ и блгочести|выхъ родителеи
воспи|танъ именемъ софони • |и женѣ имѣаше именемъ|евпраїю и пребы-
вающима ||89|| имъ во блгочестїи и соузѣ мира|и прижиста себѣ сѣна и
воспи|таста ѣ добромъ наказанїи,|и донде возроста мѣжеска • |и по
дѣнствѣ лѣкаваго врага|впаде ѣ блѣдъ и во многое бѣза|конїе и о семъ
оувѣдѣвшѣ|родителїе егѡ • и начаша емѣ|вѣщати многоумолителны|ми
словесы еже бы престати|ѿ таковаго злаго начинанїа|и законномѣ
сочетанїю понѣжда|юще его отрокѣ же повинѣса|совѣтѣ ихъ и не ѡречеса
брака|родителїе же егѡ извѣстиша|емѣ оу нѣкоего члѣка славна и|богата
дщерь еже емѣ|ѣ женѣ понати отрокѣ же|во ѣсемъ томъ обѣщася|таже ѣ
великимъ желанїемъ ||89 об.|| оувѣщася законномѣ бракъ и|воли ихъ по-
винѣса • и сїе ѣско|рѣ сотвориша законное со|четанїе ѡрокѣ, и не по
мнозѣ|времени злыи завистникѣ|лѣкавыи диволъ искорени|тель родѣ
члѣскомѣ • не хотѣ|ше добра дшѣ члѣскимъ но|погублѣа и свода во пре-
испо|днѣа адова жилища • злопро|нырливыми и злокозненными|пѣтьми •
когождо хотѣ поглотити, такоже и сего хотѣ по|губити и свести ѣ
погнѣбель|ада пренсподнѣаго • еже на|чаша ѡцѣ и мати дщери сво|ей глати
• еже бы ѡца|своего оубнѣлъ, и о семъ многа|жды прилѣжно глѣюще дще-
ри|своеи ѡ ѡбненїи оца своего • аще ли ||90|| тако сотворитѣ и нашемѣ
и|мѣнїю наслѣдникѣ бѣдетѣ • |еже бо тако лѣкавыи вра|шмрачи совѣсть
ихъ не то|кмо наобчити добромѣ дѣ|лѣ, но на лѣкавое дѣло побѣща|ти таже
дщи ихъ едина ѿ|пронерыливыхъ таже ѿ злонача|льныхъ женѣ лѣкавнѣи-
шаа|многажды о семъ мѣжѣ сво|емѣ сїа глѣущи • на дшѣгубное|пролитїе
крове мѣжа своаго|понѣждаше • Оице возлежащи|с мѣжемъ своимъ • аки
змїа|лютаа шѣпавшииса около|выи его • злоласкателными|словесы лас-
кающи его • тако|се змїа прелести еевѣ ѣкѣ|шенїемъ ѿ заповѣ-
даннаго|гдѣмъ древа • такоже и та ||90 об.|| прелѣщаше словесы мѣжа сво|его

• егда оубиешѣ ѿца сво|его бѣдѣши наследникъ и |мѣнїю родителема мон-
ма|егда бывшѣ емѣ ѣ гость |бы оу теста своего • то|гда оубо они при
свѣтлы^х|бесѣдахъ • неославно оу|слаждающе еже много |гливными словесы
на сїе |злое дѣло понуждающе его. |онъ же пониче сѣда по|страждаетъ ѡ
семъ ѣ дшїи |своеи велїю скорбїю зѣ|ло еже ѣ мысли свои сїе |злое дѣло
хоташе и не хоташе |сотворити кровопролитїе |оубиственно родителю
сво|ю и о семъ велии тѣжа |ше и ра^амышлалше како бы ||91|| сотворити • но
сїе лѣкавыи |врагъ запрети во ѹмѣ его |еже бы дрѹгомъ или бли |жикамъ сїе
помышленїе |повѣдати комѣ • еже что |сотворити егоже лѣкавы^и |врагъ
спѣшно на зло то |поощраетъ тако скорпїа |жена его языкомъ сво |нмъ
пощааетъ непреста |нно пады смертоносныи |сотворити кровопролитїе | сво-
емѣ оцѣ • штрокъ же бы |о томъ ѣ великомъ распале |нїи не може преслѹшатѣ
сло|весъ жены своеа • и обѣща |са жены своеа на сїе крово |пролитїе
родителя своего • |таже забы тои страхъ |бжїи и мѹки вѣконечныа ||91 об.|| и
предаса послѹшанїе жены сво |еа тако бо лѣкавыи вра |гъ помрачи совѣсть
его |и оумъ его • еже не могїи дер |зновенныхъ словесъ лѣкавы^х | презрѣти
жены своеа и не |по многѣ времени воста и |оуби оца своего • и ѣ томъ |частѣ
подвигнѹшася прѣтола |величествїа хрѣтова воиньс |тва архангелскаа таже
ни |ктоже тако сотвори на |земли • тако сокрѹшенъ ѿ снѣ |неповинно
ра^алѹчающася |ѿ тѣлесн принесоша дшѣ |ко прѣтолѣ славы бжїа и
оу |вѣшающе (так!) еа • сїе же видѣ |вши мѣти таковое немилос |тинное
оубїенне ѿ снѣ сво |его. и злое кровопролитїе ||92|| ѿцѣ своемѣ • и велии
стѣживѣ |ши зѣло плакавши необычно • |и не ѡстѹпно молщиса
прѣ^а стїю |иконою пречѣтыа бжїа мѣре |дабы сокрѹшенъ былъ снѣ |еи ѿ лица
земли во дно адовы (!) |сице непрестанно вопїющи и |кленѹщи тажко снѣ
своего |непрестанно ѿ жалости сер |дечныа • Сїе же высть терпѣ |нїе отрокѣ
тажко велии |ѿ мѣри своеа высть • и кри |чанїа и слезъ и клатвы
вѣ^а |мѣрныа • и ожесточи его лѣ |кавыи врагъ и омрачи совѣ |сть его еже не
могїи стерпѣ |ти непрестанныа клатвы • |и слезъ матернихъ • и ри |нѣ еа ѡ

земаю и оуби ея | до смерти • и в томъ частѣ ||92 об.|| ѿстыпи ѿ него англь
 хранитѣ | дши его • юноша же страхомъ объятъ бысть пораждѣнъ | в дши своем
 великое и тажъ | кое согрѣшеніе еже оуби ро | дителен свой вѣконечнымъ и
 стра | шнымъ мѣки вѣчнымъ воспо | манѣвъ • и оустрашнсѣ вель | ми паде на
 землю ницъ пла | касѣ горко ѿ срѣ | ш люто | мъ своемъ согрѣшеніи • и
 аки | ношнамъ мѣгла паде на зе | мяю • и невидимъ бысть | прѣ | светомъ та
 коже и сен | дшегъ бецъ прѣ | блгороднымъ | стадомъ хрѣ | товимъ сущи | ма же
 хрѣ | тѣаны посрамлѣ | бытъ тон | лежа скорба плачѣса ѿ не | доумѣнїа о грѣсе
 своемъ | и не вѣдаше камо поитти • ||93|| ѹстрави бо ся дша его в
 немъ | понеже англь хранителю мо | лящѣся ш немъ хрѣ | стѣ дабы | живѣ
 былъ и в чювство пришелъ | бы, и невреженъ бы ничемъ, и | не вверженъ бы
 во езеро огненное. | и моленіемъ англа хранителя | своего рѣкама шгражденъ
 бы | стѣымъ скипетромъ, и подѣятъ | бысть ѿ земли ѿ великаго паде | нїя, и в
 разѣмъ прїимъ свое лю | тое согрѣшеніе, и прїиде в чю | вство еже бы пока
 тнся лю | таго согрѣшенїя. и свѣтлыя ри | зы совлечѣся, и в хѣ | дыя и не
 пот | ребныя швлечѣся. и нача се | бѣ | искати помощника дши | своемъ ш лютомъ
 согрѣшенїи | и не можаше ни единъ ѿ презви | теръ простити его ни ѿ грѣ | хо
 ||93 об.|| разрѣшити. поиде же тон юноша | в пѣстыню ходя скитаяся по
 пѣ | стынн пять не десять днїи, и | шверѣте стопы члѣскїя, и по | тече скорѣ по
 стези радѣся. | и шверѣте в пѣстыни пребы | вающа блженнаго
 аполонїя | прїиде к нему и паде ему на | нозѣ со слезамн исповѣдая | пред нимъ
 согрѣшенїя, и моля | ше его да ѿпѣститъ ему. | аполонїи же рече ему, чадо
 ка | кія грѣхн имѣши на себѣ, | еже такѣ плачѣшися. штро | къ же повѣда
 прѣ | ному своя | грѣхн. таже какѣ оца своего | ѹбен и матеръ. блженныи
 же | аполонїи рече ему. чадо тяж | ка сѣтъ согрѣшенїя твоя, | но не могу азъ
 чадо снхъ согрѣшенїи ||94|| простити. но повѣмъ ти члѣка при | мори пребы
 вающа именовъ | талонъ блженныи. и симъ | обращаши прощенїе
 грѣ | ховъ, | и спасенїе получиши, и благосло | ви его и ѿпѣсти и пѣтъ
 ему | вѣвѣсти. отрокъ же шествѣ | я пѣтемъ ндыи шко тро | стнїю колеблемъ

сын нища вра|ча и по трехъ днѣхъ вѣрѣте|оца талиона. также по гла|нїю старца. прїде и паде ему|на нозѣ гла прости оче согрѣ|шенїя моя лютая. талионъ|же вѣдвїже его и гла ему почто|прїде члче ѿкуда еси и камо|грядеши. ѡвѣща ему отрокъ|здѣ прїде ко твоєи стѣни,|еже бы простилъ согрѣшенїа|моя лютая и зѣло тяжкая. ||94об.|| блаженным талионъ рече ему|нѣсмь азъ помощелъ ни ра|зрѣшителъ твоимъ согрѣше|нїемъ, но токмо о своемъ согрѣ|шенїи долже̄ пещися. но азъ повѣмъ ти члка|также во црѣ градѣ нага ходя|ща хрѣта ради блаженнаго ан|дрѣя оуродиваго. еже тон по|можетъ ти и избавитъ тѣ ѿ|грѣховъ. и нача вталионъ|наказывати его многоуми|льными словесы сице. чадо иди|ко црю градъ° да аще тѣ вѣстрѣ|титъ во градныхъ вратѣхъ.|и оучнетъ тѣ ранами оучаща|ти ° также по тридевятью по трижды|кратью на день. тако творѣ|по три дни ° оудрѣчаѣ тѣло|твоє ранами. а в третїи днѣ|оубїетъ тѣ оучаща ранами ||95|| даже и до послѣдѣаго изды|ханїа. а ты чадо не мogn|ему ѿвѣта дати и тѣ дни|неѿступно за нимъ ходи|а в четвертын днѣ нощи|что повелитъ тебѣ и тѣ|ко твори ему° и по глагола|нїю старца талиона поиде|отрокъ в пѣть свои радѣ|са° и егда приходащъ ему|ко црю градъ° и вниде во врата,|и стрѣте его блженным ан|дрен и рече ему° ѿ злыи и скверныи рабе также оубинца сын°|почто прїде сѣмо оубити|хотѣ или осквернити скверными своими дѣлы градъ|сен° и посмрадити мѣсто|сїе стое° отрокъ же не ѿвѣ|ща ему ничтоже° блженным же ||95 об.|| андрен с̄ паростїю нача бити|его жезломъ° и даде ему три|деветъ ранъ. и поиде° и отро|къ неѿступно послѣдѣа|ему потомъ такоже би|аше его и столко же ранъ|дааше а отрокъ послѣдо|ваше тако же и в третїи днѣ|сотвори ему тридева|ранъ° отрокъ же не оужлонно|шестѣа по немъ° не токмо|днемъ но и нощїю приспѣвѣ|шъ же дрѣгомъ дни° и во вто|рыи день такоже вивѣ его|блженным трнкраты° тако|же и в третїи днѣ нанпаче|бивѣ его° даже и до послѣ|дѣаго издыханїа ѿстави|его еле жива° отрокъ же|не могущъ двїгнѣтисѣ ѿ ве

||96|| ѿ велики^х ранъ и болѣзни^о но|зжааѣса ѡ немъ англа^х хра|нитель его^о
 помолиса ѡ немъ|бѣ^х и коснуса тѣлеси его^о и|огради егѡ крѣтнымъ
 зна|менїемъ и въ томъ часѣ изва|вленъ бысть ѿ оу^нщєныхъ|ранъ и ѿ
 великѣа болѣзни^о и|не чюаше на тѣле своего единого оуда|ренїа. и течаше
 вослѣдъ стѣ|го андрѣа^о и приспѣвши но|щи^о и прїиде ко храмѣ прѣстѣ|и
 бѣ^дцы таже есть халкопратїи|и тѣ помолиса стѣын андрен.|и ѡверзостася
 врата цр^ко|вѣнаи и вѣиде стѣын и помо|лися бѣ^х мнѣ же стоащ^х оу^н вратъ і
 изыде стѣын изъ це|ркве и помолиса и двери|цр^ковныа затворишася^о ||96
 об.|| и рече ко мнѣ нди за мною о|долѣлъ бо еси сѹпостаты|своа^о и
 попрѣ^а еси враги своа.|сїце оубо да покажѹ ти таже вса|бывшаа твоа
 родителн.|таже лиши безвременно живо|та нхъ^о и въ томъ
 получиши|прощенїе ѿ нихъ и разрѣше|нїе и освобожденїе прегрѣше|нїи^о и
 пондевъ во храмѣ гдѣ|нашего їса хр^та бга^а вседе|ржитела^о и помолиса
 стѣын^о |емѹже ѡсобныа двери са|ми ѿверзошася^о и внидоша|внѹтръ
 особными дверми^о |и во цр^кви сами свѣщи ѣже|гостася тогда бысть
 трѣ|съ страшенъ велии аки|громъ^о и по трѣсѣ постави|шася прѣ^толи^о и
 сниде самъ ||97|| гдѣ бѣ^х с высоты и сѣде на|прѣ^толѣ страшнѣ и чюднѣ.
 и|тѹ предѣстояше прѣстѣя бѣ^дце|и прѣ^тча іваннѣ и аплн и прѣ^тцы.|и кїждѡ
 ликъ предѣстояще прѣ|подобныхъ и праведныхъ патрїар^х и стлєн и мч^нчєскїи
 ликъ и про|чая вся стѣя. и прїиде и рече|андрен ко ш^троку. услыша гѣ|бѣ^х
 англа хранителя твоего,|таже ѡ дшїи твоеи молаша|са бг^{ов}и^о молитвами
 его|прозриши и оузриши родителєн|своихъ^о и рече отрокъ стѣомѣ|андрею^о
 ѿ сего часа виждѣ г(с)да|бга на прѣ^толѣ сѣдаща^о и прѣ|чтѣ^бю его мтр^ь^о и
 прѣ^трка и прѣ|дотечѣ ноанна и аптлы и прѣ^тки и стлн и прѣ^тныа и правє|дныа
 и всѣ^х стѣ^х^о и рече емѹ ||97 об.|| стѣын андрен что еще види|ши ѿвѣща
 отрокъ виждѣ|родителєн своихъ ѿца и мтр^ь.|нихъже оуби^х бѣ^дма^о и
 на^д гла|вами нхъ держажѹ англн бжїи|вѣнцы^о. Гла емѹ андрен нди|и падн
 прѣ^д ними^о и проси оу^н нх^и|прощенїа согрѣшенїемъ сво|имъ^о и тако по глѣ^х
 стѣаго андрѣ^а^о прїиде отрокъ и пристѣпи|к родителємъ и припаде к

но|гама нхъ гла̄ • Господіе мон|родителіе • простите ма̄ ё лю|томъ
согрѣшеніи • еже жены|своеа посласѣа̄ • а васъ за ѣ|смерти предадохъ • и ни
же со|гнѣво̄ ѿвѣщаша к немѹ • |не можемъ простити тебѣ. |понеже злѣ
лиши живота|нашего ꙗже оуби насъ • ||98|| стѣи же андрей видѣ
премлтѣ|ваго бѣа на прѣтлѣ сѣдаща • |родителем же пришедшимъ|и
поклонившимсѧ гдѹ бгѹ|падше ницѣ и востаста пре|д нимъ • и рече имъ
всемлти|выи гдѣ їсѣ хрѣтосѣ азъ оубо|право глаю вамъ • подобаетъ|оубо
простити вамъ чадо|свое • аще не оубилъ бы васъ|единочадын снѣ вашъ и
вы|вы не были причастницы мо|емѹ стадохъ и црѣвю наследни|цы • и
мученическомѹ ликѹ|не причтени были • и вѣнцен|пресвѣтлыхъ не
сподоблени|быхѹ • И по глѹ гню рекоша|родителіе к снѹ своему • гѣ
бгѣ|проститъ та чадо ё нынѣшне̄ вѣщѣ и ё будущемъ • и тогда ||98 об.||
возложиша англі гни на главы нхъ|вѣнцы • и ё тон часъ невиди|ми быша
вси. токмо шта|сѧ штрокъ со блженны̄ андрей андрей же рече
отрокѹ|ниѣ оубо отроча гдѣ бгѣ про|стилъ грѣхи твои и роди|тели твои
ѿпѹстиша те|бѣ еже к нимъ оубиство (!)|сотвори • і ниѣ аще
желаеш|наследникъ быти црѣвю и|ты встанися мира сего сѣт|наго и
вся ꙗже ё мирѣ женѹ|и имѣніе и вся ꙗже имаши и|шелецысѧ во шбразъ
иноческїи|и превѹди во благихъ дѣлѣхъ|и ё заповѣдехъ гнӣ. и вся бла|гая
полчиши. и наказанъ бы|отрокъ довольно душеполезными|словесы и отрокъ
по завѣщанію ||99|| его тако сотвори иде ё пѣ|стыню, и пострижесѧ и бы|сть
мнихъ изрѣденъ во всѣ̄ добрыхъ дѣлѣхъ пребывав|и ё заповѣдехъ
преспѣвав|и всѧ благаа содѣвав во|всѧ дни живота своего|хвалѹ и
благодареніе вѣсы|лаа гѹ бгѹ и стѹмѹ правѣ|дномѹ андрей со ѿцѣмъ и|со
стѣимъ дхѹмъ и ниѣ и|прно и во вѣки вѣкомъ|аминь;

Литература

Бубнов 1984 — Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 7. Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л., 1984.

- Власова 2000 — *Власова М. Н.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 2000.
- Лопарев 1893 — *Лопарев Х.* Описание рукописей Императорского общества любителей древней письменности. Ч. 2. СПб., 1893.
- Молдован 2000 — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Николова 1980 — *Николова С.* Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1— М., 1975—.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— СПб., 1965—.
- Delehaye 1934 — *Delehaye H.* Un groupe de récits “utiles à l’âme” // *Mélanges Bidez*. Vol. I. Bruxelles, 1934. P. 262—266.
- Dorn 1967 — *Dorn E.* Der sündige Heilige in der Legende des Mittelalters. München, 1967.
- Halkin 1984 — *Halkin F.* Novum auctarium Bibliothecae hagiographicae Graecae. Bruxelles, 1984.
- Halkin 1988 — *Halkin F., ed.* Un diacre reconcilié avec son ami défunt (BHG 1322d) // *Rivista de studi Bizantini e Neoellenici*: n. s. Vol. 25, 1988. P. 197—202.
- Heawood 1950 — *Heawood E.* Watermarks, Mainly of the Seventeenth and Eighteenth Centuries, Paper Publications Society, Hilversum, 1950.
- Ivanov 1998 — *Ivanov S. A.* From «Secret Servants of God» to «Fools for Christ’s Sake» in Byzantine Hagiography // *Византийский временник*. Т. 55 (80), 1998. С. 188—194.
- Mussafia 1896 — *Mussafia A.* Über die von Gautier de Coincy benutzten Quellen // *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe*. Bd. 44. 1896.
- The Life 1995 — *The Life of St. Andrew the Fool* / Ed. by L. Ryden. Vol. II. Uppsala, 1995.
- Wortley 2001 — *Wortley J.* Death, Judgment, Heaven, and Hell in Byzantine «Beneficial Tales» // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 55. 2001. P. 53—69.

ЗАМЕТКИ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ИМЕНАХ И ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

Институт славяноведения РАН, Москва

Как кажется, само по себе утверждение о том, что в XIV—XVI вв. на Руси у человека могло быть не одно христианское имя, не вызывает особого возражения у исследователей. Тем не менее большинство проблем, связанных с культурным статусом этих имен, долгое время оставались неразрешенными, причем значительная часть из них не была даже сколько-нибудь эксплицитно сформулирована.

У нас не было ответов на самые простые и очевидные вопросы. У каждого ли человека бывало не по одному христианскому имени? Когда появляется такая многоименность — во времена московских великих князей или гораздо ранее?

Между тем оказывается, что исследование, позволяющее разрешить такие вопросы, невозможно провести, не затрагивая других, казалось бы, более сложных, проблем. Каково было распределение функций между несколькими именами одного лица? Чем руководствовались, выбирая новорожденному каждое из его имен, и почему в дальнейшем во всякой конкретной ситуации использовали именно то, а не иное имя христианина?

Разумеется, нельзя упустить из виду и того обстоятельства, что в средневековой Руси акт имянаречения был теснейшим образом связан с актом крещения, и при этом, насколько мы можем судить по всей совокупности дошедших до нас данных, крестильное имя могло быть только одно. Следовательно, обращаясь к христианской многоименности, мы неизбежно должны говорить о месте крестильного имени человека по отношению к остальным его именам.

Круг тем, связанных с христианской многоименностью в средневековой Руси, далеко не исчерпывается поставленными здесь вопросами. Достаточно упомянуть, например, что в собственно антропонимической перспективе да-

леко не всегда понятно, каким образом — применительно к древнерусским источникам — следует проводить границу между именем и не-именем, что включать в круг личных именовании того или иного лица.

Авторы данной статьи попытались в своих исследованиях выявить некоторые закономерности бытования христианской двуименности на Руси, используя в качестве материала именослов династии Рюриковичей¹. Такой выбор исследовательского объекта имеет свои преимущества и недостатки, к числу последних может быть отнесено то обстоятельство, что имянаречение князей обладало довольно выраженной спецификой, и мы не всегда можем распространить полученные при его изучении результаты на все антропонимическое пространство русского средневековья. С другой стороны, именно княжеские имена служат наиболее точным индикатором многих культурно-исторических процессов, изучение которых выходит далеко за рамки собственно ономастики.

В настоящей работе мы хотели бы, не останавливаясь подробно на общих принципах выбора имен у русских князей², предложить вниманию читателей разбор нескольких примеров христианской многоименности из династического обихода Рюриковичей. Эти примеры, заведомо неоднозначные и трудные для интерпретации, позволяют, на наш взгляд, увидеть, насколько тесно выбор христианских имен для князя переплетается с самыми неожиданными сторонами религиозной и обиходной жизни средневековья.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению более сложных сюжетов, упомянем хотя бы несколько случаев, в которых христианская многоименность князей воплощается ясно и отчетливо. Действительно, в источниках, описывающих жизнь династии Рюриковичей в XIV—XVI вв., мы обнаруживаем немало свидетельств, когда князь называется не только своим основным, широко известным династическим именем (таким как *Василий*, *Иоанн* или *Дмитрий*), но и другими, так сказать, дополнительными христианскими именами. Например, князь Дмитрий Константинович Суздальский (Старший) имел к концу жизни три христианских имени: «...преставися во иноческомъ чину князь велики Дмитрей Констянтиновичъ ⟨...⟩ бѣ же ему во святомъ крещеніи имя Фома, а иноческое Феодоръ»³. Ивана III звали *Тимофеем*⁴, а у

¹ См.: [Литвина, Успенский 2002; 2003а; 2003б; 2004а; 2004б].

² Принципы выбора имени у Рюриковичей рассматриваются нами в монографии: [Литвина, Успенский 2006]. Краткое изложение нашего взгляда на эти принципы имянаречения см. в: [Литвина, Успенский 2003а].

³ См.: [ПСРЛ. Т. XI. С. 83 под 1383 г.].

⁴ Ср. «Въ лѣто 6948. Родися великому князю сынъ Иванъ, генваря 22 ⟨память апостола Тимофея. — А. Л., Ф. У.⟩. О семь же прорече старецъ святой, именемъ Михайль, въ Великомъ Новѣградѣ, въ монастыри на Веряжѣ; пришеду къ нему архіепис-

его сына, Василия III, было имя *Гавриил*: «Того ж(е) лѣта родися великому кн(я)зю с(ы)нѣ Гаврило м(е)с(я)ца марта 26, и нарекоша имя ему Василиеи»⁵.

Подчеркнем, что речь в данном случае идет не только о тех новых христианских именах, которые князья получали, принимая постриг, но, в первую очередь, о таких именованьях, которые сопровождали их всю жизнь, от рождения до смерти.

Зачастую же выявление фактов подобной христианской двуименности у Рюриковичей требует определенных исследовательских усилий — свидетельства, говорящие о существовании такой двуименности, довольно многочисленны, однако они, так сказать, рассеяны в материале, причем речь должна

копу Еуоимію, онъ же рече владыцѣ: “днесь, отче, у великого князя на Москвѣ радость”; владыка рече: “коа, отче, радость?” старецъ рече: “родися великому князю сынъ Тимофѣй, а дали имя ему Іоанъ, и будетъ наслѣдникъ отцу своему, и разорити имать обычаи наша земли Новгородскіа, погибель граду нашему будетъ, и многимъ землямъ страшень будетъ”» [ПСРЛ. Т. VIII. С. 108 под 1440 г.]. Ср. в связи с этим свидетельство Никоновской летописи, где указывается, что Иван III родился на память апостола Тимофея, но *Тимофеем* он напрямую не назван [ПСРЛ. Т. XII. С. 39—40]. В Русском хронографе (Хронограф редакции 1512 г.) оба имени Ивана III появляются в связи с упоминанием о его кончине: «Преставися благовѣрный и христоробивый великій князь Иван Васильевич всеа Русіи, рекомый Тимоѣей...» [ПСРЛ. Т. XXII. Вып. 1. С. 536]. Отметим попутно, что в указателе к данному тому имя Ивана III *Тимофей* ошибочно указывается на с. 550 как монашеское имя князя.

⁵ См.: [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI: 2. С. 582]. В Никоновской и в Софийской летописях сказано, что имя *Василий* он получил при рождении: «Мѣсяца Марта въ 25, въ 8 часъ нощи, противу дни собора Архангела Гавриила, родися великому князю Ивану Васильевичю сынъ отъ царевны Сооіи и наречень бысть Василей Парійский. Крещень же бысть у Троици въ Сергіеве монастыри, а крестиль его архіепископъ Ростовскій Васіанъ да игумень Паисей Троецский, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтную» (см.: [ПСРЛ. Т. XII. С. 190]; ср.: [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 287; Т. XXI. Вып. 2. С. 582]). По другому списку Василий III оказывается наречен своеобразным «сдвоенным» именем: «родися благонадежный великому князю Ивану Васильевичю сынъ отъ царевны Сооіи и наречень бысть Василей Гавриль, въ лѣто 6987, мѣсяца Марта 25, въ самый праздникъ Благовещенія пресвятыя Богородица, въ 8 часъ нощи. Крещень же бысть у Троицы въ Сергіевѣ монастыри, а крестиль его архіепископъ Ростовскій Васіанъ да игумень Паисѣй Троецский, Априля въ 4, въ недѣлю Цвѣтоносную, у чудотворивыхъ мощей преподобнаго чудотворца Сергіа...» [ПСРЛ. Т. XII. С. 191]. В «Повести о втором браке Василия III» процедура имянаречения Василия III описывается так: «...великим государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русіи, нарицаемым по осмодневному обрезанию Гавриилом Тимофеевичем (напомним, что его отец Иван III носил дополнительное имя *Тимофей*. — А. Л., Ф. У.)» (см.: [Бодянский 1847: 1]).

Перед смертью Василий III, как известно, принял постриг под именем *Варлаам* [ПСРЛ. Т. VIII. С. 285; Т. XXI: 2. С. 614—615; Т. XXII: 1. С. 538; Кормовая книга: 74].

идти не только о материале письменных источников, но и о церковном строительстве и иконописании.

Как кажется, подобная «неуловимость» дополнительных христианских имен князя связана с самим характером их функционирования и их особым статусом — имена эти носили принципиально непубличный характер, а сам феномен двуименности не принадлежал к числу явным образом декларируемых явлений. Вторые христианские имена не имели отношения к идее легитимности власти, преемственности властных привилегий. Они не были родовыми в том смысле, что в роду они не передавались по наследству, не были предназначены для широкой аудитории, для внешнего мира. При этом такие имена оставались важнейшей принадлежностью внутрисемейного, внутриродового обихода династии. Религиозная жизнь правящего рода едва ли может быть понята без внимательного исследования дополнительных христианских имен.

Дело осложняется еще и тем, что у каждого князя могло быть множество святых покровителей, чьи имена им особенно выделялись. В такой роли могли выступать, в частности, не только святые тезки его отца, деда, прадеда, но и общеродовые покровители, имена которых князья не давали детям в качестве династических, хотя продолжали чтить их из поколения в поколение, или святые, почитаемые всем православным миром и почему-либо особенно любимые данным князем, или, наконец, те святые, с днями памяти которых были связаны какие-то знаменательные события в жизни той или иной княжеской семьи.

Всякий конкретный факт церковного строительства, заказа икон, княжеского паломничества мог иметь множество различных причин и оснований. Далеко не всегда речь идет именно о почитании святого тезки князя, хотя все-таки большинство Рюриковичей, о которых мы располагаем сколько-нибудь подробной информацией, оставили какие-либо свидетельства такого почитания своих тезок по официальному династическому имени. Что же касается культа «неофициальных» патронов князя, тех святых, чьи имена он мог носить в качестве дополнительных, то и здесь в нашем распоряжении есть определенное количество выразительных свидетельств, безусловно говорящих о почитании князьями и этих своих святых тезок.

Вероятнее всего, каждый князь и каждая княгиня в роду Рюриковичей в XV—XVI вв. чтит своих неофициальных святых тезок. Трудность для исследователя заключается в том, что внутри обширной и разработанной практики почитания святых зачастую невозможно определить, кто именно из этих чтимых князем святых был его тезкой по дополнительному, второму христианскому имени. Разумеется, весьма существенно, что эти дополнительные имена были тесно связаны с календарной датой появления правителя на свет. Тот

святой, на память (или канун памяти) которого приходился день рождения княжича, по-видимому, всегда становился его покровителем. Однако всегда ли имя этого святого становилось одним из имен нового члена княжеского рода? Как кажется, мы не располагаем достаточным количеством данных для положительного ответа на этот вопрос.

Иными словами, если мы знаем, что князь по имени *Иоанн* родился на день памяти апостола Тимофея и построил церковный придел во имя этого святого, наверняка мы можем утверждать лишь, что апостол Тимофей был его личным небесным покровителем. Для того же, чтобы говорить с полной уверенностью, что у этого князя было дополнительное личное имя *Тимофей*, необходим хотя бы один адекватный письменный источник, где он напрямую *Тимофеем* назван.

Итак, следует, как кажется, разделять княжескую христианскую двуименность как таковую и практику наделения князя несколькими святыми покровителями, хотя два эти явления теснейшим образом связаны между собою и, так сказать, «перетекают» друг в друга. Речь идет, тем самым, не о проведении четкой границы между наличием у князя нескольких христианских имен и нескольких святых покровителей, а о четкой иерархизации, по принципу большей или меньшей надежности, наших сведений об этом предмете.

Обратимся к рассмотрению одного из очень интересных и при этом весьма сложных для интерпретации случаев из, так сказать, классической эпохи христианской двуименности (конец XV — XVI в.). По счастливому стечению обстоятельств нам известно довольно многое об именах и патрональных святых в семье одного из младших сыновей Василия Темного — Бориса Васильевича Волоцкого. Относительно его официального небесного покровителя не может быть, как кажется, никаких сомнений: им мог стать только князь-мученик Борис-Роман Владимирович, единственный широко почитаемый на Руси святой с таким именем⁶.

Столь же хорошо известны и публичные патроны его сыновей, Ивана и Федора. Здесь данные различного типа источников удачным образом подкрепляют друг друга. Так, патрональным святым Федора Борисовича, вне всякого сомнения, был св. Федор Стратилат (память празднуется 8 февраля и 8 июня), о чем свидетельствует, например, духовная князя, где мы обнаруживаем следующую фразу: «А к Федору кь Стратилату, кь ангылу к моему, на городе даю пошлину на Волоце полавочное»⁷. Кроме того, в описи Иосифо-

⁶ Во Вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря указываются две даты монастырских кормлений по князю — 26 мая (день кончины) и 24 июля (память свв. Бориса и Глеба). См.: [Синодик 2004: 157. Л. 67 об. — 68].

⁷ См.: [ДДГ: 408, № 98].

Волоколамского монастыря, где был погребен Федор Борисович, упоминается надгробная икона, где изображен «Еѡдор стратилат да сїс в ѡблаце а за стратилатом княз Еѡдор Борисович писмо ноугородцево»⁸.

Аналогичная информация есть у нас и о его брате, Иване Борисовиче. В его духовной говорится: «Да в Рузе ж к Ивану Богуслову, ангиилу своему, дал есми, по матери свои и по себѣ...»⁹, а в описи Иосифо-Волоколамского монастыря, где был погребен и этот князь, упоминается надгробная икона, где изображен «иван бгослов да сїс в ѡблаце а за богословом на тои ж иконе княз иван борисович писмо паисеино»¹⁰.

Отметим, что во Вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря относительно князя Ивана указываются еще и две точные даты монастырских кормлений — 28 ноября (день кончины) и 8 мая (память Иоанна Богослова)¹¹.

Однако при такой полноте сведений о династических именах и официальных небесных покровителях мужчин в этой княжеской семье нам ничего не известно об их дополнительных христианских именах и о святых, которых хотя бы с большой долей гипотетичности можно было бы назвать их небесными тезками по таким дополнительным, неофициальным именам. Несклько иначе обстоит дело с женой Бориса Васильевича и матерью Федора и Ивана, княгиней Ульянией.

По рождению она принадлежала к ветви холмских Рюриковичей, будучи дочерью князя Михаила Дмитриевича. В последней трети XV в. матримониальные связи этой ветви рода с московским великокняжеским домом можно считать довольно интенсивными. Так, за кузена Ульянии Михайловны, Василия Даниловича, была отдана в 1500 г. дочь Ивана III (племянница Бориса Волоцкого), Феодосия.

Брак самой Ульянии с князем Борисом Волоцким был заключен 9 мая 1471 г.¹² Вполне естественно, что в связи со свадьбой должен был актуализироваться, как бы «перебираться», перечисляться заново весь круг святых покровителей жениха и невесты. Т. В. Николаева высказала предположение, что одна из икон, обнаруженных в церкви Покрова Богоматери в Волоколамске,

⁸ См.: [Георгиевский 1911: 3 (прил.)]; ср.: [Сорокатый 1977: 412; Меньяло 1991: 16—19].

Во Вкладной Книге Иосифо-Волоколамского монастыря указывается только одна дата монастырских кормлений по князю Федору — 3 мая (судя по всему, день его кончины). См.: [Синодик 2004: 158. Л. 68 об.].

⁹ См.: [ДДГ: 353. № 88].

¹⁰ См.: [Георгиевский 1911: 3 (прил.)]; ср.: [Сорокатый 1977: 412; Меньяло 1991: 16—19].

¹¹ См.: [Синодик 2004: 157. Л. 68—68 об.].

¹² См., например: [ПСРЛ. Т. XXIII. С. 159]; ср.: [ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 169].

была своего рода свадебным подарком невесте¹³. Что же это за икона и какое отношение она может иметь к дополнительному христианскому имени княгини Ульянии?

На иконе изображена великомученица Варвара. Не исключено, что именно благодаря появлению в Волоколамске этой иконы была построена и церковь св. Варвары, а Покровский монастырь, где она находилась, на некоторое время стал именоваться Варваринским¹⁴. Иными словами, в Волоцком княжестве в течение некоторого времени явно существовал культ великомученицы Варвары, что было бы вполне естественно, если бы эта святая была покровительницей жены Бориса Волоцкого.

Такое допущение Т. В. Николаевой оказывается еще более правдоподобным, если принять во внимание, что память великомученицы Варвары приходится на ту же дату (4 декабря), что и празднование памяти одной из свв. Иулианий — Иулиании Илиопольской. При таком совпадении дат естественно предположить, что княгиня Ульяния Михайловна родилась непосредственно 4 декабря (или в день, связанный с этой датой по одной из систем календарных расчетов)¹⁵ и получила имя *Иулиания*, более традиционное для Рюриковичей¹⁶, в качестве основного, династического, а имя *Варвара* — в качестве христианского дополнительного.

Однако существует обстоятельство, препятствующее такой реконструкции. Дело в том, что во Вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря, с которым все семейство волоцких князей было связано теснейшим образом, содержится следующая запись: «А по княинѣ по Ульянѣи быти корму на память ея ноямбрия въ 4, а другому корму быти марта въ 4. А дала на то княини Ульяния по князи Борисѣ Васильевичѣ, и по себѣ, и по своем отци князи Михаилѣ, и по своей матери княини Еуламыѣи манастырю Пречистые село Успенское з деревнями»¹⁷.

¹³ См.: [Николаева 1970: 382—384].

¹⁴ См.: [Николаева 1970: 381—382].

¹⁵ См.: [Литвина, Успенский 2006: 204—208].

¹⁶ Имя *Ульяния* носили, например, дочь Александра Михайловича Тверского, вышедшая замуж за Ольгерда, дочь Андрея Большого, внучка московского великого князя Василия Темного и, соответственно, племянница нашего Бориса Волоцкого. Так звали жен Ивана Калиты, Василия Владимировича Серпуховского, Семена Мстиславича Вяземского и Юрия Васильевича, брата Ивана Грозного. Судя по всему, это имя носила уже в XIII в. и одна из дочерей Ярослава Всеволодича, сестра Александра Невского (ср.: [Карамзин 1892. Т. IV: 10, примеч. 38; Экземплярский. Т. I: 18, примеч. 42, 19—20, примеч. 43]). Возможно, так звали и дочь Святослава Ивановича Смоленского, жившую в середине XIV в.

¹⁷ См.: [Синодик 2004: 157. Л. 68].

Известно, что княгиня Ульяния умерла в ноябре 1504 г., так что одна из дат поминовения, 4 ноября, явно связана с датой ее кончины. Что же касается другой даты, 4 марта, то это не что иное, как память святых мучеников Павла и сестры его Иулиании, т. е. еще одной соименной княгине святой. Если вспомнить, что в поминальных записях Бориса Волоцкого и его сына от Ульянии, Ивана Борисовича, в качестве поминальных дат приводятся наряду с днем кончины и дни их патрональных святых (свв. Борис и Глеб, Иоанн Богослов), естественно думать, что и с поминовением княгини Иулиании происходило то же самое. Иными словами, ее небесной покровительницей, судя по этим данным, была Иулиания, сестра Павла, а вовсе не та Иулиания Илиопольская, которая была агиографически и «календарно» связана с великомученицей Варварой.

Должны ли мы из-за этого расхождения в датах полностью отвергнуть патронат св. Варвары по отношению к волоцкой княгине? Как кажется, этого делать не следует. Образы и имена свв. Варвары и Иулиании, по-видимому, довольно устойчиво воспринимались как парные в русской традиции. Известны иконы с изображениями обеих этих святых¹⁸. Их совместное почитание отражалось и в храмовом строительстве. В качестве наиболее яркого примера подобного рода можно упомянуть об алтаре, посвященном св. Иулиании, в соборной церкви новгородского Варваринского монастыря¹⁹.

Разумеется, подобное совместное почитание было задано агиографической традицией, связанной с Иулианией Илиопольской, той, которая пострадала вместе с великомученицей Варварой в начале IV в. Однако весьма вероятно, что в сложной, многообразной системе почитания святых, которая сложилась на Руси к концу XV в., образы всех свв. Иулианий так или иначе соотносились с великомученицей Варварой, и холмская княжна могла с рождения или с определенного времени числить св. Варвару одной из своих покровительниц.

Что же касается наличия у Ульянии Михайловны имени *Варвара*, то здесь у нас, кажется, нет оснований для сколько-нибудь уверенной реконструкции. Наречение дополнительным христианским именем в эту эпоху требовало скорее четкого соотнесения по календарю даты появления младенца на свет и дня памяти определенного святого. Запись же из Вкладной книги Иосифо-Волоколамского монастыря как будто бы не позволяет утверждать, что дата рождения Ульянии Михайловны была как-то связана с днем празднования свв. Иулиании и Варвары Илиопольских (4 декабря)²⁰. Мы знаем,

¹⁸ См.: [Антонова, Мневa 1963: № 147; Николаева 1970: 382, примеч. 63].

¹⁹ См.: [Янин 2004: 174].

²⁰ Любопытно, что все три даты — возможная дата кончины Ульянии Михайловны, день памяти свв. Иулиании и Варвары Илиопольских и день памяти св. Иулиа-

что в мужском княжеском имянаречении «аналитическая» тенденция к строгому разграничению святых тезок, по-видимому, преобладала в это время над «синтетической» тенденцией их совместного почитания²¹. Нельзя забывать, однако, что о выборе дополнительных христианских имен для женщин из рода Рюриковичей мы знаем куда меньше. По тем сведениям, которые у нас есть, можно заключить, что во многих своих чертах он разительно напоминал мужской, но при этом не был полностью ему тождествен. Отчасти эта нетождественность определялась самим составом месяцеслова, где женских имен было ощутимо меньше, чем мужских. Не исключено, что парность тех или иных святых мучениц в иконографии обладала, на фоне их относительной малочисленности в месяцеслове, большей «иррадиирующей силой» и оказывала более заметное влияние на восприятие тех или иных женских имен в качестве устойчивой пары. Таким образом, любые сведения о почитании Рюриковичами кого-либо из таких парных святых приобретают для нас особую ценность.

Кроме того, в этом конкретном случае чем больше данных у нас будет о том, что св. Варвара и в самом деле особым образом почиталась Ульянией Михайловной, тем более допустимым окажется еще один, сугубо реконструктивный шаг, связанный с именами этой княгини. Насколько мы можем судить по источникам, в эту эпоху практика принятия пострига перед смертью в роду Рюриковичей была делом довольно распространенным. Коль скоро речь шла о князе, обладавшем существенной властью, вопрос о принятии им иноческого сана в тяжелой болезни мог служить предметом спора между ним и его окружением (как это было в случае с Иваном III, Василием III и, возможно, Иваном Грозным). Когда же речь шла о княгинях, тем более вдовствующих, каковой и была Ульяния Михайловна после смерти мужа в 1494 г., то их пострижение перед кончиной не должно было встречать никаких препятствий, чему есть множество примеров в династии Рюриковичей. Впрочем, и при таком изобилии образцов мы все же не имеем права утверждать, что каждая овдовевшая княгиня перед смертью постригалась непременно.

Если все-таки допустить, что Ульяния Михайловна именно так и поступила, то остается некоторая вероятность, что она при постриге, не переменяя имени, сменила патрональную святую, что вполне возможно в православной традиции. В таком случае по рождению она могла бы быть связана со

нии, сестры Павла, — рознятся лишь названием месяца, но это всюду 4 число (ноября, декабря и марта, соответственно). При таком совпадении чисел можно было бы допустить какую-то ошибку в названии месяца и некоторую путаницу в праздниках, присутствующую в источнике. Однако для того, чтобы настаивать на такой версии, у нас все же нет твердых оснований.

²¹ См.: [Литвина, Успенский 2002: 66—70; 2004а; 2006, гл. IV, V, VI: 111—238].

св. Иулианией Илиопольской, а в монашестве — со св. Иулианией, сестрой Павла, и именно память ее новой покровительницы закономерным образом отразилась во Вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря. Это утверждение, однако, остается на данный момент совершенно умозрительным.

* * *

Для истории христианской двуименности у Рюриковичей эпоха, о которой речь шла выше, а именно вторая половина XV — XVI в., несомненно представляет собой период «пышного» и весьма многообразного расцвета. Сложный, многоступенчатый культ целого сонма святых, так или иначе связанных с княжеским домом, особый вкус и пристальное внимание к связи каждого события с кругом дат месяцеслова, выпитывание, синтез сразу нескольких традиций, сложившихся в имянаречении православного мира, превращают каждый акт выбора имени в княжеской семье в событие исключительной сложности, порой поддающееся однозначной исследовательской дешифровке, а иногда оставляющее лишь пространство для трудно верифицируемых догадок. Разумеется, не в последнюю очередь наши возможности определяются характером и степенью подробности свидетельств, дошедших до нас о той или иной ситуации имянаречения.

Если же мы пытаемся найти корни христианской двуименности, установить, когда почитание князьями нескольких личных патронов приводит к появлению у новых членов династии нескольких личных христианских имен, то нам придется обратиться ко второй половине XII — началу XIII в., т. е. ко времени, когда данные о каких бы то ни было христианских именах Рюриковичей в целом существенно более скудны. Некоторых князей указанного периода мы знаем только под языческими именами, а личные имена (будь то христианские или языческие) многих княжон и княгинь в дошедших до нас источниках не упоминаются вовсе, равно как и сами женские персонажи фигурируют в памятниках только как дочь или жена того или иного Рюрика.

Таким образом, перед исследователем возникает сложность двоякого характера. С одной стороны, сам факт существования христианской двуименности как культурного явления в ранних хронологических срезах (на рубеже XII—XIII вв.) далеко не бесспорен. С другой стороны, никакого изобилия данных, относящихся к домонгольскому времени, ожидать не приходится, даже если интересующая нас двуименность в эту эпоху в том или ином виде уже появляется, и ценными здесь оказываются любые, даже крайне фрагментарные и отрывочные, свидетельства.

Как мы могли убедиться на примере имянаречения в семье волоцких князей, одним из главных событий, оживляющих синхронные родовые связи и

заставляющих еще раз вспомнить родовую историю, был брак кого-либо из князей или княжон — так было у Рюриковичей поздних, и совершенно так же дело обстояло, по-видимому, у Рюриковичей домонгольской поры. Уже к середине XII в. в чрезвычайно разросшейся семье русских князей особую роль приобретают внутрдинастические браки, когда союз матримониальный, а зачастую и политический, заключался между двумя ветвями одного и того же рода.

В таких ситуациях предполагалось, по-видимому, особенно детализированное знание и пристальное внимание обеих сторон ко всем явлениям общей истории рода и частным особенностям той или иной княжеской семьи, обмен свадебными дарами, как и вся свадебная церемония в целом, подразумевал максимальную актуализацию этих знаний. Иконы естественным образом становились наглядным воплощением совместного — с момента сватовства — почитания личных патронов жениха и невесты. Так, говоря о XV в., мы упоминали об иконе, возможно подаренной князем Борисом Волоцким своей невесте.

Весьма любопытно, что этому событию 1471 г. находится, по-видимому, прямая аналогия в истории рода Рюриковичей XIII в. Речь идет об обстоятельствах свадьбы Александра Ярославича Невского и полоцкой княжны, дочери Брячислава. Аналогия подобного рода могла бы стать очень полезной для изучения женских христианских имен в династии. Дело в том, что в дошедших до нас летописях, где жена Александра Невского упоминается неоднократно, ее личное имя не приводится вовсе²². В историографии же относительно того, как звали эту дочь Брячислава, существуют две версии. Одна из них восходит, по-видимому, к сообщению В. Н. Татищева о том, что Александр Ярославич взял в жены «княжну Праскевию»²³, однако о том, каким источником пользовался историк, ничего определенного мы сказать не можем. Другая версия, согласно которой жену Александра Невского звали *Александрой*, изначально была предложена Н. М. Карамзиным. Он, в свою очередь, руководствовался надписью на надгробной плите, находившейся в Успенском женском монастыре во Владимире. В описании Н. М. Карамзина фигурируют три гроба, в частности гроб «Великия Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго»²⁴.

Необходимо отметить, что имя *Прасковья*, помимо интересующего нас случая, в династии Рюриковичей почти не встречается. В сущности, можно вспомнить лишь Прасковью Михайловну, одну из жен царевича Ивана Ива-

²² См., например: [ПСРЛ. Т. III. С. 77, 289; Т. IV. Ч. 1. С. 222 под 1238 г.; Т. VII. С. 144; Т. X. С. 114; Т. XV: Тверская летопись. Стб. 373; Т. XXIII. С. 76—77; Т. XXV. С. 130; Т. XLII. С. 115 под 1238 г.; Т. XLIII. С. 92].

²³ См.: [Татищев, Т. V: 25 под 1239 г.].

²⁴ См.: [Карамзин 1892, Т. IV: 35, примеч. 110].

новича, сына Грозного, которая не была, по-видимому, Рюриковной по рождению. Имя же *Александра*, не являясь особенно распространенным, все же вполне употребительно в роду Рюриковичей, оно встречается как в качестве крестильного, так и в качестве иноческого имени княгинь²⁵.

Казалось бы, на основании общих принципов выбора христианских родовых имен²⁶ скорее следует склониться к точке зрения, высказанной Н. М. Карамзиным, и считать, что жена Александра Невского звалась *Александрой*, тем более что такое утверждение подкреплено вполне конкретным свидетельством, хотя бы и поздним, и не слишком надежным²⁷.

Однако существует интересная исследовательская гипотеза, связывающая появление в 1239 г. знаменитой иконы Федоровской Богоматери со свадьбой князя Александра Невского, которая состоялась в том же году. На лицевой стороне этой иконы помещена композиция «Умиление», тогда как на оборотной — изображение Параскевы Пятницы в княжеских одеждах. Заметим, что такого рода облачение святой никак не связано с ее житием и с традиционным иконографическим каноном. Сама Параскева отнюдь не была царицей или княгиней. По-видимому, такая необычная атрибутика могла объясняться особым положением того лица, для которого икона писалась. Княжеские одежды как бы сближали святую с тем, кому она покровительствовала на земле, князем или княгиней. Примеры подобного рода сложного сближения, точнее, наложения образа князя и образа его покровителя в русской иконографической традиции известны²⁸. Вполне вероятно, такая трансляция кня-

²⁵ Так звали, например, жену Ивана Ивановича Красного, сына Ивана Калиты, и супругу Семена Дмитриевича Суздальского, жившего во второй половине XIV — самом начале XV в. Любопытно, что *Александрой* звалась и дочь Ольгерда и Ульяны Тверской, принадлежавшая по роду отца к Гедиминовичам, а по роду матери — к Рюриковичам. При постриге же это имя приняли, в частности, Ульяна Дмитриевна, жена Юрия Васильевича, брата Грозного, а также и жены двух сыновей Ивана Грозного, Евдокия Сабурова и Ирина Годунова. Кроме того, имя *Александра* в поздних новгородских источниках (XVII в.) приписывалось жене князя Владимира Ярославича, сына Ярослава Мудрого [Карпов 2001: 288, 507—508, примеч. 15], однако эти сведения кажутся совершенно недостоверными.

²⁶ О христианском родовом имени и принципах его выбора см.: [Литвина, Успенский 2006, гл. IV, V: 111—214].

²⁷ Ср.: [Экземплярский. Т. I: 39, примеч. 108].

²⁸ Можно привести несколько выразительных аналогий, имеющих отношение именно к иконографии великомучениц, имена которых носили русские княжны и княгини. Один из относительно ранних примеров подобного рода — это булла с греческой надписью «Святая Христина» и изображением женщины в короне и с нимбом. Эта печать, по всей вероятности, принадлежала жене Мстислава Великого, княгине Христине (см.: [Янин 1970. Т. 1: 33]). Для нас существенно, что великомученица

жеских атрибутов имела место и в этом случае: высказывалось предположение, что икона Богоматери Федоровской была написана по заказу Ярослава Всеволодича и принадлежала семье его сына, Александра Невского²⁹.

Немаловажно при этом, что во второй половине XII — первой половине XIII в. культ Параскевы Пятницы был характерен для новгородской земли, с которой так тесно был связан Александр Невский и где происходило его венчание и свадебные пиры: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгородѣ, поя в Полотъскѣ у Брячъслава дочь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашпо чини, а в Новѣгородѣ другую»³⁰.

Разумеется, такое предположение о патронате св. Параскевы как нельзя лучше соответствует замечанию В. Н. Татищева о том, что именем невесты Александра Невского было *Прасковья*. Как же может быть разрешено это противоречие?

Обратившись к месяцеслову, мы увидим, что в день празднования памяти Параскевы Пятницы (20 марта) отмечается и память мученицы Александры, одной из дев амисских³¹. Невольно напрашивается предположение, что полоцкая княжна появилась на свет именно в этот день и в определенном смысле была как *Прасковьей*, так и *Александрой*. При этом вероятнее, что в качестве публичного именованья использовалось имя *Александра*, в дальнейшем так или иначе закрепившееся у Рюриковичей. Что же касается Параскевы — святой, чей культ был изначально характерен для Новгорода, а постепенно чрезвычайно широко распространился и по всей Руси, — то имя ее так и не стало княжеским, и полоцкая княжна могла носить его в качестве непубличного, неофициального имени.

изображена в короне, атрибуте, явно связанном с княжеской властью. Не менее существенно, что в изображении св. Христины в Спасо-Нередицкой церкви также присутствуют атрибуты княжеского достоинства. Едва ли можно считать эту особенность иконографии святой результатом использования неверного лицевого подлинника, как полагает В. Л. Янин. Дело в том, что рядом с изображением св. Христины в церкви Спаса на Нередице помещены изображения еще двух мучениц в коронах — Ирины и Екатерины [Щербатова-Шевякова 2004: 194—195]. Св. Екатерина Александрийская (единственная святая с таким именем в православном месяцеслове), как и все свв. Христины, не была царицей. Среди же свв. Ирин есть одна византийская императрица, но она была прославлена лишь в XI в. и в русских месяцесловах домонгольской поры не упоминается. При этом все три святые — Ирина, Екатерина и Христина — являются тезками русских княжон и княгинь. В частности, *Ириной* звалась Ингигерд, жена Ярослава Мудрого, *Екатериной* — ее внучка, дочь Всеволода Ярославича, а *Христиной*, как уже упоминалось, — жена ее правнука, Мстислава Великого.

²⁹ См.: [Масленицын 1976; 1977].

³⁰ См.: [ПСРЛ. Т. III: С. 77].

³¹ См.: [Сергий. Т. II: 80].

Иными словами, весьма вероятно, что перед нами сюжет, по многим параметрам совпадающий с тем, что мы наблюдали в XV в., когда князь Борис Волоцкий дарит княжне Ульянии икону с изображением великомученицы Варвары³². Внешнее сходство ситуаций в данном случае достаточно явное, что заставляет допустить и сходство содержания, т. е. предположить, что княжна XIII в. носила имя *Александра*, но находилась и под особым покровительством св. Параскевы, подобно тому как ее отдаленная родственница в XV в., зовясь *Ульянией*, особо чтит св. Варвару. Однако можем ли мы утверждать, что жена Александра Невского непременно обладала двумя христианскими именами — *Александра* и *Прасковья*? Тот факт, что в календаре существует день, когда отмечается память свв. Александры и Параскевы одновременно, косвенным образом подталкивает нас к такому выводу.

В то же время, более поздний случай с Ульянией Михайловной заставляет нас соблюдать особую осторожность и не довольствоваться наличием иконы и совпадением дат как исчерпывающими аргументами. Коль скоро для XV в. обнаруживается независимый источник, монастырский помянник, связывающий имя княгини с другой святой Иулианией (к св. Варваре прямого отношения не имеющей), то приходится и для XIII в. проявить предельную осмотрительность при реконструкции.

* * *

Не вызывает сомнения, что память нескольких святых, приходящаяся на один день, в целом играла особую роль при формировании модели христианской двуименности у Рюриковичей. Зачатки, так сказать, «первые ростки» такой княжеской двуименности можно зафиксировать с той поры, когда дата появления княжича на свет начинает регулярно соотноситься в письменных памятниках с празднованием памяти определенного святого. Если речь идет о домонгольской Руси, то наиболее обильные сведения подобного рода представлены в летописных свидетельствах относительно детей князя Всеволода Большое Гнездо. С одним из его сыновей, а именно с тестем нашей Александры (?)—Прасковьи (?), отцом Александра Невского, связан особый сюжет, также позволяющий заподозрить некоторое соответствие между обычаями конца XII и середины XIV вв.

³² С точки зрения анализа тех, довольно причудливых, отношений, которые возникают между культом святых как таковым и традицией княжеского христианского имянаречения, весьма любопытна, например, псковская икона второй половины XIV в. «Трое избранных святых», где вместе изображены свв. Параскева, Варвара и Иулиания (см. о ней: [Реформатская 1968: 120—126]).

Начнем с летописного свидетельства, относящегося к XIV в., где речь идет о появлении на свет будущего знаменитого серпуховского князя, двоюродного брата Дмитрия Донского, Владимира Андреевича Храброго. В нескольких летописных текстах указывается точная дата его рождения — 15 июля 1353 г. На этот день, как известно, приходится память крестителя Руси Владимира-Василия Святого. В честь него, со всей очевидностью, и был наречен новорожденный княжич, получив мирское имя своего предка в качестве крестильного.

Не вызывает сомнений, что к середине XIV в. культ святого Владимира получил широкое распространение. Любопытно, однако, что в Рогожском летописце, единственном из известных нам текстов, связывающем указание о рождении Владимира Андреевича с празднованием памяти святых, это свидетельство выглядит следующим образом: «Того же лѣта мѣсяца иул[я] въ 15 день на память святую мученик[у] Кирика и Улиты князю Андрею Ивановичю родися сынъ и нареченъ бысть князь Володимеръ на сорочины отца своего князя Андрея, на третѣи недѣли по Петровѣ дни»³³.

Здесь, как мы видим, 15 июля опосредованно (и абсолютно точно) соотносится с празднованием памяти апостола Петра (29 июня) и непосредственно — с днем памяти Кирика и Иулиты, которая действительно отмечалась в этот день. Не упомянут только князь Владимир Святославич, святой тезоименитый новорожденному, хотя то обстоятельство, что кончина этого князя приходилась на 15 июля, никак не могло остаться неизвестным составителю Рогожского летописца³⁴. Более того, выбор имени для ребенка и то обстоятельство, что день его появления на свет строго совпадает с днем поминовения его патронального святого и прямого предка, казалось бы, должны побудить к особому выделению этого факта в летописи³⁵. Составитель Рогожско-

³³ См.: [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 62—63].

³⁴ Когда речь заходит о событиях домонгольской поры, то отсутствие упоминания Владимира Святославича в описании событий, произошедших 15 июля, обычно приписывается сравнительно позднему становлению культа св. Владимира (ср.: [Голубинский. Т. I: 391—392, 2-я половина тома]). Однако в тексте, повествующем о событиях XIV в., такого рода пропуск никак не может быть объяснен отсутствием культа св. Владимира как такового.

³⁵ Ср., например, летописное житие Александра Невского, где 15 июля напрямую связывается с Кириком, Иулитой и св. Владимиром, а победа князя в битве объясняется, в частности, помощью свв. Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича: «И прииде на ня в недѣлю на сборъ святых отецъ 600 и 30, иже в Халкидонѣ, на память святых мученикъ Кирика и Улиты и святого князя Владимира, крестившаго Рускую землю, и сице имѣя велику вѣру къ святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу» [ПСРЛ. Т. III. С. 292 под 1240 г.]. С другой стороны, можно упомянуть роспись в новгородской церкви Симеона Богоприимца (вторая половина XV в.), представляю-

го летописца, как и другие составители летописей, зачастую охотно отмечает такого рода совпадения³⁶.

Между тем, при всей внимательности к датировкам, ориентированным на месяцеслов, в летописях, повествующих о событиях XIV—XVI вв., возможен, как нетрудно убедиться, и иной подход к делу. Сообщение о том или ином событии, в частности о появлении на свет кого-либо из князей, может вовсе не содержать отсылки к месяцеслову, а может, как в интересующем нас случае, содержать лишь выборочную, заведомо неполную отсылку подобного рода. Для культурной традиции, ориентированной на месяцеслов, наречение *Владимиром* княжича, появившегося на свет именно 15 июля, имплицитно уже содержит напоминание о том, что 15 июля празднуется память крестителя Руси. В таком случае для церковной жизни княжича может быть важно, что св. Владимир, подходящий новорожденному и по родовым, и по календарным соображениям, становясь его главным небесным патроном, не является при этом его единственным покровителем³⁷. У него, как и у других князей, есть, так сказать, личные святые, с которыми он связан благодаря дню своего рождения, хотя этот день и совпадает с праздником его основного патронального святого-тезки.

Разумеется, такого рода летописные построения не были явлением регулярным и обязательным. У поздних Рюриковичей они могут служить лишь одним из достаточно косвенных и опосредованных свидетельств значимости дополнительных имен, дополнительных княжеских патронов. Любопытно, однако, что определенную аналогию таким построениям мы обнаруживаем и в летописном тексте, повествующем о событиях конца XII столетия, о появлении на свет Ярослава-Федора, сына Всеволода Большое Гнездо: «Родиса оу блговѣрнаго и х^олюбиваго княза Всеволода снѣ мѣца фебра^н въ ѿ днѣ на пам^а ста^г пррк^а Захарѣи и нарекоша и въ стѣмь крѣпни Феодоръ»³⁸.

В большинстве сохранившихся русских месяцесловов, как и вообще в месяцесловах Восточной церкви, непосредственно на 8 февраля приходится память св. Федора Стратилата, одного из наиболее традиционных покровите-

щую собой нечто вроде иконографического месяцеслова, где св. Владимир и отрок Кирик изображены в паре [Герасимов 1979: 263].

³⁶ Так, в предыдущей погодной статье отмечается, например, что Семен, сын Семена Ивановича Гордого, появился на свет «...на память святого отца Сімеона Богопріемца и Анны пророчици» [ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Стб. 61—62].

³⁷ Характерно, что в интересующем нас свидетельстве упомянуты Кирик, Иулита и косвенно апостол Петр. Иными словами, для составителя Рогожского летописца пристальное внимание к датам — это прежде всего пристальное внимание к всевозможным именам, с ними связанным.

³⁸ См.: [ПСРЛ. Т. I. Стб. 408].

лей княжеского рода, в честь которого, вероятно, и был наречен княжич. Почему же в летописи запись о его рождении называет лишь имя пророка Захарии Серповидца, чья память празднуется в тот же самый день?

Этот факт может иметь по крайней мере два объяснения. Не исключено, что в том месяцеслове, на который опирались при наречении сына Всеволода Большое Гнездо (или в том, что был доступен летописцу), имел место сбой в датах, вообще говоря, вполне возможный в русских месяцесловах той поры и особо отмеченный для февральского перечня памяти святых³⁹. Впрочем, как кажется, и при таком сбое близость дня рождения княжича ко дню памяти св. Федора Стратилата могла бы быть отмечена в летописи⁴⁰.

Возможно, однако, что никакого сбоя в датах в данном случае не было и пророк Захария был упомянут по другой причине. Если дата рождения княжича точно соответствовала дате празднования Федору Стратилату, то св. Федор, традиционный княжеский святой, естественным образом стал его официальным небесным патроном. Упоминание же имени еще одного святого, нетезоименитого княжичу, обусловлено стремлением указать дополнительного святого покровителя Ярослава-Федора Всеволодича, подобно тому, как это происходит, по-видимому, в летописной записи о рождении Владимира Андреевича Серпуховского.

Литература и источники

- Антонова, Мнева 1963 — Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. ГТГ. Т. I. М., 1963.
- Бодянский 1847 — Выпись из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу, о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. Творение Паисеино, старца Ферапонтова монастыря [«Повесть о втором браке Василия III». Публикация О. Бодянского] // Чтения в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете. № 8. М., 1847. С. 1—8.
- Георгиевский 1911 — Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.

³⁹ См.: [Сергий. Т. I: 123].

⁴⁰ Существенно иметь в виду, что в записи о рождении сыновей Всеволода Большое Гнездо складывается особая устойчивая структура, когда в связи с рождением княжича упоминаются по крайней мере два христианских имени — его собственное имя и имя нетезоименитого ему святого. В соответствии с этой моделью устроены в летописи сообщения о рождении у Всеволода сыновей: Бориса, Константина, Ярослава-Федора, Святослава-Гавриила, Ивана. Впрочем, строго обязательной такая структура летописной записи не является.

- Герасимов 1979 — *Герасимов Н. Н.* Фрески церкви Симеона Богоприимца в новгородском Зверине монастыре // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 242—266.
- Голубинский I—II — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. 2-е изд. Т. 1. Ч. 1—2. М., 1901—1904; Т. 2. Ч. 1—2. М., 1911 (репринт: М., 1997).
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Карамзин 1892 — *Карамзин Н. М.* История государства российского. СПб., 1892. Т. 1—12 (репринт: Slavistic printings and reprintings / С. Н. van Schooneveld. Paris, 1969).
- Карпов 2001 — *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. (Жизнь замечательных людей.)
- Кормовая книга — Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отдела русской и славянской археологии имп. Археологического общества. Т. 1. Отд. 3. СПб., 1851. С. 46—98.
- Литвина, Успенский 2002 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. // Религии мира: История и современность. 2002 / Отв. ред. А. В. Назаренко. М., 2002. С. 36—109.
- Литвина, Успенский 2003а — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Краткий очерк антропонимической ситуации в династии Рюриковичей (Предварительные итоги исследования) // «Индрик» 10 лет. М., 2003. С. 206—225.
- Литвина, Успенский 2003б — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Тёзки и их патрональные святые в семье Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 41—42.
- Литвина, Успенский 2004а — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Сколько христианских имен могло быть у князя Рюриковича? // Оппозиция светское / сакральное в славянской культуре / Отв. ред. Л. А. Сафронова, М. В. Лескинен. М., 2004. С. 180—213.
- Литвина, Успенский 2004б — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Глава из истории выбора имен у Рюриковичей: Князья-тёзки и их патрональные святые // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 14—32.
- Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Масленицын 1976 — *Масленицын С. И.* К атрибуции изображения Георгия на двусторонней иконе из Успенского собора московского Кремля // Средневековая Русь. М., 1976. С. 231—239.
- Масленицын 1977 — *Масленицын С. И.* Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976: Письменность, искусство, археология. М., 1977. С. 231—239.
- Меняйло 1991 — *Меняйло В. А.* Икона инока Паисия в Иосифо-Волоколамском монастыре // Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: Материалы научных конференций 1989—1990 гг. Вып. 1. М., 1991.
- Николаева 1970 — *Николаева Т. В.* О некоторых волоколамских древностях // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—VI вв. М., 1970. С. 365—385.

- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841—2004. Т. 1—43.
- Реформатская 1968 — *Реформатская М. А.* О группе произведений псковской станковой живописи второй половины XIV века // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 114—120.
- Сергий I—II — *Архиепископ Сергий (Спаский)*. Полный месяцеслов Востока. Т. I—III. 2-е изд., испр. и доп. Владимир, 1901 (Репринт: М., 1997).
- Синодик 2004 — Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479—1510-е годы) / Подгот. текста и исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2004. (Святые и святыни Русской земли.)
- Сорокатый 1977 — *Сорокатый В. М.* Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора московского Кремля // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 405—420.
- Татищев — *Татищев В. Н.* История Российская / Подгот. к печати М. П. Ирошниковой, З. Н. Савельевой; Под ред. А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова. М.; Л. 1962—1968. Т. 1—7.
- Щербатова-Шевякова 2004 — *Щербатова-Шевякова Т. С.* Нередица: Монументальные росписи Спаса на Нередице. М., 2004.
- Экземплярский — *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. I: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. Т. II: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб., 1889—1891.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. Т. 2: Новгородские печати XIII—XV в. М., 1970.
- Янин 2004 — *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

ПРОСТОЙ ПУТЬ: ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ*

Е. Э. Бабаева
ИРЯ РАН

Для современного прилагательного *простой* характерна сочетаемость со словом *путь*. Можно сказать, что словосочетание *простой путь* является коллокацией, т. е. сочетанием, демонстрирующим «взаимное притяжение» лексем (ср. «Collocation refers to the combination of words that have a certain mutual expectancy» [Jackson 1995: 97])¹.

Прилагательное *простой*, сочетаясь со словом *путь*, может характеризовать реальный маршрут. В этом случае прилагательное *простой* обычно стоит в форме превосходной степени; ср.:

Нам показали простейший путь в заповедник;

Самый простой путь до Крыма будет теперь проходить через Ростовскую область (Газета.ру).

Однако обычно словосочетание *простой путь* используется в метафорических контекстах; ср.:

простой путь к успеху (благополучию, славе);

мы не ищем простых путей;

Костя Воронов всегда выбирал самый простой путь (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч»²);

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00289а), гранта Президента РФ № НШ-5611.2006.6 и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

¹ Коллокации занимают промежуточное положение между свободными и устойчивыми словосочетаниями и, по всей видимости, входят в ментальный лексикон человека наряду с лексемами.

² Данный пример, как и некоторые другие, взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В данной статье используются в качестве источников [SJS 1; СтСл; СРЯ XI—XVII вв.; СДРЯ XI—XIV вв.; Даль I—III; СРНГ; Срезневский I—III], а также материалы Картоотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.

И вот мы знаем Бога, мы знаем Его слово, Он нас учит, как жить, Он нам указывает самые простые пути (Антоний (Блум), митрополит Су-рожский. Что такое духовная жизнь).

В подобных контекстах прилагательное *простой* характеризует метафорический маршрут как такой, который требует минимума ментальных или физических усилий. Ср.:

Его незаурядный талант инженера вырос, возможно, на свойственном ему от природы желании разрешать все сложности наиболее простым путем (Л. Улицкая. Чужие дети);

Попросил я Диму узнать, здесь вы или уже уехали, так он пошел самым простым путем — позвонил по телефону (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч»).

Словосочетание *простой путь* синонимично словосочетанию *легкий путь*; ср.:

Приходили честолюбцы, искавшие легких путей к почету и славе; приходили бескорыстные мечтатели, которым Арктика представлялась страной чудес и сказочных превращений (В. Каверин. Два капитана).

Простой (легкий) путь противопоставляется *непростому* (сложному, трудному) пути; ср.:

В драматические артисты Чудаков попал непростым путем (В. Рецептер. Ностальгия по Японии);

Далек и сложен путь книжки к читателю (В. Астафьев. Зрячий посох);

Огромный и трудный путь прошла наша страна — начиналось все с танков и пулеметов, а сейчас вы, ребята, работаете со сложнейшей автоматикой (В. Пелевин. Омон Ра).

У многозначного прилагательного *простой* выделяется значение 'такой, который при действиях с ним не требует знаний, способностей и/или умений, превышающих средние знания, способности, умения'³. Прилагательное в данном значении сочетается с названиями ментальных и/или физических действий и/или процессов (*выполнение, исполнение, решение, понимание, запоминание* и т. д.), указывая на то, что эти действия или процессы не составляют труда. Ср.:

³ Рассмотрению многозначности прилагательного *простой* посвящена работа [Бабаева 2006].

простой прыжок, простое упражнение, простой этюд;

Короче, Виля был чересчур одухотворенной личностью для простой работы (С. Довлатов. Ремесло);

У вас вот высшее образование, и очки, и бороду вот отрасли, а понять такой простой теоремы не можете (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу);

Чонкин может задать только очень простой вопрос и, может быть, даже глупый, но он, Ярцев, обязан снижаться до уровня каждого бойца и разъяснить непонятное (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

В словосочетании *простой путь* можно видеть особое употребление данной лексемы прилагательного *простой*. Путь подразумевает физическое или ментальное передвижение из некоторой начальной точки в конечную, являющуюся целью перемещения. Прилагательное *простой* указывает на то, что достижение конечной точки (цели) происходит с минимальной затратой усилий.

При этом *простой* (легкий) путь может противопоставляться *непростому* (трудному, сложному) по разным параметрам: как прямой извилистому (кружному, окольному), короткий длинному, равнинный горному, одноэтапный многоэтапному, беспрепятственный подразумевающему наличие препятствий и т. д.

Вместе с тем, очевидно, что прототипически оптимальный путь — это путь по прямой.

Современное прилагательное *простой* ни в одном из своих значений не связано с представлениями о прямизне. Однако можно предположить, что в словосочетании *простой путь* прилагательное реализует значение 'такой, который не отклоняется в сторону', не представленное в современной структуре многозначности прилагательного.

Обратимся к этимологии слова *простой*. Согласно традиционной гипотезе, данное прилагательное восходит к праслав. слову **prostъ*, в котором выделяются префикс **pro-* и корень **sthos-* (ср. праслав. глаголы **stojati*, **stati*), восходящий к и.-е. **stā-* : **stā-* ([Преображенский II: 134—135; Фасмер III: 380; Черных II: 72])⁴.

⁴ Ср. реконструкцию, представленную в этимологическом словаре старославянского языка, издаваемом Чешской академией наук, согласно которой праслав. **prostъ* восходит к и.-е. **pro-stH₂-o* (приставка **pro-* и нулевая ступень аблаута от корня **steH₂-*) [ESJS 12: 728].

Большинство этимологов реконструируют для праслав. **prostь* значение 'прямо стоящий' (см.: [Преображенский II: 134; Черных II: 72])⁵. В этом случае прилагательное характеризует объект как вытянутый прямо по вертикали; ср. значение 'прямой [по вертикали]', представленное в ст.-сл. *прость*, др.-рус. *простый*, блр. *просты*, болг. *прост*, пол. *prosty*, в.-луж. *prosty*, н.-луж. *přosty*.

Предложено также считать первоначальным смысл 'стоящий впереди' (ср.: лат. *probus*) [Prellwitz 1897: 112]), что предполагает локализацию характеризуемого объекта относительно другого на горизонтальной оси. М. Фасмер соотносит прилагательное **prostь* с др.-инд. *prastha-* 'горная равнина, площадь' и ирл. *ross* 'лес, мыс' и реконструирует его первоначальное значение как 'выступающий' [Фасмер III: 380]. Здесь, видимо, имеются в виду как горизонтальная, так и вертикальная оси. Наконец, в этимологическом словаре Чешской академии наук праслав. **prostь* также соотносится с др.-инд. *prastha-*, однако при этом исходным считается значение 'прямой' ('*přímý*') — без конкретизации оси ([ESJS 12: 728]; ср. реконструируемое значение 'прямой, ровный' в: [Варбот 1993: 30]).

Можно сказать, что во всех случаях речь идет о характеристике объекта как такого, который выдается вперед (т. е. находится *перед* каким-л. объектом) либо вверх (т. е. находится *над* землей).

Рассмотрим подробнее, с какими смыслами соотносятся морфемы, формирующие праслав. **prostь*.

Праславянский префикс **pro-* восходит к и-е. **prǝ*, чередующемуся с **prō* (**pro-* : **prā-*)⁶. В большинстве случаев рефлекс **pro-* : **prā-* указывают на точку (промежуточный этап), через которую проходит движение; ср. ст.-сл. *про* 'через, сквозь', укр. *про*, блр. *пра*, блг. *про* 'сквозь, через', макед., с.-хорв. *про-* глагольная приставка со значением 'сквозь', словен. *pro-* глагольная приставка со значением 'сквозь, через, мимо', лит. *pra-* 'насквозь, мимо, через', прус. *pra* 'через' (см. подробнее в: [Пичхадзе 2003: 175, 177]).

Значение 'через' восстанавливал для данной морфемы Ю. Покорный, членивший праслав. **prostь* на **pro-* и расширительный элемент *-stь* [Pokorný I: 814].

Значение 'через' подразумевает наличие начальной и конечной точки. Семантика движения (прохождения 'через') связана, с одной стороны, с

⁵ Подробно гипотезы о происхождении основы **prostь* рассмотрены в работе [Бабаева 2006].

⁶ Ю. Покорный соотносит **pro-*, **prǝ*, **prō* с **per-* [Pokorný I: 810—818]. Ср. ностратические соответствия в: [Иллич-Свитыч 1968: 339]. Представленный в работе В. М. Иллича-Свитыча материал демонстрирует связь соотносимых формантов (алт. **p'ērä*, **p'ärä*; урал. **perä*; драв. **pir*; картв. **pir*; с.-х. **pr*) с представлением о границе (пределе) или крайней (конечной) точке; ср., например: нан. *päräg* 'дно'; фин. *perä* 'задняя часть'; тамил. *piraku* 'задняя сторона'; морд. ст. *pira* 'вершина, голова'; груз. *pir* 'рот, лицо'; араб. *far* 'кончик уха, край ветки'.

представлением об удалении⁷, а с другой — с представлением о достижении некоторой конечной точки; ср. лат. *pro-*, греч. *πρό*, авест. *frā*, др.-инд. *prá-* ‘вперед’, гот. *fra-* приставка, указывающая на продление, удаление, законченность действия [Пичхадзе 2003: 176—177]⁸.

И.-е. корень **stā- : *stā : *stə-* имеет множество рефлексов в индоевропейских языках ([Pokorny I: 1004]; ср. [Гамкрелидзе, Иванов I: 159, 166, 295; II: 885])⁹.

Особенностью глагола *стоять* является то, что он может осмысляться с разных точек зрения:

- 1) *стоять* VS. *сидеть, лежать* (положение в пространстве);
- 2) *стоять* VS. *идти, бежать...* (фиксированность положения VS. определенный тип передвижения);
- 3) *стоять* как результат действия *встать* (вставания)¹⁰.

Глагол *стоять* указывает на наличие твердой, устойчивой опоры внизу и направленности прямо вверх (ср. толкование ‘находиться в вертикальном положении [о человеке: на ногах]’). Вместе с тем глагол *стоять* может связываться с представлением о движении снизу вверх, в том числе о росте (см.: [Топоров 1996: 28—30, 35])¹¹.

⁷ Представление об удалении легло в основу значений ‘относительно, о’ [Пичхадзе 2003: 177]. Как хорошо известно, понятия, связанные с движением, имеют тенденцию переходить в другие сферы (см.: [Цивьян 1990: 74—75]); ср. префикс *pra-* в терминах родства, демонстрирующий переход ‘пространство’ → ‘время’ [Пичхадзе 2003: 175].

⁸ Представляет интерес тот факт, что совр. *через* исторически связано со смыслом ‘поперек’ (и.-е. **(s)ker-* ‘резать, отделять’) (см.: [Фасмер IV: 338; Черных II: 381]), а *сквозь*, родственное слову *скважина*, — со смыслом ‘вглубь’ (см.: [Фасмер III: 637; Черных II: 168], т. е. в обоих случаях присутствует такой параметр, как среда. Отметим, что для праславянского языка реконструируется также предлог **perz-d/*porz-d* (формант *-d* представлен в предлогах **nadъ, *rodъ*; ср. приставку *pere-* и предлог *pered*), имевший значение ‘через’, однако, по-видимому, в некоторых контекстах указывавший на продвижение в ранее неосвоенном пространстве, поскольку впоследствии мог осмысляться как указание на пустоту (ср. восходящее к нему прилагательное *празднѣи*) [ESJS 12: 701].

⁹ А. С. Мельничук возводит данный корень к «элементарному» корню **ts-* ‘ставить’ [Мельничук 1986: 139].

¹⁰ В. Н. Топоров, посвятивший смыслу глагола *стоять* специальную работу, относит две первые оппозиции к «внешнему контексту» глагола *стоять*, а третью — к «внутреннему контексту», включающему элементы *встать — стоять — стать — ставить* [Топоров 1996: 27—28, 30].

¹¹ Согласно В. Н. Топорову, «сильное» движение, «движение *par excellence*» было вертикальным, направленным снизу вверх (и именно оно передавалось глаголом **dvig(a)ti* [Топоров 1996: 23]). Многократно отмечалось, что движение по вертикали часто имеет характер «продуцирующего магического действия, способствующего

Исходя их значений префикса и корня, в самом общем виде можно сказать, что праславянское прилагательное **prostь* содержало смыслы 'вертикаль' и 'через', которые потенциально связывались:

1) с указанием на такое положение объекта в пространстве, при котором он находится перпендикулярно к земле;

2) с указанием на движение, направленное к конечной точке.

Связь этого прилагательного с глаголом *стоять* очевидна; ср. переход 'находиться в вертикальном положении' (*стоять*): 'находящийся в вертикальном положении' (*стоящий*): 'устремленный вверх' (*стоящий, простой*).

Если говорить о «суммарном прочтении» смыслов, реконструируемых для основы **prostь*, то можно предположить, что потенциально она могла соотноситься:

1) с представлением о статическом стоянии, т. е. о направленности вверх (в этом случае значение префикса нейтрализуется);

2) с представлением о динамическом стоянии, так сказать, устремленности вверх (в этом случае движение снизу вверх, на которое потенциально указывает глагольный корень благодаря смыслу 'вертикаль', находит эксплицитное выражение в префиксе, указывающем на продвижение от начальной точки к конечной);

3) с представлением о пролегании, т. е. направленности и одновременно устремленности вперед: поскольку смысл 'через' может подразумевать, что движение к конечной точке происходит как по вертикали, так и по горизонтали, существовала также потенциальная возможность использования прилагательного для характеристики объектов, расположенных горизонтально (в этом случае нейтрализации должно было подвергнуться значение корня).

Как уже говорилось, значение 'прямой [по вертикали]' зафиксировано для рефлексов праслав. **prostь* в ряде славянских языков; ср., например, ст.-сл. *всажена добръѣ ꙗко и смокъ проста* (греч. *erecta*; Bes 31, 208aa 4); *голꙗни ихъ просты* (греч. *ὄρθά*; Ez 1,7 Grig) [SJS 30: 383]¹².

росту, возрастаню» [Толстая 1996: 100]; ср., например, магические действия, связанные с урожаем, заключающиеся в подбрасывании на поле яиц или ложек в Юрьев день или на Вознесение [Агалкина 1996: 220—221]. Представление об интенсивном движении вверх (рост, подъем) легло в основу названий человека; ср. этимологию слова *человек*, предложенную В. Н. Топоровым: от и.-е. **kel-* 'возрастать, подниматься' и **coik*, обозначающего «жизненную энергию высокого напряжения» [Топоров 2004: 29], соотнесение основы *люд-* с идеей роста, произрастания растений [Гамкрелидзе, Иванов II: 477]. О связи 'расти' → 'быть' на ностратическом уровне см. также: [Иллич-Свитыч I: 184—185].

¹² Это же значение реализуется в первой части слова *просторогий*, которое фиксируется В. Далем с указанием антонима *круторогий*.

Следует также отметить, что данная семантика находит отражение в ряде производных слов с основой **prost-*, зафиксированных в славянских языках; ср. рус. диал. *простен*, *простень* ‘веретено’, словен. *próstec* ‘палка в заборе’, *prostica* ‘опорный столб в заборе’¹³ [Куркина 1991: 176—177].

По всей видимости, особое осмысление получала ситуация «прямостояния». На это указывает особая формула *стоять прямо*, носившая, видимо, сакральный характер; ср., в частности, санскр. *ūrdhvā sthā-*: «В большинстве случаев *ūrdhvā & sthā-* отсылает к некоей на глазах совершающейся или имеющей вот-вот совершиться ситуации, к ситуации непосредственного присутствия при совершающемся, в связи с чем характерно преимущественное употребление в этих случаях таких форм, как императив 2 Sg. или презенс 2 Sg.» [Топоров 1996: 34; см. там же о темпорально-ритуальной ведийской формуле «прямостояния»]¹⁴, греч. *στη δ' ὀρθός, ὀρθῶν ἑσταότων ἀγορῆ* ‘собрание стоящих [на ногах]’; лат. *rectus stabat*¹⁵.

Вероятно, прилагательное *простой* участвовало в описании ситуации «прямостояния». Так, в ст.-сл. и древнерусских текстах данное прилагательное реализует значение ‘находящийся в вертикальном положении’, как правило, в контексте глаголов *стать*, *встать*, *быть*, *поставить*, *сотворить*. Как следует из Картотеки СРЯ XI—XVII вв., словосочетания *прост быти*, *прост стояти* соотносятся с греч. *ἀνορθοῦμαι*, *ἀνορθοῦσθαι*. При этом в ряде случаев речь идет не о нейтральном описании положения в пространстве, а об отмеченной ситуации (например, «предстояния» или подготовки к особой ритуальной практике: молитве, проповедничеству; исцеления...). Ср.:

искочивъ с(вя)тъиѣи ста простъ (греч. *ὀρθός*; Supr 112,8);

и простоу ю сотвори (лат. *erexit*; Bes 31, 211bβ 20);

мы же въстахъмъ і прости въхомъ (греч. *ἀνορθοῦσθαι*, *ὀρθός ἵστασθαι*; Ps 19, 9 Sin Pog Bon Lob Par);

и авне поставитъ і простъ (греч. *ἀνορθοῦν*, *ἐγείρειν*; Euch 95b 1sq) [SJS 30: 383; СтСл: 528],

¹³ Ср. также с.-х. *prošitac* ‘неотесанная палка’, *prostac*, *proštac*, *prostica* ‘толстая жердь’ [Куркина 1991: 176—177].

¹⁴ Санскр. *ūrdhvā* также имеет значения ‘обращенный вверх’ и ‘прямой’ [Кочергина 1996: 133].

¹⁵ Значимость данной ситуации отражается в наличии ряда терминов, включающих корень *прямо-* (*прямоствольный*, *прямостоящий*...); ср. отмеченность таких действий, как *выпрямиться* (*распрямиться*), а также существительного *стать* (*осанка*). Вяч. Вс. Иванов отмечает, что «во многих случаях древние сочетания слов позднее превращаются в одно слово — сложное или содержащее элемент, позднее грамматикализованный, но ранее бывший самостоятельным словом» [Иванов 1986: 67].

Приде близ свягааго и ста простъ (Супрасльская рукопись, XI);

а также:

Въстают попове и стоять прости (Студийский устав, XII);

Прости сами станяху, проповедающе (Хроника Георгия Амартола, 1456);

Поклонився напишет кр(е)ст на земли и целует и вста прост (Повесть временных лет; Лаврентьевская летопись);

Ти... падоша, мы же стахом и прости быхом (Псковская II летопись, XV);

И ста мои сноп прост, ваши же снопове поклонишя^с моему снопу (греч. ὠρθώθη; Быт. XXXVII, 7) (Геннадиевская Библия, 1499);

Прости же стояще м(о)л(и)твы свершаем в вся неделя (Кормчая Балашева, XVI);

Томь часе исцелеста ему нозе и воста прост (Житие Иоанна Златоуста, XVI~XV).

Можно предположить, что наличие текстов, в которых речь идет о некотором ритуале, об отмеченной ситуации, послужило основой для употребления прилагательного (в частности, в контексте глаголов восприятия) как характеристики особого состояния человека (или его особых органов восприятия: души, ума), открытости высшим ценностям; ср.:

прѣмжүдрос(тъ) прос(ти) слышимъ (греч. ὀρθοί; Euch 10a 18);

прости приѣмше в(о)жественных(ъ) танин (греч. ὀρθοί; SlužSof^с, Orlov 297, 9);

проста оубо стоитъ д(о)уша гда н(е)в(е)сьныхъ желатъ (лат. recta... stat anima; Bes 31, 212bβ 20);

простъ же оубо на добра^а дѣла слоужьбѣ и высотѣ оумъ сто^а (лат. in virtutis culmine; Bes 11, 51bβ 18); [SJS 30: 383; СтСл: 528];

прости убо испълняем молитвы (Ефремовская кормчая, XII)¹⁶.

Из типологических параллелей можно привести греч. ὀρθός ‘прямой’ (ср. глаголы ὀρθῶ ‘ставить прямо [на ноги]’, а также ὀρῦμι — каузация действия ‘идти’: ‘встань и иди’), которое в ряде контекстов также могло указывать на особое состояние человека; ср. значения ‘целый, невредимый’, ‘внимательно слушающий’, ‘находящийся в напряженном состоянии [готовности], встревоженный’.

¹⁶ Ср. также применение прилагательного для описания креста: *Простое* [т. е. вертикальное] *убо древо кр(е)ста знаменует о(т)ца вышняго* (Скрижалъ, 1656).

Представление о вертикали неразрывно связано с представлением о горизонтали. Можно предположить, что актуализация одного из осевых направлений создавала потенциальную возможность для актуализации другого¹⁷. Связь между направлениями осуществляется через представление о движении от начальной точки к конечной: вверх или же вперед¹⁸.

Как хорошо известно, движение по вертикали и движение по горизонтали связаны и на символическом уровне. Так, движение по горизонтали воспринималось как распространение волны по отношению к некоторому центру — сакральной точке, отмеченной сакральной вертикальной осью (алтарем, храмом, крестом и т. д.) [Топоров 1982: 340—342; 1982а: 352—353; 2004: 19—20]. Таким образом, движение, с одной стороны, от Земли к Небу, а с другой — от центра к периферии обеспечивало связь частей мира, «а следовательно, его целостность и нормальное функционирование» [Топоров 1996: 46—47].

Связь между горизонталью и вертикалью прослеживается в развитии семантики ряда слов, для которых актуальны представления о движении к некоторой конечной точке.

Мотив задания горизонтального направления, проведения прямой линии как сакрального акта ярко представлен в истории развития и.-е. корня **rēg*'- : *rēg*'- [Pokorny I: 854—857; Гамкрелидзе, Иванов II: 751; Бенвенист 1995: 249—252; Топоров 1974: 12—18; Бондаренко 2003: 21; Топоров 2004: 12—13]. Вместе с тем, этот корень мог переосмысляться в «вертикальной перспективе».

Рефлексы данного корня могут указывать:

1) на прямую линию (горизонтальную или вертикальную), направление; ср., например: др.-инд. *rjū* 'прямой', *rājīh* 'рез, линия, ряд' *rāṣam* 'в прямом направлении'; *rñjāti* 'устремляться вперед по прямому пути'; греч. *ἑρέγω* 'исходя из занимаемой точки, проводить вперед прямую линию'; 'двигаться вперед по прямой'¹⁹, *ὄρεχτός* 'прямой', *ὄρεχόμενος* 'устремляться вперед'; лат. *regio* 'линия'²⁰, *regula* 'инструмент для проведения прямой линии, линейка',

¹⁷ Ср. праслав. **osъ*, восходящее к корню **ag*'-, представленному также в лат. *axis mundi* [Топоров I: 134]. Однако эти две оси, видимо, могли, воспринимаясь в комплексе, осваиваться в языке по-разному, асимметрично; ср., например, противопоставление «равнинного» («плоскостного») и «горного» мышления в: [Яковлева 1994: 31].

¹⁸ В. Н. Топоров противопоставляет «сильное» движение по вертикали «слабому» движению по горизонтали [Топоров 1996: 23]. О противопоставлении двух типов движения см. также в: [Толстая 1996: 100].

¹⁹ Как отмечает Э. Бенвенист, у Гомера *ὄρεχέχεται* передает движение коней, вытнувшихся в прыжке.

²⁰ Согласно Э. Бенвенисту, исходное значение данного слова — точка в движении 'по прямой'. В языке птицегадателей *regio* обозначает 'точку в конце прямой линии, проведенной по земле или в небе', откуда 'пространство, заключенное между

(*di*)*rectus* ‘прямой, отвесный’, *recta regione* ‘по прямой линии’, *regione occidentis* ‘в западном направлении’, *e regione* ‘по прямой линии’, ‘напротив’; готск. *rhaiþs* ‘по прямой линии’;

2) на быстроту передвижения; ср., например: греч. *ἀγρός* ‘быстрый’, *ἀερίπους* ‘быстроногий’;

3) на пространство, часть пространства; ср., например: др.-инд. *rājas* ‘пространство’, *rājasī* ‘небо и земля’, *rājias* ‘широкий’; лат. *regio* ‘область’; греч. *ἄργυιά* ‘пространство между двумя разведенными руками’;

4) на сакральные акты и их субъекта; ср., например: авест. *raz-*, *razan-* ‘порядок’; лат. *erigere* ‘возводить [о сакральных объектах]’, *lituo regiones terminare* [проведение небесной линии авгурским железом], *e regione* ‘по прямой [в ритуальных клише]’, *regiones* [линии рассечения, которые делались жрецом при жертвоприношении]²¹, а также названия верховного правителя (и государства), особенно хорошо представленные в итало-кельто-германском регионе: др.-инд. *rājan* ‘царь’, *rājati* ‘царствовать’, галльск. *rix* ‘царь’ (*Dumno-rix*, *Ver-cingeto-rix*); лат. *rēx*, *regere*, др.-ирл. *rī*, Геп. *rīg*, *rī tuaithe* ‘глава таута’; готск. *reiks* ‘повелитель’, *reiki* ‘царство’, др.-в.-нем. *rihhi* ‘царство, государство’.

Как неоднократно отмечалось, данный корень указывает на жреческие функции верховного правителя. В эти функции входило установление пространственных границ (ср. *regere fines* — ритуальное действие проведения прямой линии, границы участка, которое предшествовало сооружению объекта — храма, города и т. д.) и временных ориентиров, а также создание свода правил поведения морально-юридического характера [Бенвенист 1995: 252; Топоров 1974: 12—13; 2004: 13].

Итак, верховный правитель не только указывал направление движения от сакрального центра (ср. лат. *erigere pontem*), но и возводил вертикаль, обращенную к Небу (ср. лат. *erigere*)²².

Можно предположить также, что изначально указание на горизонтальную ось содержалось и в основах, к которым восходят совр. *правый* и *прямой*.

Согласно традиционной гипотезе, праслав. **pravъ* (< *правый*) членится на префикс, восходящий к и.-е. **prō-*, и показатель **vos-* (из и.-е. **uesu-*) ‘хороший’ (и.-е. **pro-bhuos*; ср. лат. *probus* ‘добрый, честный’, др.-инд. *prabhús*

двумя такими прямыми, проведенными в разных направлениях’ [Бенвенист 1995: 251—252].

²¹ См.: [Топоров 1974: 15—17]. В. Н. Топоров сближает данный и.-е. корень с корнем **rēz-*, передававшим такие сакральные смыслы, как ‘проводить линию, черту’ (определение пределов) и ‘надрезать’ (жертвоприношение).

²² А. М. Хокарт предположил, что самой древней функцией верховного правительства являлось именно прокладывание (открытие) пути [Hocart 1970].

‘выдающийся, превосходящий’) [Pokorny I: 814—815; Фасмер III: 352], что, видимо, подразумевает оценочную семантику прилагательного; ср. у Преображенского: ‘какой должен быть’ (т. е. направленный к хорошему) [Преображенский II: 121].

Другая этимология предложена Ш. Ондрушем, который соотносит праславянские слова **pravъ* и **prъvъ*, возводя первое к и.-е. основе с ларингалом **proHw-* (полная ступень), а второе — к **prHw-* (нулевая ступень). Одновременно Ш. Ондруш реконструирует и.-е. основу **preHm*, давшую, по его мнению, праслав. **prěmъ* (ср. лит. *pir̃m*). При этом предполагается существование оппозиции ‘равный’ (**pravъ*), ‘ровный, прямой’ (**prěmъ*) VS. ‘первый’ (**prъvъ*; лит. *pir̃mas*) [Ондруш 1986: 177—178]²³.

В более общем виде Ш. Ондруш реконструирует и.-е. корень **perH-*, существовавший в двух вариантах: **perH-* / *prH-* и **preH^w* + *V-*. К первому варианту возводятся глаголы **perti*, **pъrati* (< *переть*), а ко второму — глагол **praviti* (< *править*). Согласно Ш. Ондрушу, семантическая разница между *переть* и *править* напоминала ту, что существует между нем. *fahren* и *führen* (‘идти, убежать, мчаться’ VS. ‘направлять’)²⁴ ([Ондруш 1986: 113—114]; см. сходную реконструкцию основы в [ESJS 12: 700—701]²⁵).

Таким образом, гипотеза Ш. Ондруша, взятая в целом, подразумевает наличие связи между представлениями о движении, а также значениями ‘равный’, ‘ровный’, ‘прямой’, ‘первый’, при этом семантические переходы никак не комментируются. Ш. Ондруш полагает, что исходным для основы было значение ‘равный’, и утверждает, что субстантивные дериваты прилагательного **pravo*, **pravda* имели значение ‘равенство’. Вместе с тем, говоря об исходном значении основы, Ш. Ондруш отмечает, что оно сохранилось в ю.-сл. языках. Однако в ю.-сл. языках прилагательные, восходящие к праслав. **pravъ*, имеют значение ‘прямой’ (ср. ст.-сл. *правъ*, болг. *прав*, с.-хорв. *prāv* ‘прямой’), связь с этим значением прослеживается и в ссылке автора гипотезы на семантическое развитие нем. *Recht* и франц. *droit*. Поэтому вызывает

²³ Заметим, что **pravъ* и **prъvъ* сближал и Ю. Покорный. Он восстанавливал и.-е. основу **prō-wo-s* : **prō-wo-s* (откуда праслав. **pravъ*; ср. *pravaŋa* ‘направленный вниз, наклонный’; гот. *frauja* ‘господин’, др.-в.-нем. *frouwa* ‘госпожа’), а также соотносимую с ней основу **prъ-wo-*, к которой возводил, в частности, праслав. **prъvъ* [Pokorny I: 815].

²⁴ К и.-е. **per-* восходит в конечном итоге и глагол *парить* ‘лететь, двигаться’.

²⁵ При этом смысл ‘направлять’ связывается Ондрушем с говорением (ср. значение ‘говорить’, представленное в словен. *praviti*, с.-х. *praviti*, словац. *rozpraviač*, чеш. *praviti*, польск. *prawić*, блр. *правіць* ‘говорить вздор’, а также др.-рус. словосочетания *правити ораци* ‘произносить речь’, *правити слово* ‘передавать слова’). Связь между значениями ‘указывать’ и ‘говорить’ хорошо известна; см.: [Красухин 2000: 37; Толстая 2000: 178].

недоумение реконструкция оппозиции 'равный' VS. 'первый', подкрепленная параллелями венг. *egy* 'один': *egyenes* 'равный'; а также словац. синонимами *jednaký*: *rovnaký*. Следует, видимо, различать значение 'такой же', часто относимое в и.-е. языках со значением 'один' (*один*: *одинаковый*, ср. *равный*), и значение 'не имеющий изгибов', указывающее на «линейность» объекта (ср. *прямой, ровный*)²⁶ и на особенности структуры плоскости, ее гладкость (ср. *прямой* VS. *ровный*).

Для праслав. **pravъ*, таким образом, можно реконструировать значение 'направленный вперед [прямо]'; ср. гипотезу А. Мартине, который предполагал, что данное слово содержит помимо префикса **prō-* суффикс *-uo-*, представленный также в прилагательных *кривъ, левъ* [Martinet 1955: 226]²⁷.

Р. М. Цейтлин предположила, что смысл корня *-прав-* (праслав. **pravъ*), лежащего в основе целой лексико-семантической группы, следует реконструировать следующим образом: «'прямой' (в конкретном значении, не расчленен по горизонтали и по вертикали), 'неотклоняющийся в стороны (от прямого)» [Цейтлин 1996: 137]. В раннюю письменную эпоху это прилагательное, обозначая 'прямой', могло характеризовать объект, расположенный как горизонтально, так и вертикально. Ср. ст.-сл. *иди въ стѣгны нарицажшѣа сѧ правыа* (т. е. «улицу, называемую прямой», *εὐθείαν*) (Деян. 9—11; Охр. ап.; см. [Цейтлин 1996: 139]); *правы творите стѣзѧ его* (*εὐθείας*) (Лк. III, 4—5; Зогр., Мар., Ас., Сав.)²⁸, др.-рус. *и голени их правы* (*ὀρθά*) (Иез. I, 7; Геннадиевская Библия, 1499); ср. также совр. *выправка*²⁹.

²⁶ Смыслы 'ровный' и 'равный' сближаются, соотносясь с представлением о прямой линии (ряде). Ср. реконструкцию происхождения праслав. **raqъ* из **ren-m-dhē-* 'связывать' [Иванов, Топоров 1978: 232].

²⁷ Значение 'первый' в и.-е. языках также формируется в связи с представлениями о пространственных координатах. Так, *первый*, родственное *пере(д)-*, исторически связано с представлением о продвижении вперед, нахождении впереди (и.-е. **p^[h]r-H-uo-*; ср. др.-инд. *pūrvā-*, авест. *paūrva-* 'находящийся впереди', а также тох. В *pārweṣṣe*, алб. *pārë* 'первый') [Pokorny I: 813—815; Гамкрелидзе, Иванов II: 842—844]. С другой стороны, в и.-е. языках представлена модель, согласно которой смысл 'первый' соотносится с выделением на горизонтальной оси двух координат, одна из которых расположена ближе к конечной точке; ср. ср.-в.-нем. *vürste*, др.-в.-нем. *furisto*, англ. *first*, восходящие к суперлативу **furista-* от **fur(i)* (из **p^[h]r-is-^[h]o-* [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]).

²⁸ В др.-рус. письменности прилагательное фиксируется только в метафорическом употреблении, восходящем к данному значению; ср. *Уготовите путь з(осподе)нь, правы творите стѣзѧ его* (*εἰς εὐθείαν*; Лк. III, 4—5) (Остромирово Евангелие, 1057). Однако В. Даль фиксирует словосочетание «*правая дорога, прямая*».

²⁹ Для глагола *править* значение 'делать прямым' фиксируется с XVI в.; ср.: *править дорогу, править кирпич*.

Что касается прилагательного *прямой*, то, согласно этимологическим словарям, оно восходит к вост.-сл. основе **pr'am-*, первая часть которой является результатом контаминации праслав. **prēm-* (из и.-е. **prai-*) : **prō-* (из и.-е. **prō* : **prō*), а вторая представляет собой суффикс *-m-*, входящий также в праслав. **mi-mo* (ср. также ст.-сл. *сѣмо*, *овамо*). К и.-е. **pro-m-o* возводится и гот. *fram* (др.-в.-н. *fram*, англ. *from*) [Рокоту I: 814—815; Фасмер III: 394—395; Черных II: 78].

Известно, что наречия, образованные от этой основы (рус. *прямо*, чеш. *přímо*, словен. *prēm*), древнее прилагательных (рус. *прямой*, укр. *прямий*, блр. *прямы*, чеш. *přímý*, словен. *prēm*, словац. *priamy*): в ст.-сл. текстах встречаются только наречия *прѣмо*, *прѣмь*.

Наречие *прѣмо* использовалось синонимично предлогам *пред* (*перед*), *при* и указывало прежде всего на то, что нечто происходит или совершается на небольшом расстоянии (напротив) какого-л. объекта³⁰. Таким образом, можно говорить о том, что наречие могло указывать на наличие ориентира, возможно, особо значимого; ср.:

прѣмо цр(ъ)к(ъ)ви [SJS I: 546];

Вземше одр, поставляют в нутрьнии папърти прямо ц(е)с(а)рьских двѣрии (Новгородская кормчая, 1282);

Он живет прямо церкви (Даль);

а месте же том у м(о)н(а)ст(ы)ря конец мосту прямо с(вя)тых врат... поставиша кр(е)ст каменной (Житие Прокопия Устюжского, XVII);

Мария седяшти прямо гробу (Мстиславово евангелие, XI—XII);

И седе адам прямо рая, плачяся (Переяславская летопись, XV);

Виде во сне... ц(е)с(а)рь Анастас мужа некаго... премо ему стояща (Синайский Патерик, XI).

Значимость ориентира определяла положение субъекта действия (обращенность лицом к объекту-ориентире) и само действие (направленность на

³⁰ Представление о близости к некоторому ориентире может также реализовываться в формировании значения 'первый'. Модель 'первый' = 'находящийся у [при]', видимо, представлена в лит. *pir̃m* 'впереди', *pir̃mas*, прус. *primas*, др.-англ. *forma*, др.-сакс. *formo* 'первый' (и.-е. **p^[h]r-mo-*; см. [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]). Известно также, что лат. *primus* 'первый' возводится к форме компаратива (из **pri-is-mos* [Рокоту I: 813] или **p^[h]r-is-mo* [Гамкрелидзе, Иванов II: 843]), а Э. Бенвенист полагал, что исконное значение компаратива с суффиксом *-(i)ios-* 'имеющий то же качество, что и другой объект' [Benveniste 1948: 143]. Учитывая показатель *-mo-*, следует предположить, что речь идет также об указании на пространственное положение вблизи (у) ориентира.

объект-ориентир); ср. словосочетание *прѣмо лицоу* (ср.: *лицом к лицу*); *режѣтъ прѣмо семоу* [SJS: 546].

Можно предположить, что наречие указывало на некоторое место — сравнительно небольшой отрезок пространства ‘отсюда’ (от объекта-ориентира) и ‘вперед’ (на расстояние, позволяющее видеть объект-ориентир или вступать с ним в контакт), что создавало возможность для актуализации смыслов ‘рядом’ и ‘напротив’ в зависимости от локализации кого-л., чего-л. внутри этого пространства (ближе к начальной точке VS. ближе к конечной точке); ср. реконструкцию для гот. *fram* значений ‘дальше’, ‘от’, ‘при’, ‘у’, а также значения с.-х. наречия и предлога *prema / прам / прама* ‘по направлению к’, ‘впереди’, ‘против’.

Вместе с тем, представление о направленности действия на объект-ориентир позволяло актуализировать смысл ‘отсюда вперед’ [по горизонтали к конечной точке], т. е. указание на направление; ср. контексты для др.-рус. *прямо*:

Господине княже, едут уже от Орды Кавгадыи и великии князь Юрьи со множеством народа прямо твоеи вежи (Московская летопись, XVI);

Устремися прямо северных стран (Житие Антония Сийского, XVII~1578);

есть вход во ину улицу долгу, яже прямо Кальверии ведет (Похождение в землю святого князя Радивила Сиротки, 1628).

Изначальная связь с объектом-ориентиром определила, видимо, восприятие маршрута: в нем выделяется конечная точка, при этом сам маршрут мыслится как такой, который не имеет промежуточных этапов (ср. совр. *прямой путь, прямое сообщение, а также прямое попадание, прямой наследник, прямой массаж сердца, прямая речь*). Очевидно, что маршрут, ведущий к цели, минуя промежуточные этапы (минуя промежуточные этапы → быстро), является оптимальным; ср.: *ступай прямоиной* (*прямиком, прямью, прямьем, в прямную*), *прямица* («тмб. прямой путь рекою, в водополь; коренное русло», «прямейший путь, дорога»), *прямок, прямя* («сев. то же, прямая дорога»), *прямежек, прямик, прямичек* («прямой путь») (Даль).

Семантика наречия, изначально связанная с локализацией, делала затруднительным перенесение данной характеристики на вертикальную ось. Однако указание на маршрут способствовало выделению представления вообще о *прямизне*; ср.:

А людям велят стоять на коленях прямо, а глав на землю не велят наклонять (Челобитная Лаз., XVIII~1668);

Да станет с(о)лнце прямо Гаваону и м(е)сяц прямо дебри (Иисус Навин, XIV—XV);

Бык бур, звезда во лбу, рога прямые (Переписные книги скота и лошадей, XVII),

а также совр. *прямой*, указывающее на отсутствие отклонений, изгибов у объекта, ориентированного как вперед, так и вверх, ср. *выпрямиться, распрямиться*.

Итак, можно сказать, что свойство 'прямой', связывавшееся с горизонтальной осью, неизменно переносилось на вертикаль. С другой стороны, для греч. *ὄρθος* 'прямой [по горизонтали и вертикали]', как и для слова *простой*, первичной является, по всей видимости, вертикальная направленность³¹.

Таким образом, перенесение характеристики, на которую указывало слово **prostъ*, с вертикали на горизонталь типологически вполне предсказуемо; ср., например, польск. *prosty* 'направленный прямо вперед', *prostować* 'указывать путь'.

Сближение вертикали и горизонтали отражено во многих «пра-текстах»; при этом прототипом вертикали выступает дерево, а горизонтали — дорога. Связь между дорогой и деревом могла обуславливаться ситуацией прокладки дорог через лес или через болото. В первом случае строительство дороги связывалось с выкорчевыванием деревьев³², во втором — с сооружением настилов из стволов деревьев³³.

От основы **prost-* образован ряд слов, обозначающих прямой (→ ближний) путь. Этот путь мог мыслиться как пролегающий по воде или по суше; ср. в словаре В. Даля: *Поезжай смело простью по болоту, все замерзло*; кировск. *прость* 'прямой мелководный проток'; отмеченное на Припяти *прость* 'прямой мелководный проток между рукавами реки или рекой и рукавом'; диал. польск. *prość* 'проток'; зафиксированное на Пинщине *прістъ, прісточка* 'течение воды на болоте'; волог. (1866) *прость* 'канал, старое заросшее русло реки'; костром. (1905—1921) *прости* 'широкий желоб, по которому течет на мельничье колесо вода'; зафиксированное в словаре В. Даля высказы-

³¹ П. Шантрень отмечает, что в «Илиаде» слова с данным корнем указывают исключительно на вертикальную ориентированность объекта [Chantraine II: 818—819]. Некоторые исследователи сближают греч. *ὄρθος* и лат. *arduus* 'отвесный'. П. Шантрень, возражая против этого сближения, указывает на возможную связь основы греч. прилагательного с санскр. *ūrdhvā-* 'поднятый высоко', *vārghati* 'поднимать, вращивать'. Для *arduus* следует, видимо, предположить изначальную связь с указанием на конечную точку вверх; ср.: *ardua supera* 'небесная высь', а также ирл. *ard* 'высокий', топоним *Арденны*.

³² О типологии названий дорог в славянских и и.-е. языках см.: [Куркина 1971; Коломиец 1986].

³³ См., например, описание устройства дороги возле Корли (Ирландия, железный век), опирающееся на результаты археологических раскопок и письменные свидетельства, в [Бондаренко 2003: 29].

вание *Он не дорогою пришел, а простцем, степью*; укр. *протець*, бел. *просцень* ‘прямая дорога’ [Толстой 1969: 211].

Н. И. Толстой предположил, что первоначально речь шла именно о «коммуникационном» значении, о номинации для прямого пути через болота [Толстой 1969: 211]³⁴. Ср. значение ‘прямо [вперед]’, реализующееся в наречиях *просто, препрость* (*Просто сиречь прямо* (Назиратель, XVI)), в словаре В. Даля: *Иди просто, все дорогой, так просто и дойдешь, Поидем препрость* (Быт. XXXIII, 12; Пятикнижие, XIV), полесск. *просто, напростіу*, бел. *просто*, укр. *просто*, польск. *prosto*.

Значения, представленные для *прость, прости, prość, прість, прісточка, протець, просцень* типологически сближаются со значениями слов, восходящих к праслав. **dorga*, содержащих также указание на воду и на ложбину, углубление. Ср. рус. диал. *дорога* ‘буерак, сухое ложе потока’, *дорожка* ‘углубление на кровельных досках вдоль них для стока воды’, с.-х. *дрāга* ‘узкий залив’, ‘быстрый поток’, ‘ущелье, овраг’, диал. ‘морской залив’, ‘долина’; словен. *drāga* ‘канава для отвода воды на лугу’, ‘лощина, овраг’; словац. *drāha* ‘колея, борозда’; в.-луж. *drōga* ‘колея’ [ЭССЯ 5: 74—75]. Аналогичные контексты представлены и для рефлексов праслав. **ulica* (‘овраг’, ‘канава’, ‘русло реки’), восходящего к **ulъ* (из и.-е. **au-l* ‘продолговатое углубление’, ср., в частности, греч. *αἰλῶν* ‘ущелье’, ‘ров’, ‘пролив’, *ἔναιλος* ‘русло реки’, нсм. *aul* ‘овраг, канава’) [Куркина 1971: 99; Коломиец 1986: 199—100].

Опираясь на эти факты, В. Т. Коломиец реконструирует для **dorga* значение ‘длинный след, проделанная в земле ложбина’, соотнося основу существительного с и.-е. корнем **dherāgh-* ‘тянуть’ [Коломиец 1986: 100, 101]³⁵. Очевидно, что глагол со значением ‘тянуть, тащить’ связан с представлением о большой степени интенсивности действия, направленного вперед³⁶. Таким

³⁴ Дальнейшее развитие: ‘глубокое место на болоте’ → ‘глубокое место в реке, ручье’; такое направление семантической деривации, по мнению Н. И. Толстого, свидетельствует о возможном проникновении термина из Полесья на Карпаты.

³⁵ В этом случае праслав. **dorga* оказывается связанной с др.-исл. *draga* ‘тянуть’, др.-англ. *dragan* ‘извлекать, тянуть’, а также с лат. *tractus* (ср. ит. *traccia*, франц. *tracer, trace*, нем. *Trakt*, болг. *тракт*, польск., в.-луж. *trakt*), указывавшим на процесс волочения.

³⁶ Согласно другой точке зрения, существительное **dorga* означало ‘проход, выкорчеванный в лесу’ [Черных I: 263], ‘расчищенное место’ [ЭССЯ 5: 75]. В этом случае праслав. **dorga* возводится к глаголу **dьrgati*, связанному с **dьrati* : **derti* (из и.-е. **der-* : **drē-* : **drā-* [ЭССЯ 5: 218, 221]); см. также представленные в и.-е. языках названия для дороги, формирующиеся на основе глагола со значением ‘дергать’; например, лат. *via rupta* (*rumpere* ‘рвать, вырвать’); ирл. *slige* (от глагола *sligid* ‘рубит, валит, расчищает’), значения ирл. *rámút*: ‘дорога’, ‘расчищенный участок’ [Бондаренко 2003: 63, 142]. И в этом случае предполагается также большая степень интен-

образом, можно предположить наличие связи между смыслами 'вперед', 'двигать', 'длинный след', 'углубление в земле [естественного или искусственного происхождения]', 'углубление, заполненное водой', 'вода (заболоченное место)', 'дорога'.

В связи с представлением об интенсивном продвижении вперед тяжести стоит вернуться к значению и.-е. **per-/*por-*. Заслуживает упоминания тот факт, что именно к этому корню ('вперед' → 'тащить') предположительно возводится нем. *Farre* 'бык' ([Kluge 1999: 250]; ср. нем. *fahren* 'ехать', *Furt* 'брод', др.-англ. *ford* 'брод').

Итак, *про-* может указывать на физическое освоение пространства³⁷: «Префикс *про-* «задает» идею движения вперед, сквозь-через», он ориентирован на «энергичное движение к единой цели — вперед» [Топоров 2004: 88].

Таким образом, можно предположить, что основа **prost-* реализует в приведенных словах представление об «энергичном» продвижении вперед, соотносимом с энергичной устремленностью вверх. При этом прагматически хорошей является дорога, ведущая прямо к цели (не отклоняющаяся в сторону), поэтому на пространственном уровне *простая (прямая) дорога* противопоставляется *окольной*.

Возвращаясь к вопросу о сближении вертикали и горизонтали, следует упомянуть также тот хорошо известный факт, что связь между «прямолежащей» дорогой³⁸ и «прямостоящим» деревом могла носить символический характер. Ср. загадки, сближающие *дорогу* и *дерево (столб, брус...)*: *Когда свет зародился, тогда дуб повалился и теперь лежит; Лежит брус на всю Русь, а станет — до неба достанет; Лежит брус на всю Русь, встанет, так до неба достанет, а ляжет, так всю Русь обойдет* [Топоров 1996: 46—47; Топоров 1998: 121—122; Агапкина 1999: 61; Левкиевская 1999: 129; Петрухин 2004: 253]³⁹.

сивности действия, направленного, однако, вверх. Отметим, что В. Н. Топоров предполагает возможность семантической связи между обозначением «точно-перпендикулярного» и «поверхностно-параллельного» движения [Топоров IV: 108].

³⁷ К классу слов, указывающих на некоторый тип дороги и содержащих форманты, восходящие к и.-е. **per-/*por-* В. Т. Коломиец относит также греч. *πόρος* 'дорога', *πορθμός* 'переправа' (от *πείρω* 'проникать'; ср. др.-инд. *ṛiprati* 'перевозить'). К **pr-* предположительно возводятся также рефлексы праслав. **rytь*, обозначающие тропу ([Коломиец 1986: 98]; о географическом распределении значений этих рефлексов см.: [Куркина 1971: 95]).

³⁸ Представление о «прямолежащей» дороге связано с динамическим, линейным типом пространства [Топоров 1982: 340—342].

³⁹ Представляет особый интерес ирландский миф об одновременном «проявлении» пяти деревьев и пяти дорог в день рождения короля Кона, которое свидетельствует об акте вторичного творения, установления порядка [Бондаренко 2003: 55 и сл.,

Представление о пути, соединяющем «этот» мир с «другим», могло воплощаться как в образе мирового дерева (связь «этого» земного мира с «верхним» и «нижним»), так и в образе дороги (связь «этого» мира с «чужим»); ср. мотив срубания дерева в славянских колядках в связи с мощением мостов для проезда Овсена, Нового Года, Христа [Петрухин 2004: 253]. Одновременно и дерево и дорога могли служить воплощением представлений о жизненном цикле как таковом, о пути от рождения (зарождения) к смерти⁴⁰.

Путь невозможен без *путника*, атрибутом которого является *посох*. Заметим, что слово *посох* этимологически связано с праслав. **socha* ‘дерево, сук с развилиной’ (о связи представлений о двойственности с исконным значением корня **dvigъ* см: [ЭССЯ 5: 168, 189; Трубачев 1965: 4—6; Топоров 1996: 15—17]). Э. Бенвенист полагал, что именно посох как атрибут особого путника — вестника является прототипом символа власти скипетра: «Из предмета, необходимого для человека, несущего известие, скипетр становится символом его функции, сакральным знаком законности» [Бенвенист 1995: 263].

Таким образом, движение по горизонтали могло носить не только чисто «бытовой», но и специальный характер, соотносимый с особым типом путника (открыватели дорог: боги, правители; вестники; герои, подвижники...), особыми целями путешествия и особыми маршрутами. Можно предположить, что это противопоставление должно было отразиться и на названиях собственно дороги, некоторые из которых, вероятно, указывали на ее маркированность, на совмещение представлений о реальном и символическом пути.

По всей видимости, к таким особым номинациям относились представленные почти во всех группах индоевропейских языков рефлексy и.-е. корня **pent-* : **pont-* : **pontha-* : **pn̥thā-* ‘идти’ [Роконгу I: 808; Коломиец 1986: 97—98]⁴¹. Отдельные рефлексy этого корня указывают на особую сложность такого пути, проходящего через водное или заболоченное пространство; ср. греч. *πόντος* ‘море’, ‘морской путь’ (*πόντωσ* ‘погружаться в море’), лат. *pons*

266]. При этом характерно, что Великая дорога (Шлиге Мор), воспринимавшаяся как горизонтальная ось, делящая Ирландию, в метрических диннхенхасах названа «столбом деления Ирландии» [Там же: 93].

⁴⁰ Ср. соотношение дороги, воспринимающейся, в частности, как путь души в загробный мир, с предикатом *лежать*. О противопоставлении предикатов *стоять* VS. *лежать* как реализующих представления о функциональности VS. нефункциональности см: [Рахилина 2000: 288—294].

⁴¹ В. Т. Коломиец возводит данный корень к элементарной глагольной основе **pet-* ‘идти, бежать, лететь, падать’, имевшей именную разновидность **pot-* ‘дорога, полет’ [Коломиец 1986: 102]. Семантический переход «глагол передвижения → ‘дорога’» лежит в основе огромного количества представленных в и.-е. языках названий для дорог.

‘бревенчатый настил через болото, мост’, арм. *hun* ‘брод’. Некоторые данные указывают на особое восприятие дороги, название которой восходит к данной и.-е. основе. Так, в Ригведе номинация *páth-* передает главным образом представление об «истинном» (праведном) пути, который ведет к богам и по которому следуют боги⁴² (ср. эпитет богов: *pathikṛt* ‘создающий пути’⁴³), а также жизненный путь смертных [Елизаренкова 1999: 73—74, 76, 78]. В свою очередь лат. *pons* могло указывать на сакральный объект и на субъекта сакрального действия; ср. *erigere pontem*, а также *pontifex* ‘строитель мостов, дорог’, ‘верховный жрец’⁴⁴. Хорошо известна особая метафорическая семантика рус. *путь* (ср., например, библейские контексты: *Аз есмь путь и истина и живот, никтоже придет ко Отцу, токмо мною, путь Господа (завета, жизни, мудрости, правды, праведности)*). Следует также обратить внимание на чеш. *roul’* ‘паломничество, богомолье’, польск. *paṭnik* ‘паломник’, *paṭny, paṭniczy* ‘паломнический’.

На особый характер пути могли указывать не само название дороги, но постоянные эпитеты. Так, например, существовали обозначения для так называемой «большой» или «царской» дороги, т. е. дороги, по которой ездили колесницы (ср. др.-инд. *ráthyā* ‘дорога’ от *ráthaḥ* ‘колесница’), ассоциировавшейся с путем праведных; например, хеттск. *uran KASKAL-an*; ирл. *Slige Mór, mórslige, prim-rót, rigróid* [Бондаренко 2003: 87, 91, 104]; лат. *via regia*, ср.: *путем ирьским пройдем, не съвратимся ни надесно, ни налево* (Острожская Библия, 1581)⁴⁵.

⁴² Как отмечает Т. Я. Елизаренкова, теснее всего с *páth-* связаны Адитьи, боги, охранявшие вселенский закон *ṛtá-* [Елизаренкова 1999: 74].

⁴³ Эпитет *devayāna-* ‘исхоженный богами’ прилагается также к номинации *adhvan*; ср. *adhvará* ‘обряд, жертвоприношение’ [Там же: 81, 89].

⁴⁴ «Постройка мостов, — пишет В. Н. Топоров, — сопровождалась особым ритуалом. По-видимому, не случайно строители мостов — “мостовщики” в ряде традиций образуют особую не только профессиональную, но и конфессиональную группу, входящую в жреческий корпус (очевидно, таким был статус “мостовщиков” у древних пруссов)». Говоря о проекции этой идеи на вертикаль (возведении моста между Небом и Землей, В. Н. Топоров замечает: «В этом контексте образ жреца (особенно часто в паманских традициях), воздвигающего мировое (шаманское) дерево (шест, столб и т. п.) и путешествующего по нему на небо, к богам и духам верхнего мира, совпадает с мифологизированным образом строителя моста, устанавливающего с его помощью такую же связь» [Топоров 1982а: 176—177].

⁴⁵ Характерно, что в данный контекст входит именно существительное *путь*. Ср. в русском синодальном переводе Библии: «Позволь нам пройти землю твою; мы не пойдем по полям и виноградникам, и не буем пить воды из колодезей твоих; но пойдем дорогою царскою, не своротим ни направо ни налево, доколе не перейдем пределов твоих» [Числ. XX, 17].

Одна из основных характеристик такого выделенного пути — прямизна; ср. использующийся в Ригведе по отношению к данному типу пути эпитет *rājiṣṭha-* ‘самый прямой’ [Елизаренкова 1999: 74].

В некоторых славянских языках, в том числе и в русском, прилагательные с основой **prost-*, указывая на прямизну, характеризуют прежде всего дорогу. При этом для русского прилагательного *простой* характерно сочетание именно со словом *путь* (словосочетание *прост путь* встречается в древнерусской письменности с XV в.; ср.: *прост бо бе ем(у) путь Корчаеву* (Ипатьевская летопись, XV), *И мечаше ахимас путем простым* (Иов, 1558)), хотя оно может также сочетаться и со словом *дорога*: *простейшая дорога* (Памятники дипломатии Московского государства, Посольство литовское, 1570); диал. *простая дорога* (ворон.). Ср. метаф. *походи яко прост путь свои* (греч. ἀπλώσῃσ; Иов XXII, 3) (Геннадиевская Библия, 1499), а также описание идеального пути: *Мирскому бо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити, не касающееся ни десных, ни шух* (Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, 1576; аналогичный контекст содержится в Собрании некоего старца Вассиана Патрикеева). Характерно, что словосочетание *простой путь*, в отличие от словосочетания *простая дорога*, стандартно используется в современном русском языке для указания на способ преодоления нефизического пространства⁴⁶.

Связь между свойством дороги и названием дороги по этому свойству представлена также в паре *чистая дорога* (*чистый путь*) и *цеста*. Согласно гипотезе В. Н. Топорова, праслав. **cěsta* (словен. *cěsta*, с.-х. *цѣста*, чеш., словац., пол. диал. *cesta*) восходит к словосочетанию **cěsta dorga* ‘ровная дорога’, в котором **cěsta* представляет собой part. praet. pass. от глагола **cěs-ti* ‘скоблить, выравнивать’. Праслав. **cěsta* считается архаическим регионализмом, распространенным на территории от Карпат до предгорий Альп, включая сев.-зап. Балканы, т. е. в гористой местности, где хорошие дороги предполагают процесс выравнивания [Топоров IV: 108—111]⁴⁷. Ср. также переход «свойство дороги → название дороги по этому свойству»: *большая дорога* — *большак, большевик*; *зимняя дорога* — *зимник*; *летняя дорога* — *летник*; *ледяная дорога* — *ледянка*; *санная дорога* — *санник*.

⁴⁶ Ср. синонимичность словосочетаний *прямой путь, прямая дорога*.

⁴⁷ В др.-рус. текстах представлены формулы *дорога чиста, путь чист*, указывающие на возможность беспрепятственного проезда; ср: *дорога чиста безо всякие обиды и задержания* (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским, 1568); *путь ваш чист есть по моей волости* (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1266—1272); *путь чист без рубежа* (Новгородская договорная грамота, 1426—1461).

«Коммуникационные» контексты (номинация для прямой дороги или указание на прямизну дороги) содержат возможность оценки расстояния. Свойство прямизны позволяет выделить и актуализировать смысл 'короткий' (если путь прямой, то он короткий). Вместе с тем, дорога, ведущая прямо к конечной точке, позволяет достичь цели быстрее, чем окольная (если путь короткий, то цели можно достичь быстрее). Таким образом, прямая дорога ассоциируется с быстротой передвижения. Эта ассоциация представлена в наречиях, содержащих основу **prost-*; ср., например, глоссу в Геннадиевской Библии 1499, где наречию *попрость*, встретившемуся во фразе *Вставше, поидем попрость* (Быт. XXXIII, 12), соответствует помета на полях *скоро* (в отв. с греч. *ἐπ' εὐδαια*). Наречное значение 'за небольшой период времени' представлено в новгородских берестяных грамотах, где фиксируется конструкция *с(о) проста* [Зализняк 2004: 788].

Оппозиция 'прямой' VS. 'непрямой' неизменно получает метафорическое осмысление. При этом вертикальная и горизонтальная оси осмысляются не вполне параллельно. Движение по вертикали предполагает только движение по прямой, тогда как движение по горизонтали может протекать по-разному (ср.: «Однако извилистость и кривизна касаются только пути на/по земле, то есть по горизонтали. Путь по вертикали, прежде всего в верхний мир, совершенно иной: он должен быть прямым» [Цивьян 1999: 43]).

Оппозиция 'прямая дорога' VS. 'окольная дорога', как хорошо известно, может переосмысляться как оппозиция 'соответствие норме' VS. 'нарушение нормы'; в частности, 'правильного' VS. 'неправильного' жизненного пути (ср. пословицу: *Где виден путь прямой, там не ездят по кривому*).

Маркированная прагматика основ, указывающих на прямизну, определяет развитие ряда значений, в которых реализуются представления об истинности (правильности), образцовости; см. развитие греч. *ὀρθῶς*, лат. *directus* (и других слов, восходящий к и.-е. **rēg'-* : *rēg'-*), родственные рус. *прям-* ср.-в.-нем. *vrum* 'полезный', др.-в.-нем. *fruma* 'польза', нов.-н.-нем. *fromm* 'набожный', а также использование *прям(о)*, *прямой* и *правый* для характеристики объекта как соответствующего представлениям о справедливости: *прѣмь сѣднѣ ѿ еси* [SJS: 546]; *А судит прямо по кр(е)стному целованью* (Псковская судная грамота, XVI-XV); *суд прям* (Челобитная старца Авраамия, XVII); *ты хотя правую притчину имеешь к гневу, однакож надобно тебе всячески от того удержатся* (А. Т. Болотов, Памятная книжка, 1761) или как соответствующего представлениям об истинности: *Премь пишем и прем чем* (Ефрем Сирий, XIV); *Вы именуется христиане, но не во всем веру христову держите прямо* (Прения о вере, возникшие по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, 1644); *Тот Дмитрей был не прямой государь, вор, рострига* (Памятники дипломатических отношений с Римскою импери-

ей, 1621), *правые вести про него нет* (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией, 1518).

Хорошо известно также, что в языках для обозначения не левой стороны используются слова, указывающие на некоторое положительное свойство (это соотнесение считается семантической универсалией). Известно также, что в и.-е. языках значение ‘не левый’ передавалось единообразно — словами, восходящими к и.-е. основе **dek's-* (‘поднимать [руку]’ > ‘читать’); см. [Гамкрелидзе, Иванов II: 783—786; Pokorny I: 190]; ср. ст.-сл. *дѣснѣ*, греч. *δεξιτερός*, лат. *dexter*, лит. *dėšinas* и др.⁴⁸

Позднее в ряде и.-е. языков значение ‘не левый’ развили слова, изначально указывавшие на прямизну (например, восходящие к корню **rēg'-* : *rēg'-*; ср. также ст.-сл. *правъ*). Очевидно, что в основе этого перехода лежит представление об оптимальности, образцовости. Вероятно, использование в значении ‘не левый’ слов, соотносимых с идеей прямизны и имевших положительные коннотации, могло быть вызвано механизмом симметрии, установлением параллелизма с номинацией, обозначающей ‘левый’. В качестве такой номинации для левой стороны, связывавшейся с дурным, неблагоприятным началом и подлежавшей табуизации, могли выступать слова, указывающие на кривизну (ср., например: *левый* (родств. лат. *laevus* ‘левый’, ‘изогнутый’; и.-е. **laiu-* ‘кривой’ [ЭССЯ 15: 31]), болг. *крива ръка*, с.-хорв. *ruka kriva*, *кривъ странъ* (‘левая сторона’), а также лит. *kairas*, *kairias* ‘левый’, латыш. *krēiss* ‘левый’). Таким образом, эволюция шла, по всей видимости, следующим образом: ‘хороший (благоприятный)’ / ‘не левый’ VS. ‘плохой (неблагоприятный)’ / ‘левый’ → ‘хороший (благоприятный)’ / ‘не левый’ VS. ‘кривой (неблагоприятный)’ / ‘левый’ → ‘прямой (благоприятный)’ / ‘не левый’ VS. ‘кривой (неблагоприятный)’ / ‘левый’.

Так, например, во французском языке изначально была представлена восходящая к латыни оппозиция *dexter* VS. *sinister*, передававшая общее представление о противопоставлении благоприятного и неблагоприятного начала, однако затем *sinister* стало вытесняться словом *gauche*: согласно одной гипотезе, оно образовано от *ganchir*, *guenchir* (ср. нем. *wanken*) ‘отклоняться от прямой линии’, а согласно другой гипотезе, от галло-романского глагола **valgicare* (ср. лат. *valgus* ‘кривой’). И только после того, как слово *gauche* начало устойчиво связываться со смыслом ‘левый’ (нач. XV в.), произошла замена *dexter* на *droit* (конец XV в.) [DHLF I: 1069, 1140; II: 1561; III:

⁴⁸ Оппозициям *прямой* VS. *кривой*; *правый* VS. *левый* посвящена обширная литература. См., например [Шайкевич 1959; Winter 1985; Leeuwen-Turnovcová 1990; Цейтлин 1996; Толстая 1998; Генералова 1998; Якушкина 2002; ЭСТЯ: 299—302].

3517]⁴⁹. В др.-рус. текстах прилагательное *правый* начало вытеснять прилагательное *десный* с XVI в.

Общая логика соотношения слов, указывающих на прямизну, со значением ‘не левый’ отражена и в истории слова *простой*: согласно СРНГ, в костр. диалектах зафиксировано употребление прилагательного в этом значении.

Таким образом, можно сказать, что в современном словосочетании *простой путь* представлено одно из древнейших значений прилагательного. На определенном этапе развития словаря русского языка прилагательное *простой* являлось синонимом прилагательных *прямой* и *правый*. В случае *простой* оппозиция ‘не отклоняющийся от прямой линии’ VS. ‘отклоняющийся от прямой линии’ [по горизонтали] получила незначительное развитие (ср. диалектное значение ‘не левый’). Для многозначности прилагательного *правый* оказываются особенно актуальны представления о пространстве (значение ‘не левый’) и образцовости⁵⁰, а для прилагательного *прямой* — представление о короткой дистанции и даже отсутствии дистанции. В результате перераспределения синонимов прилагательное *простой* перестало соотноситься с представлением о прямизне. Словосочетание же *простой путь*, сохранившееся в языке, было переосмыслено с точки зрения развившейся в более позднее время оппозиции *простой* (= ‘легкий’) VS. *сложный* (= ‘трудный’).

Литература и источники

- Агапкина 1996 — Агапкина Т. А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Агапкина 1999 — Агапкина Т. А. Дерево // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 60—67.
- Бабаева 2006 — Бабаева Е. Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006.
- Бенвенист 1995 — Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Бондаренко 2003 — Бондаренко Г. В. Мифология пространства древней Ирландии. М., 2003.
- Варбот 1993 — Варбот Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском языке // Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993: Докл. рос. делегации. М., 1993. С. 23—24.

⁴⁹ В англ. языке *left* (из **lyft* ‘слабый, плохой’) стало употребляться в значении ‘не правый’ с XIII в.

⁵⁰ Современные словари считают прилагательные *правый*¹ и *правый*², связанные соответственно с представлением о пространстве и образцовости, омонимами.

- Гамкрелидзе, Иванов I—II — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Благовещенск, 1998.
- Генералова 1998 — *Генералова Е. В.* Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое-кривое» в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
- Даль I—III — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1956.
- Елизаренкова 1999 — *Елизаренкова Т. Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Иванов 1986 — *Иванов Вяч. Вс.* О соотношении этимологии и реконструкции текста // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 66—70.
- Иванов, Топоров 1978 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О языке древнего славянско-го права // *Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.: Докл. сов. делегации.* М., 1978. С. 221—240.
- Иллич-Свитыч 1968 — *Иллич-Свитыч В. М.* Соответствия смычных в ностратических языках // *Этимология* 1966. М., 1968. С. 304—305.
- Иллич-Свитыч I — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь / Под ред. В. А. Дыбо. 2-е изд., испр. М., 2003.
- Коломиец 1986 — *Коломиец В. Т.* Названия дорог в индоевропейских языках // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 95—101.
- Кочергина 1996 — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь / Под ред. В. И. Кальянова. М., 1996.
- Красухин 2000 — *Красухин К. Г.* Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки // *Язык о языке* / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 23—44.
- Куркина 1971 — *Куркина Л. В.* Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // *Этимология* 1968. М., 1971. С. 92—105.
- Куркина 1991 — *Куркина Л. В.* *Щерба. Рязь. Загызнуть. Простень* // *Современные русские говоры.* М., 1991. С. 175—177.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Дорога // *Славянские древности: Этнолингв. словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 124—129.
- Мельничук 1986 — *Мельничук А. С.* О сущности беглого *s-* // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 137—145.
- Ондруш 1986 — *Ондруш Ш.* Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев // *Этимология* 1984. М., 1986. С. 176—180.
- Пичхадзе 2003 — *Пичхадзе А. А.* Словарные статьи ПРА и ПРО // *Новое в русской этимологии.* I. М., 2003. С. 175, 177—178.
- Петрухин 2004 — *Петрухин В. Я.* Мировое дерево // *Славянские древности: Этнолингв. словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 253—254.
- Преображенский I—II — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1958—1959.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- СДРЯ XI—XIV вв. — *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.).* Т. 1— М., 1988—. (Изд. продолж.).

- Срезневский I—III — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1893—1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 1—. Л., 1966—. (Изд. продолж.).
- СРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. I—. М., 1971—. (Изд. продолж.).
- СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Толстая 1996 — *Толстая С. М.* Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 89—103.
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. Т. II. М., 1998. С. 215—229.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 172—190.
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.
- Топоров I—V — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. Т. I—V. М., 1975—1990.
- Топоров 1974 — *Топоров В. Н.* Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 3—19.
- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Пространство // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 340—342.
- Топоров 1982a — *Топоров В. Н.* Путь // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 352—353.
- Топоров 1996 — *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения: Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 7—88.
- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции. М., 1998.
- Топоров 2004 — *Топоров В. Н.* О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рожд. акад. Н. И. Толстого (1923—1996). М., 2004. С. 12—106.
- Трубачев 1965 — *Трубачев О. Н.* Славянское *dvigati* // Этимология 1964. М., 1965.
- Фасмер I—IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—III. М., 1986—1987.
- Цейтлин 1996 — *Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI—XIV/XV вв.: Проблемы и методы. М., 1996.
- Цивьян 1990 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской картины мира. М., 1990.
- Цивьян 1999 — *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира: Исследования по структуре текста. М., 1999.
- Черных I—II — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I—II. М., 1993.
- Шайкевич 1959 — *Шайкевич А. Я.* Слова со значением «правый» и «левый» (опыт сопоставительного анализа) // Учен. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. Т. XXIII. М., 1959. С. 55—74.

- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1 — М., 1974 — (Изд. продолж.).
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л М Н П С. М., 2003.
- Яковлева 1994 — Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Якушкина 2002 — Якушкина Е. И. Оппозиции прямой — кривой и прямой — обратный и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 163—183.
- Benveniste 1948 — Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
- Chantraine I—II — Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. I—II. Paris, 1984—1990.
- DHLF — Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. de Alain Rey. T. I—III. Paris, 1998.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. 1 — Praha, 1989 — (Изд. продолж.).
- Hocart 1970 — Hocart A. M. Kings and Councillors. Chicago; London, 1970.
- Jackson 1995 — Jackson H. Words and Their Meaning. London; New York, 1995.
- Kluge 1999 — Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch des deutschen Sprache / Bearb. von Elmar Seebold. Berlin; New York, 1999.
- Leeuwen-Turnovcová 1990 — van Leeuwen-Turnovcová J. Rechts und links in Europa. Ein Beitrag zur Semantik und Symbolik der Geschlechterpolarität. Berlin, 1990.
- Martinet 1955 — Martinet A. Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Berne, 1955.
- Pokorny I—II — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bde I—II. Bern, 1951—1969.
- Prellwitz 1897 — Prellwitz W. Studien zur indogermanischen Etymologie und Wortbildung // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Bd. XIII. Göttingen, 1897.
- SJS 1—51 — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—1997.
- Winter 1985 — Winter W. 'Left' or 'right'? // Historical Semantics and Historical Word-formation // Papers of the International conference on Historical Semantics and Historical Word Formation, Held at Błazejewko, Poland, 28—31 March 1984) / Ed. by J. Fisiak. Berlin; New York; Amsterdam, 1985.

«ЧИТАЛ» ЛИ ДРЕВНЕРУССКИЙ КНИЖНИК МИНИАТЮРЫ ЛИЦЕВЫХ РУКОПИСЕЙ? (Об одном фантоме в изучении лицевого книгописания)

А. А. Турилов

Институт славяноведения РАН, Москва

Причины и механизмы возникновения добросовестных ошибок и заблуждений в гуманитарных науках (недобросовестные представляют, несомненно, отдельный случай) — проблема столь же занимательная, сколь и сложная. Бесспорно, что они возникают обычно в областях или вопросах, маргинальных для заблуждающегося исследователя, или же отражают общее состояние науки на определенном этапе, и уже в силу этого от них мало кто застрахован. При этом порой нельзя найти более разумного объяснения, чем «затмение», нашедшее на ученого в какой-то момент, когда он не видит наиболее очевидной причины исследуемого им факта или феномена (замечу, что такое объяснение не является ни плагиатом, ни пародией по отношению к гипотезе Э. Кинана по поводу авторства «Слова о полку Игореве»). Дальнейшая судьба таких ошибок в историографии может быть разной. Крупные и/или проблемные темы вызывают обычно более или менее быструю реакцию других исследователей, и по крайней мере спорность заявленного тезиса рано фиксируется. Более мелкие и нейтральные могут «оседать на дно», к ним позднее периодически обращаются другие ученые, некритически повторяя тезис предшественника (в особенности, если он достаточно авторитетен и известен своей научной добросовестностью). Так постепенно создается целая небольшая историографическая (парадигматическая по своей сути) традиция, тем более прочная, чем больше число составляющих ее сочинений (как говорил персонаж Льюиса Керролла: «Правда то, что повторено трижды»).

В 1969 г. вышла в свет небольшая статья В. Ф. Покровской с заглавием, которое не могло не привлечь к себе внимания и историков рукописной книги, и текстологов, и литературоведов, и искусствоведов: «Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей» [Покровская 1969]. В работе шла речь о конкретном примере такого «чтения» — достаточ-

но позднем (1730-е гг.) списке с лицевого Хронографа редакции 1512 г. (БАН, Основное собр., 21.6.5), за 10 лет до этого получившем печатное описание [Описание 1959: 108—115]. Сам список второй четверти XVIII в. не имел миниатюр, но в этом и заключалась его ценность, поскольку повествование в нем перемежалось текстами разной продолжительности, связанными с лицевыми изображениями протографа. В снятии копии участвовало 5 или 6 писцов; тексты, связанные с миниатюрами, имеются у каждого из них, т. е. они безусловно не являются личной инициативой (либо индивидуальной прихотью) одного из переписчиков. Присутствие этих дополнительных текстов, перемежающих повествование хронографа, автор объяснила следующим образом:

За неимением средств художественного воспроизведения все они (писцы. — *А. Т.*) последовательно дополнили словесное изложение своим прочтением относящихся к нему миниатюр. Этот единственно возможный в данном случае способ должен заменить зрительное восприятие рисунков самими читателями, и надо полагать, что видение миниатюры глазами писцов в значительной мере было сходно с процессом чтения подлинной лицевой рукописи их современниками [Покровская 1969: 167].

Дополнительный аргумент в пользу того, что упомянутые тексты представляют именно пересказ содержания миниатюр, В. Ф. Покровская видела в том, что «все вставки в рукописи сделаны только после (врядка Покровской. — *А. Т.*) соответствующих отрывков (то более кратких, по несколько на странице, то более длинных...)» [Покровская: 167—168]. Наблюдения и выводы были повторены исследовательницей в более пространной статье, опубликованной год спустя [Покровская 1970], однако в позднейшей литературе ссылки делаются лишь на первую (возможно, именно из-за ее названия — по заглавию второй не так легко догадаться, о чем там идет речь).

В принципе, ничего невероятного в объяснении В. Ф. Покровской не было, хотя и представляется, что оно куда более тесно связано именно со временем списка Хронографа БАН, 21.6.5 (1730-ми гг., т. е. эпохой в значительной степени переходной), чем с собственно древнерусской традицией. Ведь именно XVIII в. (и, к слову, даже не очень ранний) дает нам своеобразный шедевр словесного описания сложных иконографических сюжетов (своего рода «лебединую песнь» этого мастерства) — Сводный толковый иконописный подлинник, списки которого ранее середины этого столетия — насколько мне известно — обычно не встречаются.

Однако простое сопоставление «описания миниатюр» в Хронографе БАН, 21.6.5 со статьями Сводного подлинника демонстрирует несомненную разницу приемов и характеристик у автора (или авторов) последнего и (по версии В. Ф. Покровской) коллектива переписчиков всемирно-исторического свода. Обратимся к первому же примеру описания сюжетной композиции в Подлиннике:

Собор Пресвятыя Богородицы иже Миасинех сиречь Пречистыя Озоровская(!). Град стоит киноварь, а к нему святитель идет, аки Власей, а пред ним икону несут Пречистыя Владимирския, старцы и народи идут со кресты, а в долу езеро и гора, а на езере корабль с воинством, а Пречистыя образ из езера Азурова восплы, а святитель аки Власей, наклонясь, принял руками. А народи, старцы и руси и млады со кресты встречают из града [Подлинник 1903: 26].

«Описателей миниатюр» в Хронографе БАН, 21.6.5, в отличие от составителя Подлинника, совершенно не интересуется зрительный ассоциативный ряд (иконографические аналогии — «подобие», цвет). Это хорошо видно даже в самых подробных из «пересказов сюжетов», см., например, «описание» изображения жертвоприношения Авраама:

Рабы с ослетем; Исаку дрова на плещах. Авраам огонь и нож взем, пришед созд олтарь; запен Исака возлож верху дров, ножем его закалат. Глагол ангелов; овен в саду. Авраам закла овен во Исака место. Жертва к Богу, благословение Господне Аврааму и семени его» [Покровская 1969: 168].

И хотя статья В. Ф. Покровской уверяет читателя в обратном, представить себе миниатюры по этим «описаниям» невозможно (или, во всяком случае, весьма трудно). Правда, на это можно резонно возразить, что переписчики Хронографа в 1730-х гг. вовсе не обязательно должны были быть иконописцами и использовать жанр и стилистику Подлинника. Но и сама автор (в разрез со своей гипотезой) в заключительной части статьи дает «описаниям миниатюр» вполне объективную характеристику:

Решив воспроизвести и то и другое (т. е. текст и миниатюры. — А. Т.) как одну неделимую общность, писцы нашей рукописи ни разу (разрядка В. Ф. Покровской. — А. Т.) не вышли за рамки текста. Все увиденные подробности изображений они раскрыли, следуя дословно за изложением, беря из переписанного текста названия реальных и даже целые выражения для передачи содержания миниатюры [Покровская 1969: 169].

Но если это так, то что же в этих описаниях не от текста, а от самих миниатюр?

Если отвлечься от несомненной красоты (буквально «картинности») и вполне понятной притягательности версии В. Ф. Покровской, то в предложенном ею объяснении вставок-«описаний» в списке Хронографа 1730-х гг. поражает прежде всего безграничный и ничем (за исключением неумения рисовать) не мотивированный энтузиазм коллектива переписчиков, которые буквально не жалея ни сил, ни времени, дружно и единодушно занимались пересказыванием миниатюр, вместо того, чтобы просто опустить их. Времени на это (учитывая, что для «описания» нужно внимательно рассмотреть миниатюру и прочесть, осмыслить и кратко пересказать связанный с нею текст),

вероятно, должно было уйти не меньше, чем на саму переписку¹. Все это делает Хронограф БАН, 21.6.5 (разумеется, в рамках предложенного объяснения) абсолютно уникальным явлением. Известно, что отдельные тома Лицевого летописного свода копировались в XVII—XVIII вв., но миниатюры при переписке бестрепетно опускались². Конечно, можно привести примеры того, как авторы из-за элементарного неумения рисовать или из-за неразработанности композиции ограничивались вместо графического воплощения сюжета его словесной характеристикой (как один из предводителей Фронды, — герцог Бофор, — украсивший стены своей камеры в Венсенском замке рамками для неосуществленных художественных сатир на кардинала Мазарини с подписями под ними, — сюжет, несомненно, памятный всем по «Двадцать лет спустя» Дюма) или даже просто помещенным в рамке трогательным обещанием: «Здесь будет картина» (как кто-то из семейства вологодских книгописцев-«старинщиков» Каликиных в лицевом полемическом сборнике РГБ, собр. Единичных поступлений (ф. 722, № 102³). Однако в этих случаях речь идет о заведомо ограниченном числе сюжетов, а не о 1542, как в рукописи БАН [Покровская 1969: 169]. Все это заставляет думать, что вставки в Хронографе БАН, 21.6.5 имеют иную природу.

В. Ф. Покровскую при определении направления ее поисков явно подвели три обстоятельства разной степени важности. Во-первых, будучи сотрудником ОРРК БАН, она работала с рукописями прежде всего «своего» собрания (к сожалению, ахиллесова пята многих сотрудников крупных хранилищ), и ей загадочным образом не пришло в голову поискать оригинал лицевого Хронографа в другом месте (между тем он — о чем ниже — получил известность в науке раньше, чем копия БАН, 21.6.5, и обращение к нему не оставило бы никаких сомнений в реальном наполнении «описания миниатюр»). Во-вторых (и это немаловажно), она не была искусствоведом по специальности и работала с лицевыми рукописями (за исключением Лицевого летописного

¹ При этом копиисты, должно быть, весьма тщательно следили за языком «описаний миниатюр»: явных примет XVIII в. он не обнаруживает, во всяком случае, на материале приведенных В. Ф. Покровской примеров; не отмечает исследовательница и индивидуальных особенностей «пересказа» изображений у разных писцов.

² Помимо Лебедевской и Александро-Невской летописей XVII в. [ПСРЛ 29: 5—7; 117—355], можно указать также ставший известным недавно список с Лаптевского тома Свода (находившегося в то время в Калуге и принадлежавшего надворному советнику Н. Ф. Михайлову), сделанный в 1794 г. для калужского губернского предводителя дворянства, историка-любителя и собирателя древностей А. В. Рагозинского (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 22, № 57) [Кобяк и др. 1997: 43, 84; № 37].

³ Об этой рукописи, написанной на бумаге конца XVIII в., извлеченной из старых архивных дел, см.: [Турилов 1990: 126].

свода, но он в данном случае не показателен) не более, чем любой сотрудник крупного хранилища, вплотную ими не занимающийся. У искусствовед-медиевиста, даже не работающего специально с книжной миниатюрой (и без знания о существовании оригинала), «описания изображений» в Хронографе вызвало бы иной (и при этом, несомненно, более правильный) круг ассоциаций (правда, искусствовед в свою очередь едва ли стал бы исследовать рукопись XVIII в., не имеющую иллюминации). И, наконец, переписчики 1730-х гг. работали очень добросовестно, но они сэкономили на краске, выполнив «описания миниатюр» теми же чернилами, которыми они копировали основной текст: написанные красной краской любой разновидности, они выглядели бы в рукописи совсем по-иному. Тому, что гипотеза Покровской не встретила возражений у других исследователей, в немалой степени способствовала ее репутация тонкого и проникательного источниковеда, что вполне соответствовало действительности: незадолго до публикации рассматриваемой здесь статьи она надежно установила (на уровне конкретного кодекса) один из источников Лицевого летописного свода и сделала весьма важные наблюдения о подготовительной работе для иллюстрации текста памятника [Покровская 1966].

Шестнадцать лет спустя после выхода в свет работы В. Ф. Покровской И. Н. Лебедева в статье «Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе» [Лебедева 1985а: 45, 49—50, 53] (вариант которой почти одновременно вышел и в составе ее книги [Лебедева 1985б: 96, 98—99]) вполне успешно использовала гипотезу своей старшей коллеги для объяснения появления загадочных заголовков в одной из редакций русского перевода «Повести о Варлааме и Иоасафе», представленного рядом списков конца XV—XVI вв. Опираясь на тщательный и взвешенный текстологический анализ, исследовательница без труда буквально сокрушила романтическую теорию Н. П. Попова [Попов 1926] о связи Афанасьевского извода Повести с «католической пропагандой» и с обличением ереси «жидовствующих» в Новгороде в конце XV в., опирающуюся, в частности, и на эти киноарные «заголовки» и довольно длительное время принятую в научной литературе, хотя и в форме беглых ссылок [Казакова, Лурье 1955: 415; Клибанов 1960: 347; Голенищев-Кутузов 1972: 225]. И. Н. Лебедева убедительно показала, что эти «заголовки» в реальности отражают лицевой протограф извода и не имеют отношения к идеологической тенденции текста, как трактовал ее Н. П. Попов [Попов 1926: 215—219, 224—226]. Самим материалом (киноварь заголовков, места, оставленные для миниатюр в Креховском списке Повести о Варлааме и Иоасафе) исследовательница была вплотную подведена к правильному решению, — чем же в действительности являются «заголовки» Афанасьевского извода, — но, вероятно, она либо слишком увлеклась красотой версии В. Ф. Покровской, либо безоговорочно доверилась ее авторитету. Таким об-

разом, сюжет «чтения» книжниками миниатюр спустился почти на два с половиной столетия — от 1730-х гг. до рубежа XV—XVI вв. (дата старшего — ГИМ, Барс. № 713 — списка Афанасьевского извода [Лебедева 1985а: 53]), то есть в эпоху до существования Толкового иконописного подлинника.

Продолжает сохранять свою привлекательность гипотеза В. Ф. Покровской и для исследователей последних лет⁴. В совсем недавней книге, посвященной «Истории Российской» В. Н. Татищева, А. П. Толочко, исследуя вопрос о происхождении уникальных портретных характеристик памятника (и справедливо характеризуя их как авторский вымысел), апеллирует, в частности, и к механизму «чтения» миниатюр, описанному В. Ф. Покровской [Толочко 2005: 338—340]. В вышедшей чуть раньше обзорной монографии В. Д. Черного точка зрения В. Ф. Покровской также вполне безоговорочно принята на веру [Черный 2004: 360—361].

Разумеется, и в списке 1730-х гг. Хронографа БАН, и в списках Афанасьевского извода Повести о Варлааме и Иоасафе дополнительные тексты представляют собой не пересказы содержания («описания») миниатюр, а копии киноарных надписей на них. Иными словами, это следствие не «чтения» лицевых изображений книжником, а их наименования (для дополнительной информативности) художником-миниатюристом, подобный надписаниям в клеймах икон. Практика подобных надписаний, очевидно, современна самому появлению сюжетных композиций (хотя применялась и не во всех случаях) и на русской почве фиксируется с домонгольского времени. Полную типологическую аналогию кратким «пересказам миниатюр» Хронографа можно найти уже в надписях на суздальских «золотых вратах» первой трети XIII в. (ср.: «Ангел изгонит Адама и Евгу из рая», или: «Убивает Каин Авеля брата своего» на южных вратах [Медынцева 1991: 166, 168, 171—172], и: «Жена Петефериина глаголет со Иосифом», или: «Исаак жнет с рабы» в Хронографе [Покровская 1969: 168]). В XVI в. эти надписи становятся порой весьма пространными, вероятно, под влиянием надписей на клеймах житийных образов, а позднее и на иконах с усложненной богословской тематикой, таких, к примеру, как знаменитая псковская «четырёхчастная» икона кремлевского Благовещенского собора [Подобедова 1972: 40—53; Качалова и др. 1990: 61—64, 178—186] или «Страшный суд» из собрания Национального музея в Стокгольме [Kjellin 1956: 140—141, 298—302; Abel, Moog 2002: 72—75, 216—217] (хотя на последних обилие надписей, вне сомнений, более оправдано, чем на миниатюрах). Так что работа переписчиков в случаях, описанных В. Ф. Покровской и И. Н. Лебедевой, сводилась просто к добросовестному копирова-

⁴ Я не ставил задачу выявить все случаи ее использования исследователями, ограничившись лишь несколькими примерами.

нию всего, что написано в оригинале (в случае с Хронографом даже без выделения цветом). Незавершенные работой лицевые рукописи XVI—XVII вв., в которых для миниатюр оставлены места и сделаны киноварные надписания сюжетов, не являются редкостью и представлены в отечественных хранилищах по крайней мере десятками экземпляров. Из относительно ранних можно привести пример «Христианской топографии Козьмы Индикоплова» в составе псковского сборника 1519 г. (РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 314, л. 1—127 об.). То, что по отношению к Хронографу БАН (находящемуся у истоков рассматриваемого историографического фантома) это не догадка, а несомненный факт, следует из существования его непосредственного протографа — рукописи конца XVI в. (РГБ, собр. Е. Е. Егорова, № 202). Она проиллюстрирована лишь частично (при том, что содержит 1269 миниатюр [Пушкарев 1983: 37]), а второй ее том (ГИМ, Барс. № 1695) вообще не имеет изображений, однако на всех предназначавшихся для них местах ярким оранжево-красным суриком сделаны надписания сюжетов [Щепкина, Протасьева 1995: 58] (подробнее о рукописи см.: [Клосс 1980: 206—207; Пушкарев 1983: 37—43]). Показательно, что миниатюры в этом Хронографе следуют за повествованием, а не предшествуют ему (ср.: [Покровская 1969: 167—168]). Целый ряд иллюстраций из этого незаурядного кодекса (вместе с надписями на них) был издан еще в 1933 г. Г. П. Георгиевским и М. В. Алпатовым (М. Владимировым) [Георгиевский, Владимиров 1933]⁵ (к слову заметить, издатели предполагали, что кодекс может быть частью Лицевого летописного свода). Приведенным в статье В. Ф. Покровской цитатам из списка БАН, 21.6.5 [Покровская 1969: 168—169] полностью соответствуют подписи к миниатюрам Егоровского хронографа.

Из всего сказанного выше, разумеется, не следует, что миниатюры лицевых рукописей не были предметом самого внимательного рассмотрения читателями и писцами кодексов, чье восприятие могло отличаться от профессионального «прочтения» иконописцев. Ясно, однако, что механизм этого восприятия должен исследоваться с помощью иных подходов и, вероятно, на другом материале.

Литература и источники

Георгиевский, Владимиров 1933 — Георгиевский Г. П., Владимиров М. В. Русская миниатюра. М., 1933.

⁵ Издание отдельных миниатюр в цвете (и тоже с подписями) см. также: [Русская Библия 1998: 138—141, 158—159].

- Голенищев-Кутузов 1972 — *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
- Казакова, Лурье 1955 — *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.; Л., 1955.
- Качалова и др. 1990 — *Качалова И. Я, Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля: К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990.
- Клибанов 1960 — *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.
- Клосс 1980 — *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.
- Кобяк и др. 1997 — *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV—XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakow-sko-Wileńskie studia slawistyczne.* Kraków, 1997. Т. 2. S. 41—112.
- Лебедева 1985а — *Лебедева И. Н.* Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе // *ТОДРЛ.* Т. 38. Л., 1985. С. 42—64.
- Лебедева 1985б — Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.
- Медынцева 1991 — *Медынцева А. А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI—XIII вв. М., 1991.
- Описание 1959 — Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 3. Вып. 1. М.; Л., 1959.
- Подлинник 1903 — Подлинник иконописный / Изд. С. Т. Большакова под ред. А. И. Успенского. М., 1903.
- Подобедова 1972 — *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
- Покровская 1966 — *Покровская В. Ф.* Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР.* Л., 1966. С. 5—19.
- Покровская 1969 — *Покровская В. Ф.* Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей // *ТОДРЛ.* Т. 24. Л., 1969. С. 167—170.
- Покровская 1970 — *Покровская В. Ф.* Об одном списке русского Хронографа редакции 1512 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1970. Вып. 3. С. 252—268.
- ПСРЛ 29 — Полное собрание русских летописей. Т. 29 (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись). М., 1965.
- Попов 1926 — *Попов Н. П.* Афанасиевский извод Повести о Варлааме и Иоасафе // *Изв. ОРЯС.* Т. 31. Л., 1926. С. 189—230.
- Пушкарев 1983 — Описание списков Хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ / Сост. Л. Н. Пушкарев. М., 1983.
- Русская Библия 1998 — Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе). Т. 9 (Приложения. Научное описание). М., 1998.
- Толочко 2005 — *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005.

Турилов 1990 — *Турилов А. А.* Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей // *Филигранологические исследования: Теория. Методика. Практика.* Л., 1990. С. 124—127.

Черный 2004 — *Черный В. Д.* Русская средневековая книжная миниатюра. Направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.

Щепкина, Протасьева 1995 — *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. 2-е изд. М., 1995.

Abel, Moor 2002 — *Abel U., Moor V.* Icons. Stockholm, 2002.

Kjellin 1956 — *Kjellin H.* Ryska ikoner i svensk och norsk ago. Stockholm, 1956.

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧ В ПОЛЬСКОЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ИПОСТАСИ

Джованна Броджи

Миланский университет

1. В 1669 г. Лазарь Баранович послал Симеону Полоцкому рукопись своих проповедей «Трубы словес проповедных», надеясь опубликовать ее в Москве при финансовой поддержке царя. Как известно, белорусский поэт, живший при дворе Алексея Михайловича, ответил тремя письмами¹. В первом он уверял, что произведение можно напечатать, и советовал при этом Барановичу замаскировать его веру в непорочное зачатие Девы Марии и добавить проповедь, из которой следовало бы, что его теологическая позиция не признает данного постулата. Во втором письме он извещал Барановича о многочисленных трудностях и высылал ему копию рукописи с исправлением языковых ошибок: например, Симеон писал о необходимости убрать из текста все случаи употребления двойственного числа и вопросительный знак в новом написании, ибо, с его точки зрения, они затрудняли понимание. В третьем письме Симеон сообщал, что невозможно было и думать о напечатании рукописи в Москве. Как известно, Лазарь еще несколько раз попытался напечатать свои проповеди в Москве, но в конце концов смог опубликовать их только в Киеве. И даже продажа этого произведения в Москве была запрещена.

Симеон утверждал, что напечатать проповеди Барановича в Москве невозможно из-за бушевавших тогда войн, но это объяснение неубедительно: войны были на Украине, а не в Москве, где должны бы были напечатать книгу. Вряд ли можно сослаться и на нехватку денег, ведь в конце концов царь подарил бумагу для печатания в Киеве. Причины московского фиаско Барановича, по-видимому, были иными, и кажется, что до сих пор они не нашли достойного объяснения.

Для церковной и политической деятельности Барановича характерно постоянное стремление найти компромисс между безусловной принадлежностью Украины к области политического влияния Москвы (он даже просил царя не возвращать Киев Польше), желанием сохранить независимость Киев-

¹ Письма опубликованы в [Rolland 1992].

ской митрополии и украинской культуры и намерением строго отграничить православную традицию от католической, представленной как латинской церковью (в частности, польской), так и униатской (греко-католической). Несмотря на то, что Баранович занимал антикатолическую позицию, он сочувствовал утопическим идеям великого объединения восточного и западного христианского мира, имея в виду возможную общую борьбу с оттоманскими неверными. С моей точки зрения, именно в этом многообразном ключе необходимо читать его произведения, именно эта трактовка поможет убедительно объяснить, почему Баранович не был признан Москвой.

В то время как черниговский архиепископ пытался напечатать свои проповеди в столице империи, он одновременно готовил сборник стихов на польском языке, который должен был стать неким подобием «Минеи». В 1670 г. это произведение под названием «*Żywoty świętych*» было напечатано в Киеве. Напомним, что отвергнутые москвичами «Трубы словес проповедных» были опубликованы в Киеве в 1674 г., но написаны несколько раньше. Появление двух этих книг, следовательно, можно считать почти одновременным.

Печать и в том, и в другом случае превосходная: крупный шрифт, многочисленные гравюры, широкие поля на страницах, традиционные посвящения царю и обращение к читателям. Видно, что в средствах не стеснялись, печать высочайшего качества. Оба издания откликнулись на важнейшие культурные запросы эпохи и религиозные потребности православной церкви в восточно-славянских землях. Тогда еще не существовали жития святых, которые могли бы свободно циркулировать среди верующих: «Четьи Минеи» Макария существовали только в виде нескольких рукописей в Москве, другие попытки написать жития провалились. Неслучайно спустя 20 лет Варлаам Ясинский приложил огромные усилия к тому, чтобы подготовить «Жития святых», которые вышли в свет только на рубеже XVII и XVIII вв. благодаря самозабвенному таланту Дмитрия Ростовского. Если же говорить о гомилетике, следует отметить, что проповедь воспринималась в Киеве как важнейшее средство укрепления православной церкви: Петр Могила дал точные образчики жанра в «Требнике», Иоанникий Галятовский написал трактаты по гомилетике и сборники примеров (*exempla*), вся программа Киевско-Могилянской коллегии была направлена на то, чтобы обучить ораторскому искусству, а именно — умению вести доктринальные диспуты и особенно умению проповедовать. Следовательно, и «*Żywoty świętych*», и «Трубы» отвечали насущным потребностям православного духовенства и верующих. Почему же Баранович столкнулся с такими трудностями при публикации «Труб» в Москве? И почему он написал «*Żywoty*» по-польски? И, наконец, почему именно эти два крупных произведения, столь важные и «функционально необходимые» для своей эпохи, привлекли наименьшее внимание современной крити-

ки? Начиная с XIX в. о Лазаре Барановиче стали писать книги и статьи, но лишь немногие из них — и то самые современные — посвящены изучению его сборников проповедей и житий. В известном смысле отказ Москвы опубликовать «Трубы» оказался предвестником целой серии «отказов» критики по отношению к украинскому писателю вплоть до нашего времени. Все безоговорочно признают историческую и политическую значимость личности Барановича, его интенсивную культурную и издательскую деятельность (точно вспомнить основанное им в Чернигове издательство) и роль «представителя» митрополита в те годы, когда киевская кафедра была вакантной. Однако столь же безоговорочно большая часть исследователей выражает глубокое презрение к избыточной барочной виртуозности Барановича, подчеркивая, что за его многословием скрывается отсутствие смысла и что его творчество поверхностно и нацелено на достижение легкого сиюминутного успеха. Часто подобное мнение сопровождается моральной оценкой, которая характеризует Барановича как честолюбца и интригана, жаждущего власти и денег.

Пересмотр столь резких и в целом отрицательных оценок не является целью данной статьи. В последнее время стало складываться новое восприятие поэзии и прозы Барановича в контексте польской и — шире — европейской барочной литературы, и это помогает лучше понять его риторическое и поэтическое искусство и высказать более адекватные суждения. Мои размышления о вышеуказанных произведениях будут ограничены вопросами лингвистического «узуса», точнее, языкового выбора и его функционального значения, не только потому, что они до сих пор мало изучены, но и потому, что являются эмблематичными для всего творчества Барановича.

2. С точки зрения культурной типологии оба произведения относятся к «цветущему» европейскому барокко, основанному на риторическом восприятии мира и литературы и на употреблении множества риторических словесных фигур и фигур мысли. В этом отношении они не только похожи между собой, но и, шире, соотносятся с критериями, доминирующими в польской и европейской культуре XVII в.

Эти произведения, однако, написаны на разных языках и принадлежат к разным литературным жанрам. «Жития» содержат элементы повествования (происхождение, рождение, деяния богоугодной жизни, проявления неугасающей веры, смерть и чудеса) и призваны вдохновлять верующих на то, чтобы следовать святым образцам. «Трубы» построены по другой риторической модели: это литургические чтения, предписанные для того или иного дня проповеди; они начинаются с ораторского приема «снискания благосклонности» (*«captatio benevolentiae»*), далее следует развитие темы, ее историческая, моральная и аллегорическая интерпретация, предостережение и

выводы. Внутренняя логика композиции двух произведений также различна. «*Żywoty świętych*» подчиняются «теологической иерархии»: Христос (12 сочинений), Богородица (11), ангелы (2), пророки (9), апостолы (19), пастыри (17), другие мученики и святые (51)². «Трубы» упорядочены по литургическому календарю с 1-го сентября до конца августа. Существенно также, что «*Żywoty świętych*» составлены из стихотворных текстов, различных по строфике и количеству строк, а «Трубы» написаны прозой.

Несмотря на эти существенные отличия, я считаю, что возможно сопоставлять эти произведения как в качественном, так и в функциональном плане, и это могло бы расширить наши представления о Барановиче. Во-первых, по большей части совпадают темы двух сочинений: большое место отводится Христу, но особенно впечатляет количество сочинений, посвященных Деве Марии. Более того, в «Трубах» много приложений, содержащих фрагменты в стихах (молитвы, акафисты, которые часто не следуют традиционным моделям, многочисленные «песни», посвященные Богородице, и разного рода «слова»). В связи с этим необходимо сделать одно уточнение: мне неизвестно, были ли отпечатаны «Трубы» с той самой рукописи, которую Баранович послал Симеону, а Симеон исправил. Возможно, «Приложения» были добавлены только для публикации в Киеве. Было бы полезно выяснить этот факт, чтобы лучше понять, как строилась коммуникация по вопросам культуры между Барановичем и Москвой. Учитывая сегодняшний уровень знаний, можно отметить, что киевское издание «Труб» не всегда точно соответствует нормам, предусмотренным для литературного жанра проповеди. В многочисленных случаях — это скорее всего речи-панегирики или «гимны в прозе», а не проповеди. Приведем в качестве примеров проповеди, посвященные Константину Великому и Андрею Первозванному. В первой проповеди красной нитью проходит мысль о том, что полное и безоговорочное почитание креста составляет подлинную силу и защиту государя и всего государства. Другая проповедь представляет собой собрание метафор, объединенных символом креста, за которым, по примеру Христа, пошел ап. Андрей, и крестом, который он установил на Киевском холме, чтобы положить начало христианскому пути «Росии» (напомним, что в эпоху Лазаря Барановича этот термин относился к украинским землям, точнее, к Киевской митрополии).

На сходные размышления наводят и «*Żywoty świętych*». Их повествовательное начало весьма ограничено, в основном это хвалебная поэзия, в которой выраженное посредством сложных поэтических метафор восхваление преобладает над агиографическими элементами. При желании можно найти некоторые типологические модели, которые сближают по композиции этот

² Более подробное описание дано в [Brogi Vercoff, в печати].

агиографический сборник со стихотворными сборниками, написанными на латыни в Испании и Италии в XVI—XVII вв. С другой стороны, кажется, что Баранович не следовал ни моделям, распространенным в Речи Посполитой или в тогдашней Украине (в первую очередь, П. Скарге), ни традиционным западным образцам (Сириусу и Липпоманусу, Якопо де Ворагине или более современным «Acta sanctorum» болландистов), ни образцу «Четых Миней» Макария. Порой кажется, что «*Żywoty świętych*» очень близки к проложным житиям, однако простота и прозаическая форма последних во многом отличает их от произведения Барановича, стихотворного по форме и выдержанного в духе панегирика³. Следует отметить и диалогически театральное отступление, в котором орудия Страстей Христовых декламируют стихи [*Żywoty świętych*, 1670]. Следовательно, и проповеди, и жития святых, написанные Барановичем, существенно отдаляются от норм, которым следуют эти литературные жанры, и сближаются между собой благодаря панегирическому стилю, переплетению различных жанровых элементов, сосредоточенности на жизни Девы Марии и западным доктринальным особенностям, таким, как непорочное зачатие Богородицы и упомянутое выше поклонение орудиям Страстей Христовых.

Несмотря на эти черты сходства двух произведений Барановича, написанных приблизительно в одно и то же время в одном и том же месте, они значительно отличаются друг от друга. Необходимо сосредоточиться на функциональном различии языкового выбора и языкового узуса. Как можно описать отношение между языковой системой и системой литературной коммуникации?

В первую очередь, следует подчеркнуть, что и в польском языке «*Żywoty świętych*», и в церковнославянском языке «Труб» заметны некоторые фонетические и лексические особенности украинского. По-другому не могло и быть, ведь данный феномен полностью вписывается в типологию употребления польского и церковнославянского в восточных землях польско-литовской Речи Посполитой в ту эпоху. Столь же очевидно, даже при первом быстром прочтении, что запутанный и порой темный синтаксис польского языка в «*Żywoty świętych*» отвечает потребности создать сложные, намеренно концептистские образы и метафоры, и это порождает трудности при поддержании метрического размера. В «Трубах» можно отметить некоторые полонизмы или рутенизмы, сосредоточенные в основном в стихотворном вступлении (На Титлу книги сея), например, «пѣснь правдива», «И Херовимы вшак змазы

³ Эти наблюдения были сделаны Ф. Балдини в неопубликованной диссертации, защищенной в Миланском университете в 2003 г.: «*Żywoty świętych*» Лазаря Барановича как пример концептуализма украинского барокко».

не мают / А Дѣвъ в Дѣвствѣ нѣгды не ровняют». Посвящение царю и прозаические проповеди написаны правильным, немного архаичным церковнославянским языком, ведь не зря Симеон в первом письме предлагал исправить все случаи употребления двойственного числа. Хотелось бы понять, что именно в проповедях, помимо доктринальных трактовок, подлежавших пересмотру, задевало лингвистическое чувство москвичей. Может быть, какие-то особенности церковнославянского языка Барановича, например, особенности морфологии, связанные с «нерусифицированной» моделью Мелетия Смотрицкого? Насколько мне известно, только теперь появляются первые исследования о функционировании церковнославянского языка в разных географических областях; их немного и они часто ограничиваются общими, всем известными наблюдениями (например, рифмы на *i/ъ* и другие похожие рифмы, некоторые лексические полонизмы). Замечания Симеона в адрес Лазаря Барановича, как и исправления, внесенные Сильвестром Медведевым в стихотворения Симеона Полоцкого, свидетельствуют о том, что уже за полвека до Петра I фонетика и морфология церковнославянского языка были не только серьезной «научной», но и идеологической проблемой в отношениях Москвы и Киева. Эти факты хорошо известны по драматическим — и религиозным, и интеллектуальным — перипетиям Мелетия Смотрицкого, подробно описанным Давидом Фриком.

Мне кажется уместным уточнить, что полонизмы и рутенизмы Барановича не вписываются в «системное» употребление «простой русской мовы»: речь идет всего лишь о региональных фонетических и морфологических особенностях и о случайных лексических заимствованиях. В польском языке также заметны только типичные для той эпохи регионализмы. По крайней мере, в печатных произведениях Баранович не проявляет себя поклонником «простой русской мовы», каковыми были — если вспомнить только наиболее известных современников черниговского архиепископа — И. Галятовский или А. Радивилловский. По-моему, использование «простой мовы» Барановичем в письмах и в нескольких предисловиях не стало предметом особого исследования. На сей раз я ограничусь тем, что рассмотрю соотношение польского и церковнославянского в двух анализируемых произведениях.

Какие лингвистические, культурные и личные (психологические) механизмы предопределили его выбор? Многочисленные попытки опубликовать проповеди в Москве могли быть мотивированы честолюбивыми намерениями. Известно, что Баранович высоко оценивал свои собственные литературные способности, и его концептистски вдохновенные поэтические произведения и рассуждения свидетельствуют о том, что он надеялся на поэтическую карьеру международного европейского уровня [Radyszewskýj 1996: 145—204; Рязанцева 1999; Ушкалов 1999]. Сам факт написания и последующей публи-

кации сборника под названием «Lutnia Apollinowa», а позже произведения, названного сначала «Apollo chrześcijański», а затем «Żywoty świętych», вводит писателя в широчайший контекст светской и церковной поэзии польского барокко, в частности, поэтики К. Сарбевского, известной своей «христианизацией» классической языческой традиции. С другой стороны, для православного писателя, высоко стоящего на лестнице церковной иерархии, естественно стремление опубликовать в Москве и посвятить царю крупное произведение на церковнославянском языке, с тем чтобы оно получило распространение в столице империи и прославило своего автора. После Андрусовского мира «двойственная принадлежность» Барановича и к польско-литовской культуре, и к православному миру, представленному Москвой и царем, выглядит как совершенно естественный факт. Следует, однако, подчеркнуть наличие третьего составляющего элемента, не менее важного для многогранной личности Барановича: ревностное отстаивание зависимости Киевской митрополии непосредственно от Константинополя. В «Трубах» содержится несколько проповедей, посвященных святым и историческим личностям, которые возвеличивают славу и ставропигию Печерской Лавры (свв. Андрей, Константин Великий, Владимир, Феодосий Печерский, Борис и Глеб и др.): в 1670 г. Киев принадлежал еще к Константинопольскому патриархату, и Баранович не собирался отказываться от позиции церкви, независимой от Москвы, хотя одновременно он препятствовал возвращению Киева полякам и надеялся отдать город и Лавру под покровительство царя. Вот почему вырисовывается предположение о том, что решение опубликовать «Трубы» в Москве на церковнославянском языке было продиктовано не только личными амбициями автора, но и конкретными обстоятельствами местной политики, а именно судьбой Украины, гетманства и украинской церкви.

Что же касается написанных по-польски «Żywoty świętych», то их социально-литературные, политические и церковные функции приобретают несколько иное значение, но цель остается неизменной. Восхваление тех же святых (свв. Андрея, Владимира и Константина, Бориса и Глеба, Феодосия и др.), несомненно, направлено на то, чтобы возвеличить святость и славу Печерской Лавры и Киева. При этом на польском языке подчеркивается их значение для православия, славяно-византийская древность и, следовательно, необходимость того, чтобы Киев находился под защитой православного царя и не принадлежал к польско-литовской Речи Посполитой.

Таковы были политические и идеологические обстоятельства создания и публикации обоих произведений. Имеет смысл задаться вопросом, каким именно читателям/слушателям они были адресованы. «Трубы» — царю, его детям, двору и боярам (мы знаем, что получив отказ царя, Лазарь обратился к Артамону Матвееву, чтобы напечатать проповеди; видимо, Матвееву при-

надлежала рукопись на трех языках — польском, церковнославянском и латинском, — хранящаяся в архиве Министерства иностранных дел в Москве [Сумцов 1885: 112]). Если бы «Трубы» были опубликованы в Москве, они более чем на 10 лет опередили бы посмертное издание сборников Симеона Полоцкого «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). «Трубы» были предназначены скорее для светской, чем церковной публики, во всяком случае, для публики, чувствительной к новшествам культуры западного барокко. Окружение патриарха и большая часть высшего московского духовенства, вероятно, мало интересовались проповедями западного образца, насыщенными концептизмом, однако Баранович мог надеяться, что царская семья и двор ответят на этот интеллектуальный вызов. Они находились под сильным культурным влиянием Симеона: известно, что в эпоху Алексея Михайловича, Федора и Софьи Алексеевны польские «канты» и «вирши» были сочувственно приняты в весьма ограниченном элитарном кругу. Возможно, Баранович хотел предложить проповеди на церковнославянском языке, дабы польстить барочным вкусам поклонников всего польского в царском окружении, выражаясь при этом на языке московского православия. Следовательно, можно предположить, что в принципе у Лазаря было намерение писать не для украинцев, а для определенного русского социального круга с тем, чтобы распространять западную культуру на языке, бывшем еще «иконой православия», несмотря на все регионализмы и уже произошедшую грамматическую кодификацию⁴. Тот факт, что в 1670 г. в Москве невозможно было напечатать «Трубы», видимо, свидетельствует, что Московская Русь еще не «созрела» для восприятия подлинной барочной гомилетики, соответствующей западным образцам. В самом деле, как это ни покажется парадоксальным, настоящее восприятие гомилетики в барочных риторических формах, пожалуй, происходит в Москве только при Петре I, когда в 1700 г. в Москву прибывает Стефан Яворский.

А кто же был адресатом «*Żywoty świętych*»? В первую очередь приходят на ум православные верующие с достаточно богатым культурным багажом, позволявшим им оценить сочинения, полные метафор, риторических фигур, каламбуров и сложных, часто неожиданных понятий. Для поколения Барановича (год его рождения точно неизвестен и колеблется между маловероятным 1593 и более правдоподобным 1620 г.) и Симеона Полоцкого польский язык

⁴ Мне представляется спорным мнение Б. А. Успенского, согласно которому в XVII в. в России можно четко выделить конвенциональный и неконвенциональный подход к церковнославянскому языку, основываясь на грамматической кодификации и на том факте, что на церковнославянском «говорили» и с него «переводили». Однако эта тема выходит за пределы моих рассуждений и требует дальнейших уточнений, помимо тех, которые уже были сделаны В. М. Живовым.

был наиболее престижным языком их социального круга, характерным для иезуитского образования и политической и культурной среды, в которой происходило их формирование и в которой они прожили свои молодые годы. Следовательно, легко предположить, что для Лазаря было естественным написать 400 страниц религиозных стихов о православных святых и адресовать их тем верующим, которые привыкли петь польские «канты» и даже читать молитвы по-польски: должно быть, это те самые верующие, для которых за 20 лет до написания Барановичем его стихотворных житий святых Симеон Полоцкий перевел на польский Акафист [Marinelli 1995]. Можно высказать гипотезу о том, что уже в 1674 г. Баранович думал о единстве украинской православной церкви, ибо было уже очевидным политическое разделение верующих, проживавших на правом и левом берегу Днепра. Должно быть, Баранович чувствовал угрозу, которую представляла собой униатская церковь для православных верующих в польско-литовских землях: Акафист и Жития святых на польском давали возможность привлечь верующих с правого берега Днепра и освободить их от влияния униатов. В 1680—1707 гг. эта проблема окажется в центре внимания Варлаама Ясинского [Brogi Bercoff 2004].

Одновременно уместно будет предположить, как уже говорилось выше, что среди польских читателей Баранович надеялся привлечь внимание иезуитов и других представителей интеллектуальной католической (латинской) элиты и дать им понять, какое сокровище христианской добродетели и святости кроется в Печерской Лавре и в подлинной православной славянско-византийской вере в целом.

Однако, как известно, для Барановича были характерны и широкие универсалистские устремления (как и для Галятовского, стремившегося опубликовать некоторые свои трактаты не только по-польски и на «простой русской мове», но и на латыни). В 70-е гг. XVII в. еще были живы мечты об объединении всех христиан в борьбе с оттоманами. В связи с этим можно предположить, что Баранович собирался создать культурный мост между столицей православия (Москвой), духовным центром восточного христианства (Константинополем) и важнейшим политическим и культурным центром тогдашней Восточной Европы (литовско-польской Речью Посполитой), представлявшим все западное (римско-католическое) христианство⁵. При подобной перспективе, зная, на какую публику были рассчитаны «*Żywoty świętych*», можно заключить, что Барановичу было неинтересно и ненужно писать на «простой русской мове». Он пытался воздействовать на самые «высокие» политические и культурные сферы могущественных держав той эпохи, и имен-

⁵ Протестанты были «еретиками» и во всяком случае не были склонны войти в потенциальную антиоттоманскую Лигу.

но этим объясняется решение писать на церковнославянском и на польском. С моей точки зрения, Лазарь, несомненно, разделял убеждение Петра Могилы о том, что православные верующие Украины и Белоруссии должны владеть языком православия, т. е. церковнославянским. Однако я считаю, что и для него, и для его поколения польский язык был более знакомым и приемлемым в литературных целях. В этом контексте стихотворное Предисловие к «Трубам», отличающееся многочисленными лексическими и синтаксическими польско-рутенскими особенностями, приобретает особое значение. Кажется, перед нами почти «макаронический» текст. Я не думаю, что Баранович сознательно пытался написать макаронический текст, но он, конечно, знал, что в латинских и польских трактатах по риторике XVII в. использование смешанного языка было допустимо только в отдельных случаях, в частности в письмах и в Предмовах. Следовательно, и здесь, в «Трубках», можно проследить непосредственное влияние польской культуры.

3. Мне хотелось бы закончить эту статью краткими рассуждениями о восприятии Барановича его современниками и потомками.

Мне не известна реакция современников на публикацию «*Żywoty świętych*». Само наличие в тираже 1670 г. трех вариантов этого произведения, один из которых отличался только заглавием и посвящением царевичу, не свидетельствует, что сборник пользовался у читателей популярностью. Высокое положение Лазаря в церковной иерархии давало ему возможность издавать свои произведения в Киеве независимо от количества проданных экземпляров или от подлинной заинтересованности читателей. Мы знаем, что в Москве отказались печатать «Трубы», и они вышли в свет в Киеве после многолетнего ожидания (будто бы из-за сложной гравюры на титульном листе). Причины отказа Москвы до конца не известны, хотя Симеон и обвинял в этом войну. Мне кажется, что на самом деле причины были, в первую очередь, доктринального характера и во вторую — культурного. Заметную роль в этом сыграл, возможно, поэтический стиль Барановича: его отличает насыщенность словесными риторическими фигурами и фигурами мысли, которые следуют одна за другой как постоянное нагромождение метафор и аллегорий, никогда взаимно не исключаящих друг друга, но, напротив, сосуществующих друг с другом — так создаются ассоциации образов и идей, что, возможно, было недопустимо для московского менталитета, привычного еще к жесткой идентификации знака и обозначаемого предмета и к неконвенциональной языковой концепции. Баранович в самой свободной форме играет с языком и со священными понятиями, следуя распространенному в Польше и в Западной Европе конвенциональному использованию языка. Приведу несколько примеров. В проповеди, посвященной св. Андрею, крест указывает, как апо-

стол последовал за Христом, и идентифицируется с целой серией нагромождаемых друг на друга без всякой реальной логической связи образов-метафор: крест — это уже не ужасающий и постыдный инструмент пытки, а лестница, приведшая св. Андрея к Христу, который, в свою очередь, тоже поднялся на небо благодаря Лестнице-Кресту; это лестница, приводящая человека к Богу через пучину грехов; это жезл силы, обеспечивающий божественные победы и завоевание чудесной жемчужины (т. е. Руси и ее земли); это слава небесная и земная; это инструмент спасения Руси через молитвы Первозванного апостола. Я вовсе не утверждаю, приводя этот пример, что отдельные из названных метафор чужды русскому православию (крест как лестница, как жезл божественной силы, как мост между человеком и Богом и т. д.). Но — как я предполагаю — сам способ присоединения их друг к другу и вписывания одной метафоры внутрь другой на протяжении одного текста вызывал эффект изобразительной и языковой избыточности, в Москве мало приемлемой. Возможно, справедливо широко распространенное мнение российских исследователей⁶ о том, что по экспрессивной типологии московский вариант барокко был проще, чем польское и западноевропейское барокко, менее отмечен концептизмом и более связан с реальным восприятием значения слова. В поэзии Симеона Полоцкого у каждого слова или предмета может быть несколько значений, но все они объяснены и вербализированы по отдельности: чаще всего каждая фигура и ее аллегорическое значение иллюстрируется отдельным стихотворением, каждая метафора отделяется от другой, и благодаря этому не образуется путаницы образов и метафор, удастся избежать их бесконтрольного смешения. В поэзии Симеона или Кариона Истомина [Cotta Ramusino 2002], живших и писавших в России при царском дворе, мы, скорее всего, имеем дело не с метафорами, а со сравнениями, безусловно представляющими собой более простой и непосредственный способ передачи реальности и ее поэтического описания, а также выражения ее символической природы. В сравнениях не происходит слияния реального образа с символом; чаще всего мы имеем дело с двумя различными соположенными друг с другом предметами, которые не соединяются в единый символический или эмблематический метаобраз.

Вряд ли уместно в этой статье давать описание и подробную интерпретацию гравюры, сопровождающей в «Трубках» посвящение Алексею Михайловичу, хотя она и заслуживает углубленного изучения специалистами. Я ограничусь лишь примером, свидетельствующим о ее чрезвычайной сложности и семантической многомерности: в центре гравюры находится двуглавый орел — символ имперской святости царя (самое очевидное и «естественное»

⁶ В частности, см.: [Сазонова 1992].

изображение в данной ситуации). В нижней части гравюры располагаются символы четырех евангелистов. Четвертый евангелист представлен тем же двуглавым «имперским» орлом. Невозможно предположить, что у гравера в распоряжении не было «нормального» орла для изображения евангелиста Иоанна в соответствии с устоявшейся традицией. Очевидно, перед нами пример сознательного наслоения различных значений на один и тот же образ. Достоин внимания и то, что первый евангелист представлен не ангелом, а царем, восседающим на коне и пронзающим копьем дракона (читай: неверного, как уточняет Баранович в «Предисловии»). Идентифицируя двуглавого имперского орла с орлом-евангелистом, а ангела-евангелиста с царем-всадником Христовым, автор, наверное, хотел одновременно выделить тему власти царя как наследника христианской Византийской империи и тему борьбы с турками-магометанами. Однако представляется, что это типичное для концептизма наслоение различных значений на один и тот же образ, скорее всего, оказалось мало понятным для московского православия. Можно процитировать десятки примеров того, как Баранович использует метафоры в качестве многозначных символов. Следовательно, отказ опубликовать «Трубы» в Москве, по-моему, был продиктован не случайными обстоятельствами, а глубокими доктринальными, языковыми, культурными отличиями и различными менталитетами Московского государства и Украины (ведь Украина была носителем литературы и философии польского и западного барокко в его самых ярких проявлениях).

Баранович не пользовался успехом и у научной литературной критики. Сумцов упрекал его за то, что он не писал на доступном для всех языке (т. е. на «простой мове»); все осуждали его за барочные излишества; литературная польская критика по сути отрицала его поэтику, считая его одним из худших представителей пустословного барокко и сопоставляя его с Бакой (лишь недавно оцененным в Польше). Крупнейшие антологии поэзии барокко включают отдельные произведения Барановича, в том числе фрагменты из «*Żywoty świętych*» (например, «*Do czytelnika*» и «*O ss. oycach Pieczarskich*» [Sokołowska, Żukowska 1965: 464—476; Vincenz 1989]). Однако в целом польская поэзия украинских и белорусских барочных писателей признается маргинальной и не отвечающей польскому канону⁷. Русская литературная критика, со своей стороны, признавала поэзию Барановича малопонятной и малопримлемой для подлинного православия и вполне справедливо воспринимала его как «нерусского». Только в последние годы, с тех пор как существует независимая Украина и сформировалось новое поколение компетентных укра-

⁷ См.: [Brogi Bercoff 1997; 2003]. Интересные размышления о новом «польском каноне» были предложены недавно в [Ziemia 2005].

инских ученых, Лазарь Баранович, пожалуй, занял достойное место в истории литературы и культуры и его труды получили правильное языковое прочтение. Подлинным и единственным ключом к прочтению его творчества является признание того, что он был одним из наиболее типичных представителей многоязычия и культурного плюрализма Украины, того культурного плюрализма, который, несомненно, составляет самую характерную черту украинского общества в период барокко, а может быть, остается и до сих пор одной из самых интересных и типичных особенностей украинской культуры. Безусловно, Баранович представляет культуру, глубоко отличную от московской культуры XVII в., культуру, которая, хоть и сохраняет приверженность к православной религии, самосознает себя через принадлежность ко второй и третьей культуре, к польскому и европейскому барокко. Сегодня Барановича начинают изучать и правильно оценивать именно в этой перспективе: его украинской особенности и глубокого европеизма. Он является частью независимой украинской литературной и культурной системы, которую необходимо изучать и оценивать именно как сложную специфическую структуру, находящуюся в отношениях с другими культурными системами, но являющую собой некое системное автономное образование. Мои наблюдения носят лишь предварительный характер и представляют собой не что иное, как материал для дальнейших размышлений и исследований. Предстоит еще много сделать для того, чтобы понять и такого писателя, как Лазарь Баранович, и всю культурную систему, к которой он принадлежит.

Литература

- Рязанцева 1999 — *Рязанцева Т.* Змалювати думку. Концептизм як напрям метафізичної поезії в літературі Європи доби Барокко. Київ, 1999.
- Сазонова 1992 — *Сазонова Л. И.* Поэзия русского барокко. Москва, 1992.
- Сумцов 1885 — *Сумцов Н. Ф.* Лазарь Баранович. Харьков, 1885.
- Ушкалов 1999 — *Ушкалов Л.* З історії української літератури XVII—XVIII ст. Харків, 1999.
- Brogi Bercoff 1997 — *Brogi Bercoff G.* Sulla presenza (o non presenza) nella manualistica polacca della letteratura in polacco delle terre rutene (XVII—XVIII sec.) // *Polonia, Italia e culture slave / A cura di L. Marinelli ecc.* Varsavia; Roma, 1997. P. 87—98.
- Brogi Bercoff 2003 — *Brogi Bercoff G.* Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie. Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa środkowo-wschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // *Contributi italiani al XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Ljubljana, 15—21 agosto 2003) / A cura di A. Alberti, M. Garzaniti, S. Garzonio.* Pisa, 2003. P. 326—387.
- Brogi Bercoff 2004 — *Brogi Bercoff G.* The Hetman and The Metropolitan. Cooperation between State and Church in The Time of Varlaam Jasyns'kyj // *Mazepa e il suo*

- tempo: storia, società, cultura — Mazepa and His Time: History, Society, Culture / A cura di G. Siedina. Alessandria, 2004. P. 417—444.
- Brogi Bercoff, в печати — *Brogi Bercoff G.* I «Żywoty Świętych» di Lazarz Baranowicz // Italia — Polonia — Europa. In onore di A. Litwornia. Roma; Varsavia (в печати).
- Cotta Ramusino 2002 — *Cotta Ramusino P.* Un poeta alla corte degli zar. Karion Istomin e il panegirico imperiale. Alessandria, 2002.
- Marinelli 1995 — *Marinelli L.* Akafist Naświętszej Pannie (1648). Pierwszy utwór Symeona Polockiego // Ricerche slavistiche. T. 42. 1995. P. 239—280.
- Radyszewskýj 1996 — *Radyszewskýj R.* Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Cz. I. Kraków, 1996.
- Rolland 1992 — *Rolland P.* 'Nieskoro' prawi 'monsztuk do tych trąb otrzymacie': On Lazar Baranovyč's 'Truby sloves propovidnyx' and their Non-publication in Moscow // Harvard Ukrainian Studies. 17, 1—2. 1992. P. 205—216.
- Sokołowska, Żukowska 1965 — *Poeci polskiego baroku* / Oprac. J. Sokołowska, K. Żukowska. T. I. Warszawa, 1965.
- Vincenz 1989 — *Helikon sarmacki* / Oprac. A. Vincenz. Wrocław, 1989.
- Ziamba 2005 — *Ziamba K.* Projekt komparatystyki wewnętrznej // *Teksty Drugie*. IBL PAN Warszawa, 2005. 1/2. S. 72—82.
- Żywoty świętych 1670 — «Snop Męki Kroła Bolesci Iezusa Christusa, Tragoedią Wielkopiątkową Wystawiony» // *Żywoty świętych*. Киев, 1670. S. 66—79.

ПЕТР I И МИХАИЛ ФРЕНЦЕЛЬ-СТАРШИЙ

Роланд Марти

Саарбрюкен

1. Российский император Петр Алексеевич (1672—1725) и верхнелужицкий лютеранский пастор Михаил Френцель-старший (Michał Frencl, Brancl, Michael Frenzel, 1628—1706) — довольно необычное сопоставление. Единственное, что связывает их, на первый взгляд, — это то, что они были современниками. Но между ними существуют и другие связи и параллели, о которых пойдет речь в дальнейшем. Предварительно необходимо вспомнить некоторые факты их жизни.

1.1. Будем исходить из того, что личность Петра I и основные даты его жизни общеизвестны. В связи с темой статьи будет достаточно упомянуть, что он бывал несколько раз в Саксонии и, в частности, в регионах, населенных тогда еще лужицкими сербами. Эти визиты имели место в 1698 г. в рамках Великого посольства, дважды в 1711 г. (второй раз — в городе Торгау в связи с женитьбой сына Алексея на принцессе Шарлотте Христине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской) и в 1712 г. (опять дважды). Пребывая в Саксонии, царь обычно посещал Дрезден (см. [von Weber 1873]). При предпоследнем посещении он осмотрел достопримечательности Виттенберга.

1.2. Михаил Френцель-старший (в дальнейшем — просто Френцель) менее известен (подробнее о нем см.: [Jenč 1871, Röseberg 1930: 44—50]). Он является важной фигурой в верхнелужицкой культурной истории. Родом из Бечиц (Běčicy/Pietzschwitz), к западу от Будышина (Budyšin/Bautzen), он был после гимназии в Будышине и мейсенской княжеской школы (со стипендией для двуязычных учеников, будущих лютеранских пасторов) студентом богословия в Лейпцигском университете, где и защитил диссертацию. Экзамен сдал в Виттенберге, получил сан и сразу стал пастором в Козле (Kózlo/Kosel). Позже он служил более сорока лет в Будестецах (Budestecy/Großpostwitz), к юго-востоку от Будышина. Главные заслуги Френцеля заключаются в следующем: он был отцом «славянского сознания» в верхнелужицкой культуре, основоположником верхнелужицкого литературного языка, переводчиком, а также издателем библейских книг и, наконец, инициатором реформы (хотя и неуспешной) верхнелужицкой орфографии.

1.2.1. Примечательны его «славянские» взгляды¹. В предисловии к изданию Евангелий от Матфея и Марка Френцель излагает распространенную тогда теорию о переселении славян из Азии, а в посвящении к книге *Postwitzscher Tauff-Stein* [Frentzel 1688/1993: 200—235] указывает на единство славянских языков (цитируя при этом немецкого ученого) и сравнивает лужицкие и вообще славянские языки с другими языками: «Wendische Sprache ist lingua Cardinalis, ein haupt und weit ausgebreitete Völcker- ja Herren Sprache / [...] Bohemica, Croatica, Dalmatica, Moscovitica, Polonica, Serbica omnes sunt Dialecti & Surculi linguæ Illyricæ, sive Slavonicæ. [...] Kircheri Meinung [...] wäre gewisser / daß nur die Hebraeische / Griechische / Lateinische / Teutsche und Illyrische oder Slavische / oder Wendische Sprache Ursprüngliche Haupt-Sprachen wären / aus welchen die andern alle / durch ganz Europam, Asiam und Africam, gleich als aus einem Trojanischen Pferde herfür kämen / und solche fünf Sprachen hatten die Welt mit so mancherley Sprachen und Redens-Arte(n) angefüllt» [Frentzel 1688/1993: 217]. В дальнейшем Френцель ссылается еще на Золотую буллу Карла IV 1356 г., где «славянский» язык (скорее всего, речь идет о чешском) объявлялся равноправным немецкому и итальянскому [Fritz 1972: 90].

Кажется, Френцель первым из лужицких сербов выразил такие панславянские идеи². В отличие от сторонников «славянской взаимности» XIX в. (см. [Kollár 1929]), которая распространялась только на славянскую группу языков, Френцель ставит славянские языки в один ряд с тремя «святыми языками» и с немецким. Со ссылкой на «святые языки» он возобновляет дискуссию о достоинстве (*dignitas*) славянских языков, которая велась уже во времена Константина-Кирилла и Мефодия³ (см. 2.1.).

1.2.2. Кроме того, Френцель первым в своих книгах обосновал выбор определенной диалектной базы для верхнелужицкого письменного языка и ста-

¹ Ср. мнение И. И. Срезневского (цитируется по перепечатке: [Srjeznjewskij 1985: 201]): «Не могу забыть, что душа Михаила Френцеля была почти славянская, что он уже в то время сознал важность взаимности славян в отношении ученом и литературном».

² «Bjez Serbami bě Michał Frencel přeni, kiž bě k temu póznaću přišoł, zo Serbjo njeběchu lud sami za so, ale wotnoha wulkeho słowjanskeho luda, kotremuž tež Rusojo, južni Słowjenjo, Polacy, Čechojo a t. d. přislušeju. Při tajkim spóznaću hibachu so pak tež w jeho wutrobje wšosłowjanske začuća a z prjedyučow jeho pismow dowidžimy, kak so wón při tajkich začućach pozběhny a zradowaše» [Jenč 1871: 79]. Ср. также [Röseberg 1930: 72—76], где упоминается «innige Liebe zum Sorbenvolk und das Bewußtsein der Verbundenheit mit sämtlichen slavischen Nationen» (разрядка в оригинале. — Р. М.).

³ См.: [Thomson 1992]. Френцелю, скорее всего, это было неизвестно, хотя он вспоминает в предисловии к изданию Нового Завета 1706 г. о деятельности Константина-Кирилла и Мефодия (см.: [Röseberg 1930: 74]).

рался писать «in reiner Wendischer Sprache nach des Budissinischen Territorii Dialecto» [Frentzel 1688/1993: 232]. Его язык отражает в широком смысле будышинский диалект, точнее, архаичное горное наречие (см.: [Schuster-Šewc в Frentzel 1688/1993: 26—50]). Только в дальнейшем развитии письменный язык приблизился к собственно будышинскому диалекту; остался, однако, принцип выбора одного диалекта (об истории лужицких письменных и литературных языков см.: [Fasske 1994]). Таким образом, Френцель также способствовал, хотя непреднамеренно, возникновению отдельных письменных языков у лужичан нижних и верхних (в последнем случае — сразу двух разновидностей: католической и протестантской).

1.2.3. Очень важна для развития письменного языка была переводческая и издательская деятельность Френцеля. Он перевел Новый Завет и частично Псалтырь и издал Евангелия от Матфея и Марка (1670), Послания ап. Павла к Римлянам и к Галатам (1693) и Псалтырь (1703). Уже после смерти Френцеля печатался выполненный им перевод полного текста Нового Завета (1706). Своей переводческой деятельностью Френцель заложил основу для перевода и издания полной Библии, которая увидела свет в 1728 г. (см.: [Lewaszkiwicz 1995: 30—38; 2003]).

1.2.4. В области орфографии новаторство Френцеля проявилось в том, что он ввел принцип употребления диакритик по чешскому образцу при сохранении готического шрифта (швабах, фрактур). Наиболее последовательно он придерживался диакритического принципа в издании Евангелий от Матфея и Марка (см.: [Hórník 1870] (о правописании Френцеля см.: [Röseberg 1930: 66—71]). Уже в следующей своей книге, *Postwitzscher Tauff-Stein*, он частично отказался от диакритик и употреблял орфографию, ориентированную на немецкую, применяя сочетания букв (ди- и триграфы, например *ß* и *sch*).

Этот тип орфографии был систематизирован З. Берлингом (*Zacharias Běrlink/Bierling*)⁴ и применялся (с некоторыми изменениями) во всех протестантских публикациях, написанных швабахским шрифтом, вплоть до запрета лужицкоязычных публикаций в 1937 г. Системы Берлинга придерживался и Френцель в своих более поздних книгах [Jenč 1871]. Система диакритик

⁴ См. его *Didascalía seu Orthographia Vandalica* 1689 г. [Schuster-Šewc 1967: 137—150; Hórník 1883]. Роль Берлинга оценивалась (и оценивается) отрицательно представителями лужицкого возрождения и вообще лужицкой культуры, хотя он успел придать верхнелужицким протестантским (косвенно и нижнелужицким) книгам единый вид почти на 250 лет вперед. Это критическое отношение объясняется тем, что Берлинг подражал немецкой системе передачи звуков, а не славянской, т. е. прежде всего чешской: «Ze wšeho je widźeć, zo Bierling serbsku řeč a jeje zynki njeje doś wobkedźbował. Wón by to lěpje dokonjał, hdy by ze swojimi runikami při přěnich prawidłach Frencela a Ticina wostał a do tehdyšich čěskich abo pólskich řečnicow pohladał» [Hórník 1883: 126].

больше употреблялась в католическом варианте верхнелужицкого языка (который находился под влиянием чешского, потому что будущие священники учились в Праге) и утвердилась окончательно в XIX в. в так называемом «аналогическом» правописании (см.: [Pful 1848: 66—82]), которое долгое время было характерно только для научных текстов и лишь после Второй мировой войны стало общепринятым и обязательным для всей верхне- и нижнелужицкой печати.

В исторической перспективе реформа орфографии, предложенная Френцелем, была преждевременной, хотя и оправданной с лингвистической точки зрения.

1.3. Приведенные факты, касающиеся деятельности Френцеля, уже указывают на возможные параллели между Петром и Френцелем как реформаторами языка.

2. Лингвистические интересы Петра и Френцеля не были исключительно теоретическими. Оба хорошо чувствовали языковую действительность и считали, что можно и нужно ее менять. Их объединяет интерес к вопросам языковой эмансипации (особенно в связи с переводческой деятельностью), к обработке письменного языка (к так называемому *ausbau* см.: [Kloss 1967; Mu[|]ja[|]ć 1986]) и к проблемам графики.

2.1. Можно сказать, что создание переводов является ключевым моментом в развитии многих литературных языков. Первые тексты, написанные на «новом» литературном языке, часто оказываются переводами (во многих случаях это переводы священных книг). Когда в ходе дальнейшего развития литературного языка возникает вопрос о вытеснении традиционного литературного языка (так называемый *questione della lingua*), тогда знаком достоинства (*dignitas*), самостоятельности, равноправности и равноценности нового языка становится то, что можно любой художественный текст перевести на этот язык и потом подражать этим образцовым текстам в оригинальных произведениях.

2.1.1. Как известно (и юбиляр не раз писал об этом, см.: [Живов 1996: 69—154]), Петр I уделял особое внимание значению языка в системе преобразований всех сфер жизни в России. В частности, для него была очевидна необходимость так изменить языковую ситуацию, чтобы «новый» русский язык мог выполнять все функции литературного языка. В то же самое время языковая реформа дала царю возможность отделить новую, светскую культуру от традиционной, церковной. А первые печатные тексты, где по приказу государя должен был использоваться этот новый язык⁵, являлись как раз пе-

⁵ «[И]справь [...] не высокими словами славенскими, но простым русским языком [...] высоких слов славенских класть не надобять, но Посольского приказу упо-

реводами книг светского содержания (*География генеральная* Бернарда Варения 1718 г.). Почти одновременно употребление нового языка распространилось и на оригинальные произведения. Так новый язык довольно быстро завоевал господствующую позицию и вытеснил традиционный.

Процесс преобразования очень наглядно иллюстрируется историей правки *Истории Петра Великого* Феофана Прокоповича [Живов 1988]. Авторы послепетровского времени отстаивали своими переводами и творениями именно достоинство русского языка, и самое яркое свидетельство того, что эта цель была достигнута, можно найти в известном предисловии к *Российской грамматике* Михаила Ломоносова [Ломоносов 1755: 6—7].

Несмотря на то, что Петр боролся прежде всего за распространение русского языка и вытеснение церковнославянского, он также позаботился о церковнославянской Библии. Уже в 1705 г. он распорядился пересмотреть перевод Библии, и примечательно, что Френцель сам вспоминает об этом в предисловии к изданию Нового Завета: «Weil zu unser Zeit solche Bibel (церковнославянская московская Библия 1663 г. — *P. M.*) rar und nur neulich ein Exemplar auf etliche tausend Dukaten gestanden, als hat im vorigen Jahre 1705 Jhr. Czarische Majest. Petrus itzt regierender grossmüthiger Czaar in Mosskau etc. bereits hohen Befehl an etliche seiner Lande gelehrten ertheilet, dass solche von neuen solte über sehen, emendiret und ehestes publiciret werden...»⁶. В 1712 г. он создал специальную комиссию для этой цели. Основная работа была окончена в 1720 г., и на ней базировалось издание Елизаветинской Библии 1751 г. Параллельно к этому Петр заказал печатание билингвы (голландско-церковнославянской), однако была опубликована только первая ее часть, а именно Новый Завет, в 1718—1719 гг. (ср.: [Thomson 1998: 693—696]).

2.1.2. То же самое можно наблюдать, *mutatis mutandis*, и в деятельности Френцеля. Для него ситуация была и проще, и сложнее. Сложнее, поскольку он не располагал влиянием и средствами для осуществления своих планов: он был постоянно вынужден бороться с немецкоязычной властью за разрешение печатания своих книг и переводов и часто искал необходимые для этого деньги⁷. Кроме того, он сам выполнял всю работу по созданию и переводу текстов, а также сам вырабатывал нормы языка и орфографию. С другой стороны, это было проще, потому что конкурентом верхнелужицкого языка был немецкий, простым лужицким сербам непонятный, и необходимость созда-

треби слова» (письмо И. А. Мусина-Пушкина Ф. Поликарпову от 2 июня 1717 г. [Живов 1986а: 247]).

⁶ [Röseberg 1930: 75; Thomson 2004: 12, примеч. 14].

⁷ См. об этом, в частности, о борьбе с властями, которые даже конфисковали первую книгу Френцеля, архивы земских чинов Верхней Лужицы [Röseberg 1930: 79—92].

ния текстов на верхнелужицком языке была очевидной. В случае русского и церковнославянского языков приверженцы последнего могли настаивать на том, что церковнославянский является лишь литературной разновидностью русского и поэтому нет необходимости употреблять русский язык в книжных текстах⁸.

Кроме переводов Френцель писал и печатал также оригинальные тексты. Здесь следует в первую очередь указать книгу *Postwitzscher Tauff-Stein* [Frentzel 1688/1993], в основу которой легли проповеди Френцеля. Произведения этого жанра уже давно существовали у лужичан, но не появлялись в печати. Проповеди обрабатывались для печати⁹, объединяясь в сборник, — вид издания, ставший потом весьма популярным и оказавшийся важным для сохранения лужицкого церковного языка. Сборники проповедей читались дома, особенно там, где богослужение уже перешло на немецкий язык.

Френцель является также одним из первых верхнелужицких поэтов. До него уже существовали переводы церковных песнопений, которые, однако, сохранились только в рукописях (о традиции церковных песнопений см.: [Stone 1993]). Френцель писал и печатал свои первые стихи обычно по конкретному случаю (*składnostne basnje*, *Gelegenheitsgedichte*). Так он создал традицию, из которой и выросла лужицкая поэзия [Šen 2002]. Это был еще один способ борьбы за равноправие верхнелужицкого языка с немецким (и латинским).

2.1.3. Примечательно, что Петр не отстаивал употребление русского языка в художественной литературе. Для него была важна только возможность применения этого языка в научных текстах. Это сугубо современная точка зрения: полноценность языка доказывается прежде всего его использованием в научной прозе, а не в беллетристике [Naarmann 1979: 332—351]. Френцель в этом отношении был более традиционен.

Второе отличие заключается в том, что Петр не касался религиозной стороны языкового вопроса (и фактически его реформа не затронула языка церкви)¹⁰. Для Френцеля же употребление языка в церковной жизни было самым важным.

Хотя ни Петр I, ни Френцель не были первыми авторами, употреблявшими соответственно русский и верхнелужицкий языки при письме, оба они стояли у истоков развития новых письменных языков и оказали сильное

⁸ Ср. известную формулу Лудольфа «loquendum est Russice & scribendum est Slavonice» (ср.: [Живов 1996: 75, примеч. 3]).

⁹ Ср. «Habe derowegen solche in vielen Predigten weitläufftige Ausführung in Summarische Kürtze verfasst...» [Frentzel 1688/1993: 232].

¹⁰ Вышеупомянутый пересмотр текста московской Библии 1663 г. касался точности перевода, а не собственно языка.

влияние на дальнейший ход этого развития. И несмотря на то, что они были не единственными, кто боролся за признание этих языков, они показали на деле, как можно достичь этой цели. При этом каждый пользовался теми средствами, которыми располагали: Петр мог письменно приказать употреблять «простой русский язык», тогда как Френцель вынужден был убеждать власти и своих единомышленников употреблять лужицкий язык в церкви, а также в области культуры.

2.2. И Петр, и Френцель знали, что язык, раньше функционировавший как нелитературный, требует обработки (*ausbau*). Эта обработка касалась прежде всего лексической стороны языка.

2.2.1. В цитированном выше письме Мусину-Пушкину Петр «высокие слова славенские» противопоставляет «*словам* Посольского приказу» (курсив мой. — Р. М.). Интересно, однако, что в действительности правка коснулась не только лексики¹¹, а там, где лексику исправили, главным образом заменили служебные слова. Ориентация на полонизмы как признак языка Посольского приказа не играла решающей роли. Эту интерпретацию своих слов Петр, очевидно, счел верной, потому что правленные книги печатались без дополнительной лексической правки.

Однако лексический состав языка все же значительно изменился в петровское время. Эти изменения связаны прежде всего с модернизацией государства. Вместе с новыми предметами и явлениями, описанными в переведенных книгах, заимствовали и слова, их обозначающие (главным образом из немецкого, голландского, английского, французского языков). Число заимствований в эту эпоху значительно возросло (это заметно уже в языке самого Петра [Otten 1985]). Калек было мало, и, видимо, само употребление заимствованных слов считалось признаком нового языка.

2.2.2. Френцель сталкивался с другими проблемами: в Лужице отсутствовала конкуренция близкородственных языков, но была необходимость создания литературного языка, который мог бы заменить немецкий. Предшественников у Френцеля почти не было: до него известны лишь две книги на верхнелужицком языке¹². Существовали, правда, различные переводы необходимых для церковного употребления текстов, но не было общепринятого языкового стандарта и, прежде всего, общеупотребительной терминологии. Поэтому Френцель создал множество новых слов и выражений для замен немецких заимствований: ср. его высказывание «*wenn ein interpres seiner muttersprache*

¹¹ «Указание Петра I [...] было воспринято [...] как требование, относящееся прежде всего к грамматической структуре, а не к лексическим единицам» [Живов 1986а: 258].

¹² *Малый катехизис* Лютера 1595 г. в переводе В. Варихиуса и *Покаянные псалмы* 1627 г. в переводе Г. Мартини [Schuster-Šewc 2001].

nicht recht kundig ist, so werden da wohl eitel germanismi oder sozureden barbarismi erfolgen, immassen auch vnserere wendische Sprache ihre besonderen phrases und schöne arten zu reden hat, denn gewiss dollmetschen eine grosse Kunst, mühe und arbeit ist. [...] Da muss man auch öfters die mutter im Hause, die Kinder auf d. Gassen und den gemeinen Mann auf dem Felde fragen und demselben aufs mau sehen, wie sie reden und danach dolmetschen»¹³. При этом он часто следовал чешским и польским образцам: «Und wer in der Polnischen und Böhmischen Bibel fleissig nachschlägt, oder dem Wend' aufs mau achtung giebet, der wird solches (подходящие выражения. — *P. M.*) finden»¹⁴. М. Хорник упрекает его даже в излишнем словотворчестве и сравнивает с пуристами XIX в.¹⁵ Несмотря на это, язык Френцеля служил в дальнейшем образцом для обработки верхнелужицкого языка вплоть до XIX в.

2.2.3. В характере обработки русского и верхнелужицкого языков в ту эпоху существуют сходства и различия между Петром и Френцелем. Сходство можно увидеть в том, что обработка состояла в обогащении словарного запаса и отталкивании от влияния доминирующего языка. А различия состоят в том, что в случае русского языка обогащение происходит прежде всего за счет неславянской лексики, в случае верхнелужицкого — как раз за счет славянской. При этом русский язык противопоставлялся близкому церковнославянскому, а верхнелужицкий — чужому немецкому. К тому же русский язык обновляется все же по определенному образцу (имеется в виду «язык Посольского приказа»), тогда как для верхнелужицкого никакого образца не существовало.

Кроме того, характер деятельности инициаторов реформ был различен: Петр заказывал редактирование по готовому образцу, Френцель же был вынужден все делать сам, даже финансировать издание некоторых произведений.

2.3. Наиболее интересны, однако, параллели в области реформы графики и орфографии. Эти параллели касаются не только содержания реформы, но и способа ее проведения.

2.3.1. Под петровской реформой графики и орфографии подразумевается введение так называемого гражданского шрифта. Оно предшествовало реформе собственно языка и отличалось активным участием в нем царя, который выбирал начертание отдельных букв, решал вопрос об употреблении надстрочных знаков и т. д.

¹³ Письмо цит. по [Röseberg 1930: 56]. Френцель ссылается здесь очевидно на *Послание о переводе* Лютера, перефразировав известное высказывание.

¹⁴ Из предисловия к первой печатной книге Френцеля, цит. по [Röseberg 1930: 56—57]; примеры таких заимствований см.: [Ibid.: 63—66].

¹⁵ «Pomnjeća hódne słowa po twórbyje abo pisanju a po času swojeho nałożowanja (někotre zda snadź so wšelakim Serbam wot nowišich puristow wumyslene!)...» [Hórnik 1870: 58].

При введении гражданского шрифта Петр очень долго колебался. Эта реформа базировалась на подражании латинскому алфавиту и отталкивании от традиционного греческого образца, лежащего в основе церковнославянской азбуки. Первая тенденция проявилась задолго до реформы и связана с подражанием римским имперским традициям [Живов 1986б: 60—62]. Один из главных признаков гражданского шрифта отражает эту тенденцию в чистом виде: там, где имели место буквенные дублеты, последовательно избиралась латинская разновидность. Это видно по названию первой книги, напечатанной гражданским шрифтом, *Геометрія славенскі землемѣріе* 1708 г. [Там же: 57]. Вторая тенденция проявилась в исключении греческих букв ξ, φ, ψ, υ, ω¹⁶ и надстрочных знаков. Представляется, что Петр в области реформы графики и орфографии принял компромиссное решение, сохраняя до известной степени преемственность со скорописной традицией [Там же: 62—63]. Сохранялась также, хотя в меньшей степени, преемственность с церковнославянским книгопечатанием: разница между гражданским и церковным шрифтом не была столь уж велика. И если предположение о том, что «первоначально Петр намеревался перевести на новую азбуку всю печать» [Там же: 57], верно, тогда компромиссом является в свою очередь и разделение печати на гражданскую и церковную.

2.3.2. Френцель тоже занимался вопросами графики и орфографии. При этом он не должен был считаться с какой бы то ни было традицией, так как до него были напечатаны только две книги (см. 2.2.2.), которые не отражают единой орфографической системы [Schuster-Šewc 2001: 274—277; Meyer 1923: 23—55]. Поэтому он мог свободно решать вопросы выбора шрифта и способов передачи славянских звуков, для обозначения которых не было букв в латинском алфавите.

Возможность выбора шрифта была ограниченной. В немецкой и чешской традициях книгопечатания употреблялось только швабахское письмо. Чешские книгопечатники окончательно перешли к антикве в середине XIX в.¹⁷ В Польше к антикве обратились уже в XVII в.¹⁸ Френцель следовал немецкой

¹⁶ Этот список в окончательном варианте гражданского шрифта изменился [Живов 1986б: 58].

¹⁷ Первая книга, напечатанная антиквой, появилась в 1738 г., но это была только первая ласточка. Окончательный переход на этот шрифт связан с чешским возрождением и оказался довольно трудным, потому что «простой народ» упорно придерживался традиционного швабаха [Galmiche 2001]. Подобная приверженность традиции наблюдалась также у лужицких сербов, к немалому огорчению сторонников лужицкого возрождения.

¹⁸ И здесь переход от старого шрифта к новому произошел постепенно; см., например, орфографию Янушевского 1594 г., который употребляет гибридный курсив-

традиции и, видимо, даже не задумывался о возможности употребления другого шрифта — скорее всего, по техническим и финансовым соображениям.

При решении другой задачи Френцель, подобно Петру, обнаруживает известные колебания. Как уже было сказано, он обосновал в верхнелужицкой орфографии употребление диакритик по чешскому образцу, а потом постепенно отказался от него в пользу немецкого принципа в подражание Берлингу (см. 1.2.4.). Возможно, что разница в орфографии между первой (1670 г.) и второй (1688 г.) напечатанных книг связана с появлением грамматики Тицина [Ticinus 1679/1985]. В этой грамматике Тицин предлагал католическую орфографию, основанную на диакритическом принципе¹⁹. Чтобы противопоставить свои книги католическим, Френцель пересмотрел свою орфографию. После появления орфографии Берлинга (которая, возможно, тоже была создана в ответ на грамматику Тицина) он уже целиком принял последнюю. Таким образом, орфография служила в дальнейшем для лужицких сербов признаком конфессиональной принадлежности и была своего рода письменным шиболетом.

2.3.3. Заслуживает внимание тот факт, что два новатора, которые редко соглашались на компромиссные решения, отступили именно в области графики и орфографии. Это доказывает, что символическая функция графики и орфографии более важна, чем собственно лингвистическая. Кроме того, аспекты письма теснейшим образом связаны с религией, и любые изменения в этой сфере могли считаться отступлением от веры²⁰.

3. Следует указать на другую, более близкую параллель между Петром и Френцелем, в общих чертах известную в сорабистике, но почти проигнорированную историками. Речь идет о едва не состоявшейся встрече двух языковых реформаторов.

3.1. Об этой встрече сообщает Христиан Кнауте в своей *Подробной церковной истории верхнелужицких сербов* [Knauthe 1767/1980], ссылаясь на

новый шрифт: по типу это явно антиква, но в отдельных буквах еще готика [Urbańczyk 1983: 143—208].

¹⁹ Примечательно, что Тицин ссылается на Френцеля: «In hac sententia (т. е. высказывание в пользу подражания чешской орфографии. — P. M.) annumerari illis potest D. Michaël Frenzelius, qui in sua Evangelij S. Matthæi versione, Bohemum characterem usurpat, quanquam in quibusdam a Bohemis dissideat» [Ticinus 1679/1985: A 5].

²⁰ «Das Alphabet einer Gemeinschaft richtet sich unter allen Himmelsstrichen und in allen möglichen Kulturverhältnissen ausschließlich nach ihrer konfessionellen Zugehörigkeit» [Mieses 1919: 13]. Хотя в настоящее время такое аподиктическое утверждение уже не соответствует действительности, во времена Петра и Френцеля это было безусловно так.

информацию Авраама Френцеля, сына Михаила, и Яна Готлиба Френцеля: «Denn als der Rußische Kaiser Peter der Erste, im Jahr 1697. reisete, und im Junio in Sachsen eintraf, erkühnte sich der alte Hr. Michael Frentzel, Pfarrer zu Postwitz, die von ihm damaliger Zeit in die wendische Sprache übersetzten Bücher, unterthänigst zu überreichen. Nun wollte er solches zwar in Person selber thun, allein da der Czar in Eil den Ort bey Senftenberg paßiret, wo er aufwartete, und es auf diese Weise nicht geschehen können, so geschah es doch hernach in Dreßden durch vornehme Hand. Diese Bücher begleitete Herr Frentzel mit einer unterthänigen Zueignungsschrift, welche in oberlausitzischer wendischer und lateinischer Sprache abgefasset war» [Knauthе 1767/1980: 427]²¹. Насколько мне известно, это единственный источник, рассказывающий об этом событии. Все другие авторы опираются на этот источник.

3.2. Рассказ, к сожалению, содержит неточности. Во-первых, встреча не могла произойти в 1697 г. Нет сомнения в том, что под путешествием подразумевается посещение Дрездена Петром в рамках Великого посольства²², состоялось оно, однако, в июне 1698 г. [Богословский 1941: 442—450]. Также Френцель не мог ожидать Петра вблизи Зенфтенберга (Zły Komorow / Senftenberg), потому что посольство выбрало другой путь: из Лейпцига ехали через Ошац (Oschatz) и Мейсен прямо в Дрезден [Там же: 444], а Зенфтенберг находится на расстоянии не менее 60 км от этой дороги. Путь через Зенфтенберг был бы большим крючком, и поэтому очень сомнительно, что Френцель ждал посольства именно там²³. Неизвестно, кроме того, кто из саксонских дворян передал письмо и книги Петру в Дрездене, если вообще эта передача имела место. В личной библиотеке царя таких книг, видимо, не было [Völkel 1997: 72], и ответа на письмо тоже не было.

3.3. Если бы Петр на самом деле получал книги и письмо и если бы он прочел предисловия к книгам, он мог бы почерпнуть в них вдохновение для собственной реформаторской деятельности в области языка — особенно графики и орфографии. Ввиду отсутствия прямых указаний на то, что он получал эти материалы и смотрел их, вряд ли можно предположить, что Френцель оказал влияние на царя в этой области.

²¹ Книги, о которых идет речь, — *Евангелия от Матфея и Марка* 1670 г., *Послания к Римлянам и Галатам* 1693 г. и *Postwitzscher Tauff-Stein* 1688 г. [Knauthе 1767/1980: 437].

²² Во время других визитов Петра (дважды в 1711 г. и 1712 г.) Френцеля уже не было в живых.

²³ Возможно, что здесь перепутаны два путешествия. Когда Петр посетил Дрезден во второй раз, он приехал из Губена (Gubin/Guben), а путь из Губена в Дрезден идет через Зенфтенберг [von Weber 1873: 343].

Интересно, что Френцель в письме вообще не говорит о вопросах реформы языка и, в частности, графики и орфографии²⁴. Это, однако, не удивительно, потому что Френцель не мог подозревать, что лет через десять Петр приступит к реформам и в этой области. Петр тогда еще не выступал как реформатор (единственным, что противоречило московским традициям, было то, что государь сам выехал за границу²⁵, и к тому же инкогнито) и не воспринимался как таковой в Европе. Поэтому Френцель для оправдания своего обращения к царю искал другие точки соприкосновения.

Первой из них является языковое родство, что не удивительно ввиду славянских взглядов Френцеля. В латинском тексте письма ссылка на языковое родство оправдывает вручение царю верхнелужицких книг: «...quia Russi vel Moscovitæ nostram linguam Sorabicam vel Slavicam, i. e. gloriosam loquuntur, offero ego cum summa submissione clementissimo & benignissimo NOSTRO CZAR in usum Sorabicæ Nationis a me translatos & evulgatos vandalicos vel sorabicos sacros libros...» [Knauth 1767/1980: 430]. В верхнелужицком варианте письма упоминание стоит в другом, пожалуй, менее удачном контексте, а именно в связи со славянским прошлым Дрездена: «...tak dolho, jak Dresda stej, kotrež mjsto Serbja su twarili, neje teho runja czescze so dostalo, so by ton wülki Czar a wulki Knes, kotryž s-wele tausendt Millionami podanamj naschu serbsku, aby Sarmatisku recž recži, knam pschichadžal» [Ibid.: 434]. Притом Френцель не утверждает, как можно было ожидать, что лужицкие сербы и русские употребляют общий славянский язык или даже что лужицкие сербы говорят по-русски. Нет, по его мнению, русские говорят по-славянски (по-сарматски), а значит, по-лужицки!

Другой точкой соприкосновения служит, как ни странно, религия. В латинском тексте, составленном более удачно, религия упоминается сразу после того, как устанавливается общность языка: «...sorabicos sacros libros, sub-

²⁴ Латинский и верхнелужицкий тексты письма (и тот и другой с немецким переводом) можно найти в [Knauth 1767/1980: 428—430 (латинский текст), 430—433 (немецкий перевод), 433—435 (верхнелужицкий текст) и 435—437 (немецкий перевод)]. Верхнелужицкий и латинский тексты (в такой последовательности!) были перепечатаны также И. И. Срезневским [Srjeznjewskij 1985: 201—202]. В дальнейшем цитируется *editio princeps*.

²⁵ На это указывает Френцель косвенным образом: «cum enim omnibus RUSSIS vel Moscovitis interdictum sit, ne peregrinentur, aut fines imperii egrediantur, Nam Magnus Czar non vult suos subditos peregrinis moribus imbui, tamen Czarica VESTRA Majestas non erubuit neque abhorruit, — — — neque Impensas ad tam amplum iter continuandum, sed Ipsemet in Majestatica SUA Persona, in hisce nostris regionibus nos convenit». — «Moskowi ie sakasane, so nide nesmeja se swojej Seme, tesch nic psches swoje mesy pschestupicz; da schak wascha Majestas sebi schaneje procy, tesch žanych penez neje lutowala, ale we wyŃokej Personi pschidže sem knam do naschich Krajow knam poladacž» [Knauth 1767/1980: 428, 434].

mississime orans & petens, ut in VESTRAM RUSSIAM vel Moscoviam transferantur, ita, ut ipsi Moscovitæ ex ipsis libris meis addiscant, & cognoscant, ipsam orthodoxam & Apostolico-Lutheranam Religionem in Saxonia Electorali maxime florere» [Knauth 1767/1980: 430]. Кроме того, здесь важно употребление прилагательного *orthodoxa (religio)*. Верхнелужицкий текст опускает тезис славянской общности лужицких сербов и русских и подчеркивает вместо того общность сербов с немцами: «...my Nimcy a Serba tude we Sachsonskej tesch mamy tu Japoschtolsku Luthersku wjru [...] so we naschem Sachsonskem Churfürstczinswi ta prawa Apostoliska Lutherska wjra a wuczba sjawne budze wuczena a pridowana» [Ibid.: 435]²⁶.

3.4. Попытка Френцеля связаться с Петром и заинтересовать его судьбой лужицких сербов является необычной в культурном контексте того времени. К сожалению, информация о ней скудна, и, видимо, эта попытка не увенчалась успехом.

4. Помимо параллелей между Френцелем и Петром, стоит упомянуть об отношении последнего к лужицким языкам (или, точнее, к верхнелужицкому). С помощью книг Френцеля он имел бы возможность убедиться в том, что русский и верхнелужицкий языки родственны. Не известно, дошли ли книги Френцеля до самого царя (см. 3.2.). Существует, однако, любопытное предание о том, что Петр хотел услышать верхнелужицкую речь.

4.1. Первое посещение Виттенберга Петром состоялось 14 октября 1712 г. [Schippa 1995]²⁷. Во время этого посещения Петр посетил и дом Лютера (Lutherhaus), бывший августинский монастырь. Там, в кабинете Лютера (Lutherstube), ему показали чернильное пятно, возникшее, по преданию, когда Лютер швырнул чернильницу в черта, который мешал ему во время работы²⁸.

²⁶ Возможно, что слово *prawa* передает значение *orthodoxa*, но связь с понятием православия здесь слабее, чем в латинском тексте. Тексты заслуживают более подробного сопоставительного анализа: может быть, разница в аргументации связана не только с языковыми особенностями (меньшей степенью обработанности верхнелужицкого языка).

²⁷ Существует и другая возможность: посещение Виттенберга во время свадьбы царевича в октябре 1711 г. (см. 1.1.), так как Торгау находится в 40 км от Виттенберга. Но о такой экскурсии нет достоверной информации. Кроме того, все источники недвусмысленно указывают на 1712 г. О втором посещении Петром Виттенберга в 1712 г. известно, что у царя не было времени для повторного осмотра города.

²⁸ Надо сразу сказать, что Lutherstube никогда не был кабинетом: он был столовой. Вообще рассказ является своего рода «бродячим мотивом». В самом старом варианте чернильницу швыряет черт, а не Лютер, когда последний разоблачает его. Бросок чернильницей также связан с пребыванием Лютера в Вартбурге в 1521 г., где

Петр мелом расписался в кабинете, и эта подпись сохранилась (есть ее снимок в [Laube 2003: 111]). Кроме того, он якобы приписал к пятну по-русски «возможно, но чернила свежие», выражая таким довольно дипломатическим образом, скептическое отношение к преданию²⁹.

4.2. Посещение Виттенберга Петром отмечается и в книге Кнауते: «Zu Ehre dieser Sprache (верхнелужицкий язык. — *P. M.*) ist billig auch anzuführen, daß, als Ao. 1712. Se. Czaar. Majest. Petrus der erste, sich den 14. October zu Wittenberg fanden, und daselbst die Schloßkirche, Bibliothek u. a. m. mit Dero hohen Gegenwart begnadigten, und die befindlichen Merkwürdigkeiten betrachteten, Sie geruheten dieselbigen sich in wendischer Sprache beschreiben zu lassen» [Knauth 1767/1980: 385]. Если это действительно произошло так, как пишет Кнауте, тогда возникают следующие вопросы: кто был проводником царя, понял ли царь его объяснения и почему потребовал объяснений на верхнелужицком языке? Местных носителей верхнелужицкого языка в Виттенберге тогда уже не было. В Дрездене Петр встречался несколько раз с лужицким сербом А. Гертнером (*Handrij Zahrodnik / Andreas Gärtner*), дворовым механиком (*Hofmechanicus*) и известным изобретателем [von Weber 1873: 346, 348; Schippan 1995: 540]. Возможно, что тот обеспечил царя компетентным гидом, скорее всего, из числа лужицких студентов в Лейпциге. Трудно себе представить, что Петр мог понять объяснения гида без труда, и не исключено, что понадобился переводчик. Поэтому желание царя объясняется скорее всего любопытством (он просто хотел услышать эту речь) и не лишено пикантности. Известно, что Лютер довольно отрицательно высказался о лужицких сербах, и вот в помещениях, где он жил и работал, раздаются лужицкие слова!³⁰

он перевел Новый Завет, а кроме того с Кобургом, где он был во время Аугсбургского имперского сейма в 1530 г., и с другими местами (подробнее см.: [Luther 1933: 35—49]). Возможно, предание восходит к высказыванию Лютера, что он борется против черта чернилами (предположение сотрудника дома Лютера д-ра Трой [Treu]).

²⁹ Обратный перевод немецкого «Es kann seyn, die Dinte ist aber noch neu» [Laube 2003: 98; Stein 1883: 44]. Существует и другой немецкий вариант: «Die Tinte ist ganz frisch, und die Sache ist in der That wahr» (немецкое издание дневника Петра, напечатанное в 1773 г.; цит. по [Schippan 1995: 537]). Русская версия в оригинале, насколько мне известно, не сохранилась, так как все граффити (кроме подписи Петра) были устранены при ремонте 60—70-х годов XIX в. [Laube 2003: 138—141]. Примечателен тот факт, что и это — бродячий мотив. Существует версия, приписывающая скептическое отношение к этой легенде генералам шведского короля Карла XII, которые находились в Саксонии в 1706 г. [Luther 1933: 45—46]. Карл сам посетил дом Лютера в 1707 г. [Laube 2003: 88]. Кажется, Петра и здесь опередил его шведский противник.

³⁰ Эти высказывания можно найти в его застольных речах, например: «Vandali sunt fures et pessimum genus hominum». — «Sed pessima omnium natio est die Wenden, da unß Got eingeworffen hat» [Luther 1916: 646, 600].

5. Итак, Петра и Френцеля связывает многое. В рамках «славянской взаимности» *avant la lettre* эти связи и параллели довольно интересны и безусловно заслуживают более подробного исследования.

Литература

- Богословский 1941 — *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Л., 1941.
- Живов 1986а — *Живов В. М.* Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 3. 1986. С. 246—260.
- Живов 1986б — *Живов В. М.* Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720. Семиотика пространства и пространство семиотики (Труды по знаковым системам. 19). Тарту, 1986. С. 54—67.
- Живов 1988 — *Живов В. М.* Смена норм в истории русского литературного языка // *Russian Linguistics*. 1988. № 12. С. 3—47.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Ломоносов 1755 — *Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб., 1755.
- Fasske 1994 — *Fasske H.* Der Weg des Sorbischen zur Schriftsprache // *Language Reform. History and Future VI* / I. Fodor, C. Hagège (eds.). Hamburg, 1994. S. 257—283.
- Frentzel 1688/1993 — *Frentzel M.* Postwitzscher Tauff-Stein oder christliche und einfältige teutsch-wendische Predigt von der heiligen Taufe: ein sorbisches Sprachdenkmal aus dem Jahre 1688. / Hrsg. von H. Schuster-Šewc. Weimar; Köln; Wien, 1993. (Mitteldeutsche Forschungen 109).
- Fritz 1972 — *Bulla Aurea Karoli IV Imperatoris Anno MCCCLVI Promulgata. Die Goldene Bulle Kaiser Karls IV vom Jahre 1356* / Hrsg. von W. D. Fritz. Weimar, 1972. (Monumenta Germaniae Historica; Leges 8, Fontes Iuris Germanici Antiqui in usum scholarum separatim editi 11).
- Galmiche 2001 — *Galmiche X.* Romaine contre gothique: aspects culturels des options alphabétiques et typographiques dans les Pays tchèques au XIXe siècle // *Alphabets slaves et interculturalité* / Éd. par J. Breuillard, R. Comtet. Toulouse, 2001. P. 191—216. (Slavica Occitania 12).
- Haarmann 1979 — *Haarmann H.* Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas 2: Studien zur Multilingualismusforschung und Ausbauparadigmatik. Hamburg, 1979.
- Hórník 1870 — *Hórník M.* Ryč a prawopis Michała Frencela před runje 200 lětami // *Časopis Mačicy Serbskeje* 23. 1870. S. 55—61.
- Hórník 1883 — *Hórník M.* Zacharias Bierling a jeho knižka z l. 1689 // *Časopis Mačicy Serbskeje* 36. 1883. S. 119—127.
- Jenč 1871 — *Jenč K. A.* Michał Frencl a jeho zaslůžby wo serbske pismowstwo // *Časopis Mačicy Serbskeje* 24. 1871. S. 73—92.
- Kloss 1967 — *Kloss H.* 'Abstand Languages' and 'Ausbau Languages' // *Anthropological Linguistics* 9/7. 1967. P. 29—41.

- Knauthe 1767/1980 — *Knauthe C.* Derer Oberlausitzer Sorberwenden umständliche Kirchengeschichte / Hrsg. von R. Olesch. Köln; Wien, 1980. (Mitteldeutsche Forschungen 85).
- Kollár 1929 — *Kollár J.* Rozpravy o slovanské vzájemnosti. Praha, 1929. (Knihovna Slovanského ústavu v Praze 1).
- Laube 2003 — *Laube S.* Das Lutherhaus Wittenberg — eine Museumsgeschichte, Leipzig, 2003. (Schriften der Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt 3).
- Lewaszkiwicz 1995 — *Lewaszkiwicz T.* Łużyckie przekłady Biblii. Przewodnik bibliograficzny. Warszawa, 1995. (Język na pograniczach 14).
- Lewaszkiwicz 2003 — *Lewaszkiwicz T.* Stawizny hornjoserbskeje ewangelskeje biblije // *Rozhled* 53/11—12. 2003. S. 409—416.
- Luther 1916 — *Luther M.* Werke. Kritische Gesamtausgabe. Tischreden. Bd. IV. Weimar, 1916.
- Luther 1933 — *Luther J.* Legenden um Luther. Berlin; Leipzig, 1933. (Greifswalder Studien zur Lutherforschung und neuzeitlichen Geistesgeschichte 9).
- Meyer 1923 — *Meyer K. H.* Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). Text mit Einleitung und grammatischer Bearbeitung. Leipzig, 1923. (Slavische Forschungen 1).
- Mieses 1919 — *Mieses M.* Die Gesetze der Schriftgeschichte. Konfession und Schrift im Leben der Völker. Wien; Leipzig, 1919.
- Muljačić 1986 — *Muljačić Ž.* L'enseignement de Heinz Kloss (modifications, implications, perspectives) // *Glottopolitique* / Éd. par J.-B. Marcellesi. Paris, 1986. P. 53—63. (Langages 83).
- Otten 1985 — *Otten F.* Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen. Köln; Wien, 1985. (Slavistische Forschungen 50).
- Pful 1848 — *Pful K. B.* Hornołužiski Serbski Prawopis z krótkim ryčničnym přehladom // *Časopis Mačicy Serbskeje* 1. 1848. S. 65—127.
- Röseberg 1930 — *Röseberg K.* Leben und Wirken Michael Frentzels, Übersetzers des Neuen Testaments in das Wendische (Obersorbische). Dresden, 1930.
- Schippan 1995 — *Schippan M.* Zar Peter I. von Rußland und Wittenberg // 700 Jahre Wittenberg: Stadt, Universität, Reformation / Hrsg. von S. Oehmig. Weimar, 1995. S. 535—544.
- Schuster-Šewc 1967 — *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.—18. Jhr. Bautzen, 1967. (Spisy Instituta za serbski ludospyt 31).
- Schuster-Šewc 2001 — *Schuster-Šewc H.* Die ältesten Drucke des Obersorbischen. Wenceslaus Warichius und Gregorius Martini. Eine sprachwissenschaftliche Analyse. Mit Faksimiledruck, Transliteration und Transkription. Bautzen, 2001.
- Šen 2002 — *Šen F.* Towaršne basnje 17. a 18. lětstotka. Budyšin, 2002. (Serbska poezija 48).
- Srjeznjewskij 1985 — *Srjeznjewskij I. I.* Historiski zarys serbskeje literatury // *Lětopis A* 32/2. 1985. S. 193—210.
- Stein 1883 — *Stein H.* Geschichte des Lutherhauses. Wittenberg, 1883.
- Stone 1993 — *Stone G.* The Sorbian Hymn // *Perspektiven sorbischer Literatur* / Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993. P. 79—95. (Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien 19.)

- Thomson 1992 — *Thomson F. J.* SS. Cyril and Methodius and a Mythical Western Heresy: Trilinguism. A Contribution to the Study of Patristic and Medieval Theories of Sacred Languages // *Analecta Bollandiana* 110/1—2. 1992. P. 67—122.
- Thomson 1998 — *Thomson F. J.* The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible = Interpretation der Bibel = Interprétation de la Bible = Interpretacija Svetega pisma. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 605—920.
- Thomson 2004 — *Thomson F. J.* Dobrowsky and the Slavonic Bible. Praha, 2004.
- Ticinus 1679/1985 — *Ticinus J. X.* Principia linguae wendicae quam aliqui wandalicam vocant / Ed. F. Michałk. Bautzen, 1985.
- Urbańczyk 1983 — *Urbańczyk S.* Die altpolnischen Orthographien des 16. Jahrhunderts. Stanisław Zaborowski. Jan Seklucjan. Stanisław Murzynowski. Jan Januszowski. Köln; Wien, 1983. (Slavistische Forschungen 37).
- Völkel 1997 — *Völkel M.* Serbske wěnowanje ruskemu carjej // *Protyka*. 1997. S. 70—72.
- von Weber 1873 — *von Weber K.* Die Besuche Peters des Großen in Dresden // *Archiv für die Sächsische Geschichte* 11. 1873. S. 337—350.

WIE GUT KONNTE MAN MAN UM 1730 INS RUSSISCHE ÜBERSETZEN?

Helmut Keipert

Die Rheinische Friedrich Wilhelms-Universität, Bonn

1. Obwohl die Zahl der aus anderen Sprachen übertragenen Texte im russischen Schrifttum des 18. Jahrhunderts beträchtlich und insbesondere in dessen erster Hälfte sehr hoch ist, sind diese Übersetzungen bisher kaum als solche untersucht, d. h. nicht auch im einzelnen als übersetzerische Leistung gewürdigt worden. Wenn überhaupt neben den — mehr oder weniger — originalen Werken russischer Autoren übersetzte Texte dieser Zeit sprachwissenschaftlich analysiert werden, interessieren in der Regel die graphisch-orthographischen, morphologischen, syntaktischen und lexikalischen Besonderheiten allein der zielsprachigen Fassung, und es bleibt fast völlig außer Betracht, welche übersetzerischen Schwierigkeiten der jeweilige Bearbeiter bereits beim richtigen Verständnis des Textes in der Ausgangssprache und bei der Ermittlung äquivalenter russischer Ausdrucksformen zu überwinden hatte. Wie wenig Beachtung vorläufig sogar die von den fremdsprachigen Vorlagen möglicherweise (und vielfach eben auch nachgewiesenermaßen) ausgehenden Impulse z. B. in Hinblick auf den semantisch-funktionalen Ausbau des russischen Wortschatzes finden, zeigt sich an vielen Stellen des jetzt erscheinenden «Slovar' russkogo jazyka XVIII veka», der zwar erfreulich viele Belege aus dem Übersetzungsschrifttum einbezieht, ihnen aber bei weitem nicht immer zugleich auch die zugehörige Formulierung aus dem Original an die Seite stellt. Noch erstaunlicher ist im Grunde das Ausblenden der eigentlichen Übersetzungsleistung in der vor einem Jahrzehnt veröffentlichten zweibändigen «Istorija russkoj perevodnoj chudožestvennoj literatury», die aus dem russischen Schrifttum des 18. Jahrhunderts eine Fülle von übersetzten Werken unterschiedlichster Herkunft zusammenstellt, zu den meisten von ihnen jedoch keine gründliche Untersuchung zu nennen vermag, der man Genaueres über die Vorzüge und vielleicht auch Mängel der betreffenden Russifizierung entnehmen könnte — und das, obwohl im programmatischen Vorwort des Herausgebers — durchaus in Übereinstimmung mit den Vorstellungen der Zeit — das Übersetzen eine Art Schule genannt worden ist, die zur Entwicklung und Bereicherung der in Rußland entstehenden Literatur und deren Sprache beigetragen habe [Левин 1995: 11]. Solange wir nicht wissen, was wirk-

lich in diesen Übersetzungstexten steht und wodurch sie sich vielleicht von ihren Originalen (und sei es infolge der Vermittlung durch «Zwischenübersetzungen»¹) unterscheiden, dürfte kaum überzeugend zu ermitteln sein, in welchen sprachlich-stilistischen Phänomenen des Russischen im 18. Jahrhundert ein Ergebnis solcher translatorischer Schulung gesehen werden muß. Angesichts so unzureichender Voraussetzungen ist zudem die vergleichende Beurteilung von Übersetzungsleistungen nahezu ausgeschlossen und erst recht die Möglichkeit, aufgrund systematisch überprüfbarer Wiedergaberegularitäten die eine oder andere der vielen anonymen russischen Übersetzungen des 18. Jahrhunderts einem namentlich bekannten Urheber zuzuweisen, dessen Übertragungsverfahren bei nichttrivialen Merkmalen mit denjenigen des betreffenden Anonymus identisch zu sein scheint. Der folgende Beitrag hat sich demgegenüber ein sehr viel bescheideneres Ziel gesetzt. Am Beispiel eines um 1730 von Vasilij Evdokimovič Adodurov (1709—1780) angefertigten russischen Textes soll gezeigt werden, wie damals bei der Übertragung von *man*-Sätzen eine der auch heute noch notorischen Schwierigkeiten beim Übersetzen vom Deutschen ins Russische bewältigt worden ist. Bekanntlich fehlt der russischen Sprache ein Wort, das in den meisten Verwendungen als feststehendes Äquivalent von *man* gelten könnte, d. h. ein Übersetzer muß sich bei seiner Wiedergabe entscheiden, welchen unter einer ganzen Reihe von mehr oder weniger geeigneten «Ersatzausdrücken» für dieses indefinite Personalpronomen des Deutschen er an der ihn gerade beschäftigenden Stelle seiner Vorlage einzusetzen hat und welchen von ihnen vielleicht an einer anderen. Während wir heute über eine ganz ansehnliche Literatur zu diesem Problem verfügen und deutsch-russische Wörterbücher in der Regel manche nützliche Hinweise geben, fehlte den Übersetzern in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts nahezu jede derartige Unterstützung. Die Vielfalt der Entsprechungen, die sie in der Praxis dennoch gefunden und bei der Niederschrift ihrer Texte verwendet haben, kann man deshalb durchaus auch als Test und Maßstab ihrer Kenntnis des Deutschen und Beherrschung des Russischen ansehen.

2. In der Lexikographie des frühen 18. Jahrhunderts scheint es überhaupt keine Hilfe zur Bewältigung dieses Übersetzungsproblems gegeben zu haben: das einzige deutsch-russische (genauer: deutsch-lateinisch-russische) Wörterbuch dieser Zeit, das sog. Weismannsche Wörterbuch, enthält keinen Artikel zu *man*!² Sehr knapp

¹ Ein warnendes Beispiel ist die formale und inhaltliche Metamorphose des «Essay on Man» von A. Pope in der russischen Reversifizierung N. N. Popovskijs (1757), vgl. [Keipert 2001].

² Vgl. [Weismann 1731: 398] zwischen *Mammon* und *Mancher*. Angesichts der Parallelen, die die damalige Sprachbeschreibung des Deutschen in der Verwendung von *man*

unterrichtet über das deutsche Wort schon die erste in Rußland gedruckte Deutsch-Grammatik, die «Teutsche Grammatica» von Martin Schwanwitz, und zwar in ihrem Kapitel über die unpersönlichen Verben:

I. Die *Verba Impersonalia* werden nur in der dritten Person *Singularis Numeri* coniugiret.

[...]

III. Man gebrauchet dabey gemeiniglich die Particul *man* und *es*.

IV. Die Particul *man* wird gebrauchet ohne einzige Person, als: *man liebet, man schreibt*.

Wer weiß, worauf es ankommt, kann aus der auf der gegenüberliegenden Seite gedruckten russischen Übersetzung der deutschen Beispiele allein mit *любятъ* und *пишутъ* den Schluß ziehen, daß die 3. P.Pl. des Verbums als passendes Äquivalent der beiden *man*-Ausdrücke anzusehen ist, und diese Vermutung wird durch die folgenden Konjugationsparadigmen verstärkt [Schwanwitz 1730: 284—287]³. Deutlicher als bei Schwanwitz, der mit der Serie *говорятъ — говорили — говорили — давно говорили — будутъ говорить* für *man saget — man sagte — man hat gesagt — man hatte gesagt — man wird sagen* nur eine der vielen Wiedergabemöglichkeiten anzeigt und das nicht weiter kommentiert, wird schon in der Syntax der «Anweisung» von Paus gleichfalls im Zusammenhang mit den unpersönlichen Verben ausdrücklich gesagt, daß verschiedene «teutsche *Impersonalia* mit *man* [...] im Rußischen in 2. pers. sing. oder in 3. plur. gegeben [werden]», und dazu folgen als Beispiele:

даютъ man giebt, *покупаютъ man* kauft, *гуляютъ*.

дешевѣтъ не купишь Wohlfeiler kauft mans nicht. Wirstu es nicht kauffen, *лучше не здѣлаешь* beßer macht mans nicht. Wirstus nicht machen [...].

An diese Beispielreihe wird noch eine dritte Art der Wiedergabe angeschlossen: «*Item* in 3. pers. sing.»:

дается es läst, giebt sich.

здѣляется es läst sich machen. Man wirts machen, es wird geschehen.

здѣлалось es ist geschehen [Paus Bl. 195r].

und *es* hervorgehoben hat, ist diese Lücke erstaunlich, denn unter *es* (S. 179—180) findet man zahlreiche Eintragungen.

³ Vgl. auch in der Syntax S. 386—387 №. 24 die Wiedergabe der deutschen Sätze *Man liebet mich* und *Man trincket den Wein* mit *меня любятъ* und *сѣ вино пѣютъ* und auch in der Homophonen-Liste S. 87 die Bezeichnung von *man* als Partikel: *man* / партикула, *der Mann* / мужъ, *ich mahn* / я скучяю про денги. Der russische Paralleltext in dieser Grammatik dürfte, soweit er nicht auf Schwanwitz selbst zurückgeht, von den in der Akademie der Wissenschaften tätigen Übersetzern stammen.

Wenn man weiß, daß die *man*-Konstruktionen ähnlich wie die *es*-Konstruktionen in Deutsch-Grammatiken der Zeit⁴ nach dem Vorbild von Latein-Grammatiken (vgl. *dicunt* «man sagt», *pluit* «es regnet») im Kapitel über das Verbum impersonale behandelt wurden, weil auch dem Lateinischen ein pronominaler Ausdruck wie *man* fehlt, ist es eine reizvolle Überlegung, ob nicht hinter der «Verba impersonalia» überschriebenen Liste der Ludolf-Grammatik eine deutsche Liste von *man*- und *es*-Verbindungen steht [Ludolf 1696/1959: 40]:

кажеть са мнѣ,	videtur mihi	(= es scheint mir?)
каеть са мнѣ,	poenitet me	(= es reut mich?)
дождъ идетъ,	pluit	(= es regnet?)
не лза мнѣ,	non possum	(???, vgl. man kann/darf nicht)
не лза еи,	illa non potest	(???, vgl. man kann/darf nicht)
вонаетъ,	foetet	(= es stinkt?)
солнце сїаетъ,	sol splendet	(???, vgl. es scheint die Sonne)
гремятъ, громъ идетъ,	tonat	(= es donnert?)
блискаеть,	fulgurat	(= es blitzt?)
похнить,	olet	(= es riecht, es stinkt?)
грезить са мнѣ,	somnio	(= es schläfert mich?)

Hält man gegen diese Ludolf-Liste eine der zeitüblichen Definitionen des Verbum impersonale wie diejenige der «Lateinischen Grammatica Marchica» [LGM 1751: 399]:

- I. *Impersonalia* sind *Verba*, welche nur in der dritten *Persona Singulari* durch alle *Tempora* conjugiret, und im Teutschen mit dem Wörtlein *es*, oder *man* ausgesprochen werden.
- II. Die *Impersonalia* sind zweyerley.
 - Activa*, als: *Poenitet*, es gereuet.
Oportet, man muß.
 - Passiva*, als: *Statur*, man stehet.
Curritur, man läufft,

dann entsprechen dieser Begriffsbestimmung zwar die lateinischen Belege *poenitet*, *pluit*, *tonat* oder *fulgurat*, aber sicher nicht die Wortformen *somnio* und *possum* in der 1. P.Sg. und ebensowenig Sätze wie *illa non potest* oder *sol splendet* mit ihrer durch die Angabe von Subjekten klar persönlichen Konstruktion; auch *videtur* ist kaum als Impersonale zu werten, da *videre* anders als z. B. *stare* in *statur* oder *currere* in *curritur* mit Passivformen in allen drei Personen auftreten kann. Noch fragwürdiger sind freilich einige von Ludolfs russischen «Verba Impersonalia»: mit *не лза* (*sic!*) hat er ein Prädikativ aufgenommen, also eine *nichtverbale* Form, und die Verbformen *идеть* und *сїаетъ* werden bei ihm mit Substantiven im Subjektsno-

⁴ Vgl. zahlreiche Beispiele dieser Art bei Schwanwitz [1730: 386—389, № 25—27].

minativ, also zweifellos nicht wie unpersönliche Verben gebraucht⁵. Dagegen läßt sich eine überzeugendere Verbindung zum damals üblichen Begriff der Verba impersonalia z. B. durch den Rückgriff auf die zeitgenössische Grammatikographie des Deutschen herstellen, die verbale Fügungen mit *es* und eben auch diejenigen mit *man* als Gebrauch von Impersonalia interpretierte⁶. Entgegen der *communis opinio*, die Ludolfs Grammatik noch immer vor allem mit der kirchenslavischen Grammatik Smotrickijs verbindet, hängt diese Verbliste mit Sicherheit nicht von der Lehrtradition des Kirchenslavischen ab, denn von ihr werden als Impersonalia ganz andere Verben genannt [Німчук 1979: Bl. ТбV]⁷. Obwohl Ludolf mit seinen Beispielen auf eine Quelle zurückzugreifen scheint, in der es wenn schon nicht bei der Beurteilung von Objektsprache, dann doch zumindest im Interpretament um *es*- und *man*-Konstruktionen gegangen sein muß, kann auch sein Werk für einen russischen Übersetzer, der Sätze mit *man* zu übertragen hatte, keine Hilfe gewesen sein. Am meisten hätte ihn zweifellos, zwar noch reichlich lückenhaft, die «Anweisung» von Paus unterstützen können, doch stand dieses Werk, ungedruckt wie es war, nur wenigen zur Verfügung.

3. Im Unterschied dazu finden wir heute in deutsch-russischen Lexika für Deutsche bzw. Russen, in Russisch-Grammatiken für Deutsche und in Deutsch-Grammatiken für Russen sowie in wissenschaftlichen Abhandlungen der kontrastiven Linguistik zum Sprachenpaar Deutsch-Russisch ausführliche Informationen zur Übersetzung von *man*, und einige von ihnen sollten exemplarisch hier wenigstens kurz vorgestellt werden, weil sie einerseits zeigen, welche Ausdrucksmöglichkeiten für deutsche Sätze mit *man* es im Russischen überhaupt gibt, und weil sie auf der anderen Seite im Vergleich veranschaulichen, an welche von ihnen ein Übersetzer des 18. Jahrhunderts im Rahmen seines Vorlagentextes schon gedacht hat und welche seiner Wiedergabelösungen heute offenbar nicht mehr oder kaum noch gebräuchlich sind. Das bisher umfangreichste deutsch-russische Wörterbuch für Deutsche hat auf seinen *man*-Artikel eine ganze Spalte verwendet und dabei unter I. Verwendungen des Worts «in unbestimmt-persönlichen Sätzen» und unter II. solche «in verallgemeinert-persönlichen Sätzen» unterschieden. In Gruppe I geht es zunächst um Sätze mit nichtimperativischem Prädikat, dem in den russischen Äquivalenten in der Regel eine finite Verbform in der 3. P.Pl. gegenübersteht, z. B.:

⁵ Noch eigenartiger wirkt Ludolfs Zusammenstellung von «безличные глаголы», wenn man sie allein in der russischen Übersetzung Larins liest, vgl. [Ларин 2002: 620, 566].

⁶ Vgl. z. B. die Besprechung der unpersönlichen Verben in den verschiedenen Auflagen der Bödiker-Grammatik bei Diedrichs [1983: 221—223, 298—302].

⁷ Auch die «Anfangs-Gründe» von 1731 exemplifizieren die Kategorie mit untadeligen Impersonalia, vgl. [AG 1731: 38]: «[D]em *Impersonali* fehlen gar nicht zu selten in beyden *Numeris* die erste und andere, auch bißweilen noch dazu die dritte Person in *Plurali*, als: надлежить man muß, подобаеть es geziemet sich».

man sucht dich ~ тебя ищут,

man will nicht, daß er das macht ~ не хотят, чтобы он это сделал,

danach um solche mit imperativischem Prädikat in der Form der 3. P.Sg. des Konjunktivs, z. B.:

man denke sich (stelle sich vor)! ~ представь [представьте] себе!,

man nehme ~ возьмите.

In der Gruppe II werden zwar auch nur zwei Subtypen unterschieden, aber ihre russischen Entsprechungen sind vielfältiger und verlangen bei der Darstellung im Wörterbuch auch mehr Platz, ohne daß alle Möglichkeiten auch mit Satzbeispielen hätten belegt werden können. Bei der russischen Wiedergabe dieser *man*-Sätze mit Verben verwendet man die Verbform der 2. P.Sg. oder 2. P.Pl., z. B.:

Fremde trifft man selten dort ~ посторонних там редко встретишь,

in bestimmten Kontexten auch eine Verbform mit человек, z. B.:

da arbeitet man und sieht nicht, wie... ~ вот работаешь и не видишь (человек работает и не видит), как...,

bei Prädikaten mit Objekt auch das Verb in der Form des Passivs, z. B.:

wie schreibt man dieses Wort? ~ как пишется это слово?,

bei sehr großer Verallgemeinerung (z. B. in Sprichwörtern oder Verboten) — auch die 1. P.Pl. oder 3. P.Pl. in Konditionalsätzen — meist den Infinitiv, z. B.:

wenn man sich näher mit diesem Problem bekannt macht, dann beginnt man zu begreifen, daß... ~ если поближе познакомиться (познакомишься) с этой проблемой, то начинаешь понимать, что...

Den zweiten Subtyp bilden die Wiedergaben mit Prädikativa, insbesondere bei modalen Prädikaten im Deutschen, z. B.:

man darf [darf nicht/kann/kann nicht/mag(will)/möchte/muß/müßte/sollte] so handeln ~ можно [нельзя/можно/нельзя (невозможно)/хочется/хотелось бы /нужно (надо)/нужно (надо) (было) бы/следовало бы] так поступать,

man ist gekränkt [schämt sich, fürchtet sich], wenn man das sieht ~ обидно [стыдно, страшно], когда видишь это,

hier hört [sieht] man schlecht ~ тут плохо слышно [видно] [Bielfeldt, Löttsch 1984: 384—385]⁸.

⁸ Die hier verwendete Typologie lehnt sich, bis in die Beispiele hinein erkennbar, an diejenige der deutsch-russischen Lexikographie für Russen an, vgl. z. B. [Лепинг, Страхова 1958: 752]. Bei Moskal'skaja [Москальская 1969, 1: 54] wird der Artikel dagegen anders, nach nichtimperativischen und imperativischen Verwendungen, gegliedert.

Dieser knappen, aus dem praktischen Bedürfnis des Übersetzens erwachsenen und auf das Wichtigste beschränkten Systematisierung, die natürlich manche Ergänzung finden kann, läßt sich als Alternative die Neuordnung der russischen Äquivalente nach Sememen an die Seite stellen, wie sie u. a. von Salnikow vorgeschlagen worden ist. In der Einsicht, «daß es sich bei den deutschen *man*-Sätzen und den häufig als ihr Äquivalent angesehenen russischen unbestimmt-persönlichen Sätzen um zwei verschiedene strukturimmanente Konstruktionen handelt, die in textsemantischer, -syntaktischer und kommunikativ-pragmatischer Sicht verschieden realisiert werden», hat Salnikow im Hinblick auf das Auffinden von Übersetzungsäquivalenten im Russischen eine Einteilung der deutschen *man*-Konstruktionen in sieben Typen vorgenommen und diese Typen mit deutsch-russischen Übersetzungsbeispielen erläutert (vgl. [Salnikow 1984, insbesondere S. 45—54]):

1. *man*₁ = generelles bzw. verallgemeinerndes *man*
2. *man*₂ = subjektivierendes *man*
3. *man*₃ = anonymes *man*
4. *man*₄ = pronominales *man*
5. *man*₅ = *man* + Modalverb + Infinitiv
6. *man*₆ = wenn + *man*...
7. *man*₇ = *man* + Konjunktiv I (Konjunktiv Präsens).

Weiter ausgebaut ist dieses Schema in der Dissertation von Winter, die die Polysemie von *man* durch die Annahme von acht Sememen zu modellieren versucht, von denen jedes eine unterschiedliche Kombination von Semen aufweist und deshalb zu einem jeweils unterschiedlichen Spektrum von Übersetzungsmöglichkeiten im Russischen führt (vgl. [Winter 1987: 73—136, insbesondere S. 79, 89—136]). In diesen beiden Arbeiten ist aus der Übersetzerischen Praxis eine Fülle von Übertragungsmöglichkeiten des deutschen *man* beschrieben, die weit über das hinausgeht, was die deutsch-russische Lexikographie zu bieten hat; sie läßt sich hier schon aus Raumgründen nicht im einzelnen vorstellen, gibt aber eine willkommene Gelegenheit, Adodurovs *man*-Wiedergaben auch aus heutiger Sicht zu beurteilen.

4. Der deutsche Text, der der zu analysierenden Übersetzung Adodurovs zugrundeliegt, ist die anonym und ohne Angabe von Erscheinungsjahr und Verlagsort gedruckte

Einrichtung der Studien Ihro Kayserl. Majest. Petri des Andern Kaysers und Souverains von gantz Rußland etc. etc. etc. Wie solche von Ihro Excellenz dem Herrn Reichs-Vice-Cantzler und geheimden Rath Baron von Ostermann, als Ihrer Kayserl. Majestät Ober-Hoff-Meistern, angeordnet worden [CKH I: 131—132, № 441].

Verfaßt hat dieses kleine Buch Georg Bernhard Bilfinger (oder: Bülfinger, 1693—1750), also eines der ersten nach Petersburg berufenen Akademiemitglieder⁹, für die Erziehung Peters II., der am 7. Mai 1727 nach dem Tode der Zarin Katharina I. minderjährig die Regierung übernommen hatte und auf seine Aufgaben als Herrscher des Landes weiter vorbereitet werden sollte¹⁰; die Autorschaft Bilfingers ist gut bezeugt¹¹, ebenso durch Verkaufskataloge der Akademie das Erscheinen des Buchs im Jahre 1728¹². Mit separater Paginierung sind an diese «Einrichtung» zu demselben Zweck angebunden die «Vorschläge Wie ein Printz in der Christlichen Religion soll unterrichtet werden, Verfaßet von Theophanes, Ertz-Bischoff von Novogrod», die zusammen mit jener herkömmlicherweise als ein einziges Werk gelten und offenbar gleichfalls ins Jahr 1728 gehören¹³. Im Unterschied dazu scheint die russische Übersetzung mit dem Titel

Расположеніе ученїи Его Императорскаго Величества Петра Втораго Императора и Самодержца Всероссійскаго, и прочая, и прочая, и прочая. По учрежденію Его Превосходительства Господина Государственнаго Вице-канцлера Дѣйствиельнаго тайнаго совѣтника Барона фонъ Остермана, Его Императорскаго Величества Оберъ Гофменстера.

nicht ohne weiteres so genau datierbar zu sein¹⁴. Daß ihre sprachliche Ausfertigung von Adodurov stammt, kann deshalb keinem Zweifel unterliegen, weil auf der Rückseite des gleichfalls ohne Angabe von Verfasser, Ort und Jahr gedruckten Titelblatts vermerkt ist:

Переведено съ Нѣмецкаго языка чрезъ Васілья Адодурова Адъюнкта при Академїи Наукъ (S. [2]),

⁹ Vgl. nach der älteren Darstellung bei [Пекарский 1870: 81—95, insbesondere S. 86], aus der neueren Literatur über ihn [Geyer 1983] oder [Маркина 1999].

¹⁰ Vgl. [Анисимов 2001], ferner [Анисимов 1994: 152—171].

¹¹ Vgl. bei Suchomlinov [Сухомлинов 1: 595 ff.] den Tätigkeitsbericht der Akademie für die Jahre 1728 und 1729, wo zu Bulfinger (*sic!*) u. a. gesagt wird: «An andern schrifften hat er abgefasset einen vorschlag, wie die studia Ihrer Kayserl. Majestät Petri des II. einzurichten» (S. 598). Anisimov [Анисимов 1994: 156] hält dieses Erziehungsprogramm für ein Werk des Grafen Ostermann und bescheinigt ihm, daß es für seine Zeit nicht schlecht gewesen sei.

¹² Vgl. z. B. [Verzeichnis 1735: [4]].

¹³ So auch in dem genannten Verzeichnis von 1735, vgl. [СКИ III: 100]. Die «Vorschläge» werden bei der folgenden Analyse nicht einbezogen, da ihr Text allem Anschein nach auch sprachlich eine andere Herkunft hat als derjenige von Bilfinger; auch typographisch (eigene Paginierung, etwas andere Gestaltung der Seiten) hat er offensichtlich als ein eigener Druck zu gelten, obwohl ihm gleichfalls die Angabe von Verlagsort und Erscheinungsdatum fehlt und er in der Regel wohl an den Bilfinger-Text angebunden begegnet.

¹⁴ Vgl. [СК I: 104, № 575]. In der russischen Fassung sind der Bilfinger- und der Prokopovič-Text mit einer gemeinsamen Paginierung gedruckt.

doch wirft diese Notiz insofern ein Problem auf, als sie erst entstanden sein kann, nachdem Adodurov am 26. Oktober 1733 den Titel eines Adjunkten erhalten hatte¹⁵. Das Problem ist für die chronologische Einordnung des heute meist um 1732 («около 1732 г.») datierten Drucks¹⁶ relevant, weil das Titelblatt nicht später hinzugefügt worden ist, sondern das erste Blatt des ersten Bogens darstellt und aus diesem Grund die Übersetzerangabe zugleich mit dem auf Bl. A2 beginnenden Text des Werks gedruckt worden sein muß. Für eine vergleichsweise späte Datierung spricht möglicherweise auch, daß Adodurovs Übersetzung in der Verkaufsliste der Akademie von 1735 (die Publikationen auch mit Erscheinungsdaten 1733, 1734 und sogar 1735 nennt!) zwar mit einer Preisangabe, aber — nur ein Zufall? — ohne Datum eingetragen ist¹⁷. Selbst wenn man beim Datum 1732 bleibt, ist auch zu diesem Zeitpunkt die Veröffentlichung eines Buches merkwürdig, das der Erziehung eines jugendlichen Herrschers dienen sollte, der, wie man weiß, nicht einmal fünfzehnjährig bereits im Januar 1730 gestorben war, und noch seltsamer wirkt diese Publikation, wenn man berücksichtigt, daß ihr Druck noch im Dezember 1731, also bereits unter der Herrschaft der Zarin Anna Ioannovna, mit Entschiedenheit angeordnet worden ist:

Въ російской типографіи напечатать расположеній ученія Е. И. В. Петра Второго, на бумагахъ первой пробы втораго нумера тысячу двѣсти, да в томъ числѣ на французской — тридцать, да на почтовой — пятьдесятъ. И о томъ типографіи писцу Федору Степанову дать указъ, въ которомъ прописать, дабы оныя книги какъ возможно съ поспѣшеніемъ напечатаны были, безъ всякаго послабленія [Сухомлинов 2: 86]¹⁸.

Allem Anschein nach ist die Drucklegung dieses Buchs mit Schwierigkeiten verbunden gewesen, die durch den plötzlichen Tod Peters II. entstanden waren (ganz abgesehen davon, daß Bilfinger, der Verfasser des Werks, im Januar 1731

¹⁵ Vgl. die Angabe des Jahres [Лейбман, Успенский 1988; Руднев 2001]; das genaue Datum bietet [Пекарский 1870: 503—516], der den russischen Druck wie Sopikov (s. u.) ins Jahr 1728 gestellt hat (S. 507), ohne zu berücksichtigen, daß dieser Datierung das Datum der Ernennung (S. 505) widerspricht.

¹⁶ In der älteren Literatur wird die russische Übersetzung nach Sopikov in das Jahr 1728 verwiesen, vgl. [Губерти 1878: 19—22], der auch eine Inhaltsangabe bietet; diese unzutreffende Datierung findet man z. B. noch bei Kutina [Кутина 1964: 215], während die Quellenliste des «Slovar' russkogo jazyka XVIII veka» den Druck um 1732 ansetzt, vgl. [Сорокин 1984: 131 s. v. «Уч. П. П.».]. Der älteren Datierung folgt danach noch Rjazanskaja [Рязанская 1988: 4 слл., 129].

¹⁷ Vgl. Anm. 10.

¹⁸ An den Pluralformen *расположеній* und *книги* ist zu sehen, daß man die beiden Teile damals als zwei verschiedene Bücher betrachtet hat, zumal sie ja auch jeweils separat paginiert waren.

die Akademie verlassen hat und nach Tübingen zurückgekehrt ist); vermutlich ist Adodurov sogar noch zu Lebzeiten Peters mit der Übersetzung beauftragt worden, denn daß sie erst nach dessen Tod in Angriff genommen worden sein sollte, würde die Sache noch unwahrscheinlicher machen¹⁹. Inwieweit sich über die bei Su-chomlinov gedruckten Dokumente hinaus noch Informationen zu diesem Problem aus den ungedruckten Akten des Akademie-Archivs gewinnen lassen, ist eine offene Frage; man sollte jedenfalls damit rechnen, daß Adodurovs Text als solcher noch Ende der zwanziger Jahre des 18. Jahrhunderts entstanden sein kann, auch wenn er sicher erst in den dreißiger Jahren gedruckt und publiziert worden ist.

5. Obwohl Adodurov in den Jahren seiner Tätigkeit bei der Akademie der Wissenschaften viel übersetzt hat (schließlich hat man ihn dort zunächst als einen der Übersetzer beschäftigt) und eine ganze Reihe von Texten sich durch zeitgenössische Bezeugung sicher mit seinem Namen verbinden lassen, scheint es keine Untersuchung zu geben, die sich mit seiner Leistung bei der Russifizierung fremdsprachigen Schrifttums beschäftigt hätte: der Übersetzer Adodurov steht heute im Schatten des Grammatikers, wird über den ihm zugeschriebenen «Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache» von 1731 und der sog. «ersten Russisch-Grammatik in der Muttersprache» vom Ende der dreißiger Jahre²⁰ kaum bemerkt. So ist es symptomatisch, daß an der von ihm geleiteten Redaktion des russischen Paralleltexts in der 2. Auflage der «Teutschen Grammatica» von Martin Schwanwitz vor allem die Regelung der Orthographie und der Morphologie, also grammatische Probleme, interessiert haben (vgl. [Рязанская 1988]), nicht aber seine Neuerungen im Bereich der Terminologie und sein Verzicht auf die terminologischen Latinismen in der Erstauflage. Ähnlich hat der Jubilar in seinen monumentalen «Očerki istoričeskoj morfologii russkogo jazyka» eine Reihe von Adodurov-Übersetzungen in erster Linie als Belegtexte für den Normenwandel in der standardsprachlichen Morphologie des Russischen im 18. Jahrhundert herangezogen (vgl. [Живов 2004: 198—199, 201—202, 464—468]). Das Thema «Adodurov als Übersetzer» ist also durchaus noch ein Desiderat, aber es dürfte auch ein Thema sein, dessen fundierte Behandlung umfangreiche Quellenstudien und Aktenrecherchen verlangen wird, wenn man sicher sein will, das Wesentliche erfaßt zu haben. Adodurov hat z. B. im Zusammenhang mit einem Gutachten, das er über eine der

¹⁹ Freilich liest man im Tätigkeitsbericht der Akademie für 1728 und 1729 nur: «Adodurov hat alles übersetzt, was bey der cantzelleij vorgefallen, und zugleich die russischen correcturen des teutschen und russischen lexici besorget, wie auch im jahre 1728 die anmerckungen zu den zeitungen», vgl. [Сухомлинов 1: 603].

²⁰ Vgl. [Успенский 1975]. Im Lichte des 1988 wiedergefundenen «Compendium Grammaticae Russicae» (vgl. [Keipert, Huterer 2002]) und der dadurch erschlossenen Paus-Tradition müssen diese beiden Grammatiken jetzt in einigen Punkten neu bewertet werden.

Akademie zum Druck eingereichte Übersetzung abzugeben hatte, 1735 beiläufig einige beim Übersetzen zu beachtende Prinzipien notiert, die in der Geschichte des übersetzungstheoretischen Denkens im Rußland des 18. Jahrhunderts²¹ schon deshalb beachtet zu werden verdienen, weil sie ein weiteres Mal zeigen, daß man auch dort Texte nicht einfach von einer Sprache in eine andere gebracht hat, sondern sich auch Gedanken darüber machte, *was* man da tat und *wie* man es richtigerweise zu tun hatte:

Wenn man die Übersetzungen überhaupt betrachtet, so kommt das meiste darauf an, dass selbige 1) mit dem original vollkommen übereinstimmen; 2) deutlich vorgetragen und von den grammaticalischen fehler(n) gesäubert werden, und 3) von der eigenschafft der sprache nicht abweichen, damit der leser nicht nur ohne verdruß die übersetzung lesen, sondern auch die original-sprache nicht leicht errathen könnte. Ja, es wäre zu wünschen, dass die übersetzungen so beschaffen wären, dass man sie eher für ein original, als für übersetzte schriften, in ansehung der schreibart, halten sollte [Сухомлинов 2: 630—631].

Leider wissen wir nicht, um was für eine Übersetzung des auch dem Gutachter «unbekanntes auctoris» es sich hier gehandelt hat (das wäre eine der Fragen, die sich vielleicht durch Nachsuche in dem hier von Suchomlinov ausgewerteten Aktenbestand des Akademie-Archivs noch klären lassen), aber wir hören von Adodurov immerhin noch, «wie wenig alles dieses unser übersetzer in acht genommen [...] und dass man sich auf seine arbeit nicht wohl zu verlassen hat, und kan gegenwärtige übersetzung dem publico nicht eher communiciret werden, bis sie von einem ander(n) aufs neue verfertiget, oder verbessert worden». So kann man gespannt sein, wie seine eigene Übersetzung «in ansehung der schreibart» zu beurteilen ist.

6. Wenn man die von Adodurov zu russifizierende «Einrichtung» Bilfingers texttypologisch in Anlehnung an die in Searles Sprechakttheorie unterschiedenen fünf Illokutionsklassen zu charakterisieren versucht²², dann wird man sie in der Reihe der Repräsentativa, Direktiva, Kommissiva, Expressiva und Deklarativa am ehesten der zweiten Klasse zuzuweisen, d. h. ihre direktive Funktion zu betonen haben, geht es doch bei dieser Schrift nicht so sehr darum, daß beschrieben wird,

²¹ Vgl. zu Lomonosovs bei näherem Zusehen erstaunlich vielseitigen Notizen zu einem übersetzungstheoretischen Traktat [Keipert 1981]. Bei [Левин 1995] wird diese Programmschrift erstaunlicherweise nur ganz am Rande (S. 95, 108) erwähnt, obwohl sie für das Thema des Sammelbandes zweifellos von grundsätzlichem Interesse ist; auch das Übersetzungsprogramm, das A. S. Kozlovskij als Oberprokurator des Hl. Synods 1763 der Zarin Katharina vorgelegt hat und das nicht zuletzt interessante Vorschläge zur Qualifikation von Übersetzern enthält, findet nur aus zweiter Hand Berücksichtigung, vgl. [Гаврилов 1911: 191—202].

²² Vgl. zu diesem Verfahren z. B. [Brinker 1988: 94—117].

wie die Studien des jungen Zaren *engerichtet sind*, als vielmehr um einen Plan, wie diese Studien zweckmäßigerweise *engerichtet werden sollen* (oder *sollten*). Aus diesem Anweisungs- oder Instruktionscharakter ist zu erklären, weshalb im deutschen Text relativ häufig Modalverben wie *können, sollen, müssen* oder *dürfen* oder andere Ausdrücke zur Kennzeichnung der Modalität vorkommen und zugleich viele indikativische Verbformen, nicht zuletzt im Futur mit *werden*, auch ohne begleitendes Modalverb modal im Sinne eines Rats, einer Empfehlung oder Aufforderung verstanden werden müssen. Als weitere Besonderheit des Textes hat man zu berücksichtigen, daß Bilfinger sich mit seinen z. T. sehr detaillierten Unterrichtsempfehlungen an Lehrkräfte wendet, die ungenannt bleiben und die er vermutlich nicht einmal selbst alle im einzelnen kannte (so wahrscheinlich es ist, daß nach diesem Plan ein großer Teil der beschriebenen Lehraufgaben wohl verschiedenen Mitgliedern der Petersburger Akademie übertragen werden sollte). Die Unbestimmtheit des Adressatenkreises dieser zusammenfassenden Handreichung für die künftigen Lehrer eines zwar schon regierenden, aber noch nicht mit dem dafür notwendigen Wissen versehenen jungen Monarchen ist einer der Gründe für die mit mehr als 120 Belegen ungewöhnliche Häufigkeit von *man* in diesem vergleichsweise kurzen Text von 55 Seiten kleinen Formats: an sehr vielen Stellen sind — erkennbar aus dem weiteren Kontext — mit diesem Indefinitpronomen zweifellos diejenigen gemeint, denen als Unterrichtenden die weitere Ausbildung des unmündigen Zaren anvertraut sein würde (z. B. «Also hat man (...) in dem Unterricht (...) darauff zu sehen, daß (...)», S. 16). Das Pronomen *man* wird zudem vielfach in Sätzen verwendet, um das allgemein Übliche einer Handlung oder die weitgehende Akzeptanz eines Arguments zu bekräftigen (z. B. «Man weiß wohl, daß (...)», S. 12), dient aber gelegentlich auch als nicht näher spezifizierende Bezeichnung eines Kreises von Personen, deren Ansichten der Verfasser erklärtermaßen nicht teilt (z. B. «Man hat wohl ehemals Flüsse zusammen leiten wollen (...)», S. 40), und sogar als distanziert-verhüllende Bezeichnung von «Ihro Kayserl. Majestät» (z. B. «(...) wessen man sich zu denen übrigen Reichen zu verlassen habe», S. 11). Die sprachlich und in der Sache adäquate Wiedergabe dieser vielen ambigen Verwendungen von *man* dürfte also durchaus eine Herausforderung für Adodurovs Deutschkenntnisse gewesen sein, weil die von Stelle zu Stelle immer wieder neu zu treffende Entscheidung über die — mit den genannten Beispielen noch keineswegs erschöpfte — Polysemie des Ausdrucks auch bei einer gewissen Geläufigkeit im Umgang mit deutschen Texten nur durch genaues Erfassen der Vorlage zu einem richtigen Übersetzungsergebnis führen konnte. Insgesamt läßt sich sagen, daß Adodurov diese Probe seiner Sprach- und Textbeherrschung recht gut bestanden hat; freilich hat er auch kaum versucht, die verdeckt gebliebenen Referenten, auf die sich die *man*-Subjekte beziehen könnten, gegenüber dem Ausgangstext deutlicher hervortreten zu lassen, und daß es sich bei diesen Referenten um

Personen handeln muß, ist auch in seinen Wiedergaben allein dem Mikro- und Makrokontext (z. B. der Semantik der beteiligten Verben) und dem Wissen um den betreffenden Sachverhalt zu entnehmen²³.

7. Bevor die vielfältigen Übersetzungslösungen Adodurovs für *man* im einzelnen vorzustellen sind, soll wenigstens beiläufig angedeutet werden, wie sich dieser von ihm erarbeitete Text in das Bild der Entwicklung der Morphologie des Russischen im 18. Jahrhundert einfügt, das der Jubilar in seinen «Očerki istoričeskoj morfologii russkogo jazyka» gezeichnet hat. Von Interesse ist in diesem Zusammenhang vor allem, daß Živov bei seinen aufwendigen Analysen u. a. einige andere Übersetzungen Adodurovs berücksichtigt hat, die in gewissem Umfang Vergleiche mit der russischen Fassung des Bilfinger-Traktats gestatten. Zwar scheidet eines der vier morphologischen Phänomene, die bei diesem normengeschichtlichen Längsschnitt untersucht worden sind, mangels Belegen aus, denn die 2. P.Sg. des Präsens mit ihrer Varianz von *-ши* und *-шь/-шь*²⁴ wird hier bemerkenswerterweise (vgl. unter 8.) von Adodurov überhaupt nicht gebraucht. Die anderen drei der in den «Očerki» behandelten Normprobleme, nämlich die variierende Endung des Infinitivs, die unterschiedliche Langform der Adjektive im N./A.Pl. und die voranschreitende Verallgemeinerung der Endungen *-ам*, *-аму*, *-ах* im Plural der Substantive, lassen sich jedoch mit dem Bilfinger-Text belegen.

7.1. Bei den Formen des Infinitivs hat Živov sog. «alte» und «neue» Endungen unterschieden und zum Verfolgen des Normwandels in den Texten seines Korpus die Belege von fünf derartigen Oppositionstypen gezählt, nämlich *-ти/-ть*, *-тися/-ться(-тца)*, *-ци(-чи)/-чь*, *-сти/-сть* und *'сти/-сть*. Die Belegzahlen in den von Adodurov und von Ivan Il'inskij stammenden Übersetzungen aus dem «Kratkoe opisanie kommentarijev Akademii nauk» von 1728 zeigen mit einem Anteil von 11,32% bzw. 5,45% der «neuen» Infinitivformen noch ein deutliches Vorherrschen der jeweiligen «alten», während zwei andere Texte aus demselben Druck, die offenbar beide von Maksim Satarov übersetzt worden sind, umgekehrt mit einem Anteil von 76,53% «neuer» Formen des Infinitivs eine ganz andere Orientierung aufweisen [Живов 2004: 198—199]. Einer der Vorzüge von Živovs Beschreibungsverfahren besteht darin, daß seine Aufteilung des Gesamtkorpus in insgesamt recht kleine repräsentative Teilkorpora und die jeweils getrennte Ermittlung

²³ Für Adodurovs Übersetzungsweise gilt also mit besonderer Schärfe das, was man in Bezug auf die Möglichkeiten annähernder Aktualisierung beim Übersetzen ins heutige Russisch gesagt hat: «Die Struktur impliziter personaler Relationen kann nur mit Hilfe des Kontextes geklärt werden [...]» [Winter 1987: 136].

²⁴ Vgl. [Живов 2004: 249—254].

der in ihnen feststellbaren Verwendungshäufigkeiten z. B. den überzeugenden Nachweis gestatten, daß mit der Herausgabe der «Primečanija k vedomostjam» im Herbst desselben Jahres 1728 in der Akademiedruckerei eine grundsätzlich andere Regelung dieses Normproblems eingeführt worden sein muß: mit einem Anteil von 91,76 %, 96,68 % und 95,64 % weisen drei der insgesamt vier untersuchten «Primečanija»-Strecken (1728: 1—56; 1729: 225—246; 1731: 1—44) überraschend und erstaunlich klar eine Bevorzugung der «neuen» Infinitivformen auf, die nur durch einen vorläufig nicht erklärlichen «Rückfall» in den letzten drei Nummern der «Primečanija» von 1728 (S. 57—80) mit lediglich 50 % «neuer» Infinitive unterbrochen wird [Живов 2004: 199—202]. Wie die folgende Tabelle zeigt²⁵, entspricht Adodurovs «Raspoloženie»-Bearbeitung in besonders ausgeprägter Weise diesem neuen Trend:

	-ти/-ть	-тися / -ться(-тца)	-щи(-чи) / -чь	-сти́ / -сть	-сти / -сть	Summe
«alt»	1	—	—	4	—	5
«neu»	276	21	—	3	1	301
«neu» %	99,63 %	100 %	—	42,85 %	100 %	98,36 %

Mit einem einzigen Beleg für die «alte» Form bei der Alternative *-ти/-ть* (*допускаю* S. 11, vielleicht ein Versehen des Setzers?) überwiegen in diesem Text in erdrückender Mehrheit die Formen auf *-ть*, und bei der reflexivisch-passivischen Form liest man allein *-ться*, während «neuem» *привести* (S. 11), *произвести* (S. 18), *перенести* (S. 64) «altes» *внести* (S. 15), *изобрести* (S. 16), *произвести* S. 17), *привести* (S. 51) gegenübersteht, ohne die hohe Gesamtfrequenz der «neuen» Infinitive wesentlich reduzieren zu können, vgl. auch das einmalige *причесть* (S. 60)²⁶.

7.2. Als ähnlich in besonderer Weise dem «Neuen» aufgeschlossen und mit der Entwicklung der Daten aus dem «Kratkoe opisanie» und den «Primečanija» von 1728 bis 1734 [Живов 2004: 334—338] einsichtsfördernd vergleichbar erweisen sich im «Raspoloženie» die Formen des Dativs, Instrumentals und Präpositivs im Plural der Substantive, denn der überwältigenden Zahl der Endungen auf *-ам*, *-ами*, *-ах* bzw. *-ям*, *-ями*, *-ях* lassen sich als Ausnahmen lediglich ein Prp.Pl. *походѣхъ* (S. 8), ein I.Pl. *правительствы* (S. 12) und zweimal ein D.Pl. *людемъ*

²⁵ Für die Feststellung der Frequenzangaben in den Tabellen unter 7.1 und 7.2 danke ich meiner studentischen Mitarbeiterin Svetlana Fuchs.

²⁶ Die nichtvariativen Infinitive *произойти* (S. 16 und 50), *найти* (S. 40), *имти* (S. 49) bleiben bei dieser Zählung unberücksichtigt, aber auch ihre Einbeziehung würde das Verhältnis kaum ändern.

(S. 7, 42) an die Seite stellen, wobei letzterer noch durch die Kodifikationsvariante der «Anfangs-Gründe» gedeckt ist²⁷.

		Mask. o-Dekl.	Mask. jo-Dekl.	Neutr. o-Dekl.	Neutr. jo-Dekl.	Mask. C-Dekl.	Mask. i-Dekl.	Fem. i-Dekl.	Summe
Dat.	омъ/емъ	0	0	0	0	—	2	0	2
	амъ/ямъ	7	1	9	4	—	0	1	22
Instr.	ы/и	0	0	1	0	—	0	0	1
	ами/ями	23	3	8	6	—	0	0	40
	ми	0	0	0	0	—	0	0	0
Прр.	ехъ/ьхъ	1	0	0	0	—	0	0	1
	ахъ/яхъ	15	6	15	5	—	0	5	46

Zu dieser Tabelle sind einige zusätzliche Bemerkungen angebracht. Für die Substantive des Typs *бояринъ* und *гражданинъ*, die Živov als Vertreter der C-Deklination definiert [Живов 2004: 276], haben sich im «Raspoloženie»-Text keine entsprechenden Kasus-Belege gefunden; als Repräsentanten der i-Deklination der Maskulina werden hier die beiden Formen von *люди* gewertet, die Form *гостяхъ* als eine der jo-Deklination, *сосѣдами* als eine der o-Deklination. Das Wort «Modell» kommt einerseits als *моделами* (S. 24 und zweimal S. 52), andererseits als *моделями* (S. 26) vor und wird mit diesen Formen jeweils in der o- und in der jo-Deklination gezählt; ²⁸ *лагерами* (S. 29) gilt als o-stämmig, obwohl in anderen Kasus als den hier interessierenden im Text auch jo-stämmige Formen begegnen²⁹. Die Formen *коллегияхъ* (S. 22) und *запрудахъ* (S. 52) werden in die obige Statistik nicht einbezogen, weil ihnen jeweils auch ein Femininum (*коллегия* bzw. *запруда*) zugrundeliegen kann³⁰. In der Summierung zeigt die Tabelle ein Verhältnis von 4 «alten» und 108 «neuen» Formen, also einen Anteil der letzteren von 96,43 %. Das ist deutlich mehr, als Živov bei Il'inskij im «Kratkoe opisanie» von 1728 (85,19 %), in den ersten Nummern der «Primečanija k vedomostjam» von 1728 (91,2 %; in den letzten drei nur 78,75 %), in den erfaßten Teilen der «Primečanija» von 1729 (90,94 %) und 1731 (93,03 %) feststellen konnte, und wird

²⁷ [AG 1731: 21]; vgl. [Keipert, Huterer 2002: 107 mit Anm. 161] und [Живов 2004: 371, 373]. Gerade bei der Nominalmorphologie weist der Prokopovič-Text manche Besonderheiten (etwa Formen mit Alternationen im Stammauslaut) auf, die ihn sprachlich-stilistisch klar von der Bilfinger-Übersetzung abheben.

²⁸ Der «Slovar' russkogo jazyka XVIII veka» [Словарь 12: 241—242] verzeichnet nur *модель*, *-и* als Femininum und *-я* als Maskulinum und zitiert auch keine Formen, die ihrer Schreibung nach o-stämmig zu werten wären.

²⁹ Vgl. zu *лагерь* [Словарь 11: 103 s.v. *лагерь*].

³⁰ Vgl. [Словарь 10: 96—97; 8: 68]. Zu *коллегия* und seinen Varianten vgl. auch [Keipert, Huterer 2002: 19, 108] und die betreffende Glosse S. 195.

in der Konsequenz der Neuregelung erst von der «Primečanija»-Probe von 1734 (98,13 %) übertroffen (vgl. [Живов 2004: 334—338]).

7.3. Bei den Endungen kongruierender Adjektive hat Živovs Sondierung in den Übersetzungen des «Kratkoe opisanie» und den «Primečanija»-Jahrgängen 1729—1731 und 1733 in den einzelnen Exzerpierungsstrecken ein sehr unterschiedliches Bild ergeben, dessen Heterogenität sich in den daraus abgeleiteten Tabellen so anschaulich darstellt [Живов 2004: 464—475], daß die hier bei einer provisorischen Zählung aus Bilfingers «Raspoloženie» gewonnenen Frequenzen der Verwendungen³¹ gleichfalls in einer entsprechenden Tabelle zusammengefaßt werden sollen, weil sie ihrerseits einige Spezifika aufweisen:

	N.Pl.mask.	A.Pl.mask.	N./A.Pl.fem.	N./A.Pl.neutr.	Summe
-ии/-ьи	—	—	2 / 1 = 3	1 / 0 = 1	4
-ия/-ья	14	15	28 / 42 = 70	36 / 45 = 81	180
-ая/-ья	—	—	—	0 / 1 = 1	1
-ие/-ье	17	5	2 / 0 = 2	—	24
Summe	31	20	32 / 43 = 75	37 / 46 = 83	209

Auffällig ist vor allem die Seltenheit der Verwendung der Variante -ии/-ьи, vor allem aber ihre Beschränkung auf das Femininum und Neutrum, während die Adodurov-Texte im «Kratkoe opisanie» von 1728 sie nur im Maskulinum kennen (vgl. [Живов 2004: 464—465]). Die Festlegung eines Endungstyps auf ein bestimmtes Genus ist hier nur bei -ая/-ья in Bezug auf das Neutrum zu beobachten, vgl. den Ausdruck *тѣлеса текущая* (S. 37)³². Ähnlich wie in der Satarov-Tabelle (vgl. [Живов 2004: 466]) erweist sich -ия/-ья hier mit 180 von 209 Belegen gewissermaßen als Universalendung für den Nominativ/Akkusativ im Plural der Adjektive, der allenfalls im Maskulinum mit 22 (gegenüber 29) Belegen noch -ие/-ье als ernsthafter Konkurrent gegenübersteht. Gleichzeitig meint man in dieser Distribution aber auch schon einen Vorläufer derjenigen Verteilung zu erkennen, die Živov aus den «Primečanija» von 1733 als Embryonalzustand der weiteren Normentwicklung für das 18. und 19. Jahrhundert ermittelt hat: der dort ausschließlich auf Maskulina beschränkte Gebrauch des Typs -ие/-ье und der immerhin fast ebenso ausschließliche, nur wenige Ausnahmen kennende von -ия/-ья für Feminina und Neutra (vgl. [Живов 2004: 472]) scheint sich hier mit 22 maskulinen und nur 2 femininen Verwendungen von -ие/-ье sowie mit dem klaren Übergewicht

³¹ Diese Zahlen schließen auch die nicht seltenen Formen von Pronomina wie *который* oder *оный* ein.

³² Nicht in die Zählung einbezogen sind die im Text wiederholt auftretenden phraseologisierten Ausdrücke des Typs *и прочая, и симь подобная*.

von 151 Belegen von *-ия/-ья* bei Feminina und Neutra gegenüber lediglich 29 bei Maskulina tendenziell bereits anzudeuten. So komplex die Normenentwicklung des Russischen im 18. Jahrhundert gerade bei diesen Adjektivendungen ist, hat es auf Grund von Živovs Beobachtungen den Anschein, daß die «Raspoloženie»-Übersetzung eher zu Beginn der dreißiger Jahre als schon kurz nach dem Vorliegen des deutschen Texts im Jahre 1728 angefertigt worden sein muß, und zu einer solchen Datierung passen wohl auch die anderen hier verglichenen ihrer sprachlichen Merkmale.

8. Bei Adodurovs Wiedergaben deutscher *man*-Sätze kann man in einer ersten noch recht groben Aufteilung elf verschiedene Arten der Übertragung erkennen, nämlich

1. Verba impersonalia,
2. Verbformen der 1. P.Pl.,
3. Verbformen der 3. P.Pl.,
4. finite Passivkonstruktionen,
5. Infinitivkonstruktionen,
6. Partizipformen,
7. Verbalsubstantive,
8. Prädikative,
9. Adjektive,
10. Personalisierung durch Subjektergänzung, sowie
11. freiere Wiedergaben.

Gelegentlich treten diese Übertragungsformen auch kombiniert bei der Übersetzung ein und desselben *man* mit einem mehrgliedrigen Prädikat auf.

8.1. Eine im russischen Text Adodurovs sehr häufig verwendete Entsprechung deutscher Fügungen mit *man* sind unpersönlich gebrauchte Verben, d. h. Verben, die außer im Infinitiv nur in der 3. P.Sg. des Aktivs oder Passivs vorkommen. Bei den meisten von ihnen handelt es sich um Modalitätsausdrücke. Alle diese Impersonalia gestatten auf geradezu ideale Weise, den bei *man* ganz unbestimmt gelassenen Träger der Verbalhandlung völlig unausgedrückt zu lassen.

8.1.1. Das in dieser Übersetzung am häufigsten verwendete dieser Verben ist mit 17 Belegen *надлежать*, das für eine ganze Reihe deutscher Modalitätsausdrücke mit *man* eintreten kann, insbesondere bei *haben zu* + Infinitiv, aber auch mit z. T. leicht veränderter Modalität bei *müssen*, *sollen*, *können* und dem als Satzadverb gebrauchten *billig* (das zusätzlich mit *праведно* übertragen wird), vgl. z. B.:

[...] *hat man* [...] darauff *zu* sehen, daß [...] (S. 10) ~ [...] того *смотреть* *надлежит*, чтобы [...] (S. 18)

Man hat [...] *zu zeigen* (S. 46) ~ [...] *надлежитъ* *показать* (S. 57)

[...] *man muß* [...] *herführen* (S. 17) ~ [...] *надлежитъ* [...] *производить* (S. 20)

so *solle man* [...] *in einer besonderen Abhandlung anzeigen* [...] (S. 22) ~ Особливое толкованіе [...] *сообщить* *надлежитъ*, *въ которомъ* [...] (S.26)

Dahero *kan man* *in dem Auszug der Staats-Geschichten nur dasjenige setzen, was* [...] (S. 13) ~ Того ради *въ сокращеніе Статской Исторіи токмо то внести* *надлежитъ*, *что* [...] (S. 15)

[...] *wird man* *Fleiß anwenden, daß* [...] (S. 13) ~ [...] *тщаться* *надлежитъ*, *чтобъ* [...] (S. 16)

[...] *unterscheidet man billig* [...] *Wissenschaften und Künste* [...] (S. 6) ~ [...] *знанія и искусства* [...] *праведно отдѣлять* *надлежитъ* [...] (S. 7)

Jeweils nur einmal findet man *понадобиться, подобать* und *захотѣться*:

Wird man *aber nöthig finden, auch hierzu* [...] *zu nehmen* [...] (S. 25) ~ *Ежели же и къ сему ... взять* *понадобится* [...] (S. 29)

[...] *endlich hat man* *in dem allen darauff zu sehen, daß* [...] (S. 42) ~ [...] *И на послѣдокъ всегда о томъ стараться* *подобаетъ*, *чтобъ* [...] (S. 52)

Will man *aber* [...] *zweyerley Sachen abhandeln* [...] (S. 53) ~ *А когда* [...] *захочется* [...] *двѣ вещи показать* [...] (S. 64).

8.1.2. Darüber hinaus gibt es im Text auch das phraseologisch zu einem Impersonale erstarrte *говорится*:

In gegenwärtiger Schrift *redet man* von [...] (S. 15) ~ *Здѣсь* *говорится* *только о* [...] (S. 18).

Nur am Rande sei vermerkt, daß der «Slovar' russkogo jazyka XVIII veka» diesen unpersönlichen Gebrauch allein aus der Kantemir-Ausgabe des 19. Jh. und aus dem «Moskovskij žurnal» vom Ende des 18. Jh. nachweist [Словарь 5: 149].

8.2. Während die Verwendung der 2. P.Sg. von Verben als Äquivalent von *man*-Konstruktionen im Text völlig fehlt³³, gibt es einen Beleg für den Gebrauch der 1. P.Pl., also einen Ausdruck, der gleichsam den jeweiligen Leser in die Verbalhandlung miteinbezieht:

³³ Möglicherweise ist dieses Fehlen pragmatisch bedingt: die Adressaten des Buches waren sicher nicht mehr Personen, die man in der herkömmlichen Weise gewissermaßen noch «per Du» anreden konnte.

In gegenwärtigem Fall *stellet man sich vor* einen mächtigen Kayser, dessen allgemeine Fähigkeit und fertiger Begriff seinem hohen Ursprung gleicht, seine Jahre aber übersteiget (S. 3). ~ Въ семъ случаѣ *представляемъ себѣ* Самодержавнаго Императора, котораго поятіе и острота високой его природѣ равняется, лѣта же его превосходить (S. 3).

Auch unabhängig von der *man*-Wiedergabe ist diese Stelle von besonderem Interesse für die Beurteilung der Übersetzung, denn sie belegt mit der Verwechslung der deutschen Verben *sich vor jemanden stellen* und *sich jemanden vorstellen*, sehr anschaulich, daß der Text offenbar aus dem Deutschen (und nicht etwa aus einer Zwischenübersetzung) übertragen worden ist. In der Formulierung Bilfingers ist jedenfalls zweifellos gemeint, daß die mit der weiteren Unterweisung des Zaren Beauftragten sich vor diesen stellen (sie *stehen* bei ihrem Unterrichtsvortrag vor dem Herrscher!), und nicht, daß sie sich ihn lediglich vorstellen.

8.3. Gemessen an der Berücksichtigung in den erwähnten Grammatiken kommt die 3. P.Pl. des Verbums als *man*-Entsprechung relativ selten, nur an drei der erfaßten Stellen, vor:

[...] da *man* die Regenten Väter des Landes und ihrer Völker *nennet* (S.16) ~ [...] когда Владѣльцевъ Отцами Отечества *называютъ* (S. 19)

Man hat wohl ehedem Flüsse zusammen leiten *wollen*, da [...] (S. 40) ~ Рѣки прежь сего *хотѣли* такъ соединять, чтобъ [...] (S. 49)

[...] weil *man sich* wieder die Natur-Wissenschaft *beredete* [...] (S. 41) ~ [...] что противно натурѣ *думали* [...] (S. 50).

In einem Fall hat der Übersetzer eine solche Konstruktion des «neopredelenno-ličnoe upotreblenie» durch — zufällige oder absichtliche? — Hinzufügung von *они* mit einer genaueren Bestimmung versehen, vgl. unter 8.10.

8.4. Mit 24 Belegen ist die Passivtransformation bei Adodurov ein sehr häufiges Verfahren, um *man*-Konstruktionen wiederzugeben, wobei im Russischen die fehlende Angabe des Agens der Verbhandlung dessen Unbestimmtheit bei *man* entspricht, z. B.:

Die neuere [...] Sprachen *gebraucht man* zum Umgang (S. 4) ~ Новыя [...] языки *употребляются* къ обходительству (S. 4)

[...] *man* [...] *hält* es [...] vor eine Zierde (S. 4) ~ [...] сіе за украшеніе *почитається* (S. 4)

Auch *macht man* einen Unterscheid (S. 6) ~ Такожде [...] различіе *дѣляется* (S. 7)

Man verlangt keine vollständige Beschreibung (S. 35) ~ Здѣсь совершенное описаніе не *требуется* (S. 42).

Nur scheinbar um Agensangaben handelt es sich bei Modalbestimmungen im Instrumental, die bei der Transformation beibehalten worden sind, z. B.:

Gleichwie *man* aber mit diesen Gründen die Begierde zur Natur-Lehre *reizet*, und *entzündet* [...] (S. 42) ~ Понеже охота сими основаніями къ Фвзическому ученію *поощряется и умножается* [...] (S. 51)

Dieses zu erhalten *zeigt man* durch solcherley Modelle [...] die Verfertigung, Reguln, und Beurtheilung [...] (S. 42) ~ Для полученія сего *показывается [sic!]* такими моделами [...] сочиненіе, правила, и разсужденіе [...] (S. 52).

Nicht nur in Kenntnis der deutschen Vorlage dürften *основаніями* und *моделами* schwerlich als Agentes zu werten sein. In einem Fall wird eine im deutschen Satz enthaltene Modalität im Russischen unterdrückt:

[...] desjenigen, welchem *man* den Unterricht zu *geben hat* [...] (S. 3) ~ [...] того, кому оное (*scil.* наставленіе) *подается* (S. 3).

Das Instruktionsziel bleibt aber auch bei solchen kleineren Veränderungen völlig gewahrt.

8.5. Wie schon seine Bezeichnung andeutet, ist der Infinitiv eine Verbform, die als solche den Agens der Verbhandlung unspezifiziert läßt.

8.5.1. Als Entsprechung von *man*-Konstruktionen kommt der Infinitiv in Adodurovs Übersetzung einerseits sieben Mal nach den Konjunktionen *дабы* und *чтобъ* vor, wobei im Deutschen meist Nebensätze mit *daß*, *auf daß*, *damit* vorliegen, z. B.:

[...] sie sind nicht werth, daß *man* ihrer vor einem Kayser *gedencke* (S. 27) ~ [...] они того не достойны, чтобъ о нихъ предъ самодержавнымъ государемъ *говорить* (S. 32)

[...] damit *man* von [...] einen gründlichen Unterricht *habe* (S. 43) ~ [...] дабы о [...] основательное наставленіе *имѣть* (S. 52—53)

[...] auf daß *man* nicht alleine aus denen Geschichten derer Fremden *erlerne*, was [...] (S. 10) ~ [...] дабы не токмо из історіи чужестранныхъ *познать*, что [...] (S. 12).

Das dritte der zitierten Beispiele illustriert im übrigen die komplexen Referenzprobleme, die die Unbestimmtheit von *man* für den Übersetzer immer wieder

aufgeworfen haben muß, denn bei diesem *man* ist wegen *познать* am ehesten an den jungen Zaren zu denken, der einen gründlichen Unterricht haben soll, während unmittelbar davor gesagt worden ist:

Auf gleiche Art hat *man* auszuführen die Regeln von dem Druck und Bewegung des Wassers [...] (S. 43) ~ Такъ же надлежить и правила о тисненіи и движеніи воды показать [...] (S. 52),

und an dieser Stelle bezieht sich *man* ebenso sicher auf diejenigen, die den Unterricht planen und durchführen!

8.5.2. In zwei Fällen steht der Infinitiv an der Stelle der *man*-Konstruktion in einem Nebensatz mit Fragepronomen:

[...] wie *man* derselben (*scil.* der Stadt) immer näher zu kommen [...] *habe* (S. 23) ~ [...] какъ къ оному всегда ближе *подходить* (S. 27)³⁴

[...] wo *man* auf die alten Zeiten *gehen will* (S. 49) ~ [...] ежели на старинныя времена *посмотрѣть* (S. 60).

Das zweite Beispiel zeigt unzweifelhaft, daß die modale Bedeutung (*will*) allein durch den Infinitiv zum Ausdruck gebracht wird.

8.5.3. Einmal hat Adodurov einen Konsekutivsatz mit *so, daß* in einen Hauptsatz umgewandelt:

[...] so doch, daß *man sich* Kürtze halber mit einigen derer vornehmsten Arten *begnüge* (S. 22) ~ [...] однакожь краткости ради *довольствоваться* только знатнѣшими (S. 26).

8.6. Eine selten genutzte Möglichkeit Agensangaben vermeidender Ausdrucksweise bieten die beiden Passivpartizipien, also nichtfinite Anwendungen der Passivtransformation.

8.6.1. Zwei Belege finden sich für das Passivpartizip der Gleichzeitigkeit, davon einer mit dem phraseologisierten Ausdruck *такъ называемый*, den das Wörterbuch des 18. Jahrhunderts erst mit einer Verwendung bei Trediakovskij 1748 nachweist (vgl. Словарь 13: 195):

Die neuere, oder wie *man* sie sonst *nennet* lebendige Sprachen (S. 4) ~ Новыя, или такъ называемыя живыя языки (S. 4)

³⁴ Möglicherweise ist der Infinitiv *подходить* auch mit dem nachfolgenden *надлежитъ* zu verbinden, so daß die Stelle unter 8.1.1. einzuordnen wäre.

[...] davon (*scil.* von einem Dreieck) *man* [...] eine Seite *in Erfahrung gebracht* (S. 33) ~ между которыми [...] одинъ бокъ *знаемъ есть* (S. 40).

Auch *знаемъ* scheint in dieser Zeit fast adjektivisch gebraucht worden zu sein (vgl. [Словарь 8: 203]).

8.6.2. Gleichfalls zwei Belege gibt es für die *man*-Wiedergabe mit Hilfe des Passivpartizips der Vorzeitigkeit:

[...] dasjenige, was *man* [...] in Ansehung der Himmels-Cörper [...] *erfunden* (S. 34) ~ [...] что [...] о небесныхъ тѣлесахъ [...] *наудено* (S. 40)

wie [...] *man* [...] vor nöthig *gefunden* (S. 35) ~ Какъ ... за потребно *наудено было* (S. 42).

In beiden Fällen handelt es sich um damals im Russischen nicht unübliche Ausdrucksweisen (vgl. [Словарь 13: 205—207]).

8.7. Verschiedentlich, an fünf Stellen, setzt Adodurov für deutsche *man*-Konstruktionen im Russischen auch Verbalsubstantive ein, neben denen gleichfalls ein bestimmter Agens nicht angegeben werden muß:

Man wird also nunmehr *darauf sehen*, daß [...] (S. 6) ~ И тако нынѣ о томъ *стараніе быть имѣетъ*, чтобъ [...] (S. 6)

1. *Wird man* die dahin gehörige Kunst-Wörter [...] *erklären* (S. 21—22) ~ 1. *Изъясненіе* въ сеи наукъ употребительныхъ словъ (S. 25)

Hierauff *hat man zu zeigen*, in wie ferne [...] (S. 22) ~ *Показаніе* въ чемъ [...] (S. 26)

Ehe *man* zu denen besondern Carten derer unterschiedlichen Königreiche *schreitet* [...] (S. 37) ~ Прежде *показанія* особливыхъ ландкартъ разныхъ государствъ [...] (S. 45)

Endlichen weil *man* vielfältig *klagen höret* [...] (S. 44) ~ На послѣдокъ понеже [...] толь многія *жалобы имѣются* [...] (S. 54—55).

Für diese Nominalisierungen lassen sich verschiedene Gründe anführen. Im zweiten und dritten Beispiel geht es um die knappe Aufzählung von Themen in einer fünfteiligen Liste, in der die hier zitierten Substantive *изъясненіе* und *показаніе* die Aufgabe aus unserer Sicht vielleicht sogar prägnanter formulieren als die umfangreicheren Konstruktionen mit finiten Verbformen im Deutschen, und deutlich kürzer als der deutsche Nebensatz ist im vierten auch die russische Präpositionalphrase, zu der er transformiert worden ist. Umständlicher sind dagegen die

Fügungen von Verbalsubstantiven mit *имѣть* und *имѣться* im ersten und fünften Beleg, denn diese Sätze hätten sich zweifellos einfacher mit den Verben *стараться* und *жаловаться* ausdrücken lassen.

8.8. Von vornherein war zu vermuten, daß der Übersetzer reichen Gebrauch von den im Russischen zur Verfügung stehenden Prädikativa machen würde, wenn es um die Wiedergabe der im deutschen Text zahlreichen Verbindungen von *man* mit den Modalverben *können*, *sollen*, *müssen* u. ä. geht. Insgesamt handelt es sich um über dreißig Stellen, an denen *man*-Konstruktionen mit Hilfe von *можно*, *возможно*, *должно* oder *надобно* übertragen werden.

8.8.1. Am häufigsten, in mehr als zwanzig Fällen, wird in dieser Funktion *можно* verwendet, und zwar in der Regel für *man* in Verbindung mit Formen von *können*, z. B.:

So *kan man* wohl sagen, daß [...] (S. 6) ~ то *можно* сказать, что [...] (S. 6)
[...] auff daß *man* deutlich begreifen *könne* (S. 17) ~ [...] дабы ясно познать
можно было (S. 20).

Derartig triviale Beispiele müssen nicht weiter angeführt werden. Dieses Prädikativ steht bei Adodurov aber auch für Fügungen mit *wissen*, *mögen* und *haben zu*:

[...] nach den Regun der Natur, nach welchen *man* sie (*scil.* die Finsternüssen, und andere Himmels-Begebenheiten) auch vorhero *zu* sagen und ihre grösse *zu* bestimmen *weiß* (S. 35) ~ [...] по которымъ оныя на передь узнать и ихъ величину назначить *можно* (S. 42).

Eine kleine inhaltliche Verschiebung ist hier darin zu sehen, daß im deutschen Text eher an die Befähigung der Himmelsbeobachter gedacht ist, während im russischen die Möglichkeit der Beobachtung in den Vordergrund rückt. Etwas geändert wird die Modalität auch bei der *mögen*-Stelle, an der es um die «Anwendung der Natur-Wissenschaft zu der Erkänntuß Gottes und der Welt» geht:

[...] damit *man* sehen *möge*, es seyden die Geschöpffe eine Leiter, die zu ihrem Schöpffer führet (S. 44) ~ [...] дабы видѣть *можно* было, что Творецъ отъ твари познавается (S. 54).

Bilfinger hat hier nicht einfach die Möglichkeit der Gotteserkenntnis aus der Natur erwähnen wollen, sondern mit *mögen* den Wunsch zum Ausdruck gebracht, daß der Zar nach den Grundsätzen physikotheologischer Weltbetrachtung erzogen werden soll, deren Kernsatz Adodurov in Abweichung von der Vorlage mit «Творецъ отъ твари познавается» prägnant wiedergegeben hat. Zu einer noch weiter gehenden Veränderung scheint auf den ersten Blick die Wiedergabe von *haben zu* mit *можно* zu führen:

Man hat billig zu vermuthen [...] (S. 45) ~ *Можно надѣяться* [...] (S. 55).

Während der Leser des deutschen Texts berechtigten Anlaß zu der betreffenden Vermutung hat, kann (oder darf) man nach dem russischen lediglich die Hoffnung haben, «hro Kayserl. Majest. werden nach diesem kurtzen Vortrag einen oder andern Theil dieser Wissenschaften ausführlicher zu wissen allergnädigst belieben» (S. 55) — in der russischen Fassung hängt die Realisierung dieses Programms also klarer vom Willen des jungen Monarchen ab.

8.8.2. Nur an einer einzigen Stelle wird *man kann* mit *возможно* übertragen, nämlich bei der Erwähnung der wichtigen Regeln beim Festungsbau:

[...] wie *man* solche ungleiche Gegenden und Plätze [...] befestigen, und also gleichsam durch die Bau-Kunst regulair machen *könne* (S. 23) ~ [...] какъ такія неравныя мѣста [...] укрѣплять, и чрезъ Архитектуру якобы правильными учинить *возможно* было (S. 26).

Abgesehen von der Frequenz ist im Vergleich mit *можно* ein Unterschied nicht zu erkennen.

8.8.3. Nur mit fünf Belegen ist in der *man*-Wiedergabe *должно* eingesetzt, und zwar in Verbindung mit *werden* und *haben zu*:

[...] *wird man* absonderlich darauf sehen, daß [...] (S. 9) ~ [...] особливо сего смотрѣть *должно*, чтобъ [...] (S. 10)

[...] *hat man* vornemlich darauf *zu* sehen, daß [...] (S. 13) ~ [...] сего наипаче смотрѣть *должно*, чтобъ [...] (S. 15)

So *hat man* ferner anzuzeigen den Unterschied der sonst gewöhnlichen Regierungs-Formen [...] (S. 18) ~ [...] *должно* еще разность обыкновенныхъ правительствъ показать [...] (S. 21)

[...] *hat man* vornehmlich darauff *zu* sehen, 1. Daß [...] (S. 26) ~ [...] сего наипаче смотрѣть *должно*, 1. Чтобъ [...] (S. 31)

[...] *hat man* vorzutragen, was [...] (S. 42) ~ [...] предлагать *должно*, что [...] (S. 51).

Bis auf die Gebrauchshäufigkeit scheint gegenüber *надлежитъ* (vgl. 8.1.1.) kein Unterschied zu bestehen.

8.8.4. Schließlich sind unter den Prädikativa noch acht Verwendungen von *надобно* anzuzeigen, die für *Gelegenheit finden*, *nöthig finden*, *werden*, *nöthig haben* und *haben zu* in der Verbindung mit *man* stehen:

Man wird [...] diese Einrichtung zu erweitern oder einzuschränken *Gelegenheit finden* (S. 3—4) ~ [...] сие расположение [...] распространить, или сократить *надобно* будетъ (S. 3)

[...] wo *man* Ihre noch andere Bücher in die Hände zu geben *nöthig findet* (S. 10) ~ [...] буде еще другія книги Его Величеству дать *надобно* будетъ (S. 11)

Wegen des Schreibens aber *wird man* Deroselben Anleitung geben, dasjenige, was Ihre in Wissenschaften vornehmlich gefallen hat, mit wenigen Worten in ein Tag-Buch einzutragen, neben welchem *man* [...] ein vollständiges Tag-Buch halten *wird* (S. 10) ~ Ради писма *надобно* то показать, что Его Величеству въ наукахъ особливо понравится, и оное краткими словами въ дневную книгу вписывать, при чемъ такожде и полную дневную записную книгу содержать [...] (S. 11)

[...] *man* dahero *nöthig hat*, [...] zu prüfen [...] (S. 15) ~ [...] *надобно* [...] изслѣдовать [...] (S. 17)

So *hat man* [...] einen Atlantem [...] vorzulegen und zu erklären (S. 37) ~ то *надобно* [...] Атласъ [...] предложить, и изъяснить (S. 45)

[...] *hat man* kürzlich zu zeigen [...] (S. 38) ~ [...] *надобно* коротенько разтолковать (S. 46)

Man hat zu zeigen, wie [...] (S. 42) ~ *Надобно* показывать, какъ [...] (S. 51).

Es fällt auf, daß Adodurov dieses Prädikativ häufiger als die anderen an die Stelle phraseologischer Ausdrücke des Deutschen treten läßt; warum er das tut, wäre vielleicht in einer besonderen Untersuchung zu seiner Wiedergabe von Modalausdrücken insgesamt — also nicht nur im Zusammenhang mit dem *man*-Problem — zu ermitteln.

8.9. Russische Adjektive treten als Äquivalente für die hier interessierenden Konstruktionen nur zweimal auf, nämlich *извѣстный* für *man weiß*:

Man weiß wohl, daß [...] (S. 12) ~ Сіе *извѣстно*, что [...] (S. 14)

So *weiß* [sic!] *man* auch, daß [...] (S. 41) ~ Такожде и сіе *извѣстно*, что [...] (S. 50).

Diese Entsprechung ist im Russischen so standardisiert, daß man sie verschiedentlich auch anderswo liest³⁵.

³⁵ Vgl. bei [Winter 1987: 96] die Feststellung, daß Konstruktionen wie *man weiß*, *man kennt* o. ä. «durch die dann auch in der Übersetzung z. T. benützte logische Schlußfolgerung

8.10. An einigen Stellen hat Adodurov die *man*-Konstruktion auch dadurch übertragen, daß er — anders als in den bisher beschriebenen Strukturen — neben die finite Verbform des Aktivs einen Subjektsnominativ gestellt hat, in diesen Fällen also unverkennbar persönlich übersetzt. Dabei gibt es bei ihm zwei grundsätzlich verschiedene Typen derartiger Wiedergaben.

8.10.1. In einem einzigen Satz hat der Übersetzer die Aussage des indefiniten *man* im Zieltext definit werden lassen, indem er vor der 3. P.Pl. *почитаютъ* ein *они* gesetzt hat, das anaphorisch auf einen bestimmten Träger der Verbhandlung zurückverweist:

Es ist ein gemeines, aber bey regierenden hohen Häuptionern sehr schädliches Vorurtheil, daß *man* insgemein nur diejenige vor Helden und Ruhm-würdige Regenten hält, welche große, oft ungerechte, Kriege geführt, auch dardurch sowohl Ihre eigene als fremde Länder verheeret (S. 20) ~ *Сіе у владѣющихъ великихъ Господѣ общѣ, но весьма вредительное предъсужденіе есть, что они наибольше тѣхъ только за храбрыхъ и достохвалныхъ Владѣльцевъ почитаютъ, которые великія, а часто и не праведныя, войны имѣли, и чрезъ то какъ свои собственныя такъ и чужія земли раззорили* (S. 23).

Schon der am Anfang stehende Hauptsatz zeigt, daß Adodurov das, was Bilfinger sagen wollte, gründlich mißverstanden haben muß, denn dieser hat durchaus nicht gewagt, das bewußte Vorurteil so entschieden eines zu nennen, das den «regierenden hohen Häuptionern gemeinsam» und dazu noch «sehr schädlich» sei, wie man das in der russischen Übersetzung liest; sein unbestimmtes *man* meint vielmehr alle diejenigen, die der falschen Ansicht sind, daß Herrscherruhm vor allem auf dem Führen von Kriegen beruhe, und dieses Vorurteil schade, wie er andeutet, dem Staat, wenn es bei Regenten vorkomme. Nach der russischen Übersetzung ist diese irrite und gefährliche Meinung eine aller Regierenden, und dieses von Bilfingers Text abweichende Verständnis des ersten Satzes erklärt, weshalb Adodurov die Aussage mit *man* über dessen Wiedergabe durch *они* klar mit den erwähnten *великіе Госнода* verbindet. Es ist erstaunlich, daß diese aus einem Irrtum beim Übersetzen erwachsene, aber in der russischen Formulierung ganz offene Kritik an allen Regenten (unter Einschluß des verstorbenen Zaren und der inzwischen regierenden neuen Zarin Anna Ioannovna) nicht von der Zensur beanstandet worden ist, der gewiß auch diese Veröffentlichung unterlegen haben dürfte.

8.10.2. Mit einem wirklichen Indefinitum füllt Adodurov an der Stelle von *man* die Subjektsposition in drei Fällen dadurch aus, daß er in Nebensätzen nach *когда* und *который* das Pronomen *кто* einsetzt:

‘es ist bekannt’ substituiert werden können». Bei *сіе* in *сіе извѣстно* könnte man sich deshalb fragen, ob hier nicht ein Germanismus vorliegt.

[...] wo *man* auch einiger auswärtigen Sprachen kundig ist (S. 4) ~ [...] когда *кто* какія чужія языки знаетъ (S. 4)

die Exempel, welche *man* sich vorstellt (S. 15) ~ примѣры, которыя *кто* себѣ представляетъ (S. 17)

[...] eines Stückes Mauren oder Erde, das *man* untergraben oder sprengen will (S. 32) ~ [...] части городской стѣны или земли, которую *кто* подкопать и [*sic!*] подорвать хочеть (S. 39).

Möglicherweise ist die Verwendung dieses relativ schlichten Äquivalents hier deshalb selten, weil es damals vielleicht noch ausgeprägter als heute umgangssprachlich markiert war³⁶.

8.11. Daß Adodurov sich bei allem Bemühen um genaues Übersetzen nicht sklavisch an die Formulierungen seiner Vorlage gehalten hat, mögen zum Schluß einige freiere Wiedergaben zeigen, mit denen er — mehr oder weniger gelungen — den Besonderheiten der deutschen *man*-Konstruktion gerecht zu werden versucht hat:

[...] die Art und Weise, deren *man* sich hierinnen (*scil.* beim Unterricht vor dem Zaren) zu bedienen hat (S. 3) ~ способъ наставленія (S. 3)

[...] doch darff *man* auch nicht läugnen, daß [...] (S. 14) ~ [...] однакожъ и то правда, что [...] (S. 17)

[...] ohne daß *man* alle Augenblick etwas zu berechnen vor sich findet (S. 31) ~ [...] чтобъ по всякъ часъ чего считать не случилось (S. 37)

[...] der Haupt-Endzweck, den *man* sich bei Erlernung der Alten Historie vortsetzt (S. 26) ~ [...] главнѣишѣ намѣреніе, которое при изученіи Древней Истории имѣется (S. 30)

Damit kommt *man* zur Geometrie (S. 32) ~ По семъ слѣдуетъ Геометрія (S. 38).

Bei dieser Gelegenheit wäre an Adodurovs oben zitierte übersetzungstheoretische Forderung zu erinnern, daß in einer guten Übersetzung «die original-sprache nicht leicht errathen» werden dürfe — bei den fünf hier genannten Beispielen wird Raten schwerlich zum Ziel führen.

9. Mit dem vorliegenden Beitrag sollte gezeigt werden, daß Adodurov als Übersetzer mehr Aufmerksamkeit verdient, als ihm bisher zuteilgeworden ist. Am Bei-

³⁶ Vgl. ähnliche, aber nicht als kolloquial gekennzeichnete Belege aus dem 18. Jahrhundert in [Словарь 11: 60], Belege aus modernen Übersetzungen bei [Winter 1987: 113].

spiel der *man*-Konstruktionen in Bilfingers «Einrichtung der Studien» läßt sich veranschaulichen, daß er weitgehend noch ohne die heute mögliche Hilfe von Grammatiken und Wörterbüchern die komplexe Polysemie des deutschen Ausdrucks fast immer richtig aufgelöst hat und bei seinen Wiedergaben schon über erstaunlich viele russische Äquivalente verfügte, um der semantisch-pragmatischen Vielfalt dieses Pronomens gerecht werden zu können. Dabei ist hervorzuheben, daß er abgesehen von den unter 8.10 genannten Fällen keinen Versuch gemacht hat, seinen Lesern z. B. — über die entsprechenden Hinweise in Bilfingers Text hinaus — durch Lokal- oder Temporalangaben die Konkretisierung der Referenten, auf die sich *man* beziehen könnte, zu erleichtern oder gar disambiguierende Appellativa in die diesem Subjekt entsprechende Position zu bringen³⁷, sondern in seinen Wiedergaben die jeweiligen Personen ebenso unbestimmt läßt, wie es das deutsche *man* bekanntermaßen tut³⁸. Zugleich ist sein russisches «Расположение учений» ein interessanter Zeuge für den Normwandel, der in der sog. russischen Literatursprache neuen Typs um 1730 eingetreten ist, weil Übersetzer der Petersburger Akademie der Wissenschaften und unter ihnen nicht zuletzt Adodurov neue Regelungen für zweckmäßig gehalten und in ihren Texten ebenso wie kodifikatorisch durchgesetzt haben. Mit seinen «Очерки истори́ческой морфологии русского языка XVII—XVIII веков» hat V. M. Živov für vier charakteristische Merkmale dieser Normentwicklung eine mustergültige, nach Textsorten und Verfassern differenzierte Beschreibung geliefert, deren statistisch erschlossenen Sequenzen man jetzt nicht nur weitere Texte wie den hier analysierten Adodurovs zuordnen kann, sondern auch mit demselben Verfahren zu erarbeitende Längsschnitte für weitere Probleme der historischen Morphologie des Russischen in dieser Zeit an die Seite stellen sollte.

Literaturverzeichnis

- AG 1731 — «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», [Anhang zu:] Teutsch-Lateinisch- und Rußisches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache. St. Petersburg, 1731. (Nachdruck bei [Unbegaun 1969; Scholz, Freidhof 1982—1983]).
- Bielfeldt, Löttsch 1984 — Deutsch-russisches Wörterbuch. Bd. 2 / Hrsg. von H. H. Bielfeldt, R. Löttsch. Berlin, 1983—1984.
- Brinker 1988 — *Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 2. Aufl. Berlin, 1988.
- Diedrichs 1983 — *Diedrichs E. P.* Johann Bödikers Grund-Sätze der deutschen Sprache mit den Bearbeitungen von Johann Leonhard Frisch und Johann Jacob Wippel. Heidelberg, 1983.

³⁷ Vgl. zu solchen Verfahren [Winter 1987: 112—115].

³⁸ Vgl. oben Anm. 23.

- Geyer 1983 — *Geyer D.* Vom Weltbezug der Tübinger Provinz. Bilfinger in Petersburg // Literatur in der Demokratie. Für Walter Jens zum 60. Geburtstag. München, 1983. S. 285—293.
- Keipert 1981 — *Keipert H.* M. V. Lomonosov als Übersetzungstheoretiker // Wiener slavistisches Jahrbuch 27. 1981. S. 27—48.
- Keipert 2001 — *Keipert H.* Pope, Popovskij und die Popen. Zur Entstehungsgeschichte der russischen Übersetzung des «Essay on Man» von 1757. Göttingen, 2001.
- Keipert, Huterer 2002 — Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002.
- LGM — Vollständigere Lateinische Grammatica Marchica. Frankfurt; Leipzig, 1751.
- Ludolf 1696/1959 s. Unbegaun 1959.
- Paus — *Paus(e) J. W.* Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache zum Nutzen sonderlich der Teutschen Nation aufgesetzt [1705—1725]. Handschrift der Biblioteka Rossijskoj Akademii nauk, Sankt-Peterburg, Otdel rukopisej, Sobranie inostrannyh rukopisej. Q 192/I.
- Salnikow 1984 — *Salnikow N.* Die deutschen *man*-Sätze und ihre Äquivalente im Russischen // Zielsprache Russisch 1984/2. S. 43—54.
- Scholz, Freidhof 1982—1983 s. Weismann 1731.
- Schwanwitz 1730 — [*Schwanwitz M.*] Die Teutsche Grammatica Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. St. Petersburg, 1730
- Unbegaun 1959 — Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A. D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959.
- Unbegaun 1969 — Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts / Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B. O. Unbegaun. München, 1969.
- Verzeichnis 1735 — Verzeichnis derjenigen Bücher, die bis hieher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch eigenen Verlag gedruckt worden und im Buchladen zu finden sind. St. Petersburg, 1735.
- Weismann 1731 — Weismanns Petersburger Lexikon von 1731. I—III / Hrsg. von B. Scholz, G. Freidhof u. a. München, 1982—1983.
- Winter 1987 — *Winter U.* Zum Problem der Kategorie der Person im Russischen. München, 1987.
- Анисимов 1994 — *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. СПб., 1994.
- Анисимов 2001 — *Анисимов Е. В.* Петр II Алексеевич // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. I. Ч. 2. СПб., 2001. С. 123—124.
- Гаврилов 1911 — *Гаврилов А. В.* Очерк истории С.-Петербургской Синодальной типографии. Вып. 1. 1711—1839. СПб., 1911.
- Губерти 1878 — *Губерти Н. В.* Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725—1800. Т. I. М., 1878.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

- Кутина 1964 — *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964.
- Ларин 2002 — *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб., 2002.
- Левин 1995 — История русской переводной художественной литературы. Т. I. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995.
- Лейбман, Успенский 1988 — *Лейбман О. Я., Успенский Б. А.* Адодуров [...] Василий Евдокимович // Словарь русских писателей XVIII века. Т. I. Л., 1988. С. 21—23.
- Лепинг, Страхова 1958 — Немецко-русский словарь / Под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. М., 1958.
- Маркина 1999 — *Маркина И.* Бюльфингер, Бильфингер (*Bülfinger, Bilfinger*) Георг Бернгард // Немцы России: Энциклопедия. Т. I. М., 1999. С. 303.
- Москальская 1969 — *Москальская О. И.* Большой немецко-русский словарь. Т. 1—2. М., 1969.
- Німчук 1979 — *М. Смотрицкий.* Граматика / Підг. факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ, 1979.
- Пекарский 1870 — *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870.
- Руднев 2001 — *Руднев Д. В.* Адодуров [...] Василий Евдокимович // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. I. Ч. 1. СПб., 2001. С. 15.
- Рязанская 1988 — *Рязанская Е. Л.* Становление нормы русского литературного языка в первой половине XVIII в. и редакция «Немецкой грамматики» М. Шванвица (орфография, морфология): Дипломная работа. М., 1988.
- СК I—V — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. I—V, Дополнения. М., 1962—1975.
- СКИ I—III — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701—1800. Т. I—III. Л., 1984—1986.
- Словарь — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1—14—. Л./СПб., 1984—2004—.
- Смотрицкий 1619 — s. Німчук 1979.
- Сорокин 1984 — Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л., 1984.
- Сухомлинов 1—2 — *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1—2. СПб., 1885—1886.
- Успенский 1975 — *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносковский период отечественной русистики. М., 1975.

СЛАВЯНИЗМЫ КАК СРЕДСТВА КАНЦЕЛЯРСКОГО ЭТИКЕТА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII В. *

А. П. Майоров

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

Приобщение России к европейской культуре, начатое реформами Петра Великого, охватило самые разнообразные области жизнедеятельности российского общества. Европеизация культуры отразилась на различных традиционных формах поведения в обществе: как отмечают некоторые историки, при встрече с царем воспрещалось падать на колена; чтобы не уничивать своего человеческого достоинства, теперь нельзя было подписываться под прошениями «уменьшенными» именами [Павленков 2003: 86].

Борьба с формами приказной традиции длилась на протяжении всего XVIII столетия. В указе от 18 февраля 1786 г. предписывалось во всех деловых обращениях лиц к государственной власти заменять слово *раб* словом *подданный*¹. Видимо, отголоски старых уничижительных форм слышались и в традиционной формуле челобитных «бьет челом», которую теперь в том же указе рекомендуется заменять на «приносит жалобницу» или «просит имярек». В. О. Ключевский во всех подобных языковых изменениях видел особое воспитательное значение, придаваемое людьми века Просвещения:

Под влиянием непривычной работы мысли над вопросами морали, политики и общежития законодательный и литературный язык запестрел отвлеченной терминологией академического красноречия. Пошли в ход слова «добронравие» или «благонравие», «человечество», «человеколюбие», «попечение о благе общем», «блаженство общее и частное»... Таким языком блеснит и изданный 8 апреля 1782 г. Устав благочиния, где в числе требуемых от определенного к благочинию начальства поставлены «здравый рассудок, человеколюбие и усердие к общему труду». Особенно любимыми стали слова «общество» и «род человеческий». (...) Так идея солидарности постепенно охватывала общественные слои, между которыми прежде не чувствовалось единения [Ключевский 1989: 327—328].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-04-62001а/Т).

¹ Слово *раб*, ассоциировавшееся с приказной традицией, в свое время, в начале петровских реформ также пришло на смену приказному слову *холоп* [Живов 1988: 86].

Подобные книжные слова действительно были в ходу у чиновников как в центре, так и в регионах. В памятниках забайкальской деловой письменности XVIII в. такие слова используются в отношении самых неожиданных жизненных ситуаций — будь то прививка от оспы, или пытка подсудимых, или телесные наказания²:

*И правителю Иркутскаго намесничества з[о]с[поди]ну генераль маиору и кавалеру Лариону Тимофеевичу неоднократно и обстоятельно донесено и о предохранении от сей болезни куда следует повеления да и я же теперь занимаюся для сохранения **рода человеческого** прививкою в городе оспы на первыи случаи благородным детямъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 58, 1794];*

*но то однако очевидно что сей 763²⁰ году февраля 10²⁰ дня высочайшеи указъ основанъ будучи на **человеколюбии** не содержитъ в себе отнюдь того чтобы подсудимыхъ в случаяхъ собственныхъ ихъ во всемъ признании подвергать истязаниямъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 219, л. 182, 1779];*

*онъ же штейгер Мелехин стегал новокрещенова тунгуса Матвея Кузнецова своими руками и билъ двумя палками не по **человечеству** но тирански котораго и изувечил [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 16, 1767].*

По мнению Ключевского, такие слова «не оказывали прямого действия на нравы и поступки, на подъем жизни, но, украшая речь, приучали мысль к опрятности, заставляли ее держаться выше эгоизма и инстинкта, произвол личного понимания подчиняли требованиям общественного приличия» [Ключевский 1989: 328]. Так или иначе, в сфере делового письма XVIII в. под влиянием общей тенденции возникла настоятельная потребность в средствах выражения этикета, в качестве которых стали активно использоваться славянизмы.

В современном культурно-языковом обиходе речевой этикет — это «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям (<...> в официальной и неофициальной обстановке) [ЛЭС: 413]. Данное определение применимо к этикетным средствам, используемым в языковом континууме русского общества XVIII в. После реформ Петра I были переосмыслены границы между различными социальными слоями населения России. Новая социальная стратификация российского общества, принципиально иная иерархия служебных и военных чинов были обозначены в «Генеральном регламенте» 1720 г. и затем в «Табели о рангах». Согласно новым социальным

² Здесь и далее графика текстов XVIII в. приведена к современной.

ролям появились особые этикетные формулы обращения. Так, в «Генеральном регламенте» была разработана классификация титулов по чину, по должности, по происхождению и т. п. и, соответственно, указывались их наименования. В частности, среди титулов по чину обращение *Ваше высокопревосходительство* предназначалось чиновникам 1, 2-го классов, *Ваше превосходительство* — чиновникам 3, 4-го классов, *Ваше высокоблагородие* — чиновникам 6, 7, 8-го классов, *Ваше благородие* — чиновникам с 9 по 14-й класс.

Новые языковые формы этикета проникают и в канцелярское делопроизводство. Характерно, что в ситуации официально-делового общения на смену приказным этикетным средствам приходят элементы канцелярского этикета, сформировавшиеся на основе книжно-славянских форм, которые в процессе европеизации и секуляризации языковой культуры приобретают новые семантические и стилистические оттенки.

Этикетные средства отмечаются как в формулах, так и в основной части документов. При этом в формулярной части документов различных жанров применяются определенные языковые элементы, приобретающие характер речевых штампов делового письма. С начала XVIII столетия в распорядительных, уведомительных, просительных документах употребляются слова *изволить*, *иметь*, *благоволить*, *благоугодно*, *покорный*, *покорнейший* и другие лексические единицы, традиционно применявшиеся в книжно-литературных и церковнославянских произведениях с достаточно широким кругом значений и затем с изменением семантико-стилистического объема ставшие средствами канцелярского этикета. Переосмысление книжных слов и формирование новых этикетных элементов происходит в текстах определенных жанров, поэтому данные языковые единицы можно рассматривать как жанрово-стилистические средства. Например, в таких распорядительных документах, как ордер, приказ, активно используется глагол *изволить* в модальном значении долженствования:

...*изволите* употреблять ево (солдата, вышедшего из госпиталя. — А. М.) в работу с прочими наряду [из ордера — ПЗДП, 21, л. 114, 1766]; да и впред пока та работа продолжатца будет по силе данной вамъ от полку инструкции производить *изволите* [из ордера — ПЗДП, 22, л. 115, 1766].

Следует отметить, что ордер адресован корнету якутского карабинерного полка Мещерякову и, как полагается по классификации титулов по чину, в документе он именуется *Ваше благородие*. В данном случае можно предположить необходимость соответствующего вежливого обращения к военному чину 9-го класса, дворянину, в силу общих правил этикета. Как вежливая форма распоряжения словосочетание *изволите* + инфинитив используется в других документах:

и какая была помѣха с ими изволитя | рассмотреть [из репорта — ПЗДП, 61, л. 2, 1792].

В деловых бумагах других жанров глагол *изволить* в сочетании с инфинитивом может употребляться в качестве формулы учтивости:

Его высокопревосходительство господинъ генераль | порутчикъ <...> въ данномъ оному предложении проти|сыват[ь] изволилъ [из предложения — ПЗДП, 40, л. 34, 1793].

История употребления глагола в анализируемом модальном значении прослеживается с давних времен. Так, для выражения приказа в форме повелительного наклонения с инфинитивом глагол *изволити* применялся еще в литературном языке XI—XIV вв.:

пришедъ же Всеволодъ къ Переяславлю. хотѣ выгнати Андрѣя. а врата своего посадити. Андрѣевн рекоуче Коурьскоу изволи нти [СДЯ III: 476].

Возможно, традиция употребления глагола *изволити* в модальном значении восходит к церковнославянскому языку, поскольку его употребление в форме пов. накл. со значением просьбы или приказа отмечается еще в канонических текстах: *не изволи любити насъ* — Супр. 71.23 [Старосл. сл.: 251]. Однако в последующий период, по данным [Сл. XI—XVII 6: 127—128], глагол *изволити* употребляется в значениях ‘захотеть, пожелать; предпочесть, выбрать; выразить свою волю, повелеть, распорядиться; позволить, разрешить’, а в исследуемом значении не фиксируется. Особо необходимо подчеркнуть то, что в деловом языке XI—XIV вв. и в приказном языке XV—XVII вв. функционирование слова в директивных формулах не отмечается. Как правило, распоряжение в деловых бумагах того периода выражалось посредством инфинитивной конструкции типа *а радеть вам на государевой службе*. И, наконец, в XVIII в. в форме пов. накл. для выражения вежливой просьбы или приказа глагол употребителен как в литературных произведениях [Сл. XVIII 9: 25], так и в деловой письменности.

Анализируемая семантика глагола могла сформироваться в XVIII в. под влиянием французского языка: формы пов. накл. *изволь, извольте* в сочетании с инфинитивом, видимо, представляли собой кальку с французского *veuillez* (также в форме пов. накл.) + *inf.* в значении ‘соблаговолить, соизволить, оказать любезность’ (например, *veuillez sortir* «извольте выйти») [Фр.-рус. сл. 1995: 1164]. Надо думать, семантической опорой для калькирования послужила традиция употребления слова *изволити* в книжно-литературном языке в значении ‘пожелать; соизволить’. Предположение о семантическом заимство-

вании подтверждается общей закономерностью калькирования иноязычных слов с помощью книжно-славянских средств в литературном языке 2-й пол. XVIII в., когда осуществлялось семантическое и стилистическое сопряжение славянизмов и галлицизмов, при котором в плане выражения слово представляло собой славянизм, а в плане содержания — галлицизм [История лексики 1981: 198].

В формальном аспекте выразительной особенностью анализируемого слова является его функционирование в региональных документах с формантом *и* в безударном окончании мн. ч. формы пов. накл. — *изволите*. Данную форму следует расценивать как книжную, противопоставленную разговорному варианту с редуцированным гласным — *извольте*, который, по свидетельству [Сл. XVIII], в литературном языке того времени был уже широко распространен.

Актуализация использования глагола *изволить* в указанном значении в деловом языке XVIII в. связана, на наш взгляд, с одной стороны, с общей тенденцией применения славянизмов в качестве стилиобразующих средств канцелярского письма и, с другой стороны, с потребностью маркировать новые этикетные средства как отличные от традиционных форм приказного письма.

Другое этикетное средство, применяемое в распорядительных документах XVIII в. с модальным значением долженствования, — глагол *иметь*. С данным значением он употребляется обычно в формуле распоряжения³:

*По приложенной при семъ форме имеете | о всехъ состоящихъ ведении
вашего каза|кахъ со всякою верностию сочинить | имянной списокъ [из
ордера — ПЗДП, 23, л. 191, 1768];*

*о всемъ томъ имеет | оная канцелярия немедленно спра|витца и учиня ве-
домость прислат[ь] | при рапорте [из предложения — ПЗДП, 38, л. 324 об.,
1772];*

*получая сей часъ тотъчасъ | имеишь ты отправится тра|ктомъ от Ир-
кутска по якутской | дороги [из приказа — ПЗДП, 15, л. 1, 1792];*

*а имеете поступать по вы|шеписанному наблюдая точно доброту хлеба
| и постановленныя условию [из наставления — ПЗДП, 12, л. 7, 1794];*

*прилагаетъ, | при семъ форму противъ которой имеете вы | учинить
верную ведомость и в самоскорееишемъ | времени [из приказа — ПЗДП,
19, л. 37, 1798].*

³ Вне данной формулы в деловых текстах глагол *иметь* употребляется в значениях 'обладать чем-л., иметь в наличии что-л., обладать каким-л. свойством, состоянием, обозначенным управляемым существительным' и др.

Интересным представляется варьирование модальных значений у глагола в истории русского языка. В древнерусском языке глагол *имѣти* в сочетании с инфинитивом выступал со значением 'мочь, быть в состоянии' [СДЯ IV: 151]. Близкое значение — 'долженствовать', скорее всего, унаследованное церковнославянской письменной традицией, реализовывалось у слова в сочетании с инфинитивом в старославянском языке: *мамь ти нѣчто рѣшти* [Старосл. сл.: 260]. Кроме того, он употреблялся как вспомогательный глагол при образовании форм будущего времени: *не иматъ прѣйти родъ съ дондеже вса си бѣдѣтъ* [Там же]. Характерно, что в старорусском языке каких-либо модальных оттенков в семантике слова *имети* не отмечается [Сл. XI—XVII 6: 229]. В XVIII в. у слова выявляются те значения, которые были свойственны ему в древнерусский период. *Имети* также может выступать в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени (с оттенком модальности):

Охотники, которые пожелают оныя товары купить, имеютъ явиться в Сибирском приказе [Сл. XVIII 9: 84].

Кроме того, данный глагол мог использоваться для образования прошедшего времени также с оттенком модальности [Там же]. Неожиданную активизацию модальных форм глагола *имети* в деловом языке XVIII в. так же, как в случае с глаголом *изволить* в модальном значении, следовало бы связать с влиянием французского языка. Однако предположение о семантическом заимствовании глагола *иметь* в модальном значении встречает некоторые возражения. Прежде всего, во французском языке глагол *avoir* образует сложные формы с причастием прошедшего времени спрягаемого глагола, но не с инфинитивом. Во-вторых, образованные с помощью глагола *avoir* формы не имеют модальных значений. Таким образом, скорее всего, книжная традиция функционирования *имети* в модальном значении была усвоена новым канцелярским слогом в противовес приказной традиции применения инфинитивных конструкций с императивным значением.

Рассматривая этикетные формы употребления глагола *иметь*, необходимо отметить также его функционирование в резолютивной части формулы просьбы (обращения) в отчетно-исполнительных документах (доношениях, рапортах, докладах и т. п.):

...чего ради во осторожность симъ [рапортом. — А. М.] оной коменданской канцелярии доношу и на что имею ожидать повеления [из рапорта — НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 70, 1794]; *...того ради Вашего превосходительства | симъ покорнейше прошу вышеписанного | казака Мардовскаго в тех наиденных | им сумам и во объявлении гсдну капи|тану Заеву кананиру Курбатову | и старосте Шашину несогласных | речах кому*

надлежит приказать | изследовать: на что имею от Вашего | превосходительства ожидать резолюции [из рапорта — ПЗДП, 56, л. 2, 1769].

Конструкция *имею ожидать чего-л.* употребляется в данных формулах наряду с синонимическим словосочетанием *ожидать чего-л.: на что и ожидаемъ милостивой резолюции* [ПЗДП, 87, л. 13, 1794]; *на что ожидаю милостивой резолюции* [ПЗДП, 83, л. 4, 1797]. Как известно, избыточно применяемое языковое средство неизбежно выступает в качестве стилистического компонента, и в данном случае глагол *иметь* явно используется с целью выражения официально-делового учтвого тона.

В документах уведомительного и уведомительно-просительного характера жанровая специфика предопределяет применение иных этикетных средств. Так, в промемориях для формулы принятия решения характерно употребление глагола *благоволить* с особым модальным значением:

и генерального пограничного правления в канцелярии о приеме сей промемории по уведомлении о вышеписанных материалах да благоволить учинить по ея императорского величества указу [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 157, 1730];

и Селенгинская ратуша о вышеписанном благоволить быть известна и чинить по ея императорского величества указу [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 71, л. 179 об., 1766];

и о всем вышеписанном Баргузинская управительская канцелярия благоволит[т] быть известила (sic!) [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 8 об., 1767].

Примеры свидетельствуют, что на раннем этапе, в 30-х гг. XVIII в., в формуле принятия решения промеморий применялась конструкция «*да + индикатив*», которая в церковнославянском языке выступала в функции оптатива или придаточного цели [Успенский 2002: 259]. В промемориях, очевидно, ее значение сводилось к оптативной модальности. Однако со временем данная конструкция подвергается упрощению — утрате частицы *да*, которая, собственно, выполняла основную модальную нагрузку. Исходя из содержания некоторых документов этого жанра значение резолютивной формулы следует интерпретировать как вежливый приказ, а не просьбу. В качестве примера приведем текст промемории 1770 г.:

промемория

Ведомства Иркутской оберъкоменданской кань|целярии ис провианского правления в Удинскую комень|данскую канцелярию, минувшаго 769 году декабря | 14 числа оная канцелярия присланною сюда проме|мориєю по протчем требовала находящимся при стро|ении в Удинске провианскихъ

магазейновъ работнымъ | людямъ об отпуске из соляныхъ зборовъ денегъ сколько | когда потребно будетъ по сношению с Ыркуцкимъ | солянымъ камисарствомъ асигнации, а по справке | в провианскомъ правлении оказалось провианской | суммы денежной казны в наличности состоит | весьма малое число, которой на неоминуемые | ныне провианские расходы недостаточно а асигнации от главной каманды еще в получении не имеетъ; и для того в Удинскую | комендантскую канцелярию сообщается | дабы благоволено было показанные ма|газейны постройкою приказать какъ наискоряя возможно оканчивать и сколько в ко|торой день работныхъ людей при томъ | л. 207 об. | строении находится и что ими сработано будет | о томъ иметь верную записку, а когда аси|гнация от главной каманды получится и денежной ка|зны з достатком в провианскомъ правлении будет тогда | и отпускъ подлежащему заработныхъ денегъ числу | чрезъ асигнацию учинень быть имеетъ и Удинь|ская комендантская канцелярия благовольтъ | о томъ ведать и учинить по Ея Императорь|скаго Величества указомъ генваря 22 дня | 1770 году порутчикъ Михаила Воинов [ПЗДП, 32, л. 207—207 об., 1770].

Как видим, в тексте промемории речь идет о срочном завершении постройки провиантских магазейнов в Удинске и составлении документа, в котором должно быть указано количество «работных людей» и объем выполненной ими работы. Рекомендация провиантского правления Иркутской обер-комендантской канцелярии Удинской комендантской канцелярии *приказать как наискоряя возможно заканчивать* есть не что иное, как вежливый приказ.

Применение глагола *благовольтъ* в формулах промеморий объясняется жанровой спецификой данной деловой бумаги. Дело в том, что промемория являлась документом равноправных в административном отношении учреждений (например, Удинская комендантская канцелярия и Удинский городской магистрат). Обращение той или иной инстанции к другой не носило характера распоряжения, да и не могло такового иметь. Соответственно, промемория представляла собой скорее уведомление о каком-либо решении, рекомендацию, подразумевающую исполнение этого решения, и в данном случае *благовольтъ* в «вежливом» приказе, настоятельной рекомендации как нельзя лучше подходило по своей семантике и внутренней форме.

В предшествующий период слово **БЛАГОВОЛТИ** было употребительно в церковнославянских памятниках — минеях, пандектах, прологах, кормчих и др. — и имело значение 'быть расположенным, проявлять расположение, хотеть' [СДЯ I: 170]. При этом глагол **БЛАГОВОЛТИ** мог управлять разными падежными формами: **БЛАГОВОЛТИ** что-л.; чему-л.; в ком-л., чем-л.; на кого-л.;

о ком-л., чем-л. [Там же]. Со значением 'разрешить, дать согласие; изъявить милость' данная лексема отмечается в просительном документе XVII в.:

умилосердися гсдин Петръ Андреевичъ помилуй меня уб[о]гова б[о]гамолца вашего пожалуй благоволи мне в крылоси у своеи братии у священников выделит в земле (...) долю [ИНРЯ: 214].

Однако следует заметить исключительность употребления данного слова в деловом письме XVII в., связанную, скорее всего, с речевым узусом челобитчика — священнослужителя. В большинстве случаев слово употребительно в книжно-литературных памятниках [Сл. XI—XVII 1: 195]. Как церковно-книжное средство *благоволить* выступает в региональных памятниках письменности XVI—XVIII вв. [Сл. перм.: 37].

В отчетно-исполнительной и просительной документации были распространены разнообразные этикетные средства, среди которых выделяются наиболее типичные, широко употребительные. В частности, в рапортах, доношениях, прошениях, объявлениях в формуле просьбы как этикетные средства использовались прилагательные *покорный*, *покорнейший*, наречия *покорно*, *всепокорно*, *всепокорнейше*, *покорнейше*, *нижайше* и т. п.:

Того ради вашего превосходительства симъ покорнейше прошу вышеписанного казака Мардовскаго в тех (...) несогласных речах кому надлежитъ приказать изследовать [из рапорта — ПЗДП, 56, л. 3, 1769];

и о сем Удинскои правинцалнои канцелярии Селенгинское камисарство покорнейше репортуетъ [из репорта — ПЗДП, 58, л. 7 об., 1783];

о чемъ вашему превосходительству симъ всепокорнейше и доносится [из репорта — ПЗДП, 65, л. 1, 1797];

и о вышеписанном Троицкогo Селенгинского монастыря в казенную келю симъ нижайше об[ъ]являем [из доношения — ПЗДП, 69, л. 147, 1764];

того ради ваше высокопреподобие покорно прошу сие мое доношение принять и записать [из доношения — ПЗДП, 70, л. 158 об., 1764];

и для того Верхнеудинские городнические дела всепокорно прошу от вышеписанного присяжного Черных в платежь мне денегъ пяти рублеи приказать с него взыскать [из доношения — ПЗДП, 73, л. 34 об., 1790].

Особый характер имели этикетные прилагательные *покорный* и *покорнейший* в самоназвании таких документов, как рапорт (репорт). В них существовали 3 формы обозначения данного вида отчетных документов: *рапорт*, *покорный рапорт* и *покорнейший рапорт*:

В канцелярию правления пограничных | дель якуцкого полку от капитанармуса Васил[ь]я Митяшева рапортъ [ПЗДП, 53, л. 56, 1755];

в Удинскую каменданскую канцелярию | селенгинскаго втораго баталиона | от подпорутчика Явана Челюскина рапортъ [ПЗДП, 54, л. 204, 1768];

высокоблагородному и высокопочтенному | гсдину секундъ маеору и удинскому | коменданту Ивану Степановичю | Мертвещову селенгинскаго перваго бата|лиона подпрапорщика Ивана Зелейщикова покорной рапортъ [ПЗДП, 55, л. 183, 1769];

Высокородному и превосходителному гсдну генерал | маиору и ковалеру Варфоломею Валентиновичю Яковии покорнейши рапортъ [ПЗДП, 56, л. 2, 1769];

къ Верхнеудинским городническим деламъ | геодезии отъ сержанта Кожевникова покорнейши рапортъ [ПЗДП, 60, л. 4, 1788];

Высокородному (...) | господину эконому дирек[тору] [Констан]тину Ивановичю Дипину | кудинскава вед[омства] | 1²⁰ Буянаксакаго рода [главно]ва шуленги Тула|ева покорнишаи рапортъ [ПЗДП, 61, л. 2, 1792].

Использование этикетных прилагательных *покорный*, *покорнейший* в рапортах прослеживается в тех случаях, когда отчетный документ адресован от нижестоящего по служебной лестнице чина к вышестоящему. Служебный этикет в этих случаях особо подчеркивается эпитетами при наименовании титула адресата — *высокоблагородный*, *высокомилолюбивый*, *высокомилолюбивейший*, *выскородный*, *высокопочтенный*, *превосходительный* и т. п.

С другой стороны, переписка равных по должности чиновников может не предполагать применение данных эпитетов:

Его высокоблагородию Нерчинской области | Верхней расправы председателю господину | надворному советнику Алексею Филатьевичу Машиневу | города Стретенска Нижней расправы | отъ судьи асьсесора Ирецкого рапортъ [ПЗДП, 59, л. 46, 1785].

Если употребление глагола *благоволить* не имело аналога в приказной традиции, поскольку в XVI—XVII вв. еще не существовало условий для функционирования подобных этикетных средств, то элементы этикета просительной документации XVIII в. соотносятся с этикетными средствами приказного слога. В частности, русские челобитные XVII в. характеризовал большой набор различных этикетных форм — этикетные обращения, приложения, этикетные традиционные и ситуационные определения, существительные с суффиксом субъективной оценки [Волков 1974: 111—158]. Хотя

структура, формуляр просительных документов XVII и XVIII вв. значительно отличались друг от друга, принципиальное сходство формул этикета неоспоримо. Так, в формуле, вводящей изложение просьбы челобитных XVII в. (*милосердый / милостивый государь царь и великий князь... пожалуй меня... вели мое челобитье записать*), строгое соблюдение этикета социальной иерархии требовало, кроме введения традиционного почетного титула монарха, употребления этикетного эпитета *милостивый* или *милосердый*. Также в соответствии с коммуникативным заданием документа в формуле конечного протокола (*царь государь смилуйся пожалуй*) глаголы в пов. накл. *смилуйся* и *пожалуй* являются не просто эмоционально-экспрессивными актуализаторами просьбы, а обязательными этикетными элементами в структуре челобитной. Изменение формы подачи челобитной, предпринятое указом Петра I в начале XVIII в., было связано с общим процессом реформирования системы делопроизводства, впоследствии реализованного в «Генеральном регламенте» 1720 г. Однако, помимо формальных изменений, новой стала сама тональность обращения к вышестоящему лицу, обусловленная вторжением европейского политеса в социальные отношения. Согласно ей теперь устранялась уничижительная форма обращения к вышестоящему лицу, в том числе и к монарху. Так, если в допетровское время любое обращение к вышестоящему лицу в деловом письме обязательно должно было выражаться специальными формулами вассальной зависимости типа *холоп твой, сирота твоя*, то в документах XVIII в. мы их уже не встретим. Кроме того, раньше имя челобитчика, независимо от социального статуса его носителя, непременно должно было писаться в уменьшительно-уничижительной форме — так называемые полуимена — *Ивашка, Марфушка* и т. п. Указом Петра I в 1701 г. практика эта была официально отменена: *Полуименами никому не писаться* (цит. по: [Волков 1974: 140]).

Изменяется структура формулы обращения: теперь адресат выделяется в предложении в его грамматически обособленный компонент — обращение (форма Им. п.), а в титуле монарха появляются этикетные эпитеты книжно-славянского происхождения⁴. Набор этикетных средств в формуле обраще-

⁴ Примечательно, что в 1-й пол. XVIII в. существовала еще такая форма подачи жалобы, как словесное челобитье. Формулы обращения в нем не было, поскольку обращение с просьбой передавалось третьим лицом, описательно. В этом случае использовалось повествовательное предложение, констатирующее сам факт просьбы: «*АЩЕ февраля в .S. де билъ челом великому | гсдрю црю и великому кнзю Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии | самодержцу...*» [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 243, 1707]. Как видим, в предложении отсутствуют эпитеты, применяющиеся в формуле обращения челобитных начала века, но, с другой стороны, в титуле царя используются этикетные средства, характерные для приказной традиции, — *великому государю и великому князю*.

ния меняется практически в каждый период правления нового монарха. При этом количество этикетных компонентов с каждым разом увеличивается. Так, в Петровскую эпоху, после отмены императором приказных форм челобитных, формула обращения включала два эпитета — *державнейший* и *милостивейший*. Отметим попутно эпитет *всемилоостивейший* в формуле просьбы челобитных:

[л. 415 | *Державнейши[й] ч[а]рь г[о]с[у]д[а]рь м[и]л[о]стивейший в н[ы]нешнем | г[о]с[у]д[а]рь АУЗ м году апреля въ S де нерчинской | отставной под[ъ]ячей Еремей Рудаковъ в Нерчинском | уезде вверхъ по Шилке реке у себя на заим[ке] зарубилъ косою до смерти моего | крепостного ч[е]л[о]в[е]ка <...> **Всем[и]л[о]стивейший г[о]с[у]д[а]рь** прошу в[а]шего величества пожалуй меня раба своего вели г[о]с[у]д[а]рь ему Еремею вместо вышеписанного моего дворового убитог[о] | ч[е]л[о]в[е]ка дать иног[о] ч[е]л[о]в[е]ка зрелого <...> **Вашего величества** | л. 415 об. | *нижайший раб нерчинской сын боярской <...>* [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 415—415 об., 1707].*

Изменения в титуле монарха и, соответственно, введение новых этикетных элементов были предприняты в Сенатском указе «О титулах государыни императрицы Екатерины I» от 3 февраля 1725 г. Указ предписывал в челобитных и доношениях писать: *Всепреспетлейшая Державнейшая Великая государыня императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская*, — а в окончании просительных документов: *Всемилоостивейшая Великая государыня, прошу Вашего Императорского Величества* [ПСЗ, VII, № 4647]. Следует добавить, что в 1730-х гг., в эпоху правления Анны Иоанновны, наряду с утвержденными формулами обращения, просьбы и конечного протокола формула просьбы расцветивается новым этикетным элементом — *Ваше высокосамодержавство*:

*Всепреспетлейшая державнейшая великая г[о]с[у]д[а]р[ы]ня императрица Анна Иоанновна самодержица всероссийская <...> **Всемилоостивейшая г[о]с[у]д[а]р[ы]ня императрица** прошу Вашего императорского Величества да повелит **Ваше высокосамодержавство** сию мою челобитную Селенгинского дистрикта в земскую избу принять* [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 153, л. 1, 1737].

И, наконец, в 1740-х гг., во время краткого воцарения императора Иоанна Антоновича и в последующую эпоху царствования Елизаветы Петровны в формуле обращения в титуле добавлялось еще одно этикетное определение — *государь (государыня) всемилоостивейший(-ая)*:

| л. 1 | **Всепреспетлейший державнейший** | великий г[о]с[у]д[а]рь импе-
раторъ и самодержецъ | всероссийский г[о]с[у]д[а]рь **всемилостивей-**
ший | бьет челомъ иркуцкой посацкой Андрей Попов на иркуцкого | по-
сацкого ж Ивана Тиунцова а о чем тому следуютъ | пункты:

„I,,

Сего 1741 го году июня „8,, го числа в четвертом часу | дни он Тиунцов
будучи на базаре против Спаской башни | бил меня раба вашего до Ир-
куцкой таможни вплот[ь] насмерть | тросью (sic!) камышевою кото-
рую трость измочалил | всю а какъ бил при том свидетели были служи-
лой Иркуцкой таможни денщикъ Василей Коротавевъ (...)

И дабы высочайшим Вашего Императорского | Величества указом повеле-
но было ево | Тиунцова в Ёркуцкую провинциальную канцелярию сы|скат[ь]
и в бою и увече тако ж и порицании всякою матерною бранию допро-
сит[ь]:

| л. 2 | **Всемилостивейший** г[о]с[у]д[а]рь прошу | Вашего Импера-
торского Величества | о семь моем прошении м[и]л[о]стивое решение
учинить (...) [ПЗДП, 74, л. 1—2, 1741].

После 1740-х гг. до конца XVIII в. состав этикетных эпитетов в формулах
челобитных оставался неизменным. Так, в челобитных времен Екатерины II
формула обращения содержала те же самые элементы канцелярского этикета:
Всепреспетлейшая державнейшая | великая государыня императрица | **Ека-**
терина Алексеевна самодержица | всероссийская государыня **всемилости-**
вейшая [ПЗДП, 77, л. 33, 1785].

Характерно, что в литературном языке указанные эпитеты либо приме-
нялись исключительно в титуле монарха (*всепреспетлейшая самодержица*
[Сл. XVIII 4: 148], *державнейший великий государь царь и великий князь*
Петр Алексеевич [Сл. XVIII 6: 103], либо не употреблялись вообще (ср. от-
сутствие слова *всемилостивейший* в [Сл. XVIII]).

Отметим еще один случай использования славянизмов как средств кан-
целярского этикета — служебные письма. Данные документы составлялись в
том случае, когда разрешение какого-либо вопроса требовало личного вме-
шательства вышестоящего должностного лица. Как правило, к нему обраща-
лось равное по должности лицо. В документах используются формулы веж-
ливого обращения, этикетными компонентами которых могли быть разно-
родные по происхождению и сфере функционирования языковые средства
(архаичные книжно-славянские, книжно-литературные, калькированные с фран-
цузского языка формы):

В протчем вамъ есмь всегда вашего высокоблагородия покорный слуга
[НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 12, л. 293, 1770];

Милостивый государь мой Иванъ Андреевичъ! | на благосклонное уведомление ваше (...) имею честь въ ответъ служить [ПЗДП, 46, л. 25, 1791];

имею честь съ истиннымъ моемъ | почтениемъ и преданностию быть | вашъ милостиваго государя моего | *покорнейший слуга* [там же, л. 26].

Таким образом, в XVIII в. в связи с кардинальной перестройкой системы делопроизводства и делового письма были востребованы новые этикетные средства. В этой роли выступают книжные слова, в основном церковнославянского происхождения. В данном новом качестве они функционируют в документах определенных жанров, нередко приобретая иные семантико-стилистические оттенки.

При этом в изменении семантико-стилистического содержания языковых единиц особое значение имеет характер жанровой принадлежности документа, его коммуникативное задание (*иметь* в модальном значении в распорядительных документах, *благоволить* в «вежливом» приказе, настоятельной рекомендации — в уведомительных документах и т. п.). В процессе стилистического переосмысления книжных слов в узусе деловой письменности немаловажную роль сыграло влияние формул речевого этикета французского языка. Вместе с тем соответствующие модальные оттенки в значениях славянизмов, позволившие этим словам впоследствии стать этикетными средствами делового письма, сформировались еще в древнерусский период и получили актуальность в XVIII в. в связи с общей тенденцией использования славянизмов в качестве стилеобразующих средств нового канцелярского слога.

Сокращения

ГАИО — Государственный архив Иркутской области.

ГАЧО — Государственный архив Читинской области.

ИНРЯ — Источники народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. / Сост. С. И. Котков, Н. П. Панкратова. М., 1964.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия.

ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века. Улан-Удэ, 2005.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. I —. СПб, 1830—.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VII. М., 1988—2004.

Сл. XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4, 6, 9. М., 1988—1997.

Сл. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—. М., 1975—.

Сл. перм. — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. Вып. 1. Пермь, 1993.

Старосл. сл. — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999.

Фр.-рус. сл. 1995 — *Гак В. Г., Ганшина К. А.* Новый французско-русский словарь. М., 1995.

Литература

Волков 1974 — *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства. Л., 1974.

Живов 1988 — *Живов В. М.* История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture: In Honor of Juriy Lotman*. Columbus, Ohio, 1988. P. 46—128.

История лексики 1981 — История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М., 1981.

Ключевский 1989 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Соч.: В 9 т. Т. V. М., 1989.

Павленков 2003 — Великие россияне. Библиографическая библиотека Ф. Павленкова. М., 2003.

Успенский 2002 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

**«ПТЕНЦЫ УЧАТ МАТКУ»:
ПРИНЦИП КРИТИЧЕСКОГО РАЗУМА
В «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»
А. Н. РАДИЩЕВА**

Иоахим Клейн

Лейденский университет, Германия

Крайняя пестрота тем и стилей, которая отличает книгу Радищева, давно была замечена читателями. Вспомним, например, пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург», где читаем, что «Путешествие» Радищева состоит из нескольких «отрывков», в которых автор «излил (...) свои мысли безо всякой связи и порядка» [Пушкин 1978: 186]. Подобную точку зрения находим у многочисленных исследователей XIX — первой трети XX вв., пока не началась в русской науке систематическая мифологизация Радищева, возведшая его в статус культовой фигуры [McConnell 1963: 9—17]. В этой перспективе Радищев предстает не только великим революционером, но и безупречным художником. В 1992 г., в авторитетном академическом издании произведений Радищева, мы, например, читаем, что «Путешествие» — «книга, прочно сложенная и редкостно цельная, плотно скрепленная авторской художественной мыслью во всех пунктах», что «Радищев крепко спаял книгу внутренней логикой, создал произведение поистине с “железной” композицией» [Западов 1992: 601, 602]¹. Однако в 1936 г. Г. Гуковский мог еще писать прямо противоположное, утверждая, что Радищев как автор «Путешествия» «стремился не к внутренней соотнесенности всех стилистико-композиционных элементов произведения, а к выразительности каждого из этих элементов». Таким образом, «в произведении воцарился хаос внутренних стилистических противоречий, оно распадалось в стилистическом плане на индивидуально тематические отрывки, создавалась механическая атомистика кусков (...)»; дальше

¹ Обзор споров о композиции «Путешествия» см.: [Кулакова, Западов 1974: 10 и сл.]. Точка зрения самих авторов такова: «В книге Радищева нет фабулы, условно скрепляющей главы, но она композиционно очень сглажена, очень продумана» [Там же]. О композиции «Путешествия» см. также [Thiergen 1973: 101—116].

отмечается «внутренняя хаотичность» произведения, в котором нарушаются «не только классические правила, но и обычные нормы легкой или даже ясной речи» [Гуковский 1936: 184, 185]².

Правда, история создания радищевского текста показывает, что соображения композиционного порядка не были совсем чужды Радищеву и что он сделал несколько попыток сгладить переходы между отдельными кусками и избежать слишком очевидных длиннот [Западов 1992: 601 и *passim*]. Однако эти попытки не отличались большой последовательностью, так что в целом у Радищева наблюдается такое же пренебрежительное отношение к вопросам композиции, как у Фонвизина в комедии «Недоросль», в которой относящиеся к самым различным темам тирады Стародума нарушают все требования целостной драматической формы [Клейн 2005: 478—488]: у обоих авторов дидактическая интенция решительно превалирует над соображениями эстетического характера, в чем выражается общая тенденция художественной литературы эпохи Просвещения.

Однако возникает вопрос: нет ли определенной доли преувеличения в утверждении Гуковского о «хаотичности» радищевского «Путешествия»; то же самое относится к тезису Пушкина о якобы полном отсутствии «связи и порядка». На самом деле, при всей бросающейся в глаза гетерогенности отдельных частей, в радищевской книге действует принцип, который объединяет под общим знаменателем разнородные темы и мотивы. Исключением здесь являются прежде всего те «шуточные» места «Путешествия», которые Радищев ввел, по собственному признанию, «для того, чтобы не скучно было длинное, серьезное сочинение»³. В своей крайней простоте этот принцип может с сегодняшней точки зрения показаться банальным; тем не менее он обладает большой значимостью для интеллектуального профиля Радищева как представителя русского — и европейского — Просвещения. Речь идет о том *принципе критического разума*, которым руководствуется радищевский путешественник и другие носители авторской точки зрения, наблюдая и обсуждая окружающую жизнь.

Если речь идет о том, чтобы разоблачить многочисленные злоупотребления русской жизни XVIII в., установка на критический разум является сама собою разумеющейся. Однако у Радищева эта установка проявляется и тогда, когда речь идет о таких предметах, как излишнее использование ямбов в рус-

² Впрочем, в более поздних работах автор отходит от своей прежней позиции и подчеркивает, что «книга совершенно едина по замыслу и по выполнению» [Гуковский 1939: 441].

³ Ср.: [Бабкин 1952: 167], [Лехтблау 1940/1983: 250]. Другое мнение о функции комических мест у Радищева см. в [Fiegunth 1990: 153—182; Uffelmann 1999: 5—25].

ской поэзии, прогрессивное воспитание детей, преподавание в духовных училищах, проблемы вексельного права, средневековая история Новгорода и сумасбродные учения розенкрейцеров. Установку на критический разум можно заметить уже в самом начале «Путешествия», в восходящем к «Тилемахиде» Третьяковского эпитафии — «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». В этом образе воплощаются все разновидности зла в русской жизни, в первую очередь крепостное право. Но смысл данного эпитафия этим не исчерпывается. Релевантным является также чрезвычайно архаичный стиль этой цитаты, который выражается, например, в церковнославянской форме причастия «лаяй» вместо русского «лающее». Дело в том, что такие архаизмы типичны не только для Третьяковского, но и для самого Радищева. Таким образом, в эпитафии Радищев, заимствуя эффектный образ у Третьяковского, одновременно и высказывается о литературной генеалогии своего собственного — архаичного — стиля. В этом не было бы ничего особенного, если бы не репутация Третьяковского как бездарного поэта и педанта [Reufman 1990]: именно с таким автором Радищев в самом начале книги заключает писательский союз, в укор господствующему мнению.

Перед нами характерное для Радищева явление: везде в его книге обнаруживается стремление освободиться от общепринятых представлений и занять позицию подчеркнутой интеллектуальной независимости. Эта независимость демонстрируется и в заключительной главе «Путешествия», в «Слове о Ломоносове». Через посредство вставного персонажа — семинариста, которому приписывается этот текст, — Радищев выступает против успешного уже сформировавшегося культа Ломоносова и приходит к оценке, которая во многих отношениях одобрительна, но выдвигает и такие отрицательные черты «великого мужа», как недостаток искренности в поэтических восхвалениях императрицы Елизаветы (с. 121)⁴. Таким образом, торжественные оды Ломоносова, самая значительная часть его поэтического творчества, подвергаются сомнению.

Вездесущий в радищевском «Путешествии» импульс критического разума обращен не только на окружающий мир, но и на самого себя, т. е. на личность самого путешественника. Способность к автокритической рефлексии, которая тут выражается⁵, отличает радищевского путешественника от положительных фигур предшествующей литературной традиции, прежде всего опять же от фонвизинского Стародума с его догматической самоуверенностью. Другая черта, различающая двух героев, это чувствительность, постоянно готового лить слезы над «страданиями человечества» путешественника,

⁴ Здесь и в дальнейшем цифры в скобках относятся к изданию: [Радищев 1992].

⁵ Ср.: [Fiegun 1990: 160].

в сравнении с которым фонвизинский Стародум предстает сухим резонером: у Радищева моделируется новый тип литературного персонажа — не только рассудительного, но и чувствительного человека, воплощающего собою поведенческие нормы эпохи сентиментализма.

Готовность радищевского путешественника к автокритической рефлексии проявляется в целом ряде случаев. Так, например, в одной из первых глав книги («Любань»), путешественник, задумываясь над собственным обращением со слугой Петрушкой, задает себе тревожный вопрос, действительно ли он морально так много выше того помещика, «жестокосердие» которого по отношению к своим крепостным он только что разоблачил (с. 11). После этого эпизода слуга Петрушка исчезает со сцены: его единственная функция заключается в том, чтобы дать своему хозяину повод продемонстрировать критическое отношение к самому себе.

Подобным же образом обстоит дело в главе «Едрово», где путешественник, встречаясь с крестьянкой Анютой, понимает, что ему, русскому дворянину, очень далеко до нравственной высоты этой простой девушки. Особенно поразительный пример данного явления находим в главе «Яжелбицы», где затрагивается так часто встречающаяся у Радищева тема сексуальности, причем в данном случае речь идет о сексуальности самого путешественника. Радищевский герой здесь вспоминает о той «смрадной болезни», которую он когда-то в молодости навлек на себя «невоздержанием в любострастии» (с. 57), и задает себе вопрос, не заразил ли он этой венерической болезнью своих детей и свою жену, и не виновен ли он тем самым в преждевременной смерти жены. Моральная беспощадность путешественника к самому себе здесь достигает ступени самобичевания. Не имея прецедента в русской литературе XVIII в., специфический пафос этого фрагмента восходит к «Исповеди» Руссо. Благодаря автобиографической окраске, которой Радищев снабдил своего путешественника, шокирующее воздействие этого эпизода еще более повышается. Впрочем, следует подчеркнуть, что о такой болезни самого автора ничего не известно [Западов 1992: 615] — если здесь есть элемент настоящего автобиографизма, он заключается в том, что Радищев в студенческие годы был свидетелем мучительной смерти своего друга Ушакова, заразившегося сифилисом.

В связи с вездесущностью критического импульса, который не щадит даже собственное «я» путешественника, гетерогенное многообразие тем и мотивов у Радищева предстает в новом освещении, приобретая программное значение: перед нами — *претензия критического разума на универсальную значимость*. До Радищева в русской литературе такая претензия обнаруживается в какой-то мере в моралистических журналах Новикова и в тирадах фонвизинского Стародума: и там, и здесь мы имеем дело с большим разнообра-

зием тем, одинаково подлежащих суждению критического разума. В еще большей мере это относится к Радищеву: нет ни одного явления внешней или внутренней действительности, которое могло бы уклониться от универсальной компетенции критического разума, воплощаемого или путешественником, или другими персонажами «Путешествия», также представляющими собою alter ego автора. На что ни бросит взгляд, автор всюду находит повод для критического выражения. Композиция произведения соответствует этому неупорядоченному обозреванию, мотивированному дорогой (так же, как у Стерна все попадающееся на глаза вызывает чувства или умственные ассоциации).

Всякая вещь, всякая идея, всякая личность, включая личность не только путешественника, но и самого монарха, должны появиться перед трибуналом критического разума, чтобы оправдаться в своей легитимности, чаще всего моральной. Перед нами — проявление той эмансипации мыслящего субъекта от власти абсолютистского государства в дореволюционной Европе, которая анализируется в известной книге современного немецкого историка Рейнгарта Козеллека «Критика и кризис. О патогенезе буржуазного мира» [Koselleck 1959]. Одновременно обнаруживается поразительная параллель с теми требованиями, которые выдвинул Иммануил Кант в своем знаменитом ответе 1784 г. на вопрос «Что такое Просвещение?»:

*Просвещение есть исход человека из интеллектуального несовершеннолетия, в котором он сам виноват. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим умом без руководства другого. Человек сам виноват в своем несовершеннолетии, если причина заключается не в недостатке умственных сил, но в недостатке решимости и смелости пользоваться ими без руководства другого. Sapere aude. Имей смелость пользоваться своим собственным умом — и есть лозунг Просвещения*⁶.

Неизвестно, читал ли Радищев Канта, — духовное родство этих двух авторов объясняется скорее общим контекстом европейского Просвещения. Радищев представляет собою замечательный случай русского писателя конца XVIII в., который вслед за своими европейскими, прежде всего французскими, собратьями, осмелился публично «пользоваться своим умом без руководства другого». Идеал интеллектуального совершеннолетия не менее дорог Радищеву, чем Канту, о чем с особенной наглядностью свидетельствует его глава о цензуре («Торжок»), где метафорика «совершеннолетия» встречается в развернутом виде. С точки зрения Радищева, цензура была «сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного»; именно

⁶ Курсив автора. Текст в: [Bahg 1996: 9]. Фраза «sapere aude» («имей смелость знать») восходит к одной из эпистол Горация (I, 2, 40). Ср.: «Стиль аргументации в “Путешествии” пронизан духом кантовского определения Просвещения» [Kahn 1997: 48].

цензура виновна в том, «что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут». Если же ребенок всегда будет окружен няньками и опекунами, он «долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка» (с. 79).

Однако реализовать на деле идеалы Канта и вообще европейского Просвещения в конкретных условиях XVIII в. могло оказаться рискованным делом. Если бы Радищев в своей книге продемонстрировал интеллектуальную автономность «совершеннолетнего», освободившегося от всех «няnek и опекунов» индивида только по отношению к литературе или моральной личности путешественника, публикация его книги осталась бы без неприятных последствий. Однако главными в радищевской книге являются не эти «невинные» темы, а вопросы общегосударственной значимости, такие, как крепостное право, не говоря уже о тех местах «Путешествия», которые могли восприниматься как нападки на высочайшую особу императрицы.

Необходимо отметить, что положение крепостного крестьянства стало предметом резкой критики в русской литературе еще до Радищева, например, в новиковских журналах, в «Недоросле» Фонвизина и т. д. Кроме того, за год до «Путешествия», Радищев опубликовал свое «Житие Федора Васильевича Ушакова», книгу, в которой можно было найти несколько рискованных в политическом отношении фрагментов, которые и вызвали возмущение среди читателей [Семенников 1974: 30—31]. Однако и в этом случае правительство молчало и не прибегало к репрессивным мерам, тем самым оставаясь верным просвещенным принципам свободного слова, провозглашенным в екатерининском «Наказе» [Екатерина II 1893: 158 (§ 484)]⁷.

Правда, в течение 1780-х гг. в России намечалось уже какое-то ухудшение либерального до этих пор климата — начались гонения на масонов и в начале 1788 г. фонвизинский журнал «Друг честных людей, или Стародум» был запрещен цензурой. Тем не менее Державин, чья искренность, даже в панегирических стихотворениях, не вызывает сомнений, счел возможным восхвалять политическую терпимость императрицы еще в 1789 г., в стихотворении «Изображение Фелицы». Екатерина здесь превозносится за то, что даровала своим подданным «свободу мыслить» и право критиковать свои законы. Прибегая к обыкновенному одическому приему, Державин заставляет Екатерину милостиво обратиться к своим подданным с такими словами: «Даю вам

⁷ Екатерина тут высказывается в пользу сдержанной реакции государственной власти по отношению даже к «сочинениям очень язвительным», обращая внимание на «ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение: а сие ни чего инаго не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого, и охоту писать отнимет».

право (...) / Читать и знать мои законы / И в них ошибки замечать» [Державин 1868: 192—193, строфа 13]⁸.

Однако после французских событий 14 июля 1789 г., после взятия Бастилии, возникла новая ситуация и в России. В дополнение к этому, ранним летом 1790 г., когда появилось радищевское «Путешествие», страна находилась в трудном положении⁹: она воевала одновременно и со Швецией, и с Турцией, и в Зимнем дворце можно было в первые дни июня слышать гром пушек от морского сражения между шведским и русским флотом. К этой внешней опасности присоединились внутренние проблемы: немало подданных роптало под тяжестью налогов и рекрутчины. Именно в эти тревожные дни радищевское «Путешествие» попало в руки Екатерины. Для благожелательного восприятия книги со стороны императрицы это была крайне невыгодная ситуация. Как известно, возмущенная реакция Екатерины документирована частыми замечаниями на полях ее экземпляра «Путешествия».

Публикуя свою книгу, Радищев сделал очень значительный шаг — он отказался от роли послушного подданного и публично затронул вопросы, обсуждение которых в условиях абсолютной монархии считалось делом не партикулярных лиц, а властей [Koselleck 1959]. Мало того: на глазах читающей публики Радищев ставит императрицу перед фактом очень резкой критики ее правления, предполагая при этом интеллектуальное равенство под знаком критического разума. Из главы «Спасская Полесь» явствует, как именно Радищев представлял себе такую конфронтацию. В этой длинной и композиционно перегруженной главе между прочим предсказывается появление некоего человека с «твердым сердцем», подобный которому «едва един в целом столетии явится на светском ристалище». Эта пророческая фигура, с которой Радищев явно отождествляет себя, происходит «из среды народных», т. е. речь идет не о вельможе, а об обыкновенном по социальному положению человеке, скорее всего дворянине. «Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета», он выступит перед царем, «порицая» его дела. В свою очередь, царю преподается, как вести себя с таким критиком: он не должен его казнить как «общего возмутителя», а, напротив, ласково пригласить его к себе и угостить, «да возвратившись возможет он паче и паче глаголати нельствию» (с. 25).

Читая этот пассаж в наши дни, нельзя не удивиться наивности Радищева, наивности, которая получает хотя бы частичное объяснение в репутации Екатерины как просвещенной правительницы. Радищев явно не понимал фунда-

⁸ Подробности о политическом контексте публикации радищевской книги см.: [Сухомлинов 1889: 561 и сл.].

⁹ О политических предпосылках рецепции радищевской книги см.: [Lang 1959: 126 ff.]; автор приводит депеши французского посланника Эдмона Женэ.

ментальной противоречивости «просвещенного абсолютизма», не понимал, что с точки зрения абсолютного монарха интересы просвещенной гуманности, с одной стороны, и интересы государственной власти, с другой, не всегда совпадают¹⁰. В первой половине 1790 г. для Екатерины настал именно такой кризисный момент, в который сохранение собственной власти превалировало над всеми остальными соображениями.

Таким образом, надежда Радищева на благосклонное восприятие императрицей критики ее правления не оправдалась, и при этом самым печальным образом. В это время, в мае—июне 1790 г., когда Екатерина читала радищевское «Путешествие», она уже не была готова принимать роль просвещенной монархини, отказываться от своей монополии политической мысли и признавать в своих подданных «совершеннолетних» граждан. На главу «Спасская Полесь» она реагирует злобно-саркастическим замечанием: «Птенцы учат матку»; в другом месте она гневно говорит о «редкой смелости» автора, рассуждения которого она возводит к «криминальному намерению», характеризуя их как «совершенно бунтовские» [Freiherr von Aretin 1974].

«Виновность» Радищева заключалась в том, что он в своей книге претендовал на роль «совершеннолетнего» человека и гражданина. Это как раз тот пункт, в котором он во время своего процесса оказался неверным самому себе. На многочисленных допросах, которым он подвергался после ареста, Радищев постоянно демонстрирует свою готовность покаяться, снова и снова отказываясь от роли автономно мыслящего субъекта и возвращаясь к смиренной роли подданного, который ограничивается узкими пределами своего партикулярного мира и предоставляет заботу о политических вопросах учрежденным властям. Постоянно обвиняя самого себя в «дерзости» и преступной «смелости», Радищев вместе с языком абсолютной власти перенимает и ее нормативную перспективу. Заметим, что в устах Канта понятие «смелости» имело другое, положительное значение: «sapere aude!» — «имей смелость знать!». Так, в одном из своих письменных показаний кающийся Радищев сомневается в возможности оправдать перед императрицей «[с]только дерзкое сочинение» как свою книгу [Ibid.: 169]. В своем ответе на вопрос следователя, почему он критикует правительство, Радищев говорит о «злоупотреблениях, о которых судить, признаюсь, не мое было дело» [Ibid.: 175]. В другом показании он опять допускает, «что не мое дело было судить» о вопросах государственного управления, умоляя «всещедрейшую государыню» помиловать его [Ibid.: 170].

Все это, конечно, противоречит тем стоическим идеалам, которые проповедует сам Радищев в «Путешествии», прежде всего в главе «Крестьяцы»

¹⁰ Ср., например: [Freiherr von Aretin 1974].

[McConnell 1964: 190]. Однако нужно понимать его ситуацию [Ibid.: 202 и сл.]. В противоположность позднейшим представителям революционного подполья, вроде Чернышевского или Веры Засулич, Радищев, исполнительный чиновник, коллежский советник и кавалер ордена Св. Владимира четвертой степени, не был профессиональным революционером (другой вопрос, был ли он вообще революционером [Семенников 1974]). За полным отсутствием революционной традиции, в России XVIII в. не существовало разработанного кодекса поведения в условиях политического ареста. Радищев также не был членом какой-то оппозиционной группы, на солидарность которой он бы мог опираться во время своего процесса. Правда, в последние годы екатерининского режима было не так уж мало недовольных политической обстановкой в стране [Jones 1984: 34—51], но они не образовали еще никакого оппозиционного социума, не было оппозиционной «партии». Таким образом, в своей конфронтации с государственной властью Радищев-диссидент был полностью изолирован. Как мы знаем из его письменных показаний, его к тому же мучила мысль о своих малолетних детях, на которых он навлек беду своим необдуманым или, если угодно, героическим поступком, не говоря уже о специфической обстановке в казематах Петропавловской крепости и о психологическом давлении, производимом на него как арестанта следователем такой страшной репутации, как Шешковский.

Таким образом, можно предположить, вслед за академиком М. И. Сухомлиновым, работа которого о Радищеве до сих пор еще не потеряла значения, что покаяние, демонстрируемое Радищевым во время процесса, соответствовало его настоящим чувствам в данной ситуации [Сухомлинов 1889: 597]. Однако его покаяние не было всеохватывающим: если Радищев тогда отказался от автономности критического разума, он все-таки не отступил от позиций, которые, по-видимому, были еще более важными для него, — таких как, прежде всего, убеждение в несносном положении русских крестьян в условиях крепостного права.

Литература

- Бабкин 1952 — *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952.
Гуковский 1936 — *Гуковский Г.* Радищев как писатель // А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л. 1936. С. 143—192.
Гуковский 1939 — *Гуковский Г. А.* Радищев // *Гуковский Г. А.* История русской литературы XVIII века. М., 1939. С. 425—470.
Державин 1868 — *Державин Г. Р.* Сочинения. Подг. Я. Грот. Т. 1. СПб., 1868.
Екатерина II 1893 — *Екатерина II.* Наказ ея императорскаго величества Екатерины Вторыя самодержицы всероссийския данный комиссии о сочинении проекта новаго уложения. СПб., 1893 (репринт изд. СПб., 1770).

- Западов 1992 — *Западов В. А.* История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 475—623.
- Клейн 2005 — *Клейн И.* Литература и политика: Комедия Фонвизина «Недоросль» // *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 478—488.
- Кулакова, Западов 1974 — *Кулакова Л. И., Западов В. А.* Путешествие из Петербурга в Москву: Комментарий. Л., 1974.
- Лехтблау 1940/1983 — *Лехтблау Л. Б.* Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. Лейпциг, 1983 (репринт изд. М.; Л., 1940). С. 226—256.
- Пушкин 1978 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л., 1978.
- Радищев 1992 — *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992.
- Семенников 1974 — *Семенников В. П.* Политический облик Радищева // *Семенников В. П.* Радищев. Очерки и исследования. Лейпциг, 1974 (репринт изд. М.; Пг., 1923). С. 25—82.
- Сухомлинов 1889 — *Сухомлинов М. И.* А. Н. Радищев // *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889.
- Bahr 1996 — Was ist Aufklärung? Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Thesen und Definitionen / Hrgb. E. Bahr. Stuttgart, 1996.
- Fieguth 1990 — *Fieguth R.* Zum Stil des Erzählberichts in A. N. Radischevs «Reise». Versuch der ästhetischen Lektüre eines «langweiligen» Buches // *Semantic Analysis of Literary Texts* / Ed. by E. de Haard etc. Amsterdam, 1990. S. 153—182.
- Freiherr von Aretin 1974 — Der aufgeklärte Absolutismus / Hrgb. K. O. Freiherr von Aretin. Köln, 1974.
- Jones 1984 — *Jones R. E.* Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth-Century Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Bd. 32. 1984.
- Kahn 1997 — *Kahn A.* Self and Sensibility in Radishchev's «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu»: Dialogism and the Moral Spectator // *Oxford Slavonic Papers. New Series.* Vol. 30. 1997. P. 40—66.
- Koselleck 1959 — *Koselleck R.* Kritik und Krise. Ein Beitrag zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. Freiburg, 1959.
- Lang 1959 — *Lang D. M.* The First Russian Radical. Alexander Radishchev. 1749—1802. London, 1959.
- McConnell 1963 — *McConnell A.* Soviet Images of Radishchev's «Journey from St. Petersburg to Moscow» // *Slavic and East European Journal.* T. 7. 1963. P. 9—17.
- McConnell 1964 — *McConnell A.* A Russian «Philosophe». Alexander Radishchev (1749—1802). The Hague, 1964.
- Reyffman 1990 — *Reyffman I.* Vasilii Trediakovsky. The Fool of the 'New' Russian Literature. Stanford/Cal., 1990.
- Thiergen 1973 — *Thiergen P.* Der 'proömiale Eingang' von Radiščevs «Reise» // *Zeitschrift für Slavische Philologie.* Bd. 37. 1973. S. 101—116.
- Uffelmann 1999 — *Uffelmann D.* Radiščev lesen. Die Strategie des Widerspruchs im «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu» // *Wiener Slawistischer Almanach.* Bd. 43. 1999. S. 5—25.

АНТИМАСОНСКИЕ КОМЕДИИ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Манфред Шруба
Мюнстерский университет

1

В 1785—1786 гг. императрица Екатерина II сочинила подряд три комедии: «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман сибирский». Пьесы были тогда же опубликованы и поставлены на сцене. Очевидная тематическая связь этих произведений заставила редактора однотомного собрания сочинений царицы [Екатерина 1893] выделить эти пьесы из числа «комедий нравов» и объединить их под особой рубрикой «комедий против масонства».

Императрица сама задумала антимаасонские комедии как некое единое целое. Известна ее приписка к черновому автографу «Шамана сибирского», в которой герой пьесы отождествляется с главным персонажем «Обманщика»: «Шаман есть тот же обманщик Калифалкжерстон» [Екатерина 1901: 415]. О том, что по авторскому замыслу комедии непосредственно связаны друг с другом, свидетельствует и то обстоятельство, что Екатерина велела издать их в переводе на немецкий язык под общим заглавием «Drey Lustspiele wider Schwärmerey und Aberglauben» (Berlin; Stettin, 1788). Для слова *Schwärmerey* словарь И. Я. Павловского предлагает — наряду с не подходящими здесь мечтательностью и гуляньем — в религиозных контекстах фанатизм, мистицизм и экстаз [Павловский 1888: 1160]. Сама Екатерина употребляет в «Обольщенном» слова *суетумудрие* и *суетумствование* [Екатерина 1990: 313, 335], явно подразумевая именно *Schwärmerey*, в связи с чем заглавие немецкого сборника антимаасонских пьес можно перевести как «Три комедии против суетумудрия и суетверия».

Возникает вопрос о статусе этих произведений как единого целого. По отношению к данным комедиям применялось понятие «trilogy» [O'Malley 1997: 224]. Следуя определению [ЛЭС: 445], термин «трилогия» подразумевает «лит(ературное) произв(едение), состоящее из трех самостоя(ельных) законченных произв(едений), объединенных сюжетной преемственностью и идейным замыслом автора». В другом месте этого словаря трилогия названа

видом литературного цикла («Видами Ц(икла) являются *трилогия* и *тетралогия*» [ЛЭС: 492]. Если данное утверждение верно, это означало бы, что каждая трилогия является циклом *per definitionem*.

Между тем в словарных определениях понятия «цикл» подчеркивается, как правило, момент сознательного построения автором отдельных составных частей циклической композиции с целью формирования их глубинной взаимосвязи. Эта процедура призвана образовать новое, семантически и эстетически единое целое, не сводимое к сумме частей. Возникающая смысловая гиперструктура придает, в свою очередь, отдельным частям цикла дополнительное значение и новую композиционную функцию. В отличие от таких понятий, как дилогия, трилогия, тетралогия и т. п., определяемых формально (количеством составных частей), понятие цикла динамично. Циклообразные литературные явления могут обладать различными «степенями интеграции»: «If the degree of integration is sufficiently compelling one may speak of the emergence of a poetic sequence or cycle» [Wroon 2002: 182].

Какова же степень интеграции (циклическость) антимасонских комедий Екатерины? Поискам их взаимосвязей, с одной стороны, и гипертекстуальных смысловых структур, с другой стороны, посвящена настоящая статья. Наш анализ будет, соответственно, состоять из двух частей. Сначала рассмотрим интегрирующие элементы — сюжетно-мотивные и формально-стилистические связи составных частей цикла. Затем попытаемся раскрыть композиционный «сверхзамысел», семантическую архитектуру цикла как единого целого. Следует подчеркнуть, что речь пойдет не об *идейном* «сверхзамысле» — общая дидактическая цель комедий (т. е. борьба с масонством) вполне прозрачна и хорошо исследована, — а в первую очередь о *композиционном* воплощении основной (антимасонской) идеи в ансамбле всех трех произведений.

В качестве интегрирующих элементов в данной работе не рассматриваются формальные, стилистические и сюжетные черты, восходящие к поэтике жанра комедии, к общестилевым особенностям драматургии XVIII в. или к индивидуальной драматической манере Екатерины (т. е. к чертам, общим для всех ее комедий). К этому разряду относится, например, почти одинаковая констелляция персонажей во всех трех пьесах (родители с дочерьми, женихами, расторопными служанками и т. п.), близкая, в частности, к комедии «О, время!» (1772), восходящей в свою очередь к пьесе Х.-Ф. Геллерта «Die Betschwester» («Богомолка»; 1745) [Prohaska 1905; Чебышев 1907]. Общей чертой не только антимасонских пьес, но и драматургии Екатерины в целом является также большой запас шаблонов сюжетосложения. Некоторые из них перечислил в свое время Д. Прохаска:

Наряду с исправлением главного порока происходит всегда параллельное действие, связанное со сватанием. Экспозицию пьесы обычно разворачи-

ют слуги, они же осуществляют завязку интриги. Постоянными персонажами являются молодой жених, в интересах которого действует сват или друг, неразумная полувзрослая девушка, доверчиво отдающая свою судьбу в руки умной камеристки¹.

За вычетом подобных штампов, сопоставительный анализ антимасонских комедий обнаруживает густую сеть совместных элементов — тематические и композиционные параллели, рекуррентные мотивы, характерные стилистические приемы.

2

Нет надобности пересказывать здесь подробно сюжеты комедий. Отметим, однако, их общую композиционную схему: 1) наивные и доверчивые отцы семейств находятся под влиянием лжеумудрецов-обманщиков; 2) шарлатаны дурачат своих жертв лжеучениями, преследуя корыстные цели; 3) действия злодеев разоблачаются здравомыслящими персонажами; 4) лжеумудрецы-обманщики задерживаются полицией; 5) наивные и доверчивые отцы семейств отказываются от лжеучений.

Излишне подчеркивать, что за разными личинами лжеумудрецов-обманщиков скрыты масоны (мартинисты, розенкрейцеры), против которых Екатерина вела в середине 1780-х гг. пропагандистскую кампанию [Тихонравов 1898; Семека 1902; Щеголев 1902]. Противники нигде не названы по имени; как явствует из немецкого заглавия, комедии направлены против абстрактного «суемудрия и суеверия»: одновременно в пьесах есть намеки, позволяющие за обобщенными пороками увидеть вполне конкретную мишень Екатерины.

Прозрачный намек на мартинистов содержит одна из начальных страниц первой комедии «Обманщик» (пьесы цит. по изд.: [Екатерина 1990]):

Марья. (...) Господин мой знает, только весьма потаенно... с какими-то людьми... как бишь... Миф... миш... мид... мыть... мяр... март... марты... чуть не сказала с маргышками. Не могу вспомнить (271).

Уничижительное омонимическое сближение слов «мартинисты» и «мартышки» встречается и в «Обольщенном»: служанка Прасковья соглашается

¹ «Neben der Heilung des Hauptlasters läuft immer eine Brautwerbung als Parallelhandlung einher. Die Exposition des Stuckes machen gewöhnlich die Diener, sie sind es auch, welche die Intrigue schürzen. Ständige Figuren sind der junge Bräutigam, für den ein Heirathsvermittler oder Freund auftritt, und der dumme junge Backfisch, der treuherzig sein Schicksal in die Hände der klugen Kammerzofe legt» [Prohaska 1905: 576].

выйти замуж за слугу Тефа при условии: «буде дашь мне подписку, что не пойдешь в мартышки с печальным видом» (338)².

«Обольщенный» изобилует намеками на масонство. Они относятся большей частью к масонской обрядности (ср.: [Соколовская 1915]); речь идет, в частности, об «испытании» при принятии в «наше общество» (321). Служанка описывает церемонию, в которой принимал участие ее барин: «Он и ходил с завязанными глазами; они же над ним делали разные проказы, и меж прочими такие, что я нахохоталась...» (322); оставленные ворами возле вскрытого ящика «долото и молоток» (332) отсылают к обрядовым приборам «вольных каменщиков».

Аллюзии на масонскую обрядность обнаруживаются и в «Шамане сибирском». Есть ссылка на иерархическое построение масонских обществ: «Шаманы тому учатся по степеням... Сей прошел сто сорок степеней» (350); на масонские запови и перевязи намекает следующий пассаж:

Л а й (*шаманскую одежду скидает и садится порядочно на стуле*).
 Б о б и н. Теперь, надеюсь, порядочно говорить будете.
 С и д о р Д р о б и н. Разве к одежде бред привязан? (351)

Как намек на масонские учения можно расценивать также наличие пародийной мистики чисел — упоминание определенных чисел, знаменующих собой мнимое тайное учение. В «Обманщике»: «Качества наши суть количества, аки девятое число с исчислении» (273); «Удивление ваше я предвижу! когда узнаете, что жених дочери должен быть составлен из семи коренных цветов» (285). В «Обольщенном»: «Буде хотите, я уйду и дам время толковать с ним о начальном основании, о шестнадцати коренях, о четырёхстах ветвях» (318). В «Шамане сибирском»: «Сей прошел сто сорок степеней» (350).

Антимасонские комедии Екатерины взаимосвязаны целой системой рекуррентных мотивов. Они касаются в основном лжемудрецов-обманщиков и относятся к их обманным действиям или псевдофилософским высказываниям.

Отрицательные персонажи всех трех комедий совершают мошенничества. В «Обманщике» Калифалджерстон выманивает у Самблина деньги и драгоценности (293) и шантажирует интимного друга его жены Кваркова угрозой разоблачения (281); в «Обольщенном» мнимые друзья Радотова «разломали красный ларец и выняли из него деньги и бумаги и унесли с собою» (331); в «Шамане сибирском» обман сводится к применению мнимого медицинского средства (плацебо), оказавшего, впрочем, лечебное действие (346—347).

² В качестве антимартинистской остроты слово «мартышки» встречается также в одном из публицистических выступлений Екатерины 1786 г. в журнале *Растущий виноград* [Тихонравов 1898: 209].

Глубинным мотором действий лжемудрецов является корыстолюбие. Их махинации имеют своей целью в конечном итоге присвоение чужих денег или драгоценностей. В «Обманщике»: «С а м б л и н (к дворецкому). Поди к городничему, он тебе отдаст мои деньги, кои Калифалкжерстон украл...» (298). В «Обольщенном»: «Д и т я. Они... они разломали красный ларец и выняли из него деньги и бумаги и унесли с собою» (331). В «Шамане сибирском»: «Б р а г и н (*Лаю, показывая ему кошелек с деньгами*). Не угодно ли вам сие? Л а й (*обе руки протягивает вперед*)» (349).

Одинаковым образом во всех трех пьесах решается вопрос о наказании порока: в последних сценах пьес сообщается (без изображения самого действия), что обманщики задержаны полицией. Извещения об аресте почти тождественны. В «Обманщике»: «Они были взяты и приведены к городничему» (297). В «Обольщенном»: «⟨...⟩ встретился со мною Тратов и сказал мне, как весть новую, что взяты под стражи живущие с ним в одном доме Протолк и Бебин...» (333). В «Шамане сибирском»: «Правда ли, что Амбан наш взят под караул?» (377).

Обман не только совершается, но и тематизируется. Значимость понятия «обман» и его коннотационного поля заметна по самим названиям пьес. Данная семантическая группа (включая слепоту, как физическое соответствие обольщения) образует основной рекуррентный мотив антимасонских комедий. Несколько примеров из «Обманщика»: «шарлатанство есть порок того, кто сам себе или вещам приписывает качества такие, коих в самом деле не имеют; оно составлено из обмана и лицемерства» (292); «Обман я ненавижу» (293); «Он уже двукратно обманул вас» (295); из «Обольщенного»: «Я его почитаю обманутым» (312); «От обольщенного человека ожидать, равномерно как от слепого» (313); «Увидит он, да поздно, колико обманут он» (328); члены тайного общества охарактеризованы как «обманщики» (334); из «Шамана сибирского»: «Как-то их умел ослепить!.. либо сами так захотели обмануться!» (346); «Проклятый колдун весь дом обуял. Не верьте ему: он вас обманывает» (355); «Мать в тебе слепа, ее обманывать легко; но я не слеп» (371); «Обманывать, что ли, меня хочешь?» (375); «выманил денег ⟨...⟩ а севодни тот обман открылся» (375); «купеческую жену обманул» (377).

С мотивом обмана тесно связан мотив притворства. Притворяются обманщики Калифалкжерстон и Амбан-Лай, что в соответствующих пьесах изображено посредством пантомимы. В «Обманщике» слово «притворяется» встречается в ремарках, описывающих поведение Калифалкжерстона (274, 293); в «Шамане сибирском» пантомимическое представление Амбан-Лая в роли экстатического жреца охватывает большую часть второго действия (347—351). Поведение этих персонажей в свою очередь тематизируется здравомыслящими героями; Додин о Калифалкжерстоне: «невесть притворяется» (272); «Тут обманщик вздумал паки притвориться, будто беседует с не-

видимкою» (297); служанка Мавра об Амбан-Лае: «Много... много притворяется...» (346).

В «Обольщенном», где в центре внимания стоит не обманщик, а обманутый, мотив притворства отсутствует; он заменен комплементарным мотивом метаморфозы (смены поведения подвергнутой обману жертвы). Если обманщики играют чужую роль, поскольку они притворяются, то обманутые играют чужую роль, поскольку они подвержены метаморфозе. Служанка Прасковья о Радотове: «Барин наш ныне весь переменился: был весел, обходителен, любил ездить по гостям, или дом его людьми наполнен был; недавно сделался он задумчив и отдалается от людей...» (306); Бритягин к своему шурину Радотову: «Как давно не бывал я в твоём доме, ты же переменил образ обхождения» (329).

Наряду с обманными действиями (мошенничеством), антимаасонские комедии объединяет также наличие у отрицательных персонажей обманных высказываний (лжеучений).

Общей чертой псевдофилософских изречений и «мудростей» обманщиков является их пародийно-высокий стиль; этим приемом передаются потуги мошенников прибавить важность своим высказываниям. Псевдовысокий «штиль» лжеучений образован в основном с помощью церковнославянизмов и усложненного синтаксиса. Калифалкжерстон изрекает в «Обманщике»: «Звук гласа смертного поразил слух мой здесь» (272); «Послушайте все и внимайте речи мои; они суть важны, кратки и ясны, влекомы из внутренности сердца моего убедительною просьбою вашею» (285). Герой комедии «Обольщенный» Радотов говорит в стиле своих новых друзей из тайного общества: «Изречение сие я понимаю, аки вмыкающее в себя волю и хотение» (305); «Суетно чинишь вопрос» (312); подобным образом изъясняется и «обольщенная» дочь Радотова Таиса: «От тебя, мой свет, еще сокровенны суть пружины, нами движущие» (316); «нетерпеливо слышать хочу гласа живущих во стихии» (317). В «Шамане сибирском» особый статус речей Амбан-Лая подчеркивается посредством ремарок; шаман говорит «*важно*» (352), «*внятно и важно*» (353), «*тихо и внятно говорит так, что всякое слово вразумительно*» (358); «*внятно, но сквозь нос, или иным голосом, нежели предыдущие строки; NB, ибо всегда ищет удивить неожиданным*» (358).

Схожи общие семантические признаки лжеучений. Типологически различимы осмысленные (принципиально понимаемые) и бессмысленные (принципиально непонимаемые) обманные изречения.

К числу первых относятся «общие места» — либо высокопарные банальности, либо парадоксальные максимы, противоречащие здравому смыслу. Несколько примеров. В «Обманщике»: «В свете точек столько, колико есть на небе звезд» (290). В «Обольщенном»: «болезнь есть благое самое состоя-

ние» (301); «Любопытство подвиг первый есть к узнанию» (316); «Чувства наши обманывают нас» (320). В «Шамане сибирском»: «Знания родились вместе с человеком» (352); «Страсть кистью своей делает начертания на лице всякого человека» (367).

Вторую категорию лжеучений составляют более или менее бессмысленные высказывания лжемудрецов. Это зачастую путанные псевдофилософские рассуждения или псевдомистические прозрения, плавно переходящие от глубокомысленности к откровенной чепухе. В «Обманщике»: «Во время похода Александра Македонского мне было как три противу четырех в рассуждении теперешнего» (275); «тут находятся лучи, пламень, бытие, количество, свойство с сопротивностями, кои воображению и смыслу открывают обширные поля» (284). В «Обольщенном»: «Р а д о т о в (указывая на лоб). Числа обретаются тут (указывая на брюхо); мера пребывания имеет тут (указывая на ноги); весь непременно тут; все от того зависит» (304); «статься может, что когда-нибудь удостоишься получить луч свойств, к семи поясам привязанный» (316). В «Шамане сибирском»: «Свойства наши замыкаются в восторге, в течении, в пропитании, в движении, в теплоте, в горьком корени; любовь и гнев имеют одно основание, как соль, действие, нефть и густота» (352); «Руки и ноги имеют отношения и союз... со произращениями, со животными, с размером и с окружностью» (358).

В случае «Шамана сибирского» невразумительность высказываний Амбуан-Лая переходит в оноματοпоэтическую заумь. Согласно ремаркам, шаман «лает собакою», «мяукает кошкою», «поет петухом» и «клокчет курицею» (349); затем он «поет уууууууу, представляя вой бури», «поет оооооооо, ииииииии, ээээээээ, аааааааа» (350—351). С помощью данного приема пародийный характер лжемудростей доведен Екатериной до предела.

Здравомыслящие персонажи одинаковым образом комментируют изречения лжемудрецов. Они расценивают их как непонятные, вздорные или сумасшедшие.

Многочисленны реплики о непонятности лжеучений. В «Обманщике»: «Я сама не знаю, только когда заговорят они между собою, право мы ничего не разумеем. Если б наш брат так говорил, а не бары, то бы подумать можно было, что бредит, а как бара говорят, то мы знаем, что нам бредом казаться не должно» (271); «Сие я не вовсе понимаю» (273). В «Обольщенном»: «Дочь же вдалася в скучные мудрствования... толкует день и ночь вещи, вовсе для меня непонятные...» (307); «Читал... и читаю тут (...), что ты, брат, бредишь!.. Из ваших книг... ни я и никто... ей... ей... слова не разумеет...» (324); «Таковыми непонятными изречениями ты, мой друг, набит, как подушка пухом» (330). В «Шамане сибирском»: «Что он, матушка, говорит невразумительное? уж не ворожит ли он?» (358).

Вторую группу оценочных высказываний о лжеучениях образуют синонимы понятия «взор» («бесмыслица», «глупость», «бредни», «дурачество» и др.). В «Обманщике»: «говорит он громогласно с отличною смелостью, заставя всякого, аки поневоле или во изумлении внимать речи, хотя в них толку или смыслу равно мало находится. Сие заставляет размышлять, как легко ум людской занимается словами звонкими...» (289); «Удивляюсь вам, сударь, не мало, как, имея разума довольно, вы могли дать веру подобным бредням» (295). В «Обольщенном»: «Голову свернули ему кабалические старые бредни» (313); «Запросто, по-нашему исстари, это взор!...» (316); «Какая небылица!.. сущий взор!...» (327). В «Шамане сибирском»: «Однако сказывают, будто задумчивость бывает кормилица бреда» (343); «Он же слывет и мудрецом... и колдуном... (...) Делая ребячества... (...) Похожие на дурачества» (350).

Наряду с мотивами невразумительности и бессмыслицы антимасонские комедии взаимосвязаны также рекуррентным мотивом сумасшествия. В «Обманщике»: «Невесть с ума сошел, невесть притворяется» (272); «Сие похоже на сумасшествие» (273); «с ума сойдет» (286). В «Обольщенном»: «Опасение, братец, я имею, чтоб муж мой не сошел с ума!» (300); «буде он еще не сошел, то скоро уже последнего ума лишится!...» (302). В «Шамане сибирском»: «На него находит и болезнь... и притом, по-нашему, и сумасшествие!...» (346); «Сумасшедший человек!» (350); «Это будет дело сумасшедшее» (366); «полумудрый мудрец» (361).

Во всех трех комедиях встречается любопытный прием реализации метафоры, с помощью которого дискредитируются напыщенные аллегории лжемудрецов. Дословное, наивное понимание метафорических изречений здравомыслящими персонажами образует комический контраст с аллегорическим смыслом метафор. Данный прием окончательно обесмысливает туманные речи лжемудрецов, разоблачает нелепость лжеучений и предаёт их осмеянию. Несколько примеров. В «Обманщике»:

К а л и ф а л к ж е р с т о н. Слава имя нашего пространна.
Д о д и н. Да, имя ваше на бумаге места займет (273).

К а л и ф а л к ж е р с т о н. (...) жених дочери ее должен быть составлен из семи коренных цветов. (...)

М а р ь я (к Софии). Не малое для вас благополучие, что жених ваш будет пестр, как раёк (285).

В «Обольщенном»:

Р а д о т о в. Мы все ежечасно на пути обретаемся!

Р а д о т о в а м а т ь. Какой вздор! когда я дома, тогда я не в дороге. (...)

Р а д о т о в. Я облачился латами...

Р а д о т о в а м а т ь. Ничего не бывало, ты в одном кафтане (304).

Т р а т о в. На пути ли обретается?

Т а и с а. На пути.

П р а с к о в ь я. Через две горницы перешед, сюда пришли. <...>

Т а и с а (к П р а с к о в ь е). От тебя, мой свет, еще сокровенны суть пружины, нами движущие; <...>

П р а с к о в ь я. Какие тут пружины!.. Я, резвясь по огороду, довольно имею движения! (316—317).

В «Шамане сибирском»:

Л а й. <...> Во всяком теле суть привлекательны две силы: одна для стихии, а другая для телес; излечение болезни зависит от изгнания или умножения той или другой.

С и д о р Д р о б и н (Л а ю). Ну, брат, у меня болит рука правая да нога левая... которая же сила тут поместилась? (358)

К указанным группам повторяющихся мотивов можно бы добавить отдельные характерные мотивы, объединяющие две из трех пьес; назовем бегло мотив книги, встречающийся в «Обольщенном» (301, 310, 315, 324) и в «Шамане сибирском» (343, 347, 352, 372), и специфический мотив невидимки (мнимых духовидцев), связывающий «Обманщика» (293) и «Обольщенного» (313, 325).

Итак, при анализе антимасонских комедий Екатерины обнаруживается наличие разветвленной сети одних и тех же рекуррентных мотивов. Степень интеграции (цикличность) составных частей данной трилогии чрезвычайно высока.

3

Какой «сверхзамысел» вырисовывается на фоне этого единого текстурального полотна? Рассмотрим гипертекстуальную смысловую структуру цикла-трилогии — отличительные и одновременно взаимодополняющие (комплементарные) черты комедий.

Мишень всех трех пьес одна и та же — масонство. Чем же они отличаются друг от друга с точки зрения дискредитации масонства? Определим присущие комедиям антимасонские идеологемы на материале лжеучений обманщиков.

Наиболее наглядной комплементарной структурой трилогии является географическое происхождение отрицательных персонажей. Вычурное имя Калифалкжерстон из «Обманщика» сигнализирует о западноевропейском происхождении; предполагалось, что за неточной анаграммой скрыт намек на графа Калиостро [Берков 1977: 290], скандально известного авантюриста, имя которого прогремело в первой половине 1780-х гг. в связи с различными уголовными делами, в первую очередь по делу кардинала Рогана об ожерелье

французской королевы [Тихонравов 1898: 202—203; Строев 1998: 146]. В данном контексте следует также отметить, что среди персонажей «Обманщика» есть и два достаточно нелестно изображенных француза: Роти, малоспособный учитель сына обманутого русского героя Самблина, и мадам Грибуж, «француженка у Софии», его дочери; в одной из последних сцен пьесы сообщается, что «плут» Калифалкжерстон задержан вместе с «плутовкой» мадам Грибуж при попытке совместного побега после совершения обмана (297).

Если первая пьеса, таким образом, получает «антизападнический» уклон, то в «Оболенном» мы имеем дело с группой отечественных русских обманщиков (их имена — Дадякин, Протолк, Бебин и Бармогин).

В «Шамане сибирском» обманщик Амбан-Лай — опять-таки не русский, но на этот раз человек не с Запада, а с Востока. Происхождение шамана тематизируется в начале пьесы:

К р о м о в. Говорит ли он по-русски?

Б о б и н. Достаточно вразумительно.

К р о м о в. Кто он таков родом?

Б о б и н. Он родился на сибирской границе.

К р о м о в. В Сибири?

Б о б и н. Нет, в Китае... от сосланного в Урге Амбана (341).

Там же сообщается, что его «вскормил тунгусский двоюродный брат» и что он «отдан был учиться к мунгальским шаманам» (341). Нелишним будет в этой связи отметить, что восточная, азиатская нерусскость отрицательного персонажа подчеркивалась в первоначальном варианте названия — «Шаман тунгусский» (см.: [O'Malley 1999: 36]).

Таким образом, в плане происхождения лжемудрецов антимасонские комедии Екатерины представляют собой некий триптих — с русской центральной картиной и с нерусскими западным и восточным флигелями.

Какова функция подобного географического распределения отрицательных персонажей? Если не учитывать принцип *variatio delectat* (который здесь, безусловно, тоже играет роль), разное происхождение лжемудрецов корреспондирует с различным содержанием их лжеучений. В связи с общей полемической направленностью трилогии это означает, что Екатерина в каждой из своих комедий ополчается против различных аспектов масонской идеологии.

Чем же различаются лжеучения мнимых мудрецов? Рассмотрим терминологические разновидности лжемудростей и связанные с ними мотивы.

В «Обманщике» злоумышленник Калифалкжерстон пользуется преимущественно понятиями из области умозрительной философии (метафизики, философии познания и натурфилософии): «познание наше обширно, как все-ленная» (273); «Качества наши суть количества» (273); «тут находятся лучи, пламень, бытие, количество, свойство с сопротивностями» (284).

Идеологически значим также комплекс мотивов, связанных с прикладными естественными (псевдо)науками. В «Обманщике» встречаются многочисленные алхимические мотивы. Калифалкжерстон варит для своей жертвы Самблина золото и алмазы; уловка и обман заключаются в том, что мошенник обещает увеличить количество предоставленных драгоценностей, чтобы присвоить себе выманенный товар: «К а л и ф а л к ж е р с т о н . Я малые алмазы перделываю большими иногда для своей забавы» (273). «С а м б л и н . Калифалкжерстон, желая мне помочь в стесненных моих обстоятельствах, варил для меня богатства много; но в один день (*плачет*) котел... котел один лопнул, а другой... другой полетел на воздух!» (295). Прогресс «алхимического опыта» обманщика обсуждается в нескольких местах комедии!

Прикладной лженаукой предстает в «Обманщике» также и медицина (в эпизоде с бестолковыми врачами в начале второго действия): в сатирическом изображении медиков псевдонаучность их начинаний подчеркивается с помощью обильного применения звучной профессиональной терминологии:

Доктор. Подобные пароксизмы подвержены различным обстоятельствам, как о том свидетельствуют Гиппократ, Галиен и прочие древние и новейшие лечебной науки учителя.

Лекарь (*к доктору*). Не прикажете ли ей кровь пустить?

Доктор. Кровь пустить! кровь пустить! Указать, что ли ты мне вздумал? Позабыл ты первое правило нашей науки: то есть где есть доктор, тут лекарь молчи (277).

Доктор. Вы все ничего не смыслите, надлежит ей дать наперед прохладительного, потом очистительного, после чего подкрепительного, затем предупредительного, аки то гипококвана, минеральные воды, бани... и прочее тому подобное (277—278).

Лжеучения в «Обольщенном» тематизируют совсем другой круг понятий. Они касаются не спекулятивной, а практической философии, точнее, этики. Приведем несколько примеров воззрений «обольщенного» Радотова: «Не приводи в движение страсти» (304); «Твердостью преодолеваются искусения...» (305); «Душевное удовольствие предпочтительно всякой иной связи и чувствам. (...) Во внутреннем спокойствии для испытания того, что от глаз наших закрыто» (305—306); «Чувства наши обманывают нас» (320). О своих «друзьях»-обманщиках Радотов сообщает: «Оба они наполнены знанием, просвещением; люди, (...) паче всего — добродетельные» (329).

Вторая группа лжеучений в «Обольщенном» относится к области мистики. Родственники «обольщенных» сообщают об их отвлеченных мудрствованиях: «Таисия (...) сказала, что на каждом листке душок обитает!.. и будто на булавочном конце несколько тысяч умещается!..» (303); «Голову свернули ему кабалические старые бредни; для разобранья каких-то цифров достал он

еврейского учителя, которого он почитает за весьма великого человека» (313). К группе мистических лжеучений можно также причислить опыт заклипания духов и духовидения в четвертом действии (324—326).

Таким образом, размышления и изречения «обольщенных» — обманутых героев второй антимасонской комедии — связаны, во-первых, с вопросами нравственного поведения, во-вторых, с мистическими учениями. Следует отметить, что это мистика западноевропейского типа в духе еврейской каббалы и христианского средневековья; в одной из приведенных выше цитат есть отголосок известного схоластического спора о количестве ангелов на булавочном конце.

В «Шамане сибирском» мистика является доминантной чертой лжеучений Амбан-Лая. Однако это не западная, а восточная мистика. Характерны в этом плане высказывания шамана в следующем диалоге:

Л а й. На что... рассуждать... думать... говорить?

С а н о в. Чем же заниматься?

Л а й. Чем!.. молчанием.

С а н о в. Молчанием?

Л а й. Да... для достижения... небытия... (352)

Здесь для изображения «философии» Амбан-Лая заимствованы элементы буддийской концепции нирваны.

В связи с идейным обликом Амбан-Лая значимы не только его высказывания, но и его поведение. Сквозным мотивом «Шамана сибирского» является состояние экстаза. Поведение шамана в состоянии экстаза изображается в первых сценах второго действия (347—349) и затем неоднократно тематизируется:

Б о б и н (*Санову*). (...) он по временам бывает маленько странен.

К р о м о в. Часто ли то на него находит?

Б о б и н. Когда в думax восхитительных, тогда аки вне себя... Он называет таковое состояние самое счастливейшее и старается до оногo достигать как возможно чаще (348).

Б о б и н (*Кромову*). Не опасайся, он теперь говорит, а не в восхитительных думax, где бывает аки вне себя (358).

Итак, композиционный «сверхзамысел» антимасонского «триптиха» заключается в последовательном распределении идеологем лжемудрецов. В центре внимания «Обманщика» стоит область спекулятивной философии и прикладного естествознания; в «Обольщенном» преобладает терминология из области этики, встречаются элементы западноевропейской мистики; в «Шамане сибирском» акцентирована область восточной мистики и экстатического религиозного опыта.

Идеологемы лжемудрецов дискредитируются вместе с их носителями. Новое естествознание превращается в алхимическое надувательство, новая мораль оказывается лицемерием и пороком, новая мистика оборачивается язычеством и колдовством.

Дифференцированная разработка идеологической подоплеки антимасонских комедий понадобилась Екатерине для всестороннего разоблачения масонства и его ипостасей — мартинизма и розенкрейцерства. Беспокоящее императрицу явление предстает в трехчастном антимасонском цикле, во-первых, как лжефилософия и лженаука, во-вторых, как лжеэтика и лженравственность, и в-третьих, как лжемистика и лжерелигия.

Литература

- Берков 1977 — *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977.
- Екатерина 1893 — Сочинения императрицы Екатерины II: Произведения литературные / Под ред. Арс. И. Введенского. СПб., 1893.
- Екатерина 1901 — Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей / С объясн. примеч. акад. А. Н. Пыпина; Изд. имп. Академии наук. СПб., 1901. Т. 1. Драматические сочинения.
- Екатерина 1990 — Сочинения Екатерины II / Сост. и вступит. ст. О. Н. Михайлова. М., 1990.
- ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. М., 1987.
- Павловский 1888 — *Павловский И. Я.* Немецко-русский словарь. 3-е изд. Рига, 1888.
- Семека 1902 — *Семека А. В.* Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 2. Отд. 2. С. 343—400.
- Соколовская 1915 — *Соколовская Т. О.* Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1915. Т. 2. Репринт: М., 1991. С. 80—117.
- Строев 1998 — *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуну»: Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Тихонравов 1898 — *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 195—215.
- Чебышев 1907 — *Чебышев А.* Источник комедии имп. Екатерины «О, время!» // Русская старина. 1907. № 2. С. 389—409.
- Щеголев 1902 — *Щ.* [*Щеголев П. Е.*]. [Рец. на: Семека 1902] // Исторический вестник. 1902. № 8. С. 618—619.
- O'Malley 1997 — *O'Malley L. D.* The Monarch and the Mystic: Catherine the Great's Strategy of Audience Enlightenment in the Siberian Shaman // Slavic and East European Journal. 1997. Vol. 41. № 2. P. 224—242.
- O'Malley 1999 — *O'Malley L. D.* «How Great Was Catherine?»: Checkpoints at the Border of Russian Theatre // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 43. № 1. P. 33—48.

-
- Prohaska 1905 — *Prohaska D.* Die Vorlage zur Komödie «О, время!» von Katharina II // Archiv für slavische Philologie. 1905. Bd. 27. S. 563—577.
- Wroon 2002 — *Wroon R.* On the Composition of Ippolit Bogdanovič's Lira (Toward a History of the Russian Poetic Sequence in the 18th Century) // Russian Literature. 2002. Vol. 52. № 1—3. P. 181—200.

ФИГУРА НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ПРОПОВЕДИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ю. В. Кагарлицкий

ИРЯ РАН, Москва

Репрезентации монархической власти занимают значительное место в русской проповеди XVIII—XIX вв. Тяготение проповеди к официозу, к имперской церемониальной риторике, к формулированию принципов текущей внешней политики легко объяснимо. Проповедь не была укоренена в великорусском церковном быту и в начале XVIII в. фактически внедрялась приезжими клириками с явного одобрения светской власти. Власть, в лице Петра и его ближайших сподвижников, была заинтересована в дискурсивной практике, которая бы позволила обеспечить идеологическую поддержку реформ со стороны наиболее авторитетного общественного института — церкви. Отвергались притязания церковной иерархии на независимость от государства, окончательно вытеснялись в область народной религиозности и становились проблемой преимущественно полицейской экстагические прозрения, пророческие «тетрадки» и т. д. Основным агентом, опосредующим связь между мобильным, энергичным, лояльным человеком новой эпохи и духовной традицией, должен был стать (и в известной мере стал) ученый монах-проповедник. Гибкие, легко приспособляемые к любой задаче риторические техники использовались для того, чтобы реинтерпретировать новые реалии в традиционном ключе, обосновать те или иные действия с точки зрения церкви, побуждать слушателей действовать тем или иным образом. Не следует, однако, считать проповедника Петровской и последующих эпох просто ловким пропагандистом, как не следует считать и слушателей проповеди простаками, которые в массовом порядке меняли убеждения под впечатлением схоластических игр ученого оратора.

Проповедь не только в содержательном отношении была направлена на решение определенных пропагандистских задач. Она была по существу дискурсивной и культурной практикой нового типа, предполагавшей перестрой-

ку всей системы взаимосвязей между светским и духовным в культуре. Дискурс, опиравшийся на авторитетную топику духовной традиции и организованный как обращение пастыря к пастве, оказывался в то же время официальной ораторской практикой, частью государственного церемониала. Соответствующим образом формировалась и ответная реакция слушателей. Дворянин, военный, чиновник, служилый человек, житель столицы или крупного губернского города воспринимали проповедническое слово на фоне стремительно меняющейся повседневности. Они двигались вверх по карьерной лестнице, ежедневно принимали десятки решений. Традиционные же формы духовности предполагали стабильность жизненного уклада, использование готовых решений, настороженное отношение к инновациям. Возникал нравственный диссонанс, который, думается, и призвана была разрешить проповедь. Влиятельный клирик, часто иерарх, предлагал своим слушателям решение, одновременно избавляя их и от необходимости выработать нечто подобное самостоятельно, и от моральной ответственности.

Нет ничего удивительного в том, что русская проповедь часто обращалась к образам самодержавной власти, так или иначе обсуждая проблемы соотношения должного и сущего в политической сфере. В первую очередь внимание сосредотачивалось на носителе верховной власти — монархе. Проповедники посвящали панегирические речи конкретным царствующим особам, восхваляли их индивидуальные качества, говорили о божественном происхождении монархического строя и христианском долге подчинения богоустановленной власти. Естественно, монарх был центральной фигурой в различных репрезентациях верховной власти. В достаточно широком массиве текстов и иных фактов культурного сознания может быть выявлен инвариант, который исследователи определили как «сакрализацию монарха в России» [Живов, Успенский 1994]. Мы предпочитаем воздерживаться от подобных целостных характеристик культурного сознания и рассматриваем факты, приводимые В. М. Живовым и Б. А. Успенским, как примеры определенной риторической техники [Кагарлицкий 1997; 1999].

Однако в системе репрезентации верховной власти образ монарха — центральный, но не единственный. Важным аспектом монархического строя является его преемственность, которая обеспечивается заранее оговоренным механизмом передачи власти. Здесь рядом с фигурой верховного носителя власти возникает другая — фигура его преемника или наследника. Именно о том, какую роль играет эта фигура в политико-идеологических построениях русских духовных ораторов XVIII—XIX вв., и пойдет речь в настоящей статье.

В эпоху петровских реформ весьма интенсивно происходило формирование идеологического обеспечения абсолютной монархии. Центральной идеей этой эпохи было всевластие монарха, его право не отчитываться никому в

своих действиях, лапидарно сформулированное в качестве знаменитой юридической максимы, зафиксированной в толковании к артикулу 20 Артикула воинского: «Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен» [Законодательство Петра 1997: 756]. Самодержавный государь объявлялся неприкосновенным для любых критических выпадов; так гласил Артикул воинский, об этом же сообщал своим слушателям Феофан Прокопович. Следует сразу подчеркнуть: этот тезис не был направлен против каких-либо социальных групп, которые хотели бы получить какие-то прерогативы и вольности. Он был направлен, главным образом, против совести подданного — против того комплекса представлений, который связывался с духовной традицией и позволял давать независимую оценку праведности поступков любого человека (не исключая и монарха), допустимости (со)участия в тех или иных проектах верховной власти и т. п. Именно поэтому идеологи петровского абсолютизма, в первую очередь Феофан, стремились переосмыслить достояние духовной традиции, не допустить его использования как автономной нравственной шкалы, поставить его на службу государству. Совесть подданного должна была принадлежать носителю верховной власти, как и его тело. Именно отсюда возникает потребность в центральном доводе Петровской эпохи: не только монархический строй и не только правление конкретного монарха, но каждое его действие непосредственно получает высшую санкцию. Недаром, заявлял Феофан Прокопович, в Св. Писании о царях сказано: «...бóзи єстє, ѝ сынове вышнѧгш всѧ» (Пс. 81: 6).

Однако, как замечал в более позднюю эпоху другой видный проповедник Симон Тодорский, уже в следующем стихе содержится и антитеза: «вѣ же ѧкш чєловѣцы оумираєтє, ѝ ѧкш єдинъ ѿ князѣй падаєтє» (Пс. 81: 7). Говоря об огромной власти царей, Симон резюмирует:

Единаго точію божества не достаєт имъ; со всемъ бо тѣмъ смертніи чєловѣцы суть: того для да сохранятєя высокія ихъ фамиліи, нужду имѣють женитися и посягати, якоже и прочіи чєловѣцы въ семь имъ подобніи [Симон Тодорский 1745: 3].

Иными словами, власть самодержца имела важное ограничение — во времени. Монарх был смертен и не был в состоянии продлить свою власть за пределы своего земного существования. Именно поэтому он вынужден был заботиться о том, чтобы обзавестись наследником.

Если для идеологов абсолютной монархии смертность царя — досадный недочет в целом безупречной конструкции, то для адептов духовной традиции это обстоятельство представляет собой важный элемент миропорядка: со смертью монарха в земные судьбы вторгается вечность, в действия земного монарха — воля Царя Небесного. Преждевременная же смерть неправедного властителя могла рассматриваться и как личное наказание ему, и как избав-

ление подданных от его гнета. В этом контексте фигура наследника приобретает двоякий характер. С одной стороны, наследник — продолжатель дела наследодателя, тот, кто распространяет волю наследодателя за пределы земного бытия последнего. С другой стороны, он же олицетворяет перспективу (сомнительную, проблематичную или вполне вероятную) смены курса, которая одними может рассматриваться как измена делу предшественника, а другими — как возвращение к тем идеалам праведности и благочестия, от которого отступились в предыдущее царствование.

Для русского проповедника начала XVIII в. — украинского ученого монаха, приехавшего в набирающуюся сил молодую империю, — наследственная абсолютная монархия была оптимальной моделью государственного устройства. Стабильный механизм передачи верховной власти по наследству в российском централизованном государстве казался этому проповеднику предпочтительнее рыхлых властных институтов Польши или политической неформальности Украины. Феофан Прокопович в проповеди, сказанной им по случаю рождения сына Петра и Екатерины Петра Петровича, сводит воедино основные доводы в пользу наследственной монархии. Согласно Феофану, поскольку заранее известно, кто получит верховную власть, на этой почве не возникает раздоров и междоусобиц. Проповедник сравнивает царского сына с купеческим: первый, подобно второму, от младых ногтей обучается своему ремеслу, учится беречь государство, как берегут семейное достояние. Не последнюю роль играет верность заветам наследодателя, которую скорее сохранит наследник, нежели избранный властитель:

Къ томужь по избранію увѣнчанный [бываетъ то по злострастію человѣческому] что дѣла антецессора своего, будутъ ли вредная не исправляеть, будутъ ли полезная отмѣняеть; тѣмъ и симъ оному укоризну а себѣ славу стяжавая. Вопреки наслѣдникъ погрѣшенія родительская отлагаетъ, яко свой собственный порокъ, потребныя же родительскія уставы паче утверждаетъ, яко свою истую похвалу [Феофан Прокопович I: 105].

Характерно, что эту пространную апологию наследования престола по рождению произносил тот, кто спустя всего несколько лет стал главным идеологом нового порядка престолонаследия, введенного Петром. Можно было бы упрекнуть Феофана в беспринципности, однако в данном случае все несколько сложнее. Произнося цитированную проповедь, оратор уже прекрасно понимал всю тонкость вопроса о Петровом наследстве. Похвалы новорожденному Петру Петровичу расточались еще до рокового «дела» царевича Алексея. Поэтому, с одной стороны, дается понять, что появился на свет истинный наследник царя-преобразователя; с другой — старший сын Петра никакому порицанию не подвергается. В заключительной части проповеди Феофан по очереди обращается ко всем членам царствующего дома, призы-

вая их радоваться прибавлению в семействе; не забывает он при этом и Алексея. Поскольку невозможно при двадцатилетнем старшем сыне, живом, не отречься, общепризнанно законном наследнике, напрямую утверждать, что царем станет новорожденный младенец, Феофан использует обтекаемое выражение «Сын Царский» и так же обтекаемо рассуждает и о судьбах царского потомства:

...вѣсте сами, и совершенно вѣсте, что Сыны Царскїи не такъ родителемъ своимъ, яко всему народу, всему своему отечеству¹ раждаются: на ихъ утверждаются надежды наша, отъ оныхъ ожидаемъ, еже не имѣемъ, отъ оныхъ, еже имамы, продолженїя, умноженїя и утвержденїя надѣмся [Феофан Прокопович I: 100].

Таким образом, проповедник намекает (не говоря об этом прямо) на великую участь еще не обретшего дар слова младенца. Бессловесный ребенок воплощает собой надежду и одновременно лишен атрибутов, которые могли бы сделать его оппонентом отцу. Он вызывает умиление своим несоответствием громадным задачам, которые будут поставлены перед ним в дальнейшем. В 1717 г. для торжественной встречи Петра, возвращающегося из очередной длительной отлучки, Феофаном были написаны речи от имени Петра Петровича и от имени Анны и Елизаветы. В речи, которой, по мысли оратора, «двоелетный младенец аки своими усты приветствует» своего державного отца, говорится:

Усрѣтая Величество твое Пресвѣтлейшїй Родителю, жалуясь на натуру мою, яко не поспѣшившую устроить мнѣ органы тѣлесныя, имиже быхъ возгласилъ тебѣ душевное усердіе. Играетъ сыновняя любовь на приходъ отеческїй, но радость орудїя своего не имѣть, есть въ сердцѣ избытокъ, но не глаголють уста. О скудости твоея возрасте мой! Како недоволенъ еси къ толикому веселїю во время всенароднаго къ Царю своему привѣтствїя? Первый азъ въ желанїи, послѣднїй въ словѣ обрѣтаюся [Феофан Прокопович I: 167—168].

Далее сын Петра трогательно сетует на долгое отсутствие любимого родителя, но выражает понимание того, что это отсутствие связано с важными государственными делами. И наконец, он мечтает о том моменте, когда сможет принять участие в этих делах:

О дабы скоро прелетѣли отроческїя лѣта мои! Еже бы возмощи мнѣ за тобою и съ тобою теци путь твой, родителю державнѣйшїй! [Феофан Прокопович I: 169]

Завершается речь призывом к Петру, в котором ясно звучит идея династической преемственности:

¹ В издании опечатка: отечетсву.

Но въ твоихъ еще рукахъ держи сей всероссійскій Монархо! Держи сей побѣдительною десницею, дондеже и моя подражаніемъ дѣлъ твоихъ силна и крѣпка въ державѣ явится, дондеже малаго Петра твоего покажетъ Богъ достойна вторымъ по тебѣ нарецися Петромъ [Феофан Прокопович I: 169—170].

Те же мотивы умиления невинным младенцем и одновременно предвидения его великой судьбы звучат и в речи, сказанной Феофаном по поводу объявления Петра Петровича наследником престола в 1718 г.:

Тебѣ ли, о краснѣйшій цвѣте благородія царскаго! Наслѣднице всероссійскаго престола! познаѣши ли, что уготова судбами своими царь вѣковъ? ошущаеши ли, колкое иго и бремя царскаго всенароднаго правленія имать на тя возложится? Нынѣ яко младенец млекою питаешися; но предлежитъ ти и крѣпчайшія пищи вкусити : Нынѣ токмо перстомъ прикасаешися, усердствуя подражаніемъ дѣлъ въ слѣды Пресвѣтлѣйшаго Родителя твоего внити; по семь и всецѣлый всероссійскія державы кругъ сподобимся зрѣти ты содержаща, его самага въ тебѣ удостоимся видѣти, и дѣла его прославляти [Феофан Прокопович I: 232].

Однако политическая жизнь России начала XVIII в. знала и другой образ наследника — взрослого, сформировавшегося человека с присущей ему системой воззрений и человеческих пристрастий. В последующей историографии утвердился миф о царевиче — убежденном противнике преобразований, заговорщике и изменнике. Но как бы ни относиться к конкретным делам и поступкам Алексея Петровича, можно сказать, что противостояние между ним и отцом было почти неизбежно: слишком очевидную угрозу представляла собой для петровского проекта сама фигура совершеннолетнего наследника. Исследователь символики и церемониала русской монархии проницательно указывает: система метафор и панегирических отождествлений «создала образ монарха, ничем не обязанного прошлому» [Уортман 2002: 96]. В этой ситуации наследник невольно должен был воспроизводить оставленные ему в наследство трафареты: стремясь в соответствии с желанием Петра подражать ему, он вынужден «дистанцироваться от нового порядка и овладеть тем же родом разрушительной силы» [Там же: 98].

Критическим потенциалом фигуры наследника в полной мере воспользовался Стефан Яворский, когда выступил со своей известной проповедью «О соблюдении заповедей Божіих». Проповедь была произнесена 17 марта 1712 г. и вызвала возмущение сенаторов и гнев Петра: в тексте справедливо усматривали выпады против Петра, его личного поведения и некоторых аспектов его политики. Большая часть проповеди имеет назидательный характер и призывает слушателей к соблюдению заповедей Господних. В назидание вкраплены критические выпады: критике подвергается институт фискалов, обличается некий «законопреступный» (не соблюдающий заповедей)

человек, в котором узнавался Петр. Проповедь завершалась обращением к св. Алексею человеку Божию, включающим, в частности, знаменитый пассаж, многократно упоминавшийся в исторической литературе:

О́ згодниче бжні не забѣди і тезоименника твоего (...) асовинного заповѣден бжніхъ хранителя. і твоего приисправного послѣдователя. ты остави еси домъ свой, о́ такоже по чужимъ домамъ скитаецца, ты удалиси еси о́ родителей, о́ такоже, ты лишень о́ раба слѣгъ и поданыа дрѣговъ сродниковъ знаемыа онъ такоже. ты члѣкъ бжні, онъ такоже истинны раа хрѣтовъ, молниа бѣшъ свѣтъче бжні покрыи своего тезоименника ншѣ единѣ надеждѣ, покры его в крове крыи твоихъ яко любящего своего птенца. яко зѣннцѣ о́ всакого зиа со- людн невредимо : дай намъ видѣти его воскорѣ всакиа бѣгополѣчнѣ изобилѣюща, і егоже ннѣ тѣшиса воспоминаеннѣ дай возрадоватиса счастливыа і превѣделенныа присѣствнѣ [Живов 2004: 281].

Сопоставление царевича и тезоименного святого было типичным для барочной панегирической проповеди (о традиции сопоставления царя Алексея Михайловича с св. Алексеем человеком Божиим см.: [Сазонова 1978: 103—104]). Стефан остроумно указывает на сходство жизненных путей святого и царевича: пристрастие к благочестивой жизни, странствия по чужим домам (хотя, как мы знаем, главное «странствие» у Алексея Петровича было впереди), удаленность от родных и близких. Сравнение оказывалось весьма убедительным; добровольный уход из родного дома св. Алексея предвосхищал желание царевича (об этом не говорилось прямо, но на фоне всей предыдущей проповеди легко угадывалось) участвовать в богопротивных замыслах его родителя. Таким образом, Петру был намеком брошен двоякий укор — и в отсутствии родительских чувств к своему чаду, и в несправедливой жизни, отталкивающей благочестивого наследника.

Нет никакого сомнения, что Стефан использовал тему и возможности проповеди для критики правящего монарха. Однако в этой критике проповедник мог опереться только на одного человека — на того, кто волен установить временной рубеж всевластия Петра. Если долгожданный преемник — младенец — воплощал собой одну сторону наследственной власти, распространяя волю смертного монарха за грань земного бытия, то взрослый наследник напоминает своему наследодателю о том, что никому не дано перейти эту грань. Образ первого еще обобщен и лабилен, ему можно приписать любое содержание, которое пришлось бы по вкусу августейшему отцу и его окружению; образ второго так или иначе связан с личными качествами и предпочтениями, он имеет конкретные личностные черты, проступающие даже в панегириках. Характерно, что фигура наследника-ребенка слабо связана с системой сакральных образов и складывается из традиционных дет-

ских атрибутов: слабости, невинности, незащитности — и традиционных атрибутов державной власти. Фигура же взрослого наследника чаще сближается с персонажами сакральных текстов: Стефан сближает Алексея с тезоименным святым, противники царевича — с Авессаломом². Можно сказать, что ребенок еще воплощает собой чистую надежду на будущее, тогда как взрослый царевич уже связывается в общественном сознании с серией авторитетных общих мест и персонажей, за каждым из которых закреплен свободно избранный и в то же время достаточно жесткий поведенческий сценарий. Этот сценарий самодостаточен, он в той или иной степени идет вразрез с любыми пожеланиями державного «антецессора» и верной ему элиты. Именно наличию у реального лица такого жесткого сценария и соответствует в проповедническом дискурсе (и взаимодействующих с ним дискурсивных практиках) систематическая практика сближения этого лица с персонажем священной истории. Св. Алексей Римский оценивается традицией положительно, Авессалом — сугубо отрицательно, однако оба они включены в длинную череду героев и антигероев, делающих собственный выбор и заставляющих других с этим выбором считаться³. Это независимое, мужское, активное, авторитарное (в широком смысле) начало не могло не присутствовать в любой репрезентации взрослого наследника, вызывало огорчение и раздражение у его предшественника, беспокойство и страх у представителей элиты.

Таким образом, в ораторской практике русских проповедников начала XVIII в. складываются две модели репрезентации наследника престола — наследник-ребенок и наследник-взрослый. Верхушка российского социума этой эпохи явно отдавала предпочтение первой перед второй. Собственно говоря, этот выбор шел вразрез со стереотипами политического мышления правящей элиты предшествующего столетия. В период между Смутным временем и началом царствования Петра I наличие взрослого, совершеннолетнего наследника, по-видимому, оценивается положительно, поскольку позволяет наде-

² В проповеди по случаю заключения мира с Швецией Феофан Прокопович говорит о Петре: «Было ужé на него востаніе, и Каиново на брата; и Авессаломово на родителя, и Исмаилово на свободаго, и Симеево на Государя, и Иудино на Христа Господня» [Феофан Прокопович II: 90]. Ср. в петровском указе о престолонаследии: «Понеже всем ведомо есть, какою авессаломскою злостью надмен был сын наш Алексей...» [Законодательство Петра 1997: 61].

³ В этой связи кажется уместным упомянуть об общей тенденции образов культурного сознания Петровской эпохи предвосхищать реальные события [Успенский 1994: 57; Живов 1996: 126—127]. В 1712 г. Алексей действительно находился в отлучке, однако эта отлучка в то время никак не была связана с его осознанным противостоянием Петру. Сравнение с Алексеем человеком Божиим поставило царевича в ряд людей, совершающих свободный выбор вопреки воле родителей и их окружения.

яться на жесткую центральную власть и усмирение противоборствующих группировок; напротив, несовершеннолетний царевич вызывает тревогу: он может стать игрушкой в руках кланов или (что практически то же самое) привлечь на себя обвинения в этом (вспомнить хотя бы стрелецкий мятеж 1682 г.). Подобные опасения не были изжиты петровскими царедворцами; так, П. А. Толстой после смерти Петра призывал учитывать их при решении вопроса о верховной власти в стране [Соловьев IX: 541]. Однако начало XVIII в. было ознаменовано существенными сдвигами в сознании правящей верхушки; сильный монарх ассоциировался теперь не с поддержанием равновесия, а с жесткой, последовательно проводимой политикой, требующей от сторонников абсолютной лояльности, а от противников — полной и окончательной сдачи позиций. Это делало врагами взрослого наследника большую часть тех, кто достиг высокого уровня в иерархии предыдущего царствования.

В последние годы царствования Петра намечается еще один образ наследника престола — супруга царствующего монарха. Хотя Петр не оставил завещания, по которому Екатерина являлась бы законной наследницей, его действия позволяли предполагать, что он думал об этом. Во всяком случае уже коронация Екатерины в 1724 г. (идущая вразрез с традицией) была в глазах некоторых шагом в этом направлении. Именно фактом коронации и помазания в манифесте от Синода, Сената и генералитета обосновывается переход власти к Екатерине. С. М. Соловьев указывает: «Коронование Екатерины было выставлено как назначение ее наследницею престола по закону от 5 февраля» [Соловьев IX: 543]. Можно было бы счесть это чисто конъюнктурным жестом, однако уже в проповеди Феофана Прокоповича в день коронации Екатерины мы обнаруживаем основу аргументации в пользу женской власти, которая потом будет развиваться духовными ораторами при Анне, Елизавете и Екатерине II [Кагарлицкий 2003: 223].

Как бы то ни было, переход власти от монарха к его супруге не был решением основной проблемы: императрица принадлежала к тому же или почти к тому же поколению, что и ее предшественник. В случае с Екатериной I ее правление оказалось слишком кратким, чтобы полностью сложилась новая топика репрезентации верховной власти. При ее несовершеннолетнем преемнике Петре II тема наследника, что естественно, также не успела возникнуть. Между тем, вслед за Петром II, как известно, опять воцарилась женщина. Именно женское царство стало ответом на ту проблему, о которой мы уже упоминали выше. Сформированная петровскими реформами правящая верхушка опасалась «полноценного» монарха — совершеннолетнего, обладающего политической волей и ясно артикулированными намерениями. По замечанию исследователя, «только женщины могли представляться абсолютно верными западному наследию Петра и в то же время избавлять от страха пе-

ред возвращением разрушительной энергии основателя» [Уортман 2002: 100]. Приход к власти полноправного наследника кажется угрожающим; на троне оказывается женщина, мягкая, склонная к компромиссам и перемежающимся симпатиям, а главное — многим обязанная тем или иным группам элиты (какими бы призрачными ни казались порой эти обязательства).

Поскольку легитимного или хотя бы полулегитимного механизма наследования престола женщинами (наподобие прагматической санкции, изданной австрийским императором Карлом VI в 1613 г.) в России не было и так никогда и не появилось, после смерти очередной императрицы ненадолго происходил возврат к мужскому правлению, после чего вновь воцарялась женщина. Сформировался своего рода двухтактный цикл, оборвавшийся только со смертью Павла I.

В царствование каждой императрицы возникает проблема наследника престола. На протяжении всего аннинского десятилетия (на фоне постоянных закулисных игр, интриг, поисков подходящей кандидатуры) фигура наследника отсутствует в системе репрезентации верховной власти. В проповедях Феофана Прокоповича, остававшегося ведущим проповедником эпохи вплоть до своей смерти в 1736 г., царствование Анны предстает как бы простирающимся в вечность. Между тем, некоторые риторические ходы свидетельствуют о том, что в общей картине прославляемого аннинского правления зияла лакуна, которую умелому оратору приходилось камуфлировать. Так, в торжественном слове о взятии Гданьска в 1734 г. Феофан обращается к Анне:

Уподобилъ же Богъ тебе не имянемъ токмо, но и дѣломъ тезоименитой твоей святой Аннѣ Пророчицѣ: можетъ бо многобѣдное вдовство твое соравниться вдовственному ея многолѣтїю, а какъ со оною, такъ и съ тобою быть милостивый Господь, въ скорбѣхъ сохраняя вамъ благодать свою по имени вашему: оную сподобилъ дожидатися видѣти пришествїе во плоти Хрїста своего: тебѣ благоволилъ и родитися во Хрїстѣ, и Хрїстовой титлы, (о чемъ нынѣ радуемъ) получитьи участїе [Феофан Прокопович III: 49].

Феофан использует испытанную игру слов: «Христ(ос)» (греч. *χριστός*) как «помазанник» и «Христос» как имя собственное. Напрямую назвать Анну «христом» он все-таки не решается. Анна, по его выражению, получает участие «Христовой титлы». Сопоставление было бы гораздо более естественным, если бы у Анны был наследник; тогда можно было бы говорить о полной параллели: пророчица дождалась своего Христа, императрица — своего. Но наследника нет, и Феофан старается одновременно и отметить, и обойти это неудобное обстоятельство. Сходная тема возникает в слове в честь взятия Гданьска:

По премногу ли достоинъ Тебѣ богомвѣнчанная главо наша торжественнѣ возносити гласъ тезоименитой Тебѣ угодницы божей: *утвердися сердце*

мое въ Господѣ, вознесся рогъ мой въ Бозѣ моемъ [Феофан Прокопович III: 234].

Здесь императрица сопоставляется с ветхозаветной Анной, матерью пророка Самуила, которая долгое время была бездетной, а родив мальчика, посвятила его Богу. Победа Анны оказывается своего рода субститутотом рождения наследника. Прижизненное величие Анны предстает как путь, альтернативный обычной женской участи.

Заметим, что построения Феофана отражают не только стремление угождать императрице, но и поиски образов духовной традиции, в которых можно было представить ее власть. Феофан был идеологом петровского абсолютизма, в центре которого находился император, *pater patriae*. Духовная традиция знала множество образов царей, первосвященников, полководцев, с которыми мог быть соотнесен носитель верховной власти. Все эти образы олицетворяют собой единый патерналистский порядок, лежащий в основе мироздания и увенчивающийся грандиозной фигурой Царя Царей. С наступлением женского царства у духовного оратора возникали известные трудности. Феофану, как представляется, было бы гораздо удобнее, если бы Анна открыто позиционировала себя как воспитательницу истинного наследника престола. Тогда обрели бы символическую силу сопоставления и с ветхозаветной угодницей, и с новозаветной пророчицей.

Однако на протяжении всего царствования Анны идея ее преемника находится едва ли не под запретом. В 1739 г. Амвросий Юшкевич составляет проповедь в честь бракосочетания принцессы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха (проповедь была издана с параллельным латинским текстом; перевод на латынь был выполнен В. К. Третьяковским). Большая часть проповеди посвящена славному прошлому родов, из которых происходят жених и невеста. Затем возглашаются хвалы и здравицы императрице Анне Иоанновне, однако будущее престола никак не описывается, если не считать осторожного намека:

Поздравляеть и вся Россія, по своей должности такую на Бога возлагая надежду, что отъ сего брачнаго Вашихъ Свѣтлостей сочетанія, великая всему Отечеству воспослѣдуетъ Польза; и нетокмо щастливое въ радости, въ спокойствѣ, и во всякомъ благосостояніи утвердится обще-народное Жительство, но и бѣльшее отъ него можемъ имѣть Надѣянїе [Амвросий Юшкевич 1739: 13].

Напрямую никаких надежд на то, что плод этого брачного союза станет наследником российского престола, проповедь не содержит. По-видимому, даже в этот период считалось некорректным прямо включать наследника российского престола в систему репрезентации государственной власти.

Ситуация кардинальным образом меняется в 1740-х гг., когда фигура наследника престола стала играть одну из ключевых ролей в идеологическом обеспечении правления Елизаветы Петровны. Дочь Петра Великого пришла к власти как наследница своего отца, призванная спасти от расхищения наследство дома Петрова и привести к власти его истинных наследников. Практически сразу после прихода Елизаветы к власти наследником престола был объявлен ее племянник, принявший, как известно, православное имя Петр Федорович.

Образ наследника престола не просто возвращается в систему репрезентации верховной власти, он начинает играть в ней важнейшую роль. В годы правления Елизаветы противоборство идеологии светского абсолютизма и духовной традиции утрачивает актуальность. Если поколение назад борьба различных группировок за власть проецировалась на сложный и многоплановый культурный конфликт, то теперь предпосылки для этого практически исчезли. В этих условиях происходит конструирование — задним числом — общего наследия, в верности которому клянутся представители политической элиты. В этом наследии соединяются компоненты, ранее находившиеся друг с другом в конфликте, — государственные интересы и христианские духовные ценности.

В проповеди Симона Тодорского (духовного наставника наследника престола), сказанной в день рождения Петра Федоровича, Петр Великий предстает в первую очередь не как строитель новой России или воин-победитель, а как праведник. Проповедник понимает, что такая постановка вопроса может встретить возражения:

Можеть кто помыслить по рассужденію разтлѣннаго вѣка сего: яко сіе слово праведникъ, не высоко въ нынѣшнее время почитается: лучше бы или храбрость ПЕТРОВУ храбрыхъ устрашившую, или прочія Великаго ПЕТРА искусства весь свѣтъ удивившія, въ нынѣшній высокаторжественный день на память привести [Симон Тодорский 1743: 9].

Симон разъясняет, почему такая постановка вопроса правомочна:

...правда, отъ неяже праведнїи праведниками называются, должна быть первѣйшая и дражайшая утварь Монаршая: зане правдою утверждаются престолы Монаршїи, правдою крѣпчае нежели каменными стѣнами защищаются государства: ибо въ которомъ государствѣ правда живеть; тамо и Богъ пребываетъ [Симон Тодорский 1743: 10].

Петр Великий, по словам оратора, всегда уповал на Бога — и в юности, когда ему приходилось противостоять могущественным недоброжелателям, и впоследствии:

Егдаже ужё возмужаль, и въ силу пришель, егда возгремѣла правда ПЕТРОВА, или паче правда Божїя на судѣхъ, освѣтиша молнїя милостивыхъ его

указовъ правду защищающих вселенную Россійскаго государства: подвинулася злоба, вострепетала неправда: кто можетъ изрещи довольно, коварныя совѣты, лукавыя навѣты, что бы сотворили праведнику сему. Нельзя обидѣти, почали рудѣ ПЕТРОВЫ бѣдныхъ сиротъ обиженныхъ, бѣдныхъ вдовъ неуѣшно плачущихъ, слезы отирати. Нелюбы стали указы, непріятны регламенты, за проліяніе невинныхъ слезъ, и самыхъ высокоучрежденныхъ обиду здѣлавшихъ, кровь изливати повелѣвающія [Симон Тодорский 1743: 11].

Не будучи в состоянии повредить самому царю-праведнику, его враги отомстили ему после его смерти — предали забвенію дочь Петра и его внука. Однако:

...сего не вѣдали: яко Хрїстось, сіестъ помазанецъ на Всероссійскій престоль не приходитъ отъ колена инаго, токмо отъ сѣмене Давида Россійскаго ПЕТРА Перваго [Симон Тодорский 1743: 12].

Симону Тодорскому вполне удается то риторическое построение, которое уже намечается в рассмотренных выше поздних проповедях Феофана Прокоповича. Традиционная игра слов позволяет подчеркнуть, что великая участь ждет только того, кто происходит от царя-праведника, как бы не стремились враги воспрепятствовать этому. Враги дома Петрова сравниваются с царем Иродом и его приближенными, причем, по остроумному замечанию проповедника, оказываются еще менее дальновидными: в отличие от Ирода, советовавшегося с первосвященниками, они не пригласили в совет православных иерархов, так как боялись, что благодать Божия укажет истинного наследника.

Итак, наследник престола оказывается наследником и петровского проекта государственного строительства, и духовной традиции. Это подчеркивается и темой проповеди: **Праведникъ, яко финикъ процвѣтаетъ, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножитсѧ** (Пс. 91: 13). Проповедник развивает эту тему следующим образом:

Смотри, какъ дивно и коль красно процвѣтаетъ праведный твой Монархъ ПЕТРЪ Первый, в Петрѣ внукѣ своемъ! прочитываетъ репорты отъ гвардіи приносимыя, прочитываетъ, письма отъ арміи присылаемыя, какъ же изрядно о репортахъ рассуждаетъ, съ какимъ смысленнымъ любопытствомъ о состояніи арміи вопрошаетъ: удивитися потреба. Не ПЕТРОВЪ ли се цвѣтъ, не Перваго ли се ПЕТРА остроуміе, въ Его Высочествѣ процвѣтаетъ [Симон Тодорский 1743: 13—14].

Одновременно законоучитель великого князя подчеркивает, что его ученик верен и православному духовному достоянію:

Егда высокимъ тщаніемъ, и матернимъ старательствомъ ЕЯ Всепросвѣтлѣйшаго ВЕЛИЧЕСТВА, услышалъ краткое истолкованіе богословія святыхъ восточныхъ церкве наша; абіе съ нелицемѣрнымъ усердіемъ святую вос-

точную Кафолическую православную Апостольскую едину истинную быти церковь, и призналъ, и всѣмъ сердцемъ облобызаль невьсту сію Хрїстову прекрасную [Симон Тодорский 1743: 15].

Этот синтез единого наследия, которое предстоит принять внуку Петрову, оказывается успешным по двум причинам. Во-первых, творца нового государства уже почти двадцать лет не было в живых, что открывало широкие возможности для его идеализации в любом направлении. Во-вторых, наследник престола, о котором шла речь, рассматривается в качестве ребенка, что, как мы уже указывали выше, придавало чрезвычайную гибкость и лабильность его образу. В этом контексте проясняется и роль Елизаветы: она оказывалась правительницей, которая пришла к власти в ситуации крайней государственной необходимости, с мужеством Юдифи защитила отцовское наследие, а теперь призвана сберечь это наследие для внука Петрова. Женское царство должно было стать той сравнительно мягкой, толерантной стихией, в которой будет мужать и получать подобающее воспитание будущий император.

Фигура наследника-ребенка имела только один недостаток — мальчик становится юношей, а затем мужчиной. В символической системе женского царства очевидна роль наследника-ребенка, но роль взрослого, совершеннолетнего наследника в ней гораздо менее уместна. Между тем Петру Федоровичу уже в 1743 г., когда Симон Тодорский умилялся его вниманию к государственным делам, было пятнадцать лет; можно сказать, он стоял на пороге совершеннолетия. Спустя два года заключается брак между наследником российского престола и великой княгиней Екатериной Алексеевной. Симон Тодорский снова выступает с проповедью. Он подробно говорит о том, что Господь дарует сильным мира общее благословение и особенное благословение. Общее благословение даруется всем монархам и государям, тогда как особенное — лишь избранным для особой участи, особой славы. Проповедник вспоминает библейских патриархов, затем говорит о прошлом России; после этого он переходит к восхвалению Петра Великого и его наследников. Симон утверждает, что на них «Божие особенное благословение». Снова производятся рассуждения, уже знакомые нам по «Слову...» 1743 г.

Показательно, что в новой проповеди нашлось место похвалам в адрес Екатерины Алексеевны, но практически ни слова не сказано о личных качествах жениха. Зато уделено много внимания мудрости императрицы Елизаветы, замыслившей столь благотворный для будущего союз. Проповедник восклицает:

Воспой Аннину пѣснь, вмѣсто блаженныя Анны Дражайшїя Сестры Твоя, себо утвердися нынѣ сердце ТВОЕ о Господѣ, вознесся рогъ Твой о Бозѣ ТВОЕМЪ, разширишися уста ТВОЯ на враги ТВОЯ: веселися о спасенїи ТВОЕМЪ [Симон Тодорский 1745: 15].

Отметим, что Симон Тодорский ссылается на то же место в Св. Писании, что и некогда Феофан Прокопович. Елизавета сближается с ветхозаветной угодницей Анной, однако здесь сопоставление последовательно: Елизавета воспитала Петра, как Анна — Самуила.

Между тем личность повзрослевшего наследника престола более не интересует проповедника. Петру Федоровичу уже исполнилось семнадцать лет, он объявлен правящим герцогом Гольштейн-Готторпским; в проповеди же Симона Тодорского он предстает бессловесным носителем своей высокой участи, полностью подчиненным замыслам мудрой тетки.

Еще более характерно это смещение акцента с великого князя на императрицу проявляется в проповеди Гедеона Криновского, сказанной в честь рождения Павла Петровича. В очередной раз высказывается уверенность в том, что «сѣмя ПЕТРОВО въ вѣкъ пребудеть, и престоль его яко солнце, и яко луна совершенна во вся дни» [Гедеон Криновский III: 257]. Затем же проповедник задается вопросом: чье желание исполнилось в этот радостный день, — и отвечает:

Хотя бо и всей Россіи исполниль Господь желаніе рожденіемъ Его Императорскаго Высочества, но и во первыхъ исполниль желаніе ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА; хотя и всѣхъ обрадовалъ насъ неизреченно, показавъ намъ сей знакъ предняго благополучія, но и во первыхъ обрадовалъ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО; даровавъ ВАМЪ видѣть плодъ наслѣдника ВАШЕГО, и чрезъ то удостовѣриться, что нещетна была надежда, которую имѣли ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ Немъ, когда симъ огласить изволили Его именемъ; также и что несуетное было то попеченіе, которое прилагать изволили въ сочетаніи Его бракомъ с Ея Императорскимъ Высочествомъ [Гедеон Криновский III: 257—258].

По мнению Гедеона, главное в рождении Павла Петровича — это реализация династических проектов Елизаветы. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна едва упоминаются в проповеди. Зато новорожденный великий князь провозглашается основой благополучия всей России — как некогда Петр Федорович. Все это заставляет полагать, что в системе репрезентации верховной власти центральную и неизменную роль играли Елизавета и малолетний наследник престола; когда Петр вырос, он перестал подходить на эту роль. Рождение Павла Петровича попросту воспроизводило исходную ситуацию⁴.

⁴ Более того, новая диспозиция оказалась еще более благоприятной: Павел был новорожденным младенцем, а не четырнадцатилетним подростком, который вот-вот вырастет и станет непригоден для назначенной ему символической роли. Как известно, Екатерина жаловалась, что Елизавета забрала у нее сына сразу после родов [Записки Екатерины 1907: 359 слл.]. Между тем, сама Екатерина поступила аналогич-

В тех же случаях, когда упоминание Петра уместно, он упоминается в одном ряду со своим сыном, причем, так сказать, на равных основаниях. Так, в проповеди в день свв. Петра и Павла (1755) Гедеон Криновский обращается с Господу со следующей просьбой:

...как Ты подашь совѣтъ избранной сей твоей помазанницѣ, нареши ихъ такими именами, такъ дай и нареченнымъ за молитвы Ихъ Ангеловъ благодать такую, чтобъ одинъ каменемъ утверждающимъ благосостояніе церкви и отечества, другой трубою всюды гремящей славы тогожде [какъ имена значать Ихъ] были [Гедеон Криновский II: 252].

Оба великих князя предстают здесь так, как будто степень их духовной зрелости одинакова; между тем один из них — сформировавшийся двадцатисемилетний мужчина, другой же — годовалый младенец.

Екатерининская система репрезентации верховной власти принципиально отличается от елизаветинской. Перед Екатериной не стояли задачи культурной легитимации за счет верности общему духовному наследию. Она разрабатывала свои собственные методы идеологического конструирования, основанные на просветительской философии и светской аллегорической топике. Императрица, игравшая роль загадочной и женственной покровительницы просвещения, изящных искусств, поборницы гуманности и толерантности, чувствовала себя здесь на своей территории. Дискурсивные практики, основанные на обращении к духовной традиции, стремительно теряли свои позиции. Политическая реальность в них более не нуждалась: социальная элита утратила интерес к официальным формам православной духовности, ее привлекали западные мистические учения и различные версии философского вольнодумства. В этот период крупнейшие проповедники — Платон Левшин, Гавриил Петров — склоняются к отвлеченному морализаторству; в их проповедях зачастую отсутствуют ссылки на Св. Писание, зато в изобилии присутствуют рассуждения о тех или иных этических понятиях.

Воспитание наследника престола для Екатерины также было важной частью репрезентации ее власти, но иначе, чем для Елизаветы. Екатерина играла роль просветительницы, а воспитание принца (сначала Павла Петровича, затем Александра Павловича) было частным случаем просветительского проекта [Уортман 2002: 200—224].

Духовное воспитание не изымалось из арсенала воспитательных методик; оно занимало в этом арсенале свое место, подобно тому как просвещенный иеромонах Платон занимал свое место среди екатерининских придвор-

ным образом с новорожденным Александром Павловичем [Кобеко 2001: 122]. Нам кажется, что в действиях обеих императриц проявлялась не столько родственная любовь к внуку, сколько стремление к символической апроприации наследника-ребенка.

ных. В 1763 г., вступая в должность законоучителя великого князя, Платон обратился к нему с краткой речью. В ней он разъяснил девятилетнему ученику цель преподаваемого им курса:

Ибо, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО Всероссийскаго престола Наслѣдникъ; почему нѣкогда во свое время, чего мы отъ Бога желаемъ, правительства бремя на Свои плеча принять изволите. Тогда прибѣгнетъ к ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ церковь, и будетъ требовать во всякихъ случаяхъ наставленія, и къ лучшему всему распоряженія [Платон Левшин 1763: 11].

По мнению законоучителя, просвещенный монарх наставляет и направляет все сословия и общественные институты, в том числе и церковь. Платон не сомневается, что ученик овладеет его предметом так же блестяще, как и другими:

Чтожь ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО съ желаніемъ такое ученіе примете, въ томъ увѣряютъ Твои вѣликія дарованія, которыми до не малаго ужѣ въ Наукахъ успѣха достигли, и горячесть Твоя къ Богу, которую мы въ ВАШЕМЪ ВЫСОЧЕСТВѢ съ радостію ужѣ примѣчаемъ [Платон Левшин 1763: 12].

В соответствии с просветительским идеалом, наследник престола получает гармоничное воспитание и впоследствии, став монархом, может разумно и справедливо управлять своими подданными. Однако в действительности эта программа никогда не реализуется до конца. Наследник-ребенок самим фактом своего существования отвечает идеалу гармонии — именно по той причине, что он еще не осуществился как личность. Его успехи в науках беспримерны, его помыслы невинны, его благочестие искренне. Поздравляя своего ученика с Пасхой и отметив, что в этот день радуются все православные, Платон говорит:

Но я представлялъ себѣ чистыя и ничемъ незанятыя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА мысли, ВАШИ младенческою простотою украшаемыя нравы, ВАШЪ духъ чистымъ къ Богу горящій огнемъ, ВАШУ душу блаженнымъ духамъ подобную, представляя сіе твердо, увѣряю себя, что никакое сердце столько радости сея не есть вмѣстительно, сколько непорочная ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА душа [Платон Левшин 1764: 4].

Этот образ наследника-ребенка, ребенка *par excellence*, легко включался в общую картину просвещенного царствования. Но с годами Павел Петрович все менее вписывался в образ ученика, воспитанника. Тем не менее, он предстает в этом облики и в проповедях более позднего периода; так, протоиерей Большого Успенского собора в Кремле Александр Левшин (брат Платона) так говорит о девятнадцатилетнем великом князе в день его рождения:

Твое Россія благополучіе приємлетъ больше сіянія, больше славы, когда и порфирородный Наслѣдникъ при свѣтломъ Великія МОНАРХИНИ царствованіи преуспѣвая въ возрастѣ, шествуетъ матерними стопами, и восходя нависоту лѣтъ простираетъ мысли свои на продражаніе великимъ дѣламъ Всеавгустѣйшей Родительницы и научается отъ Нее царствовать [Александр Левшин 1774: 11—12].

Вскоре на свет появился великий князь Александр Павлович, и повторилась ситуация, известная нам по Елизаветинской эпохе: Екатерина устремила свою воспитательную энергию на внука. Репрезентация просвещенной монархии в обязательном порядке включала в себя пару: мудрая императрица и ее воспитанник, юный и чистый помыслами. Взрослый же наследник вновь вытеснялся из символического имперского пространства, что, по-видимому (как и в случае с Петром Федоровичем), подготавливало неудачу его царствования.

К концу первой трети XIX в. культурная ситуация вновь меняется. Уже на исходе царствования Екатерины становится известно о революции во Франции. Революция и последовавшие за ней мировые потрясения радикально перекраивают все поле идеологических противостояний. Если ранее просветительское вольнодумство казалось невинной роскошью социальной элиты, а духовная традиция — источником независимой от светской власти системы императивов, то теперь выяснялось, что просветительская идеология обладает огромным разрушительным потенциалом. Это создавало предпосылки для формирования, так сказать, единой линии фронта: церковь и государство с одной стороны, философское вольнодумство и политическая фронтда с другой.

В России именно этот период связан с концом женского царства. В 1797 г. Павел издает закон о престолонаследии, в соответствии с которым верховная власть передается по наследству, причем по мужской линии. В культурной перспективе это означало возврат к патерналистской семантике, а следовательно, создавало формальные предпосылки для возрождения системы политических доводов, основанной на прямых ассоциациях между авторитетной топикой и политической реальностью.

Наиболее значительным проповедником новой эпохи стал Филарет Дроздов. Молодость его пришлась на начало александровского правления и войну с Наполеоном; уже в зрелом возрасте он стал свидетелем мятежа декабристов. Воцарение Николая для него было связано (несмотря на сложные и многоплановые отношения с самодержцем) с окончательным восстановлением традиционной, жестко авторитарной монархии и свидетельствовало о том, что Россия остается могучим бастионом на пути сил разрушения и хаоса. Мировоззренческое и политическое вольнодумство Филарету равным обра-

зом враждебны; укрепление монархии для него неразрывно связано с восстановлением авторитета духовной традиции.

Николаевское царствование было ознаменовано еще и окончательным восстановлением наследственной передачи власти в России. Дело в том, что Александр Павлович, первым и при довольно сомнительных обстоятельствах получивший престол в соответствии с павловским законом о престолонаследии, не имел детей мужского пола. Его наследником был Константин Павлович, который отрекся от своих прав, и императором, в соответствии с волей брата, стал Николай Павлович⁵.

Наследником Николая должен был стать его старший сын Александр, родившийся в 1818 г. В 1834 г. ему исполнялось 16 лет, и он, таким образом, становился первым наследником престола, достигшим совершеннолетия по закону 1797 г. (Александр встретил закон двадцатилетним). Совершеннолетие царевича отмечалось как особый праздник, призванный окончательно закрепить введенный Павлом порядок престолонаследия, подтвердить династическую преемственность и сформировать новую модель репрезентации верховной власти. Была разработана церемония празднования, предусматривавшая, в частности, принесение наследником престола присяги в Большой церкви Зимнего дворца⁶.

В происходящем была не только формальная, но и глубокая культурно-символическая новизна. Впервые общество созерцало, как наследник престола пересекал рубеж, отделявший взрослого человека от ребенка. Впервые за много десятилетий в публичной репрезентации верховной власти возникал совершеннолетний наследник, причем его зрелость не скрадывалась, а напротив, подчеркивалась.

В том же году в проповеди в день рождения императора Николая Павловича митрополит Филарет отмечает это событие в числе главных за последний год:

Одна из особенностей совершившегося года царства состоит в том, что рядом с сим годом, как юная луна при солнце на ясном небе, явился начальный год совершеннолетия наследника престола [Филарет Дроздов 2003: 430].

Далее оратор описывает принесение присяги цесаревичем и резюмирует увиденное в следующих выражениях:

⁵ Как отмечает Р. Уортман, воцарение Николая было по существу государственным переворотом, поскольку манифест 1823 г. о передаче ему власти после смерти брата не был обнародован. Кроме того, передача власти по манифесту была фактически возвращением к завещательному порядку передачи власти [Уортман 2002: 350].

⁶ Об этой церемонии подробно см.: [Уортман 2002: 467—472].

Слышу священный обет сына Царева, и вдруг открывается, что совершеннолетие, которое сам вступающий в оное с толикою скромностью назвал *ранним*, есть, напротив того, вполне зрелое, потому что он возвышенно понял высокие помыслы своего родителя и глубоко почувствовал важность настоящего мгновения. Он стоит перед Богом, как живая жертва, приносимая Царем-отцом за будущее благосостояние Царства, и согласно с волею родителя и сам представляет себя в жертву, и облак слез, восходящий в очах его, дает приметить, что фимиам непорочного сердца его восходит горе [Филарет Дроздов 2003: 321—322].

Этот пассаж способен вызвать по меньшей мере недоумение. Ведь празднование совершеннолетия цесаревича должно было стать важной вехой в укреплении династии: отныне права на российский престол надежно защищены. Проповедник же говорит о жертве, приносимой сознательно самим наследником и его отцом. В этом контексте выглядит едва ли не зловеще рассуждение Филарета о благе, которое приобретает себе и государству благочестивый правитель. Авраам, говорит Филарет, был одинок, но Бог наградил его за благочестие, сделал его потомство многочисленным и процветающим. В проповеди не упоминается эпизод с жертвоприношением Авраама, однако в контексте сказанного выше этот эпизод неизбежно вспоминался слушателям. Правящий монарх, таким образом, отождествляется с Авраамом, а его наследник, хотя и неявно, с Исааком.

Представляется, что причины столь необычного выбора топики коренятся в следующем. В русском духовном красноречии (в том его изводе, который берет начало из Петровской эпохи) практически отсутствовала традиция репрезентации взрослого, зрелого наследника престола. Подобная фигура неизбежно образовывала бы второй фокус ораторского зрения, порождала бы свои ряды сопоставлений с персонажами авторитетных текстов. В настоящей работе мы попытались показать, как на протяжении всего XVIII в. в репрезентациях верховной власти использовался образ наследника-ребенка. В результате совершеннолетний царевич оказывается не включен в систему репрезентации. Эта риторическая практика отражала реальные процессы в сознании культурной элиты: достигший совершеннолетия наследник оказывался в конфликте с влиятельными группировками, отвергался ими и в конце концов погибал, как это произошло с Алексеем Петровичем, Петром Федоровичем, Павлом Петровичем⁷.

Филарет верил в благотворность наследственной монархии. Однако он с огромным недоверием относился ко всему наследию предшествующего столетия и, вероятно, к самому петровскому проекту. Являясь свидетелем де-

⁷ То, что последние два наследника престола погибли уже будучи монархами, не опровергает нашу концепцию: ведь их конфликт с элитой зародился еще до воцарения.

монстративного восстановления наследственной монархии, он, по-видимому, хранил память о деструктивных механизмах, тающихся в недрах созданной Петром Великим империи, и опасался их. Возможно и другое: он чувствовал, что наследственная монархия не выдерживает натиска разрушительных веяний времени. Вселенский порядок, в котором сын подчиняется отцу, подданный — царю, человек — Богу, на его глазах разрушался, и, относясь сочувственно к попытке Николая восстановить этот порядок и сам участвуя в этой попытке, он не слишком верил в ее успех.

Литература и источники

- Амвросий Юшкевич 1739 — [*Амвросий Юшкевич*] Божие благословение в природных трех сокровищах ея высочества государыни принцессы Анны и светлейшаго князя и государя Антона Улриха герцога Брауншвейгского и Линебургского пребывающее в день же высочайшаго брачного их сочетания июля 3 139 года проповедию изъясненное и в незабвенную память от усердия вернейшаго их слуги и богомольца Амвросия епископа Вологодского их светлостям принесенное. СПб., 1739.
- Александр Левшин 1774 — [*Александр Левшин*] Слово в день рождения всепресветлейшаго государя царевича и великаго князя Павла Петровича проповеданное в Московском Большом Успенском соборе... онаго собора протоиереем Александр Левшиным. Сентября 20. дня 1773 году. М., 1774.
- Гедеон Криновский I—IV — [*Гедеон Криновский*] Собрание разных поучительных слов при высочайшем дворе Ея Императорского Величества сказанных... иеромонахом Гедеоном. Т. I—IV. СПб., 1755—1759.
- Живов, Успенский 1994 — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 110—218.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов 2004 — *Живов В. М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.
- Законодательство Петра 1997 — Законодательство Петра I. М., 1997.
- Записки Екатерины 1907 — [*Екатерина II*] Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907.
- Кагарлицкий 1997 — *Кагарлицкий Ю. В.* Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // *Известия РАН. Сер. яз. и лит.-ры.* 1997. Т. 56. № 5. С. 39—48.
- Кагарлицкий 1999 — *Кагарлицкий Ю. В.* Сакрализация как прием: Ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // *Новое литературное обозрение.* 1999. № 38/4. С. 66—77.
- Кагарлицкий 2003 — *Кагарлицкий Ю. В.* Риторика уподобления и риторика соревнования: Фигуры сближения имен в русском духовном красноречии XVIII века // *Именослов: Заметки по исторической семантике имени.* М., 2003. С. 209—230.

- Кобеко 2001 — *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754—1796). Историческое исследование. СПб., 2001.
- Платон Левшин 1763 — [*Платон Левшин*] Речь его императорскому высочеству перед начатием учения Христианскому закону... // Речь ее императорскому величеству, при вступлении в должность обучения христианскому закону его императорского высочества говоренная иеромонахом Платоном августа 29 дня 1763 года. СПб., 1763.
- Платон Левшин 1764 — [*Платон Левшин*] Поздравления его императорскому высочеству от учителя его богословии иеромонаха Платона. СПб., 1764.
- Сазонова 1978 — *Сазонова Л. И.* Повесть об Алексее Римском в третьем — пятом издании Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660—1670-х годов // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 99—106.
- Симон Тодорский 1743 — [*Симон Тодорский*] Слово... в высокаторжественный день рождения его императорского высочества государя наследника благоверного великаго князя Петра Феодоровича внука государя императора Петра Великаго проповеданное его императорского высочества придворным учителем иеромонахом Симоном Тодорским в придворной церквке в Санктпетербурге февраля 10 дня 1743 года. СПб., 1743.
- Симон Тодорский 1745 — [*Симон Тодорский*] Божие особенное благословение имже всегда благословил бог и ныне благословляет всепресветлейший дом Петра Великаго перваго императора всея России в день высочайшаго бракосочетания его императорского высочества внука Петра Перваго благовернаго государя и великаго князя Петра Феодоровича наследника престола всероссийскаго и прочая с ея императорским высочеством благоверною государынею и великою княгинею Екатериною Алексеевною... проповеданное... Симоном епископом Псковским и Нарвским 1745 года Августа 4 дня. СПб., 1745.
- Соловьев I—XXIII — *Соловьев С. М.* Сочинения. Тт. I—XXIII. М., 1988—2000.
- Уортман 2002 — *Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
- Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 50—59.
- Феофан Прокопович I—IV — [*Феофан Прокопович*] Феофана Прокоповича архиепископа Великаго Новаграда и Великих Лук, святейшаго правительствующаго синода вице-президента, а потом первенствующаго члена, слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя... Ч. I—IV. СПб., 1760—1774.
- Филарет Дроздов 2003 — *Святитель Филарет (Дроздов).* Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003.

БИСМАРК И РУССКИЙ ЯЗЫК

Вернер Лефельдт

Гёттингенский университет

О том, как мастерски владел Бисмарк немецким языком, было широко известно, и хвалили его многие. Так, Хорст Коль, издатель «Писем Бисмарка 1836—1873 гг.», в предисловии к 6-му изданию пишет:

К тому же граф Бисмарк проявил себя в этих письмах как стилист, который пишет на немецком языке с четкостью стиля Лессинга и Гёте и простой естественностью формы придает выражению красоту и силу [Bismarck 1900b: VII].

Подобное высказывание мы находим и у Артура фон Брауера:

Он является стилистом-художником, каких в Германии мало. Общее у него с Гёте — это меткость выражения, сила слова. У каждого, кто читает его труды, возникает чувство абсолютного наслаждения искусством, такое же, как если бы рассматривал красивую картину или слушал хорошую музыку [Brauer 1915: 223].

Его немецкий язык удостоился похвалы — хотя, конечно, выраженной не столь возвышенно — уже в школьном «Аттестате зрелости», который был выдан семнадцатилетнему выпускнику Леопольду Эдуарду Отто фон Бисмарку 3 апреля 1832 г. в «Берлинской гимназии *Zum Grauen Kloster*». Там написано: «(…) в немецком языке он обладает довольно отрядным умением точно формулировать мысли» [Gall 1980, Abb. 6; Gall, Jürgens 1990: 26, Abb. 14]. Но выбранная нами тема — это не «Бисмарк и немецкий язык», и поэтому мы ограничимся тем, что отошлем благосклонного читателя, который проявляет интерес к этой теме, к следующим работам: [Brauer 1915; Lyon 1895; Meyer 1897; Schwetschke 1896; Vogel 1896].

О чем пойдет речь в данной статье, ясно из ее заглавия. Но мы хотим приблизиться к теме не прямым путем, а, так сказать, в обход, рассматривая ее в более широкой перспективе, которую можно обозначить как «Бисмарк и современные ему иностранные языки». Таким образом, в нашем изложении темы появится замедляющий момент, но мы постараемся доказать, что отступление было сделано не напрасно, так как уже здесь мы столкнемся с мотивами, которые побудили Бисмарка в конце 50-х гг. XIX в. заняться русским языком.

В упомянутом уже «Аттестате зрелости» 1832 г. мы читаем: «Из новейших языков с особым успехом он занимался французским и английским языками». О том, насколько справедлива была похвала в действительности, любой читатель трудов Бисмарка может без особого труда убедиться сам. Что касается французского, то в письменном наследии Бисмарка находятся многочисленные письма, отчеты и докладные записки, которые были написаны на дипломатическом языке того времени. Особенно бросается в глаза то, что Бисмарк в первое время своего пребывания в Петербурге даже прусскому принц-регенту Вильгельму и министру иностранных дел барону фон Шлейниту посылал длинные отчеты, написанные на французском языке.

Докладчикам было (...) известно, что монарх и также министр охотно принимали этот обычай. Если посланник за границей писал только по-немецки, то в Берлине могло возникнуть подозрение о его неуверенности в знании дипломатического языка. Таким образом, бывшему начальнику плотин, который до сих пор состоял на службе только в Германии, пришлось доказывать, что он обладает этими знаниями (L. Raschdau в: [Bismarck 1920, 1: XVII]).

Часто Бисмарк откровенно высказывался о том, какое большое значение он придает французскому. Уже в одном из первых писем своей невесте Иоганне фон Путкамер от 7 февраля 1847 г. шёнгаузенский помещик настаивал на том, чтобы его будущая супруга прилежно занималась французским языком:

(...) я прошу Тебя, занимайся французским, не много, но так, чтобы Ты смогла читать французские вещи, которые Тебя интересуют, и могла посмотреть в словаре, что Тебе неясно; (...) я прошу это не ради меня — все-таки мы сможем понимать друг друга и на нашем родном языке; но возвращаясь в свете, Тебе нередко придется попадать в такие ситуации, где Тебе будет неприятно, даже обидно, если Ты не умеешь по-французски; (...) [Bismarck 1900a: 16].

Десятью днями позднее Бисмарк послал своей невесте французское стихотворение Пьера Жана де Беранже и поблагодарил ее за то, «что Ты взялась за французский» ([Bismarck 1900a: 34]; см. также: [Bismarck 1900a: 99]).

Несколько лет спустя ситуация стала действительно серьезной. Фридрих Вильгельм IV направил Бисмарка во Франкфурт-на-Майне в Немецкий Бундестаг, и здесь он ожидал окончательного решения о своем назначении на пост прусского посланника. 14 мая 1851 г. он написал своей жене:

У меня есть к Тебе просьба, (...) занимайся французским так много, как только можешь по времени. (...) Если Ты знаешь кого-либо, с кем бы Ты могла упражняться в беглости разговора на французском, то договорись с ним, я охотно заплачу ему. Ты вольешься здесь во французское общество, и от этого невозможно уклониться, Ты должна освоиться с ним настолько, на-

сколько это возможно для Тебя ([Bismarck 1900a: 277]; см. об этом также: [Engelberg 1998: 51]).

Позже сыновья Герберт и Вильгельм также получили подобные наставления. 28 июня 1862 г. отец писал Герберту: «Ешьте и пейте в меру и ежедневно упражняйтесь еще и после того, когда учитель уйдет, также не забывайте французский!» [Bismarck 1933, 2: 597]. «⟨...⟩ от этого невозможно уклониться» — этим пониманием необходимости Бисмарк будет руководствоваться и дальше, когда в Санкт-Петербурге он «обзаведется» кем-то для «упражнения в разговоре по-русски». Мы хотим процитировать здесь только одно свидетельство того, как Бисмарк владел французским. В октябре 1891 г. писатель Сидней Витмен посетил свергнутого рейхсканцлера в Варцине и отметил потом, что «он владел этим языком в совершенстве и говорил на нем без малейшего следа немецкого акцента. Его французский, как и его английский, звучал, пожалуй, так, как будто говорил высокообразованный русский ⟨...⟩» ([Bismarck 1926b: 149; Whitman 1903: 63]; см. также: [Prutz 1904: 160—174]).

Что же касается английского, то изучению этого языка Бисмарк, начиная со своего берлинского школьного времени, отдавался с не меньшим прилежанием, чем изучению французского (ср. [Böhtlingk 1908: 3]). Одно из его первых дошедших до нас писем написано по-английски (июль 1836 г.; см. [Bismarck 1933, 1: 597]), и со своим американским однокурсником Джоном Лотропом Мотли (John Lothrop Motley) «Бисмарк, кажется, больше всего ⟨...⟩ говорил по-английски» [Böhtlingk 1908: 6]. Бисмарк очень хорошо разбирался в английской литературе.

Байрон и Шекспир являлись его любимыми поэтами. В Байроне он чувствовал родственный дух, смелый, стремящийся к Великому, и неустанный [Pflanze 1997: 53].

Творчеством Шекспира он занимался всю свою жизнь. По словам Бётлингга [Böhtlingk 1908: 11], он был «самым верным вассалом английского короля поэтов». Хотя он непосредственно не заставлял свою невесту, а потом жену заниматься, кроме французского, еще и английским языком, в пору их ранних отношений она получала от него многочисленные стихотворения на английском — прежде всего Байрона, Четтертона и Мура (см. [Bismarck 1900a: 12 и далее]). Его письма к невесте, сестре, Леопольду фон Герлаху и другим адресатам содержат бесчисленные пассажи на английском языке, среди которых нередко встречались цитаты из Шекспира. Приведем только несколько примеров. В декабре 1851 г. Бисмарк писал Леопольду фон Герлаху о Луи Наполеоне:

Так же, как и Гамлет, после того, как он проколол шпагой конституционного обывателя Полония, говорит своей матери, так пусть и президент обра-

щается к Франции: a bloody deed, almost as bad, good mother, as kill a king and marry with his brother, причем я расширю это хромающее сравнение, подставляя вместо brother — cousin, а вместо отчима Гамлета — Louis Phil[ippe] и Orleans ([Bismarck 1933, 1: 244]; см. об этом: [Böhntlingk 1908: 60—62]).

1 февраля он писал своей невесте: «In six months I hope we shall know what we have to do» [Bismarck 1900a: II], а 28 апреля этого же года он заканчивал письмо к ней словами: «God bless you. Our love is the bright star that shines through the dreary darkness of my soul!» [Bismarck 1900a: 80].

Со своим уже упомянутым американским сокурсником Джоном Лотропом Мотли Бисмарк переписывался десятилетиями на немецком и английском языках. В одном из адресованных Мотли писем за 1869 г. после длинного английского начала стоит:

Я теряю навык говорить по-английски, так как Лофтус единственный человек в Берлине, который предоставляет мне эту возможность, а писать я никогда не мог бы без словаря, так как я учился языку по звучанию и на практике [Bismarck 1933, 2: 762].

Этот метод, как мы увидим далее, он употребит также, изучая и русский язык. О том, что недостаток возможности общаться на английском фактически почти не повлиял на его языковые навыки, свидетельствуют его письма, а также неоднократно подтверждают независимые свидетели. Так, например, 23 июля 1870 г., спустя четыре дня после объявления Францией войны с Пруссией, канцлер Северного Германского Союза принял в своем берлинском ведомстве известного военного корреспондента «Таймс» Уильяма Говарда Рассела и беседовал с посетителем «более часа» об актуальном политическом положении и об «истории французского вмешательства в немецкую политику». Беседа проходила на английском языке, и Рассел писал затем: «Его английский — превосходный, иногда он пользуется малоупотребительными словами, но всегда остается логически корректным» ([Bismarck 1924: 310]; см. также: [Russel 2000: 287]). Подобным же образом о беседе с Бисмарком в 1867 г. высказался и американский посол в Берлине Джордж Банкрофт: «Он говорит на английском свежо, не раздумывая, в изысканных выражениях, но не совсем бегло» ([Bismarck 1924: 224]; см. также: [Bismarck 1924: 319, 359]). Третий свидетель, цитируемый здесь, это преемник Банкрофта Эндрю Уайт, который беседовал с Бисмарком 1 июля 1879 г. и составил следующее представление о нем:

Князь говорил по-английски так правильно, что я чувствовал себя вынужденным спросить его, как долго он находился в Англии, на что он ответил мне: «Всего лишь очень короткий срок — в целом примерно два или три дня» ([Bismarck 1926a: 318]; см. следующие свидетельства о превосходном

знании Бисмарком английского языка в: [Bismarck 1924: 319, 359; 1926a: 267, 532, 534; 1926b: 71, 75, 137, 140, 149, 352, 361, 478; Whitman 1902: 10, 15, 17, 18, 125; Prutz 1904: 155—160]).

Как и в случае с французским языком, так и в своих занятиях английским Бисмарк руководствовался не в последнюю очередь практическими мотивами. Об этом свидетельствует письмо, которое он написал своему отцу из Лондона в июле 1842 г., где говорится:

Те лица, которые много общаются с иностранцами, — кучера, носильщики, имеют, конечно, большую склонность обчитать, но ведут себя прилично, если видят, что знаешь язык и обычаи и полон решимости не дать себя в обиду [Bismarck 1933, 1: 19].

Позднее также и в Санкт-Петербурге он не давал себя запугать.

Французский и английский, без сомнения, были теми иностранными языками, которыми он лучше всего владел и которыми он всю свою жизнь пользовался для чтения, письма и разговора. Он владел также другими европейскими языками. Так, он написал своей невесте — к которой он, впрочем, часто обращался «*Angela mia*» — в письме от 17 февраля 1847 г. «Отче наш» по-итальянски и прибавил к этому следующий комментарий: «Ну как? очень мелодично» [Bismarck 1900a: 41]. А в другом письме того же месяца он послал Иоганне фон Путкамер текст длинного, обстоятельно сформулированного некролога на голландском [Bismarck 1900a: 22 и далее].

Как обстояли дела у Бисмарка со славянскими языками? Прежде чем мы обратимся к русскому языку, уместны некоторые замечания к теме «Бисмарк и польский язык». В январе 1847 г. Бисмарк написал письмо своей сестре Мальвине, жившей в Рейнфельде (там же жила и его жена), в котором он обращается к ней «*Malinka!*» и сообщает ей:

Рейнфельд расположен совсем близко к Польше, Быгов находится недалеко, слышно, как каждую ночь воют волки и кашубы, и в этом и в шести других округах живет 800 человек на квадратную милю; *polish spoken here*. Очень приятная местность [Bismarck 1933, 1: 49].

Как видно, Бисмарк ставил наравне кашубский и польский.

11 марта 1847 г. Бисмарк взялся за перо, чтобы написать своей невесте, находившейся в Рейнфельде. Обратился к ней он в этот раз «*Czarna kotko, miła duszo!*» и затем продолжал:

Если Тебе неясно значение стоящего выше заклинания, несмотря на соседство языческих кашубов, то рассматривай его пока как ребус, значение которого я Тебе объясню при встрече, а сейчас только замечанием об этом я хотел подчеркнуть то обстоятельство, что *after dinner* для стимулирования

пищеварения я обычно занимаюсь чтением грамматик, а сегодня как раз я взял польскую [Bismarck 1900a: 69].

И еще раз в этом письме его автор употребляет польский — на этот раз, чтобы выразить свою радость:

При взгляде на Твою маленькую розовую печать у меня было ощущение безмятежной радости, и я дал волю своим чувствам в восклицании, навеянном польской грамматикой: *piłna rapna*, что переводится как «прилежная девушка» [Bismarck 1900a: 70].

Как видно, Бисмарк не совсем был незнаком со славянскими языками, когда он уезжал в Россию. Впрочем, позже, в то время, когда он был рейхсканцлером, он выразил желание, «чтобы высокопоставленные лица изучали польский. Так, он пытался уговорить своего второго сына Вильгельма брать уроки польского; даже наследнику престола однажды в Версале он рекомендовал изучать польский язык» [Koch 1913: 65]. В 1883 г. он выразил подобно-го рода рекомендацию даже в отношении прусского короля:

Вместо греческого у нас нужно было бы изучать польский и русский, — у нас два миллиона польских подданных, и, собственно говоря, король должен уметь по-польски [Bismarck 1926a: 491].

Таким образом, он считал, будет облегчена полная акклиматизация польского населения в Западной Пруссии и провинции Позен. Эрнст Энгельберг [Engelberg 1991: 96] пишет, что Бисмарк «сносно» говорил по-польски, что, кажется, является большим преувеличением.

1 февраля 1859 г., в начале «Новой эры», бывший прусский посланник в бундестаге был назначен посланником Пруссии при царском дворе в Санкт-Петербурге — «отстранили от дел и услали на Неву», как это воспринял и выразил Бисмарк (о «Петербургской миссии» Бисмарка см.: [Nolde 1936]; о видении России Бисмарком см.: [Liszkowski 2000]). Он переехал в Россию только в конце марта. 29 марта Бисмарк прибыл в царскую резиденцию, после 130-часовой непрерывной, полной приключений поездки, которую он красочно описал в некоторых письмах (см. [Bismarck 1900a: 404—408; 1900b: 255; 1915: 94 и далее]).

Бисмарк, по всей вероятности, еще во Франкфурте-на-Майне немного занимался русским языком и тем самым действовал в соответствии с воззрением, которое он сформулировал позже следующим образом:

Необходимо по всей справедливости требовать, чтобы представители других государств понимали и употребляли язык страны, в которой они аккредитованы ([Bismarck 1924: 488]; см. также: [Bismarck 1899: 10]).

Во всяком случае для него, когда он прибыл в Санкт-Петербург, кириллица не была чем-то незнакомым. Об этом свидетельствует письмо его другу

и шурина Оскару фон Арниму, которое он написал неделю спустя после своего назначения, 6 февраля 1859 г., во Франкфурте:

Когда Узедом приедет сюда официально, мне необходимо будет срочно ехать в Петербург [так в немецком письме], иначе у меня возникнут потери в жаловании, которые исчисляются в тысячах (...) Твой верный шурина ф Бисмарк-Шёнгаузен ([Bismarck 1915: 93]; в издании [Bismarck 1933, 1: 498] издатели читают: «ф Бисмарк-Шёнгаузен»).

Еще во Франкфурте Бисмарк заботился также о подборе своей будущей прислуги, при этом он придавал большое значение знанию русского языка. Так, например, он писал об этом 6 февраля 1859 г. барону фон Вертерну, работающему в прусской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге: «Недостаток при этом, что в П. мне непременно нужны люди, знающие русский (...)» [Bismarck 1933, 1: 499]. О том же самом он пишет в письме от 9 марта 1859 г., посланном из Берлина супруге:

Пютча я, кажется, не могу взять с собой в П., так как Вертер сказал мне, что я никак не смогу использовать там более двух человек, не говорящих по-русски [Bismarck 1933, 1: 503].

Итак, Бисмарку было ясно, что в городе на Неве нецелесообразно надеяться только на язык дипломатов или же на немецкий, и в этом он убедился, когда прибыл в Санкт-Петербург. 7 июня 1859 г. он писал своей супруге:

Конечно, Пютч не поедет? Более одного слуги без русского языка здесь не нужно. В салоне вряд ли услышишь какое-либо иное слово, чем французское, но как только выйдешь за порог, погружаешься в пучину чужих звуков и редко найдется кто-то, кто бы самую малость понимал по-немецки, а по-французски и того меньше [Bismarck 1933, 1: 519].

О том, что Бисмарк уже в Германии осознавал это и относил не только к прислуге, но и к самому себе, свидетельствует первое письмо, которое он направил своей супруге еще 29 марта 1859 г. из Санкт-Петербурга. Из этого письма видно, что новый посланник при царском дворе уже по пути туда освоил несколько русских выражений:

Из-за неправильного перевода на русский моей депеши, отправленной из Пскова, ее не так поняли, и я стоял сегодня, в 5 часов утра, оставив Энгеля и проводника с вещами у кареты, перед кучером и коридорным гостиницы, полагаясь на свой приобретенный в дороге русский. На мою магическую формулу «*ruski paslannik*» вначале был ответ, что он тут не живет; только на мое утверждение «*ja ssam*», я сам являюсь им, русский полностью проснулся и побежал за разными людьми с варварскими именами, но которые тоже не говорили ни на одном из западных языков [Bismarck 1933, 1: 508].

Следует отметить передачу аканья в слове «*paslannik*», которая показывает, что Бисмарк обращал уже внимание и на правила русского произношения. Это впечатление подтверждается при дальнейшем чтении в том же самом письме:

У меня в голове все еще постоянные двory и верстовые столбы, и звон колокольчиков на лошадях, крики ямщиков и предателя (форейтора) [«предатель» по-немецки *Verräter*] и проводника вечное *pravée* — *i verräter, skartee* — *i, skaréeeee* — *i* и блестящий снег, и ветер, и удары кнута по бедным лошадям, которые так охотно неслись галопом там, где только карета могла катиться. На ней стояло «*Kareta potschtowaja*» (...) [Bismarck 1933, 1: 508].

Словом «*Verräter*» («предатель») и «*verräter*» Бисмарк пытался передать, как об этом свидетельствуют кавычки, произношение русского «форейтор». Остается заметить еще, что автор письма, если можно верить издателям, транскрибировал русский латинскими буквами. Этого он придерживается также и в своем письме к супруге от 4 апреля 1859 г.:

Нас охотно принимают здесь, если только мы не ведем себя намеренно неприятно; когда при разъезде по домам выкрикивают на полной ожидания лестничной площадке (карету) «*prusku passlannika*» [ошибка Бисмарка или издателей?], то все русские лица с благожелательной улыбкой оборачиваются, как будто бы они только что проглотили рюмку 90° водки ([Bismarck 1933, 1: 510]; см. также: [Orloff 1936: 25] — там стоит «*paslannika*»).

В этом же самом письме мы находим эксплицитное замечание о русском произношении: «Именно на *Litähnja* [Литейной], так это произносится, ничего не поделаешь» [Там же].

Но вскоре он решил, что его супруга понимает кириллицу. Так, мы читаем в письме от 16 апреля 1859 г.:

Мы пили очень дорогое рейнское вино и шампанское в Твою честь! мне было довольно грустно при Твоем описании Таунуса и погоды! Впервые при этом ледяной горизонт стал для меня тяжелым и болезненным! Это будет происходить все чаще, но: «да будет [sic] воля Божия», как мы русские говорим [Bismarck 1933, 1: 513].

А три дня спустя он писал:

Мои путеводители — это торговые вывески, особенно Шульц, Миллерь и Шмидт, искусное русское написание которых с умилением расшифровывается как *Schulze, Müller* и *Schmidt*. Сегодня я увидел также «Ягр» (*Jäger*) и друга Твоей матери Ганожк [sic], «*Hanoschke*», собственно говоря «*Ganoschke*», потому что «Н» просто нет. Преимущественно честные берлинцы под курчавой бородой московских росчерков [Bismarck 1933, 1: 514].

В Санкт-Петербурге Бисмарк систематически продолжал свои уроки русского языка (до сих пор он занимался русским как самоучка). С этой целью он нанял учителя русского языка, студента-юриста В. Алексеева, которого порекомендовал ему гамбургский консул. Алексеев преподавал ему русский язык восемь месяцев, по вторникам и пятницам с 10 часов по одному часу. В 1895 г. Алексеев опубликовал свои «Воспоминания бывшего учителя языка князя Отто фон Бисмарка», так что нам хорошо известно о содержании уроков, даваемых прусскому посланнику, и о трудностях и успехах Бисмарка в изучении русского языка.

Сначала высокопоставленный ученик разъяснил своему будущему учителю, почему он хочет изучать русский:

Я решил ознакомиться с Вашим прекрасным языком; я хорошо знаю, что для иностранца он трудный, особенно произношение; но я твердо решил постепенно избавиться от переводчиков, которые все слышат и видят, что делается; мне они ужасно надоели [Alexejew 1895: 6].

Здесь звучит мотив, который, как мы видели, уже сыграл важную роль в изучении Бисмарком французского и английского языков; его можно назвать стремлением к языковой независимости, желанием обходиться без посторонней помощи в общении с людьми, говорящими на чужом языке, а также желанием не дать этим людям себя обмануть.

Занятия начались с русского алфавита, который Бисмарк более или менее хорошо знал, «при этом произношение каждой буквы я сопровождал примерами. Особо трудным Бисмарк считал произношение буквы «ы»» [Alexejew 1895: 7], учитель старался помочь ему, приводя немецкие слова, в которых произношение «й» было похоже на «ы». «Для тренировки я попросил его повторять следующее выражение: att tó-po-ta ka-pütt pülj ró polju le-titt, т. е. “от топота копыт пыль по полю летит”. Это предложение так поразило его, что, смеясь, он сказал:

Есть ли на свете такой иностранец, который может выговорить эти слова? Язык слишком подвижный, чтобы его можно было сломать, но, может быть, его можно свернуть в трубочку. Надо же придумать такое! Только одна эта буква отнимает всякое желание учить русский» [Alexejew 1895: 8 и далее].

Но эта трудность была вскоре преодолена.

Усилия Алексеева научить своего ученика произношению буквы «ы» через немецкое «й» оставили свой след в мемуарах Бисмарка «Мысли и воспоминания», 10-я глава которых посвящена петербургскому периоду жизни их автора. Здесь в одном месте Бисмарк сообщает о том, как в узком кругу четырёхлетняя великая княгиня сказала о нем: «он милü (он милый), а в отношении генерала она имела наивность сказать: он wonjaet (он воняет), после чего великокняжеский enfant terrible был удален» [Bismarck б. г.: 214].

Поскольку Алексеев объясняет произношение 'ы', ссылаясь на 'ü', Бисмарк, следуя своему учителю, транскрибирует «милый» как «milü», т. е. передает 'ы' как 'ü'; оба они следуют «дурной привычке» [Gerhardt 1964: 75], которая в то время имела длительную традицию в методике преподавания русского языка для немцев. Но подробно останавливаться на этой традиционной линии здесь не место и не время, мы лишь ограничимся некоторыми ссылками.

В русской грамматике Иоганна Северина Фатера, вышедшей в 1808 г., написано, что «ы» — это «глухое 'i', которое приближается к 'ü', или, скорее, звучит так, как очень часто произносится наше 'ü', например, в слове Brücke, не так, как французское 'u', а неправильно, как будто произносится глухое 'i'» [Vater 1808: 7]. Десять лет спустя Антон Ярослав Пухмайер пишет в своем «Lehrgebäude der russischen Sprache» («Учебнике русского языка»): «'ы' звучит как глубокое глухое 'i' и приближается к 'ü': мы, mü, ту, вы, wü, wу» [Puchmayer б. г.: 4]. В 1833 г. Ф. Боох-Аркоши и С. Б. Манделькерн в своем русском «Lehr- und Lesebuch» («Учебнике и хрестоматии») объясняют следующим образом произношение звука 'ы':

Приблизительно мы находим этот звук в немецких словах Hürde, Würde, где 'ü' из-за стоящего рядом 'r' звучит более глухо, чем в словах Mütter, Hütte, Bütte [Booch-Ärkossy, Mandelkern 1883: 6].

Еще в начале XX столетия Л. Верблунский в своем учебнике «Der perfekte Russe» («Отличный русский») передает произношение 'ы' как 'ü' (см. [Werblunski б. г.: 3]) и транскрибирует, например, «богатый» как «bogätü» (с. 11), «мудрый» как «mudrü», «круглый» как «krüglü» (с. 14), т. е. поступает так же, как и Бисмарк.

Все же упомянутый здесь способ объяснения был подвергнут критике довольно рано. Подтвердим это лишь некоторыми свидетельствами. Так, например, мы читаем у Д. В. Солтау в его труде 1806 г.: «Те лица, которые учат, что русское 'ы' нужно произносить как немецкое 'ü', придают русскому языку скверное звучание, которое ему совсем не свойственно» [Soltau 1806: 88]; этот автор приводит «даже историю этой дурной привычки», которая, по его словам, «распространилась вплоть до произношения» [Gerhardt 1964: 75]. А в 1812 г. Август Вильгельм Таппе пишет в своем «Sprachlehre» («Справочнике по грамматике») о произношении 'ы':

С 'ü' или 'у' (так, как эти звуки должны хорошо и чисто произноситься правильно говорящим немцем) этот звук, вопреки тому, как до сих пор все грамматикки учили иностранцев, вообще не может сравниваться, потому что он звучит намного тверже и глуше [Tappe 1812:14].

Вернемся снова к петербургским занятиям Бисмарка русским языком. Дальнейшие уроки, которые давал ему В. Алексеев, состояли в основном в

чтении русских книг и объяснении встречающихся при этом слов. Кажется, что здесь использовалась методика преподавания и изучения, похожая на ту, которую Бисмарк рекомендовал 12 лет назад своей невесте для изучения французского языка. Сначала он прочитал и перевел со своим учителем по его рекомендации «недавно вышедший роман Тургенева “Дворянское гнездо”» [Alexejew 1895: 8]. Позже мы находим следы этого чтения в таком замечании Бисмарка 1882 г.:

Князь упомянул сегодня Тургенева и считал, что он является самым глубокомыслящим писателем всех наций среди живущих в наше время писателей [Bismarck 1926a: 457].

Но чтение не ограничивалось только художественной литературой, ибо далее «чтением служили “Колокол” Герцена и “Будущее” князя Долгорукова. Такого рода строго запрещенные журналы послы получали в то время без цензуры» [Alexejew 1895: 9]. Итак, Алексеев получал выгоду от своей преподавательской деятельности не только в финансовом отношении (ему платили рубль за час), а сам Бисмарк, очевидно, не видел в чтении «подпольной литературы» с подданным государя, у которого он был аккредитован как посланник своего короля, ничего плохого. Он сам называл ее «сомнительными книгами о России» [Bismarck 1905: 81], т. е. произведениями, «революционное содержание которых он совсем не одобрял» (Heinrich von Poschinger в: [Bismarck 1899: 10]). «После каждого урока знания в области русского языка у Бисмарка пополнялись значительно благодаря его необычайной памяти» ([Alexejew 1895: 9]; см. также: [Bismarck 1899: 10]). Спустя четыре месяца, «мы разговаривали только на русском языке» [Alexejew 1895: 9].

После того как Бисмарк провел зиму 1859/1860 г. на родине в связи с тяжелым заболеванием, он возобновил свои занятия русским языком. «Урок состоял теперь в большинстве случаев только из беседы на русском языке» [Alexejew 1895: 12]. Последний урок состоялся в конце апреля 1862 г., за день до отъезда Бисмарка в Берлин, где его ожидало назначение на пост посланника в Париж. За несколько месяцев перед своим назначением на должность прусского премьер-министра Бисмарк, согласно свидетельству своего учителя, знал русский язык «настолько, что мог свободно переводить русские газеты, хотя он не говорил бегло, а с заминками, как будто искал подходящее слово; однако же разговаривал он довольно правильно» [Alexejew 1895: 18].

Как оценивал сам Бисмарк свои знания русского языка и каким образом они формировались с течением времени? В 1884 г. в разговоре с Юлиусом фон Эккардтом он выразился следующим образом:

Мои знания русского, — заметил он улыбаясь, — наполовину вымысел. Во время моего пребывания в Петербурге я выучил его настолько, что мог об-

щаться с кучерами и слугами, ответить на приветствие, прочитать надписи и вывески. Из этого немногого с тех пор я уже большую часть снова забыл [Bismarck 1926a: 505 и далее].

Сохранилась самооценка, которая схожа с оценкой его учителя, сделанная в 1888 г:

Затем речь зашла о трудностях для изучающих русский язык иностранцев. Рейхсканцлер считал, что, разумеется, он читает русские газеты — при этом он указал на лежащий на его письменном столе экземпляр «Нового времени» — и говорит по-русски настолько, насколько это необходимо для охоты, конюшни и улицы, но с русскими легкими салонными беседами у него никогда дело не ладилось [Bismarck 1926a: 617].

Тем не менее уволенный канцлер в июле 1890 г. был в состоянии приветствовать корреспондента упомянутой газеты несколькими русскими предложениями (см. [Bismarck 1895: 347]).

В том же самом году Бисмарк в беседе с русским корреспондентом Евгением Львовым сказал, что сожалеет, «что почти забыл русский, что он еще может читать, понимая смысл только со второго раза. Впрочем, он никогда не знал русского салонного языка, а выучил лишь литературно-журналистский и прежде всего язык челяди, кучеров, мужиков, охотников — язык народа, в котором магическое “ничего” играет такую большую роль» ([Bismarck 1926b: 19]; ср. также: [Bismarck 1895: 292]). В одной из бесед в Киссингене в 1892 г. Бисмарк еще раз подчеркнул, что он до некоторой степени хорошо знал только русский народный язык:

Он понимал настолько, что мог договориться с кучерами, крестьянами и охотниками; но когда царь обращался к нему по-русски, что иногда случалось, чтобы оказать ему любезность, он каждый раз должен был подумать, что ответить. Но с русскими крестьянами он объяснялся великолепно и охотно беседовал с ними [Bismarck 1926b: 239].

В том же самом году Бисмарк объяснил французскому журналисту:

Я много занимался русским языком, но я начал в 44 года; это слишком поздно, чтобы можно было действительно хорошо освоить такой в общем-то трудный язык. Мне достаточно знаний русского, чтобы объясниться с челядью и ямщиками, это все, что необходимо; общество также свободно говорит по-немецки и по-французски ([Bismarck 1926b: 297]; ср. также: [Bismarck 1927: 143]).

И, наконец, в беседе с американским журналистом в 1893 г. он сказал: «Я тоже умел когда-то говорить по-русски» и добавил к этому, что он иногда читает русские газеты [Bismarck 1926b: 353].

Как применял Бисмарк свои знания русского языка? Очевидно, с самого начала своего пребывания в Петербурге он старался вне дипломатического и дворцового круга говорить по-русски и «избавиться» от переводчиков. Так, уже в письме к супруге от 4 июня 1859 г. он говорит:

С тех пор, как у меня есть дрожки, на которых едва ли найдется место для слуги-переводчика, я делаю успехи в русском, к ухмылке Дмитрия, кучера, так как мне не остается ничего другого, как говорить на нем *tant bien que mal* [Bismarck 1933, 1: 525].

При этом он имел определенный успех:

В санях по дороге на охоту под Петергофом, — рассказывал Бисмарк [губернатору фон Эттингену и его сыну в 1872 г.], — навстречу нам ехали возы с дровами, они недостаточно посторонились, и мы оказались в глубоком снегу. Попав в беду, мой кучер попросил меня хорошенько выругать наглцов по-русски. Когда они услышат мое немецкое произношение, они примут меня за генерал-адъютанта и тотчас же уступят дорогу. Этот рецепт сработал без промедления [Bismarck 1926a: 44].

В ругани по-русски Бисмарк, очевидно, очень скоро достиг некоторых навыков, — кажется, что даже и пресловутый мат не был ему чужд. В 1868 г. он сообщает о следующем происшествии:

Я ехал вместе с царем из Царского Села в Петербург; при выходе, в то время как царь вышел из салона с одной стороны, я, попрощавшись, хотел выйти с другой и неожиданно нашел дверь запертой и остался один в салоне. Подошедший чиновник, которого я попросил открыть дверь, не хотел мне верить, что я в черном гражданском костюме без орденов приехал с царем и таким образом оказался в царском салоне. Он зовет унтер-офицера, который подходит ко мне. Но я тотчас же хватаю его за воротник и приказываю ему: «Собачий сын! Достань мне фиакр!» Такое поведение в некоторой степени убедило его, и я получил фиакр, который отвез меня к отелю прусской дипломатической миссии [Bismarck 1924: 271].

Но не только в общении со «слугами и кучерами» прусский посланник хотел использовать свои новые языковые знания, но также и при дворе, причем, однако, в этом случае ему необходимо было скрыть эти знания. Все-таки это ему не удалось. Однажды в его присутствии царь Александр II, «наш самодержавный племянник» [Bismarck 1905: 48], вел беседу «с князем Горчаковым на русском языке; когда он заметил направленный на него взгляд Бисмарка, он спросил его: “Вы понимаете по-русски?” На этот вопрос Бисмарк дерзко ответил: “Я понимаю немного, Ваше Величество, если говорят не слишком быстро”. “Давно Вы изучаете этот язык?”, — спросил затем царь. “Только четыре месяца, Ваше Величество”, — ответил Бисмарк по-русски.

Царь выразил свое удивление по поводу его способностей и высказал ему несколько лестных слов. Великий князь Константин Николаевич хотел, однако, убедиться воочию в его знаниях в области русского языка и несколько раз начинал говорить с ним по-русски, на что Бисмарк отвечал Великому князю как только мог, но сам в душе раскисался, что выдал себя» [Alexejew 1895: 14]. Следующий случай, о котором сам Бисмарк рассказал позднее, очевидно, произошел перед описанной выше встречей с Александром II и Горчаковым:

Однажды в Петербурге Горчаков в своей собственной квартире писал в моем присутствии дерзкое письмо от моего имени одному господину, на которого я пожаловался Горчакову. Он вложил письмо в конверт с правильным адресом, позвонил и сказал вошедшему слуге, чтобы он тотчас же отнес письмо упомянутому господину. Горчаков проводил слугу к дверям и сказал ему тихо по-русски: «Не носи еще письмо, подожди немного». Я услышал и понял эти слова, а позднее я узнал, что письмо так никогда и не попало в руки упомянутому господину [Bismarck 1926a: 45 и далее].

Письменные свидетельства о знании Бисмарком русского языка встречаются прежде всего в переписке с его супругой даже в то время, когда петербургский период давно ушел в прошлое. При этом обращает на себя внимание, что Бисмарк порою дает своей жене указания по поводу произношения. Так, в уже упомянутом нами письме из Санкт-Петербурга от 19 апреля 1859 г. он продолжает:

⟨...⟩ я не могу доверить кучеру ее [верховую лошадь], он украдет у нее овесь (avioss), овес, Ты видишь, я продолжаю заниматься русским ([Bismarck 1900a, 420]; в [Bismarck 1933, 1: 514]: «Овесь, ovioss»).

В следующем письме от 6 июня 1859 г. из Москвы мы читаем:

Два часа назад я заказал карету, и последние 1,5 часа каждые 10 минут я спрашиваю, когда она будет и неизменно получаю ответ «сей часъ» (sseitschâß), с непоколебимо любезным спокойствием, но ничего не меняется [Bismarck 1933, 1: 526].

Особенно же Бисмарку понравилось выражение «ничего». Когда после долгого отсутствия, связанного с болезнью, он снова вернулся на Неву, он встретился опять со своим учителем русского языка, и при этом однажды между ними разыгралась такая сцена:

Когда мы вышли из столовой, он протянул мне впервые сигару, вынутую из кожаного портсигара с переплетенным серебряной лентой кругом, на котором с одной стороны было выгравировано по-русски: «ничего», а с другой стороны по-английски «never mind». Во время урока я объяснял ему когда-то ⟨...⟩ значение слова «ничего» и сравнивал его с английским «never mind». Это так понравилось ему, что вскоре после этого он заказал упомянутый выше портсигар [Alexejew 1895: 13].

О том, что «магическое “ничего”» [Bismarck 1926b: 19] действительно было любимым русским словом Бисмарка, свидетельствует его переписка с супругой. 13 мая 1862 г. он написал ей, теперь уже из Парижа:

Если я стану министром, то будет удачным стечением обстоятельств, что мы уже так много вещей перевезли в Шёнгаузен, так как более нескольких месяцев я едва ли удержался бы на этом посту. Как хочет Бог, все «ничего»; если только Вы там все здоровы, то все остальное мне абсолютно не мешает [Bismarck 1933, 2: 585].

А спустя лишь несколько недель, 1 июня 1862 г., он снова употребляет «ничего»:

(...) если это произойдет, то «съ Богомъ», как говорили наши ямщики, когда они брали поводья в руки. Следующим летом мы будем жить, вероятно, в Шёнгаузене. Ничего! [Bismarck 1933, 2: 590].

Отправимся на поиски дальнейших письменных свидетельств о знании Бисмарком русского языка. В августе 1862 г., за несколько недель до назначения на пост премьер-министра, Бисмарк, в то время прусский посланник при дворе Наполеона III, возобновляет в Биаррице знакомство со своим русским коллегой в Брюсселе, князем Николаем Алексеевичем Орловым, и его родившейся в 1840 г. супругой Екатериной, урожденной княжной Трубецкой. Вскоре он сообщил своей жене, что «находит» Екатерину «довольно милостивой и очень любезной» [Bismarck 1900a: 499], «что я немножко увлекаюсь ей» [Bismarck 1900a: 502]. В письме к своей сестре Мальвине Бисмарк выразился более откровенно: «(...) и немного влюбился в милостивую *princesse*. Ты знаешь, как это иногда случается со мной, не причиняя вреда Иоганне» [Bismarck 1915: 141]. Сразу же после беззаботной встречи с супругами Орловыми между «дядей» Отто фон Бисмарком и его «племянницей» завязалась переписка, которая длилась до ранней смерти «Кати» в 1875 г.

Можно было бы предположить, что в этой переписке на французском языке можно найти у Бисмарка некоторые следы его знания русского языка. Но на самом деле это не так. Во всяком случае в сохранившихся и опубликованных письмах Бисмарка к своей «*très-chère Nièce*» только один раз встречается написанное кириллицей «Гамбург» [Orloff 1936: 147], т. е. имя «Андреаса Фёдоровича Гамбургера, члена совета при русском Министерстве иностранных дел» [Ibid.: III]. У самой «Catherine» дела обстоят так же. Однажды она написала своему «*oncle*», что она не простит ему что-то «во вѣки вѣковъ» [Ibid.: 87], — и это все, что касается «элементов русского языка». Возможно, отсутствие русских следов в переписке между «дядей» и «племянницей» связано с тем, что, хотя Екатерина отлично владела английским, немецким и французским, русский она знала намного хуже, так как родилась во Франции

и до своего замужества с Николаем Орловым никогда не была в России и «очень редко имела возможность говорить на своем родном языке» [Orloff 1936: 47].

Примечательно, что Бисмарк, даже будучи рейхсканцлером, при обработке официальных документов иногда пользовался русским языком. В качестве примера приведем отчет прусского министра торговли Ахенбаха от 7 февраля 1877 г., в котором были изложены государственные мероприятия по устранению безработицы, обусловленной конъюнктурной и сезонной безработицей. Два предложения своего коллеги-министра, с которым у Бисмарка в то время «не раз возникали разногласия», приведшие в 1878 г. к увольнению Ахенбаха [Konversations-Lexikon 1902: 78], канцлер комментирует с помощью русского прилагательного «осторожно», а два следующих предложения получают вердикт «н», т. е. «нет» (ср. [Rassow 1994: 479—481]). Петер Рассов, издатель этого документа, в сноске (№ 9, с. 480) указывает на то, что «н», т. е. «нет» в написании кириллицей встречается часто в переписке Бисмарка с предшественником Ахенбаха Итценплитцем как знак «отсутствия согласия», ср. на докладной записке Германа Вагенера 1869 г. «не возможн[о].» Очевидно, Бисмарк рассчитывал на то, что некоторые из его коллег и чиновников смогут понять эти написанные на русском языке заметки.

Обратимся еще к вопросу, что говорил Бисмарк о русском языке, т. е. к его метаязыковым воззрениям. 20 сентября 1880 г. в Фридрихсру в беседе с Бисмарком принимал участие его домашний врач Эдуард Коэн, который затем записал: «После обеда разговор зашел о языках, а именно о русском. Бисмарк находит этот язык утонченнее и лучше, чем русских» [Bismarck 1926a: 378]. Подобного рода язвительную похвалу рейхсканцлер выразил в сентябре 1888 г. в беседе с итальянским премьер-министром Франческо Криспи:

Он говорит, что он [русский язык] богат и совершенен. Он удивляется, что такой народ, как русский, который во многих отношениях является довольно отсталым, имеет такой прекрасный и такой совершенный язык ([Bismarck 1926a: 626]; ср. также: [Bismarck 1895: 160]).

Но Бисмарк не ограничивался только подобными общими выражениями, он также не боялся высказать и более специфические замечания; спрашивается, откуда он набрался такой премудрости? Однако без проверки ни в коем случае нельзя их принимать за чистую монету. Так, уволенный со службы рейхсканцлер в ноябре 1892 г. поучал французского журналиста Де Гу (des Noux) следующим образом: «Весь русский народ, от Крыма до Сибири, говорит на одном и том же языке; диалектов нет, в крайнем случае не более чем небольшие различия в произношении» [Bismarck 1926b: 297]. Подобное прозвучало уже в 1883 г. в беседе, которую записал домашний врач Бисмарка:

«(...) Россия опасна своим совершенным единством языка и нравов. В России почти нет диалектов. Император говорит точно так же, как и самый простой крестьянин. Также и в национальных взглядах незаметно различий» [Cohen 1915: 321].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Бисмарк, очевидно, испытывал антипатию к урокам греческого языка в гимназии и предпочитал этому языку русский. Когда его доверенное лицо публицист Мориц Буш напомнил ему в сентябре 1870 г. во время войны с Францией в пользу греческого о «*disciplina mentis*» и «заметил, что 20 или 30 значений частицы *ᾤ*» являют собой также нечто прекрасное для того, кто может пересчитать их на пальцах», Бисмарк возразил на это:

Да, но в русском языке, если думаешь о греческой *disciplina mentis*, это еще более прекрасно. Можно было бы ввести сразу вместо греческого русский, это имело бы непосредственную практическую пользу. Там есть масса частиц, которые помогают при несовершенстве спряжения, а 28 склонений, которые существовали ранее, были хорошим упражнением для памяти. Теперь осталось только три, но зато больше исключений. А как изменяется при этом основа — от некоторых слов остается только одна буква [Bismarck 1924: 353].

Откуда взялись эти 28 и соответственно три склонения? Что касается частиц, «которые помогают при несовершенстве спряжения», то Бисмарк, возможно, имел в виду *бы, мол, -ка* и др.

О богатстве форм русского языка Бисмарк говорил очень часто, причем он неоднократно сравнивал этот язык с греческим:

Я почти не могу понять, каким образом народ, который почти совсем не преуспел в культуре, на такой протяженной территории с такой чистотой может говорить на языке, грамматика которого по меньшей мере такая же изящная и запутанная, как греческая у Демосфена или Фукидида ([Bismarck 1926b: 297]; ср. также: [Bismarck 1926b: 239]).

Мы уже упоминали, что в 1859 г. Бисмарк сообщал своей жене, что в русском языке отсутствует глухой придыхательный звук [h]. Рейхсканцлер воспользовался знанием этого факта, когда летом 1880 г. он проверял знания русского языка у начинающего дипломата по имени Гейкинг (Heiking):

При этом Бисмарк сказал: [«]В русском отсутствует 'Н', поэтому в России Вас будут звать 'Гейкинг'», на что Гейкинг ответил: «Так точно, Ваша Светлость, точно так же, как и русского премьер-министра Гирса по-немецки нужно звать 'Hirsch'» [Bismarck 1926b: 372].

Акцентолог не может не упомянуть тот факт, что Бисмарк интересовался даже трудностями русского ударения. В феврале 1879 г. он беседовал с Мо-

рицем Бушем, причем разговор зашел между прочим о русском дипломате Лобанове:

Я сказал: «Лобáнов»? Как произносятся, кстати, эти русские фамилии: «Гóрчаков и Лобáнов?» «Его зовут Гóрчаков; остальное не совсем ясно; тон то сзади, то спереди, то в середине» [Bismarck 1926b: 307].

Справка, которую Бисмарк дает здесь своему собеседнику Бушу, к сожалению, в одном, безусловно, неправильна. Фамилия русского канцлера происходит от существительного *горчáк*, которое в косвенных падежах везде акцентуируется на окончании: *горчакá*, *горчаку́* и т. д. Это место ударения сохраняется и в том случае, если окончания заменяются притяжательным суффиксом *-ов*: *Горчакóв*, *Горчакóва*, *Горчакóву* и т. д. Фамилия бывшего наставника Бисмарка, а потом его соперника с такой акцентуацией стоит в одном ряду с остальными русскими фамилиями на *-акóв/-якóв*, у которых, согласно Б. О. Унбегауну [Унбегаун 1989: 98; ср. также: 111 и далее], ударение падает постоянно на суффикс *-ов*; ср., например, *Бурлакóв*, *Рыбакóв*, *Скорнякóв*, *Мещерякóв*, *Пермякóв*, *Прус(с)акóв*, *Русакóв* и др.

В заключение следует привести утешительные слова, которые Бисмарк сформулировал для всех тех, кто даже после многолетних занятий русским не преодолел трудностей в изучении системы видов этого языка, и которые стоят на титульном листе учебного пособия о видах глагола — «О видах русского глагола», изданного В. Нифонтовым в 1906 г. в Юрьеве, т. е. *Dorpat = Derpt = Dörpt = Darpt = Tartulin = Tehrpat = Tarbatum = Tartu*. Там цитируется следующее изречение «Кн. Бисмарка»: «Легче разбить десять французских армий и взять столько же первоклассных крепостей, чем одолеть виды русского глагола». В этом изречении как бы соединены две стороны личности основателя империи в единое целое — Бисмарк как знаток языков и Бисмарк как политик, имеющий власть. В данной статье речь шла о том, чтобы осветить малоизвестную до сих пор грань Бисмарка как знатока языков и тем самым дополнить наше представление о человеке, создавшем единство Германии, к которому мы счастливо возвратились 16 лет назад.

Литература

- Нифонтов 1906 — *Нифонтов В.* О видах русского глагола. Пособие для учащихся русскому языку. Юрьев, 1906.
- Унбегаун 1989 — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1989.
- Alexejew 1895 — *Alexejew W.* Erinnerungen des ehemaligen russischen Sprachlehrers des Fürsten Otto von Bismarck. St. Petersburg; Leipzig, 1895.

- Bismarck б. г. — *Bismarck O. v. Gedanken und Erinnerungen*. Stuttgart; Berlin [б. г.].
- Bismarck 1895 — *Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche und Interviews* / Hrsg. von H. von Poschinger. Stuttgart, Leipzig; Berlin; Wien, 1895.
- Bismarck 1899 — *Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche und Interviews* / Hrsg. von H. von Poschinger. Bd. 2. Stuttgart; Leipzig, 1899.
- Bismarck 1900a — *Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin* / Hrsg. von H. Bismarck. Stuttgart, 1900.
- Bismarck 1900b — *Bismarckbriefe 1836—1873* / Hrsg. von H. Kohl. 8. Auflage. Bielefeld; Leipzig, 1900.
- Bismarck 1905 — *Bismarcks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz 1858—1861*. Stuttgart; Berlin, 1905.
- Bismarck 1915 — *Briefe Ottos von Bismarck an Schwester und Schwager Malwine von Arnim, geb. v. Bismarck und Oskar von Arnim-Kröchlendorff 1843—1897*. Im Auftrage der Frau Sibylle von Bismarck geb. von Arnim / Hrsg. von H. Kohl. Leipzig, 1915.
- Bismarck 1920 — *Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris (1859—1862)* / Hrsg. von L. Raschdau. Bd. 1 — 1859/60, Bd. 2 — 1861/62. Berlin, 1920.
- Bismarck 1924 — *Bismarck O. v. Die gesammelten Werke*. Bd. 7. Gespräche / Hrsg. von und bearbeitet von Dr. W. Andreas. Bd. 1: Bis zur Aufrichtung des Deutschen Reiches. Berlin, 1924.
- Bismarck 1926a — *Bismarck O. v. Die gesammelten Werke*. Bd. 8. Gespräche / Hrsg. von und bearbeitet von Dr. W. Andreas. Bd. 2: Bis zur Entlassung Bismarcks. Berlin, 1926.
- Bismarck 1926b — *Bismarck O. v. Die gesammelten Werke*. Bd. 9. Gespräche / Hrsg. von und bearbeitet von Dr. W. Andreas. Bd. 3: Von der Entlassung bis zum Tode Bismarcks. Berlin, 1926.
- Bismarck 1927 — *Bismarck. Gespräche* / Von seinem Anwalt Justizrat Ferdinand Philipp aufgezeichnet und aus dessen Nachlass herausgegeben. 2. Auflage. Dresden, 1927.
- Bismarck 1933 — *Bismarck. Die gesammelten Werke. Briefe* / Hrsg. von Dr. W. Windelband und Dr. W. Frauendienst. Bd. 1: 1822 — 1861; Bd. 2: 1862—1898. Berlin, 1933.
- Böhntlingk 1908 — *Böhntlingk A. Bismarck und Shakespeare*. Stuttgart; Berlin, 1908.
- Booch-Ärkossy, Mandelkern 1883 — *Booch-Ärkossy F., Mandelkern S. B. Ausführliches Lehr- und Lesebuch zum fertigen Sprechen und Schreiben der russischen Sprache*. 2. Auflage, Erster Cursus. Leipzig, 1883.
- Brauer 1915 — *Brauer A. v. Bismarcks Schreibweise // Erinnerungen an Bismarck*. Aufzeichnungen von Mitarbeitern und Freunden des Fürsten, mit einem Anhang von Dokumenten und Briefen. In Verbindung mit A. v. Brauer gesammelt von E. Marcks und K. A. v. Müller. 2. Auflage. Stuttgart; Berlin, 1915. S. 223—238.
- Cohen 1915 — *Cohen E. Worte Bismarcks (1880 — 1884)*. Nach Aufzeichnungen von Dr. E. Cohen // Erinnerungen an Bismarck. Aufzeichnungen von Mitarbeitern und Freunden des Fürsten, mit einem Anhang von Dokumenten und Briefen. In Verbindung mit A. v. Brauer gesammelt von E. Marcks und K. A. v. Müller. 2. Auflage. Stuttgart; Berlin, 1915. S. 297—344.
- Engelberg 1991 — *Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer*. München, 1991.
- Engelberg 1998 — *Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks*. Berlin, 1998.
- Gall 1980 — *Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär*. Frankfurt am Main; Berlin; Wien, 1980.

- Gall, Jürgens 1990 — *Gall L., Jürgens K.-H.* Bismarck. Lebensbilder. Bergisch Gladbach, 1990.
- Gerhardt 1964 — *Gerhardt D.* „ы” in Beschreibungen und Systemen russischer Laute // *Zeitschrift für den Russischunterricht*. Bd. I. Heft 1/2. 1964. S. 73—86.
- Koch 1913 — *Koch F.* Bismarck und die Polen. Berlin, 1913.
- Konversations-Lexikon 1902 — *Meyers Großes Konversations-Lexikon*. 6. Auflage. Bd. 1. Leipzig; Wien, 1902.
- Liszkowski 2000 — *Liszkowski U.* Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht*. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von M. Keller, München, 2000 (= *West-Östliche Spiegelungen*. Reihe A. Bd. 4). S. 111—145.
- Lyon 1895 — *Lyon D.* Bismarcks Reden und Briefe nebst einer Darstellung des Lebens und der Sprache Bismarcks. Leipzig, 1895.
- Meyer 1897 — *Meyer R. M.* Bismarck und die Dichtkunst I // *Bismarck-Jahrbuch*. Bd. IV. 1897. S. 261—264.
- Nolde 1936 — *Nolde B. B.* Die Petersburger Mission Bismarcks 1859—1862. Rußland und Europa zu Beginn der Regierung Alexander II. Leipzig, 1936.
- Orloff 1936 — *Orloff F. N.* Bismarck und die Fürstin Orloff. Ein Idyll in der hohen Politik. München, 1936.
- Pflanze 1997 — *Pflanze O.* Bismarck. Der Reichsgründer. München, 1997.
- Prutz 1904 — *Prutz H.* Bismarcks Bildung — ihre Quellen und ihre Aeüßerungen. Berlin, 1904.
- Puchmayer [6. r.] — *Puchmayer A. J.* Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des Hrn. Abbe Dobrowsky. Prag [6. r.].
- Rassow 1994 — *Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1867 bis 1914*, begründet von P. Rassow im Auftrag der Historischen Kommission der Akademie der Wissenschaften und der Literatur / Hrsg. von K. E. Born, H. Henning, F. Tennstedt. I. Abteilung. Von der Reichsgründungszeit bis zur kaiserlichen Sozialbotschaft (1867—1881). 1. Band: Grundfragen staatlicher Sozialpolitik, bearbeitet von F. Tennstedt und H. Winter unter Mitarbeit von W. Ayass und K.-H. Nickel. Stuttgart; Jena; New York, 1994.
- Russell 2000 — *Russell W. H.* Meine sieben Kriege. Die ersten Reportagen von den Schlachtfeldern des neunzehnten Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 2000.
- Schwetschke 1896 — *Schwetschke Eu.* Bismarck und die Dichtkunst I // *Bismarck-Jahrbuch*. Bd. III. 1896. S. 390—397.
- Schwetschke — *Schwetschke Eu.* 1896, Bismarck und die Dichtkunst II // *Bismarck-Jahrbuch*. Bd. IV. S. 265—288.
- Soltau 1806 — *Soltau D. W.* Beyträge zur Berichtigung des Adelungschen grammatisch-kritischen Wörterbuches. Leipzig; Lüneburg, 1806.
- Tennstedt F. u. a. 1994 — *Von der Reichsgründungszeit bis zur kaiserlichen Sozialbotschaft (1867—1881)*. 1. Band: Grundfragen staatlicher Sozialpolitik. Die Diskussion der Arbeiterfrage auf Regierungsseite vom preußischen Verfassungskonflikt bis zur Reichstagswahl von 1881 / Hrsg. u. bearbeitet von F. Tennstedt und H. Winter unter Mitarbeit von W. Ayass und K.-H. Nickel. Jena, New York, 1994.
- Tappe 1812 — *Tappe Au. W.* Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. 2. Auflage. St. Petersburg; Riga, 1812.

-
- Vater 1808 — *Vater J. S.* Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre. Leipzig, 1808.
- Vogel 1896 — *Vogel Th.* Zur Charakteristik der politischen Reden Bismarcks // Bismarck-Jahrbuch. Bd. III. 1896. S. 337—261.
- Werblunski б. г. — *Werblunski S. L.* Der perfekte Russe oder praktischer Unterricht in der russischen Umgangssprache für jedermann, auch ohne Vorkenntnis des Russischen. Berlin [б. г.].
- Whitman 1903 — *Whitman S.* Fürst von Bismarck. Persönliche Erinnerungen an ihn aus seinen letzten Lebensjahren. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1903.

О ЯЗЫКЕ «МАССКУЛЬТУРЫ» ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: ЛУБОЧНАЯ СКАЗКА О БОВЕ *

А. А. Плетнева
ИРЯ РАН, Москва

Язык лубка и русский литературный язык

Большинство исследований, посвященных истории русского литературного языка XIX в., опираются на произведения русской классической литературы. С современных позиций такой подход вполне оправдан, поскольку из всех подсистем письменного языка, существовавших в XIX в., именно язык литературы стал господствующим и в конце концов вытеснил все остальные. Однако надо помнить, что в XIX в. язык делопроизводства, язык духовной литературы и некоторые другие функциональные стили имели значительно больше отличий от языка художественной литературы¹, чем это имеет место сейчас. Язык документов, которые Акакий Акакиевич переписывал в своем департаменте, в языковом отношении сильно отличались от того, что выходило из-под пера его создателя. Да и сама литература не отличалась языковым единством, и это прежде всего было связано с тем, что люди, относившиеся к разным социальным группам, имели разные предпочтения. При этом совершенно очевидно, что количество читателей, считающих язык Карамзина, Гоголя или Пушкина своим, было сравнительно небольшим.

Для изучения языковых представлений большей части грамотного населения следует обратить внимание на произведения массовой литературы, на бестселлеры того времени. А для того, чтобы отличить бестселлер от «небестселлера», приходится обращаться к тиражам. Так, если тираж пушкинского «Современника» не превышал 600 экземпляров, то тираж презируемой культурной элитой «Библиотеки для чтения» Сенковского составлял 5 тысяч

* Работа выполнена по программе ОИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте», проект 4.03.

¹ Наиболее значительные отличия касались лексики и синтаксиса, однако в некоторых случаях затрагивался и морфологический уровень.

экземпляров [Гессен 1930: 142—143; Гриц 2001: 250]. Цифры тиража значимы потому, что они являются прямым свидетельством популярности издания и, следовательно, показателем того, что данный журнал или книга в эстетическом и языковом отношении соответствует вкусам своих читателей.

В послепетровской России одним из безусловных фаворитов на рынке коммерческой литературы были лубочные сказки. Изданные в виде гравированных книжек, все они некоторым образом соотносятся с поздними рукописными текстами. Истории про Бову-королевича, про Еруслана Лазаревича, про Петра Златые ключи переписывались в составе рукописных сборников до середины XIX в. Эти сборники, как пишет А. Н. Пыпин, в XVIII в. читали люди всех сословий, «рукописи принадлежали людям по-тогдашнему образованным — гвардейским и армейским офицерам, мелким военным чинам (какие проходили тогда в дворяне), чиновникам... затем купцам, посадским людям, наконец, крестьянам» [Пыпин 1888: VI]. Те же читатели были и у лубка. Хотя постепенно, к середине XIX в., культурная непрестижность подобных текстов привела к тому, что представители образованных сословий перестали читать лубки и рукописные сборники.

И рукописные, и лубочные версии приключенческих повестей и сказок по языку сильно отличаются от текстов, которые традиционно считаются литературными. Здесь обнаруживается значительное число не вошедших в литературный язык просторечных слов и церковнославянизмов, синтаксических конструкций, характерных для устной речи, а также отдельных церковнославянских морфологических форм, уже к середине XVIII в. ставших анахронизмами в литературном языке (если такие формы и появляются в литературных текстах, то они, безусловно, стилистически окрашены, в то время как в лубочной литературе, как и в фольклоре, они нейтральны). По аналогии с термином «гибридный церковнославянский», вероятно, можно говорить о «гибридном русском» языке лубочных изданий.

Тот факт, что язык лубочных сказок, тиражи которых значительно превосходили, например, тиражи сказок Пушкина, имеет массу отличий от нормы эпохи, позволяет утверждать, что русский литературный язык в первой половине XIX в. не являлся общенациональным языком, а был, скорее, социальным диалектом образованной части общества [Поливанов 1931: 125; Кравецкий, Плетнева 2001: 25—41]. Эта образованная часть общества (к ней относились дворяне и духовенство) в Российской империи составляла абсолютное меньшинство: в 1870 г. дворяне составляли 1,2 % от общего числа населения, а духовенство — 0,9 %. В то же время городские сословия составляли 9,2 %, а крестьяне — 81,5 % [Россия 1991: 86]. Конечно, далеко не все крестьяне были грамотными. И все же с развитием начального образования в пореформенной России их процент был не таким уж маленьким. К тому же

широко было распространено домашнее обучение грамоте по Часослову и Псалтири [Кравецкий 2003: 145—152; Кравецкий, Плетнева 2001: 25—30]. При этом образованные крестьяне и мещане читали литературу, которая сильно отличалась от русской классической литературы, в том числе и по языку [Плетнева 2001: 260—279]. В таком случае, обращаясь к народной литературе, мы имеем дело с некой параллельной лингвистической действительностью, описание которой, на наш взгляд, представляет несомненный интерес.

Сказка о Бове-королевиче и ее место в лубочной письменности

Сказка о Бове-королевиче была, безусловно, одним из самым популярных текстов в своем жанре. В журнале «И то и сіо» (март 1769 г.) М. Д. Чулков пишет об одном приказном, занимавшемся переписыванием романов:

По прекращении приказной службы кормит он голову свою переписыванием разных историй, которые продаются на рынке, как-то, например, Бову-королевича, Петра Златых Ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине, о Герионе, о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Размире, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве, о Барбосе-разбойнике и прочие весьма полезные истории, и сказывал он мне, что уже 40 раз переписал историю Бовы-королевича, ибо на оную бывает больше походу, нежели на другие такие драматические сочинения [И то и сіо, X].

О том, что сюжет о Бове-королевиче был чрезвычайно популярен, свидетельствует и количество лубочных изданий. Так, в каталоге В. Д. Кузьминой представлено 225 изданий сказки о Бове и 88 изданий отдельных сюжетов сказки [Кузьмина 1964: 251—262]². У нас нет точных данных о тиражах этих изданий, однако сам характер лубка как сугубо коммерческой продукции говорит о том, что они были значительными.

Популярность сказки о Бове не вызывала восторга у представителей новой культурной элиты. М. В. Ломоносов считал, что чтение подобных текстов не является душеполезным занятием, а слог их далек от совершенства. Их характеристика весьма не лестная: «...сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетеньем на смех приводят, как сказка о Бове» [Ломоносов VII: 222—223].

Сумароков связывал языковое несовершенство сказки о Бове и подобных произведений с тем, что их переписывали люди, получившие традиционное образование и не приобщенные к новой культуре.

² Количество дошедших рукописей тоже представляется весьма значительным [Кузьмина 1964: 245—251].

Но лзя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога,
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать «Бову», «Петра Златы Ключи»,
Подьячий говорит: «Писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно!»
И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать вовек
[Сумароков 1957: 114].

Различия в языковой практике трех составителей полной редакции Сказки о Бове

Те нелестные характеристики, которые давали языку лубка русские писатели, объясняются достаточно большим количеством разнородных языковых элементов, объединенных в одном тексте, что с позиции литературного языка воспринималось как стилистическая неоднородность. Спектр выбранных языковых средств оказывается намного более широким, чем аналогичный спектр при языковых экспериментах в XVIII в., когда русский литературный язык только создавался.

Для доказательства высказанных положений рассмотрим материал полной редакции лубочной сказки о Бове-королевиче. Наш выбор объясняется в первую очередь тем, что именно эта редакция переиздавалась с 90-х гг. XVIII по 40-е гг. XIX в.³ Именно по отношению к этому периоду можно говорить об окончательном формировании норм русского литературного языка. Это дает исследователю возможность сравнивать две одновременно существующие письменные системы.

При чтении текста наше внимание обратил на себя тот факт, что конец и начало сказки довольно сильно отличаются друг от друга по языку. Можно было предположить, что это связано не с источником, лежащим в основе той

³ Существуют две основные редакции лубочных изданий сказки о Бове: краткая и полная. Краткая редакция появляется в 60-е гг. XVIII в. и переиздается вплоть до 1880-х гг. [Кузьмина 1964: 63]. Полная редакция существовала в трех видах: 1) гравированная на 8 листах с 32 картинками; 2) без картинок (с иллюстрацией на обложке); 3) воспроизведение (иногда в уменьшенном формате) издания на 8 листах с меньшим числом иллюстраций. В настоящей работе мы рассматриваем лишь первый вариант, регулярно переиздававшийся с 90-х гг. XVIII в. по 40-е гг. XIX в. Этот выбор объясняется тем, что язык этих переизданий не подвергался исправлению, в то время как переиздававшиеся во второй половине XIX в. второй и третий варианты отражают языковую правку [Кузьмина 1964: 66].

или иной части⁴, а с языковыми пристрастиями человека, составлявшего текст. Действительно, составители лубочных текстов не имели единого представления о том, каковы нормы письменного языка, и каждый действовал, исходя из своего образования, круга прочитанных текстов, профессиональных навыков.

Анализ текста показал, что полную редакцию лубочной сказки составляли три человека⁵. Этот вывод был сделан на основе анализа структуры предложения разных частей текста⁶. При разделении текста на части, составленные разными людьми, мы пользовались следующими критериями:

а) Достаточно показательной оказывается позиция *и*-начинательного, встречающегося после точки. У первого составителя оно встретилось 3 раза, у второго — 30 раз, у третьего — 15. Эта позиция отчетливо противопоставляет первого составителя второму и третьему.

б) Другая позиция: соединение частей текста или же частей сложного предложения посредством частицы *же*:

*И внидоша Бова королевичь и ста предъ королемъ король же рече Бовѣ господини мои старче можешли ты сию рану изльчити и я тебе дамъ злата и сребра (30.5)*⁷.

У первого составителя встретилось 9 случаев противительного *же*, у второго — 2, у третьего — 52. Эта позиция отчетливо противопоставляет, с одной стороны, первого и второго составителя, с другой — третьего.

⁴ По наблюдениям Кузьминой, среди множества рукописей сказки о Бове практически нет идентичных. «Изучение совокупности сохранившихся списков повести показывает, что переписывание не было механическим действием, а почти всегда являлось творческим актом. Из числа изученных нами рукописей лишь две пары (...) сходятся дословно. Остальные в той или иной мере отличаются друг от друга. Взяв за основу тот или иной текст, автор произвольно сокращал его (...), иногда переставлял эпизоды (...), по-своему пересказывал их, добавляя те или иные вставки (...), нередко контаминировал тексты различных редакций» [Кузьмина 1964: 59—60]. Если практически не существовало идентичных рукописей, то очевидно, что при составлении версии лубочного текста рукописный источник точно так же перерабатывался как в текстовом, так и в языковом отношении.

⁵ Кузьмина считает, что первая часть полной лубочной сказки восходит к III рукописной редакции, а вторая — ко II, но при этом «кое-где сохраняются фразеология и детали III редакции» [Кузьмина 1964: 67—68]. При этом предположить, к каким именно рукописям восходит лубочный текст, не представляется возможным.

⁶ Иногда предложение в лубочной сказке соответствует предложению в литературном тексте на русском языке, а иногда точка ставится в конце нескольких предложений. Для нас существенно два момента: наличие точки (соответственно иногда точка фиксирует конец предложения, иногда конец периода) и способ соединения предикативных единиц.

⁷ Все примеры приводятся по изданию [Ровинский I: 84—113].

Выделенные части оказываются примерного равного размера. Первая часть — по четвертое предложение десятой страницы включительно (соответственно 1.1—10.4). Вторая — по первое предложение 22-й страницы (соответственно 10.5—22.1). Третья — до конца (соответственно 22.2—32.9)⁸. Выделение этих фрагментов подтверждается и другими лингвистическими показателями (о чем см. ниже).

Предложение первой части по своему строю имеет сходство с литературными текстами второй половины XVIII в. Предикативные элементы внутри предложения соединены между собой посредством как сочинительных, так и подчинительных союзов. Например:

Она же прекрасная королевна Милитриса Кирбитовна падши предъ отцемъ своимъ на колѣни доносила ему Государь мой батюшка славныи и храбрый король Кирбитъ Верзоуловичъ нынѣ итти за него смелости не имѣю потому что когда я была млада то король Гвидонъ за меня сватался и тогда изволили вы ему отказать прошу васъ чтобъ какъ возможно за него не отдавать меня а буде изволите отдавать въ замужество то прошу отдать за короля Дадона которои нашему державству оберегатель и истинно кресной хранитель отъ всѣхъ нападствующихъ на нас (2.1).

Предложения второй и третьей части ориентированы скорее на переводные повести XVIII в., а не на русский литературный язык XVIII в. При соединении предикативных частей внутри одного периода подчинительные союзы встречаются значительно реже, а союз *и* — значительно чаще:

И Бова грамоту принялъ и челомъ ударилъ и пошелъ на конюшню и осѣдлалъ доброго коня иноходца богатырскаго и поѣхалъ въ Задонское царство и ѣхалъ пять дней и пять нощеи ине можетъ наѣхать ни реки ни ручья ни колодезя а пить очень хочется увидѣлъ Бова отъ дороги в сторонѣ дубъ а под дубомъ стоитъ старецъ (Вторая часть, 14.6);

И прекрасная Дружневна пожда Бову многое время думая что львы растерзали и взяв на руки двухъ сыновъ своихъ сѣла на иноходца и поѣхала куды глаза глядятъ и приехала Дружневна въ Задонское царство и взяла добраго коня инохотца пустила въ чистое поле поди де ты мои доброй конь ищи себѣ государя ласкового и плакала горко о разлученіи государя своего Бовы королевича (Третья часть, 28.5).

⁸ Конечно, мы не можем ручаться за абсолютную точность такой разбивки. Демаркационная линия отчетливо не прослеживается между двумя конкретными предложениями. Предполагаем погрешность: одно-два предложения от условной границы в обе стороны. В любом случае, это не влияет на общую картину.

Отличия языка Сказки о Бове от литературного языка XVIII—XIX вв.

Формы прошедшего времени

По ряду позиций язык лубочной сказки отличается от русского литературного языка первой трети XIX в. Прежде всего это касается форм прошедшего времени. У первого составителя встречаются только формы на *-л*. У второго наряду с формами на *-л* появляются и аористные формы. Всего у второго составителя аорист встречается 27 раз (все случаи — 3 л. ед. ч.), из них 18 раз — форма *рече*. Кроме того, 3 раза появляется форма *повеле*, 2 раза — *увиде*, 2 раза — *виде*, 1 раз — *погна*, 1 раз — *услыша*.

У третьего составителя аорист встречается намного чаще и выбор глаголов, от которых образована эта форма, разнообразнее. Всего встретилось 76 форм аориста (форм прошедшего времени на *-л*: 255, т. е. приблизительно в 3,5 раза больше). Форма *рече* встречается 20 раз, *повеле* 11 раз, *слыша* 5 раз (*услыша* 3 раза), *поиде* 4 раза (*вниде* 1 раз, *идоша* 1 раз, *внидоша* 1 раз), *собра* 2 раза, *рассече* 2 раза, *вопроси* 2 раза, *начаша* 2 раза (*нача* 1 раз). По одному разу встречаются формы *ста*, *бысть*, *прииде*, *отречеся*, *отсече*, *пожда*, *устрашися*, *достигше*, *паде*, *обвиша*, *подаде*, *умре*, *прослезися*, *виде*, *увиде*, *посла*, *связа*. Формы с окончанием *-ша*, как правило, встречаются при подлежащем только в единственном числе: *Потомъ король Дадонъ обвиша главу и начаша лѣчится и искати по многимъ градамъ лѣкаря* (30.4); *и внидоша Бова королевичъ и ста предъ королемъ* (30.5).

Форма аориста 3 ед. может также появляться при подлежащем не только в ед. ч., но и во множественном: *и потом воста они против короля Маркобруна и выехали из града* (26.3); *король же Дадонъ и прекрасная королевна Милитриса услышавше что Бова королевичъ стоитъ подъ градомъ Антономъ повѣле въ рогъ трубить* (30.2).

Один раз встречается форма имперфекта (*ни*)*ведаше*, 2 раза — форма перфекта со связкой *убил еси*, *велѣла еси*, 1 раз в сочетании со связкой *еси* является не л-форма, а форма аориста: *прелстися еси*⁹.

Инфинитив

В тексте лубочной сказки у первого составителя встречаются только инфинитивы на *-ть*, у второго 104 случая употребления инфинитива на *-ть*, и

⁹ Характерно, что перфектная форма встречается только во 2 л. ед. ч. В церковнославянских текстах XVII—XIX вв. во 2 л. ед. ч. перфект последовательно вытеснил формы аориста и имперфекта.

5 раз появляется инфинитив на *-ти* (*прохлаждатися* 13.6, *радоватися* 14.3, *задернути* 16.4, *засыпати* 16.4, *битися* 21.3). У третьего составителя 64 случая употребления инфинитива на *-ть* и 16 случаев — на *-ти* (*выдати* 25.7, *царствовати* 27.0, *битися* 28.4, *тужити* 30.3, *искати* 30.4, *возвестити* 30.4, *взяти* 30.5, *излечити* 30.5, *бросити* 31.2, *жаловати* 32.4, *владети* 32.4, *стояти* 32.6, *зняти* 32.6, *царствовати* 32.6, *отвещати* 32.8, *жити* 32.9).

Функционирование деепричастий

Образование деепричастных форм в сказке о Бове хотя и сильно отличается от того, что представлено в современном русском литературном языке, но вполне соответствует нормам литературного языка второй половины XVIII в. В тексте сказки встречаются формы с суффиксами:

- а (я): *объявя* (1.3), *обступя* (8.5), *увидя* (9.6), *подъезжая* (9.4);
 - в: *написав* (1.2), *побежав* (3.5), *уронив* (7.9);
 - вши: *выпивши* (15.0), *поднявши* (7.9), *сказавши* (4.5);
 - ши: *пришедши* (16.5, 25.5, 30.3), *испекши* (5.6), *могиши* (4.3);
 - учи (ючи): *едучи* (27.1), *будучи* (2.0), *отдаючи* (5.7), *ступаячи* (11.8);
- бессуффиксные формы от глагола «идти» и однокоренных приставочных глаголов: *вышед* (28.2, 24.4), *пошед* (32.3, 10.5), *отошед* (27.2), *вошед* (25.9, 5.6), *пришед* (23.1, 23.4, 24.4, 17.2, 6.4).

В грамматике Барсова, относящейся к концу 80-х гг. XVIII в., все эти способы образования деепричастий представлены. При этом если формы на *-а* (я) и *-учи* (ючи) у Барсова рассматриваются как равноправные и в большинстве случаев взаимозаменяемые¹⁰, то формы на *-вши* являются основным вариантом при допустимости форм на *-в*¹¹.

Все эти формы деепричастий зафиксированы и в литературных текстах второй половины XVIII в. [Очерки I: 173—179], хотя, безусловно, концентрация форм на *-учи* (ючи), которые грамматистами XIX в.¹² квалифицировались

¹⁰ Предпочтение одной из форм может объясняться происхождением глагола: «В точных российских глаголах пристойнее употреблять деепричастия на *чи*, а в словенских на *я* (или *а*), напр(имер) лучше сказать *гребучи*, нежели *гребя*, а с другой стороны лучше *дерзая*, нежели *дерзаячи*» [Барсов 1981: 602].

¹¹ «Слог *вши* во всех трех прошедших временах может заменен быть в конце полуслогом *въ*, а в середине одною согласною *в*, напр(имер) *двигавши двигавъ*, *смеявши смеявся...*» [Барсов 1981: 603].

¹² «Деепричастие настоящего времени оканчивается двойкою (...): на *я*, *жа*, *ча*, *ша*, *ща*, и на *ючи*, или *учи*, напр. *читая*, *читаючи*, *бѣя*, *бѣючи*; *пища*, *пишучи*. Последнее окончание принадлежит особенно просторечию» [Востоков 1842: 119]. «Почти каж-

как явно просторечные, в лубочных текстах более высокая. Кроме того, редко у кого из авторов встречается весь набор деепричастных форм, как это наблюдается в лубочной сказке. «Выбор той или иной формы зависел в известной мере от склонности автора, от индивидуального предпочтения (в стихах, конечно, играл роль и размер)» [Очерки I: 181].

Важной языковой особенностью сказки о Бове является употребление деепричастий в предикативной функции. Употребление причастия именительного падежа (из которого произошли деепричастные формы) в качестве сказуемого было характерной чертой древнерусских текстов, синтаксической особенностью русского извода [Горшкова, Хабургаев 1981: 336—337; Алексеев 1987: 187—200]. В русском литературном языке XVIII в. употребление деепричастия в предикативной функции — безусловный архаизм [Очерки II: 375]. Однако вплоть до конца XVIII в. в поэзии, сохраняющей многие архаические черты языка, изредка могут встречаться подобные конструкции:

Когда хозяина треск дома разбудил
Он вставши со одра и свечку засветил
[Майков 1966: 122].

В поэтических текстах XVIII в. встречаются разного рода языковые особенности, не являющиеся нормативными для литературного языка и почти не встречающиеся в прозе¹³. Это некоторым образом сближает поэтические тексты с народной литературой, т. к. и то, и другое в значительной степени питается церковнославянской языковой стихией.

При подсчетах мы рассматриваем деепричастие как предикативную единицу только в том случае, если оно связано с глаголом сочинительным союзом *и*:

И приніла королевна Милитриса блюдо и открыла платокъ и увидя королья Дадона главу и закрічала (31.3);

Уриль ударивъ царицу свою по лицу и говоритъ (26.1);

Потомъ повелѣль он въ рогъ затрубить и собравши войска 30000 пошелъ подъ градъ гдѣставъ въ лугу королевскомъ и шатры разставилъ (3.2);

дое деепричастие имеет по два окончания: в настоящем времени *-я* или *-а*, и *-ючи* или *-учи*, а в прошедшем *-въ* и *-ши*. Последнее из оных именуется *полным*, а первое — *усеченным*. Значения оных совершенно равны; разность состоит в употреблении: *полное* окончание употребляется преимущественно в изустном разговоре, в просторечии, а *усеченное* более на письме, в слоге возвышенном» [Греч 1834: 213].

¹³ О связи поэтического языка и церковнославянской языковой традиции см. [Живов 1996: 221—242].

И Бова прѣхал на морское пристанище и вшедь въшатерь гдѣ два короля связаны лежатъ подѣ лавкою Зензевеи и Маркобрунѣ и Бова двухъ королеи развязалъ и побѣхалъ в Армянское царство (13.1).

У трех составителей лубочной сказки о Бове-королевиче процент такого рода конструкций по отношению к общему количеству употребления деепричастий оказывается разным. У первого составителя деепричастие встречается 60 раз, союзом *и* соединяется с глаголом 5 раз. У второго составителя деепричастие встречается 12 раз, из них 2 раза соединяется с глаголом союзом *и*. Для третьего составителя, в языке которого вообще много архаических особенностей, из 42 деепричастий 22 соединяются с глаголом союзом *и*.

Однако не только примеры такого рода указывают на высокую самостоятельность деепричастной формы. В Сказке о Бове есть несколько случаев, когда подлежащее включается в деепричастный оборот:

Пришедъ юноши въ ноци начали кровлю ломать и къ Бовѣ спущатьца (17.2);

И приш(е)дѣ Бова въ Задонское царство вшелъ въ королевския палаты и грамоту на столъ положил (15.1);

И пришедъ Дружневна к рѣкѣ умылась чернымъ зеліем и стала черна как уголь (28.6).

Конструкции, где в начале стоит деепричастие, за ним — подлежащее, а в конце — слово, зависимое от деепричастия, встречались в литературных текстах второй половины XVIII в., прежде всего в поэтических, а также в жанрах, отразивших влияние народной речи (например, в баснях Крылова) [Очерки II: 394]. Даже в начале XIX в. в поэтических текстах встречаются деепричастные обороты, включающие в середину подлежащие.

Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег
[Пушкин V: 11].

Однако они, безусловно, являются архаичными для этого времени и к 1840-м гг. выходят из употребления [Очерки II: 394].

Общим для всех составителей является место деепричастия (с зависимыми словами и без) в общей структуре предложения. В преобладающем большинстве случаев деепричастие находится в препозиции по отношению к глаголу:

Она же прекрасная королева Милитриса Кирбитовна падиши предѣ отцемъ своимъ на колѣни доносила ему (2.1);

Дядька Симбалда увидя погоню кинулся вовсю вконскую пору скакать и въѣхавъ во градъ Суминъ заперся накрепко а Бова королевичъ не могли ускакать надобрымъ конѣ инохотѣ свалился съ коня на землю (4.3);

Потомъ Полкан посмотревъ нацаревъ дворъ увидѣлъ полонъ дворъ маркобрунова войска (26.2).

В постпозиции по отношению к глаголу деепричастие встречается довольно редко:

И послалъ его во градъ Димихтианъ къ славному королю Кирбиту Верзоловичу съ грамотою написавъ овсемъ (1.2);

Бова садится на доброго коня богатырскаго въ стремяна ногою не ступаючи (11.8).

Эта тенденция касается и случаев, когда деепричастие соединяется с глаголом союзом *и*. Как правило, деепричастие при этом оказывается впереди глагола:

Симбалдаже принявъ его предложение иотправился въ путь (31.9);

И прекрасная королевна Дружневна взявъ у Бовы королевича усыпающаго зелья и пошла въ королевския палаты къ королю Маркобруну и стала любезные слова говорить (22.4).

В тексте сказки встретился всего один случай, когда деепричастие с союзом *и* находится в постпозиции по отношению к глаголу:

Король Дадонъ короля Гвидона догнавъ ударилъ копѣемъ и прободавъ ему утробу исердце (3.6).

У первого составителя деепричастие в препозиции по отношению к глаголу встречается в 57 случаях, в постпозиции — в 3-х; у второго составителя в препозиции — в 10 случаях, в постпозиции — в 2-х. У третьего составителя в препозиции — 40 случаев, в постпозиции — 2. По всей видимости, эта тенденция была характерна и для литературного языка второй половины XVIII в. Так, в «Пересмешнике» Чулкова в главах III—V встретилось 37 деепричастных форм, из них 33 в препозиции по отношению к глаголу и 4 в постпозиции [Чулков 1988: 29—47].

Структура придаточных предложений

Условное придаточное оформлялось у трех составителей по-разному. У первого условное предложение встречается 12 раз; 6 раз оно вводится союзом *ежели* (из них 4 — *а ежели*):

Ежели противъ такового славнаго короля вступить мнѣ въ ссору то онъ будучи воинъ побьетъ и поплѣнитъ всю мою воинскую рать (2.0);

А ежели слова моего ты Личарда не слушаешь и къ нему не побѣдишь и той грамоты къ королю Дадону не отвезешь то я тебе на службу королю Гвидону донесу (2.4);

Ежели вамъ не вѣротно то прикажи меня посадить въ темницу (2.6);

А ежели сего не исполнишь то примешь злую смерть (8.2);

А ежели не отдашь любовью то я градъ твой побью и огнемъ сожгу (8.5);

А ежели не выдашь любовью то возьму и нечестию (10.2).

Употребление *ежели* является нейтральным для литературного языка конца XVIII — начала XIX в., хотя уже в первые десятилетия XIX в. употребление *ежели* значительно сокращается за счет союза *если*. Так, у Пушкина в условных конструкциях союз *если* встречается около 700 раз, а союз *ежели* только 20 [Очерки III: 176].

Пять раз условное придаточное у первого составителя присоединяется союзом *буде* (4 раза в варианте *а буде*, 1 раз в варианте *и буде*):

А буде изволите отдавать въ замужество то прошу отд(а)ть за короля Дадона которои нашему державству оберегатель и истинно кресной хранитель отъ всѣхъ нападствующихъ на насъ (2.1);

Ибуде слово не сбудется то прикажи за то ложное объявление казнить меня смертію (3.0);

А буде все сіе сбудется то тебя пожалую (3.1);

А буде де мнѣ не отдадите его то я живъ не могу быть и не отступлю отъ града Антона (5.1);

А буде вы не отдадите онаго юношу то вамъ изъ моего государства живымъ не выгхатъ (6.7).

В XVII—XVIII вв. *буде* — основной условный союз в официальных документах. К началу XIX в. союз *буде* почти не встречается в литературных текстах в нейтральных контекстах. Он появляется лишь как стилистически маркированный элемент. «В художественной литературе союз *буде* встречается почти исключительно в цитатах — прямых и косвенных — из документов делового характера или в текстах, воспроизводящих канцелярскую речь» [Очерки III: 173]. В отличие от литературных текстов, в сказке о Бове *буде* — стилистически нейтральный союз.

Один раз условное придаточное вводится союзом *коли*:

*А коли ты простаго роду то служи у меня на конюшне и будь надъко-
нюшнями старшии (7.1).*

В начале XIX в. союз *коли* осознавался как просторечный. Так, в Словаре Академии российской *коли* имеет помету 'простонар(одное)' [САР III: 233]. Характерно, что у Карамзина этот союз практически не встречается [Очерки III: 105].

Во всех случаях условного придаточного у первого составителя в постпозитивной главной части предложения находится соотносительное слово *то*.

Во второй части текста (второй составитель) 3 условных предложения. Два из них имеют структуры *и буде... и*, одно — *если... то*:

*Слыхалъ я у старыхъ людей которои государь холопа купить и буде
тотъ холопъ государю своему выслужится и того холопа надѣлнить и на
волю выпустить (13.4);*

*И буде вы нездадите моего измѣнщика и впредь вамъ мимо моего царст-
ва непроѣжать (17.5);*

*Если онъ съ двѣнадцати цѣпей собьется то много воградѣ мертвыхъ бу-
детъ (21.4).*

У третьего составителя три условных предложения. Одно со структурой *когда... то*:

*Когда Полкана львы умертвили то уже и королевну съ дѣтми не остави-
ли живу (29.0).*

Второе предложение соединяется церковнославянским союзом *аще же*, который, безусловно, был для литературного языка конца XVIII в. элементом вне системы.

Аще же невидешъ ты неможешъ укрытсѣ отъ руки моеи (30.1).

Третье предложение имеет структуру *а буде ... то*:

*Абуде онъ нео(т)дать дочь свою за Бову королевича то ему приказано
градъ его разорить а его и съ дочерью взять въ полонь (31.9).*

Таким образом, общим у всех трех составителей для выражения условной связи является характерный для деловой письменности союз *буде*. В целом в системе сложноподчиненного предложения условная связь представлена обширным рядом синонимических средств, где нет стилистической дифференциации и просторечные элементы органично уживаются с церковнославянизмами.

В придаточных причины самым распространенным является союз *понеже*. Для системы литературного языка конца XVIII в. он является архаичным и стилистически маркированным. Об этом свидетельствует, например, пародийный текст Богдановича:

Понеже говорят подьячие в приказе:
 Понеже без него не можно им прожить,
 Понеже слово то показано в указе,
 Понеже в выписке оно имелось быть...
 Понеже следует везде его гласить
 [Богданович 1957: 142—143]¹⁴.

В сказке о Бове *понеже* не является стилистически окрашенным словом. У первого составителя из четырех случаев придаточных причины *понеже* встречается только в одном:

А во градъ взоити Лукоперь не могъ понеже былъ крѣпко запертъ (10.4).

У второго составителя придаточные причины не встретились¹⁵. У третьего составителя все 4 придаточных причины вводятся союзом *понеже*:

Государь мои Бова королевичъ не покинь меня бѣдную и возми меня с собою понеже у насъ завтра свадьба (22.2);

И королю Маркобруну то слово полюбилось понеже не слыхалъ отъ неи такихъ любезныхъ словъ (22.5);

Можетъ онъ достигъ Бову понеже скачетъ онъ всякою скокъ по семи верстъ (24.2);

Гонится за нами сила великая отъ короля Маркобруна понеже есть у него славныи богатырь Полканъ по поясъ человекъ а от пояса конь и онъ скачетъ всякою скокъ по семи верстъ и скоро насъ догонитъ (24.6).

¹⁴ По мнению Живова, союз *понеже* не является характерной чертой приказного языка. До середины XVIII в. он встречается у Ломоносова и Сумарокова. Позже наблюдается резко отрицательное отношение к нему филологов и писателей. «Источником данного отношения к *понеже* были не какие-либо реальные черты языковой практики, а искусственное соотнесение данного союза с французскими “судейскими” союзами, предметом специальной борьбы французских пуристов. (...) Раз судейские союзы были у французов, их следовало завести и русским, причем эту функцию образцово-неправильности мог выполнить любой союз, более или менее характерный для книжного языка вообще» [Живов 1996: 304].

¹⁵ В его языке вообще немного сложноподчиненных предложений, а основное средство соединения — союз *и*.

Кроме союза *понеже*, в сказке о Бове (у первого составителя) при организации причинной связи встречается стилистически нейтральный в литературном языке союз *потому что*:

*Нынѣ итти за него смелости не имѣю **потому что** когда я была млада то король Гвидонъ за меня сватался и тогда изволили вы ему отказать (2.1).*

Кроме того, два раза встречается союз *что* в причинном значении:

*И гости корабельщики промежь себя дивовались немогли на бовину красоту насмотретися **что** не видали такого отрока прекраснаго и любезнаго Бову (5.9);*

*А гости корабельщики говорили государь нашъ Зензевей Андроновичъ не возможно нам отрока продать **что** он у насъ обции и взять у насъ при край моря на берегу (6.6).*

Подобные предложения, видимо, были характерны для разговорной речи [Очерки III: 118]. Показательно, что в баснях Крылова встречается *что* как причинный союз.

Мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки

[Крылов III: 38].

Рассмотренный языковой материал Сказки о Бове позволяет утверждать, что в языке лубка, в отличие от литературного языка, нет стилистической дифференциации языковых средств. Церковнославянизмы и просторечные формы, бывшие в литературном языке показателями принадлежности текста к высокому или же низкому стилю, здесь являются нейтральными элементами.

За счет тех элементов (церковнославянизмы, просторечные формы, конструкции разговорного языка, канцеляризмы), которые в литературном языке лежат на периферии системы (или же вообще вне ее), язык лубочной литературы имеет значительно более широкий спектр синонимических средств. Представления о языке, не закрепленные в грамматике и соотносимые с разными языковыми традициями (церковнославянская письменность, делопроизводство, литературная традиция), у разных людей могли быть различными. Однако то, что сегодня воспринимается как разные языковые практики, могло существовать в пределах одного текста и, соответственно, не вступало в противоречие с представлениями о письменном языке издателей и читателей народной литературы.

Литература и источники

- Алексеев 1987 — *Алексеев А. А.* Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. № 2/3. С. 187—200.
- Барсов 1981 — *Барсов А. А.* Российская грамматика [1783—1788] / Подгот. текста М. П. Тоболовой. М., 1981.
- Богданович 1957 — *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. И. З. Сермана. Л., 1957.
- Востоков 1842 — Русская грамматика Александра Востокова, начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. 5-е изд. СПб., 1842.
- Гессен 1930 — *Гессен С.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Литературные доходы Пушкина. Л., 1930.
- Греч 1834 — Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд. СПб., 1834.
- Гриц 2001 — *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- И то и сю, X — И то и сю, март, 10 неделя. СПб., 1769.
- Краевецкий 2003 — *Краевецкий А. Г.* Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII—XIX вв. // *Славянское языкознание: Мат-лы конф.* (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.
- Краевецкий, Плетнева 2001 — *Краевецкий А. Г., Плетнева А. А.* История церковнославянского языка в России (конец XIX — XX вв.). М., 2001.
- Крылов I—III — *Крылов И. А.* Полное собрание сочинений / Под ред. Демьяна Бедного. Т. 1—3. М., 1944—1946.
- Кузьмина 1964 — *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964.
- Ломоносов I—XI — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950—1983.
- Майков 1966 — *Майков Василий.* Избранные произведения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966.
- Очерки I—III — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. I. Изменение в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
- Плетнева 2001 — *Плетнева А. А.* Социолингвистика и проблемы истории русского языка XVIII—XIX веков // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова.* М., 2001.
- Пыпин 1888 — *Пыпин А. Н.* Для любителей книжной старины. М., 1888.
- Поливанов 1931 — *Поливанов Е.* За марксистское языкознание. М., 1931.
- Пушкин I—XVI — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.
- Ровинский I—V — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.
- Россия 1991 — Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991 (= Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 54—55).

САР III — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный.

Часть III. СПб., 1814.

Сумароков 1957 — *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957.

Чулков 1988 — *Чулков М. Д.* Пересмешник. М., 1988.

РИТМИКА РУССКОГО 4-СТОПНОГО ХОРЕЯ XVIII—XX ВВ.¹

М. Л. Гаспаров

ИРЯ РАН, Москва

Стихovedы различают в русских двухсложных размерах — ямбах и хореех — «первичный ритм» и «вторичный ритм». Первичный ритм (он же «метр») — это значит: «в ямбе ударения (точнее — ударения многосложных слов) могут падать только на четные слоги, в хорее — на нечетные». Вторичный ритм — это значит: «реально ударения падают на эти слоги неравномерно: например, в 4-ст. ямбе XVIII в. — преимущественно на I и IV стопы (“рамочный ритм”, “Изволила Елисавет”), в 4-ст. ямбе XIX в. — преимущественно на II и IV стопы (“альтернирующий ритм”, “Адмиралтейская игла”), а в 4-ст. хорее как XVIII, так и XIX в. — только по второму образцу, на II и IV стопы (“В тридесyтом государстве”)». Как происходила эволюция ритма русского 4-ст. ямба, изучено в подробностях: начал это изучение Андрей Белый [Белый 1910], завершил К. Тарановский [Тарановский 1953]. Как происходила эволюция ритма русского 4-ст. хорее, изучено гораздо меньше: она была менее заметна и поэтому менее интересна.

К. Тарановский убедительно свел все ритмические тенденции русских двухсложных размеров к двум законам: «закону регрессивной акцентной диссимиляции» и «закону безударного начала». «Регрессивная акцентная диссимиляция» — это значит: самая сильноударная стопа в русских ямбах и хореех — последняя (100% ударности), самая слабая — предпоследняя, вторая по силе — предпредпоследняя, и т. д., с чередованием, постепенно слабеющим к началу строки. «Безударное начало» — это значит: в начале строки самый сильный слог, притягивающий ударения, — не первый, а «первый междубезударный», т. е. в ямбе — 2-й (на I стопе), а в хорее — 3-й (на II стопе). В 4-ст. хорее I стопа по обоим этим законам оказывается слабой, поэтому в нем безоговорочно устанавливается альтернирующий ритм (сильные стопы — II и IV). В 4-ст. ямбе I стопа по закону регрессивной диссимиляции —

¹ Работа выполнена с помощью гранта Президента РФ для поддержки научных школ № НШ-2173.2003.6 («Поэтика как точная наука»).

слабая, отсюда альтернирующий ритм XIX в.; но по закону «междубезударного» начала — сильная, отсюда рамочный ритм XVIII в.; и они соперничают друг с другом с переменным успехом.

Оба эти закона вытекают в конечном счете из акцентологических особенностей русского языкового материала. В русском языке средняя длина фонетического слова — не 2, а около 3 слогов, поэтому пропуски ударений на стопах естественно неизбежны и располагаются приблизительно через одну — отсюда закон диссимилиации. В русском языке ударение тяготеет к середине фонетического слова (со слабым сдвигом к концу), поэтому на первом слоге стихотворной строки оно естественно появляется реже, а на втором или на третьем чаще — отсюда закон безударного начала. Но подробно останавливаться на этом здесь нет возможности.

Как взаимодействуют эти два закона в истории ритма русского 4-ст. ямба, прослежено Тарановским. Нельзя ли выявить подобное взаимодействие и в истории 4-ст. хоря? Тарановский, хотя и начинает свой обзор русских размеров именно с 4-ст. хоря (как самого раннего), уделяет ему мало внимания; в его огромных статистических таблицах 4-ст. хорю XVIII в. и первой половины XIX в. уделено 26 строк, тогда как 4-ст. ямбу — 121 строка. Этого материала недостаточно для наблюдений.

Мы, занимаясь подготовкой сперва книги «Очерк истории русского стиха» (1984), а потом дополнений к русскому переводу монографии Тарановского, сделали много новых подсчетов по ритму стиха. В результате объем обследованного материала по 4-ст. хорю увеличился вчетверо. Этими данными мы и хотели бы здесь поделиться. В нижеследующей таблице перепечатываются (для полноты) подсчеты Тарановского и его немногочисленных предшественников и продолжателей (отмечены инициалами в начале строк) с добавлением наших материалов. Все показатели — в процентах ударений на каждой стопе от общего количества строк.

Ударность стоп:	I	II	III	IV	Число строк
1. ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ	44,2	73,1	37,6	100	ср. уд. 63,5
2. ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ привед.	8,1	96,1	49,4	100	ср. уд. 76
3. ЯВ Свадебные песни	46,0	100	50,6	100	9593
4. --- в т. ч. короткие	44,9	100	51,2	100	8267
5. --- в т. ч. длинные	52,7	100	46,8	100	1326
6. КТ Плач (сб. Барсова)	39,2	100	41,6	100	329
7. АА Херасков, «Бахариана»	59	92	56	89	224
8. АА Карамзин, «Илья Мур.»	54	96	48	100	480
9. АА Пушкин, «Бова»	47	95	55	100	273
10. АА Кольцов (с дакт. ок.)	29	100	61	100	?

11. ЯВ Кольцов (с дакт.ок.)	46,5	100	74,2	100	?
12. АА Никитин	41	100	51	100	?
13. КТ Ломоносов, Ода Фенел.	79,3	82,1	58,6	100	140
14. КТ Ломоносов, прочее	56,2	89,6	51,4	100	144
15. КТ Тредиаковский 1752	65,6	85,9	55,9	100	752
16. КТ Сумароков, пс. и оды	61,2	88,6	53,2	100	675
17. КТ Державин 1778—10	62,0	92,1	51,8	100	1000
18. КТ Крылов 1793	62,8	94,4	63,7	100	360
19. КТ Катенин 1814—16	73,6	98,6	57,5	100	424
20. КТ Жуков., «Сп.цар.», 1831	54,4	100	47,5	100	366
21. КТ Пушкин 1814—22	63,6	96,1	47,0	100	610
22. КТ Пушкин 1824—28	56,4	99,3	40,6	100	542
23. КТ Пушкин 1829—35	56,4	100	48,6	100	860
24. КТ Пушкин, «Ц.Салт.», 1831	56,9	96,7	45,2	100	996
25. КТ Пушкин, «Мертв.Ц.», 1833	51,4	99,6	40,8	100	552
26. КТ Пушкин, «Зол.Пет.», 1834	49,6	98,2	54,5	100	224
27. КТ Лермонтов 1828—30	58,3	96,4	48,0	100	252
28. КТ Лермонтов 1832—41	51,7	99,5	42,0	100	207
29. КТ Языков 1830—32	53,2	100	34,0	100	374
30. КТ Полежаев 1834	43,7	100	29,1	100	206
31. КТ Полонский 1870—75	54,0	96,3	58,6	100	324
32. КТ Мей, 1850—60-е	50,0	100	47,0	100	300
33. КТ А.К.Толстой, балл. 1871	51,9	100	49,1	100	316
34. КТ Фет 1879—1892	51,2	100	57,8	100	303
35. КТ Майков 1861	52,3	99,8	57,5	100	480
36. КТ Всего XVIII в.	63,3	89,5	54,8	100	3071
37. КТ Всего XIX в.	54,3	98,8	46,4	100	7600
38. Херасков 1762—1804	63,4	92,2	52,6	100	232
39. Майков, оды 1753—78	54,7	99,0	53,9	100	419
40. Попов, песни 1765—72	62,1	94,6	60,5	100	354
41. Попов, «Пень», 1769	47,4	92,1	52,6	100	342
42. Николев, «Ода гудошн.», 1789	62,1	99,7	42,4	100	340
42а. Державин, I-II	53,4	93,8	49,8	100	498
42б. Державин, III	59,8	91,6	54,0	100	500
43. Львов, «Зима», 1790	41,0	93,5	44,3	100	400
44. Львов, анакреонтика, 1794	59,7	91,0	56,1	100	221
45. Капнист 1794—1806	68,5	82,3	63,9	100	504
46. Дмитриев 1790—95	63,8	98,4	53,9	100	434
47. Нелед. Мелецкий 1790—96	63,2	92,3	62,6	100	302
48. Радищев, Песнь ист., 1795	44,4	94,4	50,9	100	450
49. Жуковский 1808—09	80,4	99,7	47,1	100	378
50. Батюшков 1806—10	70,2	97,1	44,8	100	339
51. Давыдов 1807—36	49,0	97,2	39,9	100	253

52. Мерзляков, песни, 1815	60,5	99,3	52,8	100	299
53. Воейков, «Дом сум.», 1817	53,7	96,3	46,3	100	216
54. Вяземский 1821—38	53,5	98,2	43,2	100	387
55. Козлов 1824—35	59,8	100	43,8	100	363
56. Баратынский 1830—41	49,8	100	41,0	100	283
57. ЯВ Кольцов (Ж-М оконч.)	59,7	99,7	40,5	100	380
58. Ершов 1834	52,0	100	42,6	100	500
59. Бенедиктов 1835	61,6	100	44,4	100	450
60. Мятлев 1843	52,2	91,0	34,4	100	500
60а. Тютчев 1840—50-е	53,1	98,8	38,1	100	341
61. Огарев 1850—61	55,1	100	44,1	100	376
62. АКТолстой, юмор	48,0	99,8	48,0	100	400
63. Михайлов 1855—65	69,5	99,0	68,3	100	400
64. Никитин 1850-е	63,5	100	44,9	100	263
65. Курочкин 1860-е	55,8	100	47,8	100	500
66. Минаев 1860—65	49,8	100	48,2	100	500
67. Некрасов, «Соврем.», 1876	47,4	100	41,0	100	1000
68. Суриков 1874—77	60,8	100	41,8	100	500
69. ЯВ Случевский, лирика	61,6	99,2	48,0	100	1794
70. ЯВ Случевский, поэмы	58,2	99,7	48,4	100	576
71. Бунин 1898—1911	53,6	100	46,0	100	224
72. Брюсов 1901—05	58,0	100	51,5	100	294
73. Брюсов 1912—18	66,5	97,5	58,0	100	348
74. Брюсов 1919—24	79,0	99,5	59,0	100	330
75. Бальмонт 1900—02	62,5	100	51,5	100	400
76. Бальмонт 1917—24	51,2	100	52,5	100	297
77. Гиппиус 1902—18	61,0	100	43,9	100	246
78. Сологуб до 1908	52,5	100	50,0	100	338
79. Сологуб 1922	56,5	99,5	62,0	100	216
80. В.Иванов 1904—11	56,5	99,5	51,0	100	400
81. В.Иванов, «Рим.дн.», 1944	51,0	96,5	51,0	100	380
82. Балтрушайтис до 1912	74,5	100	53,5	100	312
83. Анненский до 1909	47,0	99,5	54,0	100	400
84. Волошин 1900—10	61,5	100	54,5	100	271
85. Блок 1898—1904	64,0	100	42,0	100	366
86. Блок 1909—13	57,0	100	50,5	100	333
87. Белый 1902—08	55,5	99,5	48,0	100	292
88. Городецкий 1904—07	55,5	100	39,0	100	400
89. Кузмин 1906—12	63,0	99,5	59,0	100	400
90. Кузмин, «Ник.Ж.», 1919—20	48,9	97,2	50,8	100	358
91. С.Соловьев 1906—09	62,5	92,5	47,5	100	338
92. Садовской 1906—14	52,0	99,0	66,5	100	289
93. Ходасевич 1908—22	58,0	95,0	55,5	100	227

94. Гумилев 1908—21	53,2	98,4	44,5	100	385
95. Ахматова 1910—20	51,6	97,8	51,6	100	320
96. Мандельштам 1910—20	43,8	99,5	46,3	100	201
97. Мандельштам 1932—37	52,4	97,0	38,5	100	231
98. Нарбут 1911—22	48,8	94,1	41,0	100	256
99. Г.Иванов 1920—36	53,3	93,8	47,0	100	304
100. Г.Иванов 1943—58	55,6	85,0	41,2	100	187
101. Северянин 1908—15	49,5	98,0	52,5	100	268
102. С.Черный 1908—12	44,2	100	45,2	100	414
103. ЕВ Клюев 1911—13	40,0	99,5	34,0	100	744
104. JV Есенин 1910—16	50,0	99,5	49,5	100	757
105. Пастернак 1914—19	64,0	93,0	59,5	100	306
106. Совет. поэты (старшие)	58,2	96,9	49,8	100	4979
107. Совет. поэты (младшие)	50,9	94,4	47,6	100	4777
108. Присманова 1930-е	37,9	93,2	50,8	100	132
109. Присманова, «Вера», 1950-е	62,7	85,3	50,8	100	177
110. Елагин 1950—70-е	44,8	98,5	33,3	100	324
111. Чиннов 1970—80-е	54,7	89,1	42,9	100	247

СТРОКИ 1—2. Языковая модель стихотворного размера — это расчетные данные, показывающие, какова была бы ударность всех стоп, если бы поэт следовал только естественным возможностям языка, не преследуя никаких специфически художественных целей. Она рассчитывается на основе, во-первых, ритмического словаря языка, и во-вторых, полного перечня словосочетаний (словораздельных вариаций), укладывающихся в данный размер. Последовательность расчетов см. в кн. [Гаспаров 1974: 21—23]. Все отклонения реального стиха от этой модели (например, повышенный процент ударности II стопы и пониженный — I-й) могут считаться следствием специфически художественных тенденций: они-то для нас и интересны. Слова в стихе обычно стоят гуще, чем в прозаической речи, поэтому средняя ударность стопы в реальном стихе выше; для удобства сравнения приходится пользоваться «языковой моделью, приведенной к средней ударности реального стиха» (средняя ударность стопы в модели, строка 1, — 63,5%, в реальном стихе и в приведенной модели, строка 2, — ок. 76%). С этой моделью мы будем сравнивать все следующие строки.

СТРОКИ 3—6. 4-ст. хорей с дактилическими окончаниями был одним из размеров русского народного стиха и, несмотря на разницу окончаний, влиял на становление литературного 4-ст. хорей. Данные о его ритме — из книги [Bailey 1993: 190—195] (по свадебным песням типа «Отставала лебедь белая...») и из монографии Тарановского (с. 356, северное причитание из сборника Е. В. Барсова, 1872: «Ты скажи, родитель-батюшка...»). Уже здесь мы

находим характерные отклонения от языковой модели: повышенную ударность II стопы (до 100 %, вторая константа) и пониженную ударность I стопы (интересно, что в причитании и в коротких песнях — до 80 строк — она ниже, чем в длинных). Можно сказать, что все дальнейшие образцы ритма литературного хорей нащупывают середину между «естественной» языковой моделью и «культурным» фольклорным образцом.

СТРОКИ 7—12. Образцы ритма литературных имитаций народного 4-ст. хорей с дактилическими окончаниями — по статье: [Астахова 1926: 54—66]. Ее цифры по «Бахариане», «Илье Муромцу» и «Бове» надежны и близко совпадают с подсчетами других исследователей, а по лирике Кольцова — сомнительны, поэтому мы прилагаем о ней параллельные данные по книге [Бейли 2004: 120]. Бросается в глаза разница: у Хераскова и Карамзина ударность I стопы сильно выше, чем в народном образце (и чем ударность III стопы), у Пушкина, Кольцова и Никитина она ниже, влияние народного ритма пересиливает влияние языковой модели.

СТРОКИ 13—37. Это подсчеты Тарановского по 4-ст. хорей с мужскими и женскими окончаниями; поэмы с (хотя бы частично) дактилическими окончаниями — «Илья Муромец», «Бова» и некрасовские «Коробейники» — в таблицу не включены. Итоговые строки 36—37 суммируют соответственно данные строк 13—18 и 19—35. Из них видно: от XVIII к XIX веку, во-первых, повышается на 10 % ударность II стопы (и почти достигает константных 100 %); во-вторых, понижаются на 10 % ударности I и III стоп, так что ритмический профиль размера становится совсем изломанно-альтернирующим; в-третьих, в результате этого снижается средняя ударность стоп (с 77 до 75 %). Повышенная (по сравнению с моделью) ударность II стопы — явный результат влияния ритма народного стиха; пониженная в XIX в. ударность I стопы — по-видимому, тоже; а повышенная ударность этой I стопы в XVIII в., может быть, объясняется влиянием на хорей рамочного ритма книжного 4-ст. ямба. В целом эти выводы Тарановского полностью сохраняют свою значимость. Мы даже можем, не выходя за пределы его материала, уточнить его картину эволюции ритма хорей от XVIII к XIX веку: например, суммировать строки 21—26 (весь Пушкин), 56,6 — 98,1 — 45,5 — 100 %, и строки 31—35 (1850—1880-е гг.), 52,2 — 99,7 — 49,2 — 100 %: тогда постепенное усиление II стопы и ослабление I стопы будут прослеживаться более наглядно. Однако данные его по XVIII веку явно слишком малочисленны и слишком неоднородны: вряд ли, например, можно ставить в общий ряд экспериментальную ломоносовскую «Оду Фенелонову» (1738). Мы постараемся расширить прежде всего именно этот материал.

СТРОКИ 38—48. Новые данные: XVIII век. Из Николева взята пародическая «Ода гудошная» на взятие Очакова, из Капниста — анакреонтические,

три моральные и три горацанские оды, из Радищева — часть «Песни исторической» (почти такой же ритм в «Бове»: 41,0 — 99,7 — 52,0 — 100 %). Мы видим, что высокая ударность I стопы была совсем не общим явлением в XVIII веке: у Попова, Львова и Радищева уже появляется ритм, в котором ударность I стопы гораздо ниже модели (и ниже ударности III стопы). Можно считать, что это результат влияния народного стиха на литературный, но влияние это было достаточно опосредованным: ни Радищев, ни Львов не обнаруживают в этих стихах других черт народной поэтики, а у Попова рядом с «народным» ритмом «Пня» мы видим очень «книжный» ритм «Песен» (такой же, как и у Капниста, и у Нелединского — с высокой ударностью не только I, но и III стопы). Для Державина мы подсчитали отдельно хорей из «серьезных» стихотворений его I—II томов и из анакреонтических од его III тома; но никакой разницы в ударности I стопы не обнаружилось. Неожиданным было то, что архаистом оказался Капнист с его пониженной (до уровня «Оды Фенелоновой») ударностью II стопы. Мы знаем, что ритм 4-ст. хоря, по видимому, влиял на ритм 4-ст. ямба, толкая его к перестройке от рамочного ритма к альтернирующему, здесь же перед нами, вероятно, обратное влияние — рамочного ритма 4-ст. ямба на альтернирующий ритм 4-ст. хоря: «Но что жизнь? В родах — мученье, В детстве — раболопства гнет, В юности — страстей волненье, В мужестве — труды сует. Старость — возвращает в детство, Смерть — рождения наследство...» и т. д. (1794, «Ода на смерть Плениры»). Другой одинокий экспериментатор этого времени — Радищев: в своем новаторском 4-ст. хорее с женскими нерифмованными окончаниями он широко, как никто, пользуется сдвигами ударений в 2-сложных словах: «Цинцинат от шумна света **В** селе малом обитает... **Велик** столь же, как пред войском **В** прах попрали ты **врагов** Рима... **Одно** слово и дух прежний **Возродился** в сердце римлян» и т. д. Это еще более несомненная стилизация ритма народного хоря — в нарочитом контрасте с учено-патетическим содержанием «Песни исторической».

СТРОКИ 49—59. Новые данные: 1800—1820, 1820—1840. Здесь перед нами одна из самых ярких неожиданностей нашего материала: наперекор общей тенденции к ослаблению I стопы, у раннего Жуковского и Батюшкова I стопа имеет такую высокую ударность, как ни у кого (кроме, разве, «Оды Фенелоновой»). Это связано со становлением нового жанра — баллады немецкого хорейского образца (ударность I стопы в немецком 4-ст. хорее, по [Тарановский 1953: 56] — 82,3 % у Бюргера, 73,2 % у Шиллера). У Жуковского самая высокая ударность I стопы — в «Людмиле», 89,3 % (1808: «Светит месяц, дол сребрится; **Мертвый** с девицею мчится; **Путь** их к келье гробовой. **Страшно** ль, девица, со мной? — **Что** до мертвых? что до гроба? **Мертвых** дом — земли утроба...») и т. д., и еще подряд 36 ударений на I стопе); далее —

«Кассандра» (1809), 68,0%; «Светлана» (1812, 4-стопные строки), 75%; «Ахилл» (1814), 59,1%; «Торжество победителей» (1828), 60,9%; «Жалоба Цереры» (1831), 59,1%. Среди малых стихотворений ударность I стопы в переложениях с немецкого — 65,3%, в остальных — 54,0%. В произведениях других, не немецких поэтических традиций цифры совсем иные: «Лалла Рук» (1821), 48,4%; «Сид» (1831), 42,4%. В I части «Сиды» ударность I стопы падает опять-таки до уникального показателя 35,1% («И в душе своей он молит От небес — одной управы, От земли — простора битве, А от чести — подкрепленья Молодой своей руке...») — кажется, что это намеренный контраст предыдущему русскому «Сиду», катенинскому, резко утяжеленный стих которого (удивлявший Тарановского: 73,6% ударности I стопы) подражал как раз раннему Жуковскому. В целом интерес Жуковского к экспериментам в 4-ст. хорее ослабевает после 1812—1813 гг. — как раз тогда, когда он начинает употреблять в балладах и другие размеры, а не только 4-ст. хорей.

Что касается стиха 1820—1840 гг., то здесь новые материалы не прибавили ничего существенного к данным Тарановского; можно лишь заметить, насколько различен ритм стиха Кольцова с мужскими и женскими окончаниями (колеблющийся между литературной и народной традицией) и с дактилическими окончаниями (целиком в народной традиции, см. строки 10—11). Данные о Кольцове — по подсчетам Дж. Бейли (см. выше). Для «Дома сумасшедших» Воейкова подсчет сделан по первой редакции этой сатиры [Поэты 1971: 793—799].

СТРОКИ 60—70. Новые данные: 1840—1900. Ничего существенно нового. Можно заметить, что общей тенденции к понижению ударности I стопы, как в народном образце, особенно сопротивляются Никитин и Суриков — авторы, казалось бы, близкие поэтике народного стиха. Повышенная ударность стиха Михайлова может объясняться тем, что по большей части это переводы, в которых поэт (не всякий) больше вынужден использовать пространство строки для передачи информации, чем для игры ритма. Между стихом Случевского в лирике и поэмах (данные Дж. Бейли [2004: 156]) и стихом А. К. Толстого в балладах и в юмористических стихотворениях разница незначительна.

СТРОКИ 71—105. Новые данные: 1900—1925. Часть этих подсчетов была опубликована в нашей книге [Гаспаров 1974: 97]. Данные о Клюеве и Есенине — по книгам: [Breidert 1970; Veurenc 1968]. Как известно, в 4-ст. ямбе XX в. намечается как бы обратное движение эволюционного маятника: частичное возвращение от крайностей альтернирующего ритма к рамочному ритму, в частности — повышение ударности I стопы. Мы могли бы ожидать подобных явлений и в 4-ст. хорее. Но ожидания эти пока не подтверждаются. Повышенная ударность на I стопе (как в языковой модели и выше) встречается

ся здесь чаще, чем в предыдущем периоде, однако на суммарных показателях нового периода это очень мало сказывается (подробнее об этом — дальше). Там, где можно говорить об эволюции ритма у отдельного поэта, мы видим: у Брюсова и Мандельштама ударность I стопы от ранних к поздним стихам нарастает, у Бальмонта, Блока, Кузмина, наоборот, слабеет, а у Сологуба, В. Иванова и Г. Иванова, как кажется, остается в пределах незначимых колебаний (для Сологуба скорее значимо повышение ударности III стопы). При этом следует помнить, что поздний стих Брюсова — это уникальный эксперимент по предельному утяжелению всех стоп во всех размерах, а «Николино житие» Кузмина — заведомая стилизация «народного» ритма. Что касается возможного снижения ударности константной II стопы, то, конечно, экспериментальные стихотворения с такой тенденцией писались (Волошин, 1916: «Пламенный истлел закат... Стелющийся дым костра, Тлеющего у шатра, Вызовет тебя назад...»; Цветаева, 1923: «Беженская мостовая! Гикнуло и понеслось Опрометями колес...»), но на общем авторском ритмическом профиле это сказывается разве что единственный раз в нарочитой манерности позднего Г. Иванова.

СТРОКИ 106—107. Советские поэты: суммарные цифры. Перепечатаются из: [Гаспаров 1974: 96]. «Старшими» считались поэты, кончая 1910 г. рожд.: Д. Бедный, Маяковский, Пастернак, Асеев, Антокольский, Тихонов, Уткин, Заболоцкий, Мартынов, Луговской, Исаковский, Твардовский, Рыленков; младшими — начиная с 1911 г. рожд.: Кедрин, Шубин, Долматовский, С. Васильев, Ошанин, Яшин, Гудзенко, Межиров, Дудин, Боков, Цыбин, Р. Рождественский, Евтушенко, Вознесенский. Видно слабое повышение ударности I стопы до уровня языковой модели (продолжение тенденции предыдущего периода) и затем новое ее падение (возврат к давней ориентации на ритм народного стиха).

СТРОКИ 108—111. Эмигрантские поэты. Эти скудные подсчеты слишком случайны для каких-либо обобщений и могут считаться лишь приглашением к дальнейшей разработке этого неисследованного материала. Здесь возможны интересные неожиданности — такие, как резкий переход Присмановой от очень «народного» к очень архаично-книжному ритму.

Если после этого обзора сгруппировать наш материал по периодам, то мы получим следующую картину. В предлагаемой таблице суммированы по периодам следующие строки. 1738—1760: 13—15. 1760—1780: 16, 38—41. 1780—1800: 17—18, 42—46. 1800—1820: 19, 21, 49—53. 1820—1840: 20, 22—30, 54—59. 1840—1870: 32—33, 35, 60—66. 1870—1900: 31, 34, 67—70. 1900—1905: 72, 75, 78, 85, 87—88. 1905—1913: 71, 77, 80, 82—84, 86, 89, 91—92, 101—104. 1913—1925: 73, 76, 79, 90, 93—96, 98. Так как объемы подсчитанных порций текста были различны, то во избежание перекосов те пор-

ции, которые превосходили 700 строк, приводились к объему в 400—500 строк; отсюда расхождения в итоговом числе строк.

Ударность стоп:	I	II	III	IV	Число строк
ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ:	58,1	96,1	49,4	100	
НАР. СТИХ (песни)	46,0	100	50,6	100	9593
(1738—1760)	66,1	85,9	55,6	100	1036
1760—1780	57,9	92,9	54,5	100	2022
1780—1800	58,6	92,9	54,3	100	3511
1800—1815	67,1	97,7	48,3	100	2519
1820—1840	54,0	99,1	42,9	100	6942
1840—1870	54,4	98,7	48,9	100	4035
1870—1900	56,1	99,3	47,9	100	2703
1900—1905	56,7	99,9	46,7	100	2090
1905—1913	55,6	99,0	50,0	100	4895
1913—1924	56,2	97,2	52,1	100	2914
Советские старшие	58,2	96,9	49,8	100	4979
Советские младшие	50,9	94,4	47,6	100	4777

Чтобы легче ориентироваться в этой мелкой ряби колебаний литературного стиха между языковой моделью и привычками народного стиха, сгруппируем смежные периоды, где это возможно, по сходству показателей ударности I стопы:

Ударность стоп:	I	II	III	IV	Число строк
ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ	58,1	96,1	49,4	100	
НАР. СТИХ (песни)	46,0	100	50,6	100	9593
1760—1800	58,3	92,9	54,4	100	5533
1800—1820	67,1	97,7	48,3	100	2519
1820—1870	54,2	98,9	45,1	100	10977
1870—1924	56,3	98,8	49,5	100	12602
Советские старшие	58,2	96,9	49,8	100	4979
Советские младшие	50,9	94,4	47,6	100	4777

В таком упрощении смена тенденций просматривается легче. По ударности I стопы русский литературный 4-ст. хорей начинает в XVIII в. с уровня языковой модели; в 1800—1820 гг. сильно повышается в сторону, противоположную народному образцу, а в 1820—1870, наоборот, сильно падает в сторону народного образца; затем он опять постепенно подтягивается к уровню языковой модели у старших советских поэтов и опять падает до наибольшего приближения к народному образцу у младших советских поэтов. По ударности II стопы наш размер тоже начинается с уровня, близкого к языко-

вой модели; затем к 1820—1924 гг. эта ударность сильно повышается, почти достигая народного образца; а затем у советских поэтов опять падает в направлении языковой вероятности. По ударности III стопы все колебания (по крайней мере, с 1800 года) кажутся случайными. Картина получается пестрой и противоречивой: кажется, что тяготения I и II стоп то к языковой модели, то к народной традиции не совпадают по времени. Однако это не так. В 1760—1800 гг. и I и II стопы одинаково начинают приближаться от ритма языковой модели. В 1820—1870 гг. они одинаково приближаются к противоположному полюсу — к ритму народного образца. В поколении советских старших поэтов они одинаково возвращаются (очень близко!) к ритму языковой модели. А дальше начинается ровное облегчение всех стоп, уже без оглядки (как кажется) на языковой или народный образец.

По сравнению с хорошо изученной эволюцией ритма 4-ст. ямба эволюция 4-ст. хорea всегда казалась очень простой: непрерывное господство альтернирующего ритма с несущественными колебаниями ударности слабых стоп. Мы хотели показать, что это не совсем так, и что в некоторых отношениях история 4-ст. хорea даже сложнее, чем история 4-ст. ямба.

Литература

Астахова 1926 — *Астахова А.* Из истории и ритмики хорea // *Поэтика*. I. Л., 1926.

Белый 1910 — *Белый А.* Символизм. М., 1910.

Бейли 2004 — *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004.

Гаспаров 1974 — *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. М., 1974.

Поэты 1971 — *Поэты 1790—1810-х годов*. Л., 1971.

Тарановский 1953 — *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.

Bailey 1993 — *Bailey J.* Three Russian Lyric Folk Song Meters. Columbus, 1993.

Breidert 1970 — *Breidert E.* Studien zu Versifikation, Klangmitteln und Strophierung bei N. A. Kljuev. Bonn, 1970.

Veyrenc 1968 — *Veyrenc J.* La forme poétique de Serge Esenin. The Hague, 1968.

ВВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: РЕЧЕВОЙ И НАРРАТИВНЫЙ РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ *

Е. В. Падучева
ВИНИТИ РАН, Москва

Глаголы пропозициональной установки могут иметь употребления, не свойственные другим глаголам. В частности, эти глаголы, в отличие от многих других, могут употребляться как вводные. «Вводным» — парентетическим — глаголам посвящена классическая статья Дж. Урмсона [Urmson 1970/1985]. Современная семантика разработала аппарат, который позволяет обнаружить новые аспекты в этой теме. Мы рассмотрим два глагола — *казаться* и *оказываться*; их вводные употребления расширяют наши представления о значениях грамматических категорий времени и вида, а главное — о контекстах, оказывающих влияние на значение. А именно, эти глаголы чувствительны к режиму интерпретации, т. е. имеют в нарративе иное значение, чем в речевом контексте ¹.

Вводные слова *кажется* (*казалось*) и *оказывается* (*оказалось*), хотя они имеют общий корень, весьма далеки друг от друга по семантическим свойствам и языковому поведению. Важно, однако, что параметры, их различающие, носят, как мы увидим, общий характер и повторяются на многих других парах слов.

1. Вводное *казалось* и нарративный режим

Особенность вводного *казалось* демонстрируется следующим простым примером:

* Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РГНФ, проект № 05-04-04130а, посвященный семантической базе данных «Лексикограф».

¹ К понятию режима интерпретации обращается во многих своих работах Виктор Маркович Живов (в частности, в докладе 14 июня 2004 «Легальные кодексы и режим интерпретации» на конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов»). Автор надеется, что наблюдения, касающиеся глаголов *казаться* и *оказываться*, представят для него интерес.

(I) Она, *кажется*, спит;

(II) Она, *казалось*, спит.

Вводные слова *кажется* и *казалось* различаются грамматическим временем. Но разница между предложениями (I) и (II) определяется не семантикой времени в традиционном смысле слова. Различие в том, что (I) предполагает речевой контекст, т. е. контекст диалога, а (II) вписывается в нарратив (т. е. повествование) с базовым прошедшим — как, например, в «Пиковой даме» Пушкина. Иначе говоря, формы времени в (I) и (II) интерпретируются в разных контекстах, а именно, в разных режимах.

Несколько примеров того, как вообще смысл языковой единицы может зависеть от режима интерпретации ².

Пример 1. Форма прош. времени несов. вида в русском языке употребляется и в речевом режиме и в нарративном, но имеет при этом разный смысл. Так, в (а) подлинное прошедшее время со значением **предшествования моменту речи**, т. е. настоящему времени говорящего, а в (б) прошедшее нарративное, которое выражает не предшествование, а **одновременность**, и не моменту речи, а **моменту наблюдения** — текущему времени текста (пример приводится в несколько иной связи в [Апресян 1986]):

(а) *Вот на этой стене висела картина. Где она сейчас?* [речевой режим]

(б) *Иван оглядел комнату. На стене справа висела картина* [нарративный режим].

В нарративе время теряет свой исконный смысл одновременности / предшествования моменту речи, поскольку момент речи обычно вообще не участвует в интерпретации формы времени: наст. и прош. могут быть почти эквивалентны:

(в) *Коля ехал в трамвае. Вдруг сзади раздался крик* [прош.];

(г) *Коля ехал в трамвае. Вдруг сзади раздается крик* [наст.].

Пример 2 — вводные слова. В речевом режиме подразумеваемым субъектом пропозициональной установки, выраженной вводным словом, обычно является говорящий:

(1) а. *Я, конечно, бюллетень взял заранее;*

б. *Он, конечно, взял бюллетень.*

В нарративе это могут быть повествователь и персонаж. См. в (2) примеры из «Мастера и Маргариты»: в (2а) подразумеваемый субъект — повество-

² Понятие режима интерпретации связано с известным противопоставлением Э. Бенвениста *plan de récit* — *plan de discours*. См. о понятии режима интерпретации в частности [Падучева 1986; 1996].

ватель; в (2б) несобственная прямая речь; подразумеваемый субъект — персонаж (Пилат):

- (2) а. *Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, конечно, не забыла.*
 б. *Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.*

Пример 3 — слова, которые употребляются только в нарративном режиме и не употребляются в речевом. Это известное явление; достаточно указать, например, нарративное *назавтра*, отличное от речевого *завтра*:

- (3) а. *Назавтра он пошел в институт* [нарратив];
 б. *Завтра он пойдет в институт* [речевой дискурс].

Итак, пример (II) показывает, что вводное *казалось* — тоже исключительная принадлежность нарративного режима, т. е. встречается только в нарративных контекстах. Наша задача — объяснить эту его особенность употребления.

Исследуя вводные слова *кажется* и *казалось*, мы рассмотрим всю систему значений исходного предикативного и производных вводных употреблений глагола *казаться*, связав одни употребления с другими. Начнем с предикативного *казаться*.

У глагола *казаться* есть два значения, которые можно приблизительно охарактеризовать как *казаться* ментальное и *казаться* перцептивное:

- (1) а. *Мне кажется, что этого делать не стоит* [ментальное значение];
 б. *Мне кажется, что кто-то стучит* [перцептивное значение].

В ментальное значение входит компонент неуверенности субъекта в сформированном суждении (мысли); при перцептивном неуверенность касается созданного / создавшегося чувственного образа.

В НОСС у глагола *казаться* различаются значения *казаться* 1 и *казаться* 2, причем *казаться* 1 — это, видимо, ментальное *казаться* (эта лексема входит в один синонимический ряд с *думаться*, *представляться*, *сдаваться*), а *казаться* 2 описывает ситуацию полного несоответствия образа, имеющегося в сознании субъекта, реальным фактам и входит в синонимический ряд с *чудиться*, *мерещиться*. Надо, однако, сказать, что если у *чудиться*, *мерещиться* это несоответствие является частью смысла (что безусловно верно по от-

ношению к совершенному виду: *мне померещилось* означает, что сейчас я понял, что этого на самом деле не было; в несов. виде *мерещится* может значить просто 'представляется': *Мне далекое время мерещится*, Пастернак), то у *казаться* соответствие / несоответствие зависит от контекста (см. ниже примеры (а)—(д)) и едва ли может служить основой для выделения отдельного значения. Так что отдельного значения несоответствия у *казаться* мы не выделяем.

Отметим, однако, еще одно противопоставление. Перцептивное *казаться*, выражающее нечеткость восприятия, противопоставлено значению, при котором *казаться* означает создание образа на базе сравнения. Так, в (1в) не имеется в виду, что все случится на самом деле:

(1) в. *Кажется, что дом вот-вот развалится.*

Образное значение *казаться* не дает возможности упомянуть субъект восприятия — в (1в), в отличие от (1б), нельзя вставить *мне*: высказывание выражает не личное восприятие одного говорящего, а претендует на выражение некоего общего представления о сходстве данной ситуации, видимой или как-то иначе доступной восприятию / ощущению, с некой другой. Если в (1в) вставить дательный субъекта, возникнет обычное перцептивное значение.

Про эти значения — ментальное, перцептивное и образное — и будет идти речь.

В каждом из трех своих значений глагол *казаться* имеет не только форму наст., но и форму прош. времени, ср. прош. ментальное в (2а); прош. перцептивное в (2б); и прош. образное в (2в):

(2) а. *Мне тогда казалось, что не стоит этого делать;*

б. *Мне казалось, что кто-то стучит;*

в. *Казалось, что дом вот-вот развалится.*

И ментальное, и перцептивное *казаться* допускают противопоставление по виду. Форма СВ у *казаться* в ментальном значении вызывает сомнения — ментальное и перцептивное значения различаются слабо, в обоих случаях это заключение на базе наблюдаемого признака:

(3) а. *Мне показалось, что не стоило этого делать* [ментальное значение];

б. *Мне показалось, что арбуз был несладкий* [перцептивное].

А у *казаться* в образном значении парного СВ вообще нет; так, НСВ *казалось* в (2в'), имеет образное значение, а у СВ *показалось* в (3в) значение может быть только обычное перцептивное:

(2) в'. *Казалось, что его [небосвод] перед праздником почистили* [образное значение];

- (3) в. *Мне показалось, что его [уже не небосвод, а что-то другое] перед праздником почистили [обычное перцептивное значение].*

Самым естественным субъектом мнения и восприятия, выражаемого глаголом *казаться*, является 1-е лицо, т. е. в речевом режиме — говорящий. Если субъект опущен, то тем более в этой роли подразумевается говорящий. Субъекта в 3-м лице часто можно встретить в нарративе — это тот персонаж повествования, который является фокусом эмпатии автора (примеры ниже отчасти из Национального корпуса русского языка, отчасти получены с помощью программы А. В. Санникова):

Может быть, ему казалось, что сейчас он сводит счёты со всеми своими неудачами: с английским языком, с обидой на отца (В. Крапивин. Та сторона, где ветер).

Если же в речевом режиме субъект мнения / восприятия при *казаться* не говорящий, то говорящий все равно присутствует в ситуации — он является носителем идеи о том, что мнение / перцептивный образ другого лица не соответствует действительности; по крайней мере, говорящий отстраняется. Возникает, как говорил Ю. М. Лотман, стереоскопическая картина действительности (см. об этом подробнее в [Падучева, Зализняк 1982]) — несколько разных взглядов на ситуацию существуют одновременно:

- (а) *Понимаешь, мужчинам кажется, что женщины должны об этом знать* (А. Геласимов); *читателю кажется, что речь идёт просто о тех или иных вычислениях* (А. А. Зализняк); *он так часто рискует своей жизнью, что людям кажется: смерть его не берёт* (А. Рыбаков).

Мнение приписывается 3-му лицу, и говорящий во всяком случае не солидаризируется с ним полностью: в лучшем случае он оценивает мнение субъекта 3-го лица как не единственно возможное.

Несогласие говорящего с высказываемым мнением может быть подчеркнуто союзом, см. *будто* вместо *что* в (б):

- (б) (...) *мальчику кажется, будто любовь продаётся за деньги* (С. Довлатов).

Значение несоответствия мнения (или восприятия) действительности (при субъекте во 2-м или в 3-м лице) может быть выражено переносом главного фразового ударения на глагол; в результате неуверенность, которая была при исходной просодии на заднем плане, попадает в фокус внимания и усиливается до несоответствия:

- (в) *Это кажется \, что тебя окружают небоскребы. Тебя окружает прошлое* (С. Довлатов. Ремесло)

Частицы *только, лишь* тоже меняют акцентный статус компонентов в толковании *казаться*, и с тем же эффектом:

(г) *Это только кажется* \.

Отстранение говорящего от высказанного мнения может быть выражено модальным словом, см. [НОСС 2000: 458]:

(д) *Может показаться, что он раскаялся*.

Модальность воздействует на значение *казаться* совершенно иначе, чем просодия: модальный контекст порождает подразумеваемый квантифицированный (родовой) субъект; мнение отчуждается от субъекта 1-го лица и становится одним из возможных — а тем самым, оспариваемым. Т. е. механизм тот же, что в примере (а).

Теперь о вводных употреблениях *казаться*: что меняется при переходе от предикативного употребления *казаться* к вводному?

1) Для *кажется* в ментальном и перцептивном значении вводное употребление возможно. Между тем образное значения у вводного *кажется* (наст. время) не бывает. Так, в (4в) *кажется* может пониматься и в ментальном значении неуверенного мнения (или знания), и в перцептивном значении нечеткого восприятия — но не в образном:

- (4) а. *Этого, кажется, не стоило делать* [вводное ментальное];
б. *Кто-то, кажется, стучит* [вводное перцептивное];
в. *Его, кажется, почистили перед праздником*.

У прош. *казалось*, напротив, образное значение весьма обычно; ср. очевидную образность в примере:

⟨...⟩ милый, наивный, старый дом, ⟨...⟩ казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал все (А. П. Чехов. Дом с мезонином).

Так что у прош. *казалось* все три значения есть ³:

- (5) а. *Этому, казалось, не будет конца* [ментальное значение];
б. *Кто-то, казалось, стучит в окно* [перцептивное значение];
в. *Дом, казалось, вот-вот упадет* [образное значение].

Существенно, однако, что все фразы примера (5) предполагают нарративный контекст.

³ Правда, разница между ментальным и перцептивным значением может быть нечеткой: *Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла к себе наверх, легла и тотчас же уснула* (А. П. Чехов. Невеста).

2) Другое отличие вводного употребления *казаться* от предикативного — абсолютная невозможность этой функции для парного глагола сов. вида; *кажется* и *казалось* допускают вводное употребление, а сов. вид *показалось* категорически невозможен. Даже вводный оборот с *как* вызывает сомнение; см., впрочем:

⟨...⟩ мечущиеся во дворе люди видели, как вместе с дымом из окна пятого этажа вылетели три темных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнаженной женщины (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Отсутствие у вводного *казаться* сов. вида обращает на себя внимание — тем более, что для близкого по значению *оказаться* вводное бессубъектное употребление возможно в равной мере в СВ и в НСВ:

Ее, оказалось, Дженни зовут (В. Кунин. Кыся).

3) Вводное *кажется* четко различает неуверенное мнение и неточное знание. Так, в (6а) — неуверенное мнение, а в (6б) — неточное знание (например, может быть так, что человек знал, но забыл):

- (6) а. *Он, кажется, склонен согласиться;*
 б. *Встреча назначена, кажется, на завтра.*

У предикативного *казаться* значение неточного знания с такой ясностью не фиксируется. Прош. вводное *казалось* значения неточного знания тоже не имеет:

- (7) **Встреча (была) назначена, казалось, на завтра.*

Итак, обратимся к нарративной ориентации вводного *казалось*. Влияние режима на интерпретацию времени вводного *казаться* иллюстрирует пример (8). В (8а) — наст. время речевого режима, а в (8б) — прош. время нарративного режима:

- (8) а. *Кажется, вот-вот разразится гроза;*
 б. *Гроза, казалось, вот-вот разразится.*

В (8а) и (8б) у *казаться* одно и то же значение непосредственного восприятия ситуации, так что время носит как бы согласовательный характер — оно отражает разницу в режимах.

С другой стороны, в контексте главного глагола в прош. времени, пример (9), прош. *казалось* в (9б) интерпретируется в нарративном режиме и выражает непосредственное восприятие ситуации синхронным ей субъектом — наблюдателем-повествователем (значение у *казаться* перцептивное); а в (9а)

режим речевой и наст. *кажется* выражает взгляд на прошлое из настоящего; значение у *казаться* ментальное:

- (9) а. *О себе он, кажется, избегал говорить;*
 б. *О себе он, казалось, избегал говорить.*

Соответственно, прош. время основного глагола (*избегал*) в (9а) выражает предшествование, а в (9б) — синхронность текущему моменту повествования. Аналогично в примере (10):

- (10) а. *Солдат, кажется, смотрел в сторону* [речевая ситуация];
 б. *Солдат, казалось, смотрел в сторону* [нарратив].

Прош. время *казалось* дает эффект синхронного наблюдателя (обычного в нарративном режиме); а при наст. *кажется* прош. время глагола имеет речевое значение предшествования — естественно, при этом *кажется* понимается в ментальном значении.

В примерах из (11) прош. *казалось* выражает образное описание ситуации, не претендующее на соответствие действительности; режим интерпретации однозначно нарративный:

- (11) *Голос отвечавшего, казалось, колот Пилату в висок, был невыразимо мучителен* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
Цилиндр его ухарски сидел на затылке, и из-за распахнувшегося пальто вместе с жилеткой, казалось, выглядывала сама душа (А. П. Чехов. Месье).

Итак, можно считать установленным, что прош. *казалось* — это принадлежность нарративного режима. Не следует думать, однако, что в нарративе с базовым прош. вводное *казаться* обязательно имеет форму прош.; так, в (12) форма наст. времени:

- (12) — *И знаете ли, какая мысль пришла мне в голову, — зашептал Ильин, от таинственности прищуривая левый глаз (...), — из этого романа вам нужно сделать пьесу! «Перст судьбы!» — подумал я и сказал: — Вы знаете, я уже начал ее писать. Ильин изумился до того, что правую рукою стал чесать левое ухо и еще сильнее прищурился. Он даже, кажется, не поверил сначала такому совпадению, но справился с собою.* (М. Булгаков. Театральный роман)

Прош. *казалось* в контексте примера (12) было бы, пожалуй, не менее уместно. И вообще, выбор наст. или прош. времени вводного *казаться* в нарративе не описывается простым правилом.

Некоторые предпочтения все же есть. Так, в нарративе с базовым прошедшим время вводного слова часто бывает настоящее, если подразумеваемым субъектом является персонаж. Особенно если это нарратив от 1-го лица:

(13) *Потом опять задвигали стульями, и мне из-под пола послышался шум; кричали, кажется, ура* (А. П. Чехов. Жена).

В (14) у Чехова время прош., но могло бы быть и наст.:

(14) *Жестикулируя, он опрокинул рукавом соусник, и на скатерти образовалась большая лужа, но, кроме меня, казалось, никто не заметил этого* (А. П. Чехов. Дом с мезонином).

Персонаж может быть в 3-м лице — если повествование склоняется к свободному косвенному дискурсу, т. е. широко использует несобственную прямую речь:

(15) *Надя слышала это и в прошлом году, и, кажется, в позапрошлом, и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешили ее, теперь же почему-то ей стало досадно* (А. П. Чехов. Невеста).

В (16) персонаж проявляет себя в составе большого числа эгоцентрических элементов — он является подразумеваемым субъектом глагола звука (он услышал, что проббили часы); ему приснился дождь, он является субъектом неизвестности для местоимения *кто-то*. Естественно, подразумеваемый субъект *кажется* — тот же персонаж:

(16) *Проббили внизу часы, приснился дождь на Волге, и опять кто-то вошел в спальню, кажется, посторонний* (А. П. Чехов. Попрыгунья).

Наоборот, прош. нарративное *казалось* обычно имеет подразумеваемым субъектом повествователя:

Белые стены, белые кресты на могилах, белые березы и черные тени, и далекая луна на небе, стоявшая как раз над монастырем, казалось, теперь жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человеку (А. П. Чехов. Архиерей).

Впрочем, иногда субъекта восприятия нельзя идентифицировать однозначно, см. пример в сноске 3.

Рассказ А. П. Чехова «Архиерей» изобилует несобственной прямой речью. Поэтому в отрывке (17) можно предположить, что подразумеваемым субъектом установки, выражаемой вводным *казалось*, является персонаж (которому, с одной стороны, кажется, что он спит, а с другой — слышен бой часов и т. д.):

(17) *Он закрыл глаза и, казалось, спал, но слышал два раза, как били часы, как покашливал за стеной отец Сисой.*

Вообще, наст. время *кажется* в традиционном нарративе с базовым прош. может ощущаться как неоправданное — форму наст. *кажется* иногда

можно трактовать в нарративе с базовым прош. как проявление тенденции к утрате этим словом грамматической формы:

Старик засмеялся и замахал руками. Он был, кажется [= казалось], очень доволен (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); Он повернулся, чтоб отойти, но она вдруг схватила его за руку, кажется [= казалось], хотела что-то сказать, но слов у нее не нашлось (Там же).

Безукоризненно звучит форма наст. *кажется* в нарративе с базовым прош. в повествовании от 1-го лица в контексте точно указанных обстоятельств — дат, географических названий, чисел, когда *кажется* выражает неточное знание:

На одной из станций, кажется между Белгородом и Харьковом, вышел я из вагона прогуляться по платформе (А. П. Чехов. Красавицы).

В классическом нарративе 3-го лица повествователь не может быть подразумеваемым субъектом такого *кажется*: в таком нарративе повествователь не должен расписываться в неточности своего знания, см. о нарушениях этого правила Набоковым и Гоголем в [Падучева 1997].

Отметим еще одно различие между вводным и предикативным *казаться*. Как мы знаем, в предикативном употреблении *казаться* возможен акцент на несоответствии между мнением / восприятием субъекта и мнением говорящего. Во вводном употреблении такого раздвоения субъектов установки у *кажется* быть не может, см. [Падучева, Зализняк 1987]: у вводного *казаться* субъект мнения / восприятия и неуверенности — это одно и то же лицо, а выразить несоответствие мнения действительности с помощью вводного слова вообще нельзя — за одним исключением: способом достижения стереоскопии может быть употребление вводного *кажется* в сослагательном наклонении — или просто в значении ‘казалось бы’.

В самом деле, форма наст. времени *кажется* может употребляться в значении ‘казалось бы’. При этом могут возникнуть нетривиальные семантические приращения. Рассмотрим пример (18), в котором употребление *кажется* на первый взгляд вызывает недоумение: почему говорящий употребляет показатель неуверенности *кажется*, хотя никакой неуверенности в своем мнении (что он говорит русским языком) у него нет и быть не может:

(18) *Я, кажется, русским языком говорю.*

Как мы видели на примере (д), модальный контекст снимает привязанность подразумеваемого субъекта вводного слова к говорящему: в (18) возникает обобщенный субъект и значение ‘всякий должен иметь это мнение’.

(Правило тут носит общий характер; взять, например, слово *чувствуется*; квантифицированный родовой субъект порождает значение ‘всякий может почувствовать’.) В результате такого обобщения в число предполагаемых носителей мнения включается адресат. В результате (18) выражает как бы удивление: почему адресат, если он знает, что с ним говорят на русском языке, не понимает того, что ему сказано.

Можно думать, то же *кажется* в значении ‘казалось бы’ употребляет пушкинская Татьяна:

Онегин, я тогда моложе / Я лучше, кажется, была. (А. Пушкин. Евгений Онегин)

Особенно ясным подразумеваемое сослагательное наклонение становится в вопросе:

(19) *А чего нам, кажется, было бояться? Ведь все это происходило не в царской гимназии с ее волчьими билетами, педелями, фискалами, с беликовыми и передоновыми, а в честной советской трудовой школе* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Здесь можно с полным успехом заменить *кажется* на *казалось бы*:

(19') *А казалось бы, чего нам было бояться?*

В (20) показатель сослагательного наклонения перекочевал из вводной части предложения в главную:

(20) *Можно бы, кажется, понимать* (А. Чехов. Невеста) [= *можно, казалось бы, понимать*].

Примеры такого рода употреблений вводного *кажется* приводятся в [Разлогова 2005]:

(21) *Иванов! Кажется, я просила Вас не курить в классе.
Я, кажется, не давала повода для такого поведения.*

Если говорить о состоянии сознания говорящего, то употребление показателя неуверенности *кажется* тут неуместно: говорящий знает, что он просил; и что он не давал повода. Понимание *кажется* в значении ‘казалось бы’ делает адресата одним из возможных субъектов данного суждения, что дает далее основание предъявить ему ту или иную претензию.

Сочетание *уж кажется* прошло еще более длинный путь семантического развития и означает просто ‘несмотря на то, что’:

Уж, кажется, на всех шести вышках попки сидят — опять в зону не пускают. (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961))

Примечательна порождаемая вводным *казалось* возможность синонимического варьирования наст. и прош. времени основного глагола:

- (22) *Он, казалось, избегал говорить о себе* = *Он, казалось, избегает говорить о себе.*

То, что наст. и прош. синонимичны в (23), в составе придаточного, понятно:

- (23) *Казалось, что он избегал говорить о себе* =
Казалось, что он избегает говорить о себе.

В самом деле, относительное употребление времен в русском языке достаточно свободно (см. [Timberlake 2004: 388—392]). Однако наст. *избегает* и прош. *избегал* синонимичны не только в (23), в придаточном, но и в (22) с вводным словом: вводный глагол остается семантически подчиняющим, и основной глагол ведет себя так, как если бы был в гипотаксическом контексте.

Вернемся теперь к нашему вопросу: как объяснить приверженность вводного *казалось* к нарративному режиму? Дело в том, что форма несouv. прош. невводного *казалось* почти не употребляется в прош. времени со значением предшествования. Главное значение для *казалось* — прош. синхронное, т. е. нарративное, где форма несouv. имеет значение синхронности текущему моменту текста.

Глаголу *казаться* свойственна неполнота парадигмы аспектуальных значений: *казаться* практически не имеет ретроспективного (общефактического) значения в прош. времени. Можно думать, дело в том, что основным у *казаться* является перцептивное значение, которое предполагает непосредственный контакт субъекта с ситуацией. Ретроспекция этот контакт исключает. Между тем актуально-длительное, синхронное, значение нарративного режима предполагает синхронного наблюдателя — т. е. достигается нужный прямой контакт.

Ретроспективное значение формы прош. времени у предикативного *казалось* не полностью исключено. Например, оно возможно в примере (24) — в том особом контексте, когда мнение подтвердилось:

- (24) *Мне казалось \, что ты делаешь неправильный выбор.*

Однако это несвойственное глаголам мнения ударное употребление; главное фразовое ударение на *казалось* делает подчиненную пропозицию безударной, и она приобретает статус пресуппозиции. Вводное употребление этой возможности, конечно, не наследует.

2. Вводное *оказываться*: несобственная прямая речь

Вводное *оказываться*⁴ отличается от вводного *казаться* тем, что предполагает не одного субъекта, а двух (не считая говорящего). Возникает основа для сложной интерференции «голосов».

Значение вводного *оказывается* включает следующие два компонента:

оказывается (X, P) =

- 1) X узнал, что P;
- 2) X удивился, что P.

В речевом режиме подразумеваемым субъектом *оказывается* будет говорящий:

- (1) *Я так рада! Нашлись, нашлись! Они, оказывается, болели и не подавали весточек!* (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом)

В примере (1) лицо X — это говорящий; он является и субъектом нового знания и субъектом удивления. Кроме лица X, в ситуацию может входить лицо Y — Источник сведений-знаний, поскольку узнают чаще всего от кого-то. В (1) Источник за кадром.

Лица Y может и не быть; так, в (2) говорящий получает знание не от участника Источник, а путем непосредственного восприятия:

- (2) *Вернулся домой, на крылечко взошел, хотел было дверь открыть, а она, оказывается, изнутри на засов заперта.* (В. Писарев. Волшебные сказки)

В нарративе заместителем говорящего и субъектом знания и удивления может быть повествователь, см. (3), или персонаж, см. (4):

- (3) *Город Козельск, оказывается, ежегодно празднует свое падение.* (М. Гаспаров. Записи и выписки)
- (4) *В-третьих, он боялся испугаться и все время проверял себя: «Не страшно?» — «Нет, не страшно», — отвечал бодрый голос в голове, и Николка от гордости, что он, оказывается, храбрый, еще больше бледнел.* (М. Булгаков. Белая гвардия)

В (3) повествователь, видимо, имеет в виду разделить свое удивление с читателем. Источник за кадром, но полученное от него сведение явно является для X-а знанием.

⁴ В докладе В. С. Храковского на заседании Грамматической комиссии при Международном съезде славистов в Марбурге в 2005 году вводное *оказывается* было представлено как показатель особого наклонения — адмиратива.

В нарративе возможна языковая игра, построенная на том, чье удивление и чье состояние знания передает вводное *оказывается*. Так, в (5) персонаж (Л. К. Чуковская) и повествователь оба задействованы в интерпретации. Субъект нового знания — персонаж, и он же — субъект удивления; повествователь этого удивления не разделяет:

(5) *И вот Чуковской представляется, что это весточка из какого-то запредельного мира: оказывается, что-то где-то происходит и помимо метрополии* (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским).

В игру может вступать и третий субъект — Источник сведения, и тогда ситуация накаляется еще больше.

Фраза (6) интерпретируется в речевом режиме — это прямая речь:

(6) *Я, оказывается, люблю другую женщину*. (В. Набоков. Машенька)

В тексте Набокова говорящий (Ганин) употребляет эту странную фразу в ходе небрежного объяснения с надоевшей любовницей. Здесь словом *оказывается* описано получение говорящим сведений о самом себе — очевидно, в результате ретроспекции. Т. е. Ганин является одновременно Источником сведения, субъектом знания и субъектом удивления.

Именно совмещение трех функций в одном лице обуславливает странность этой фразы. Высказывание такого рода более естественно было бы встретить в другом контексте. Например, человек может с ее помощью описать другу свое недоумение по поводу упрека, который любимая им женщина сделала ему, сказав, что он любит другую. В этом случае *оказывается* вводит несобственную прямую речь: говорящий X передает знание-мнение другого лица Y, никак не обозначив это лицо (что и характерно для несобственной прямой речи). При этом поинт высказывания с *оказывается* — это недоумение говорящего по поводу информации, полученной от другого лица. Именно недоумение, а не удивление, поскольку удивление по поводу P предполагает пресуппозицию истинности этого P, а при недоумении пресуппозиция не обязательна.

Иными словами, в исходном значении вводного *оказывается*, как в (1), P — это знание субъекта X. Между тем в ситуации несобственной прямой речи P — это то, что сказал или дал понять X-у некий Y. Что же касается X-а, то он не рассматривает информацию P как свое знание: в его сознании P — всего лишь мнение лица Y.

То, что *оказывается* вводит несобственную прямую речь, еще лучше видно на следующих примерах (они приводились, с другой интерпретацией, в вышеупомянутом докладе В. С. Храковского):

(7) *Он приехал только к десяти, опоздал, оказывается, на поезд, очень много было дел, обедал с издателем* (В. Набоков).

- (8) *Появился в ту ночь бродячий будетлянин России, гениальный председатель земли Велемир Хлебников. Явился еле живой, в лохмотьях, в расколотенных башмаках, в солдатских обмотках. Оказывается, пробрался через череду враждующих армий из Астрахани* (В. Аксенов).
- (9) — *Я вам скажу. Хотите откровенно? Я давно замечаю за Вами, Дима. — И тут она понесла такой невысказанный и ошеломляющий вздор, что Глебов онемел от изумления. Оказывается, он с каким-то особенным вниманием всегда осматривает их квартиру, на кухне его интересовали холодильник под окном и дверь грузового лифта. Однажды он подробно расспрашивал (...)* (Ю. Трифонов).

В (7) *оказывается* вводит информацию, источником которой является приехавший; в (8) источник — Хлебников, в (9) — собеседница-квартирохозяйка.

Еще более сложная картина в (10), где говорящий имеет в виду выразить уже не недоумение по поводу мнения Р лица Y (Г. Владимова, автора книги «Генерал и его армия»), а просто возмущение этим мнением; причем сведения якобы получены из каких-то ранее упомянутых источников:

- (10) *Как справедливо отмечали читатели в своих письмах, книги типа «Генерал и его армия» (...) выглядят натуральной агиткой — прежде всего в пользу третьего рейха и против Советского Союза, то есть против своего народа, который, оказывается, напрасно сражался против фашизма* (Генерал армии Махмут Гареев. Маршал Жуков).

В диалоге это значение несогласия с мнением собеседника *оказывается* выразить не может. Так, в нижеследующем отрывке *оказывается* входит в своего рода внутреннюю речь, а не в ответную реплику:

— *Наш папочка предпочитает «руссо-балт», а, значит, плавное, размеренное движение, не лишнее, однако, стремительности. — Лидочка Нессельроде пыталась удержаться в «стиле Ионеско».*

— *Почему? — спросила Варвара Александровна. — Потому что он ваш политический оппонент?*

«*Он, оказывается, мой политический оппонент!*» — *Нет, сударыня, я сразу понял, что ваш папочка предпочитает «руссо-балт», когда я увидел его за рулем «руссо-балта»* (В. Аксенов. Остров Крым).

Итак, вводное *оказывается* способно выражать многоголосие гораздо более изысканным способом, чем вводное *кажется*. В сценарии с вводным *кажется* субъект ровно один (многоголосие, иллюстрируемое примерами типа (а)—(д) из раздела 1, где субъект оценивает свое мнение/восприятие как неуверенное, а говорящий — как неверное, возможно только для предикативного *казаться*). Между тем вводное *оказывается* дает сценарий, где

субъектов чуть ли не три, и каждый оценивает истинность пропозиции по-своему.

Интересно, что многоголосие свойственно только несов. виду *оказывается*; СВ *оказалось*, которое в однолинейных контекстах кажется практически синонимом *оказывается*, вводить отвергаемое мнение неспособно:

Знаешь, оказалось, мы друг друга не только не понимаем, но даже и не знаем как следует (А. Вампилов. Прощание в июне).

СВ *оказалось* образует со своим несов. видом *оказывается* совершенную видовую пару, так что СВ прош. и НСВ наст. почти синонимичны [Падучева 1996: 152—160]. Видимо, именно в событийности *оказывается* кроются его отличия от стативного *кажется*.

Итак, вводные слова *кажется*, *казалось* и *оказывается*, *оказалось* обнаруживают интересные свойства, будучи рассмотрены в свете понятия режима интерпретации.

Можно утверждать, что вводное *казалось* является исключительной принадлежностью нарративного режима — оно употребляется в нарративе, имея, как и другие вторичные эгоцентрики, подразумеваемым субъектом то повествователя, то персонажа: не говорящего, который в нарративном режиме вообще отсутствует.

Вводное *оказывается* гораздо более разнообразно в своих интерпретациях. Употребляясь в речевом режиме, оно находится целиком в распоряжении говорящего: говорящий получил знание и испытал удивление по его поводу. Но в повествовании *оказывается* стоит на точке пересечения «геополитических» интересов нескольких субъектов. Один персонаж, получивший информацию от другого, может ее передавать, не приняв как истину в сфере своего сознания. В результате чего возникает эффект несобственной прямой речи: носителем утвердительной модальности оказывается не повествователь (что нормально для нарратива), а персонаж, причем, быть может, даже не упомянутый в тексте в явном виде. Уместно, поэтому, иметь в виду, что понятие режима, которое одной своей стороной опирается на Бенвениста и каноническую речевую ситуацию, другой стороной связано с классической линией, идущей от Бахтина и Волошинова, — с исследованиями в области несобственной прямой речи и теории литературных жанров.

Стоило бы также наметить связь режимов интерпретации с исследованиями А. К. Жолковского по инфинитивной поэтике. Инфинитивность — прямая родственница вводности: в обоих случаях предикат не имеет субъекта, выраженного в явном виде, в результате чего возникает широкий круг

возможностей его домыслить. В работе [Жолковский 2005] приводятся два примера (из «Евгения Онегина») игры на точках зрения, развязанной с помощью инфинитивов. В первой строфе романа идея лицемерия выражается в прямой речи героя (*Какое низкое коварство / Полуживого забавлять!*), а потом к ней оказывается причастен автор. А дальше в главе IV зеркальная ситуация: примерно та же идея (*Кому не скучно лицемерить*) вначале выражается в безличной форме, от лица автора, а потом оказывается созвучной мыслям Онегина. Очевидно, что инфинитив тоже располагает широкими возможностями воплощения своего подразумеваемого субъекта в реальных лицах — хотя и иными, чем вводное слово **.

Литература

- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- БАС — *Словарь русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950—1965* (= «Большой» академический словарь).
- Гловинская 1982 — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Жолковский 2005 — *Жолковский А. К.* Счастье и права sub specie infinitivi // *Жолковский А. К.* Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005. С. 432—443.
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981* (= «Малый» академический словарь).
- НОСС 2000 — *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.
- Падучева 1986 — *Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1997. № 2. С. 20—27.
- Падучева, Зализняк 1982 — *Падучева Е. В., Зализняк Анна А.* Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана.* Таллин, 1982.
- Падучева, Зализняк 1987 — *Падучева Е. В., Зализняк Анна А.* О семантике вводного употребления глаголов // *Вопросы кибернетики: Прикладные аспекты лингвистической теории.* М., 1987. С. 80—96.
- Разлогова 2005 — *Разлогова Е. Э.* Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005.

** Автор благодарен М. В. Филипенко за соображения и замечания по поводу работы.

- Bäuerle 1979 — *Bäuerle R.* Temporale Deixis, temporale Frage. Tübingen, 1979.
- Kratzer 1978 — *Kratzer A.* Semantik der Rede. Kronberg, 1978.
- Timberlake 2004 — *Timberlake A.* A Reference Grammar of Russian. Cambridge, 2004.
- Urmson 1970/1985 — *Urmson J. O.* Parenthetical verbs // *Philosophy and Ordinary Language* / Caton Ch. E. (ed.). Urbana, Univ. of Illinois Press, 1970. P. 220—240. Рус. пер.: *Урмсон Дж.* Парентетические глаголы // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 196—216.

О СХЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В АКТЕ КОММУНИКАЦИИ

А. Д. Кошелев
(Издательство «ЯСК»)

1. Исходные положения, основные понятия и цели статьи

1. **Содержание статьи.** Мы будем исходить из той (отнюдь не новой) мысли, что предметная лексика отражает наивную предметную классификацию мира и включается одной из составляющих в наивную картину мира носителя языка. Поэтому для адекватного описания лексических значений предметных существительных эту классификацию необходимо представить по возможности эксплицитно (см. [АПРЕСЯН 1995: 350—351]).

Основное положение статьи состоит в том, что лексическое значение предметного существительного — это комплексное описание класса его референтов как ячейки (таксона) наивной предметной таксономии носителя языка. Из этого положения выводится схема значения — совокупность характеристического и прототипического компонентов — и их коммуникативные функции.

Статья состоит из теоретической части (п. 1—4) и Приложения (п. 5—7), содержащего примеры толкований предметной лексики. В п. 1 вводятся исходные положения и основные понятия, которые затем иллюстрируются разбором слов *очки*, *забор*, *ограда* и *цветок* и сравнением предлагаемых описаний с известными толкованиями из [ТКС], [НОСС] и [ВЕЖБИЦКАЯ 1985]; далее в этом пункте приводится определение предмета и анализируются центральные понятия статьи: предметный признак и партитивная модель референта; п. 2 посвящен анализу и описанию партитивного значения генитивной группы *УХ-а* и изучению с ее помощью партитивной структуры референтов разных типов: артефактов, натуральных предметов и живых организмов; в п. 3. определена семантическая схема предметного существительного и рассмотрена роль ее компонентов в осуществлении языковой

коммуникации; в п. 4 проводится сравнение излагаемой точки зрения с подходом А. Вежбицкой.

В Приложении даны примеры толкований: артефактов (*стул, велосипед, дом 1*), элементов ландшафта (*озеро, море, лужа, река, ручей, родник, ключ, овраг, обрыв, пропасть, ущелье*) и организмов (*растение, дерево, яблоко, организм, животное 1, животное 2, птица*).

2. Содержание и структура лексического значения. Сформулируем некоторые исходные положения и основные понятия.

А) Лексическое значение предметного существительного — это полная обобщенная характеристика класса его референтов. Она складывается из описаний двух типов: предметного признака референтов и прототипического (типичного) образа референтов — манифестанта этого предметного признака. На примере слова *очки*, сказанное выглядит так:

(1) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =
ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК — ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ.

Предметный признак представляет собой характеристическое, содержательное свойство, присущее всем референтам существительного (и только им). Оно усваивается ребенком подсознательно вместе с овладением языком и одинаково у всех его носителей. Усвоение это заключается в том, что ребенок научается правильно соотносить предметный признак с воспринимаемыми предметами, делая их тем самым референтами слова. Иначе говоря, он учится определять, какие предметы соответствуют своими конкретными свойствами (общему) предметному признаку, и, стало быть, являются референтами слова, а какие нет.

Прототипический образ референтов — это прототип, т. е. типичный визуальный (шире, перцептивный) образ референтов, конкретные свойства которых не только отвечают предметному признаку, но и являют собой его типичное внешнее проявление, иначе говоря, манифестируют предметный признак (именно это и выделяет прототипический образ из энциклопедической информации о предмете-референте и делает его элементом языкового значения). Часто прототипический образ референтов составляется из нескольких альтернативных прототипов — типичных образов подклассов класса референтов предметного существительного. Например, подклассы референтов слова *очки* имеют каждый свой прототип: «оптические», «солнцезащитные» и др. Таким образом, на примере слова *очки*, получим:

(1а) *Очки* (ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ) = прототипы {«оптические очки», «солнцезащитные очки», «мотоциклетные очки», ...}.

Прототипический образ референтов формируется у каждого носителя языка индивидуально и вполне осознанно, в процессе использования предметного признака при назывании словом окружающих предметов. В нем фиксируется личный языковой (референциальный) опыт носителя языка. Например, один ребенок никогда не видел солнцезащитных очков, а другой никогда не видел мотоциклетных очков. В силу этого, они будут иметь несопадающие наборы прототипов очков. Аналогично, у городского жителя прототипический образ (набор прототипов) цветка будет несколько иным, чем у сельского.

Предметный признак состоит из двух характеристик: а) структуры частей референта (мы называем ее партитивной моделью референта) и б) функции этой модели, отражающей ту роль, которую, по мнению носителя языка, партитивная модель исполняет. Иначе говоря, он имеет вид:

(16) ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК = ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕФЕРЕНТА — ЕЕ ФУНКЦИЯ¹.

Например, оптические очки имеют следующую партитивную модель: ‘две линзы, соединенные оправой, к бокам которой приделаны дужки, помогающие удерживать очки перед глазами’; функция партитивной модели — ‘корректировать близорукость / дальнозоркость человека, когда он смотрит сквозь линзы очков, помещенные определенным образом перед его глазами’.

Условимся содержательные элементы лексического значения (модель, ее функцию, прототипы) заключать в словесные «скобки». Тогда схема лексического значения (на примере частного случая — оптических очков) имеет вид:

(2) *Оптические очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

очки корректируют близорукость / дальнозоркость человека, когда он смотрит сквозь их линзы, помещенные определенным образом перед его глазами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕФЕРЕНТА

две линзы, соединенные оправой, к бокам которой приделаны дужки, помогающие удерживать очки перед глазами;

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РЕФЕРЕНТА

прототип «оптические очки».

¹ Как мы видим, предметный признак (16) референта складывается из характеристик разной природы: структурной и антропоцентрической.

Продолжим разъяснение понятия «предметный признак». Пенсне не имеет дужек и удерживается перед глазами, прижимаясь с боков к переносице. Такое изменение партитивной модели оказалось значимым — ее функция стала несколько иной, чем у очков (пенсне иначе закрепляется), что и дало другое предметное имя для обновленного предметного признака.

Аналогично, партитивная модель стула — ‘опирающееся на четыре ножки горизонтальное сиденье с прикрепленной к нему вертикальной спинкой’, а функция этой модели — ‘позволять одному человеку сидеть определенным образом’. Если мы удалим спинку, то партитивная модель, а с ней и ее функция несколько изменятся и будут отвечать уже другому предметному признаку, связанному со словом *табурет*.

Заметим, что далеко не всякая модификация частей предмета приводит к изменению его функции (и, стало быть, предметного признака). К примеру, офисный стул имеет одну ножку и крутящееся сиденье, однако свое имя (*стул*) он сохранил. Эти нововведения не изменили его функции — обеспечивать человеку соответствующую сидячую позу, поскольку одна ножка с успехом выполняет функцию четырех. Данный пример показывает, что партитивная модель отражает функциональную структуру (и взаимодействие) частей референта.

Б) Условимся считать, что класс референтов каждого предметного существительного включен — как самостоятельная ячейка (таксон) — в наивную предметную таксономию носителя языка, т. е. в древовидную иерархическую структуру с вершиной — классом референтов (таксоном) слова *предмет*². Иначе говоря, класс референтов каждого предметного существительного представлен в сознании носителя языка не изолированно, а как ячейка единой (присущей всем носителям языка) иерархической структуры предметных классов (таксонов) (рис. 1).

Стрелка «↓» обозначает отношение иерархического включения, означающего, что нижний, более частный таксон является подклассом верхнего, более общего таксона.

От вершины этой таксономической структуры — таксона ‘предмет’ идут вниз два подкласса предметов (более мелких таксона): ‘неорганический пред-

² Слово *предмет* употребляется здесь в общем значении: «1. Всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо, как субстанция, какместилище каких-н. свойств и качеств (книжн.). *Предметы внешнего мира. Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим... и стараюсь во все не глядеть на встречающиеся предметы.* Гоголь» (СЛОВАРЬ УШАКОВА). Для второго, более конкретного значения слова *предмет*: «Вещь, обслуживающая ту или иную потребность ... *Предмет домашнего обихода*» (там же), мы используем слово *вещь*.

‘предмет’					
‘неорганический предмет’			‘органический предмет’		
‘вещь’ (руkotворный)		‘натуральный’ (нерукотворный)	‘труп’ (мертвый)	‘организм’ (живой)	
‘оптический прибор’	‘растение’	‘животное’
...	...	↓	↓
<u>1</u> ‘очки’	<u>2</u> ‘стул’	<u>3</u> ‘камень’	<u>4</u> ‘туша’	<u>5</u> ‘роза’	<u>6</u> ‘орел’

Рис 1. Фрагмент наивной предметной таксономии носителя русского языка.

мет’ и ‘органический предмет’. От таксона ‘неорганический предмет’ идут, разделяясь, таксоны следующего уровня: ‘нерукотворный’ — ‘рукотворный’ предмет. От таксона ‘органический предмет’ идут свои таксоны: ‘труп (мертвый)’ — ‘организм (живой)’ и т. д. Нижний уровень иерархии («листья» иерархического дерева) образуют классы референтов конкретных существительных: ‘очки’, ‘стул’, ‘камень’, ‘туша’, ‘роза’, ‘орел’ (эти таксоны помечены подчеркнутыми цифрами: 1, 2, ...).

Ячейка таксономии заполняется конкретными образами референтов слова, встретившихся носителю языка, вместе с ситуацией, в которой референт оказался, а также способами и условиями взаимодействия с ним, материалом, из которого он сделан и пр. Короче говоря, в таксоне хранится набор целостных картинок, содержащих образ референта, удовлетворяющий предметному признаку (это — основание классификации картинок), вместе со своим окружением.

Намеченная предметная таксономия совпадает у разных носителей языка с точностью до их лексикона. Если, скажем, носитель языка не знает слова *астильба* (название цветка), то в его предметной иерархии не будет и таксона ‘астильба’. Что касается конкретного наполнения ячеек данной иерархии (образами и свойствами конкретных предметов), то оно может заметно варьировать у разных носителей языка.

Рассмотрение класса референтов предметного существительного как ячейки предметной иерархии вносит одно дополнение в лексическое значение (1) слова. В него следует включить информацию о месте класса референтов в предметной иерархии, т. е. информацию о ближайшем включающем (родовом) таксоне.

Возьмем, к примеру, слово *очки*. Его лексическое значение должно содержать наряду с предметным признаком референта (парой: партитивная модель очков — их функция) указание на родовой таксон — ‘оптический прибор’, включающий класс ‘очки’. В качестве такого указателя мы будем использовать соответствующую характеристику родового таксона и называть ее родовым признаком референта. Тогда получаем следующую схему лексического значения:

- (3) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =
- i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК
 - ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК
 ФУНКЦИЯ
 ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ
 - iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ.

Центральным компонентом схемы (3) является предметный признак — характеристическое свойство референтов слова, прототипический образ отражает типичный вид референтов — носителей предметного признака, а родовой признак указывает на ближайший сверху таксон иерархии.

3. Лексическое значение слова *очки*. Для иллюстрации схемы (3) рассмотрим общее значение слова *очки*, включающее солнцезащитные и др. виды очков. Для этого сформулируем сначала общую функцию оптического прибора: ‘предназначен для усиления визуальных возможностей человека’. Она охватывает очки, лорнет, монокль, лупу, микроскоп, бинокль, телескоп и др. Эти приборы распадаются на три класса: лупа, микроскоп и др.; бинокль, телескоп и др. и, наконец, интересующий нас класс: очки, пенсне, контактные линзы, монокль (мы не относим сюда лорнет, поскольку он, подобно театральному биноклю, приближает изображение).

Определим родовую функцию этого класса. Обратимся к очкам. Толковые словари (СЛОВАРЬ УШАКОВА и БТС) указывают для них функцию ‘улучшение зрения или защита глаз’. Эта формулировка, на наш взгляд, неточна. Очки предназначены прежде всего для нормализации зрительного восприятия человека, оказавшегося в нестандартной ситуации: оптические очки корректируют изменившиеся возможности глаз (близорукость / дальновзоркость), приводя их к норме, солнцезащитные — позволяют нормально видеть при ярком свете, мотоциклетные — при сильном ветре, подводные — под водой, очки ночного видения — в темноте и т. д. Чисто защитных функций очки не выполняют. Если, к примеру, в солнцезащитных очках заменить прозрачные стекла непрозрачными, они перестанут быть очками.

Вторая особенность очков в том, что они прикреплены к голове человека и расположены перед его глазами так, что, перемещаясь и поворачивая голо-

ву, он может смотреть через них на окружающий мир, не будучи связанным ими (как микроскопом, телескопом или лорнетом, который нужно держать в руке и перемещать синхронно с поворотом головы).

Объединяя обе характеристики, получаем родовой признак для очков: 'нормализовать зрительное восприятие человека в нестандартной для него ситуации, прикрепляясь к его голове и размещаясь перед его глазами'.

Специфика очков, отделяющая их от пенсне, моногля и контактных линз, приблизительно такова: 'состоят из двух прозрачных пластин, соединенных вместе специальным приспособлением (оправой) и прикрепленных к голове специальными частями (дужками, лентой) так, что пластины располагаются перед глазами'.

Партитивная модель очков очевидна. В результате, следуя (3), получаем:

(3а) *Очки* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

прибор, предназначенный для улучшения визуальных возможностей человека;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

очки нормализуют зрительное восприятие человека в нестандартной для него ситуации, прикрепляясь к его голове и размещаясь перед его глазами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

очки состоят из двух прозрачных пластин, нормализующих восприятие человека, оправы, соединяющей их в одной плоскости, и двух дужек, прикрепленных к оправе с боков и фиксирующих ее на голове; при использовании очков оправа опирается на переносицу человека и закрепляется посредством дужек за ушами; благодаря этому пластины устанавливаются перед его глазами и сохраняют это положение при перемещении человека и поворотах его головы (*надеть очки, быть в очках*); глядя сквозь них, человек нормально (лучше) видит перед собой;

iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

прототипы: {«оптический», «солнцезащитный», «мотоциклетный», ...}.

4. Партитивная модель предмета-референта. Поясним содержание и роль партитивной модели — центрального понятия статьи. Она прежде всего называет основные функциональные части очков (они подчеркнуты: пластины, оправка и дужки), которые непосредственно участвуют в обеспечении функции очков — нормализации зрительного восприятия человека, а во-вторых, объясняет, как эти части взаимодействуют. Тем самым, партитивная

модель явным образом описывает понимание очков носителем языка. Покажем, что без такого понимания носитель языка не может корректно употреблять слово *очки*.

Во-первых, партитивная модель обеспечивает правильное употребление генитивной группы *У X-а* применительно к предмету-референту «очки» (*X-у*) и его частям (*У*). Как мы покажем ниже, генитивная группа *У X-а* означает следующее: 'физическая часть *У* предмета *X* является одной из его основных функциональных частей'. Поэтому к основным частям очков (указанным в партитивной модели): оправе, стеклам и дужкам генитив применим — выражения *оправа очков, стекла очков, дужки очков* корректны, — тогда как другим (не основным) частям очков — нет. Например, к некоторым видам солнцезащитных очков фабричным образом прикрепляется наносник; становясь их физической частью, он не обретает какой-либо функции собственно очков, поэтому сочетание **наносник очков* затруднено³.

Ясно, что носитель языка не может заранее знать все случаи правильного отнесения генитивной группы *У X-а* к предмету *X* и его частям (*У*). Зная функцию предмета *X*, он всякий раз «вычисляет» роль той или иной его части *У* и применяет генитив лишь при условии, что она (часть *У*) несет одну из основных функций *X-а*. Например, прибив ручку к двери, столяр не задумываясь скажет *Ручка двери держится крепко*, поскольку ручка несет важную функцию двери. Однако, прибив к той же двери крючок, он не скажет **Крючок двери держится крепко*, поскольку крючок никакой функции двери не выполняет.

Во-вторых, партитивная модель референта часто выделяет среди его основных функциональных частей главную, которая во многих случаях по существу представляет весь предмет-референт. Для очков такой частью являются пластины. В самом деле, если запотели или запылились линзы очков, нормально сказать *очки запотели / запылились* или *протри очки* (хотя имеются в виду только стекла). Если разбилась даже одна линза, вполне можно сказать *очки разбились* (ими нельзя пользоваться), ср. также: *очки для близи / дали*. Нормально сказать *сильные, слабые, минусовые, плюсовые* или *солнцезащитные, зеркальные, дымчатые, темные очки*, характеризуя только их пластины. Если же мы хотим описать только их оправу (позолоченную, платиновую, темную), то сомнительно сказать **позолоченные / платиновые* /

³ Звездочкой здесь и далее в статье помечаются выражения, которые, на наш взгляд, семантически ненормативны или небезупречны, т. е. не только явно некорректны, но и просто странно или сомнительно звучащие или шероховатые, употребление которых в том или ином семантическом плане затруднено. Градаций степени сомнительности выражений, помеченных звездочкой, не проводится.

**темные очки*, лучше: *оправа*, поскольку она — не главная часть очков и потому должна быть названа ⁴.

Очевидно, что важность пластин (линз) обусловлена тем, что именно они 'нормализуют зрительное восприятие человека'. Если они запотевают или разбились, эта функция элиминируется. Для стекол, которые в других предметах не несут столь важной функции, такого замещения ими всего предмета не происходит. К примеру, если запотело стекло фонарика или циферблата часов, плохо сказать **запотел фонарик*, или **запотели часы*, или **протри фонарик / часы* (в значении 'протри стекло фонарика / циферблата часов'). Аналогично, если разбилось стекло фонарика или циферблата часов (от легкого удара, при котором механизм часов заведомо не пострадал), неправильно было бы сказать **разбился фонарик / *разбились часы*. Подобным же образом, многие действия, в которых называются очки, относятся именно к их линзам: *взгляд из-под очков, поверх очков, вздевать очки на лоб*. Не понимая этого, человек не поймет и этих действий (их цели — смотреть не сквозь линзы, а мимо них).

Рассмотренный общий механизм позволяет иногда обнаруживать противоречия, скрытые даже от самого зоркого, но «невооруженного лингвистического глаза». В толковании слова *окно*, данном А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком ([ТКС 1984: 483]), в качестве одного из значений дается «1б. Подоконник ... *На окнах стояли горшки с геранью. — Слезь с окна, упадешь!*» (оно отмечено и в СЛОВАРЕ УШАКОВА). Этот пример явно противоречит только что сказанному, поскольку подоконник, с одной стороны, не является частью окна (ср. некорректность сочетания **подоконник окна*) и поэтому его функций выполнять не может, а с другой стороны, представляет окно как его главная часть. Направленный анализ легко объясняет это противоречие. Приведенные примеры корректны лишь при условии, что стоящие на подоконнике предметы закрывают проем окна, ср. некорректность высказываний **На окне лежала расческа / книга*. Стало быть, все правильно: репрезентантом окна является не подоконник, а проем (или стекло) — главная его часть. Когда он чем-то закрывается, об этом можно сообщить, называя проем окном, ср. *На окнах висели занавески* ⁵.

⁴ В словарной статье *очки* в ТКС, из которой мы берем многие примеры (она частично приводится ниже), указывается как нормальное сочетание *роговые очки*. Сейчас оно звучит более сомнительно, чем в 60-е годы, когда роговая оправа была также свидетельством определенного положения в обществе (дубленка, роговые очки ...).

⁵ Интроспективные наблюдения показывают: корректность / некорректность выражений мы «вычисляем», представляя (точнее, воссоздавая) их референты. Так, для определения корректности последних выражений мы должны понять, закрывают референты проем окна или нет.

Замечание. Интересно сравнить описание (За) с толкованием А. К. Жолковского и И. А. Мельчука вокабулы *очки* ([ТКС 1984] (мы приводим лишь относящиеся к обсуждаемой теме фрагменты):

«1. *Очки X-a* = устройство, (а) являющееся оптическим прибором и применяемое X-ом для компенсации недостатков зрения X-а или (б) применяемое X-ом для защиты глаз X-а, — прозрачный материал, преимущественно в виде двух соединенных пластин, установленный перед глазами для того, чтобы смотреть сквозь него, посредством прикрепления к голове за плоскостью лица [обычно к ушам, иногда к затылку и т. п.]. (...)»

Строение очков. Очки обычно состоят из двух *стекел*, (*линз*), *оправы* и *дужек* (*оглобель*, *заушиников*); защитные очки ... бывают с одним сплошным стеклом» (с. 554—557).

Раздел «Строение очков» отнесен в конец словарной статьи, к энциклопедической информации. Поэтому две взаимосвязанные части толкования, образующие предметный признак очков: а) их функция и б) их строение (партитивная модель), оказались оторванными друг от друга, ввиду чего утрачена возможность отразить состав и функциональный статус основных частей очков, выделить среди них главную часть (пластины) и пр.

5. Предметные признаки референтов слов *забор* и *ограда*. Чтобы проиллюстрировать семантическую полезность введенных понятий, сопоставим квазисинонимы *забор* и *ограда*. Обратимся сначала к работе [РАХИЛИНА 1991: 154]:

забор вокруг X-a = 'сооружение по периметру участка X, созданное с целью препятствовать проникновению постороннего человека на этот участок земли';

1. Части: *калитка* (*в заборе*) — приспособление для входа и выхода ...; ворота ... предназначаются для скота и машин (сочетания ?*ворота забора* / *в заборе* затруднены).

2. Обычный способ строительства: вертикально расположенные одинаковые деревянные доски скреплены друг с другом ... Устойчивость забора обеспечивается врытыми в землю опорными столбами ...;

3. Форма: забор имеет вертикальную внутреннюю поверхность ...;

4. Размер: высота забора обычно сравнима с ростом человека;

5. Обычный материал изготовления: дерево ...

Выделяя такие части забора, как «калитка» и «ворота», автор верно подмечает важный факт: сомнительность сочетания ?*ворота забора*. Заметим, что еще более неожиданной выглядит некорректность сочетания **калитка забора*. В соответствии с логикой наших рассуждений это означает, что ни *калитка*, ни *ворота* не относятся к партитивной модели забора. Не составляет труда понять почему: забор не обязательно полностью окружает участок. Он вполне может стоять только на границе двух соседних участков, отгораживая

один от другого, ср. такое объяснение соседу: *Твоя собака забегала на мой участок и пугала детей, вот я и соорудил этот забор между нами.*

Данный компонент значения ('отделение данного участка от другого') был отмечен 12 лет спустя в толковании Е. В. Урысон [НОСС 2003: 104]:

Забор, ограда 1, изгородь 'сооружение, представляющее собой укрепленные в земле на небольшом расстоянии друг от друга доски, щиты или подобные предметы, стоящие вертикально и окружающие какой-либо участок земли или отделяющие его от другого участка, которое предназначено для того, чтобы препятствовать входу на данный участок постороннего человека или животного'.

Учет этого компонента делает функцию забора несколько иной: 'препятствовать проникновению постороннего человека или животного на данный участок земли с одной или нескольких (но не обязательно со всех) сторон'. Поэтому калитка и ворота вовсе не обязательны для него. Конечно, забор может полностью огораживать участок и иметь калитку и ворота, но это уже его факультативная функция. Заметим также, что забор является самостоятельным строением, а не частью огораживаемого им участка (ср. некорректность выражения *забор участка).

Функцию забора реализуют следующие две его части: столбы, укрепленные в земле, и доски, щиты (секции) или сетка, прикрепленные к столбам и являющие собой физическое препятствие для проникновения на участок извне, ср. *столбы / доски (сетка) забора*. В результате получаем следующую формулировку предметного признака забора:

(4) *Забор* (ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ) =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

самостоятельное сооружение, представляющее собой физическое препятствие для проникновения постороннего человека на участок с одной или нескольких его сторон

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

забор состоит из столбов, установленных и укрепленных в земле на границе участка на некотором расстоянии друг от друга, и досок, или металлической сетки, или плоских щитов, которые прикреплены к столбам и благодаря этому представляют собой физическое препятствие для проникновения на участок человека или животного.

Партитивная модель, явно называя основные функциональные части забора, обеспечивающие реализацию его функции, сообщает тем самым как о корректности выражений *столбы / доски / щиты / сетка забора*, так и о некорректности иных сочетаний с генитивом типа *звезди / *колючая проволока /

**сторожевые вышки забора* (о гвоздях, которыми прибиты доски, о колючей проволоке как дополнительной преграде, о сторожевых вышках для охраны). Она также объясняет, как взаимодействуют части забора, т. е. отражает «понимание» забора носителем языка.

Главным элементом забора является та его часть, которая создает препятствие. Так, во фразах типа *Проломил / сломал / изрисовал забор* речь идет о досках или щитах забора. Если же, скажем, злоумышленники подпилили столбы забора, плохо сказать, что они **подпилили забор*.

Отсутствие ориентации на партитивную модель референта не позволяет лексикографу установить связь между его частями и функцией, а следовательно, выявить значимые его части. Так, в словарной статье Е. В. Рахилиной в разделе «Части забора» названы и описаны «калитка» и «ворота», в действительности, не входящие в его модель. И напротив, входящие в нее «опорные столбы» и «деревянные доски» фигурируют в разделе «Способ строительства». Не проводится данного различения и в описании Е. В. Урысон:

Прототипический **забор** состоит из досок одинакового размера и поставленных близко или вплотную друг к другу (...) для того, чтобы через него нельзя было перелезть, на него сверху иногда натягивают колючую проволоку, утыкают его гвоздями (...) в **заборе** обычно делают калитку; в **заборе** возможны также ворота для транспорта или скота ... (там же, с. 104; выделено автором).

Обратимся теперь к ограде. Для нее калитка — уже одна из основных частей, ср. *Калитка могильной ограды покосилась*. И связано это с иной ролью ограды: полностью окружать свою территорию, ср. некорректность фразы с меной забора на ограду: *Твоя собака забегала на мой участок и пугала детей, вот я и соорудил эту *ограду между нами*. Следовательно калитка входит одной из основных частей в партитивную модель ограды.

Е. В. Урысон, верно подмечая, что у слова *ограда* «валентность со значением объекта может заполняться ... существительным в форме РОД., ср. *ограды могил (окрашены), ограда Летнего сада*», далее пишет: «Данные сочетания лексикализованы; плохо *ограда особняка (сада) ...*» (там же, с. 106). Из первой части цитаты следует (согласно нашей логике), что ограда является не самостоятельным сооружением, как забор, а функциональной (пограничной) частью ограждаемой территории (могилы / Летнего сада), т. е. принадлежит ей.

Подчеркнем: ограда окружает уже не просто участок земли, а небольшую единую территорию, отделенную от соседних земель своим особым назначением, запрещающим свободный доступ на нее посторонним людям. Сказанное позволяет уяснить суть лексикализованности, упомянутой во второй части цитаты. Некорректность выражений **ограда особняка / *сада* обусловле-

на, на наш взгляд, тем, что в отличие от слов *могила* / *Летний сад* в словах *особняк* и *сад* компонент 'выделенная своим назначением территория' гораздо менее выражен: у особняка не предполагается прилегающей территории (в отличие, скажем, от виллы, у которой она есть, ср. *ограда виллы*), а сад, вообще говоря, может и не выделяться из окружающей территории.

Е. В. Урысон справедливо отмечает, что металлическая ограда «обычно состоит из относительно небольших ... составных частей, между которыми возможны достаточно большие промежутки» и ее высота «может быть ... гораздо меньше человеческого роста, причем ограда вокруг могилы или памятника в норме существенно ниже человека» (там же). Стало быть, назначение ограды не в том, «чтобы препятствовать входу на данный участок постороннего человека или животного». Ее назначение в ином: служить информирующим и запрещающим знаком или, точнее, 'быть материальным указателем (манифестантом) пограничной и запретной линии, опоясывающей небольшую целостную территорию, на которую свободный вход посторонним воспрещен'⁶. Поэтому у ограды и не предполагается обязательных столбов, обеспечивающих забору качество физического препятствия, ср. сомнительность выражения **столбы ограды*⁷. Кроме калитки, ограда состоит из какого-либо вертикально стоящего материала: *кирпичная кладка* / *решетка* / *железные прутья ограды*. Конечно, ограда может служить и физическим препятствием (каменная ограда), но это ее сопутствующая, дополнительная функция, подобная дополнительной функции забора полностью огораживать участок. Сформулируем теперь предметный признак ограды:

(4а) *Ограда* (ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ) =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

пограничная часть небольшой целостной территории, служащая материальным указателем (манифестантом) а) ее границы и б) запрета входить на эту территорию постороннему человеку;

⁶ Ср. трактовку анализируемого понятия в рамках народно-мифологических представлений: «Огораживать — окружать пространство оградой, как реальной, так и символической, для защиты его от опасности ...» [СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ, III: 522].

⁷ Кто-то может сказать, что выражение *столбы ограды* вполне корректно. Подобные расхождения нередки. В данном же случае они носят внеязыковой характер. Значение генитивной группы, подвергнутое разностороннему анализу в п. 2, кажется нам неизменным. Однако трактовка функции ограды может варьировать. Так, можно считать, что она служит и физическим препятствием для входа на ограждаемую территорию. В этом случае столбы становятся одной из ее основных частей. Сказанное означает, что причины расхождения в оценке корректности генитивных выражений лежат за пределами языковой семантики.

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

ограда состоит из двух частей: калитки и кирпичной кладки, или железной решетки, или железных прутьев, укрепленных в земле по всей границе территории, для обозначения ее границы и запрета свободного входа на нее.

Партитивная модель указывает, что функцию ограды непосредственно реализует именно железная решетка (прутья, кладка). Она и является ее главной частью.

6. *Цветок*. Для иллюстрации описания живых организмов разберем в том же ключе предметный признак слова *цветок*. В СЛОВАРЕ УШАКОВА (а также в [МАС] и [БТС]) дается такое толкование: «Цветок 1. Часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками, и являющаяся органом размножения». Оно, как мы видим, описывает лишь частный вид — цветок, имеющий лепестки.

Для уяснения общей характеристики цветка рассмотрим его родовой признак. Цветок — это верхняя часть стебля (или побега) растения. Другие виды верхней части стебля растения — лист, плод (колос) и почка. Следовательно, родовой признак цветка — это ‘верхняя часть самостоятельного стебля растения’. Функцию, выделяющую цветок как специфический тип верхней части стебля, мы определим так: ‘своим целостным образом — внешним видом (формой, цветом, структурой), нежным материалом частей и запахом — вызывает у человека определенные эстетические чувства и в соответствии с этими чувствами используется’.

Обратимся теперь к функциональным частям цветка. У него есть чашечка, образованная раскрывшимся бутонем, и венчик — верхушка стебля, то, что цветет в чашечке и непосредственно вызывает эстетические впечатления. Наконец, чашечка имеет цветоножку — верхнюю часть стебля, на которой она сидит. Есть еще лепестки, но они имеются далеко не у всех цветов.

(5) *Цветок* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

верхняя часть самостоятельного стебля (или побега) растения;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК РЕФЕРЕНТА

ФУНКЦИЯ

она своим целостным образом — внешним видом (формой, расцветкой, структурой), нежным материалом частей и запахом — вызывает у человека вполне определенные положительные эстетические чувства;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

цветок состоит из цветоножки (верхней части стебля), опирающейся на нее чашечки, и сидящего в ней венчика (верхушки цветка);

эстетические чувства вызывает **венчик** цветка в фазе его цветения; цветок растет и развивается, проходя три фазы: рост бутона, цветение **венчика** и увядание **венчика**; по **стеблю** (**цветоножке**) в бутон поступает жидкое питание, благодаря чему он растет (*набухает*) и раскрывается (*цветок зацветает* или *расцветает*), из бутона вырастает и некоторое время цветет **венчик** (*цветок расцвел* или *цветет*), который затем увядает и осыпается (*цветок отцветает* или *увядает*).

Объединения цветков на стебле называются соцветиями. Если цветки слишком малы и не воспринимаются как самостоятельные, такие соцветия называются ветками или метелками (сирень, мимоза).

Основные части цветка, взаимодействуя между собой, обеспечивают его функцию — цветение венчика, вызывающее у людей эстетические впечатления. Эти части корректно описываются генитивом: *цветоножка / стебель / чашечка / венчик цветка*. В то же время листья на цветоножке (или стебле) или корень не относятся к цветку и поэтому выражения **листья / *корень цветка* некорректны⁸.

В партитивной модели **венчик** цветка помечен как главный его элемент, и это понятно. Почти все употребления слова *цветок* относятся к венчику и связаны с ним: *цветок расцвел, увял, долго стоит* (не вянет); *цветок красивый, крупный, желтого цвета* и т. д. Выражение *На цветок села пчела* означает, что пчела села на венчик цветка, если же она села на его ножку, лучше сказать *На стебель цветка села пчела*.

Знания о том, что цветы растут и цветут благодаря потреблению извне жидкого питания, принадлежат наивной (а не научной) картине мира, ср. фразу *Цветы пьют много воды* (о цветах, стоящих в вазе с водой). Включение этих знаний в партитивную модель цветка делает осмысленными фразы типа *Поставь цветы в воду* (о срезанных цветах), *Нужно полить и подкормить цветы* (о садовых цветах).

Замечание. В информационном плане толкование (5) весьма близко к толкованию слова *flowers* из [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 256—257], однако структурно они существенно различаются. Откладывая до п. 4 более подробный анализ подхода А. Вежбицкой, отметим здесь лишь две его отличительные черты (в сравнении с нашей точкой зрения): 1) цветок характеризуется через последовательное описание его атрибутов (а не частей и их взаимодействия), и 2) не проводится строгого разграничения между собственно языковой информацией — характеристической и прототипической (визуальной и прочей) и энциклопедической информацией о цветке.

⁸ Цветком также называют целое растение, дающее цветы, а не только его верхнюю часть — стебель с венчиком. В этом случае к частям цветка относятся также листья и корень, и выражения *листья / корень цветка* становятся корректными.

7. Предметные признаки подвидов цветка. Перейдем от цветка к его подвидам: розе, ромашке и др. Естественно спросить, почему они получили отдельные предметные имена, хотя различаются вроде бы незначительно — строением венчика (расположенных по кругу лепестков), многоярусного у розы и одноярусного у ромашки. Ответ, как нам кажется, в следующем: каждый из подвидов цветка задает свой особый тип структуры венчика, значимый в эстетическом плане, т. е. свой предметный признак (свою модель цветка, несущую особую эстетическую функцию). Виды цветов, образуя все более детализированные модели, детализируют и эстетическое впечатление. Так, если листья на стебле цветка под чашечкой не являются его частью (**листья цветка*), то *шипы розы* уже являются частью розы. Они — элемент ее эстетического воздействия⁹.

Это же верно и для нижеследующего уровня иерархии — сортов розы¹⁰. Модельные вариации их венчиков эстетически значимы. Они по-разному конкретизируются для каждого сорта розы: более детализированная модель задает более прихотливую эстетическую функцию¹¹.

⁹ Класс референтов (таксон) слова *цветок* дает пример нарушения древовидной структуры предметной классификации. Он составляется объединением верхней части стеблей трех разных «ветвей» классификации: деревьев, кустарников и трав, и образует начало (вершину) новой древовидной структуры — «куста», который продолжается подвидами цветов (роза, ромашка и др.) и сортами подвидов. Специфика «куста» в том, что партитивные модели его нижних таксонов наследуют партитивную модель вершины, лишь детализируя ее.

¹⁰ Сорта розы описываются пятью основными характеристиками венчика: степенью махровости (простой венчик имеет менее 8 лепестков, полумахровый — от 8 до 20 лепестков, умеренно махровый — от 21 до 30, густомахровый 40 и более), окраской (одноцветный, двухцветный, многоцветный, смешанный, полосатый и расписной), формой (плоский, шаровидный, чашевидный, помпонный и др.), душистостью (слабая, средняя и сильная), размером (мелкий, средний, крупный) и формой лепестка (волнистая, зубчатая и др.) см. [ХЕССАЙОН 2003: 5]. Как мы видим, градации каждой характеристики качественные, а стало быть, и сорт, определяемый их совокупностью, становится эстетически самостоятельной структурой (правда, уже не частей цветка, а их параметров). Заметим, что везде в [ХЕССАЙОН 2003] речь идет о классификации цветков, хотя почти все характеристики относятся к его венчику (венчик замещает цветок).

¹¹ Если сравнить классификацию розы, задаваемую существительными, с классификацией, задаваемой прилагательными: плетистая (вьется по ограде), почвопокровная (стебли на земле), кустарниковая; полевые, садовые цветы и пр., то можно заметить, что последние характеризуют не структуру, а лишь какое-то одно свойство. При этом оно тоже может отражать эстетическую функцию — *красивая, душистая роза* и под.

Замечание. Мы определили класс 'цветок' как '≈ верхушки стебля растения, несущие для человека определенную эстетическую функцию'. Но можно сказать и иначе: 'цветок — это определенная эстетическая функция, отождествляющая некоторые (цветные) верхушки растений'. Эта формулировка позволяет усмотреть полную структурную аналогию в дефинициях цветка и фонемы, ср.: 'фонема — это определенная позиция в слове, отождествляющая чередующиеся в ней звуки'.

Для цветка, в соответствии с (1) и (2) получим:

(5a) *Цветок* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) = ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК: определенная эстетическая функция, отождествляющая цветные верхушки растений + ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: набор типичных образов {«роза», «ромашка», «гвоздика», ...}.

Если, следуя [ПАНОВ 1979: 108], добавить к определению фонемы ее типичные звуки, то возникнет полный изоморфизм между структурой лексического значения (5a) и структурой фонемы (5б):

(5б) *С* (ФОНЕМА) = ЗВУКОВОЙ ПРИЗНАК: определенная позиция в слове, отождествляющая чередующиеся в ней звуки + ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ: набор типичных звуков {[с], [з], ...} ¹².

При этом совпадают и роли компонентов. Признак (предметный / звуковой) по своей природе — относительный, а по своему статусу — обязательный. Он задает весь класс референтов знака (верхушек растений для слова *цветок* и чередующихся звуков для фонемы *С*), от типичных, до самых экзотических. Прототипический образ, напротив, не обязателен, поскольку фиксирует только типичные свойства, но они качественные, не зависящие от той или иной классификации. Он нагляден (легко представим или воспроизводим).

8. К определению предмета. Слышится вопрос: ну а каковы, к примеру, структура частей и функция камня (булыжника)? Для ответа на него наметим определение предмета. Условимся называть область физического пространства субстанциальной, если она доступна визуальному восприятию человека и обладает для него ощутимой, тактильно воспринимаемой массой. Например, клубы дыма или паутинка не обладают такой массой, а лужа или трава — обладают. Будем называть партитивной моделью предмета ограниченную субстанциальную область пространства, у которой любые две ее соседние подобласти внутри границы (ее части) физически связаны между собой, а любые две соседние подобласти по разные стороны ее границы физически не связаны. (Физическую связанность в первом приближении можно

¹² В общем плане соотносительность двух систем элементов разной природы (подобная цветам / звукам и их характеристическим признакам) обсуждается в [НИКОЛАЕВА 2000], где первая система названа эмпирической, а вторая («вслед за Н. С. Трубецким и Р. О. Якобсоном») — валоризованной. Последняя «с первой системой "соотносится", но ее единицы не являются прямым обобщением по отношению к единицам первой системы, то есть не связываются с ними родовидовыми отношениями, как бы эти единицы ни назывались» (с. 13).

трактовать так: если двигать данную субстанциальную часть, то вместе с ней будут двигаться и ее соседние части.) Возникающая ограниченная совокупность связанных частей субстанциальной области (ее партитивная модель) получает функциональную характеристику носителя языка: 'целостность, единство' и становится предметом. К примеру, две любые соседние части лужи или кучи рыхлого снега не связаны между собой, поэтому лужа и куча снега не предметы; а соседние части льдинки, плавающей в луже, или снежного кома связаны, поэтому льдинка, снежный ком — предметы.

У предмета есть еще одно свойство: он легко и целиком воспринимается человеком. Иначе говоря, предмет не может быть слишком маленьким (крошка, пушинка не относятся к предметам) или слишком большим (планета Земля также предметом не является). Это и понятно: с одной стороны, его части не должны быть слишком малы, чтобы можно было приписать им связность, а с другой, они не должны быть слишком велики (или их не должно быть слишком много), чтобы человек мог охватить взглядом их все и приписать им функцию 'единство, целостность'.

К предметам относятся и растущее из земли дерево. Все его элементы (от корней до листьев) физически связаны между собой и физически отделены от земли, с которой корни находятся лишь в (тесном) контакте. Поэтому дерево обладает единством независимо от того, живое оно или засохшее. В плане сказанного и камень, и роза, и собака — предметы.

Подытожим проделанные рассуждения формулировкой предметного признака для предметов.

(6) *Предмет* =

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

ограниченная субстанциальная область пространства, легко охватываемая взглядом и обладающая единством, целостностью,

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

такая, что любые две ее соседние подобласти внутри границы (ее части) физически связаны между собой, а любые соседние подобласти по разные стороны этой границы физически не связаны.

9. Что такое «референт существительного»? Теперь мы можем более развернуто ответить на вопрос о том, что же представляет собой референт предметного существительного, к примеру, *цветок*. Его лексическое значение (5а) позволяет ответить так: это субстанциальный образ, который, во-первых, обладает предметным признаком 'цветная верхушка стебля, несущая для человека определенную положительную эстетическую функцию', и, во-вторых, обычно внешне схож с одним из прототипических образов из (5а).

Для пояснения сказанного представим субстанциальный образ розы, например, сорта Ice Scream. Называя этот образ разными именами: *предмет*, *организм*, *растение*, *цветок*, *роза*, *Ice Scream*, говорящий выделяет в нем разные предметные признаки: предмета (6), организма ((18), см. п. 7.1), растения ((19), см. п. 7.2), цветка (5). Каждая такая пара «субстанциальный образ — его конкретные свойства, соответствующие предметному признаку лексического значения имени» и конституирует референт имени.

Находясь внизу иерархии ‘предмет’ → ‘организм’ → ‘растение’ → ‘цветок’ → ‘роза’ → ‘Ice Scream’, референт имени *роза* наследует все вышестоящие предметные признаки в том смысле, что субстанциальный образ «роза» заведомо все их содержит. К примеру, искусственная роза своим внешним видом, искусственным запахом, нежностью лепестков и прочим вполне соответствует естественной, но, будучи рукотворным предметом, она не является ни организмом, ни растением, и поэтому ее субстанциальный образ не будет референтом существительного *роза*.

Наследование субстанциальными образами «роза», «ромашка», «георгин» и др. (вышестоящего) предметного признака цветка и задается отношением иерархического включения «→», связывающим родовой класс образов предметов со своими (нижестоящими) видовыми подклассами образов. В результате отдельные классы референтов предметных существительных объединяются в единую таксономическую структуру (наивную предметную классификацию), которая становится для носителя языка хранилищем детальной информации о предметных признаках классов референтов существительных.

Замечание. Наивная предметная таксономия содержит наряду с поименованными классами предметов (референтов существительных) и такие (как правило, общие) классы, которые не имеют персонального предметного имени, например, обсуждавшийся выше класс оптических приборов, нормализующих зрение: очки, пенсне, монокль, контактные линзы. Можно предположить, что поименованными оказываются прежде всего те классы предметов, к которым носители языка чаще обращаются в своих высказываниях.

2. Партитивная структура предметов-референтов

1. Применная генитивная конструкция $Y X-a$. Выделение у предмета X его частей Y , Z и др. не вызывает у носителя языка никаких трудностей¹³. Для описания того факта, что Y является частью предмета X , обычно используется конструкция с применным родительным падежом $Y X-a$ (см. [ЯКОБ-

¹³ Здесь и далее слово *предмет* употребляется как в значении ‘вещь’, так и в значении ‘референт’ или ‘предмет-референт’.

сон 1985: 149], [КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ 1989: 45, 67]), в которой *Y* и *X* — предметные существительные: *стена (Y) дома (X-а), носик чайника, голова Ивана*. Принято считать, что в этих случаях генитив выражает отношение ‘часть — целое: *Y* является частью *X-а*’, см., например, [РАХИЛИНА 2000: 37, 39], ср. также описание в [ЛЯШЕВСКАЯ 2004]: «... части тела (*руки, глаза, пальцы*) и части артефактов (*зубы плоскогубцев, линзы очков, клавиши пишущей машинки*)» (с. 61; курсив автора).

Простой анализ, однако, показывает, что такая трактовка нуждается в уточнении: почему-то, в отличие от линз и клавиш — частей очков и пишущей машинки, о руках, пальцах — частях тела нельзя сказать **руки тела* или **пальцы тела*. Аналогично, вполне нормально сказать *ручка двери*, но плохо **глазок двери*. Выражение *дверь дома* можно отнести только к наружной двери дома, но не к внутренней двери, ведущей, скажем, из коридора в кухню, хотя она также является частью дома.

Мы видим, что для употребления приименного генитива в группе *Y X-а* физической включенности *Y-а* в *X* недостаточно. Как мы покажем далее, употребление группы *Y X-а* (с предметными существительными *Y* и *X*) корректно лишь при условии, что *Y* несет одну из непосредственных частных функций *X-а*.

В самом деле, ручка выполняет прямую функцию двери — позволяет открывать и закрывать ее, в то же время вставленный в дверь глазок выполняет уже иную функцию, не связанную непосредственно с функцией двери: позволяет посмотреть, кто стоит снаружи. Поэтому выражение *ручка двери* корректно, а **глазок двери* — нет. Аналогично, входная дверь выполняет непосредственную функцию дома, а внутренняя дверь — нет, поэтому сказать *дверь дома* о входной двери можно, а, например, о кухонной нельзя. Заметим, что вполне допустимы выражения *дверь кухни / комнаты*, но сказать **дверь коридора* уже сомнительно (нужно: *коридорная дверь*), поскольку не вполне ясно, какую функцию коридора она выполняет (у коридора может и не быть двери).

Стена тоже выполняет непосредственную и очевидную функцию дома (*стена дома*), но вставленное в стену окно никакой функции стены не выполняет (**окно стены*). Оно, подобно стене, выполняет свою (уже другую) функцию дома (*окно дома*). О подпорке, поддерживающей покосившуюся стену сарая, нормально сказать *подпорка стены сарая*, признавая ее тем самым функциональной частью стены, но о прибитом к этой стене крючке для рабочей одежды так не скажешь: выражение **крючок стены сарая* аномально, поскольку крючок не несет функции стены. Выражения *крыльцо / подвал / чердак дома* по тем же причинам корректны, а сочетания **веранда* (пристроенная к дому) / **прихожая* / **погреб* / **балкон дома* — нет. *Подпорки*

дома сказать можно, а **отмостка дома* — нет, так же как и **гараж дома* (о встроенном в дом гараже).

Обратимся к функциональной структуре жилой комнаты. Сочетания *окна / дверь / потолок / пол / стены / углы / вентиляционная решетка комнаты* вполне корректны, но сочетания **балкон / *часы / *стол / *шкаф / *батареи / *люстра / *ковер комнаты* уже аномальны. Стало быть, эти референты Y-а (балкон, стол, люстра и др.), в отличие от предыдущих (окон, потолка, вентиляционной решетки), не выполняют непосредственных функций комнаты. Сказать **газовая плита / *рукомойник кухни* плохо, поскольку назначение кухни гораздо шире приготовления и принятия пищи в ней или мытья рук, но выражение *ванна нашей ванной комнаты* вполне приемлемо, ср. *Ванна нашей ванной комнаты удобнее, чем ванна во флигеле*.

Подчеркнем: некорректность употребления приименного генитива в группе *Y X-а* и, соответственно, функциональная независимость Y-а от X-а может означать одно из двух: либо Y функционально связан не с самим X-ом, а с какой-то его функциональной частью (плохо: **форточка дома, *пол дома*, но нормально: *форточка окна, пол комнаты*), либо Y вообще функционально независим от X-а и не связан ни с ним, ни с его частями. К примеру, балкон или антенна не зависят от дома. Плохо: **балкон дома, *балкон комнаты*, или **антенна дома / *антенна крыши*, но ср. *наружная антенна телевизора*.

2. Предмет-референт и его функциональные части. Несомненно, носитель языка не способен заучить все случаи распределения функций между предметом X и его частью Y. Откуда в таком случае он знает, когда можно, а когда нельзя употребить группу *Y X-а*? Та легкость и безошибочность, с которой он это делает, дает основание предполагать, что носитель языка каждый раз произвольно и неосознанно «вычисляет» подходящий предметный признак нового воспринятого им предмета — его функцию и партитивную структуру. В результате новый предмет (его образ и признак) оказывается в той или иной ячейке наивной предметной иерархии носителя языка.

Функциональное отношение между предметом X и физически связанным с ним (меньшим) предметом Y возникает (и конституирует самостоятельность Y-а или его подчиненность X-у) еще на этапе их восприятия носителем языка и включения в свою таксономию. Например, прибил человек ручку к двери или вставил в нее глазок — и в его текущем представлении этой двери сразу же возникли отношения: ‘ручка стала функциональной частью двери (функционально подчинена ей)’ и ‘глазок сохранил функциональную самостоятельность — функционально независим от двери’, причем совершенно безотносительно к его желанию высказываться по поводу новых предметов и их отношений. Если же такое желание возникло, нужные отношения уже

сформированы и «готовы» для языковой референции: выражение *ручка двери* корректно, а **глазок двери* — нет¹⁴.

Поэтому ребенок, научившись «правильно» — в соответствии с общими признаками, значимыми для усваиваемой им наивной картины мира, классифицировать окружающие его предметы и уяснив значение рассматриваемого варианта генитивной группы *УХ-а*, начинает с определенного возраста самостоятельно понимать, что выражения *дверца / ящик письменного стола* правильны, а выражения **стул / *книга / *ключ письменного стола* неправильны, даже если они называют стул, постоянно стоящий у стола, ключ от его дверцы или книгу, лежащую в его ящике.

Иногда можно услышать мнение, что ребенок действует по аналогии. Его один раз поправили, указав, что, в отличие от выражения *сучок дерева*, выражение **гвоздь дерева* или **нижний гвоздь дерева* (о гвозде или гвоздях, вбитых в дерево) неправильно, и далее ребенок по аналогии отделяет правильные генитивные формы от неправильных. Этот распространенный аргумент, ничего не объясняя, создает лишь видимость ясности. И в данном случае он сомнителен, ведь в отличие от дверцы или ящика, выполняющих частные функции письменного стола, стул, книга и ключ никаких его непосредственных функций не выполняют. В то же время легко придумать предмет, в котором тот же (чужеродный) гвоздь будет его функциональной частью. Например, если вешалка представляет собой доску на петлях, в которую вбито несколько гвоздей в качестве крючков, вполне нормально сказать *левый гвоздь вешалки*. Не аналогия, а очевидная функциональная включенность гвоздя в предмет делает это выражение корректным.

3. Партитивное значение генитива в группе *УХ-а*. Итак, генитивная конструкция *УХ-а*, отнесенная к предмету *Х* и физически связанному с ним

¹⁴ Благодаря постоянной классифицирующей деятельности интеллекта носителя языка не только предметы, но и элементы ландшафта: река, гора, лес, и др. — оказываются в ячейках (таксонах) единой классификационной системы, т. е. становятся носителями соответствующих предметных признаков. Поэтому мы знаем их «функцию» и понимаем, что, к примеру, выражения *моря и океаны / леса и горы Земли; реки и долины / полезные ископаемые / атмосфера / зеленый покров Земли* корректны, поскольку их референты — непосредственные функциональные составляющие Земли, тогда как выражения **овраги / *речки / *рощи / *небоскребы / *нефтяные скважины / *угольные карьеры Земли*, напротив, некорректны; в то же время корректны выражения *овраги / речки / рощи нашей местности; небоскребы / нефтяные скважины / угольные карьеры Сибири* и т. д. Сходным образом мы понимаем (вычисляем), что для небольшого частного дома ближайший нижний уровень классификации его функциональных частей — комнаты (*комнаты дома*), а для многоквартирного дома — уже квартиры, а не комнаты (*квартиры небоскреба*, но не **комнаты небоскреба*).

предмету Y , корректна лишь при условии, что Y несет одну из непосредственных частных функций X -а. Тем самым генитив указывает, что Y это не только физическая, но и функциональная часть X -а. Иначе говоря, для группы YX -а (X и Y — предметные существительные, а предмет-референт Y является физической частью предмета-референта X) справедливо описание:

- (7) YX -а = ‘предмет Y осуществляет одну из основных частных функций предмета X — тех функций, которые в совокупности обеспечивают функцию X -а’¹⁵.

Пример. Функция вешалки — ‘обеспечивать возможность компактного расположения одежды в висячем положении’, крючок вешалки обеспечивает непосредственное (и частное) осуществление этой функции, а гвоздь, которым вешалка прибита к стене — нет. У него другая непосредственная функция — удерживать вешалку от падения. Поэтому выражение *крючок вешалки* корректно, а **гвоздь вешалки* нет.

Подчеркнем: значение, заданное дефиницией (7), обобщенно описывает различные конкретные отношения функциональной зависимости предметов Y и X , возникающие в предметной картине мира носителя языка. Крыша выполняет одну функцию дома, входная дверь — другую, а окно — третью. Однако все эти разные функции описываются одной и той же конструкцией: *крыша / дверь / окно дома*.

Из определения (7) следует, что генитивную группу YX -а можно использовать для выявления партиитивной структуры предмета-референта X : все его части (Y), к которым генитив корректно применим (и только они), и образуют партиитивную модель X -а.

4. Партиитивная структура растения. Выше мы рассматривали генитивную группу YX -а только применительно к неорганическим предметам. Обратимся теперь к случаям, когда X — живой организм, например дерево. Легко убедиться, что его функциональную структуру носитель русского языка неосознанно трактует существенно иначе: он считает, что все его основные физические части — корни, ствол, ветки, листья и почки функционально относятся непосредственно к целому дереву. Об этом свидетельствует корректность выражений *ветви / корни / ствол дерева, листья / почки / крона дерева* и, напротив, некорректность выражений **ветви / *корни / ствола, *листья / *почки веток*. Нельзя сказать **сучок ствола* или **сучок ветки, *ветка ствола* или **ветка макушки дерева, *почки ветки* или **почки макушки*.

¹⁵ Поскольку всякий предмет, воспринимаемый носителем языка, автоматически классифицируется им — относится к какой-то ячейке его предметной классификации, он обретает тем самым и свою функцию.

Стало быть, любая цельная часть Y живого организма X является непосредственной функциональной составляющей всего организма. Ниже мы убедимся в справедливости этого тезиса по отношению к человеку.

Заметим, что некоторые части дерева имеют двойное функциональное подчинение: *кора ствола* и *кора дерева*, *сердцевина ствола* и *сердцевина дерева*. Однако это не нарушает только что сформулированного общего вывода: кора, подчиняясь дереву, имеет также и местное функциональное подчинение.

Интересно отметить одно исключение из общего правила: с какого-то момента носитель языка начинает трактовать плоды дерева как функционально самостоятельные, «чужеродные» части дерева. Так, фраза *Завязи этой яблони хорошо взялись* корректна, но **Яблоки этой яблони уже созрели* (о яблоках, висящих на ветках) — уже нет. В то же время фраза *Яблоки этой яблони уже в корзинах (проданы)* вполне нормальна.

Отмеченная трактовка вполне объяснима, хотя и расходится с нашими наивными ожиданиями, согласно которым плоды и ягоды, растущие на дереве или кустарнике, являются его «родными» (функциональными) частями. Поэтому она иногда проходит мимо внимания исследователей. Ср. «Секрет исчисляемости орехов, ягод и бобов состоит в том, что они обозначают плоды как части растения, ср. *ягоды ежевики, бобы канавалии* [род фасоли] ...» ([ЛЯШЕВСКАЯ 2004: 237]; выделено автором). В соответствии с вышесказанным эти выражения вовсе не указывают здесь на отношение «часть — целое» между ягодами и ежевикой (кустом), бобами и канавалией, поскольку выражения *ягоды ежевики, бобы канавалии* корректны лишь при условии, что плоды уже собраны и отделены от кустов. Если же они еще зреют на кусте, т. е. физически связаны с ним, эти выражения некорректны.

Все чужеродные элементы, физически связанные с деревом (гнездо птицы, прибитые к дереву скворечник или баскетбольное кольцо, привязанная к его стволу веревка и пр.), трактуются носителем языка как самостоятельные, функционально не связанные с ним, ср. некорректность выражений **гнездо / *скворечник / *баскетбольное кольцо дерева, *веревка / *качели дерева*.

Зададимся вопросом: является ли дерево, растущее из земли и физически связанное с ней, независимым от нее, функционально самостоятельным предметом (организмом), или же оно часть (Y) этой земли (X -а)? Некорректность выражений **дерево земли / *холма / *вершины утеса* свидетельствует о том, что носитель языка трактует дерево как самостоятельный организм.

5. Партитивная структура животного и человека. Остановимся теперь на функциональной структуре человека и его тела. Покажем, что в плане тотальных взаимосвязей частей с целым она подобна структуре дерева.

В монографии [РАХИЛИНА 2000] дан подробный анализ употреблений генитивной конструкции $Y X$ -а применительно к частям тела человека. Пояс-

ним кратко суть предлагаемого подхода. По мнению автора, выражения типа *пальцы левой руки, пятка правой ноги* корректны, поскольку имеется другое, альтернативное целое X, которому принадлежит Y (правая рука для пальцев, левая нога для пятки). Если же такой альтернативы у Y-а нет, то употребление генитива некорректно, ср.: **руки тела / *пятки ног, *пупок живота*: «...нельзя сказать **ухо головы*, так как ухо ничего другого не часть, точно так же как пупок есть только на животе, пятки — только на ногах и т. д.» (с. 39—40).

Это объяснение соответствует большинству употреблений генитива в отношении частей тела, однако многие употребления им все же не охватываются. Например, выражение **ногти рук* некорректно, хотя имеется альтернатива — ногти на ногах. Аналогично некорректно выражение **волосы головы* (альтернатива: волосы на груди, на ногах).

В процессе детального анализа подобных употреблений автор рассматривает также и исключения из своего правила: корректность выражения *кисти рук* (хотя кисти есть только у рук), некорректность выражения **пальцы правой ступни* (при том, что пальцы есть и на левой ступне), допустимость выражения *кожа рук* (при недопустимости **кожа правого бока*) и др., предлагая в каждом случае частное объяснение возникающему несоответствию.

Вместе с тем предложенный нами критерий (7) дает, как кажется, единообразное объяснение этим и другим случаям. В самом деле, выражение **ногти рук* некорректно, поскольку ногти не выполняют непосредственной функции рук, но выполняют функцию пальцев (*ногти пальцев*). В то же время у орла или тигра когти выполняют непосредственную функцию лап, поэтому выражения *когти орлиных / тигриных лап* корректны, ср. также корректные фразы *Когти лап подрезаны, Так иногда лукавый кот <...> Разинет когти хитрых лап* (Пушкин. Граф Нулин) и некорректную фразу **Ногти рук подстрижены*. Кисти рук, напротив, выполняют очевидную функцию рук, поэтому выражение *кисти рук* корректно.

Аналогично, недопустимость (или сомнительность) выражения **пальцы правой ступни* обусловлена тем, что, в отличие от пальцев, скажем, правой кисти, очевидным образом управляемых кистью и выполняющих ее функцию (*пальцы правой кисти*), пальцы ноги человека слабо управляются ступней и не выполняют ее функций (**пальцы правой ступни*). Они выполняют толчковую функцию ноги и поэтому выражение *пальцы ноги* корректно. Подошва и пятка, напротив, выполняют непосредственные функции ступни, поэтому выражения *пятка / подошва ступни* вполне приемлемы. Выражение *кожа рук* становится возможным лишь при условии, что кожа начинает выполнять какую-то особую функцию рук, например, отражать ухоженность, аристократичность женских рук, ср. *шелковистая кожа ее рук*. Если же идет речь о ру-

как крестьянина или рабочего, о них следует сказать иначе: *огрубевшая кожа на его руках* (ср. некорректность выражения **огрубевшая кожа его рук*).

Наконец, на теле человека могут появляться чужеродные образования, не выполняющие никаких его функций, ср. **мозоль пятки*, **мозоль человека*.

Итак, подобно дереву, почти все части человеческого тела функционально подчинены непосредственно человеку, а не его телу, ср.: *тело / голова / руки / ноги / глаза / уши / бок / кожа человека*. В ряде случаев имеет место двойное функциональное подчинение: *кисти человека и кисти его рук, ногти человека и ногти его пальцев* и под.

По аналогии с плодами растений человеческий плод не признается функциональной частью вынашивающей его женщины, ср. некорректность выражений **плод женщины / матери*, можно лишь: *плод* или *материнский плод*. Здесь ситуация еще более очевидная. Если завязь до некоторых пор считается функциональной частью дерева, ср. допустимость выражения *завязи яблони*, то человеческий зародыш сразу трактуется как функционально самостоятельный, ср. некорректность выражения **зародыш матери*, нужно: *материнский зародыш* или просто *зародыш*. Выражение *ребенок матери* возможно лишь в отношении уже родившегося и физически отделившегося от матери ребенка. Будучи отнесенным к ребенку в период его внутриутробного развития, оно становится аномальным.

Как мы могли убедиться выше, язык не отождествляет человека с его телом. Корректность выражения *тело человека* свидетельствует о том, что носитель языка приписывает человеку, помимо материальной, осуществляемой телом, еще какую-то непосредственную функцию. Можно предположить, что эта функция отводится душе (*душа человека, тело и душа человека*), которая, судя по языковым данным, приводимым Е. В. Урысон ([НОСС 1997: 89, 90 (примечание)]), локализована в теле человека, ср. *Прощание с телом покойного*.

3. Функционирование схемы лексического значения в акте коммуникации

1. **О коммуникативной функции языка.** Попытаемся описать роль лексического значения в акте языковой коммуникации.

Предположим, мы услышали обрывок фразы *Секретарша резко повернулась на стуле к открывающейся двери*. Не зная ничего об описываемой ситуации, только на основе услышанных слов, мы вполне ясно, и главное, конкретно ее представляем: секретарша сидела на крутящемся (офисном) стуле, а затем быстро повернулась вместе с сиденьем к открывающейся двери. Для нас это настолько привычная операция (представить реальную ситуацию по услышанной фразе), что мы даже не осознаем ее нетривиальности: говорящий,

видя некоторую реальную ситуацию, описывает (кодирует) ее языковым высказыванием (последовательностью звуков), а слушающий, не видя этой ситуации, по услышанным звукам реконструирует в своем сознании если не ее, то ситуацию типологически очень похожую, причем в конкретных чертах.

Подчеркнем: коммуникативный эффект заключается именно в том, что слушающий в итоге представляет (воссоздает) вполне конкретную ситуацию, которую называет или могла бы назвать услышанная фраза. Только в этом случае он по-настоящему понимает говорящего и может делать из услышанного свои выводы. Когда же он улавливает только общий смысл, коммуникативный эффект резко снижается. Если, к примеру, нам кто-то объясняет дорогу и мы по этому объяснению построили в голове конкретную схему поворотов и переходов, то мы поняли говорящего (коммуникация успешна). Если же мы лишь осмыслили, что речь шла о поворотах налево и направо и о переходах через какие-то дороги, но точно представили (воссоздали) лишь некоторые из них, коммуникативный эффект заметно ослабляется.

Имея это в виду, зададимся вопросом: отвечает ли очерченной выше задаче речевой коммуникации предложенные нами дефиниции (1), (2), (5а) лексического значения существительного?

Для ответа на него обратимся к слову *стул*. Его лексическое значение имеет вид (см. п. 5.1):

(8) *Стул* (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ) =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

рукотворный предмет, обеспечивающий одному человеку пассивное сидячее положение

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

следующего вида: сидалище имеет горизонтальную опору, спина — вертикальную с легким отклонением назад, ноги опираются на пол;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

стул состоит из горизонтального сиденья, на котором человек сидит; снизу к сиденью присоединены ножки (или одна ножка), поддерживающие его на нужной высоте (чтобы ступни ног сидящего человека могли опираться на пол); сверху к сиденью присоединена спинка — опора для его спины;

iii. ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

прототипы {«советский стул на четырех ножках», «офисный стул на одной ножке», ...}.

Напомним роль каждого компонента. Родовой признак задает место класса референтов (таксона) в предметной иерархии.

Предметный признак имеет относительную природу и является чисто языковым в том смысле, что принадлежит лексической системе языка. Он одинаков у всех носителей языка, усваивается ребенком при обучении языку и далее функционирует в его сознании без изменений, независимо от его языковой практики. Главное его назначение — охарактеризовать весь класс (потенциальных) референтов лексемы.

Прототипический образ формируется каждым носителем языка индивидуально. Так, в процессе многочисленных референций слова *стул* к реальным стульям (соотнесений с ними предметного признака) в языковой памяти ребенка откладываются наиболее типичные образы каждого его под-вида: «офисных», «советских», «детских» и др. стульев. Такие «отстоявшиеся» прототипические образы хранятся в языковом сознании ребенка и отражают его личный языковой (референциальный) и бытовой опыт.

В силу своего генезиса, прототипический образ референтов слова может заметно различаться у разных людей. Например, один носитель языка постоянно пользовался офисными стульями и поэтому у него этот прототип представлен весьма хорошо, а другой их никогда не видел, и потому у него вообще нет этого прототипа.

В таксономической ячейке иерархической структуры хранятся конкретные образы стульев, встретившиеся и запомнившиеся носителю языка (можно предположить: в виде динамических картинок с центральным элементом — стулом, и ситуациями, в которых он находился и использовался). Все эти стулья соответствуют предметному признаку. Большинство из них соответствует и прототипическому образу. Вместе с тем, в ячейке могут находиться и нетипичные образы, не отвечающие ни одному из прототипов.

Из сказанного заключаем, что семантическая схема предметного существительного имеет вид (на примере слова *стул*):

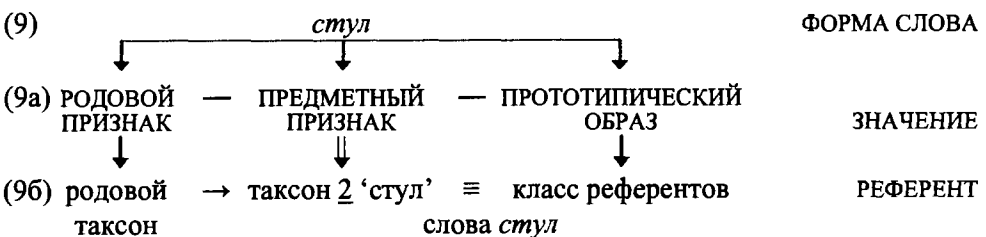


Схема предметного существительного включает три элемента (они названы в правом столбце): форма слова, значение и референт. Ее центральный элемент — лексическое значение — содержит трехстороннее описание класса референтов слова *стул* (таксона 2 'стул' в предметной таксономии, см. рис. 1). Предметный признак представляет собой точную дефиницию рефе-

рентов (это отражает двойная стрелка), прототипический образ описывает их типичный внешний вид (вид субстанциальных образов стула). Наконец, родовой признак отсылает к ближайшему (сверху) классу предметной таксономии, включающему данный класс референтов. Тем самым сообщается информация о том, что референты слова *стул* (их субстанциальные образы) наследуют все вышестоящие предметные признаки: предмета, артефакта и др. (это задается отношением иерархического включения «→»).

Схема (9) структурно изоморфна семантической схеме знака Огдена — Ричардса: Форма слова — Значение (понятие) — Референт (см., например, [Лайонз 1978: 428]). Однако различия в содержании элементов существенны: в (9) значение (понятие) представлено тремя самостоятельными компонентами, каждый из которых дает свое описание класса референтов слова, а класс референтов понимается не просто как некоторое множество предметов действительности, а как таксон предметной иерархии — подструктуры наивной картины мира носителя языка.

Покажем теперь, как схема (9) используется носителем языка при решении обсуждавшейся выше коммуникативной задачи: передать посредством языкового кода конкретный образ референта от говорящего к слушающему. Отметим еще, что едва ли не важнейшим информационным компонентом, обеспечивающим ее решение, является единая для говорящего и слушающего наивная предметная таксономия, к которой они в процессе коммуникации обращаются посредством слов.

1) К о д и р о в а н и е (называние) словом воспринятого предмета. Представим себе говорящего, пожелавшего назвать (закодировать) какой-то воспринятый им предмет. В его сознании моментально активизируется процедура распознавания предмета — поиск подходящих прототипов, соответствующих его внешнему виду. Например, если воспринятый предмет похож на стул, актуализируется прототипический образ стула, а вместе с ним форма слова — *стул* и его предметный признак. Теперь говорящий может проверить (с помощью операции референции), действительно ли предметные свойства воспринятого образа отвечают предметному признаку стула. Если да, то значит, кодирование (именование) словом *стул* воспринятого предмета возможно. Говорящий осуществляет референцию слова к воспринятому образу и включает слово в свою фразу, к примеру, говорит *Секретарша резко повернулась на стуле к открывающейся двери*. При этом конкретный образ воспринятого стула вместе с конкретной ситуацией, в которой он использовался (целостная картинка ситуации) автоматически пополняет ячейку таксономии (класс образов слова *стул*), которая отыскивается через родовой признак в схеме (9).

2) Д е к о д и р о в а н и е услышанного слова (воссоздание его референта). Обратимся теперь к слушающему. Услышав эту фразу и слово *стул*, он, опи-

раясь на прототипический образ (набор прототипов), а также учитывая контекст высказывания (*секретарша, резко повернулась*), пытается понять это слово — подобрать из своих прототипов наиболее подходящий. Допустим, это «офисный стул». По его родовому признаку из (9) слушающий обращается к своей ячейке предметной таксономии и на основе выбранного прототипа «офисный стул» подбирает из хранящихся в ней конкретных образов встретившихся ему ранее стульев самый похожий экземпляр, который и замещает предмет-референт, названный говорящим.

Воссоздание референта закончено. Тем самым коммуникативная задача оказывается решенной¹⁶.

4. О подходе А. Вежбицкой

В исследовании лексических значений предметных существительных работы А. Вежбицкой, и прежде всего [Вежбицкая 1985] и [Вежбицкая 1996а], составляют целую эпоху. Не имея возможности подробно анализировать подход Вежбицкой, мы вынуждены ограничиться лишь обсуждением нескольких отличительных черт предлагаемой нами точки зрения.

1. Атрибутивное VS. партитивное описание предмета. Первая черта касается различий атрибутивного и структурного описания предмета-референта. А. Вежбицкая в своих описаниях опирается на его атрибуты, ср.: «Все эти концепты (белка, собака, так же как и дерево, животное, птица) могут быть определены через упорядоченный перечень атрибутов — не необходимых и достаточных атрибутов, но характерных (characteristic) атрибутов» [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 241]. Или: «Имена человеческих артефактов требуют следующей схемы описания и в таком порядке: категория (тип вещей, сделанных людьми), цель (относительно ситуации), материал, форма, размер»¹⁷ (там же,

¹⁶ Заметим, что воссоздаваемая слушающим референтная ситуация, может иногда разительно отличаться от исходной, как, скажем, в рассказе А. Азимова «Молодость». Вот его (слегка измененное) начало: «— Тоший! — Его окликнули хриплым, встревоженным шепотом, и он дернулся к окну. На самом деле у него было совсем другое имя, но его новый друг, с которым он познакомился накануне, едва взглянул на худошавую фигурку, сказал: “Ты — Тоший”. И добавил: “А я — Рыжий”. На самом деле его тоже звали совсем иначе, но это имечко явно шло к нему. Тоший крикнул: — Эй, Рыжий! — и радостно замахал ему, стряхивая с себя остатки сна (...)». А вот конец рассказа: «Рыжий смотрел, как отлетает корабль. Красные щупальца — из-за них он получил свое прозвище — все еще колыхались, выражая сожаление об утраченной надежде, а глаза на ножках были полны желтоватыми кристаллами, которые соответствовали нашим земным слезам».

¹⁷ Типичный пример такого описания — словарная статья для существительного *забор* в [РАХИЛИНА 1991], см. ее краткое изложение выше, в п. 1.5.

с. 52). Совокупность атрибутов предмета образует вид (kind) предмета, который и считается его целостной характеристикой. Ср.: «Таксономические суперкатегории, такие как ‘птица’, ‘цветок’, ‘дерево’, образуют семантический общий знаменатель (denominator) для категорий низшего уровня, таких как ‘ласточка’, ‘попугай’ или ‘малиновка’, ‘тюльпан’ ...». Из того факта, что «... *собака* — вид животного, а *попугай* — вид птицы, следует, что их свойства подчинены суперкатегории: свойство попугая “птичность” важнее его свойства иметь цвет (окраску)». Поэтому определения низшего уровня «должны начинаться следующим образом: *орёл* — вид птицы и т. д.» (с. 261—262).

Мы в своих описаниях опираемся на партитивную модель референта. Например, референты слова *птицы* определяются как имеющие единую модель (структуру и взаимодействие частей, см. (24) в п. 7.4), а входящие в нее виды — попугай, воробей и др. — как различные реализации этой структуры. Поэтому для нас *орел* — это птица, которая ... (и далее следует описание конкретного воплощения этой структуры).

Ясно, что атрибуты предмета часто являются его частями. Однако в первом случае они даются как последовательность, а во втором — как система. Например, при определении референтов слова *животное* А. Вежбицкая, среди прочего, последовательно описывает их части: тело, голову, ноги, кости, хвост, шкуру. При этом каждая часть описывается не в плане ее функции и не в соотношении с другими частями, а относительно аналогичной части человека: «тело, которое имеет части, подобные частям человеческого тела», голова «подобна человеческой голове и имеет подобные ей части», хвост («они имеют некоторые части тела, отличные от частей человеческого тела») и под. [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 252].

Ориентация на атрибутивное описание таксономических категорий вынуждает А. Вежбицкую вводить в свои толкования некоторые «размывающие» их строгость оговорки. Так, отмечая, что «страусы и эму — которые не летают, ЯВЛЯЮТСЯ птицами», она пишет:

На мой взгляд, способность летать ЯВЛЯЕТСЯ существенным признаком этого понятия, и в полном толковании слова *птица*, предложенном мною ... упоминается способность летать (или способность передвигаться по воздуху) наряду с перьями, клювами, яйцами и гнездами. Но толкование слова *птица* ... построено таким образом, что оно не предполагает, что все существенные признаки понятия ‘птица’ воплощены во всех представителях этого класса. (...)

Полная экспликация понятия *птица* содержит следующую оговорку: ‘некоторые существа этого вида не могут передвигаться по воздуху, но, желая вообразить существа этого рода, люди вообразили бы существ, которые могут передвигаться по воздуху’ ([ВЕЖБИЦКАЯ 1996б: 219])¹⁸.

¹⁸ Все цитаты, приводимые нами из [ВЕЖБИЦКАЯ 1996б], без изменений вошли в более позднюю книгу [ВЕЖБИЦКАЯ 1996а].

Однако для таксономической характеристики птиц важен не атрибутивный признак 'летать', а структурная часть «крылья». Если включить ее в партитивную модель птицы, в данной оговорке не будет никакой необходимости, поскольку из наличия у птицы крыльев вовсе не следует, что она способна их использовать, и тогда описание становится строгим, не размытым. Это вполне аналогично предложенному А. Вежицкой определению лодки как рода «объектов, ИЗГОТАВЛИВАЕМЫХ ДЛЯ 'передвижения по воде'» (там же, с. 202), которое охватывает также лодки «с большой дырой», не способные перемещаться по воде.

Сопоставляя классы 'птицы' и 'фрукты', А. Вежицкая пишет:

Следует, однако, отметить, что два класса (птицы и фрукты) не вполне симметричны, поскольку 'птица' — таксономическая категория ('вид существ'), а 'фрукты', как и 'мебель', — коллективная гетерогенная ('различные виды предметов'). Гетерогенность понятийной категории 'фрукты' приводит к тому, что типические (но не необходимые) признаки фруктов, такие, например, как 'расти на деревьях', гораздо менее важны, чем типические (но не необходимые) признаки 'птиц', такие, например, как 'летать' (там же, с. 220).

И здесь опора на единую функциональную структуру фруктов позволяет яснее понять языковую релевантность их признаков. Для фрукта, в частности, важен не атрибутивный признак 'расти на деревьях', а структурный — 'расти над землей' и, стало быть, обладать ножкой. В результате оказывается (см. описание (21) в п. 7.3), что различные фрукты имеют единую структуру (партитивную модель) и поэтому образуют четкую (аристотелеву), а не «собирательную» категорию (об этом понятии и его свойствах см. в [ВЕЖИЦКАЯ 1996б: 210]).

Этот вывод подтверждается, во-первых, тем, что, подобно прототипической птице, можно представить и прототипический фрукт (тогда как прототипический предмет мебели нельзя). Кроме того, 'фрукт' — счетная категория. Вполне допустимо сказать *На тарелке лежало три фрукта: яблоко, груша и персик* или *На тарелке лежало несколько экзотических фруктов* (как отмечала А. Вежицкая, сказать **три мебели* нельзя).

Замечание. Можно предположить, что дихотомия: атрибутивное — партитивное представление предмета относится к числу фундаментальных. Ряд биологических и экспериментальных данных свидетельствует о том, что сенсорные системы восприятия окружающего мира у антропоида и человека весьма близки¹⁹. Главные различия

¹⁹ Об этом свидетельствуют, во-первых, данные ДНК: «Человек и шимпанзе идентичны по этому показателю на 98,3%. По активно кодирующим нуклеидным последовательностям сходство еще выше: 99,5%. Среди млекопитающих генетическое

кроются в интерпретациях воспринятого. Антропид, по-видимому, воспринимает предмет как совокупность интересных ему свойств (атрибутов), без понимания их структурной обусловленности. Качественное отличие человеческого восприятия именно в том, что он (подсознательно) выявляет в предмете разные партитивные модели. Иначе говоря, для каждого функционального атрибута, обнаруженного в предмете, человек строит реализующую его партитивную модель, объясняя для себя структурные причины наличия этого атрибута.

Тем самым, у человека появляется возможность, изменяя структуру предмета, получать нужные ему свойства. Это качество обнаруживается уже в «примитивных» человеческих сообществах, которые во многих других отношениях близки к сообществам антропидов, ср.: «Ученые сопоставили орудийную технологию шимпанзе с материальной культурой аборигенов Тасмании, экономика которых до сих пор находится на уровне каменного века. Для поддержания своего существования эти люди пользуются 18 типами орудий, 14 из которых относятся к категории *артефактов*. У шимпанзе артефактами оказываются 18 из 20 типов орудий, которыми они пользуются. Наиболее существенное различие в том, что аборигены Тасмании делают составные орудия — такие, как копье, где наконечник тем или иным способом присоединяется к древку. Такая операция, разумеется, недоступна диким шимпанзе» ([ПАНОВ 2005: 328]). Это типичный пример изменения партитивной модели предмета для получения нужного свойства: *наконечник*, прикрепляясь к концу палки (*древка*), делает ее оружием (подробнее об этом см. [КОШЕЛЕВ 2006]).

2. Инвариант VS. прототип. Еще одно отличие связано с оппозицией «инвариант — прототип». Подвергнув блестящей и сокрушительной критике попытки ряда лингвистов и психологов относить классы референтов предметных имен (*лодка, холостяк* и др.) не к аристотелеву (четкому), а к прототипическому, нечеткому виду категории и опираться на прототип как главный механизм описания нечеткой категории, А. Вежбицкая вместе с тем отмечает, что иногда прототип полезен, ср.:

Ниже я рассмотрю две группы примеров. Первая группа иллюстрирует тенденции к злоупотреблению понятием прототипа (установка «Прототип спасает»); вторая группа примеров иллюстрирует плодотворность этого понятия, если его использовать как специальный инструмент анализа, а не как универсальную гносеологическую отмычку [ВЕЖБИЦКАЯ 1996б: 201, 202] (...) 'Прототип' не спасает, но может помочь, если обращаться с ним осторожно и осмотрительно и, самое главное, если соединить его с вербальными толкованиями (там же, с. 215).

соответствие такого ранга обычно обнаруживается между сестринскими видами одного рода, а не видами, относящимися к разным родам» [БУТОВСКАЯ 2004: 16—17]. Во-вторых, это подтверждают многочисленные эксперименты по изучению элементов мышления и разумного поведения у антропидов, ср.: «По образному выражению, животное создает некую внутреннюю картину мира, включающую комплекс представлений *что, где, когда* ... Различают также *образные* и *абстрактные* (отвлеченные) представления» [ЗОРИНА, ПОЛЕТАЕВА 2002: 87 и сл.].

К числу примеров, для которых прототип полезен, А. Вежбицкая относит категории 'фрукты', 'птицы' и 'животные'.

Полностью соглашаясь с важностью прототипической информации о референтах слова, мы считаем, что прототип, во-первых, нужен всегда, для описания любого класса референтов предметного существительного, а во-вторых, имеет совершенно самостоятельный статус и поэтому должен быть строго отделен, с одной стороны, от «инварианта» (предметного признака — в нашей терминологии), а с другой стороны — от энциклопедической информации о референте. В частности, мы считаем, что наличие гнезд относится не к прототипическому компоненту значения слова *птицы*, а к энциклопедическим знаниям о птицах.

Приложение ²⁰

5. Вещи (рукотворные предметы)

1. *Стул*. Функция стула такова: 'рукотворный предмет, позволяющий одному человеку определенным образом сидеть'. Его ножки и спинка прикреплены к сиденью (физически связаны с ним), однако выражения **ножки* / **спинка сиденья* некорректны, в отличие от выражений *ножки* / *спинка стула*. Это и понятно: указанные части реализуют функцию не сиденья, а стула: ножки поддерживают на нужном уровне сиденье, которое служит опорой сзади сидящего человека, а спинка поддерживает его спину.

Родовой признак стула: 'рукотворный предмет, обеспечивающий пассивное (в покое, без затраты усилий) сидячее положение для одного человека'. Он охватывает табурет и кресло и не охватывает качели, велосипед, унитаз и под.

В итоге получаем:

(8) *Стул* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

рукотворный предмет, обеспечивающий одному человеку пассивное сидячее положение

²⁰ Приводимые ниже описания носят предварительный, экспериментальный характер и нацелены на проверку объяснительных возможностей предлагаемого метода. Мы не включаем в них прототипические компоненты, поскольку считаем, что их нужно эксплицировать не столько вербальными, сколько изобразительными средствами, в духе учебных и демонстрационных фильмов по физике или автовождению, чтобы наглядно показать, каким образом предметный признак референта выражается его типичным внешним видом.

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

следующего вида: сидалище имеет горизонтальную опору, спина — вертикальную с легким отклонением назад, ноги опираются на пол;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

стул состоит из горизонтального сиденья, на котором человек сидит; снизу к сиденью присоединены ножки (или одна ножка), поддерживающие его на нужной высоте (чтобы ступни ног сидящего человека могли опираться на пол); сверху к сиденью присоединена спинка — опора для его спины.

Напомним, что имена основных функциональных частей модели выделены подчеркиванием, а главная часть (если она есть) — полужирным шрифтом.

Сиденье, будучи главной частью, часто представляет весь стул. Выражения *сел / встал / положил пиджак на стул* означают *сел / встал / положил пиджак на сиденье стула*. В противном случае, если, скажем, человек сел на спинку стула (и опирается ступнями на сиденье) или положил на нее пиджак, нужно указать именно ее: *сел / положил пиджак на спинку стула*.

Заметим, что сиденье имеют и многие другие предметы. Однако оно не всегда становится их главной частью. В некоторых случаях оно даже не является основной частью предмета ср.: сочетание *сиденье мотоцикла* корректно, а **сиденье вертолета* нет.

2. *Велосипед, мотоцикл, автомобиль*²¹. Родовым для велосипеда является признак 'колесное транспортное средство, управляемое посредством руля, который едущий человек поворачивает руками'. Ему соответствуют: самокат, велосипед, мопед, мотоцикл, мотороллер и автомобиль и не соответствуют роликовые коньки, роликовая доска, детская коляска, инвалидное кресло и под.

Функция велосипеда в этом ряду очевидна: 'позволяет одному человеку передвигаться в положении сидя, используя вращательные движения своих ног'. К основным частям велосипеда относятся: рама, руль, сиденье, колеса и педали (ср. корректность выражений *рама / руль / сиденье / колеса / педали велосипеда*) и не относятся спицы колес, велосипедный насос, звонок, фонарь, велосипедная цепь, рулевой тормоз, шины и др. (ср. некорректность выражений **спицы / *насос / *звонок велосипеда, *фонарь / *цепь / *тормоз велосипеда*). При этом вполне нормально сказать *тормоз / шина переднего колеса; велосипедные спицы, велосипедный фонарь / насос / тормоз*.

²¹ См. также толкования слов *bicycles* и *cars* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 105—144].

(10) *Велосипед* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

колесное транспортное средство, управляемое посредством руля, который едущий человек поворачивает руками,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

предназначенное для одного человека, который, сидя, приводит его в движение с помощью вращательных силовых движений своих ног;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

велосипед состоит из рамы, к которой прикреплены все остальные части; сверху: спереди руль, сзади сиденье; снизу переднее колесо, жестко связанное с рулем, педали (посередине) и заднее колесо, связанное с педалями; сидящий на сиденье человек вращает ногами педали, приводя в движение заднее колесо, которое двигает вперед велосипед; руками он поворачивает руль, а с ним и переднее колесо, направляя велосипед в нужную сторону.

Это описание охватывает многие подвиды велосипеда: от детского, трехколесного, до спортивного (гоночного). У велосипеда главной части нет.

Можно услышать возражение: сформулированная партитивная модель слишком сложна для рядового носителя языка, и он вряд ли ею владеет. Нам так не кажется. Во-первых, если бы это было так, носитель языка, скорее всего, не смог бы различать корректность / некорректность выражений типа *руль / колесо / педали велосипеда* и **шина / *насос велосипеда*. Ведь только из модели он знает, какие части велосипеда непосредственно обеспечивают его движение. Конечно, некоторым выражениям он мог научиться у других (искушенных) носителей языка. Но явно не всем. Кроме того, не следует забывать, что предметным признаком (парой «партитивная модель референта — ее функция») носитель языка владеет подсознательно. Выше, при анализе генитивной группы *УХ-а*, мы могли в этом убедиться.

Иерархическая структура велосипеда. Основные части (колеса, сиденье и др.) образуют первый уровень иерархии, части частей (спицы колес, пружины сиденья и пр.) — второй и т. д. Как мы уже упоминали, некорректность группы *УХ-а* может означать одно из двух: либо данная часть *У* принадлежит к более низкому уровню иерархии частей предмета *Х* (**спицы велосипеда — спицы колеса велосипеда*), либо *У* вообще функционально независим от *Х-а*, хоть и связан с ним физически (**насос велосипеда, *насос колеса / шины*).

Мотоцикл — это самоходное колесное транспортное средство для водителя и пассажира, сидящего сзади. Он имеет два сиденья и мотор, расположенный в середине рамы и вращающий заднее колесо; может иметь коляску

для третьего пассажира Нормально сказать: *мотор / заднее сиденье мотоцикла*, хуже: **багажник / *зеркало мотоцикла*.

Важнейшее отличие автомобиля — наличие закрытого, изолированного от внешнего мира салона (или кабины для водителя грузовика), в котором уже комфортно, опираясь на спинки, сидят и водитель и пассажир(ы). Поэтому наряду с прежними частями: мотор, колеса, руль, сиденья, и др., к партитивной модели автомобиля добавляются новые: дверцы, ветровое стекло, багажник; ср. корректность соответствующих генитивных конструкций. К ним не относятся: кондиционер, встроенная магнитола, «дворники» (очистители ветрового стекла), прицеп и др., ср. некорректность выражений: **кондиционер / *магнитола / *«дворники» / *прицеп автомашины*, ср. также: *сиденья автомашины*, но *спинки сидений*.

3. *Дом*. Сосредоточимся на первом значении этого слова: «Дом. 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» [БТС]²². Родовой признак для референтов слова *дом 1*, как нам кажется, такой: ‘постоянное наземное сооружение, имеющее целью создание внутреннего пространства, закрытого и защищенного от внешнего мира сверху и со всех сторон’. Ему не соответствуют: навес, беседка, веранда (закрыты не со всех сторон); склад (не обязательно закрытое сооружение); шалаш, барак, палатка, шатер, юрта, кибитка (временные); пещера, подвал, землянка, бункер (не наземные).

Функцию референтов *дом 1* мы формулируем так: ‘внутреннее пространство, состоящее, главным образом, из одной или нескольких комнат, предназначенных для длительного и удобного пребывания человека’. Ей соответствуют лачуга, хижина, сторожка, флигель, изба, хата, особняк, дворец, небоскреб и не соответствуют амбар, ангар, церковь, стадион (крытый), элеватор, гараж, сарай, киоск, павильон, палатка (торговая), башня (сторожевая) и под., поскольку их внутреннее пространство состоит не из комнат, а из помещений другого типа.

Главное помещение театра, кинотеатра и павильона — зал, цирка и стадиона — арена, завода и фабрики — цех. Ориентируясь на внешний вид кинотеатра, его можно назвать домом, однако лишь в случае, если говорящему не известно, что его главное внутреннее помещение — кинозал.

Некоторые слова исключены, ввиду того что называют наряду с домами и другие сооружения. Во-первых, это *жилище*, относящееся не только к домам, ср. *Пещеры и шалаши были первыми жилищами людей* (пример из СЛОВАРЯ УШАКОВА). Кроме того: *строение* (заводские строения), *здание* (завода), *корпус* (заводской), *деревянная постройка* (о сарае), *будка* (собачья), *ночлежка* (не обязательно состоит из комнат) и под.

²² См. также посвященное этому значению исследование И. Б. Левонтиной [НОСС 1999: 82—87].

Отдельно следует сказать о слове *замок*. Оно называет не только само строение, но также прилегающую к нему территорию и даже окружающую ее крепостную стену, ср.: *территория / ворота / крепостная стена замка*.

Референты слова *дом* I и все их видовые вариации (сторожка, изба, дворец, небоскреб, гостиница и др.) имеют следующие (основные) функциональные части: фундамент, стены, крышу, окна, входную дверь и внутреннее пространство, состоящее из помещений: прихожей, коридоров, комнат(ы) и др. Есть и другие части дома (крыльцо, труба), но эти — самые необходимые. Из них и составляется партитивная модель дома. Заметим, что ни пол, ни потолок в нее не входят, — Это части комнаты, ср.: **пол / *потолок дома* и *пол / потолок комнаты*²³. В итоге получаем:

(11) *Дом* I =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

постоянное наземное сооружение, имеющее целью создание внутреннего пространства, закрытого и защищенного от внешнего пространства сверху и со всех сторон;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

это внутреннее пространство состоит, главным образом, из одного или нескольких помещений специального типа — комнат, предназначенных для длительного и удобного пребывания человека (одного или нескольких);

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

дом включает: внутреннее пространство, которое со всех четырех сторон защищают опирающиеся на фундамент стены, а сверху — опирающаяся на них крыша; входную дверь, которая закрывает и открывает вход во внутреннее пространство извне и выход из него, и окна, обеспечивающие ему дневное освещение, проветривание и контакт с внешним пространством.

Замечание. Отдельно следует определить основную часть внутреннего пространства дома — ‘комнату, предназначенную для длительного и удобного пребыва-

²³ Конечно, если внутреннее пространство дома сводится к одной комнате, как бывает в избе, то и пол и потолок становятся ее непосредственными частями; так, вполне нормально сказать *пол* и *потолок избы*. В этом случае и некоторые другие части избы становятся основными, например, порог «через который осуществляется контакт с “чужим” пространством» [СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ T2: 117], печная труба, ср. *порог / печная труба избы*, или матица (поперечная балка, поддерживающая потолок), которой «приписывается роль семиотической границы между “внутренней” (“передней”) частью дома и “внешней” (“задней”), связанной с входом/выходом» [Байбурин 2005: 171].

ния человека' (в ряду других видов внутренних помещений, таких как зал, арена, цех, аудитория, камера, коридор, прихожая и др.) Не входя в детали, наметим лишь её партитивную модель: комната состоит из внутреннего пространства небольшого объема, предназначенного для длительного и удобного пребывания в нем одного или нескольких (небольшого количества) людей; это пространство защищено и ограничено сверху потолком, с четырех сторон стенами с окнами (или окном), имеет пол и входную дверь.

6. Элементы ландшафта

1. *Река, озеро, родник.* Обрисуем сначала кратко классификацию водоемов в русскоязычной картине мира. По-видимому, они распадаются на три типа: источники (ключ, родник), каналы (ручей, река) и хранилища (лужа, озеро, море)²⁴ и образуют естественную схему: из источников по каналам вода поступает в хранилища.

Общее свойство перечисленных типов водоемов можно сформулировать так: 'водная масса, естественно возникшая на поверхности суши'. Для реки, ручья, озера, моря и лужи это свойство можно продолжить так: 'сплошь и постоянно ее покрывающая'. Эта суша называется их дном. У родника, и ключа дна нет. Заметим, что болото, занимающее (как и топь) промежуточное положение между сушей (твердью) и водой, часто также покрыто водой, но, во-первых, лишь местами, а во-вторых, болото также не имеет дна (выражение *дно болота аномально) и покрывает не сушу, а топь.

Более частные (различительные) признаки, коротко говоря, таковы: 'перемещение воды по дну', 'стояние воды на дне' и 'появление воды из-под земли' или, более подробно: для ручья, реки — 'часть суши, по которой идет постоянное однонаправленное перемещение массы воды', для лужи, озера, моря — 'часть суши, на которой стоит масса воды', и для ключа, родника — 'часть суши, на которой из-под земли появляется водная масса'.

К перечисленным признакам добавляются сугубо антропоцентрические характеристики. Озеро сравнительно невелико и охватывается вместе со своими берегами единым взором. Оно не глубоко и имеет сравнительно небольшую ширину, такую, что человек в принципе может его переплыть в любом месте. Море, напротив, имеет большую глубину и настолько велико, что человек не может охватить его взглядом, увидеть противоположный берег и

²⁴ Океан, по-видимому, трактуется в наивной картине мира как большое море или «как всемирное море ... Все отдельно именуемые моря, кроме озер, составляют заливы, ковши и протоки общего водоема или океана, который произвольно делится землеописателями на несколько частей или океанов по странам света и другим началам» [Словарь Даля].

доплыть до него (или переплыть на лодке). Он видит лишь часть берега, на котором стоит, и примыкающую часть моря.

Река по своим размерам занимает промежуточное положение между озером и морем. В глубину и ширину она невелика: человек единым взором охватывает обе части берега (часть, на которой стоит, и противоположную) и в принципе может переплыть на другой берег. Однако в длину река очень велика: человек не может увидеть одновременно ее устье и исток и проплыть ее вдоль. Стоя на берегу, он видит только небольшую часть обоих берегов.

Ручей, лужа, родник и ключ не имеют берегов, их можно перешагнуть, перепрыгнуть через них или перейти вброд. Главное качество родника и ключа — первозданная чистота воды. Кроме того, родник, в отличие от ключа, называет истечение воды без напора (в роднике вода не бьет)²⁵.

Обратимся теперь к описанию реки. Зададимся вопросом: из каких частей она состоит? Использование «генитивной отмычки» быстро дает ответ: из берегов, русла, истока, устья, дна, воды; ср. корректность выражений *берега / русло / исток / устье / дно / вода реки*. К этим частям можно отнести также притоки и рукава (*рукава / притоки / пороги реки*), но не водопад, брод, пороги, заводь, рыбу, мост, пристань, плотину, ср. некорректность выражений **водопад / *брод / *рыба / *мост / *пристань / *плотина реки*.

В итоге получаем следующее описание:

(12) Река =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса, постоянно и сплошь покрывающая некоторую часть суши (земли);

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

по этой части суши (руслу и его дну) между берегами идет постоянное однонаправленное перемещение довольно большой массы воды; в ширину река невелика: человек, стоя на одном ее берегу, хорошо видит противоположный берег и в принципе может до него доплыть; в длину река очень велика: человек не может увидеть одновременно ее начало (исток) и конец (устье) и проплыть ее вдоль, он видит лишь небольшую часть обоих берегов;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

река образована: массой **воды**, которая сама собой перемещается по руслу (желобообразной поверхности суши), дно которого идет

²⁵ Ср.: родник — «ручей, водный источник, текущий из глубины земли, ключ; ключ — «бьющий из земли источник, родник» [СЛОВАРЬ УШАКОВА].

под уклон от истока — начала перемещения, к устью — концу перемещения; текущая по руслу вода ограничена с боков берегами — выступающей над ней сушей, не дающей ей растекаться; иногда в русло впадает приток (другая, более мелкая река), или от него ответвляется рукав, образующий отдельную более мелкую реку.

Главная часть реки — вода. Почти всегда словом *река* называется именно вода, а также действия с ней или в ней, ср.: *переплыл / упал / уронил / нырнул в реку* (= в воду), *пересохла / вышла из берегов / забурлила / обмелела река* (= вода в реке). Действия и события, происходящие с другими частями реки, требуют их прямого именования: *пошел ко дну / вышел на берег* и под.

Ручей, в отличие от реки, гораздо меньше по массе и менее постоянное по направлению течение воды. Он часто порождается временными факторами (таяние снега, ливень, утечка воды и пр.) и прокладывает себе путь по естественной линии наименьшего «ландшафтного сопротивления» (например, по дну оврага). Поэтому он не имеет русла, истока, устья и берегов, ср. некорректность соответствующих генитивных конструкций. Он имеет лишь дно и воду, ср. *На дне ручья лежала монетка, Вода ручья была прозрачной и холодной*.

Перейдем к луже, озеру и морю. Корректность выражения *берега озера* свидетельствует о том, что наблюдатель видит оба берега: тот, на котором стоит, и противоположный. Для моря это не так. Поэтому нормально сказать *берег моря*, но плохо: **берега моря*.

Функциональными частями озера являются вода, дно и берега. Ни впадающая в озеро (или море) река, ни остров не являются частью озера (моря), ср. **река / *остров озера (моря)*. В итоге получаем:

(12a) *Озеро* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса, постоянно и сплошь покрывающая некоторую часть суши (земли);

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

на этой части суши масса воды стоит, ограниченная берегами и с любого берега вся, вместе со своими берегами, доступная взору человека; человек в принципе может его переплыть в любом месте;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

озеро образовано: массой воды, которая стоит на дне (чашеобразной поверхности суши) и ограничена со всех (или почти со всех) сторон берегами, не дающими воде растекаться.

Лужа, подобно ручью, также не имеет берегов, но имеет края.

Родник и ключ не имеют других функциональных частей, кроме (небольшой) массы воды. Их, по-видимому, следует считать исходными элементами ландшафта, имеющими функцию 'естественный источник воды'.

Итак, для родника получаем:

(126) *Родник* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая водная масса на поверхности суши,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

появляющаяся из-под земли и обладающая первородной чистотой; родник невелик: человек может перепрыгнуть через него или перейти его вброд;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

родник образован небольшой массой ВОДЫ.

2. *Овраг, пропасть, обрыв, ущелье*²⁶. Общей частью для оврага, пропасти и ущелья (а также для рытвины и каньона) является естественно возникшее дно — горизонтальная поверхность суши, окруженная крутыми возвышениями. Канавы, ров, котлован, шахта, воронка, колодец, карьер возникли искусственно; расселина — «глубокая трещина в земле, в породе» (по СЛОВАРИЮ УШАКОВА), скважина, кратер не имеют дна; низина окружена полого возвышающейся сушей.

Обрыв и утес не имеют дна. Они — естественно образовавшееся крутое возвышение (суша и скала).

Овраг имеет протяженное дно, иначе он становится ямой. По антропоцентрическим характеристикам овраг можно уподобить озеру: он невелик и полностью обозрим, в него человек может спуститься по склону и самостоятельно выбраться, а ущелье — морю: наблюдателю видна лишь небольшая часть его дна и окружающих его крутых возвышений; человек не может в него спуститься и выбраться из него, не зная дороги. В этом плане рытвина подобна луже: она невелика, и через нее можно перепрыгнуть.

Обрыв не имеет дна, однако, место под его откосом ему принадлежит, как осыпавшаяся его часть (она, правда, не имеет имени). Обрыв весь хорошо виден человеку, стоящему на его краю. Он глубок: человек не может спуститься и взобраться по его откосу самостоятельно; упасть с обрыва опасно — можно погибнуть.

²⁶ Согласно СЛОВАРИЮ УШАКОВА, *овраг* — «большая, глубокая, удлиненная рытвина», *обрыв* — «крутой откос, образовавшийся вследствие обвала, осыпания земли», *пропасть* — «крутой и очень глубокий обрыв, ущелье», *ущелье* — «узкая и глубокая расселина, трещина между горами».

Пропасть лишь частично видна человеку, стоящему на ее краю: часть крутого откоса и его край; ни всего края, на котором он стоит, ни дна ему не видно (*бездонная пропасть*); спуститься по крутому склону в пропасть и выбраться из нее он не может; падение в пропасть грозит ему верной смертью.

Перейдем к описанию оврага. К его функциональным частям относятся: дно, склоны, полностью его окружающие и края. В итоге, получаем:

(13) *Овраг* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

протяженное и не очень глубокое, окруженное со всех сторон не очень крутыми склонами; человек, стоя на его краю, видит весь овраг: и дно, и склоны; он может по склону спуститься в него и самостоятельно выбраться из него;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

овраг образован: краями и дном, которое со всех сторон окружено склонами.

Замечание 1. Партитивная модель рассматриваемых референтов представляет собой структуру пространственной формы и сближается с понятием топологического типа, используемым Л. Тальми для описания концептуализированных языком пространственных форм. Ср.: «Л. Тальми предложил считать, что в языковой картине мира все объекты видятся как представители нескольких эталонных форм, таких как поверхность, емкость и под. Эти эталонные формы он назвал топологическими типами. Топологические типы как бы “вбирают в себя” сложные наборы признаков, которые пытались отразить структурные описания, и являются для антропоцентричного подхода к языку ясной альтернативой евклидовой геометрии: они объясняют, в частности, почему в языке не у всякого объекта есть все измерения» [РАХИЛИНА 2000: 119, 120] (см. также с. 349; там же см. содержательный обзор работ Л. Тальми). Отметим специфику партитивной модели референта: в отличие от топологического типа, модель задает части формы и отношения между ними, обеспечивающие функцию референта. Например, одну и ту же эталонную форму ‘емкость’ принимают и стакан, и озеро, и овраг, и яма. Но партитивная модель стакана содержит дно и стенки, озера — дно и берега, оврага — дно и склоны, а ямы — дно и бока (ср. в СЛОВАРЕ ДАЛЯ: «овраг — крутобокая рытвина»). Ясно, что при некоторой функциональной общности стенок стакана, берегов озера, склонов оврага и боков ямы между ними имеются и существенные (для языка) функциональные различия.

(14) *Пропасть* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

очень глубокое, прилегающее к отвесному склону; человек, стоя на краю пропасти, видит ее лишь частично: часть крутого откоса и часть ее края; ни дна, ни других краев пропасти он не видит; спуститься по отвесному склону в пропасть и выбраться из нее он не может; падение в пропасть грозит ему верной смертью;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

пропасть образована: дном, которое прилегает к отвесному склону, соединяющему его с краем.

(15) Обрыв =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшая возвышенность,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

имеющая отвесный склон, и прилегающую к нему глубоко внизу осыпавшуюся часть; человеку, стоящему на краю обрыва, он весь хорошо виден; человек не может спуститься с него по откосу и взобраться самостоятельно; упасть с обрыва опасно — можно погибнуть;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

обрыв образован: краем возвышенности, который отвесным склоном соединен со своей опавшей частью.

Замечание 2. В [РАХИЛИНА 2000] при анализе пары выражений *глубокая пропасть* и *высокий обрыв* отмечается: «Отсутствие в русском языке сочетания **глубокий обрыв* свидетельствует о некотором парадоксе в языковой пространственной картине мира ... человек, стоящий внизу, так сказать, на дне обрыва, не назовет «обрывом» возвышающуюся перед ним стену. Между тем, характеризуя обрыв как высокий, мы «смотрим» снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. как бы мысленно уже совершив падение» (с. 134).

Как нам кажется, дело здесь в том, что у обрыва, в отличие от пропасти, нет дна. У него, образно говоря, есть лишь «полудно». Обрыв образуется тремя поверхностями: верхняя (край), откос и нижняя («полудно»), благодаря которому он занимает промежуточное положение между забором, стеной и утесом (отвесными возвышениями, не имеющими дна), и пропастью и ущельем, имеющими дно. Выражения *стою над обрывом* и *стою над пропастью* корректны, поскольку внизу есть «полудно» обрыва и дно пропасти, над которыми говорящий находится. Выражения **стою над крепостной стеной* / **над утесом*, напротив, некорректны, поскольку нижняя поверхность — земля, прилегающая к стене / утесу, над которой стоит говорящий, ни к той, ни к другому не относится. Заметим, что некорректность выражения **стою над ущельем* объясняется другой причиной: у ущелья нет края, на котором можно

было бы стоять над его дном. Некорректность выражения **стою над оврагом* объясняется, на наш взгляд, иначе: у оврага пологие склоны, поэтому, стоя на краю оврага, говорящий не находится над ним (его дном). Заметим, что указанной особенностью формы обрыва (наличием у него «полудна») объясняется сомнительность выражения **лежу под обрывом*, при полной корректности аналогичных выражений: *лежу под забором / под крепостной стеной / под утесом*.

(16) *Ущелье* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

естественно возникшее дно,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

очень глубокое, протяженное и скалистое, окруженное отвесными склонами; не охватывается полностью взором человека, ему видна лишь небольшая его часть дна и склонов; человек не может в него спуститься и выбраться из него, не зная дороги;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

ущелье образовано: дном и склонами.

7. Живые организмы

1. Классификация живых организмов. Очертим верхние уровни предметной классификации мира (см. рис. 1 в п. 1.2), на которых располагаются такие классы как 'организм', 'неорганический предмет', 'растение', 'животное' и под. Приведем сначала относящиеся сюда данные из СЛОВАРЯ УШАКОВА:

Животное. 1. Живое существо, способное чувствовать и передвигаться. *Домашние животные. Позвоночные, беспозвоночные животные.* || То же, в противоп. человеку (преимущ. о домашних животных). *Животные и люди радуются весне. Он жалеет животных.*

Растение. Организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии и питающийся неорганическими веществами почвы и воздуха. Высшие растения обычно состоят из трех основных органов: корня, укрепленного в земле, надземного стебля и листьев. К низшим растениям относятся грибы, лишайники, водоросли, бактерии.

Начнем с анализа живых организмов. В [КОШЕЛЕВ 1996] предложено такое определение концепта *живой* (с. 189):

(17) *X живой* = '1) X растет или развивается сам собой, взаимодействуя с окружающей средой, и 2) каждая часть X-а растет или развивается сама собой, взаимодействуя с окружающими ее частями'.

Видоизменим это определение, чтобы подчеркнуть, во-первых, предметный признак живого организма, а во-вторых, его противопоставлен-

ность неорганическому предмету. Выше, в п. 1.8, мы определили слово *предмет*. Предметный признак его значения — ‘единство, целостность ограниченного связного субстанционального образа’ — является родовым как для неорганических предметов, так и для организмов.

Теперь определим функцию организма: ‘предмет и его физические части обладают своими качественными свойствами (в частности, растут и развиваются) благодаря тому, что предмет периодически забирает питание извне и распределяет его по всем своим частям’. В соответствии с этим определением никакая физическая часть организма не может сохранять свои качественные свойства, отдельно от него (напомним, что плод трактуется языком как самостоятельная часть организма).

Для неорганического предмета это не так. Его физические части обладают своими качественными свойствами независимо от связи с окружением.

В итоге получаем:

(18) *Организм* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

предмет,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

такой, что он сам и его физические части сохраняют свои качественные свойства (в частности, растут и развиваются) благодаря взаимодействию с окружающей средой;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

организм периодически забирает питание извне и распределяет его по всем своим частям.

(18a) *Неорганический предмет* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

предмет,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

такой, что он и его части сохраняют свои качественные свойства вне связей с окружающей средой;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

части неорганического предмета физически связаны между собой.

Класс (18a) включает наряду с артефактами и натуральные предметы: камень, льдину и под.

2. Растение, дерево²⁷. Растения и животные функционально различаются типом и способом питания. Растение ‘забирает питание из земли (почвы)’, а животное ‘забирает органическое питание, т. е. питается растениями или животными’.

Функция растения предопределяет его партитивную модель, в частности, корень и его функцию: добывать питание из земли. Следовательно, корень должен быть погружен в землю и максимально в ней распространиться. Поэтому растение оказывается «привязанным» к данному месту земли, «укоренено» в нем. Корень имеют как низшие растения: грибы, лишайники и пр., так и высшие, состоящие «из трех основных органов: корня, укрепленного в земле, надземного стебля и листьев» (СЛОВАРЬ УШАКОВА, см. выше).

Итак, получаем:

(19) *Растение* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

организм;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

забирает питание из земли (почвы) посредством корня, погруженного в землю;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

растение состоит из корня (подземной части), который забирает питание (сок) из земли и передает его в надземную часть.

Для *дерева* родовым является признак ‘наличие надземного стебля, идущего от корня и несущего листья’. Он задает еще референты слов *трава* и *кустарник*. Функцией дерева мы будем считать ‘наличие единого твердого (древесного) стебля — ствола, играющего для человека особую роль в сравнении с другими видами стебля’.

К основным частям дерева относятся, кроме корня и ствола, ветви, листья (иголки), кора, древесная сердцевина, сок и плоды. Итак, получаем:

(20) *Дерево* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

организм, забирающий питание из земли (почвы) и имеющий надземный стебель,

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

функция

который является единым и твердым (стволом) и играет для человека особую роль в сравнении с другими видами стебля растений;

²⁷ См. также толкование слова *trees* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 182—183].

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

дерево включает в себя: корень, погруженный в землю и выби-
рающий из нее неорганическое питание — сок, который по соеди-
ненному с корнем и растущему над землей стволу распределяется
по идущим в разные стороны от него ветвям к их окончаниям —
листьям; ствол и ветви покрыты корой, защищающей их внутрен-
ние части — древесную сердцевину.

3. **Фрукт, яблоко**²⁸. Родовой признак фрукта, как нам кажется, такой: 'плод растения, занимающий определенное место в рационе питания челове-
ка, в частности, относится к десерту'²⁹. Кроме фруктов к данному классу от-
носятся ягоды и бахчевые плоды: арбуз, дыня, тыква (они тоже плоды растений,
и подаются на десерт) и не относятся: орехи, рябина, шиповник (плоды) и др.

Функция фрукта такова: 'фрукт — это такой (по величине) плод, что его
удобно взять целиком одной рукой, и он составляет по своей массе примерно
одну порцию десерта; тем самым он занимает промежуточное положение
между ягодой и арбузом или дыней'³⁰. Одну порцию десерта обычно состав-
ляет небольшая часть арбуза или дыни (один или два куска) и довольно мно-
го ягод.

Перейдем к анализу партитивной модели фрукта. Как кажется, у фрукта
можно выделить следующие части: ножку (или плодоножку³¹), на которой он
висит в процессе роста, кожу (кожуру), мякоть и плодоносные зернышки или
косточку (косточки), ср.: *кожура / мякоть / зернышки яблока (апельсина,
грейпфрута), кожура / мякоть / косточка сливы (абрикоса, вишни), косточ-
ки виноградины*.

Для сравнения заметим, что у орехов, желудей — скорлупа и ядро или
сердцевина, у арбуза, дыни — корка и отсутствие ножки (они лежат на зем-
ле), у ягод — отсутствие кожуры (малина, клубника) или мякоти и плодонос-
ных зернышек / косточек (крыжовник, смородина, голубика), ср. некоррект-
ность выражений **мякоть крыжовника (голубики)* и сомнительность выра-

²⁸ См. также толкования слов *fruit* и *apples* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 299—303].

²⁹ Согласно СЛОВАРЯ УШАКОВА, *фрукт* это «сочный съедобный плод какого-н.
дерева», а *десерт* — это «фрукты, конфеты или сладкое блюдо, подаваемое в конце
обеда».

³⁰ Здесь мы следуем за А. Вежбицкой, использовавшей признак 'держа одной
рукой поедать целиком' для разделения овощей и фруктов на мелкие (горох, земля-
ника), средние (огурец, яблоко) и крупные. Анализ этой классификации см. в [ЛЯ-
ШЕВСКАЯ 2004: 221 и сл.

³¹ Ср.: *плодоножка* — «часть стебля, соединяющая плод с растением» (СЛОВАРЬ
УШАКОВА).

жений *косточки / *зернышки крыжовника (рябины). У калины есть косточка, но нет мякоти, ср. некорректность выражения *мякоть калины и, напротив, корректность выражений мякоть виноградины / вишни.

Функциональная неразличимость зернышка и косточки обусловлена в данном случае тем, что и то и другое — носитель зародыша, о чем свидетельствуют выражения зернышко яблока / апельсина проро сло, косточка вишни / персика проро сла.

Немаловажным элементом структуры фрукта является ножка. Как уже отмечалось, фрукты растут не только на деревьях, но и на кустарниках (к примеру, некоторые виды вишни). Однако они обязательно находятся над землей и соединяются с веткой родového растения посредством ножки, удерживающей растущий фрукт на весу (ср.: ножка яблока, банана). Наличие ножки в структуре фрукта вводит естественное ограничение на его размеры и вес. Он не должен быть слишком большим, чтобы ножка не оборвалась раньше времени (максимальный размер, по-видимому, у грейпфрута).

Собирая части воедино, получаем следующее описание:

(21) Фрукт =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

плод растения, занимающий определенное место в рационе питания человека, в частности, подаваемый на десерт;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

функция

он такой величины, что его удобно взять целиком одной рукой, и по своей массе он составляет примерно одну порцию десерта;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

фрукт состоит из мякоти, в которой накапливается и хранится поступающий от дерева сок, ножки, по которой этот сок поступает во фрукт и благодаря которой он удерживается на ветке от падения, плодоносных зернышек / косточки, находящихся внутри мякоти, и кожуры / кожицы, покрывающей мякоть.

Конечно, имеется ряд «промежуточных» фруктов, которые не содержат всех перечисленных признаков. Например, банан не имеет зернышек, зато имеет все остальные составляющие: и ножку, и кожуру, и мякоть. Вишня и винограда не больше клубничины, однако, в отличие от нее, имеют кожуру и косточку (косточки).

Перейдем к описанию отдельных видов фруктов: яблок, груш, лимонов и др. Их партитивная модель (ножка, кожура, мякоть, зернышки / косточки) сама по себе сохраняется у каждого вида, но характеристики этих частей значимо варьируют. А это меняет не только их вкус, но и необходимость (и спо-

соб) их очистки перед употреблением и сам процесс их съедания, что, наряду с вкусовым типом, влияет на специфику данного фрукта как десерта. К примеру, нектарин употребляется без очистки, кожура спелого банана легко снимается «невооруженными» руками, а для отделения кожуры спелого апельсина обычно требуется нож.

Коснемся кратко характерных особенностей частей фруктов. У яблока тонкая кожура, оно шарообразно, у него вполне специфические структура мякоти и вид зернышек. Апельсин еще более шарообразен, но у него совершенно другая структура мякоти, вид и толщина кожуры, другие зернышки. Груша по кожуре и зернышкам схожа с яблоком или айвой, но структура и тип вкуса ее мякоти совсем другие.

Важной видовой характеристикой фрукта является его природная форма. Для яблока, к примеру, важна не столько шаровидность (оно вполне может быть приплюснуто сверху и снизу), сколько специфическая воронка для ножки. У апельсина такой впадины нет, а у груши в месте соединения ножки с телом плода, напротив, имеется выпуклость, образующая нечто вроде головки.

Заметим, что вкус яблока (кисло-сладкий) или цвет (красное), размер (примерно с человеческий кулак) — это уже его прототипические характеристики. Размеры яблока могут сильно варьировать (ср. китайские яблочки размером с грецкий орех). Яблоки бывают и кислыми (дичка), и даже горькими, несъедобными, однако от этого они не перестают быть яблоками. Цвет яблока тоже не столь характерен. Оно бывает и белое, и коричневое, и пестрое. Если нам вдруг попадется плод голубого цвета, во всех остальных отношениях похожий на яблоко, мы без колебаний назовем его яблоком. Но отсутствие в его форме указанной впадины даст говорящему основание усомниться в том, что перед ним яблоко.

Подытожим проведенные рассуждения.

(22) Яблоко =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

фрукт, который

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

занимает особое место во фруктовом десерте;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

это место определяется тем, что мякоть яблока специфична по своему вкусу, «материальной» фактуре и структуре; его кожура тонкая, плотно прилегает к мякоти; зернышки — пять или шесть, все находятся в середине мякоти, в закрытых скорлупках и состав-

ляют сердцевину яблока; его форма шарообразная, с воронкой, в которую входит его ножка.

Мякоть является главной частью и фрукта и яблока. К примеру, говоря о яблоке, часто имеют в виду именно его мякоть: *съешь яблоко, яблоко без кожуры и сердцевины* и под.

Яблоки разделяются на сорта: антоновку, штрифель, белый налив и др. Вкусовые качества этих сортов определяют их специфические роли в яблочном десерте. В этом плане они подобны сортам розы, детализирующим эстетические впечатления от розы как вида цветка ³².

4. Животное, птица ³³. Упомянутая в начале п. 2 функция животного ('питается растениями или животными') предопределяет для него совершенно иные, чем у растения, свойства. Поскольку органическое питание сосредоточено, главным образом, на поверхности земли, животное должно уметь передвигаться по земле к новым источникам питания (корма), т. е. иметь, во-первых, часть, посредством которой оно захватывает корм: рот, пасть, клюв и под., во-вторых, тело, в котором захваченная пища может перерабатываться и усваиваться (оно есть и у насекомых, и у пресмыкающихся, и у кальмара), и, в-третьих, конечности, посредством которых животное может передвигаться к новым местам корма: ноги / ножки, лапы / лапки, крылья / крылышки, плавники / щупальца и пр.

Итак, получаем:

(23) *Животное* 1 =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК
организм;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК
ФУНКЦИЯ

питается растениями или животными;

³² Наивная таксономия культурных и природных вещей оказывается удивительным образом изоморфной: класс 'фрукты' (с их структурой: ножка, кожура, мякоть и зернышки / косточка) можно уподобить классу 'автомобили' (с их структурой: колеса, дверцы, руль, сиденья, мотор и пр.). Видовые подклассы фруктов: 'яблоко', 'груша' и пр., подобны типам (или маркам) автомобиля: «ауди», «тойота», «мерседес» и пр. А сорта яблок: антоновка, белый налив и пр. соответствуют различным моделям одной марки автомобиля. Скажем, марка «ауди» имеет модели: «ауди-100» («зубило»), «ауди-80» («бочка») и пр. Невольно вспоминается зоценковская «собачка системы пудель».

³³ См. также толкования слов *birds, animals и fish* в [ВЕЖБИЦКАЯ 1985: 180—181, 252—255].

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

животное состоит из головы / головки, содержащей орган захвата пищи, соединенного с ним тела / тельца, в которое захваченная пища поступает и где она распределяется по всем его физическим частям, и конечностей, предназначенных для перемещения животного к новым местам кормежки.

Перейдем теперь к анализу более частного значения *животное 2* ('животное, противопоставленное человеку'). Родовым для него будет признак 'позвоночное (наличие внутри животного костного скелета)'. Он определяет три видовых варианта: рыбы, птицы и наземные животные. Все они, перерабатывая органическую пищу, выделяют отходы через специальное (заднепроходное) отверстие, которое располагается в конце тела под хвостом.

Таким образом, родовой признак животного предопределил его общую структуру (партитивную модель): оно начинается с головы, в передней части которой расположен орган, захватывающий пищу (пасть, клюв, рот). Голова соединена с продолговатым телом, в которое поступает проглоченная пища; тело имеет конечности, используемые для передвижения, и оканчивается выходным отверстием для отходов пищи, которое прикрывается расположенным над ним хвостом. (У хвоста разных животных множество самых различных функций, но эта, как кажется, единственная общая.)

Функция наземного животного такова: 'обладает конечностями для перемещения по земле, опираясь на которые, оно перемещается по земле, держа свое тело над землей' (этим оно отличаются от пресмыкающихся, ползающих по земле).

В итоге, получаем:

{23a) *Животное 2* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

животное 1, имеющее костный скелет внутри себя;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

обладает пастью для захватывания пищи, четырьмя конечностями, опираясь на которые, оно перемещается по земле, держа свое тело над землей;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ (УПРОЩЕННАЯ)

животное состоит из головы, соединенной посредством шеи с продолговатым телом, которое опирается на четыре лапы / ноги (две спереди и две сзади) и оканчивается заднепроходным отверстием, прикрытым сверху хвостом; в передней части головы располагается пасть, над ней — нос, через который оно вдыхает и выдыхает

воздух, над ним — глаза, а за ними (с боков головы) — уши; тело содержит в себе костный скелет: позвоночник и ребра, охватывающие и защищающие сердце, желудок и пр.; захваченная пастью и проглоченная пища попадает в желудок, где разлагается на питание, которое кровь, гонимая сердцем, разносит по всем физическим частям животного, и испражнения, которые через заднепроходное отверстие удаляются наружу; ноги / лапы, соединенные с позвоночником, предназначены для быстрого перемещения животного по земле, держа тело над ней (не касаясь ее другими своими частями); все животное покрыто кожей, на которой сверху растет шерсть, защищающая и согревающая его; под кожей находятся кости скелета, покрытые во многих местах мясом.

(24) *Птица* =

i. РОДОВОЙ ПРИЗНАК

животное I, имеющее костный скелет внутри себя;

ii. ПРЕДМЕТНЫЙ ПРИЗНАК

ФУНКЦИЯ

обладает клювом для захватывания пищи, двумя крыльями, покрытыми оперением, для перемещения по воздуху (над землей) и двумя лапами / ногами;

ПАРТИТИВНАЯ МОДЕЛЬ (УПРОЩЕННАЯ)

птица состоит из головы, соединенной посредством шеи с продолговатым телом, которое в верхней части имеет два перьевых крыла, предназначенных для перемещения по воздуху, а в нижней части две лапы / ноги, и оканчивается сзади заднепроходным отверстием, прикрытым сверху перьевым хвостом; в передней части головы располагается клюв, над ним — глаза, а за ними (с боков головы) — уши; тело содержит в себе костный скелет: позвоночник и ребра, охватывающие и защищающие сердце, желудок и пр.; захваченная клювом и проглоченная пища попадает в желудок, где разлагается на питание, которое кровь, гонимая сердцем, разносит по всем физическим частям птицы, и испражнения, которые через заднепроходное отверстие удаляются наружу; крылья предназначены для перемещения птицы по воздуху, а ноги / лапы — для приземления (или сохранения неподвижного положения на земле или на ветке дерева) и / или для перемещения по земле; вся птица покрыта кожей, на которой сверху растут перья, защищающие и согревающие ее; под кожей находятся кости скелета, покрытые во многих местах мясом.

Выражаю глубокую благодарность М. Н. Григорян, Н. В. Перцову и Т. В. Самариной за содержательные обсуждения текста статьи и ценные советы.

Литература

- АПРЕСЯН 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- БАЙБУРИН 2005 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. М., 1998.
- БУТОВСКАЯ 2004 — *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004
- ВЕЖБИЦКАЯ 1985 — *Wierzbicka Anna.* Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karona, 1985.
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996a — *Wierzbicka Anna.* Semantics, Primes and Universals. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- ВЕЖБИЦКАЯ 1996b — *Вежбицкая Анна.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- ЗОРИНА, ПОЛЕТАЕВА 2002 — *Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология: Элементарное мышление животных: Учеб. пособ. М., 2002.
- КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ 1989 — Категория посевивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- КОШЕЛЕВ 1996 — *Кошелев А. Д.* Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194.
- КОШЕЛЕВ 2006 — *Кошелев А. Д.* О языке человека (в сопоставлении с языком «говорящих» антропидов // *Зорина З. А., Смирнова А. А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М., 2006. С. 367—423.
- ЛАЙОНЗ 1978 — *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- ЛЯШЕВСКАЯ 2004 — *Ляшевская О. Н.* Семантика русского числа. М., 2004.
- МАС — Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985.
- НИКОЛАЕВА 2000 — *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М., 2000.
- НОСС 1999 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. 2-е изд. М., 1999. (см. также: М.; Вена., 2004.).
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М., 2003. (см. также: М.; Вена., 2004.).
- ПАНОВ 2005 — *Панов Е. Н.* Знаки. Символы. Языки: Коммуникация в царстве животных и мире людей. М., 2005.
- ПАНОВ 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- РАХИЛИНА 1991 — *Рахилина Е. В.* Словарная статья существительного *забор* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- РАХИЛИНА 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ — Славянские древности: Этнолингв. слов. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1—3. М., 1999—2004.

СЛОВАРЬ ДАЛЯ — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1989.

СЛОВАРЬ УШАКОВА — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1938.

ТКС — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

ХЕССАЙОН 2003 — *Хессайон Д. Г.* Все о розах. М., 2003.

ЯКОБСОН 1985 — *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

СЕМИОТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ИЛИ «ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ»

М. И. Лекомцева

Институт славяноведения РАН, Москва

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмеяся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнички, смеюнички.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Это стихотворение Хлебникова, вышедшее в 1910 г. в сборнике «Студия импрессионистов», сразу обратило на себя внимание как в среде поэтов-новаторов, так и среди пародистов. Одна из первых рецензий называлась «Усмеянные смехачи, или Курам на смех» [БВ 1910]. Маяковский же отнесся к «Заключению» как к серьезному достижению: «Филологическая работа привела Хлебникова к стихам, развивающим лирическую тему одним словом» [Маяковский 2000: 154]. Не принимавший футуристов Брюсов в конце жизни пытался воспроизвести способ порождения этого текста Хлебниковым в стихотворении «Памяти Велимира Хлебникова: Взводень звонов»:

Отзвуки, надзвуки, подзвуки, призвуки,
Сóзвоны, призвоны, вызвоны, дóзвоны
(Созваны, призваны, вызваны, дозваны!)
[ЛН 1976: 60]¹.

Маяковский приводил пример построенного аналогично Хлебникову стихотворения Бальмонта:

¹ Благодарю С. И. Гиндина за указание на эту публикацию.

Любите, любите, любите, любите,
 Безумно любите любовь, —

сравнивая его с хлебниковским не в пользу Бальмонта.

Литературные критики восприняли «Заклятие смехом» Хлебникова как пример «скорнения» или переведения словообразовательного гнезда в стихотворную форму, при этом ссылались на то, что уже в словаре Даля слова давались словообразовательными гнездами. Так, слово *смех* у Даля дано со словами *смешки, смеховое, смешное, смешенье, смешливая, смешник, смешница, смехотник, смеяться, смеиваться, смеянье, смехотвор, смехословие, смехота, смехотное* и др. [Даль 1955: 241—242]. Большинство этих слов Хлебников в «Заклятии смехом» не использует, так же как он не использовал множества им самим образованных неологизмов от основы *смех*. В других своих стихотворениях он пользовался такими собственными новообразованиями, как *смехочество, смеявица, смеярышня, смехиня, смехучая, смехучеустая, смеяние, смехочево, смеявистая, смехутечки* и др. (см.: [Григорьев 2000: 337—338]). Таким образом, можно предположить, что в «Заклятии смехом» произведен особый отбор словообразовательных форм от основ *сме-, смеј-*. Рассмотрим формы словообразования в этом стихотворении.

Текст начинается с формы *рассмейтесь*, образованной от основы *смеј-* с префиксом *рас-*, что придает значение начала действия, выраженного основой, и значение направления этого действия в разные стороны (например, *разбегаться, рассыпаться*). Использование возвратной частицы *-ся* указывает на замыкание действия в себе — здесь нет объекта, на который это действие могло бы распространяться. Глагол употреблен в императиве, что переводит действие из актуального пространства настоящего-прошедшего времени в виртуальное пространство мира желаний.

Следующая форма *смехачи*, образуемая от основы *смех* с помощью суффикса *-ач-*, указывает на актантов этого действия. Итак, сначала названо действие, а потом называются деятели, производящие это действие. В других стихотворениях Хлебников изобретает такие формы актантов, как *взрывач, хныкач, дремач, звач*. Можно сказать, что здесь мы имеем дело не только с лицами, производящими это действие, но и с указанием на то, что признак, выраженный основой, особенно подчеркнут (ср. *бородач, усач*). Так, и сам Хлебников образует подобные формы: *зlobач* (очень злобный), *словач* (употребляет много слов).

В форме *засмейтесь* усиливается значение инхоативности (начала действия), что предполагает некоторую начальную границу этого действия, а также вопрос, что было до этого, ответ на который читатель находит в следующей строке.

В третьей строке дается новое определение «смехачей»: это те деятели, которые в реальном настоящем времени (индикатив) «смеются смехами» подобно тому, как плачут — слезами. Как слезы являются материальным продуктом плача, так и «смехи» у Хлебникова оказываются материализацией действия смеха, только слезы — видимы, а смехи — слышимы. И далее в следующем определении «что смеяноствуют смеяльно» поэт уточняет характеристику «смехачей», данную в реальном времени индикатива. *Смеяноствуют* образуется от основы *смеяноство*, которая, в свою очередь, восходит к *смеян-*, что ассоциируется не только с царевной Несмеяной, но и с противоположными ей *смеянами*. Это *смеяноствуют*, образованное Хлебниковым по аналогии с *пьяноствуют*, показывает, что в «Заклятии смехом» *рассмейтесь* — действие, отличное от обычного *смеяться*.

Наречие *смеяльно* образуется от *смеяльный*, восходящего к существительному *смеяльня* (ср. *читальня*, *купальня* и др., ср. также хлебниковское *валяня*). Иными словами, это новое действие (*смеяноствовать*) предполагает специальное помещение — в «смеяльне» возникает особый способ исполнения этого действия, т. е. там могут смеяться не так, как в других местах.

В четвертой строке есть призыв начать действие особым образом: «О, усмейтесь усмеяльно!» *Усмеяльно* образуется, в конечном счете, от глагола *усмеяться*, в котором можно выделить два дополнительных значения:

- 1) действие, доведенное до конца (ср. *упиться*, *укачаться*, *убегаться* и др.);
- 2) действие в своем высшем проявлении (ср. *учуять*, *углядеть*, *унюхать*, *уловить*).

В следующей строке «О, рассмешищ надсмеяльных» возможно несколько интерпретаций. *Рассмешище*, употребленное Хлебниковым единственный раз в этом стихотворении, аналогично слову *посмешище* — одушевленному объекту смеха. В этом случае *рассмешище* становится конверсивом *посмешища* — это тот, который смеется над посмешищем. Н. Н. Перцова рассматривает *рассмешище* как производное от *рассмешишь* [Перцова 1995: 305], и тогда появляется каузативное значение: заставить смеяться. Третий вариант толкования слова «рассмешище» связан со значением суффикса *-ищ-* — место действия (*торжище*, *хранилище* и др., ср. хлебниковское *близбище*, *волибище*, *грезбище*, *любище* — т. е. место любви). В таком случае *рассмеиш-* (из *рас-смех-*) можно понимать как *рас-смех-ищ-е*, где *рас-* — префикс, означающий усиление качества, названного основой (ср. *раскрасавец*), и тогда *рассмеишце* — это место, где усиленно смеются. Четвертый вариант связан с другим значением суффикса *-ищ-* — увеличение объема производящей основы (*кулачище*, *бородища* и др.; ср. хлебниковское *собачище*, *людище*, *народищи*, *невзгодищи*, *бедища*). Тогда *рассмеиш-* становится конфиксным образованием с

префиксом *рас-* и с суффиксом *-je-*, который в сочетании с *-х-* дает *-ш-*. У нас появляется *рассмешье*, и оказывается, что *смехи* разветвляются и разбегаются в разные стороны, как *вода* в *разводьях*, а *пути* в *распутьях*.

Посмотрим, в каком контексте употребляется неологизм *рассмешища*. Он получает определение *надсмеяльные*. Если суффикс *-льн-* можно понять как связанный с действием мотивирующей основы *надсмеj-*, то встает вопрос, что несет с собой префикс *над-*. В литературном русском языке он имеет два значения: прибавление объекта действия, выраженного основой (*надвязать*, *надшивать*, *надстраивать*); убавление, ухудшение объекта действия, обозначенного производящей основой (*надпилить*, *надломить*, *надкусить*).

Однако *надсмеяться* может означать и 'смеяться над кем-то, над чем-то', так же как и в определении *надсмейный* в *смех надсмейных смеячей!* Префикс *над-* вводит в этом случае значение превозношения, взгляда сверху вниз. Это самопревозношение смеющегося можно уловить и в определении *смехачей* как *усмейных*, что может быть связано с усмешкой, т. е. со слабой степенью «смеха самопревозношения».

Н. Н. Перцова и В. П. Григорьев считают *надсмеяться* эквивалентом *насмеяться*, означающим в таком случае предельность действия.

Таким образом, строка *О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смеячей!* допускает несколько прочтений, и у нас нет основания для выбора одного из них, если мы предполагаем изотопию (внутреннюю гомогенность) текста.

О, иссмеjся рассмеяльно — здесь смысл наречия *рассмеяльно* понятен (т. е. как действие, проявляемое в полной мере и направленное в разные стороны), а императив *иссмеjся* обращает нас к глаголу *иссмеяться*, где префикс *ис-* имеет значение полной исчерпанности действия (ср. *излечиться*, *извериться*, *истратиться*).

Если «смехачи» были связаны со смехом через идею пространства (поскольку смех, как и слезы, существует в пространстве), то *смеячи* в *смех надсмейных смеячей!* связаны со смехом через идею действия и его энергию. И следующая строка *Смейево, смейево* предлагает нам существительное, образованное от глагольной основы *смеяться* и означающее материю, получаемую в результате определенного действия (ср. *варево*). Однако в языке такие существительные, как *курево*, появляются только тогда, когда есть действие курения, для которого подбираются разные материальные объекты, объединяемые их пригодностью для курения. Другими словами, сначала возникает действие, а затем уже имя, связанное с этим действием. Хлебников в своем неологизме *смейево* показывает, что в результате смеха возникает новая материя.

В следующей строке единственное число форм *Усмей, осмей* предполагает индивидуализацию смехачей-смеячей. *Усмей* может быть связано, с од-

ной стороны, с *усмешкой*, о которой говорилось в связи с *усмейными смехачами*, с другой стороны, оно может означать полное исчерпание действия.

Осмей также предполагает два варианта значений: *осмеивать*, что связано со «смехом превозношения» над кем-то или над чем-то; однако это может быть и действие, направленное на некий объект со всех сторон (ср. *осматривать*, *опевать*, *охаживать*) или в разные стороны (ср. *оплевывать*²).

После описания всех этих действий Хлебников вводит уменьшительно-ласкательную форму *смешики*, *смешишки*, которая переводит нерасчлененный смех (*О, рассмешищ надсмеяльных*) в индивидуализированные объекты ласки и придает ему человеческий масштаб, возможно, через посредство расщепления глобального смеха. При этом следует подчеркнуть, что *смешишки* противопоставлены здесь *усмешкам*, *насмешкам*, *смешкам*, т. е. осмеянию, эталонном которого может служить пример из Библии — смех Сарры над предсказанием о рождении Иосифа.

Итак, «смешики» действуют как фильтр и своей ласковостью и человеческим масштабом отфильтровывают «смех превозношения», т. е. смех как грех. Признавая изотопичность стихотворения Хлебникова, мы должны, таким образом, и из наречия *усмеяльно*, а также из прилагательного *надсмеяльный* и из глагола *усмей* исключить значение *насмешки*, «смеха превозношения».

Девятая строка *Смеюнчики, смеюнчики* вводит в текст новых живых существ, милых и ласковых, способных смеяться и смеющихся. Действие смеха как энергии порождает у Хлебникова пространство (*смеяльня*) и материю (*смейево*), дает этой материи индивидуализацию, а сами индивидуумы получают способность к ласке. Недаром Мандельштам назвал Хлебникова Эйнштейном, в теории которого энергия порождала пространство и материю. Якобсон писал в связи с Хлебниковым о том, что физики недооценивают поэтические концепции пространства и времени. Н. Н. Пунин же свидетельствовал о том, что Эйнштейн прислал письмо русским футуристам (Маяковскому, Бурлюку и Хлебникову) и что Хлебников читал это письмо, воспринимая его как текст, обращенный лично к нему (см.: [Пунин 2000: 160—161]).

В. М. Бехтерев считал, что смех и плач — два полюса, между которыми колеблется состояние человека (см.: [Бехтерев 1911: 457—463]). Хлебников, начиная стихотворение императивом *Засмейтесь*, имплицитно предшествующую фазу — «плач и стенание» и вызывает ожидание следующей аналогичной фазы плача. Однако кольцевая композиция, наряду с заглавием «Закрытие смехом», показывает желание Хлебникова исключить фазу страдания и перейти к циклическому времени смехотворения — к радости, которая «не

² Напомним в связи с этим строку Д. Кедрина «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, оплевывать друг друга».

престает». В этом сказывается утопичность мышления начала XX в., когда казалось, что человек может победить голод, войну, смерть и легко создать нового человека.

Переходя от анализа словообразовательных моделей к структуре текста «Заклятия смехом», который Маяковский назвал лирическим стихотворением (хотя внешние признаки, позволяющие так охарактеризовать текст, как будто бы отсутствуют), необходимо отметить, что все слова употреблены здесь в своем прямом значении: метафоры, метонимии и другие метаболы отсутствуют. В этом смысле предшественником стихотворения можно считать «Я вас любил» Пушкина, в котором Р. О. Якобсон отметил лишь одну метафору, и то стершуюся, — «угасла» [Якобсон 1983: 469]. Тем не менее, лирический накал «Заклятия» поддерживается не только кольцевой композицией, но и четырьмя междометиями «О!». Междометия возвращают нас к пафосу одической речи и к восклицанию из «Слова о полку Игореве»: «О! Русская земля! Уже за шеломянемь еси!». Это «О!» отражает то эмоциональное напряжение, которое связано с необходимостью перехода в другое духовное пространство. У Хлебникова читатель переходит из индикатива, указывающего на реальное пространство, в котором смеются, в виртуальное пространство желания, задаваемое импертивом «засмейтесь». В этом виртуальном пространстве энергия смеха усиливается до предела, направляется в разные стороны, оказываясь то центробежной, то центростремительной, и разнонаправленность действия приводит к индивидуализации (возникает единственное число). Только на этом уровне индивидуализации возможно появление уменьшительно-ласкательных суффиксов, выражающих любовь и ласку.

Р. О. Якобсон определил «Заклятие смехом» как единое цельное стихотворение, «сложное тавтологическое построение, т. е. обнаженное “производство” (paragmenon) классической риторики» [Якобсон 2000: 56]. Точнее можно сказать, что это развернутый полиптотон — текст, построенный из одного слова и родственных ему³. Встает вопрос о значении того единственного слова, из которого построено это стихотворение.

Как уже говорилось, словообразовательное творчество Хлебникова во многом основывалось на словаре В. И. Даля и его словообразовательных гнездах. У Даля значение «смеха» ассоциируется в первую очередь с грехом: «мал смех, да велик грех», «где грех, там и смех», «в чем живет смех, в том и грех», «сколько смеху, столько и греха», «и смех наводит на грех» и др. [Даль 1955: 241]. Но в то же время Даль определяет смех как среднее состояние — между улыбкой и хохотом [Там же]. Улыбка оказывается связанной с умиле-

³ Об обертонах семантики полиптотона см.: [Лекомцева 1981].

нием и одухотворением: вспомним улыбку архаических богов (греческих куросов), которая обозначает их одушевление, или же улыбку ребенка и матери, запечатленную в бесчисленных произведениях искусства.

В ветхозаветной традиции присутствовал смех как угроза, как наказание. Ср. смех Ягве: «Живущий на небесах посмеется, / Господь поругается им» (Пс. 2, 4). В Евангельской традиции нигде не встречается указания на смех Христа, но проницательный исследователь новозаветных текстов о. Александр Мень на вопрос о том, смеялся ли Иисус Христос, ответил: «Многие слова Христа сказаны с улыбкой, даже с юмором, я не побоюсь этого слова» [Мень 2004: 317].

Таким образом, концепт смеха имеет по крайней мере два значения: *приятия* и *неприятия*, *отторжения*, *превозношения*. Подбор словообразовательных элементов к слову *смех* у Хлебникова сначала расширяет и доводит до предела сферу его значения, а потом, пропуская через фильтр словообразовательных элементов уменьшительности-ласкательности, оставляет только «смех приятия». Концовка стихотворения — второй цикл «заключения» — начинается с очищенного смеха «смеюнчиков», и в результате «черный» смысл заключения как магического акта «светлеет».

Большинство имен существительных употребляются в «Заключении смехом» только во множественном числе, что согласуется с концепцией А. Бергсона, согласно которой смех — это групповое человеческое действие [Бергсон 1992]. Существенно, что в этом стихотворении нет ни одного объекта смеха. Из чистой энергии смеха строится пространство и возникает материя. Построенный Хлебниковым мир ориентирован на слуховое восприятие, аналогично древнеиудейскому миру, который прежде всего исходил из слуховых образов (ср. гимн «Слушай, Израиль»). Этим космос Хлебникова отличается от греко-римского, который, по крайней мере для нас, ориентирован на зрение — на мир видимых форм.

И последнее: действующими лицами у Хлебникова являются деятели как бы двух поколений — «смехачи» и «смеюнчики». Уже здесь предчувствуется его будущая концепция государства времени, государства поколений [Пунин 2000].

В «Заключении смехом» Хлебников использовал древнейшую форму парегменона, на которой построены пословицы и максимы. Развивая элементарную структуру парегменона только словообразовательными средствами русского языка, он построил свой «космос». Вскрывая семантический потенциал словообразовательных элементов (префиксов, суффиксов и др.), он выявил в них онтологические основы построения мира, аналогичного эйнштейновскому: противопоставление реального мира и мира желаний, формирование пространства энергией, материализация пространства, индивидуализация субъ-

екта и цикличность времени, основанного на смене поколений. С помощью одного слова и словообразовательных элементов Хлебников построил картину мира, в которой энергия производит материю. Видимо, когда сам поэт относил «Заклятие смехом», наряду с «Бобэоби» и «Крылышка», к «узлам времени», он воспринимал его как семя, как желудь, из которого со временем может вырасти дерево нового вида.

Таким образом, основываясь на архаических формах построения текста (парегменон, полиптотон), почти полностью элиминируя глагольные формы, связывая номинативы простым соположением, Хлебников создал стихотворение, естественно согласующееся с научными концепциями XX в.

Литература

- БВ 1910 — Биржевые ведомости. 1910. 17 мая.
- Бергсон 1992 — *Бергсон А.* Смех. М., 1992.
- Бехтерев 1911 — *Бехтерев В. М.* Об основных проявлениях нервно-психической деятельности и объективном ее изучении // *Русский врач.* 1911. № 2.
- Григорьев 2000 — *Григорьев В. П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэзии // *Григорьев В. П.* Будетлянин. М., 2000. С. 337—338.
- Даль 1955 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955.
- Лекомцева 1981 — *Лекомцева М. И.* К структуре текста у Климента Охридского (фигуры эпанода и полиптотона) // *Труды по знаковым системам, XII: Структура и семиотика художественного текста.* Тарту, 1981. С. 29—35. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 515).
- ЛН 1976 — Из неизданных и несобранных стихотворений / Публ. Р. Л. Щербакова; Предисл. Н. А. Трифонова. М., 1976 (Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов).
- Маяковский 2000 — *Маяковский В. В.* В. В. Хлебников // *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998).* М., 2000. С. 151—158.
- Мень 2004 — Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., 2004.
- Перцова 1995 — *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995. (Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 40).
- Пунин 2000 — *Пунин Н. Н.* Хлебников и государство времени // *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998).* М., 2000. С. 159—174.
- Якобсон 1983 — *Якобсон Р. О.* Грамматика поэзии и поэзия грамматики // *Семиотика.* М., 1983. С. 462—482.
- Якобсон 2000 — *Якобсон Р. О.* Новейшая русская поэзия // *Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911—1998).* М., 2000. С. 20—77.

«СОЦИАЛИЗМ ПРЕДРЕЧЕННЫЙ В ОБРАЗЕ САМСОНА»

А. Г. Кравецкий
ИРЯ РАН

В архиве Комитета по делам религий при Совете Министров СССР имеется дело, озаглавленное «Письма лауреата Ленинской премии скульптора С. Т. Коненкова за 1938—1940 гг. религиозного содержания на имя И. В. Сталина и А. Н. Златоврацкого (переданы СРК НКВДом в 1944 г.) и рисунки, выполненные автором»¹. В этом деле находятся шесть писем С. Т. Коненкова — три письма скульптору А. Н. Златоврацкому², три письма И. В. Сталину, а также и одно письмо Сталину, написанное «братом Заборовским», лидером религиозной группы, членом которой С. Коненков стал в США. Кроме того, в этом деле находятся рисунки Коненкова, относящиеся к серии, которые исследователи его творчества называют Космогониями³. Адресованные Сталину письма представляют собой попытку интерпретации событий современной истории на основе текстов Священного Писания. Эти письма интересны как образец толкования Библии, осуществленного вне правил, предлагаемых церковной традицией библейских толкований. К тому же в коненковских историсофских построениях содержится немало пересечений с утопиями и антиутопиями XX в.

Появление этих писем связано с тем, что в 1930-е гг. в США Коненков стал членом какого-то религиозного кружка, членами которого были выходцы из России и Польши. К сожалению, никаких достоверных сведений об этом кружке, участники которого называли себя «Последними членами Церкви Христовой», у нас нет. По данным С. Л. Бобровой, вступление Коненкова в кружок произошло после того, как его супруга «привела в мастер-

¹ ГАРФ ф. 6991, оп. 3, № 9.

² Александр Николаевич Златоврацкий (15.09.1878—19.01.1960) — скульптор, в 1895—1900 гг. занимался у Коненкова [Художники, IV: 325].

³ О коненковских «Космогониях» см. работы хранителя Мемориального музея-квартиры С. Коненкова С. Л. Бобровой [1992: 14—23; 1999: 45—48], а также популярные публикации [Боброва, Одноколенко 2001; 2004].

скую некоего Тихона Шмелева, члена общества «Ученики Христа», основанного в начале XX века Чарлзом Тейзом Расселом»⁴. Каким образом «Ученики Христа» связаны с «Последними членами церкви Христовой» мы не знаем. В известных нам материалах упоминается лишь «брат Заборовский»⁵, являющийся, судя по всему, лидером этой группы.

Как известно, кружки, основанные Расселом, в 1931 г. стали называться Свидетели Иеговы, но в материалах Коненкова это название не употреблено ни разу. В то же время название «Последние члены Церкви Христовой» напоминает самоназвание мормонов «The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints»⁶.

Мы публикуем все письма⁷, сохранившиеся в упомянутом выше архивном деле. В качестве приложения к публикации мы приводим рисунки Коненкова, которые были отправлены им Сталину.

* * *

При публикации писем мы стремились максимально сохранить особенности языка, орфографии и пунктуации оригинала. Дело в том, что орфография писем Коненкова очень разнородна. Если в одних письмах он достаточно последовательно использует ять и і-восьмеричное, то в других эти буквы не употребляются. К тому же Коненков вообще не пользуется буквой «ъ» — даже в разделительной функции. Раскрытые публикатором сокращения и вставки помещены в угловые скобки. Курсивом выделены фрагменты, которые в оригинале подчеркнуты красным карандашом.

1.

Письмо С. Т. Коненкова А. Н. Златоврацкому

Л. 2—5

10^{го} ноября 1938 г.

Дорогой Александр Николаевич!

Привет Вам! Два ваших письма от 23/IX и 3-XII-36 г., а также условия конкурса на составл(ение) проекта пам(ятника) я получил тогда же своевре-

⁴ [Боброва, Одноколенко 2001: 40; 2004: 75].

⁵ Об этом человеке мы знаем лишь то, что он был поляком и проживал в США.

⁶ На это сходство обратил наше внимание А. А. Архипов.

⁷ Кроме приложения к письму № 6.

менно. Благодарю Вас. Теперь только собрался ответить на них по порядку, сначала на первое.

Спасибо Вам за хлопоты, которые Вы предприняли относительно меня. Ваш племянш заметив, конечно, мое тяготение возвратиться на родину (хотя открыто то я старался и не показывать) — передал свое впечатление. Я очень рад и благодарен, что Вы и друзья не забыли меня и хотели бы видеть — там у себя на родине. Вы пишете, что вступили в период осуществления великих планов и, что все скульпторы перегружены работой. Это так хорошо; да так и должно быть, когда художники также участвуют в новом строительстве как равноправные граждане.

И далее: «надолго ли это зависит от положения в Европе и вероятности войны».

По поводу этого мое мнение таково: Войны не будет: будет революция — всесветная и начнется она в 1939 году (тысяча девятьсот тридцать девятом) году. И эта революция уничтожит до основания существующие порядки на всем свете. С.С.С.Р будет стоять непоколебимо и будет стоять в авангарде предстоящей революции.

В 1939 году группировка армий произошла. Тех армий две. Одна — капиталисты (*фашисты*) и клерикалы всего света. Другая — рабочий класс всего света. Вторая армия или армия рабочих численностью 200.000.000 (двести миллионов) и это — та армия, которая будет победительницей. Победительницей новых порядков над старыми. В предстоящей революции капитализм будет уничтожен — навсегда — навеки. Настанет царство рабочее (кто не работает тот и не ест).

Дорогой Александр Никол(аевич) вспомните моего Самсона. Я его выставил в Акад(емии) Худ(ожеств) в 1902 г. Тогда он был обрит и ослеплен. Прошло тридцать шесть лет. У Самсона отросли волосы, а с ними возвратилась к нему и вся сила. Он прозрел очами разумения.

И теперь отрок, который водил его за руку, подводит к тем двум столбам (капитализму и фашизму⁸) на которых зиждится современное капитал(истическое) здание. И Самсон (армия рабочих всего света) станет среди двух колонн⁹.

Мы будем свидетелями наступающих событий в которых С.С.С.Р играет такую вдохновенную роль. Не мечта ли это? Нет, дорогой Алекс(андр) Никол(аевич)! Это действительность. Будем видеть собственными глазами. Будем свидетели гибнущаго мира рабства, насилия и горя. И будем видеть и слышать радостные, победные песни возставших народов на всех концах

⁸ Над словом *фашизм* синим карандашом вписано *клерикализму*.

⁹ См. рис 1 на вклейке.

земли (в Японии революция — скоро, в Индии — возстание скоро, в европейском котле скоро-скоро забурлит, в Америке — армия безработных готова).

И подумайте: С.С.С.Р стоит во главе всего етого. Не благословенная ли доля! Вот о чем мечтали, как о миссии русского народа. Вот эти сто племен с единым — об'единенные единой мыслию — интернационала: братства народов.

В это то время я и работаю Самсона. Обдумываю композицию и занят над эскизом. Как видите, дорогой, чрез тридцать шесть лет я возвращаюсь к Самсону.

В письме от 31/ХІІ-36 Вы пишете: «желаю вам (мне и Марг(арите) Иван(овне)) всего самого лучшего, а главное видѣть¹⁰ вас на родине» и пишете, что инициатива о возвращении должна идти с моей стороны, и что отсюда следует обратиться мне к Сталину или Молотову, который теперь является главным руководителем искусства. Да, я обращаюсь к Сталину и Молотову за разрешением возвратиться в Москву. Прошу Вас дорогой Александр Николаевич, это письмо показать Сталину и Молотову. Но дело еще в том: со мной одинаково мыслящих таких убеждений как вкратце вышеописано — душ двадцать — рабочие различных профессий — поляки из Польши и Карпатской Руси — прибывшие в Америку (задолго) до революции. Ни к какой религии из существующих на земле или секте — мы не принадлежим и учения своего не распространяем. Мы лишь исследователи Библии в нашем маленьком собрании. С коммунизмом мы имеем одинаковые основания: «кто работает (не хочет трудиться) тот и не ешь». (Апост(ола) Павла). Вполне солидарны в проведении программы для устройства на земле царства справедливости и счастья для всего человечества. Мы убеждены — что все государства с начала от 1914 г. начали рушиться и будут рушиться до последнего. Все старые порядки рабства, эксплуатации человека человеком, купля и продажа чрез капитал уничтожатся — гражданской войной — т. е. революцией в каждом государстве под руководством С.С.С.Р, где устанавливается новое царство, то, о котором мечтало лучшее человечество, как о золотом веке. И все это будет совершаться на наших глазах, и год за годом все будем видеть то совершающимся с точностию и без ошибок.

Нам предстоит туда ехать, чтобы то свидетельствовать. Все мы не ищем ни материальных благ, ни славы, ни почестей. Сами зарабатывая себе на хлеб своими руками, не будучи в тягость другим. Так что разрешение для приезда в С.С.С.Р нам нужно для всех. Мы — с чистыми сердцами, открытыми душами и с доброй вестью.

Наше общество основано около двух тысяч лет тому назад. В продолжении веков было для мира невидимым-незнаемым. Открыто выступило здесь в

¹⁰ ъ простым карандашом исправлена на е.

Америке в 1874 г. Члены его были из всех народов. Дела велись более чем на двадцати языках. К настоящему времени это дело закончено. Никто уже более не может войти членом в его общество. Скомплектование произошло в 1936 г. и тогда же началась гражданская война в Испании; откуда началась группировка двух армий для революции всесветной. Осенью текущего 1938 г. группировка произошла. Чемберлен, Гитлер, Муссолини, Деладье, правитель(ели) Японии и нын(ешние) правители мелких государств в этом лагере. Для всех их слишком дорог старый капитал и все они вместе ненавидят С.С.С.Р как представителя рабочего класса всего мира. Все они вместе (не имеющие согласия между собой) трясутся и боятся друг друга а более всего, чувствуя свою погибель, враждебны С.С.С.Р.

Поэтому С.С.С.Р будет на страже, видеть его все и смело с полной уверенностью поведет в бой армию рабочего класса всего мира. Это будет последний бой, окончательный и победоносный. И все это будет, дорогой Алкс(андр) Никол(аевич), на наших глазах.

Конец. Конец пришел на все четыре стороны света. Конец старым капиталистическим порядкам. Все это мы поручаем Вам свидетельствовать Сталину и Молотову.

Приехав в С.С.С.Р мы будем жить скромно. Занимаясь каждый своим ремеслом, собираясь два-три раза в неделю для общих наших бесед, на которые не возбраняется с нашей стороны присутствовать никому. Мы не делаем из этого тайну, наоборот, тайное объявляем явно.

До свидания, дорогой Александр Николаевич, приветствую Вас и всех ваших родичей, а также посылаю привет — друзьям скульпторам, знакомым и всем, всем.

Сердечно Ваш С. Коненков.

2.

Письмо С. Т. Коненкова А. Н. Златоврацкому

Л. 6—7

11 ноября — 38 г.

Дорогой Александр Николаевич!

Чтобы предстать пред Сталиным и Молотовым вначале мы трое согласны приехать в Москву, я, моя жена и брат Заборовский. (В нашем обществе мы называемся братьями, как все которые воспримут Царство Божие — суть братья — дети Божие — будучи в гармонии с Богом. Основание престола Божия — справедливость (Псал. 88.15). «Правосудие и правота — основание престола Твоего»).

В С.С.С.Р устанавливается царство Божие на основе справедливости. Это царство будет расти — и вскоре наполнит всю землю — Царство Божие — на земле.

Мы докажем это на основании Библии и здравого смысла. Только большевики обладают здравым смыслом (ни одно другое правительство не имеет здравого смысла и ослеплено системой капиталистического правления, а слепой не может вести слепого — то и они как слепые все попадут в яму) а потому нам не трудно будет и свидетельствовать, что большевики выполняют работу по плану — справедливости, а следовательно работу Божию. Армия рабочих в Библии так и называется — Армия Божия (Иоиль¹¹ 2:1—11) — «Господь даст глас Свой пред воинством Своим». Большевики говорят что «религия — опиум для народа». И это истина: в Библии сказано: Блудница (система папства и вышедших оттуда — православие — протестанство и всякое сектанство) напоила все народы вином (опиумом) блудодеяния (Откров. 18:1—2).

Мы ответим советскому правительству на каждый поставленный нам вопрос. Мы покажем *карту-картину* год за годом наступающих событий и подтвердим то Библией, здравым смыслом и очевидностью исполнявшихся событий, исполняющихся и предстоящих исполниться, и то с точностью года и месяца.

Мы покажем, когда начнется Анархия (а после свержения всех правительств будет Анархия), когда — от какого года и до какого времени будет продолжаться и что будет происходить потом. Наше общество осведомлено об этом чрез Библию (Слово Божие) (1 Фессал. 5:4—6).

С.С.С.Р не коснется Анархия. С.С.С.Р охраняется армией Божией и будет всегда на страже и осведомлен через слуг Слова Божия.

Как видите, дорогой Алекс(андр) Никол(аевич) работа с большевиками у нас общая т. е. одна и таже. Потому мы и говорим, что мы должны быт(ь) там, в С.С.С.Р.

А когда наступит Анархия — наступит время тяжкое, какого не было от создания мира (Матф. 24:21).

А то все будет на наших глазах.

Будет побито около 700.000.000 (семьсот миллионов).

Будет и скоро.

И как успокоить то разбушевавшееся море? (народы всего мира) То в Библии о том сказано, и как успокоить, чтобы не погибнул целый мир (от бойни — и главным образом эпидемии) (Матф. 24:22).

¹¹ Первая буква исправлена чернилами: I → И.

То все будем свидетельствовать, когда предстанем пред дорогим Иосифом Илларионовичем (sic!) и пред дорогим товарищем Молотовым, и просим их принять наши сердечные приветствия.

Остаюсь любящий Вас,

Ваш С. Коненков.

3.

Письмо С. Т. Коненкова А. Н. Златоврацкому¹²

Л. 8

12-го ноября — 36¹³

Дорогой Александр Николаевич!

Библия (Книга Божия) написана символически, запечатана семью печатями (Откр. 5:1). И видел я в деснице у Седящего на престоле книгу: написанную внутри и вне (вне — читают буквы, слова, а внутри — что то значит — не разумеют) запечатанную семью печатями.

А ту книгу из десницы Сидящего на престоле (Предвечного Бога Отца) взял Агнец — Иисус Христос (Откр. 5:7) и по очереди снимал печати (Откр. 6).

Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог (Предвечный Бог Отец) чтобы показать рабам своим (слугам Слова Божия) чему надлежит быть скоро (Откр. 1:1). Что то значит — скоро и к какому времени относится — то мы его будем свидетельствовать. Мы засвидетельствуем, когда печати начали сниматься и когда открылось значение всего того, а именно 1936 года, когда было скомплектовано общество слуг слова Божия — и с того то времени началась гражданская война в Испании и не закончится, а будет расширяться и вовлекать народы, пока не охватит все существующее на земле даже до самых отдаленных островов — всюду будет уничтожение старых (рабских) порядков до основания, что закончится с годом 1944.

Мы поведаем то и будем свидетельствовать, чтобы не быть в неведении, а ожидая наперед и видя то совершающимся с большей уверенностью делать каждому общее дело, а иными словами дело Божие.

¹² К письму приложен конверт (л. 8а. Судя по штампу, С. Т. Коненков отправил его 11.14.1938, а назад письмо вернулось 1.12.1939) и записка: «Это письмо было послано мною А. Н. Златоврацкому 12 ноября 1938 г. и возвращено обратно, за ненахождением адресата. С. К.».

¹³ Дата непонятная: изначально было написано 36, а затем исправлено на 39. Между тем, судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено в 1938 г., а получено назад в январе 1939 г.

Довольно. Когда предстанем пред С.С.С.Р., т. е. пред его представителем Сталиным и Молотовым, мы поведаем им и дальнейшие дивные дела, которые показал нам — слугам Слова Божия, Господь наш Иисус Христос.

Еще раз приветствуем Сталина и Молотова и всех работников дела Божия

Сердечно Ваш С. Коненков

P.S. Прошу Вас, дорогой Ал(ександр) Ник(олаевич), три етих письма показать Сталину или Молотову.

С. К.

4.

Письмо С. Т. Коненкова И. В. Сталину

Л. 9—11

Нью-Йорк 4/3 1940 г.

Дорогой брат Иосиф Виссарионович!

Брат наш во Христе Иисусе Заборовский переслал мне письмо, чтобы я, переведа на русский язык, послал его Вам чрез консульство из осторожности, чтобы не попало в руки Англии, которая просматривает корреспонденцию.

Брат Заборовский есть Слуга Божий и о нем в Св. Писании сказано: «принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает пославшего Меня» (Иоанн 13:20). Брат Заборовский вместе с нами, горсточкой последних членов Церкви Христовой, является представителем Сына Человеческого, т. е. нашего Господа Иисуса Христа, Который устанавливает Царство Божие здесь на земле, чрез вас — большевиков. Я прилагаю здесь фотографию¹⁴, на которой Вам наглядно будет видно, где вскоре произойдет атака на С.С.С.Р. «Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все раборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья; слабый пусть говорит: “Я силен”. Спешите и сходитесь, всѣ окрестные, и собирайтесь; туда, Господи, веди Твоих героев. Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Иосафатову; ибо там Я возсяду, чтобы судить всѣ народы отовсюду... Толпы толпы в долине суда ... но Господь будет защитою для народа Своего...» (Иоиль 3:9—12).

На фотографии на месте Ленинграда, с правой стороны Красной Армии, стоит в сиянии Ангел (символ последних членов Церкви Христовой) — Откровение 19:17. Наверху — главный Генерал Иеговы, на белом коне — то наш

¹⁴ См. рис. 2 на вклейке.

Господь Иисус Христос; по сторонам на белых конях — то члены Церкви Христовой в небе со всего периода века Евангелий, начиная от Апостолов; и еще далее направо и налево — ангелы Божии, численностью сто один миллион — то Армия небесная, которая присутствует при установлении Царства Божия на земле (Откровение 19:11 и Откр. 5:11). Внизу от западных государств и Японии Вы увидите полчища падших ангелов с Сатаной во главе. Они собирают свое войско капиталистов и атакуют Армию Божию (Матфея 24:30, Луки 21:25—27).

«Готовься и снаряжайся, — ты (Сатана со своими агентами капиталистических стран) — и всё полчища твои — и будь им вождем... И скажешь: поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботных, живущих безопасно, всё они живут без стѣн и нѣт у них ни запоров, ни дверей (душа на распашку). Чтобы произвести грабеж и набрать добычи, наложишь руку на вновь заселенные развалины (после гражданской войны) и на народ, собранный из народ (сто племен с единым), занимающихся хозяйством (С.С.С.Р)» Иезикиил 38:7—19.

Как Вам уже писал брат Заборовский, что Вы дорогой Иосиф Виссарионович представлены как символ в книге пророка Исаи 19:1—7. Так тоже и Навуходоносор в Св. Писании есть фигурой на Вас. То, что делал Навуходоносор там, — Вы выполняете тут; напр(имер) Навуходоносор размышлял, куда ему идти на Иерусалим или на сынов Аммоновых — и пошел вправо — на Иерусалим. Так и Вы не пошли на Японию (сынов Аммоновых — язычников) а пошли и пойдете на Иерусалим — номинальное христианство (сатанинское царство). — Иезик. 21:19—22.

Когда в Таврическом дворце, в Думе сказали: нет такой партии, которая вывела бы страну из создавшегося положения, Ленин встал и сказал: «есть, — это партия большевиков». Вы же знаете и знаете как он был прав. Потому что Ленин знал хорошо и время и положение и все, что давало ему такую уверенность. А ежели скажете, Ленин был безбожник (письма Горькому), то ответим, что иначе не мог бы он выполнять дело Божие, так как Господь сказал: не убей! Когда Царство Божие будет в силе (около 1948 г.) убийства не будет. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло». Откровение 21:4.

Вы, большевики, будучи так сказать атеистами, выполняете Божие Дело, которое есть мир и братство. «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» Луки 2:14. И лозунги вы взяли из Евангелия, сами того не подозревая. Напр(имер) кто не работает тот и не ест. — «Кто не хочет трудиться тот и не ѣшь» (2 Фесалон. 3:10). Или религия опиум для народа «...и вином ея блудодеяния (религией католической) правосл(авной), про-

тест(антской) и т. д.) упивались живущие на земле» (Откров. 17:2). И далее: «Слово не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела» — Иеремія 23:29. — Иоиль 3:13. Серп и молот — знамя С.С.С.Р.

«Иисус отвечал: если бы от мира сего было Царство Мое (тогда, в то время первого Его пришествия) то служители Мои (приближенные, солдаты; какой же царь бывает без свиты и солдат) подвизались бы за Меня...» (Иоанн 18:33—37). Теперь во время второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, у Него есть солдаты (Красная Армия с Вами и вашими друзьями и приближенные — последние члены Церкви Христовой).

Царство Божие идет от севера (от С.С.С.Р).

«От сѣвера откроется бѣдствие на всѣх обитателей земли» (бѣдствие — для капиталистов)... «ибо от сѣвера появляется бѣда и великая гибель (для капиталистов)...» «вот идет народ от страны сѣверной и народ великій (большевики) поднимается от краев земли (А братан Папанин подтвердит нам, что там на севере где он был уже и не живут люди — край земли.)» «Поднимите глаза ваши и посмотрите на идущих от сѣвера» ... «поднимаются воды (учение правды) от сѣвера и сдѣлаются наводняющим потоком (пропаганда к освобождению) и потопят (наполнят) всю землю (общества народов)» Иеремія 1:13—14; 6:1,22; 13:20; 47:2. Только мы возвещаем Царство Божие, которое устанавливается там в С.С.С.Р. от севера. Никто другой того не оповещает. Папа римский сделал себе подземное убежище; значит он боится грядущих событий (тот старый сатанинский слуга и агент).

А мы радуемся и приветствуем Царство Божие и показываем где оно и подтверждаем пророками и словами нашего Спасителя. ... «не придет Царствие Божие приметным образом (не будет заметно людям) ... Ибо вот Царство Божие внутри вас (между вами, среди вас. Господь не имел ввиду, что в сердцах лицемерных фарисеев.)» Лука 17:20—21. Значит мы те, чем быть должны. Радуемся, потому что приходит избавление человечеству от рабства. Кто возвещает когда, в какие годы это будет происходить хронологично? А мы возвещаем то в нашей литературе. Отец Небесный не открывает Своего плана никому другому, лишь только Своим детям, которые дали обет быть верными Ему до смерти «Ибо все вы сыны свѣта и сыны дня...» (1 Фессалон. 5:5) Мы возвещаем, что революция начнется в конце 1939 г. (год по Библии начинается 1^{-го} октября) Разве это не так? Ведь Красная Армия освободила Белоруссию и Зап(адную) Украину от панов-эксплуататоров (в тот срок). Разве это не революция? Теперь Красная Армия освобождает финнов от капиталистов эксплуататоров. Разве это не революция? Красная Армия говорит: братья и сестры не стреляйте в нас, мы идем помочь вам освободиться от ига капиталистов. Так будет и далее. Это идет революция. В писании святом революция

названа медведь (символически) — (Амос 5:19). На фотографии Вы увидите на Уральских горах медведя, вставшего на дыбы. Он уже не возвратится на зимнюю спячку, а пойдет вперед и далее.

Когда приедем в С.С.С.Р мы оповестим Вам обо всем, что Господь открыл нам и что мы знаем о Его плане. Останемся там до 1954 г. После мы оставим наше земное пребывание, так как мы отреклись от земного существования в пользу братьев наших на земле. Если же будем верны нашему Спасителю и Господу, будем там, где Он, как Он нам то обещал (Иоанн 14:2—3). Поговорим с Вами и об этом, если будете интересоваться и о другом, что нам открыто.

То, что сообщим, трудно будет воспринять. Однако же большевики реальные политики, а ведь то, что мы Вам возвещаем построено не на вымысле, а на истинном Слове Божиим на крепком фундаменте — камне. «Он есть камень, сделавшийся главою угла (Матф. 21:42) и нѣтъ другаго имени под небом... которым надлежало бы нам спастись» (Дѣянїя 4:12).

«Ты видѣл его, доколѣ камень (Царство Божїе) не оторвался от горы (по распоряженію свыше) без содействїя рук (не людской силой) ударил в истукан (символич(еское) изображение соврем(енных) царств) в желѣзныя и глиняныя ноги его (глина с железом не прочно соедин(яются)) и разбил их. Тогда все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото сдѣлались как прах на лѣтних гумнах, и ветер унес их, и слѣда не осталось от них (к концу 1944 г. так будет); а камень (Царство Божїе) разбившїй истукан (царства соврем(енные) — сатанинскїя) сдѣлался великою горою и наполнил всю землю и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит всѣ царства, а само будет стоять вѣчно» (Царство Божїе не будет передано никакому народу, а будет управляться Самим Богом.) (Данїл 2:34, 44).

Камень тот ударил в Россїи в 1914 г. когда началась война. Следствїе было революція, и полетели троны царей, и так они будут лететь и крушиться от того камня, пока не сделаются как прах на летних гумнах; ветер (революція есть вихрь) унесет их и не останется от всего того и следа.

Сообщаю некоторые сведения о себе. Я русский скульптор. Жил и работал в Москве. Работы мои имеются в музеях Москвы, Ленинграда, Смоленска, Казани, Симбирска и др. Был три года руководителем скульптурного отдела Государственных мастерских, а также скульптурного отдела Пролеткульта. Был председателем профессионального союза скульпторов. На кремлевской стене около Мавзолея Ленина, мемориальная доска «павшим в борьбе за мир и братство народов», а в Музее революции на бывш. Тверской, Стенька Разин с ватагой — мои работы. Был я также не малый пьяница. В Америку выехал легально с выставкой русских художников в декабре 1923 г.

При отъезде из Москвы скульпторы поднесли мне адрес след(ующего) Содерж(ания).

Дорогому Сергею Тимофеевичу
нашему наибольшему товарищу.

Мы московские скульпторы, приносим Вам свой привет и поздравляем с двадцатипятилетней годовщиной Вашего Славного служения Русской скульптуре. С мощью Самсона, с глубиной Баха, с виртуозностью Паганини и с горячим сердцем русского Богатыря, Вы трудились над зданием русской скульптуры. Сейчас Вы покидаете нас и родину для более широкой деятельности перед лицом Нового и Старого Света. Мы уверены, что Вы покажете какие силы таятся в недрах России. Эта мысль смягчает горечь разлуки с Вами и родит надежду увидеть Вас снова в нашей среде тем же дорогим товарищем, но венчанным мировой славой.

Следует двадцать четыре подписи.

До свидания, дорогой Иосиф Виссарионович.

Примите мои самые сердечные пожелания, также привет Вашим друзьям и сотрудникам.

Приветствуйте Красную Армию — Армию Божию.

Остаюсь верный Господу навсегда.

С. Коненков.

5.

Письмо брата Заборовского И. В. Сталину¹⁵

Л. 12

*перевод*¹⁶

Chicago dnia 3/3. 1940 г.

Дорогому брату Сталину!

Дорогой брат Сталин! Писал Вам письмо в январе 1939 г. предостерегая Вас, что в недалеком будущем все капиталистические государства нападут на вас (на С.С.С.Р). Также писал Вам, кто я емь и т. д. Но вы игнорировали. Что также и не удивительно; потому что я Вам представился религиозным человеком. Вы же зная различные религии разных христиан, будучи человеком чистосердечным — не могли принять учений тех разных христиан которые то в действительности суть учения сатанинские, а не христианские; ибо учение христиан праведных, повелевает любить ближняго как самого себя (Мат-

¹⁵ Это письмо является переводом польского оригинала (л. 14).

¹⁶ Помета карандашом.

ося 22.37—39). Также Вам казалось, что и я есмь один из тех христиан, вышеупомянутых.

И хотя я во имени Христа отнесся к Вам, чтобы Вас (которые естеством (sic!) началом Царства Божия) предостеречь пред грозящей опасностью со стороны тех сатанинских царств — то Вы даже мне не ответили, хотя бы в двух словах. И потому-то именно, что Вы с'игнорировали мое предостережение, Вам посланное, вы имели неудачу в малой Финляндии.

Снова, в этом теперь письме, Вам называю, какие государства на вас вскоре нападут. А именно: Англия, Франция, также и разбитая армия несуществующей Польши. Далее, Турецко-Египетские народы, также Африканцы в особенности те, которые под господством Англии. А также Немцы, Японцы, Америка. Но и другие меньшие и большие государства в союзе с выше перечисленными царствами. Может быть Вам будет удивительным то, т. е. что и немцы тут названы как нападающие, ибо они ведь с вами «в дружбе». Они с вами в дружбе снаружи, но внутри они в дружбе с Англией, Францией и другими вашими неприятелями. И они их дружбой с Вами, хотят вас в какой-либо способ втянуть в войну в большем масштабе, нежели тот, в котором сейчас находитесь; так, в том роде, как то старались с вами сделать Англия и Франция прошлого года. Когда, будто бы хотели вас получить для тройственного военного союза. Наконец, что о том говорить, ежели то вскоре будет обнаружено.

А теперь подам Вам в некотором роде мои соображения, которые таковы: Не могли бы у Вас приготовить какие-либо стале-панцирные жилеты для ваших солдат? Это сохранило бы много жизней людских. А также обкладывать стены как аэропланов, так также и других военных орудий каким-либо материалом ватного или какого другого сорта, который бы хотя ружейных пуль не пропускал? А также какой-либо снаряд для вылавливания мин, и в особенности магнитных мин; потому что вскоре будет там их достаточно. Относительно этих последних, то я Вам дам способ, когда там у вас окажемся.

Помните, что война между вами и капиталистическими государствами будет страшная; и во время ея не будете в состоянии ни откуда достать материал. Война будет такая, т. е. ведь против вас станут сословия всякой масти капитализма и клерикализма. Также все им слепо верящие. Чтобы Вы могли лучше нас понять, то Вам посылаю образец из нашего издания — на котором точно находится изображение таковой войны¹⁷. Однако же повторяю, то что Вам писал в первом письме, т. е. чтобы не страшились того, что идет на вас, потому что на вашей стороне сам Бог. И не они вас, но вы, как Армия Божия, их уничтожите (Исаия 13:2—9).

¹⁷ Вырезка из неотожествленной польской газеты с картинкой «Armageddon», изображающей битву армии сатаны с армией Бога, находится в этом же деле (л. 13).

А также напоминаю еще раз, т. е. что Христос, Господь так руководит этими делами — что мы вскоре там у вас окажемся. Поэтому было бы хорошо, чтобы вы могли устроить такую Радио-станцию¹⁸, голос которой не могла бы убить никакая другая станция. Тогда я бы каждой недели (sic!) по ней говорил всему свету; и в особенности «христианскому» (сатанинскому) — Иоанн 8:44. Таким образом об'являл бы их подлость и лицемерие до самого основания. — Так как тут не могу...

Кончая это письмо, остаюсь с уважением

Божиего Слова Слуга В. Заборовский.

(Отъезд)¹⁹ наш может совершиться в начале июня сего года. (Отъезжающих будет) числом около тридцати или сорока особ.

6.

Письмо С. Т. Коненкова И. В. Сталину

Л. 15—24

14 июля 1940 г.

Дорогой брат Юсиф Виссаріонович!

Пишу Вам снова, третье послание. Вы не отвѣчаете на первые два, также не отвѣтили и на телеграмму о том, что получили послание. Но что же делать! Вновь предупреждаем Вас, так как час близок. У Вас там будет великое смятение и замѣшание и мы должны Вас увѣдомить о том, а также о том, что до этого мы (последние члены Церкви Христовой) должны быть там у Вас.

А теперь:

Какое будет слѣдствие с того конфликта, который начался там в Европе года 1939? Ибо кто стоял в совѣтъ Господа и видѣл и слышал слово Его? Кто внимал слову Его — и услышал? Вот, идет буря Господня с яростію, буря грозная, и падет на голову нечестивых. Гнѣвъ Господа не отвратится, доколе Он не совершит и доколѣ не выполнит намѣреній сердца Своего; в послѣдующіе дни вы ясно уразумѣете это (Іеремія 23:18—20).

¹⁸ Идея строительства такой станции была очень популярна в послереволюционные годы. В 1918 г. специалисты треста «Государственные радотелеграфные заводы» предложили прямо над кремлевским холмом создать контурную замкнутую линию, укрепив металлические тросы на 350-метровых опорах. Считалась, что такая конструкция позволит вести прямое вещание даже на территорию США. Частичной реализацией этого проекта можно считать строительство Радиостанции им. Коминтерна — знаменитой «башни Шухова» [Аронов 2002: 127—129].

¹⁹ Конец письма размыт и оборван.

Никто из велелѣпнейших... и до самого папы, генералов и тѣх самых которые начали тот конфликт, ни мір, ни изслѣдователи, ни профессора не вѣдают, что будет?

Так как Навухадоносор забыл тот сон, и никто не мог выяснитъ и сам забыл. И хотѣл убить всѣх пророков, а также и Даниила. Даниил отвѣчал царю и сказал: «тайны о которой царь спрашивает, не могут открытъ царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайновѣдцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающій тайны; и Он открыл царю Навухадоносору, что будет в послѣдніе дни» (Даниил 2:27—28). Даниил представлял того, которому Бог дал разумѣть тѣ дѣла, и он повѣдает ... а всѣ чаровники не вѣдают кроме того, что прочтут в газетах. Но, как написано: «не видѣл того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце челоуѣку, что приготовил Бог любящим Его» (Исаія 64:4). А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божіи. Нам, послѣдним членам Церкви Христовой Бог об'явил чрез Духа Своего... Есть Бог на небѣ... Но кто любит Бога, тому дано знаніе от Него (1 Коринѣянам 8:3). Господь долготерпѣлив и велик могуществом и не оставляет без наказанія; в вихрь и в бурѣ шестіе Господа, облако — пыль от ног Его (Наума 1:3).

И возстанет в то время Михаил (Иисус Христос) князь великій, стоящій за сынов народа твоего и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего всѣ, которые найдены будут записанными в книгѣ (Даниил 12:1).

Ибо возстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясенія по мѣстам (Матѳея 24:7).

Катастрофа эта от 1939 г. с осени. А следствіем будет пророчество Іезекиила, глава 38. Читаем 1 и 2 стихи: И было ко мнѣ слово Господне: Сын челоуѣческой обрати лицо твое к Гогу в землѣ Магог, князю Роша, Мишеха и Оувала, и изреки на него пророчество. Гог есть главной причиной времени тяжкаго. Кто он Гог есть? Есть он Гог символическій. Дѣйствительный Гог был праправнуком Рувима (Паралипоменон 5:1—4). Магог был внуком Ноя (1 Моисея 10:1—2). Гог в пророчествѣ Іезекиила дѣйствует в землѣ Магога. Сын Іафета Магог. Магог (sic!) был пред Гогом. Гог деѣствует в землѣ Магога (который был сыном Іафета, потомки котораго заселили Европу). Гог — значит гора распростертая, прикрывающая. Ма-Гог — пред тѣм (гора распростертая, прикрывающая). Оба означают гору (распростертую, прикрывающую). Например: книга пророка Михея 4:1 — И будет в послѣдніе дни: гора Дома Господня поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней народы. Гора означает — царство. Гор (sic!) и Магог — гора распростертая, прикрывающая — царство — распростертое, прикрывающее. А гор много (царств много). В Откровеніи Іоанна 11:15 читаем: И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкіе голоса, говорящіе: царство

міра содѣлалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во вѣки вѣков. Надлежит найти Гору — царство распростертое прикрывающее. Горой той был Ма-Гог, а потом Гог, как читаем у Матѳея 21:21. Исус же сказал им в отвѣт: истинно говорю вам: если будете имѣть вѣру и не усомнитесь, не только сдѣлаете то, что сдѣлано со смаковницею, но если горѣ сей скажете: «поднимись и ввергнись в море» — будет так.

Горѣ ввергнуться в море? Какой горѣ в море? Этого никакіе изслѣдователи не разумѣют.

Есть истинная вѣра, которую Господь уподобил зерну горчичному. У Матѳея 13:31—32 читаем: «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посѣял на полѣ своем. Которое хотя меньше всѣх сѣмян, но, когда вырастает бывает больше всѣх злаков и становится деревом, так-что прилетают птицы небесныя и укрываются в вѣтвях его». Господь засѣял зерно горчичное. Кто имѣет вѣру как зерно горчичное? Церковь Христова имѣет ту вѣру и Церковь скажет горѣ и она ввергнется в море.

То дерево великое — то цѣлый мір — царство распростертое, прикрывающее, номинальное, именующее себя христіанством — распростертое даже до Америки и на вѣтвях того дерева сидят разные пташки-монашки — клерикальныя организаціи. Но Господь сказал: не бойся малое стадо! — зерно горчичное — последніе члены Церкви Христовой (Лука 12:32). Мы увѣрены о вас в Господѣ, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем (2 Фессалоникійцам 3:4).

Горой Магогом — то была одпадшая Церковь — именующая себя христіанством — ставшая большим деревом, с гнездами птиц. Гора та судила цѣлым міром, — звѣрь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный (Даніил 7:7). От 800 года до 1799, когда Наполеон забрал в плѣн папу Пія IV — та гора — царство номинальнаго христіанства.

А от 1914 года — Царство Божіе. И во дни тѣх Царств Бог Небесный воздвигнет Царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит всѣ царства, а само будет стоять вѣчно. В предстоящих 4 годах (от 1941 и по 1944) всѣ царства будут уничтожены. То царство, представленное в Магогѣ от 1914 года постепенно было уничтожаемо, как читаем в Откровеніи 17:15—16. И десять рогов, которые ты видѣл на звѣрѣ, сіи возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ея с'ѣдят, и сожгут ее в огонь.

На мѣстѣ Магога Сатана поставил Гога. Один звѣрь Магог. Другой звѣрь Гог. В Откровеніи Св. Іоанна 13:1—2 говорится о первом звѣрѣ, о Магогѣ. Звѣрь тот вышел из моря. В 4^{ом} стихѣ: И поклонились звѣрю, говоря: кто подобен звѣрю сему и кто может сразиться с ним. В 11^{ом} стихѣ идет рѣчь о другом звѣрѣ о Гогѣ, чрез котораго теперѣ дѣйствует Сатана. И увидѣл я другаго

звѣря, выходящаго из земли; он имѣл два рога, подобные агнчим (поддѣлался под Агнца. Агнец — наш Спаситель Иисус Христос Агнец Божій (Іоанн 1:29).

Другой звѣрь, Гог — то есть Англиканская церковь — Гог з земли вышел — то даже совершает чудеса, даже огонь низводит с неба (Стихи 12 и 13). Он дѣйствует пред ним со всею властію перваго звѣря и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому звѣрю, у котораго смертельная рана исцѣлѣла (После низверженія папы Пія IV Наполеоном I в 1799 г.). И творит великія знаменія так-что и огонь низводит с неба на землю пред людьми. Сатана поставил Гога, видя что Магогу конец. И чудесами, которыя дано было ему творить пред звѣрем, он обольщает живущих на землѣ...

В Абиссиніи --- то Гог дѣлал

В Испаніи --- Гог работал

В Австріи ----Гог. Чехослов(акии) Гог... Данію, Голландію — то Гог дал нѣмцам. Гог чрез англійскій капитал.

Гог этот теперь отдал Францію, отдаст Англию.

Теперь горит Франція и Англія (низводит огонь на землю — творит чудеса).

Сатана хочет расширить ту гору (царство), и сдѣлать одной горой (царством) — чтобы таким образом удержать капитализм, чрез который Сатана владѣет міром.

Когда Сатана, чрез своего агента Гога, который теперь дѣйствует в землѣ Магога, подобьет всѣ народы, тогда он (Сатана) направит Гога на Россію.

Всѣ народы пойдут с Гогом, как читаем у Іезекиіла 38:7. Готовься и снаряжайся — ты Сатана-Гог (Гитлер) и всѣ полчища твои, собравшіеся к тебѣ, — и будь им вождем... 11 стих: И скажешь: поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботных, живущих безопасно... 16. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в послѣдніе дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою Гог — (Гитлер) явлю святость Мою пред глазами их...

От начала, весь этот раздѣл пророчества относится к походу Гога (Гитлера) на Россію.

Что значит Израиль? 1 Моисея 32:24. И остался Іаков один. И боролся Нѣкто с ним, до появленія зари... Стих 28: И сказал: отнынѣ имя тебѣ будет не Іаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом. Имя Израиль значит солдат Божій. Ежели солдат — Израиль, войско состоит из солдат-израильтян, войско Израиля — красная армія, Армія Божія — солдаты Божіи; как читаем у Исаи 13:2—4. Поднимите знамя на открытой горѣ, возвысьте голос; махните им рукою, чтобы шли в ворота властелинов. Я дал повелѣніе избранным Моим и призвал для совершения гнѣва Моего сильных Моих, торжествующих в величіи Моем (послѣдніе члены Церкви Христовой). Большой шум на горах, как бы от многолюднаго народа, мятежный шум царств и народов, собравшихся вмѣстѣ.

Господь Саваоѣ обозрѣвает боевое войско (красная Армия) — Иоиль 2:11. И Господь даст глас Свой пред воинством своим (Красной Армией) ибо весьма многочисленно полчище Его (полчище трудящихся работников всего свѣта).

Внѣ дома — меч, а в домѣ — мор и голод. Кто в полѣ, тот умрет от меча, а кто в городѣ, того пожрут голод и моровая язва. А уцѣлѣвшіе из них убѣгут и будут на горах, как голуби долин (Иезекиил 7:15—16).

Что здѣсь сказано, то скоро скоро (sic!) станет.

Всѣ народы, Англія, Франція, Германія ударят на Россію. И поднимешь-ся как буря, пойдешь как туча, чтобы покрыть землю — ты (Сатана, чрез символическаго Гога — Гитлера) и всѣ полчища твои и многіе народы с тобою... И будет в тот день, когда Гог придет на землю Израилеву (Россію) говорит Господь Бог, гнѣв Мой воспылает в ярости Моей... истинно в тот день произойдет великое потрясение на землѣ Израилевой (в Россіи).

Да, там, в землѣ Израилевой (в Россіи) будет разруха, великое потрясеніе. Стих 20. И вострепещут от лица Моего рыбы морскія (богатые люди) и птицы небесныя (научители — секты религиозныя) и звѣри полевые и всѣ пресмыкающіеся, ползающіе по землѣ (звѣри — люди, пресмыкающіеся, ползающіе — то господствующая еще глупота в рабочем классѣ) и всѣ люди, которые на лицѣ земли, и обрушатся горы и упадут утесы, и всѣ стѣны падут на землю. То та вся масса, темная еще пойдет против.

И тогда Господь начнет воевать. И тутто начнется благовѣствованіе Церкви Божіей (последних членов Церкви Христовой). Она (Церковь — последніе члены) оповѣдаст благовѣствованіе и тогда обрушатся на Гога...

Стихи 21—23: И то всѣм горам Моим призову (чрез Церковь Свою — последних членов ея — которые — члены суть уста Господни (Из уст же Его исходил острый меч, чтобы им поражать народы) — Откровеніе 19:15. Меч против него (Гога) говорит Господь Бог; меч каждаго человѣка будет против брата его. И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитіем, и пролью на него и на полки его и на многіе народы, которые с ним всепотопляющій дождь и каменный град, огонь и сѣру. И покажу Мое величіе и святость Мою, и явлю Себя пред глазами многих народов — и узнают, что Я — Господь.

Меч на брата — то один против другаго.

Дождь — великую правду чрез Церковь (последних членов).

Огонь и сѣру — уничтоженіе.

И будет с Гогом и со всѣми царствами то, что с Содомом и Гоморрой, и так как написано у пророка Іереміи 50:35—40: Меч на Халдеев, говорит Господь, и на Жителей Вавилона, и на князей его и на мудрых его. Меч на обаятелей, и они обезумѣют, меч на воинов его, и они оробѣют. Меч на коней его, и на колесницы его и на всѣ разноплеменные народы среди него, и они будут как женщины; меч на сокровища его, и они будут расхищены. Засуха на

во'ды его, и онѣ изсякнут; ибо это земля истуканов, и они обезумѣют от идольскихъ страшилищ. Какъ ниспровержены Богомъ Содомъ и Гоморра и соседніе города ихъ, говоритъ Господь, такъ и тут...

Иезекиилъ 39: Тамъ Гогъ найдетъ гробъ.

Ты же Сынъ человѣчѣскій, изреки пророчество на Гога и скажи: такъ говоритъ Господь: вотъ Я — на тебя, Гогъ, князь Роша, Мешеха и Оувала! Я поверну тебя и поведу тебя и выведу тебя отъ краевъ сѣвера и приведу тебя на горы Израилевы (въ Россію) — въ Совѣтскій Союзъ. И выбью лукъ твой изъ лѣвой руки твоей и выброшу стрѣлы твои изъ правой руки твоей. Падешь ты на горахъ Израилевыхъ (въ Россіи), ты и всѣ полчища твои и народы, которые съ тобою... И пошлю огонь (революцію и анархію) на землю Магогъ (номинальное христіанство)... И явлю святое имя Мое среди народа Моего, Израиля (народа Божія — послѣднихъ членовъ Церкви Христовой и солдатъ Божіихъ, Арміи Божіей — Красной Арміи) и не дамъ впередъ безславить святаго имени Моего — и узнаютъ народы, что Я — Господь, Святыи въ Израилѣ. Вотъ это придетъ и сбудется говоритъ Господь Богъ, это — тотъ день, о которомъ я сказалъ.

На весну 1941 года сбудется слѣдующее: И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на часъ и день, и мѣсяцъ, и годъ, для того, чтобы умертвить третью часть людей. Число коннаго войска было двѣ тѣмы темъ; и я слышалъ число его. (Тѣма = 10.000. Тѣма темъ = $10.00 \times 10.000 = 100.000.000$. Двѣ тѣмы темъ = $2 \times 100.000.000 = 200.000.000$). Двѣсти милліоновъ Армія Божія, Красная Армія + красная рабочая армія всего міра. Эта Армія Божія будетъ воевать съ Арміей Сатаны, которая также будетъ весьма велика, но которая будетъ побѣждена. Битва будетъ до 1944 г. Затѣмъ придетъ анархія и будетъ до 1946. И за этотъ періодъ времени человѣчество потеряетъ 700 (семьсот) милліоновъ людей. Господь сказалъ, что погибло бы все человѣчество (какъ во дни Ноя, при потопѣ всѣ погibli, за исключеніемъ Ноя и его семьи), такъ было бы и тутъ. «И если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранныхъ сократятся тѣ дни. В оригиналѣ написано, чрезъ избранныхъ (чрезъ Церковь Божію, послѣднихъ членовъ), которые выступятъ тогда съ оповѣщеніемъ Евангелія Покоя (міра). Мы выступимъ отсюда изъ Россіи съ проповѣдью, чтобы люди успокоились, такъ какъ наступило Царство Божіе. И люди успокоятся и узнаютъ, что это такъ».

Такъ говоритъ Господь Саваоѣ: будетъ въ тѣ дни, возмущатся десять человекъ (десять въ свѣщенномъ) Писаніи означаетъ всѣ) изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возмущатся за полу Иудея и будутъ говорить: мы пойдѣмъ съ тобою ибо мы слышали что съ вами Богъ.

Тотъ Иудейъ есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ. А пола его — то послѣдніе члены Церкви Христовой. И будучи таковыми по волѣ Божіей и свидѣтельствуемъ о томъ Вамъ. Вы также вскоре признаете то, о чемъ написано у пророка Даніила 3:28. Тогда Навуходоносоръ сказалъ: «благословенъ Богъ Седраха,

Мисаха и Авденага, который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих, которые надъялись на Него и не послушали царскаго повелѣнія, и предали тѣла свои огню, чтобы не служить и не поклоняться иному богу, кромѣ Бога своего. И от меня дается повелѣніе, чтобы из всякаго народа, племени и языка кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденага, был изрублен в куски, и дом его обращен в развалины, ибо нѣтъ инаго Бога, который мог бы так спастись». Седрах, Мисах и Авденага — представляют символ Церкви Христовой — ея послѣдних членов — тот символ их *вѣра, надежда и любовь*. Навуходоносор их бросил в печь. Так Вы поступите с нами. Опять таки символически. По Вашему распоряженію мы будем брошены в раскаленную печь. Это означает, что мы окажемся там как бы в печи, т. е. кругом будет все в пламени возстанія и революціи, а Россія — Совѣтскій Союз будет как бы серединой печи, гдѣ пламя огня революціи не будет касаться (Даніил 3:19—27). И гдѣ мы будем²⁰ развязаны — свободны: стих 27.

Заканчивая это посланіе, указываю Вам на пророчество о нашем путешествіи к Вам.

И было ко мнѣ слово Господне: Сын человѣческой; изреки пророчество, и скажи: так говорит Господь Бог: рыдайте! О, злосчастный день! Ибо близок день, так! близок день Господа, день мрачный; година народов наступает. И пойдет меч на Египет, и ужас распространится в Ефіопіи, когда в Египтѣ будут падать пораженные, когда возмут богатство его, и основанія его будут разрушены... падут подпоры Египта, и упадет гордыня могущества его (в Св. Писаніи Египет означает — мір, человѣчество). И узнают, что Я — Господь, когда пошлю огонь (анархія — за революціей) на Египет, и всѣ подпоры его будут сокрушены.

В тот день пойдут от Меня *вѣстники* на кораблях (*послѣдніе члены Церкви Христовой*) чтобы устрашить безпечных Евіоплян, и распространится у них ужас, как в день Египта; ибо вот он идет. Так говорит Господь Бог: положу конец многолюдству Египта рукою Навуходоносора, царя Вавилонскаго.

Также у Исаіи написано: Идите *быстрые послы* (*послѣдніе члены Церкви Христовой*), к народу крѣпкому и бодрому, к народу страшному от начала и до нынѣ, к народу рослому и все попирающему, котораго землю разрѣзывают рѣки (к большевикам в Россію, в Совѣт Юніон). Всѣ вы, населяющіе вселенную и живущіе на землѣ! Смотрите когда знамя поднимется на горах, и, когда загремит труба, слушайте! — Исаія 18:2—3. — Об этом Вам писал брат Заборовскій, что он будет каждую недѣлю говорить по радіо ко всему свѣту.

В 20^м стихе 24^{го} роздѣла Евангелія от Матѳея написано: Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою... То показывает что нам там нужно быть возможно скоро. А там нам предстоит работа.

²⁰ См. рис. 3 на вклейке.

И видѣл я одного Ангела стоящаго в солнцѣ; и он воскликнул громким голосом, говоря всѣм птицам, летающим по срединѣ неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божію. Чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всѣх свободных и рабов, и малых и великих. И увидѣл я звѣря и царей земных и воинства их, собранныя, чтобы сразиться с Сидящим на конѣ и с воинством Его (Откровение 19:17—18)

Ангел в солнцѣ — это олицетворяет послѣдних членов Церкви Христовой. И они то сдѣлают тот призыв ко всѣм организациям міра, чтобы выступить против атакующих армій Сатаны. А пир будет, так как Армія Сатаны будет побита. А когда атакующая Армія Сатаны будет побита — то пир будет, будут радоваться всѣ в Арміи Божіей, как радовались в Россіи освобожденные от рабства капиталистов и помещиков.

Гдѣ будет то великое сраженіе я уже Вам писал и указывал. То написано у пророка Іоіля 3:9—17. Однакоже повторю снова; так Господь сказал. Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войнѣ, возбудите храбрых; пусть выступают, поднимутся всѣ ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши — на копья; слабый пусть говорит: «я силен». Спѣшите и сходитесь, всѣ народы окрестные, и собирайтесь; туда, Господи, веди Твоих героев. Пусть воспрянут народы и низойдут в долину Іосафата; ибо там Я возсяду, чтобы судить всѣ народы отвсюду. Пустите в дѣло серпы, ибо жатва созрѣла; идите спуститесь, ибо точило полно и подточилія переливаются, потому что злоба их велика. Толпы, толпы в долинѣ суда Солнце и луна померкнут и звѣзды потеряют блеск свой. И возгремит Господь с Сіона, и даст глас Свой из Іерусалима; содрогнутся небо и земля; но Господь будет защитою для народа Своего и обороною для сынов Израилевых. Тогда узнаете, что Я — Господь Бог ваш обитающій на Сіонѣ на святой горѣ Моей.

Посылаю это посланіе Вам, дорогой брат Іосиф Виссаріонович, выполняя поручение Божіе переданное мнѣ чрез Его слугу брата Заборовскаго. Принося благодареніе Отцу Небесному чрез Его возлюбленнаго Сына, а нашего Спасителя и Господа Иисуса Христа, прошу принять наши хрістіанскія привѣтствія Вам и Вашим помощникам и сотрудникам, а также привѣтствуем Красную Армію — солдат Божіих — Израильтян.

Остаюсь вѣрный Господу навсегда

С. Коненков²¹.

²¹ Далее (л. 25—35) следует написанный тем же почерком текст с самостоятельной авторской пагинацией. Это приложение, в котором содержатся стихи С. Коненкова и его соображения относительно бытія Божьего, мы не приводим.

7.

Письмо С. Т. Коненкова И. В. Сталину

Л. 36—39

S. Konenkov
37 West 8 Street
New-York, N.Y.

15 января 1941 г.

Дорогой

Брат Иосиф Виссарионович!

Приближается весна 1941 г., а с ней и то тяжкое время, о котором наш Господь, Иисус Христос, сказал: «Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира донынѣ, и не будет. И еслибы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Матѳея 24:21—22).

«И будут знаменія в солнцѣ (солнце олицетворяет истинныя науки Христа) и лунѣ (луна означает закон, данный чрез Моисея в 10 заповѣдях) и звѣздах, (звезды означают науки, данныя чрез Апостолов) а на землѣ уныніе народов и недоумѣніе; и море возшумит и возмутится (революціонныя массы народов). Люди будут издыхать от страха и ожиданія бѣдствій, грядущих на вселенныю»... (Луки 21:25—26).

Здѣсь говорится о революціи, которая начнется с весны сего 1941 г. И мы снова повторяем, что прежде нежели начнется революція, мы должны быть там в Москвѣ. Эту революцію вызовет Церковь Христова (последніе ея члены, кот(орые) находятся теперь на землѣ). Вызовет таким образом, как сказано в Откровеніи 19:17: «И увидѣл я одного Ангела, стоящаго на солнцѣ; и он воскликнул громким голосом (по радіо ко всѣм, всѣм) говоря всѣм птицам, летающим по срединѣ неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всѣх свободных и рабов, и малых и великих». Этот призыв сдѣлает Церковь Христова (Последніе ея члены) ко всѣм рабочим организаціям всего мира — как символически то обобщено в Откровеніи и как то разумѣют только «мудрые»; как написано у пророка Даниила 12:9 ... «сокрыты и запечатаны слова сіи до послѣдняго времени... и не уразумѣет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумѣют. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христѣ» (1 Коринѳ. 4:10).

Прилагаю рисунок²² к словам пророка Іезекиіля 30:25. «Укрѣплю мышцы царя Вавилонскаго, а мышцы у фараона опустятся; и узнают, что Я — Господь, когда меч Мой дам в руку царю Вавилонскому, и он прострет его на

²² См. рис. 4 на вклейке.

землю Египетскую». Как мы уже писали Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, — царь Вавилонский — Навуходоносор — фигура на Вас. Как там Господь называл Навуходоносора рабом (службой) своим: «Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего...» (Иереміи 43:10), так и теперь Вы служите Богу — выполняете план Божій установления царства Божія.

Весной всѣ капиталистическія страны ударят на Совѣтскій Союз. Гитлер измѣнит Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, как в символѣ (фигурѣ) Седекія, царь Іерусалимскій, измѣнил царю Навуходоносору, как читаем о том: «...и отложился от царя Навуходоносора, взявшаго клятву с него именем Бога, — и сдѣлал упругою шею свою»... (2 Паралип. 36:11—13) ...так поступит и Гитлер. И тогда Вы вынуждены будете взяться за меч. И так как это дѣло Божіе, то Господь даст Вам в руку меч... будет с Вами; и эта война будет Божія; как написано: ...«слушайте жители и царь Іосафат. Так говорит Господь к вам: не бойтесь и не ужасайтесь множества сего великаго (всѣх капиталистических) Армій), ибо не ваша война, а Божія... Посему и называется то мѣсто долиною благословенія до сего дня» (2 Паралип. 20:15—26). И битва та будет происходить так как написано у пророка Іоілия 3:9—17.

Имя Іосафат — означает — Господь судья. На этой долине будет происходить суд Божій.

JE-NOSH-A-PHAT означает God is judge — Господь судья. Долина Іосафата — значит долина суда Божія Земля Египетская — означает народы всего міра — не принявшіе еще Царства Божія (находящіеся во тьмѣ — в Египтѣ). Вавилон — означает — ворота Бога. BAV'-Y-LON, gate of God.

Слуга Божій, Брат Заборовскій в запискѣ²³, кот(орую) я прилагаю пишет: Знаете ли Вы, что Святое писаніе говорит, что от 1948 г. люди умирать не будут? И среди этих людей Вы, дорогой Брат Иосиф Виссарионович, и тѣ, которые способствовали установленію Царства Божія здѣсь на землѣ, умирать не будете. Послѣ 1948 г. войны не будет болѣе никогда. Царство Божіе будет от того года проповѣдано чрез Церковь Христову (последних ея членов) и принявшіе Царство Божіе умирать не будут. Свидѣтельствую и я словом Божіим и подтверждаю именем Господа нашего Іисуса Христа: «И увидѣл я новое небо и новую землю (новые порядки под управленіем Господа нашего Іисуса Христа); ибо прежнее небо и прежняя земля миновали (ста-

²³ Л. 47. К газетной статьѣ «Can't Find Air Raid Damage in Aerial Tour of Germany» прикреплена польская записка В. Заборовскаго и русскій перевод: «Вот еще один довод того, что Вам писал, т. е. что между Англійей и Нѣмцами войны нѣт. Но, вѣрнѣе, они всѣ готовятся на вас, голубчики (большевики).

А теперь, знаете ли Вы, что Св. Писаніе говорит: что от 1948 г. люди перестанут умирать? Из которых Вы будете первым?

Слуга Слова Божія В. Заборовскій».

рыя общественныя утсройства) и моря уже нѣтъ» (волнующихся революціонных масс людей).

Іоанн означает послѣдних членов Церкви Христовой. Об Іоаннѣ сказал наш Господь: «...если Я хочу, чтобы он пребыл пока прійду»... (Іоанна 21:22). Теперь Господь пришел второй раз, чтобы установить Свое Царство, и его послѣдніе члены Церкви находятся здѣсь на землѣ теперь. Они то и представляют символическаго Іоанна: «И я Іоанн увидѣл святой город Іерусалим, новый, сходящій от Бога с неба, приготовленный как невѣста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкій голос с неба, говорящій: се skinія Бога с челоуѣками, и Он будет обитать с ними; они будут его народом, и Сам Бог с Ними будет Богом их; и отрет Бог всякую слезу с очей их, и *смерти* не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будет; ибо прежнее прошло» (Откровеніе 20: 1—4).

Скоро мы увидимся Вами, дорогой Іосиф Виссарионович, и Вы будете бесѣдовать с нами, как написано у пророка Даниїла: «По окончаніи тѣх дней, когда царь приказал представить их (Церковь Христову, послѣдних ея членов) начальник евнухов представил их Навуходоносору (Вам). И царь говорил с ними (с нами) и из всѣх отроков не нашлось подобных Даниїлу: Ананіи, Мисаилу и Азаріи, *и стали они служить пред царем*» (Даниїла 1:18—21). Даниил, Ананія, Мисаил и Азарія — обозначают символически послѣдних членов Церкви Христовой. Когда Вы прочитаете это письмо, то поступите так, как написано: «Тогда Навуходоносор исполнился ярости и вид лица его измѣнился на Седраха, Мисаха и Авденаго» (Даниїл 1:7) и он повелѣл разжечь печь в семь раз сильнѣе, нежели как обыкновенно разжигали ее... А сіи три мужа — Седрах, Мисах и Авденаго — упали в раскаленную огнем печь связанные. Навуходоносор царь измѣнился и поспѣшно встал и сказал вельможам своим: не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? Они в отвѣтъ сказали царю: «истинно так царь!» На это он сказал: вот я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нѣтъ им вреда; и вид четвертаго подобен Сыну Божію (Дан 3: 19—25).

Рисунок печи мы уже Вам послали. Печь та уже пылает и скоро будет раскалена чрезвычайно. И от соприкосновенія с той печью загорятся всѣ капиталистическія царства так что попалят *огонь* (революція) даже до корней, и так что не оставит у них ни корня ни вѣтвей (Малахіи 4:1).

Имя Навуходоносор означает — господствующій во время плача и горести. NEB'-U-CHAD-NEZ-ZAR, princ of the god Nebo. А мы (послѣдніе члены Церкви Христовой) *будем служить Вам в это тяжелое время до перваго года царя Кира*, как сказано у пророка Даниїла 1:21. Кир означает — солнце, — сіяніе. CY-RUS, sun, splendour. Это означает, что мы будем у Вас до полного сіянія-солнца, т. е. до поры полного свѣта Царства нашего Господа Іисуса Христа. А это будет вскорѣ по 1948 г.

Заканчивая это послание к Вам, дорогой Брат, Иосиф Виссарионович, шлем Вам наши сердечные приветствия.

Остаюсь вѣрный Господу навсегда

С. Коненков

Литература

- Аронов 2002 — *Аронов В.* Конструктивный минимализм Шухова // Пинакотекa. Вып. 15. М., 2002. С. 122—131.
- Боброва 1992 — *Боброва С. Л.* Творчество С. Т. Коненкова в 1920—1940 годы. М., 1992.
- Боброва 1999 — *Боброва С. Л.* Идея космизма в русской культуре XX века // Художественные модели мироздания: взаимодействие искусств в истории мировой культуры. Кн. 2. Взаимодействие искусств в поисках нового мира. М., 1999. С. 43—53.
- Боброва, Одноколенко 2001 — *Боброва С., Одноколенко О.* Влюбленный Эйнштейн // Итоги. 2001. № 29 (267). С. 34—47.
- Боброва, Одноколенко 2004 — *Боброва С., Одноколенко О.* Библия Коненкова // Итоги. 2004. № 28 (422). С. 74—79.
- Художники IV — Художники народов СССР. XI—XX в.: Биобиблиогр. словарь. Т. 4. СПб., 2002.

«И НА ЗАРЕ КАКОЙ-ТО НОВОЙ ЖИЗНИ...»

Филологическая проза

А. К. Жолковский

Университет Южной Калифорнии

В 1960-е гг. структурные лингвисты припали к стопам математики в надежде с ее помощью добиться наконец для своей науки статуса точной. Математиков они ценили за умение НЕ ПОНИМАТЬ их работы и снисходительное согласие учить их если не уму-разуму, то хотя бы осмысленному владению предметом их собственных исследований — языком.

Один кружок метаязыкового ликбеза вел Владимир Андреевич Успенский. Очередное занятие он начал с вопроса, решил ли кто-нибудь задачу, заданную на дом. Пожилой человек в очках со слуховым аппаратом поднял руку и был вызван к доске.

- Пожалуйста, сообщите нам полученный ответ.
- Так как...
- Простите, вы сказали, что у вас есть ответ. Сообщите его.
- Вот я и говорю, что, так как...
- У вас есть ответ?
- Есть. Так как...
- Нет. ОТВЕТ НЕ МОЖЕТ НАЧИНАТЬСЯ С «ТАК КАК». Садитесь.

Математики не только делились своими умениями, но готовы были освоить и достижения лингвистов. Однако дело опять-таки сводилось к совместным садо-мазохистским упражнениям по переводу туманных лингвистических понятий на разумный, т. е. понятный математикам, язык. Когда в ходе семинара, который вели А. А. Марков и В. А. Успенский (математики) и А. А. Зализняк (лингвист), Марков услышал, что определение фонемы зависит от контекста, он радостно пропел своим язвительным фальцетом:

- В одном случае надо учитывать двадцать шестую фонему сле-е-ва, в другом — двадцать седьмую фонему спра-а-ва... Это могут понять только лингви-и-сты, с их то-о-нкой интуи-и-цией и бога-а-той эруди-и-цией...

Рассказывая на этом семинаре о разложении смысла слов на семантические атомы, я отделался легкими ушибами — потому, что мое выступление было заранее режюмировано благожелательно представившим меня Успенским:

— А сейчас мы прослушаем доклад на тему... как бы это получше сформулировать тему вашего доклада, Александр Константинович? ... на тему о том, что: ЛИШИТЬ — значит ЗАСТАВИТЬ! ПЕРЕСТАТЬ!! ИМЕТЬ!!!

Более травматическим был мой опыт с выступлением на аналогичном семинаре, возглавлявшемся другим корифеем математики — Израилем Моисеевичем Гельфандом. Если садистские игры Маркова и Успенского носили, так сказать, балетно-фехтовальный характер, то Гельфанд предпочитал бокс, без перчаток. Тем более, что в его семинаре проверке на стойкость подвергались заведомо крепкие орешки — разного рода естественнонаучные модели человеческого поведения: физические, биологические, медицинские. Лишь в порядке исключения был поставлен доклад по лингвистике — наша с Мельчуком работа о лексических функциях.

Говорил, естественно, Мельчук, с блеском отразивший все атаки, но тень славы упала и на меня. Узнав, что я занимаюсь чем-то подобным в поэтике, Гельфанд предложил мне тоже как-нибудь выступить. В своей роли нахального молодого гения я согласился. Я, конечно, понимал, что рискую вдвойне, если не втройне: поэтика дело еще более сомнительное, чем лингвистика, авторитет у меня не тот, что у Мельчука, и вообще, один раз сошло, больше не суйся.

Мой соавтор Юра Щеглов выступать и даже прийти отказался. Я же явился в полемическом всеоружии, решив отвечать ударом на удар. В этом я полагался как на свои импровизаторские способности, так и на домашние заготовки. Я видел себя Фанфаном-Тюльпаном, разложившим по всем подоконникам осажденного замка заряженные ружья и на бегу поочередно палящим из них. Мазохизм — хорошо, но садизм лучше.

Гельфанд начал с неожиданного маневра — не пришел ни в назначенное время, ни полчаса спустя. Я ответил предложением либо начать без него, либо разойтись. Начали. Я говорил минут пятнадцать, когда он, наконец, появился.

— Ага, вы уже начали. Это очень хорошо. Давайте попросим кого-нибудь повторить то, что тут говорилось.

Вызванный стал нести нечто бессвязное, и Гельфанд удовлетворенно остановил его:

— Прекрасно. Будем считать, что ЗДЕСЬ НИЧЕГО НЕ БЫЛО СКАЗАНО. Начнем сначала.

Выбора у меня не было, я начал сначала, а Гельфанд стал ходить по аудитории, наклоняясь то к одному, то к другому из участников.

— Вот тут говорят: неинтересно.

— Если неинтересно, можно не продолжать. Мне интересно, но я, собственно, все это уже знаю.

— Что вам нужно, чтобы сделать это интересным для нас?

— Чтобы меня не перебивали минимум двадцать минут.

— Хорошо, продолжайте.

Не выдержал он минут через пять.

— Говорят, неубедительно. Что вы думаете по этому поводу?

— Полагаю, что это очевидно.

— Что очевидно?

— Что я думаю, что двадцать минут не прошло.

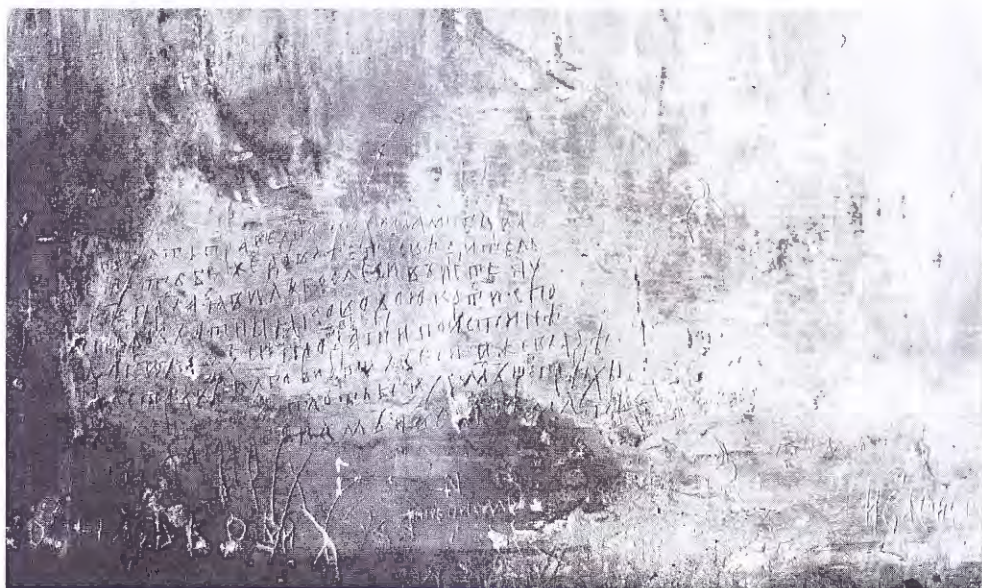
Больше меня не перебивали. Я выписал на доске приемы выразительности, начертил схемы порождения и кое-как дотащил этот воз. Последовала дискуссия, действительно, неинтересная. Один из слушателей, в свободное время занимавшийся живописью, даже встал на мою защиту и начал разъяснять остальным, что в искусстве есть множество технических задач, вроде надевания холста на подрамник и грунтовок, и вот эти-то аспекты и моделируются в доложенной работе. Сам Гельфанд, в какой-то момент смягчившись, сказал, что из десятка выписанных на доске приемов выразительности седьмой кажется ему интересным.

— А вы как думаете? — спросил он.

— Думаю, они все интересны, и уж никак не по отдельности.

Толку от этого выступления не было никакого, если не считать полученной инициационной заалки и, конечно, виньеточного материала. Впрочем, своему огорченному шефу В. Ю. Розенцвейгу я предсказал, что Гельфанд еще пересмотрит свою оценку. Так и случилось — он позвонил В. Ю. сказать, что что-то в этом все-таки есть. Когда у нас со Щегловым вышел соответствующий препринт, я послал его Гельфанду с посвящением по-английски: «Без надежды на спонсирование нашей деятельности Вашим Адским Фондом (Hell Fund)». В общем, программное непонимание, практически полное, было достигнуто.

Иллюстрации к статье Т. В. Рождественской



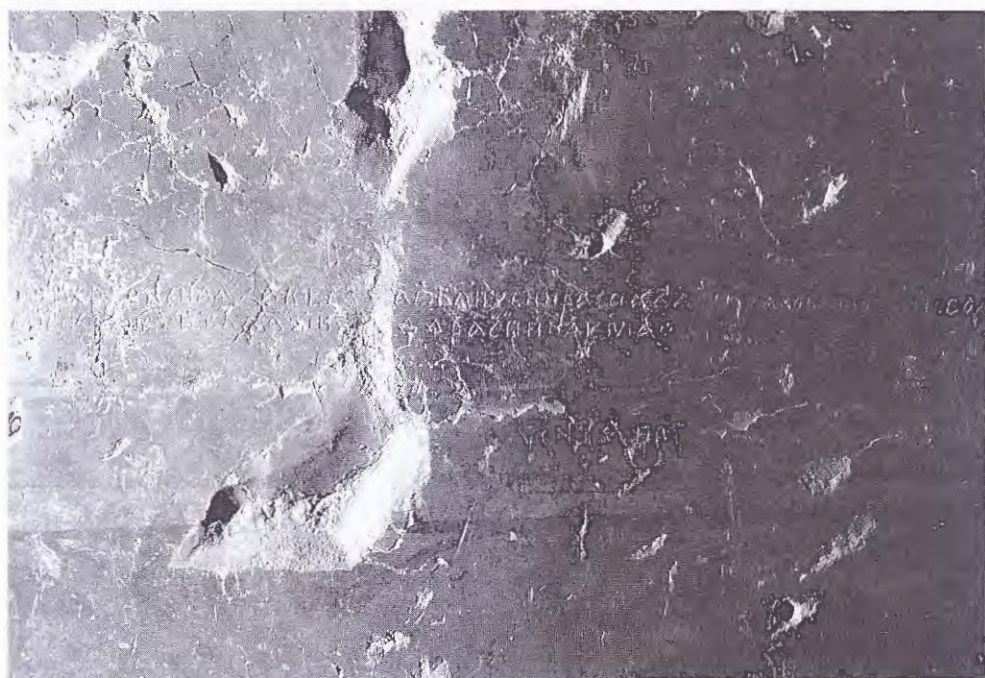
Илл. 1



Илл. 2



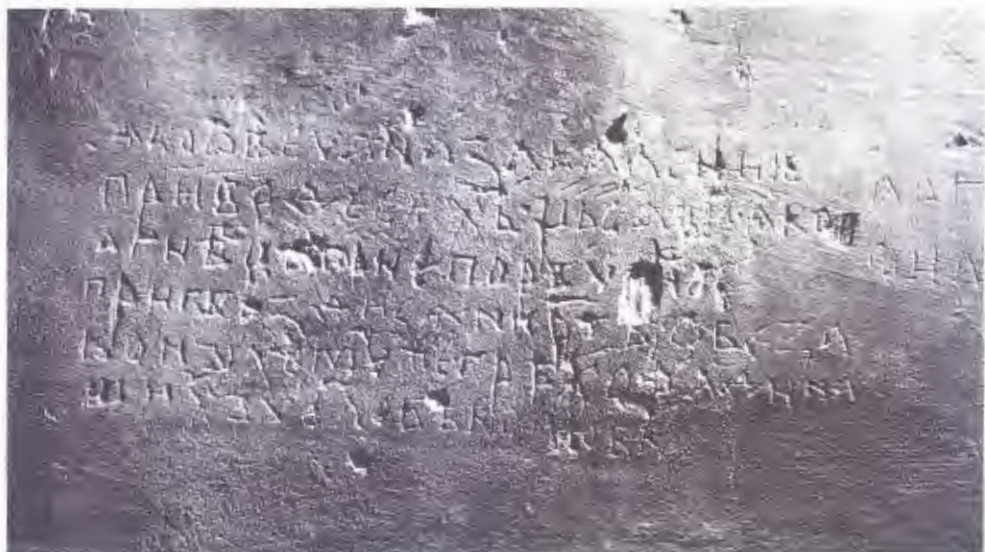
Илл. 3



Илл. 3а



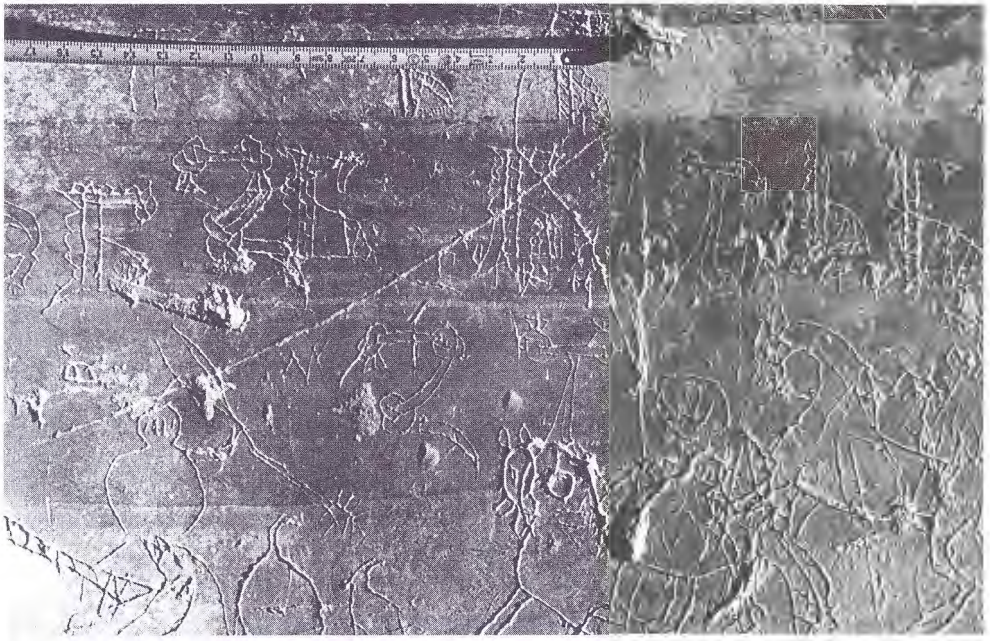
Илл. 4



Илл. 5



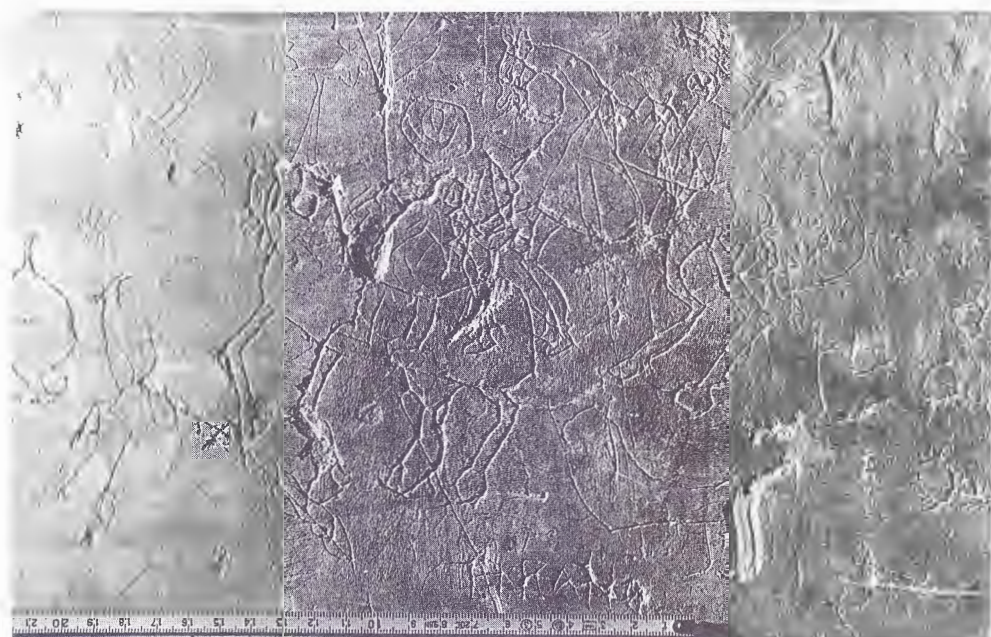
Илл. 6



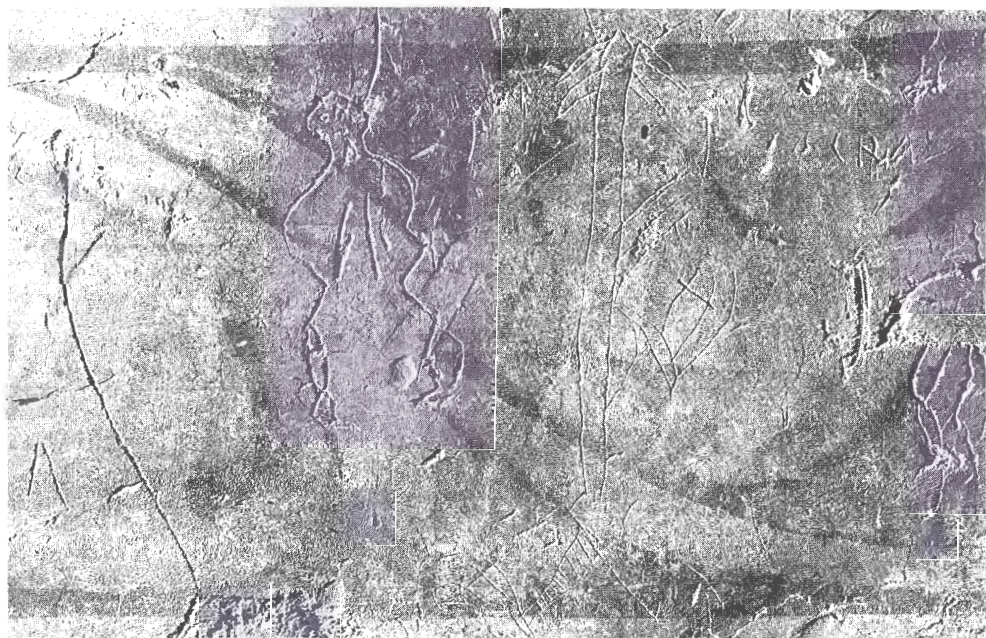
Илл. 7



Илл. 8



Илл. 9



Илл. 10

Иллюстрация к статье Дж. Броджи



Иллюстрации к статье А. Г. Кравецкого

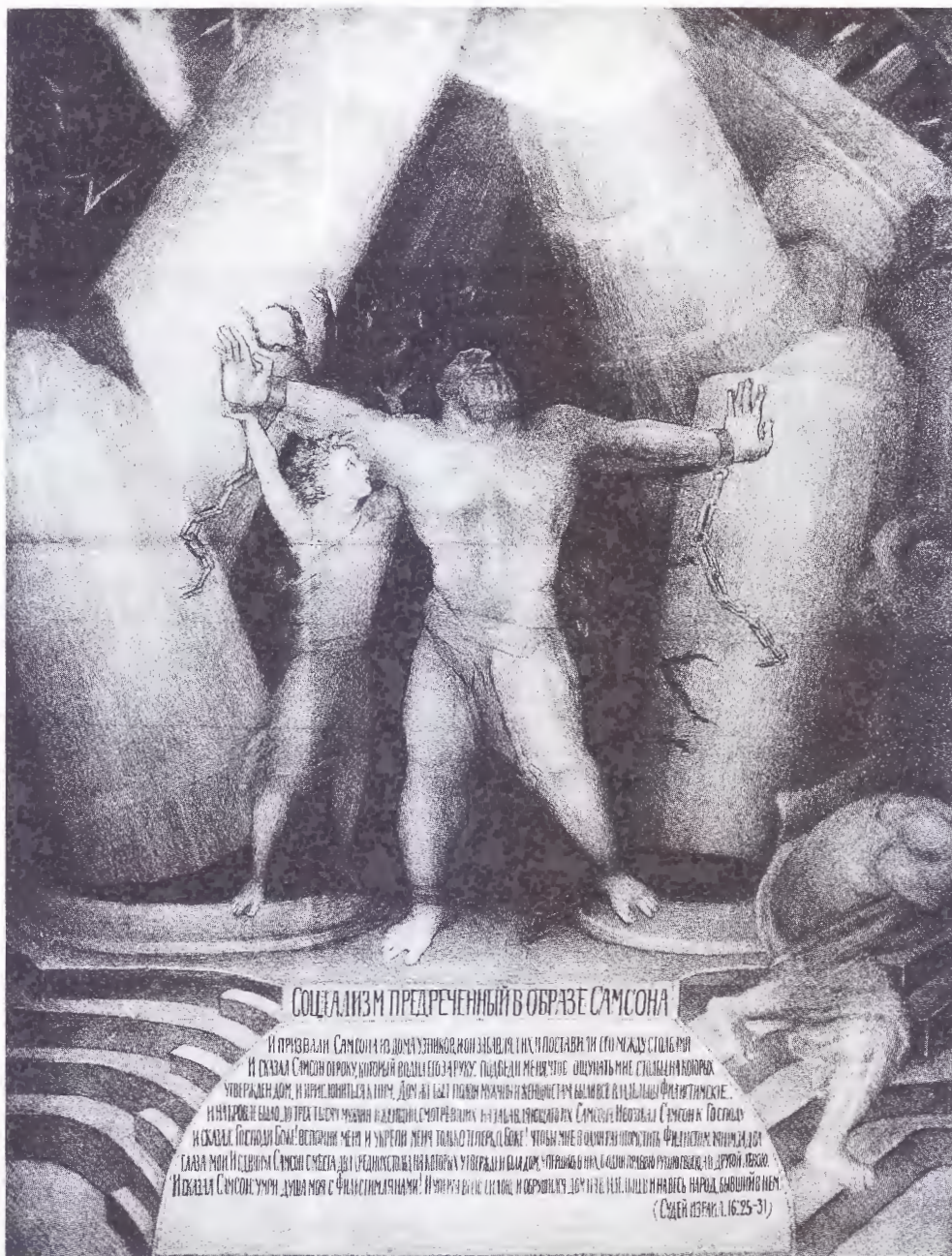


Рис. 1



Рис. 2

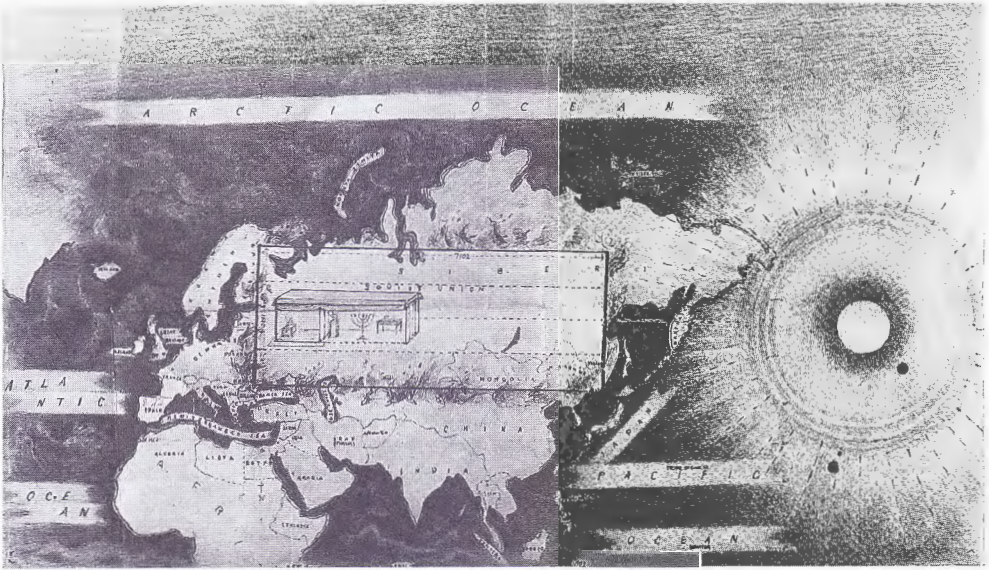


Рис. 3

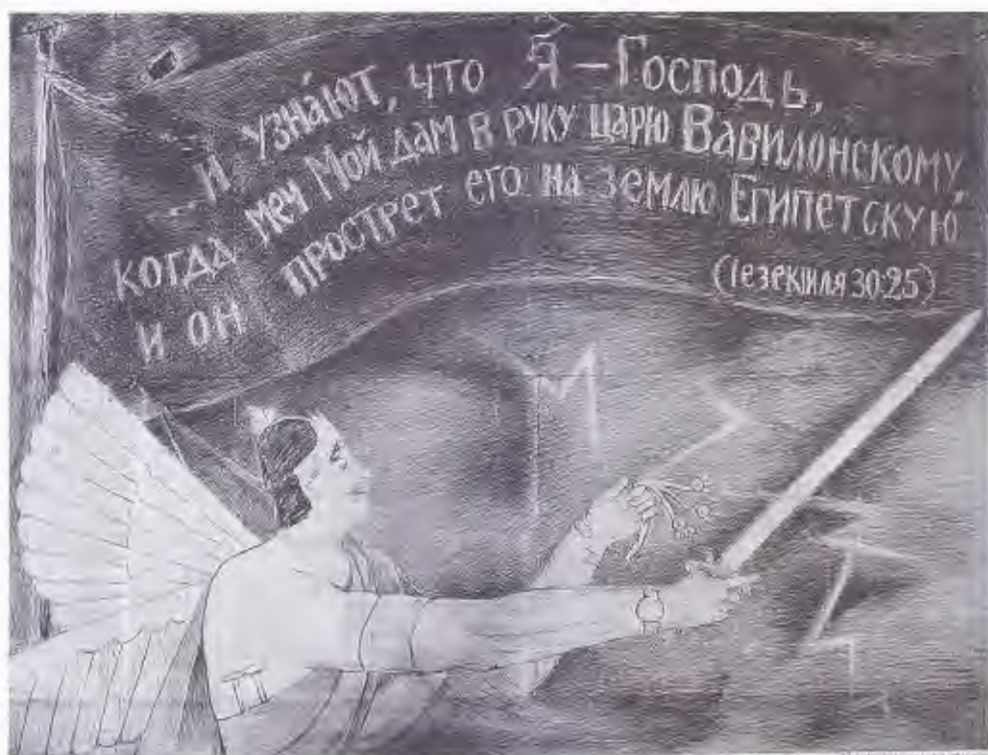


Рис. 4



Рис. 5

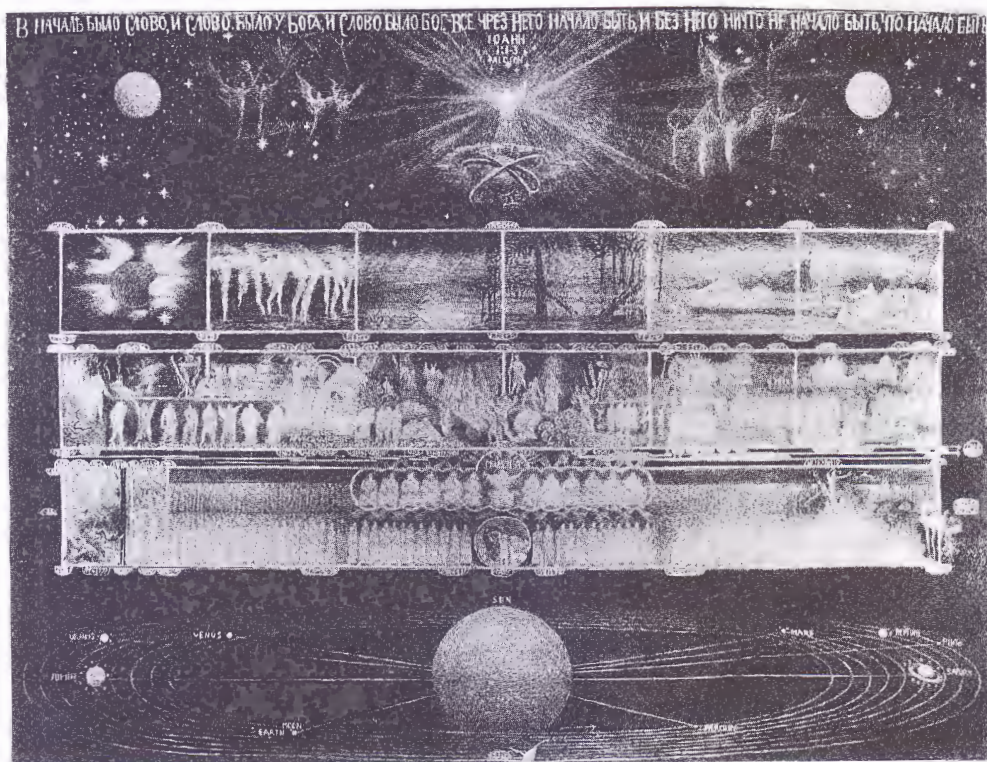


Рис. 6

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВИКТОРА МАРКОВИЧА ЖИВОВА

1967

- Опыт анализа сложных существительных русского языка // Материалы XXII науч. студ. конф. — Тарту, 1967. — С. 142—147.
- Соотношение некоторых интуитивных семантических критериев // Третья межвуз. студ. конф. по проблемам структурной и прикладной лингвистики. — М., 1967. — С. 11—13.

1971

- Типология сочетаний согласных в русских говорах // Вопр. языкознания. — 1971. — № 2. — С. 69—82.

1972

- Залог // Большая советская энциклопедия. — Т. 9. — М., 1972. — С. 315.
- Тавтология // Краткая литературная энциклопедия. — Т. 7. — М., 1972. — С. 326.
- Д. И. Ушаков // Краткая литературная энциклопедия. — Т. 7. — М., 1972. — С. 860.
- Условные языки // Краткая литературная энциклопедия. — Т. 7. — М., 1972. — С. 841—842. — В соавт. с Т. В. Венцель.

1973

- «Август четырнадцатого» и русское историческое самосознание // Август четырнадцатого читают на Родине: Сб. ст. и отзывов. — Париж, 1973. — С. 83—99. — Под псевд. *И. Тропинин*.
- Проблемы синтагматической фонетики в свете типологии языков // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучения произношению. — М., 1973. — С. 20—23.
- Сакральные образы в русской поэзии // Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. — Тарту, 1973. — С. 76—85.

- Типологические заметки // Лингво-типологические исследования. — Ч. 1. — М., 1973. — С. 240—249.
- Центр и периферия в фонологической организации слова // Лингво-типологические исследования. — Ч. 1. — М., 1973. — С. 80—163.
- Канцеляризм // Большая советская энциклопедия. — Т. 11. — М., 1973. — С. 341. — Б. п.
- Клише // Большая советская энциклопедия. — Т. 12. — М., 1973. — С. 320.
- Криптография // Большая советская энциклопедия. — Т. 13. — М., 1973. — С. 434.
- Кульминативная функция // Большая советская энциклопедия. — Т. 13. — М., 1973. — С. 592. — Б. п.
- П. А. Лавров // Большая советская энциклопедия. — Т. 14. — М., 1973. — С. 91. — Б. п.
- В. И. Чернышев // Краткая литературная энциклопедия. — Т. 8. — М., 1973. — С. 464.
- Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Вопр. языкознания. — 1973. — № 5. — С. 24—35. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1974

- Опыт формального членения новеллы // Материалы всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам, I. — Тарту, 1974. — С. 201—209.
- Проблемы синтагматической фонологии в свете фонетической типологии языков // Вопр. языкознания. — 1974. — № 4. — С. 57—70.
- В. Матезиус // Большая советская энциклопедия. — Т. 15. — М., 1974. — С. 467.
- Междометие // Большая советская энциклопедия. — Т. 15. — М., 1974. — С. 591. — Б. п.
- Метатеза // Большая советская энциклопедия. — Т. 16. — М., 1974. — С. 144.
- Наклонение // Большая советская энциклопедия. — Т. 17. — М., 1974. — С. 222. — Б. п.
- Наречие // Большая советская энциклопедия. — Т. 17. — М., 1974. — С. 250.
- Местоимение // Большая советская энциклопедия. — Т. 16. — М., 1974. — С. 109—110. — В соавт. с Е. В. Падучевой.

1975

- Иерархические отношения согласных в синтагматике // Лингво-типологические исследования. — Ч. 2. — М., 1975. — С. 70—149.
- Первый всесоюзный симпозиум по вторичным моделирующим системам // Русская филология: Сб. студ. работ. — Тарту, 1975. — С. 123—151. — В соавт. с М. Ю. Лотманом и др.

- Типологические аспекты диглоссии // *Soomi-Ugri rahvad ja idamaad. Orientalistikakabineti teaduslik konverents 12—14.XI.1975.* — Tartu, 1975. — С. 77—83. — В соавт. с Б. А. Успенским.
- L'Opposition entre le centre et la peripherie et les universaux linguistiques // *Proceedings of the 11th International Congress of Linguists.* — Vol. II. — Bologna, 1975. — P. 257—267. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1976

- Универсалии синтагматического функционирования признака звонкости. — М., 1976. — 36 с. — (Предв. публ. Ин-та рус. яз. АН СССР; Вып. 89).
- Конечные невзорванные смычные в силлабических языках // Тез. дискуссии «Типология как раздел языкознания». — М., 1976. — С. 79—82.
- Степени сравнения // Большая советская энциклопедия. — Т. 24. — М., 1976. — С. 490. — Б. п.
- Существительное // Большая советская энциклопедия. — Т. 25. — М., 1976. — С. 110—111.
- Sprachbeschreibung und sprachliche Universalien // *Theoretische Linguistik in Ost-europa.* — Tübingen, 1976. — S. 140—162. — В соавт. с Б. А. Успенским.
- [Рец. на ст.:] *Н. Т. Войтович.* К вопросу о путях развития аканья в восточно-славянских языках // *Russian Linguistics.* Vol. 3 (1976). — № 4. — С. 334—335.

1977

- Типологический анализ синтагматического функционирования признака звонкости: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. — 28 с.
- Флексия // Большая советская энциклопедия. — Т. 27. — М., 1977. — С. 490. — Б. п.
- Формообразование // Большая советская энциклопедия. — Т. 27. — М., 1977. — С. 548.
- Форма слова // Большая советская энциклопедия. — Т. 27. — М., 1977. — С. 540. — Б. п.
- Форматив // Большая советская энциклопедия. — Т. 27. — М., 1977. — С. 542. — Б. п.
- Une procédure de classification des consonnes destinée à la description de leurs combinaisons // *Computational and Mathematical Linguistics: Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics.* Pisa, 1973. — Firenze, 1977. — P. 235—253.
- Centre-Periphery Opposition and Language Universals // *Linguistics.* — 1977. — № 196. — P. 5—24. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1978

- Фрикативные согласные // Большая советская энциклопедия. — Т. 28. — М., 1978. — С. 96. — Б. п.
- Фузия // Большая советская энциклопедия. — Т. 28. — М., 1978. — С. 121. — Б. п.
- Части речи // Большая советская энциклопедия. — Т. 29. — М., 1978. — С. 30—31.
- Ютоацтекские языки // Большая советская энциклопедия. — Т. 30. — М., 1978. — С. 423—424.
- Pitch Accent Systems Versus Restricted Tone Systems // Estonian Papers in Phonetics. — Tallinn, 1978. — P. 99—101.
- Some Typological Observations Concerning Noun Compounds // Linguistics. — 1978. — № 208. — P. 5—12.
- О старообрядчестве (по поводу статьи о. Александра Шмемана) // Вестник русского христианского движения. — 1978. — № 125. — С. 98—107. — В соавт. с Б. А. Успенским; под псевд. *Н. Н.*

1979

- О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем // Вторичные моделирующие системы. — Тарту, 1979. — С. 6—14.
- О старообрядчестве (к продолжению полемики) // Вестник русского христианского движения. — 1979. — № 128. — С. 98—107. — В соавт. с Б. А. Успенским; под псевд. *Н. Н.*
- [Рец. на кн.:] *Comrie B. and Stone G. The Russian Language Since the Revolution.* Oxford, 1978 // *Russian Linguistics.* — Vol. 5 (1980). — № 2. — P. 181—190.

1980

- Очерки по синтагматической фонологии. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 256 с.

1981

- Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века // Семиотика культуры: Тр. по знаковым системам. Вып. 13. — Тарту, 1981. — С. 56—91. — (Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т; Вып. 546).
- Описание языка и языковые универсалии // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. — М., 1981. — С. 3—28. — В соавт. с Б. А. Успенским.

[Рец. на сб.:] Русские говоры. М., 1975 // *Russian Linguistics*. — Vol. 6 (1981). — № 1. — P. 151—161.

[Рец. на сб.:] *Russian Orthodoxy under the Old Regime*. Minneapolis, 1978 // *Ostkirchliche Studien*. 1981. — Bd. 31, Hft 2/3. — S. 188—195.

1982

«Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // *Художественный язык средневековья*. — М., 1982. — С. 108—127.

Margeretiana renovata: Исправления и дополнения к ст. Д. С. Ворта «The French Captain's Russian» // *Russian Linguistics*. — Vol. 6 (1982). — № 3. — С. 335—351.

Влияние и система культуры: проблема традиций в иконоборческих спорах // *Finitis duodecim lustris*: Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Таллин, 1982. — С. 66—69.

1983

Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века: О кн. *G. Kotošixin*. *O Rossii v carstvovanije Alekseja Mixajloviča* / Ed. by A. E. Pennington. Oxford, 1980 // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. — Vol. 28 (1983). — P. 149—180. — В соавт. с Б. А. Успенским.

Zur Spezifik des Barock in Russland. Das Verfahren der Äquivokation in der russischen Poesie des 18. Jahrhunderts // *Slavische Barockliteratur: Gedankenschrift für Dmitrij Tschizewskij* / Hrsg. von R. Lachmann. — München, 1983. — S. 25—56. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1984

Лингвистическое благочестие в первой половине XIX века: Из истории размножения литературных языков в послепетровскую эпоху // *Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag*. — Wien, 1984. — S. 363—395. — (*Wiener Slavistisches Almanach*; Bd. 13).

Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века // *Russian Linguistics*. — Vol. 8 (1984). — № 3. — С. 251—293.

Семиотика // *Энциклопедический словарь юного филолога*. — М., 1984. — С. 265—269.

Универсалии // *Энциклопедический словарь юного филолога*. — М., 1984. — С. 315—317.

Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // *Античность и культура в искусстве последующих веков*. —

М., 1984. — С. 204—285. — (Гос. музей изобразительных искусств. Материалы науч. конф. 1982). — В соавт. с Б. А. Успенским.

Оппозиция рефлексов *е и *ё в книжном произношении и историческая диалектология // Собрание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). Ужгород, 18—20 сентября 1984 г.: Тез. докл. и сообщ. — М., 1984. — Т. 2. — С. 217—218. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1985

Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Сов. славяноведение. — 1985. — № 3. — С. 70—85.

[Рец. на кн.:] *Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X* / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1985. — Т. 44, № 3. — С. 274—278.

1986

Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Труды по знаковым системам. — Вып. 19. — Тарту, 1986. — С. 54—67. — (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 720).

Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // *Russian Linguistics*. — Vol. 10 (1986). № 3. — С. 291—306.

Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1986. — Т. 45, № 3. — С. 246—260.

Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О кн. *D. S. Worth. The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian Philology before the Advent of Printed Grammars*. Columbus, 1983 // *Russian Linguistics*. — Vol. 10 (1986). № 1. — С. 73—113.

Богатство русского языка в концепции Ломоносова, его современников и последователей // М. В. Ломоносов и русская культура: Тез. докл. конф., посвящ. 275-летию со дня рожд. М. В. Ломоносова. — Тарту, 1986. — С. 79—82.

[Выступления по докладам П. Филковой и К. Зеемана] // IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Материалы дискуссии. Языковедение. — Киев, 1986. — С. 53—54, 77.

History // *Encyclopedic Dictionary of Semiotics* / Ed. by T. A. Sebeok. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1986. — Т. 1. — P. 309—311.

- Structural Linguistics and Semiotics // Encyclopedic Dictionary of Semiotics / Ed. by T. A. Sebeok. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1986. — Vol. 2. — P. 984—986.
- Špet, Gustav Gustavovič // Encyclopedic Dictionary of Semiotics / Ed. by T. A. Sebeok. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1986. — Т. 2. — P. 971—972.
- Grammatica sub specie theologiae: Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI—XVIII веков // Russian Linguistics. — Vol. 10 (1986). № 3. — С. 259—279. — В соавт. с Б. А. Успенским.

1987

- Проблемы формирования русского извода церковнославянского языка на начальном этапе // Вопр. языкознания. — 1987. — № 1. — С. 46—65.
- The Mystagoga of Maximus the Confessor and the Development of the Byzantine Theory of Image // St. Vladimir's Theological Quarterly. — Vol. 31 (1987). — № 4. — P. 349—376.
- Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. — М., 1987. — С. 47—153. — В соавт. с Б. А. Успенским.
- Zur Problematik und Spezifik des russischen Klassizismus: die Oden des Vasilij Majkov // Zeitschrift für slavische Philologie. — Bd. XLVII (1987), Hft 2. — S. 234—288. — В соавт. с И. Кляйном.

1988

- История русского права как лингво-семиотическая проблема // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. — Columbus, Ohio, 1988. — С. 46—128.
- Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. — М., 1988. — С. 49—98.
- Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // Russian Linguistics. — Vol. 12 (1988). — № 1. — С. 3—47.
- Логика как проблема истории. I—II // Семиотика культуры: Тез. докл. все-союз. школы-семинара по семиотике культуры. 8—18 сентября 1988, Архангельск. — Архангельск, 1988. — С. 13—18.
- Актуальные проблемы истории русской риторической традиции (по поводу издания поэтики Ф. Кветницкого) // Сов. славяноведение. — 1988. — № 2. — С. 94—99.
- Веги русской духовности: вершины и надрывы // Символ. — Вып. 20. — Париж, 1988. — С. 10—17.

- Выступление в ходе круглого стола, посвященного 1000-летию Крещения Руси // Сов. славяноведение. — 1988. — № 6. — С. 36—39.
- Иконоборческие споры и мнемотехническая традиция античной школы // Семиотика культуры: Тез. докл. всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры. 8—18 сентября 1988, Архангельск. — Архангельск, 1988. — С. 76—78.
- [Рец. на кн.:] В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986 // Вопр. языкознания. — 1988. — № 4. — С. 145—156.

1989

- Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция = Le siècle des lumières. Russie. France: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения — 1987». — Вып. 20. — М., 1989. — С. 141—165.
- Значение орфографических правил в формировании русского извода церковнославянского языка // История русского литературного языка старшей поры: основные проблемы и перспективы исследования: Тез. докл. — М., 1989. — С. 38—40.
- Геден Криновский // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1989. — С. 321. — (Богословские труды; Вып. 29). — Б. п.
- Книжная справа в России // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1989. — С. 324—326. — (Богословские труды; Вып. 29). — Б. п.
- Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1989. — С. 335 — (Богословские труды; Вып. 29). — Б. п.
- Стефан Яворский // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1989. — С. 335—336. — (Богословские труды; Вып. 29). — Б. п.
- [Рец. на сб.:] *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*. Roma, 1986. Vol. 1—2 // Вопр. языкознания. — 1989. — № 2. — С. 136—141.

1990

- Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. — М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. — 272 с.
- Проблемы формирования русского литературного языка нового типа в Петровскую и послепетровскую эпоху // Закономерности языковой эволюции: Тез. докл. — Рига, 1990. — С. 193—194.

- «Простота» языка и ее реализации: о языке книги «Статир» (1683—1684 гг.) // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику, XXXIII (1990): Посвећено професору др Александру Младеновићу поводом 60-годишњице живота. — Нови Сад, 1990. — С. 141—154.
- Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Festschrift L'ubomir Āurovič zum 65. Geburtstag. — Wien, 1990. — С. 451—469. — (Wiener Slavistisches Almanach; Bd. 25/26).
- Существительное // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 499—500.
- Формообразование // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 558.
- Части речи // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 578.
- Устав св. Владимира // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1990. — С. 332—333. — (Богословские труды; Вып. 30). — Б. п.
- Устав кн. Ярослава // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1990. — С. 333—334. — (Богословские труды; Вып. 30). — Б. п.
- Уставная грамота кн. Ростислава // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1990. — С. 333. — (Богословские труды; Вып. 30). — Б. п.
- Уставная грамота кн. Святослава // Материалы к Богословско-церковному словарю. — М., 1990. — С. 333. — (Богословские труды; Вып. 30). — Б. п.

1991

- Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // XVIII Междунар. конгресс византистов: Резюме сообщ. — Т. 2. — М., 1991. — С. 1275—1276.
- Космологические утопии как подтекст в «Стихах о неизвестном солдате» О. Мандельштама // Осип Мандельштам: К 100-летию со дня рождения: Поэтика и текстология: Материалы науч. конф. 27—29 декабря 1991 г. — М., 1991. — С. 74—78.
- Стихотворные переложения Псалтыри в истории русской литературы и духовности XVIII века // История и культура: Тезисы. — М., 1991. — С. 84—86.
- [Рец. на кн.:] Vasilij Kirillovič Trediakovskij Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. LXXXIV + 663 S. (Biblia Slavica / Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe unter Mitarbeit von F. Scholz. Serie III: Ostslavische Bibeln. Bd. 4: Russische Psalmenübersetzungen. b: Vasilij Kirillovič

Trediakovskij) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1991. — Т. 50, № 6. — С. 551—555.

1992

- Из истории русской грамматики: итеративы и имперфективы в структуре глагольной парадигмы // Доломоносковский период русского литературного языка = The Pre-Lomonosov Period of the Russian Literary Language: (Материалы конф. на Фагеруде, 20—25 мая 1989 г.). — Stockholm, 1992. — С. 247—270. — (Slavica Suecana; Vol. 1).
- Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920—1930-х годов («Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама) // Сб. ст. к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Тарту, 1992. — С. 411—434.
- Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // Русская духовная культура / Под ред. Л. Магаротто и Д. Рицци. — Тренто, 1992. — С. 71—125. — (Dipartimento di storia della civiltà europea. Testi e ricerche; № 11).
- Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Проблемы синтеза культур: Тез. докл. — Севастополь, 1992. — С. 5—6.
- Как вращается «Красное колесо». — Новый мир. — 1992. — № 3. — С. 246—249.
- О сомнительном и недостоверном в историософии Н. А. Бердяева // Новый мир. — 1992. — № 10. — С. 216—221.
- Лингвистические теории и языковая практика в истории русского литературного языка XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992.

1993

- Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // Православие и культура (Украинское православное братство святых Кирилла и Мефодия, Киев). — 1993. — № 2. — С. 20—27.
- Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XVI—XVII вв. // Славянское языкознание: XI Междунар. съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г.: Докл. рос. делегации. — М., 1993. — С. 106—121.
- Двоеверие и особый характер русской культурной истории // Philologia slavica: К 70-летию акад. Н. И. Толстого. — М., 1993. — С. 50—59.
- К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века // Jews and Slavs. — Vol. 1 / Ed. by W. Moskovich, S. Shvarzband and A. Alekseev. — Jerusalem; St. Petersburg, 1993. — С. 132—160.

Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII века: характер вариативности и обуславливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти проф. Г. А. Хабургаева. — М., 1993. — С. 93—110.

О церковно-славянском языке // Рус. словесность. — 1993. — № 2. — С. 31—36.

1994

Святость: Краткий словарь агиографических терминов. — М.: Гнозис, 1994. — 112 с.

Византия и Древняя Русь: Диалог культур // Диалог культур: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения—1992». — Вып. XXV. — М., 1994. — С. 39—53.

Церковнославянская литературная традиция в русской литературе XVIII века и рецепция спора древних и новых // История культуры и поэтика. — М., 1994. — С. 62—82.

Традиция и инновации в узусе письменного языка // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: Проблема динамики нормы: Тез. докл. междунар. науч. конф. Москва, 24—26 мая 1994 г. — М., 1994. — С. 10—12.

La doppia fede e il particolare carattere della storia della cultura russa // Intersezioni. Revista di storia delle idee. — Anno XIV, № 1, aprile 1994. — P. 95—103.

Johann Ernst Glück. Grammatik der russischen Sprache (1704): Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen. — Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994. — 402 с. — В соавт. с Г. Кайпертом и Б. А. Успенским.

1995

Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // The Language and Verse of Russia // In Honor of D. S. Worth / Ed. by H. Birnbaum and M. Flier. — М., 1995. — С. 291—303.

Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Ricerche slavistiche. — Vol. XLII (1995). — С. 3—48. — (Cultura letteraria medievale slava fra Bizanzio e Roma: prospettive di ricerca. Atti del Convegno di Castel Ivano, 24—25 settembre 1993).

Светский и духовный литературный язык в России XVIII века: взаимодействие и взаимоотталкивание // Russica Romana. — Vol. II (1995). — С. 65—81.

Usus scribendi: Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. — Vol. 19 (1995). — № 1. — С. 45—75.

- Gedeon Krinovskii // Dictionary of Literary Biography. — Vol. 150. Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by M. C. Levitt. — Detroit; Washington, D.C.; London: Brucoli Clark Layman, 1995. — P. 110—115.
- Gavriil Petrov // Dictionary of Literary Biography. — Vol. 150. Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by M. C. Levitt. — Detroit; Washington, D.C.; London: Brucoli Clark Layman, 1995. — P. 273—278.
- Il russo / A cura di N. Marcialis e A. Parenti. — Firenze : La Nuova Italia Editrice, 1995. — XXIV + 396 p. — (Biblioteca di cultura, 203; Lingue d'Europa, 4). — В соавт. с Л. Касаткиным и Л. Крысиным.
- [Рец. на изд.:] Vorläufiger Katalog Kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus. Aus Handschriften des 11.—16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz / Zusammengestellt von Tat'jana V. Čertorickaja unter der Redaktion von H. Miklas. Opladen, 1994. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften; Bd. 91. Patristica Slavica / Hrsg. von H. Rothe; Bd. 1). X + 795 S. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 1995. — Т. 54, № 3. — С. 85—88.

1996

- Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 591 с.
- Историческая морфология русского литературного языка XVIII века: узус, нормализация и норма // A Window on Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano 1994 / Ed. by M. Di Salvo and L. Hughes. — Roma: La Fenice Edizioni, 1996. — С. 285—292.
- Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. — Т. 3 (XVII — начало XVIII века). — М.: Языки рус. культуры, 1996. — С. 528—583.
- О церковно-славянском языке // А. Кравецкий, А. Плетнева. Церковно-славянский язык. — М.: Просвещение, 1996. — С. 12—23.
- Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. — М.: Индрик, 1996. — С. 178—202.
- Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. — Т. 3 (XVII — начало XVIII века). — М.: Языки рус. культуры, 1996. — С. 460—485.
- Скопцы в русской культуре: По поводу кн. N. Volkov. La secte russe des castrates. Traduit du russe par Z. Andreyev. Précédé de Communistes contre castrats

(1929—1930) par C. S. Ingerflom. Paris: Les Belles lettres, 1995. LXIII + 169 p. // Новое лит. обозрение. — 1996. — № 18. — С. 396—400.

Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Из истории русской культуры. — Т. 4 (XVIII — начало XIX века). — М.: Языки рус. культуры, 1996. — С. 449—536. — В соавт. с Б. А. Успенским.

О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопр. языкознания. — 1996. — № 6. — С. 3—30. — В соавт. с Г. Кайпертом.

1997

Заметки об историческом синтаксисе русского языка (по поводу кн.: *G. Hüttl-Folter. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1996. 319 S.) // Вопр. языкознания. — 1997. — № 4. — С. 58—69.

Памятники письменности древнерусского языка // Русский язык: Энциклопедия. — 2-е изд. — М.: Большая рос. энцикл., 1997. — С. 322—324.

Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое лит. обозрение. — 1997. — № 25. — С. 24—83.

Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // Вопр. языкознания. — 1997. — № 3. — С. 3—14. — В соавт. с А. Тимберлейком.

Юродство — в Византии и других землях // Новое лит. обозрение. — 1997. — № 24. — С. 390—396. — Рец. на кн.: *С. А. Иванов. Византийское юродство.* М.: Междунар. отношения, 1994. 235 с.

1998

Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998 г.: Докл. рос. делегации. — М.: Наука, 1998. — С. 212—247.

Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. — Т. 2. — М.: Индрик, 1998. — С. 321—337.

Church Reforms in the Reign of Peter the Great // *Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives: Proceedings of an International Workshop, held at the Villa Feltrinelli, Gargnano, Italy, 17—20 September 1997* / Ed. by A. Cross. — Pt. 1. — Cambridge, 1998. — P. 65—78. — (Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter).

1999

- Въ плѣну у ангеловъ, на дикомъ брегѣ — ахъ! // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. — М.: ОГИ, 1999. — С. 777—791.
- К истории форм 2 лица ед. числа презенса (о неоднородности элементов языка и ее исторических импликациях) // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. — С. 181—202.
- Иван Сусанин и Петр Великий: О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое лит. обозрение. — 1999. — № 38(4). — С. 51—65.
- Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. — М.: Индрик, 1998. — С. 955—975.
- О превратностях истории или о незавершенности исторических парадигм // Россия = Russia. — 1999. № 3. Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XIX века. — С. 245—260.
- Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятие как предмет истории русской культуры» (Москва — Венеция, 1998) // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 2 (4). — С. 48—55.
- Первый литературный язык славян // Ricerche slavistiche. — XLV—XLVI (1998—1999). — С. 99—136.

2000

- Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // *Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка.* — М.: Языки рус. культуры, 2000. — С. VII—XXXVI.
- Воплощенная укоризна, или О благородном убожестве // Неприкосновенный запас. — 2000. — № 2 (10). — С. 46—51.
- Фоменко, утешитель обманутых вкладчиков // Итоги. — 2000. — № 35(221). — С. 40—41. — В соавт. с С. А. Ивановым.
- Царапины на церах: Древнейший — из всех известных на сегодня — книжный славянский текст найден в Новгороде этим летом // Итоги. — 2000. — № 38(224). — С. 62—66. — В соавт. с С. А. Ивановым.
- [Рец. на кн.:] Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrsg. von Helmut Jachnow. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999 // Вопр. языкознания. — 2000. — № 5. — С. 122—137. — В соавт. с Е. А. Земской и Л. П. Крысиным.

2001

- [Вступит. ст. и ред.] Восемнадцатый век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // *Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской литературы XVIII века.* — М.: Языки рус. культуры, 2001. — С. 7—35.
- Заметки о византийской культуре в России раннего Нового времени: По поводу кн.: *Olga B. Strakhov. The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620—1705).* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1998. (Bausteine zur slavische Philologie und Kulturgeschichte: Reihe A, Slavistische Forschungen; N. F. Bd. 26). 349 p. // *Russia mediaevalis.* — Т. X, 1. — München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. — P. 325—344.
- О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки рус. культуры, 2001. — С. 573—581.
- Формирование норм русского литературного языка нового типа и их предыстория // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Ed. by J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje.* — Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2001. — С. 377—398.
- Российское общество и его научные институты (диалогические замечания к статье Михаила Ямпольского) // *Новое лит. обозрение.* — 2001. — № 52. — С. 106—114.
- Что делать с Фуко, занимаясь русской историей? // *Новое лит. обозрение.* — 2001. — № 49. — С. 85—87.

2002

- Разыскания в области истории и предыстории русской культуры: Сб. ст. — М.: Языки слав. культуры, 2002. — 760 с.
- Литературный язык и язык литературы в России XVIII века // *Russian Literature.* — LII (2002). — P. 1—53. — (Special Issue. 18th Century Russian Literature).
- Формы инфинитива в Житии протопопа Аввакума // *Russica Romana.* — IX (2002). In ricordo di M. Colucci — II. — С. 277—293.
- Науката като калфа на духа // *Вестник литературен (София).* — Год. 12[2002]. — № 6. — С. 14.
- Двуглавый орел в диалоге с литературой // *Новый мир.* — 2002. — № 2. — С. 174—183. — Рец. на кн.: *А. Л. Зорин. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века.* — М.: Новое лит. обозрение, 2001. — 416 с.

2003

- Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы междунар. конф. Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г. / Под ред. В. Л. Янина. — М.: Индрик, 2003. — С. 284—295.
- ХОУ-ТЬ-И:** Об идеосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов // *Rusistika · Slavistika · Lingvistika: Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Sebastian Kempgen, Ulrich Schweier und Tilman Berger.* — München: Otto Sagner, 2003. — С. 320—329. — (Die Welt der Slaven; Sammelbände. Bd. 19).
- The Problem of Church Jurisdiction in Russian-Ukrainian Relations (Seventeenth and Early Eighteenth Centuries // *Culture, Nation, and Identity: the Ukrainian-Russian Encounter (1600—1945) / Ed. by A. Kappeler, Z. E. Kohut, F. E. Synyn, M. von Hagen.* — Edmonton; Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. — P. 1—18.

2004

- Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. — М.: Новое лит. обозрение, 2004. — 360 с.
- Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. — М.: Языки слав. культуры, 2004. — 655 с.
- Время и его собственник в России на пути от царства к империи // Человек между Царством и Империей: Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. М. С. Киселевой. — М.: Ин-т человека РАН, 2003. — С. 18—26.
- Заметки о времени и досуге // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки слав. культуры, 2004. — С. 744—754.
- Об исторической науке у Карла Гинзбурга // Новое лит. обозрение. — 2004. — № 65. — С. 6—10.
- Улики подлинности и улики поддельности: По поводу кн. *Edward L. Keenan. Josef Dobrovský and the Origins of the Igor' Tale.* Cambridge, Mass.: Distributed by Harvard Univ. Press, 2003. xxiii + 541 p. // Рус. яз. в науч. освещении. — 2004. — № 8. — С. 238—265.
- Формирование языкового стандарта в России: особенности начального этапа // Резюме на докладе от международной конференции «Стандарт и субстандарт — диахронни и синхронни аспекти». Варна — Шумен, 15—19.09.2004. — Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. — С. 13—14.

- Два пространства русского средневековья и их позднейшие метаморфозы // Отечественные записки. — 2004. — № 5(20). — С. 8—27.
- Чего не может фальсификатор // Отечественные записки. — 2004. — № 4(19). — С. 345—349. — Рец. на кн.: А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Языки слав. культуры, 2004. 352 с.
- [Рец. на кн.:] Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission: Verlag C. H. Beck, 2002. — 219 S. (Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen; N. F. Hft. 121) // Вопр. языкознания. — 2004. — № 1. — С. 145—151.

2005

- Апология Герцена в феноменологическом исполнении («Философское мировоззрение Герцена» Г. Г. Шпета) // Новое лит. обозрение. 2005. — № 71. — С. 166—174.
- Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В. Н. Топорова. — М.: Языки слав. культур, 2005. — С. 720—734.
- Наука выживания и выживание науки // Новое лит. обозрение. 2005. — № 74. — С. 25—33.
- Язык и революция: Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — С. 175—200.
- К проблематике и специфике русского классицизма: Оды Василия Майкова // И. Клейн. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. — М.: Языки слав. культуры, 2005. — С. 393—445. — В соавт. с И. Клейном.
- О лингвистических трудах А. А. Зализняка: (К семидесятилетию со дня рождения) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 2005. — Т. 64, № 3. — С. 3—12. — В соавт. с В. А. Плунгяном.

2006

- Восточнославянское правописание XI—XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Совершенный словоиспытатель: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова // Новое лит. обозрение. — 2006. — № 77. — С. 28—35.